В монографии представлена попытка аналитического изучения опыта профессионального развития личности, сконцентрированного в наследии одного из наиболее ярких педагогов-реформаторов XX века – Антона Макаренко. В основу информационной концепции книги положено обобщение большого количества малоизвестных и открытых автором архивных источников, материалов периодики 1920–1930-х годов, воспоминаний соратников и воспитанников А. С. Макаренко, исследований украинских и зарубежных макаренковедов, текст иллюстрирован редкими фотографиями. Издание может быть интересно ученым, преподавателям, студентам, учителям, руководителям просвещения и всем, кто непредвзято стремится постичь вклад в мировую культуру выдающегося педагога-писателя.

Ткаченко Андрей Владимирович. Доктор педагогических наук, профессор Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко (Украина), вице-президент Международной макаренковской ассоциации. Автор 170 научных публикаций по проблемам макаренковедения и педагогического мастерства (Украина, Россия, Италия, Словакия, Польша).

978-620-2-06257-2

Воспитательная система

Ткаченко

Андрей Владимирович Ткаченко

Антон Макаренко: в ответе за будущих профессионалов

Почти забытый аспект наследия выдающегося педагога

LAP LAMBERT Academic Publishing

Андрей Владимирович Ткаченко

Антон Макаренко: в ответе за будущих профессионалов

Андрей Владимирович Ткаченко

Антон Макаренко: в ответе за будущих профессионалов

Почти забытый аспект наследия выдающегося педагога

LAP LAMBERT Academic Publishing RU

Imprint
Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:
LAP LAMBERT Academic Publishing
is a trademark of
International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group
17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page
ISBN: 978-620-2-06257-2

Copyright © Андрей Владимирович Ткаченко
Copyright © 2018 International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group
All rights reserved. Beau Bassin 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений 3
Вступление 9

Глава 1. Трудовая колония имени М. Горького: создание профессиональной микросреды как форма педагогической организации детского учреждения (1920–1928 гг.) 19
1.1. Административный и социальный контекст деятельности трудовой колонии имени М. Горького 20
1.2. Идейная полемика вокруг инновационной практики А. С. Макаренко 40
1.3. Материальные и кадровые основы формирования профессиональной микросреды Горьковской колонии 83
1.4. Педагогическая стратегия А. С. Макаренко в организации близкой и дальней профессиональной перспективы воспитанников 111
1.5. Колония имени М. Горького в условиях государственной практики профессионального образования и трудоустройства выпускников интернатных учреждений 124

Глава 2. Распространение макаренковских инициатив в контексте реализации идеи трудового детского корпуса Харковского округа (1927–1928 гг.) 159
2.1. Идея А. С. Макаренко о массовом перевоспитании беспризорных и история ее реализации 159
2.2. Попытки педагогической экстраполяции производственного и профессиогенетического опыта колонии имени М. Горького 212

Глава 3. Детская трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского как профессионально-воспитательное учреждение инновационного типа (1927–1935 гг.) 223
3.1. Общие черты административно-хозяйственной и педагогической деятельности А. С. Макаренко в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского 223
3.2. Образовательный потенциал инновационного учреждения 256
3.3. Эволюция академического компонента профессионального развития воспитанников коммуны 341
3.4. Индустриальный прогресс учреждения и производственное обучение коммунаров в реализации операционально-технической составляющей их профессионального развития 404
3.4.1. Динамика промышленного потенциала коммуны 404
3.4.2. Производственное обучение коммунаров 446
3.5. Профессиональное воспитание в практике коммуны имени Ф. Э. Дзержинского 472
3.6. Профориентация, трудоустройство и поддержка профессионального самоопределения коммунаров 523
Выводы 565
Именной указатель 573
Список источников 587
Приложение 647

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПН	–	Академия педагогических наук
АХУ	–	Административно-хозяйственное управление НКВД
ВКП(б)	–	Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	–	Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
Востизжелдор	–	Восточно-Сибирская экспедиция технических поисков
ВСНХ	–	Высший совет народного хозяйства
вуз	–	высшее учебное заведение
ВУФКУ	–	Всеукраинское фотокиноуправление
ВУЦИК, Всеукраинский ЦИК	–	Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет
ГАХО	–	Государственный архив Харьковской области
ГДР	–	Германская Демократическая Республика
Главпрофобр НКП, Главпрофобр	–	Главное управление профессионального образования Народного комиссариата просвещения УССР
Главсоцвос НКП	–	Главное управление социального воспитания Народного комиссариата просвещения
ГПУ	–	Государственное политическое управление

губнаробраз	–	губернский отдел народного образования
ГФК, Госфинконтроль	–	Государственный финансовый контроль
дес.	–	десятина
детгородок	–	детский городок
детдом	–	детский дом
детколония	–	детская колония
детучреждение	–	детское учреждение
дефдетучреждения	–	учреждения дефективного детства
ДРП	–	дом рабочих подростков
ДТК	–	детская трудовая колония
ДШТК	–	детская школьно-трудовая колония
Завкол, завколонией	–	заведующий колонией
и. о.	–	исполняющий обязанности
ИОД	–	Инспекция охраны детства
Исполбюро	–	исполнительное бюро
ИТР	–	инженерно-технический работник
кв. арш.	–	квадратные аршины
КДН	–	комиссия по делам несовершеннолетних
КК-РКИ	–	Контрольная комиссия - Рабоче-крестьянская инспекция
Кожсиндикат	–	Всесоюзный кожевенный синдикат
комбед	–	комитет бедноты
КП(б)У	–	Коммунистическая партия (большевиков) Украины
ЛКСМ	–	Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ЛКСМУ, КСМУ	–	Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Украины
МВД	–	Министерство внутренних дел

Морпогранохрана ОГПУ	–	Морская пограничная охрана Объединенного государственного политического управления
Мосснабсбыт	–	Московская контора материально-технического снабжения и сбыта
Наркомпрод	–	Народный комиссариат продовольствия
НК РКИ	–	Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НКВД	–	Народный комиссариат внутренних дел
НКВМ	–	Народный комиссариат по военным и морским делам
НКП, Наркомпрос	–	Народный комиссариат просвещения УССР
ОГПУ	–	Объединенное государственное политическое управление
ОИК, Окр-И.К., окрисполком	–	окружной исполнительный комитет
ОИНО, ОКРИНО, ОкрИНО, Окрино, Окр. ИНО, Окр. Инсп. Наробраза, Окрнаробраз, наробраз	–	окружная инспектура народного образования
ОК ГПУ	–	отдел кадров Государственного политического управления
ОКПД, ОкрПД, Окрпомдет, Помдет	–	окружная комиссия помощи детям
окрплан	–	окружная плановая комиссия
окрправление	–	окружное правление
ОкрРКИ, ОКР РКИ	–	окружной отдел Рабоче-крестьянской инспекции
окружком комсомола, ОК КСМ	–	окружной комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины

ОТК	–	1) Отдел трудовых колоний; 2) отдел технического контроля
ОФО, ОкФО, ОкрФО, ФО, окрфинотдел	–	окружной финансовый отдел
помдет	–	помощь детям
профтехобразование	–	профессионально-техническое образование
профшкола	–	профессиональная школа
Рабземлес	–	профсоюз работников земли и леса
Рабпрос	–	профсоюз работников образования
рабфак	–	рабочий факультет
райком	–	районный комитет
РГАЛИ	–	Российский государственный архив литературы и искусства
РИК, Р.И.К.	–	районный исполнительный комитет
РКИ, Р.К.И.	–	Рабоче-крестьянская инспекция
РККА	–	Рабоче-крестьянская Красная Армия
Робос	–	(укр.) см. Рабпрос
РСФСР	–	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
РФ	–	Российская Федерация
Сахаротрест	–	Государственный трест сахарной промышленности
СБУ	–	Служба безопасности Украины
Секция наробраза	–	Секция народного образования
сельсовет	–	сельский совет
СМИ	–	средства массовой информации
СНК	–	Совет народных комиссаров
соцвос, соцвоспитание	–	социальное воспитание
Спиртотрест	–	Государственный трест спиртовой промышленности

СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
США	–	Соединенные Штаты Америки
ТДК, Трудкорпус	–	Трудовой детский корпус
у. г.	–	учебный год
У. К.	–	Уголовный кодекс
УДУ, Упр. Д/д.	–	Управление детскими колониями [домами] Харьковского округа
Укрснаб	–	Украинское управление снабжения
УНИИП	–	Украинский научно-исследовательский институт педагогики
УпК	–	Уголовно-процессуальный кодекс
Упрсоцвос Наркомпроса	–	Управление социального воспитания Народного комиссариата просвещения УССР
УПЧ	–	учебно-производственная часть
УССР	–	Украинская Социалистическая Советская Республика
Ухтапечлаг	–	группа лагерей НКВД СССР в районе городов Ухта, Печора и Воркута
ФБС	–	финансово-бюджетная секция
«ФД»	–	«Феликс Дзержинский»
ФЗС	–	фабрично-заводская семилетка
ФЗУ	–	школа фабрично-заводского ученичества
физкультсектор	–	сектор физической культуры
«ФЭД»	–	«Феликс Эдмундович Дзержинский»
ХГТРД	–	Харьковский государственный театр русской драмы
химпрофшкола	–	химическая профессиональная школа
ХОМП	–	Харьковский окружной отдел местной промышленности

ХТИ	–	Харьковский технологический институт
ХЦРК	–	Харьковский центральный рабочий кооператив
ХЭМЗ	–	Харьковский электромеханический завод
ЦАГИ	–	Центральный аэрогидродинамический институт
ЦБ КДД	–	Центральное бюро Коммунистического детского движения (пионеров)
ЦИТ	–	Центральный институт труда
ЦК ВКП(б)	–	Центральный комитет Всероссийской коммунистической партии (большевиков)
ЦК КП(б)У	–	Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины
ЦК ЛКСМУ	–	Центральный комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Украины
ЦКПД	–	Центральная комиссия помощи детям
шефком	–	шефский комитет
ШУМП	–	школа ученичества массовых профессий

ВСТУПЛЕНИЕ

Пройденный цивилизацией путь скрывает огромный и во многом еще не использованный профессиогенетический опыт. Если проанализировать факты прошлого под этим углом зрения, то перед нами откроется мощный пласт информации об отдельной отрасли культуры, сущность которой можно определить как историю профессионального развития человечества, то есть перманентного движения его в направлении оптимизации собственной способности к овладению миром. Иначе говоря, моделируя пути решения актуальных ныне проблем профессиональной подготовки молодежи, мы не должны забывать, насколько мощный конструктивный потенциал содержит богатая своими теоретическими и технологическими достижениями отечественная педагогическая традиция.

Особое место среди плеяды просветителей XX века, чей творческий вклад в теорию и практику трудового воспитания признан мировым сообществом, занимает выдающийся украинский педагог, талантливый самобытный писатель, яркий публицист и чрезвычайно эффективный образовательный менеджер *Антон Семенович Макаренко* (1888–1939 гг.). Несмотря на длительный научный интерес, в довольно развитой и квалифицированной макаренковедческой проблематике все же остается достаточно места для формулирования актуальных исследовательских вопросов. Одна из принципиально важных педагогических тем творческого наследия Антона Семеновича, всестороннее изучение которой давно уже стоит на повестке дня, связана с феноменом профессиогенеза человека.

Наука о А. С. Макаренко объектом своего внимания выбирала различные аспекты жизненного и творческого пути выдающегося

педагога-писателя. Аналитические оценки многих вопросов теоретического наследия Макаренко, глубинный философско-образовательный, историко-педагогический и социально-психологический контекст его творчества представили в своих работах З. Вайтц, В. Гмурман, Л. Гордин, Л. Гриценко, И. Зязюн, В. Коротов, В. Кумарин, В. Моргун, С. Невская, А. Фролов, Н. Ярмаченко [56; 91; 92; 93; 97; 99; 108; 109; 110; 111; 112; 153; 156; 178; 191; 192; 193; 194; 271; 285; 286; 288; 463; 465; 467; 484]. Важной заслугой этих ученых стало раскрытие инновационного потенциала макаренковской концепции воспитания, осовременивание опыта педагога, разработка методологии использования его педагогических идей в реформировании образовательной практики второй половины XX – начала XXI века.

Существует также ряд макаренковедческих исследований, где углубленному изучению подвергнуты некоторые важные аспекты общей проблемы профессионализма, рассматривается личность А. С. Макаренко как педагога с анализом сущности и проявлений его профессионального мастерства и профессиональной культуры, поднимаются вопросы педагогической инструментовки и педагогической техники в контексте его наследия (И. Зязюн, В. Коротов, И. Кривонос, Э. Натанзон, Нгуен Ван Тинь, Л. Пеха, М. Стельмахович, Н. Тарасевич [152; 154; 155; 177; 182; 183; 280; 284; 339; 393]). Профессиональная деятельность А. С. Макаренко как руководителя, образовательного менеджера тщательно проанализирована такими учеными, как О. Беляк, Л. Крамущенко, Н. Санникова, В. Свистун и др. [40; 180; 372; 373; 374; 375; 379]. Ученые активно используют концептуальные и технологические находки Макаренко для построения моделей профессиональной подготовки будущих руководителей.

Промышленно-хозяйственной деятельности и программам производственного обучения в руководимых Макаренко учреждениях, роли производительного труда в воспитательной системе педагога, практике экономического воспитания колонистов-горьковцев и

коммунаров-дзержинцев посвятили свои работы Т. Ахаян, Р. Бескина, М. Виноградова, Ю. Гербеев, И. Гликман, Л. Гордин, Л. Дрозд, Н. Евтух, Н. Коноплева, Ю. Крупнов, О. Мельникова, В. Моргун, Ф. Науменко, С. Невская, Н. Нежинский, М. Павлова, В. Петрова, А. Тер-Гевондян, Н. Фере, А. Фролов [24; 36; 66; 87; 90; 96; 97; 126; 127; 136; 174; 185; 264; 272; 273; 282; 288; 295; 296; 320; 338; 406; 461; 462; 464; 466] и др.

Проблемы общего, политехнического, экономического и профессионального образования в макаренковских учреждениях, а также сочетание обучения с производительным трудом освещали М. Виноградова, Л. Гордин, А. Доценко, Н. Нежинский, Н. Окса, В. Струманский [67; 68; 98; 125; 289; 291; 308; 400]. Идеи и опыт профориентационной деятельности А. С. Макаренко исследовали К. Вербовая, Е. Вольский, П. Мазур, В. Синявский, А. Хоптяр [62; 71; 210; 384; 472] и некоторые другие ученые.

Хотя организация трудовой перспективы воспитанников составляла одно из главных направлений практической деятельности и теоретических обобщений педагога, однако за более чем семьдесят лет существования макаренковедения как отдельной научной отрасли не появилось заметных попыток на широкой фактологической почве проанализировать феномен профессионального развития личности в созданных и управляемых им воспитательных коллективах. Одним из препятствий в реализации данного направления историко-педагогических исследований, на наш взгляд, является неопределенность и неразвитость источниковедческой базы.

Условно весь комплекс потенциально ценных для исследования профессиогенетического компонента педагогического наследия А. С. Макаренко источников можно разделить на несколько категорий.

Авторские тексты А. С. Макаренко. Сюда относятся, во-первых, литературные, литературно-критические и публицистические произведения педагога-писателя, в которых средствами художественного слова раскрывается общее отношение его к проблеме

профессионального развития, трудового будущего воспитанников, а также в довольно экспрессивной форме отражены особенности профессиональной позиции и мышления самого автора.

Во-вторых, большой научный интерес представляет комплекс сугубо личных документов педагога. Часть этих материалов хранится в фонде 332 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве, которые в свое время собрала и упорядочила вдова Антона Семеновича – Галина Стахиевна. Также большие собрания имеют кременчугский, ковалевский и московский педагогические мемориальные музеи, среди коллекций которых имеется несколько до сих пор неопубликованных материалов. Ряд рукописей педагога хранятся у частных лиц.

Еще одной недостаточно изученной категорией авторских текстов Макаренко являются его деловые бумаги: письма в различные административные, педагогические, профсоюзные, хозяйственные, общественные, правоохранительные, попечительские учреждения, а также разнообразные финансовые документы.

В этой категории отдельную группу составляют уставные документы спроектированного Макаренко Трудового детского корпуса Харьковского округа, позволяющие осуществить аналитическую оценку ряда проявлений его управленческого профессионализма. Главными хранилищами деловых бумаг А. С. Макаренко являются центральные архивы Украины и России.

Составленный нами реестр авторских материалов А. С. Макаренко на сегодняшний день достигает 890 единиц. Среди них самая многочисленная категория – деловые и личные письма, телеграммы, докладные записки, записки-поручения, записки-приглашения, записки-разрешения, рапорты – 542 отдельных документа; количество литературных произведений (романы, повести, пьесы, киносценарии, очерки, рассказы, рецензии, открытые письма, методические указания, авторские материалы к литературным произведениям) насчитывает 180 единиц. Кроме этого, известны 72 текста выступлений Макаренко (стенограммы, протокольные записи,

интервью), 79 разного рода служебных документов, подготовленных им лично или в соавторстве (анкеты, ведомости, доклады, журналы учета, замечания, заявления, операционные планы, опросные листы, отзывы на документы или о сотрудниках, планы, подписки, положения, послужные списки, приказы, программы, проекты, просьбы, сведения, сметы, списки, справки, удостоверения, ходатайства, штаты и пр.), 15 текстов личного характера (записные книжки, записи в альбомах, дарственные надписи, стихи, шаржи, эпиграммы, заметки на полях и т. д.). Надо отметить, что только 409 из этих текстов в более или менее измененном виде нашли место в «Педагогических сочинениях» А. С. Макаренко – авторитетном 8-томном издании Академии педагогических наук СССР 1983–1986 годов.

Вторым мощным источником изучения многих аспектов макаренковской воспитательной системы являются *фонды различного рода государственных и общественных органов*, составлявших административный контекст ее функционирования. Это, прежде всего, документы из собраний уже упомянутого РГАЛИ, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, ведомственных архивов МВД и СБУ. Украинские региональные архивные учреждения имеют достаточно интересные и многочисленные коллекции документов, в которых отражена судьба руководимых Макаренко воспитательных заведений. Деятельность с 1921 по 1926 год Полтавской трудовой колонии имени М. Горького объективно представлена в фондах Государственного архива Полтавской области, дальнейшая же ее судьба, то есть период с мая 1926 по август 1928 года, а также деятельность коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (1927–1939 гг.) прослеживается по документам Государственного архива Харьковской области. Здесь мы можем найти сведения о развитии производственных мощностей, которые, в сочетании с учебными заведениями (школой или рабфаком), создавали в колонии и коммуне оптимальные условия для начальной и последующей профессиональной подготовки воспитанников.

Чрезвычайную научную ценность представляют материалы периодической печати. Массив публикаций в средствах массовой информации о Горьковской колонии и коммуне имени Дзержинского способен существенно дополнить наши представления о роли этих учреждений в общем контексте борьбы с детской беспризорностью. Именно журналистика передает дух и пафос эпохи, в которой нашла свое место инициированная выдающимся педагогом воспитательная практика, и в то же время, именно она наиболее выпукло отражает общественные настроения вокруг яркого новаторского опыта. Кроме того, страницы украинской периодики являются ценным источником для анализа одного из важных аспектов этой системы – технологии организации личностного и профессионального будущего воспитанников. За несколько десятилетий кропотливой работы исследователей раскрыт целый массив журнальных и газетных материалов, посвященных различным аспектам деятельности Макаренко. Следует отметить, что приоритет в этих исследованиях принадлежит Марбургской лаборатории «Makarenko-Referat» и лично ее руководителю Гётцу Хиллиґу.

Заметный след макаренковский педагогический эксперимент оставил на страницах украинских газет и журналов, который, по нашим данным, на сегодня исчисляется более чем двумястами отдельными материалами. Особенно большой массив статей о Горьковской колонии и коммуне имени Дзержинского поместили газеты «Комуніст», «Пролетарий», «Вісти», «Харьковский пролетарий», «Комсомолець України», «Голос труда», «Народній учитель», «Комсомолец Донбасса» и журналы: «Октябрьские всходы», «Червоні квіти» и др. Отдельный перечень составляют публикации в российской и зарубежной прессе, а также материалы многотиражных органов коммуны – газет «Дзержинец» и «Пионер-дзержинец». Все же надо отметить, что полный объем материалов периодики и их география еще окончательно не определены и поиск в этом направлении продолжается. До сих пор отсутствовал даже

единый реестр всего обнаруженного поколениями исследователей материала.

Воспоминания сотрудников и воспитанников А. С. Макаренко образуют отдельный, достаточно многочисленный источник ценной информации. Книги и статьи Н. Фере, В. Терского, С. Калабалина, Л. Конисевича, К. Кононенко, Г. Макаренко, С. Пушникова [162; 163; 173; 361; 378; 407; 408; 414; 416; 418; 419; 422; 423; 458; 459] и многих других раскрывают содержание, средства, динамику и результативность педагогического управления процессом профессионального развития в макаренковских воспитательных учреждениях.

Опираясь на хронологический принцип изложения материала, мы предприняли попытку широкого фактологического анализа професиогенетического контекста педагогической практики А. С. Макаренко. Временные рамки исследования охватывают период деятельности Антона Семеновича в интернатных учреждениях с сентября 1920 г. (назначение его руководителем полтавского Основного детского дома № 7) до июня 1935 р. (перевод на должность помощника начальника Отдела трудовых колоний НКВД Украины). Иными словами, нас интересовал именно тот отрезок жизни педагога, когда происходило становление его как эффективного руководителя в сфере образования, реформатора социального воспитания, автора инновационной педагогической системы. Каждый из разделов монографии посвящен отдельному этапу подвижничества А. С. Макаренко и освещает главные черты его творческих поисков в возглавляемом учреждении – Полтавской-Харьковской трудовой колонии имени М. Горького, Трудовом детском корпусе Харьковского округа, Детской трудовой коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.

Особенностью данной книги является то, что процесс профессионального развития воспитанников Макаренко раскрывается на фоне хозяйственного укрепления созданных им учреждений, широкого взаимодействия с административным окружением, активной общественно-педагогической борьбы педагога-писателя за

приоритет собственной концепции воспитания – то есть, именно тех обстоятельств, без учета которых невозможен полноценный анализ поставленной проблемы.

До сих пор оставались почти не изученными те этапы жизни педагога, когда он имел реальную возможность экстраполировать свои педагогические идеи в широких масштабах отечественной практики интернатных и исправительных учреждений. В монографии тщательно проработаны обстоятельства организационно-педагогической деятельности А. С. Макаренко периода мая 1927 г. – февраля 1928 г., связанные с реализацией его идеи о массовом перевоспитания несовершеннолетних. Это время, когда делались попытки создания так называемого Трудового детского корпуса, когда педагог пытался влиять на организацию производственных частей и в известной степени на дальнейшее трудоустройство воспитанников колоний всего Харьковского округа.

Впервые в макаренковедении на широкой фактологической почве представлена «профессиональная» история уникальной по своим педагогическим достижениям харьковской трудовой коммуны имени Дзержинского. Проанализированы промышленный и образовательный потенциал учреждения, показаны пути получения коммунарами производственной квалификации, методы и формы их профессионального воспитания, поэтапно представлено становление школьной части и охарактеризован профессиональный облик педагогического состава. Особое внимание уделено вопросам профориентационной работы и организации трудоустройства выпускников.

Специфическим отличием книги является приверженность сугубо фактологическим критериям отбора материала, выступающая здесь своеобразной альтернативой таким типичным «болезням» современного макаренковедения, как поверхностное знание имевших место событий, чересчур вольное обращение с исторической информацией, идеологическая заангажированность интерпретаций,

тенденциозность в подборе фактов, некритичное отношение к мемуарным источникам и др.

Автор целиком отдает себе отчет в том, что содержание монографии может показаться читателю несколько монотонным, однако, в сущности, это лишь втиснутая в специфические рамки академического стиля история жизни яркого человеческого коллектива, детальная хроника наполненных напряжением поисков педагогической истины.

Выражаем надежду, что представленный материал пригодится прежде всего тем, кто сегодня только осваивает учительскую специальность – будущим педагогам, чьим талантом и профессиональным мастерством созидается завтрашний день отечественного образования.

* * *

Автор искренне благодарит всех, чье содействие в той или иной степени помогло формированию источниковой базы исследования: Т. В. Иванской, Ю. П. Гунько, В. А. Плисак, Ю. А. Кожедуб (Государственный архив Харьковской области), доц. Л. В. Крамущенко, доц. И. Ф. Кривоносу, проф. В. Ф. Моргуну, проф. Н. Н. Тарасевич (Полтавский национальный педагогический университет имени В. Г. Короленко), Dr. phil. habil. Г. Хиллигу (Лаборатория «Makarenko-Referat» Марбургского университета), проф. А. А. Фролову (Нижегородский государственный педагогический университет), И. Д. Токареву, Ю. И. Токареву (Нижний Новгород), доц. Т. Ф. Кораблевой (Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова), В. М. Опалихину (Челябинск), В. И. Шульге, В. М. Шульге (Музей-заповедник А. С. Макаренко в с. Ковалевка Полтавской области), Л. И. Науменко (Харьковский машиностроительный завод «ФЭД»), В. В. Морозову, Н. В. Соколовой, Р. В. Соколову (Москва), проф. М. Ф. Гетманцу (Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды), В. Г. Мохонько (Центральная научная библиотека Харьковского

национального университета имени В. Н. Каразина), А. А. Абаринову (Киев) и другим. Отдельная благодарность моей маме, Марии Тимофеевне, лингвистическое мастерство которой помогло постичь многие важные аспекты немецкоязычной макаренкианы.

Глава 1

ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО: СОЗДАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МИКРОСРЕДЫ КАК ФОРМА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (1920–1928 гг.)

В историю педагогики и образования интернатные учреждения, руководимые Антоном Семеновичем Макаренко, вошли как беспрецедентно эффективные педагогические системы. Выдающийся отечественный педагог-реформатор четко осознавал, что проблема выпуска из учреждения, а соответственно, и проблема эффективности педагогической работы последнего теснейшим образом связана с задачей дальнейшего трудоустройства воспитанников. Возможность сориентироваться и проложить свой индивидуальный успешный путь в мире профессий объективно выступала одной из главных гарантий предупреждения рецидива в поведении бывших беспризорных. Поэтому неудивительно, что во все годы социально-педагогической деятельности А. С. Макаренко осуществлял активный поиск форм адаптации подростков к содержанию и ценностям их профессионального будущего.

Мы должны помнить, что всемирно известный профессионально-образовательный успех тоже руководимой А. С. Макаренко коммуны имени Дзержинского был подготовлен прежде всего чрезвычайно напряженными, иногда даже драматическими, педагогическими поисками полтавской и харьковской детских колоний имени Максима Горького. Поэтому анализ особенностей становления профессиогенетического потенциала этого первого на пути Макаренко интернатного учреждения предусматривает рассмотрение комплекса вопросов, отражающих внешние и внутренние, положительные и

неблагоприятные факторы развития колонии. Здесь для нас особенно важными представляются административный и социальный контекст ее деятельности, кризисные события 1927–1928 гг., реализация А. С. Макаренко профессионально-образовательного потенциала руководимого учреждения в контексте общегосударственной практики профессионализации бывших беспризорных.

1.1. Административный и социальный контекст деятельности трудовой колонии имени М. Горького

На момент назначения руководителем созданной полтавским губернским отделом народного образования колонии для морально-дефективных детей, 32-летний педагог Антон Макаренко имел за плечами специальное образование, полученное на педагогических курсах при Кременчугском 4-классном городском училище и в Полтавском учительском институте, 9 лет учительской работы и 3-летний стаж управленческой деятельности.

Как известно, становление управленческого опыта А. С. Макаренко на ниве образовании происходило в три этапа: 1) работа в должности инспектора (директора) реорганизованного Крюковского железнодорожного высшего начального училища – с июля (по другим данным, с октября) 1917 г. по 10 августа 1919 г. [253, с. 58–62, 66–67, 83, 136, 184–185, 190–191]; 2) заведование полтавским начальным училищем имени Куракина, с установлением Советской власти переименованным в трудовую школу – с сентября 1919 г. по, очевидно, июнь 1920 г. [85; 275, с. 82; 471, с. 6]; 3) деятельность в Полтавском губернском отделе народного образования – примерно с июня по сентябрь 1920 г. [297, с. 32–33; 471, с. 7; 487, p. 100]. Последнее место работы оказалось для педагога своеобразным прологом к кульминационному периоду его жизни, связанному с активным поиском путей реализации ведущей педагогической идеи новой власти – концепции социального воспитания.

Хорошо известный всем со страниц «Педагогической поэмы» эпизод назначения социально активного директора трудовой школы на должность заведующего колонией для «морально-дефективных» детей, по сути, открыл одну из самых ярких страниц педагогической истории человечества. Все, что сумел осуществить А. С. Макаренко в следующие 8 лет, стало темой многочисленных научных, публицистических и художественных произведений, объектом придирчивого теоретического анализа и ожесточенной идейной полемики, причиной острых методологических коллизий. Для самого же Макаренко такой кардинальный поворот профессиональной карьеры обусловил все его будущее – и как «ведущего советского педагога», и как всемирно признанного писателя. «Что бы я ни сделал потом, – писал он в 1923 году, – начало все-таки нужно будет искать в колонии» [236, с. 16].

Воспоминания давней и близкой подруги А. С. Макаренко Елизаветы Федоровны Григорович разъясняют некоторые детали его нового назначения. Дело в том, что указанная должность была предложена губнаробразом самой Григорович, которая к тому времени уже имела многолетний опыт управления полтавским Шестым городским начальным училищем имени М. В. Остроградского [322, с. 73; 323, с. 81; 324, с. 57], но она категорически отказалась, переадресовав предложение Антону Семеновичу. Он, по ее словам, «очень заинтересовался перспективой работы с малолетними правонарушителями» [351, с. 26].

Подробно раскрытая в «Педагогической поэме» история колонии имени Максима Горького в принципиальных моментах подтверждается документами многих архивов [346; 348; 349]. После напряженного периода педагогического и экономического развития и полуголодного существования возглавляемое Макаренко учреждение привлекло к себе внимание общественных и административных кругов, попало на страницы местных и даже республиканских средств массовой информации. С 1923 г. оно становится опытно-показательным учреждением Наркомпроса УССР (НКП) [471, с. 7].

Накопленный успешный педагогический опыт дает энтузиасту-заведующему основания в 1925 году обратиться в Главное управление социального воспитания НКП с амбициозным планом значительного расширения колонии [55, с. 1–10; 500, л. 1–4]. Напряженная бюрократическая волокита в конце концов приводит к переводу полтавской колонии имени Горького под Харьков и слиянию ее с Куряжской колонией имени 7 Ноября, о чем подробнее речь пойдет дальше. Краткосрочный «харьковский» период деятельности учреждения под руководством А. С. Макаренко, как известно, завершается освобождением педагога-писателя летом 1928 года.

Становление различного рода связей колонии имени М. Горького с широким кругом общественных институтов, составлявших социальную среду ее существования, имеет свою довольно сложную историю, освещение которой помогает раскрыть некоторые обстоятельства педагогических поисков А. С. Макаренко. Не вызывает сомнений, что социальный контекст деятельности колонии во многом определял организационные основы формирования его как воспитательного учреждения. Существование в сложном и не всегда благоприятном окружении само по себе стимулировало сплочение персонала и воспитанников учреждения, укрепление единства целей и консолидации усилий для их реализации. Подобно этому и пути решения проблемы допрофессиональной и профессиональной подготовки колонистов как важные педагогические факторы в главных своих очертаниях диктовались внешними факторами.

Принимая колонию, А. С. Макаренко, очевидно, предполагал, с каким объемом и какого характера трудностей придется ему столкнуться. Будучи реалистом, он адекватно оценивал стартовые возможности своего учреждения – послевоенная разруха, экономический кризис, голод, надвигающиеся эпидемии, бандитизм и другие реалии осени 1920 года вряд ли позволяли надеяться на быстрое создание процветающей колонии. В то же время, он

рассчитывал на всестороннюю помощь местных органов власти, а также на обещанную поддержку Полтавского губнаробразa.

Интересной в этом отношении выступает позиция самой власти: с одной стороны, она не могла не быть заинтересована в улучшении общего фона относительно детской беспризорности и преступности в губернии; с другой же, зная А. С. Макаренко по предыдущей деятельностью как ответственного, инициативного и «дельного» работника, а также видя, с каким рвением и энергией он взялся за организацию воспитательного учреждения, власть переложила решение значительной части хозяйственных, финансовых, продовольственных, юридических и других проблем колонии на плечи начинающего заведующего. Свидетельством этого, например, является история освоения недвижимости имения Трепке и соперничество из-за аренды паровой мельницы, речь о котором впереди [348; 349].

Хотя в письме к областному инспектору учреждений дефективного детства НКП УССР М. Н. Котельникову в 1922 году А. С. Макаренко с горечью отмечал, что «больше всего нам приходилось бороться главным образом с губнаробразом. Когда я буду стариком, я только с ужасом буду вспоминать это кошмарное учреждение» [236, с. 11], отношения колонии с органами образования не выглядят однозначными. Разумеется, этим отношениям отводится особое место во внешних связях колонии, поскольку именно перед ними как подведомственное учреждение она отчитывалась и к ним же обращалась за помощью.

Трудно предсказать, чем закончилась бы известная история о разрешении крестьянам разбирать постройки колонии в только что полученном ею имении Трепке, который предоставила уездная ликвидационная комиссия Ковалевскому комбеду, если бы не «покровительство» губнаробразa. И в то же время этот орган задерживает финансовые средства, направляемые в колонию, присваивает стройматериалы, чем ставит колонию с наступлением зимы в крайне тяжелое положение [348, с. 132–133; 596, л. 53–54].

Аморальные иногда поступки губнаробраза, как и других руководящих органов, в отношении колонии оказалась, по нашему мнению, весомым педагогическим фактором. Отрицать или замалчивать то, что происходило на глазах воспитанников, педагогический персонал вряд ли мог. Поэтому Макаренко, как руководитель, очевидно, переживал дилемму: авторитет местной власти, или оппозиция по отношению к ней всего коллектива колонии. При этом последнее могло привести к формированию у воспитанников настороженного и подозрительного отношения к внешним институтам власти и росту коллективного нигилизма. Вполне естественно, что постоянное наблюдение колонистами формального и незаинтересованного отношения руководящих органов к их элементарным потребностям осложняло педагогическому персоналу задачу социальной реабилитации воспитанников, а также преодоление столь характерной для беспризорных черты, как отрыв от старшего поколения и противопоставление ему. Об опасности такого противопоставления Антон Семенович позже, в 1928 году, напишет в проекте операционного плана педагогической работы трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского [236, с. 139; 277, с. 8].

Не менее яркие примеры конфронтации проявляло и непосредственное социальное окружение колонии – бескрайнее «крестьянское море», у которого было достаточно причин для враждебности и недовольства [364]. Глубокий драматизм начала этих отношений лучше всего проиллюстрирован подборкой материалов о борьбе за наследство землевладельцев Трепке [593, л. 6–8; 348 с. 158–159]. Как свидетельствуют документы, от необразованной, меркантильно мыслящей крестьянской общины А. С. Макаренко меньше всего мог ждать сочувствия и понимания педагогической проблемы, стоящей перед ним, а постоянный конфликт с многочисленным окружающим населением добавлял немалой напряженности в воспитательную работу колонии. Выход со временем в определенной степени был найден в благотворной хозяйственной и культурной экспансии колонии. Сыграв, прежде

всего, педагогически оправданную роль своеобразного «этического упражнения» для воспитанников, такая стратегия колонии в конце концов заставила местное население не только примириться с ее существованием, но и, по словам самого А. С. Макаренко, завоевала большое уважение к ней, чем создала основы для формирования так называемой профессиональной макросреды учреждения.

Одним из наименее изученных аспектов в характеристике внешних контактов Полтавской колонии имени М. Горького остаются ее связи с другими учреждениями интернатного типа. Это тем более интересно, поскольку, как известно, А. С. Макаренко при анализе собственного опыта никогда не проявлял особой склонности к поиску предшественников и образцов для своей воспитательной системы. Связь с такими же детскими учреждениями, страдающими от аналогичных проблем, могла бы составить благоприятную альтернативу бюрократическому формализму чиновников, однако документы не содержат конкретных свидетельств стремления колонии имени Горького к сотрудничеству. Позже, уже в 1934 году, А. С. Макаренко все же обратил внимание на эту проблему и даже подчеркивал большую пользу общения и соревнования между интернатными учреждениями [229, с. 209].

Очевидно, в эти годы у него еще не созрела идея такого взаимодействия, или были другие мотивы. Иначе, чем объяснить тот факт, что ни в архивных материалах, ни в научном и художественном наследии А. С. Макаренко почти не упоминается Полтавская детская колония имени В. Г. Короленко? Созданная в 1919 г. Лигой спасения детей по инициативе самого Владимира Галактионовича в том же урочище Трибы по соседству с колонией имени Горького, именно она же позже стала преемницей последней в имении Трепке. При этом бросается в глаза множество организационно-педагогических параллелей в деятельности обоих учреждений [181].

В данном отношении исключением является лишь «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького», в котором А. С. Макаренко апеллирует к масштабам сельскохозяйственной

практики Будищанской и Ржавецкий детских колоний [226, с. 33]. Мы еще не знаем, какая связь существовала между ними и детищем педагога-писателя, а также отразился ли опыт их деятельности на становлении его воспитательной системы, однако факт хорошего знакомства Макаренко со спецификой этих колоний не вызывает сомнения и дополняет представление о том, на каком общем фоне воспитательной работы с беспризорными в регионе формировался новаторский путь колонии имени М. Горького. Что касается Ржавецкий детской колонии, располагавшейся в поселке Ржавец под Харьковом и которая ошибочно именовалась во всех предыдущих публикациях очерка, из-за неправильного прочтения авторского текста, «рокавецкой», то знакомство с опытом ее работы А. С. Макаренко смог продолжить позже, в период создания Трудового детского корпуса [560, л. 163–164].

Обзор внешних контактов Полтавской трудовой колонии имени М. Горького позволяет увидеть основной парадокс социальной ситуации ее развития. Он заключался в том, что, с одной стороны, среда обитания колонии по отношению к ее педагогических задачам была в целом фактором деструктивным, и если бы не самоотверженная работа и профессионализм А. С. Макаренко и его коллег, колония вряд ли обеспечила бы себе то место в истории педагогики, которое она занимает сейчас. С другой стороны, напряженность социальной ситуации как ничто другое «закаляла» педагогическую систему, создаваемую Макаренко, стимулировала поиск новых форм организации детского коллектива и воспитательной работы в нем. А основная заслуга Макаренко заключалась в том, что он сумел увидеть во всех, иногда абсурдных и драматических моментах действительности безусловную педагогическую целесообразность и поставить ее на службу основной цели.

Позже, в 1926 году, перевод из Полтавы в Харьков кардинально изменил характер административного окружения возглавляемого А. С. Макаренко учреждения, значительно расширив и уразнообразив

его, а значит, и усложнив внешне-управленческую ситуацию вокруг него. Колония имени Горького оказалась одновременно в зоне влияния целого ряда заинтересованных кругов, которые позже, в подготовительных материалах к «Педагогической поэмы», Макаренко назовет «сферами». В административный контекст ее деятельности в это время уходил ряд государственных и общественных учреждений, в той или иной степени занимавшихся вопросами борьбы с детской беспризорностью и преступностью. Взаимоотношения с ними (подчинение, отчетность, сотрудничество и т. д.) во многом определяли содержание и характер работы колонии.

Формально макаренковская колония находилось в составе учреждений окружного органа НКП УССР – инспектуры народного образования (ОИНО). Частая смена руководства этой образовательной институции не способствовала стабилизации тона его отношения к Горьковской колонии. Последовательность заведующих ОИНО в интересующий нас период, выглядит следующим образом: Т. Д. Махно (1925 г. – 1.05.1927 г.), А. П. Миколюк (1.05.1927 г. – 26.09.1927 г.), Крупко (26.09.1927 г. – 22.02.1928 г.), В. А. Пивень (22.02.1928 г. – март–апрель 1928 г.), С. Д. Стрельбицкий (март–апрель 1928 – январь 1929 г.) [231, с. 490; 487, s. 112–114, 175–178, 179–186; 515; 520, л. 76 об., 373 об.; 522, л. 100; 532, л. 6; 557, л. 23, 87]. Уровень квалификации инспекторов – главных штатных единиц инспектуры – опосредованно отражен в данных об их образовательном и профессиональном цензе: в 1925–1926 годы среди 19 работников законченное высшее образование имели лишь 5 человек, незаконченное высшее – 7, среднее – 5 и начальное – 2; при этом наличие практического педагогического стажа отмечено лишь у 12 из них [519, л. 35].

Отдельным вспомогательным органом в структуре ОИНО, занимавшимся главным образом борьбой с детской беспризорностью, выступала Инспекция охраны детства (ИОД), в задачи которой входила регистрация беспризорных с помощью специально созданного адресного стола, индивидуальная помощь детям до 16-

летнего возраста, прием посетителей по всем вопросам распределения беспризорных по дитучреждениям, стабилизация существующей сети дитучреждений интернатного типа (передача детей на патронат к крестьянам и родственникам, прикрепление для обучения к кустарям и сельскохозяйственным коммунам, контроль за работой биржи труда по заполнению заблаговременно «забронированных» вакансий воспитанниками детучреждений и пр.), реэвакуация детей на родину, периодическая перегруппировка детей по возрасту и состоянию здоровья, помощь детучреждениям интернатного типа (рационализация хозяйства и создание производственной базы, сведение мелких единиц в более мощные, налаживание работы школы, органов самоуправления и пионеров, постановка управления, подбор педагогического состава, усиление общественно-политической работы, улучшение санитарного состояния). Главными практическими формами работы ИОД, которую на протяжении 1926–1929 годов возглавлял такой известный в образовательных кругах округа человек, как Розовский, были обследования дитучреждений, проведение совещаний заведующих и завпедчастями колоний и детгородков, организация взаимопосещений и т. д. [530, л. 74–76; 560, л. 213].

Вторым влиятельным органом государственного управления колонией имени М. Горького была Окружная комиссия по делам несовершеннолетних, решавшая ряд вопросов, связанных с детскими правонарушениями, ограничением родительских прав и т. п. Председателем комиссии с 29 декабря 1926 г. по ноябрь 1927 г. работала рабо тала никто иной, как Галина Стахиивна Салько (1892–1962 гг.) – будущая жена А. С. Макаренко [448, с. 8; 565, л. 32].

Определенные инспекторские функции по отношению колонии выполняла также Секция наробраза Харьковского городского совета. Она контролировала вопросы образования, охраны детства и др. на территории Харькова. В своей структуре секция имела Комиссию соцвоса, непосредственно же вопросами детской беспризорности занималась т. н. группа помдета – постоянная рабочая группа в составе этой комиссии.

Отдельного внимания заслуживает такой влиятельный межведомственный орган по борьбе с детской беспризорностью, имевший чрезвычайно широкий круг задач, как Харьковская окружная комиссия помощи детям (ОКПД). Эта организация занималась трудоустройством беспризорных и переростков из детучреждений, розыском их родных и реэвакуацией, изъятием беспризорных с улиц, укреплением общественной самодеятельности в обществе «Друзья детей», выдачей индивидуальной помощи, орагнизацией работы детского адресного стола, обследованием беспризорности в городе, обеспечением «проточности» детей в дитучреждениях и т. п. В структуре ОКПД существовал ряд торговых и игровых прибыльных предприятий как дополнительных источников пополнения ее бюджета. Кроме штатных работников (председатель, заместитель председателя, секретарь), полный состав ОКПД включал представителей большинства окружных учреждений. Главным руководящим органом ОКПД выступал ежемесячный пленум, между пленумами все рабочие вопросы решались на еженедельных заседаниях Президиума ОКПД, в который входили: председатель ОКПД, заместитель председателя, секретарь, представители инспектуры здравоохранения, ОИНО, горсовета и правления общества «Друзья детей». Отдельные мелкие вопросы решала Рабочая тройка ОКПД. Организация имела достаточно мощный бюджет, который, например, в 1927–1928 операционном году составлял: прибыль – 934 051 руб., расход – 1 623 373 руб., дефицит – 689 322 руб. Должность председателя Харьковской ОКПД в течение 1926–1928 гг. последовательно занимали С. Е. Тарапата, М. Я. Сухарев, Е. И. Шелудько [525, л. 5; 527, л. 427; 560, л. 238–245; 563, л. 87].

Главной региональной общественной организацией защиты детства выступало образованное в октябре 1926 г. Харьковское окружное правление всеукраинского добровольного общества «Друзья детей». Своими задачами общество считало: профилактику беспризорности; культурное шефство над детскими учреждениями;

предоставление широкой медицинской, педагогической, юридической и другой помощи детям в возрасте до 15 лет; передачу детей на патронат и устройство их на рабфаки, установление опеки, организацию производственных мастерских, артелей, общежитий и клубов для подростков; проведение агитационной работы и т. д. Правлеие активно включалось в организованные ОКПД Месячники помощи детям, под эгидой которых проводило спектакли, собрания, диспуты и др. [558, л. 214; 560, л. 142].

Кроме постоянных, иногда создавались временные органы помощи детям. Например, в апреле–мае 1926 гг. работала Комиссия президиума Харьковского окрисполкома (ОИК) по борьбе с детской беспризорностью под председательством заместителя председателя ОИК С. И. Канторовича. В ее состав входили представители НКП, ОИНО, ОКПД и др. Комиссия имела целью координацию усилий различных заинтересованных ведомств по ликвидации детской беспризорности на территории Харьковского округа [538, л. 147, 150, 152–153 об., 155–155 об.].

С первых дней работы на Харьковщине Макаренко начинает создавать материальные основы для полноценного трудового воспитания, ради чего он, прежде всего, осваивает новую территорию колонии, выискивая любые, даже достаточно неожиданные ресурсы. Отголоски этого мы находим как на страницах «Педагогической поэмы», так и во многих архивных фондах.

Типичным примером административной активности А. С. Макаренко данного периода является борьба с местной церковной общиной. Обстоятельства этого дела характеризуют прежде всего управленческую и хозяйственную позицию педагога как руководителя образовательного учреждения, дают понять его главные приоритеты; они представляют нам его и как энергичного администратора, настойчивого и бескомпромиссного в достижении поставленных целей.

С переездом в Куряж колония имени М. Горького оказывается в центре не только административного, но и общественного внимания,

что особенно сказалось на отношении к ней средств массовой информации. Осмысление своего педагогического опыта, которое началось еще в последние полтавские годы побудило, очевидно, Макаренко и к активным действиям в направлении популяризации такового, а сотрудничество со СМИ, как ничто другое, должно было этому способствовать.

С самого начала пресса выполняла важнейшую функцию в становлении макаренковского опыта: делая жизнь колонии явлением в достаточной мере публичным, она неизбежно формировала устойчивое общественное мнение вокруг нее, создавала определенный стереотип, в том числе в кругах, от которых тем или иным образом зависело благосостояние учреждения. И чем позитивнее становилось отношение к колонии Горького, тем более твердую опору находил А. С. Макаренко в борьбе за собственные принципы трудового и профессионального воспитания. В самом же коллективе колонии растущая с каждым годом и хорошо ощущавшаяся популярность была мощным воспитательным фактором, неизбежно вызывавшим гордость и создававшим непреодолимую притягательность всех атрибутов этого коллектива для каждого его члена. В то же время, ухудшение общей тональности прессы после инспекторских проверок колонии в 1927–1928 гг. существенно осложнило положение Макаренко и как педагогического деятеля, и как человека.

Мы поставили целью детализировать поиски и систематизировать весь массив сообщений, так или иначе касающихся руководимой А. С. Макаренко колонии, в отечественных информационных средствах 1920-х годов. Собранные ранее сведения, а также новые находки позволили упорядочить различные по характеру материалы, среди которых подписанные и анонимные статьи (в том числе и самого Макаренко), короткие сообщения и упоминания о колонии в интервале времени с 1922 г. – момента появления ее на страницах прессы – по июль 1928 г., то есть в пределах чисто «макаренковского» этапа ее развития [1, 2; 3, 19; 20; 21; 26; 27; 28; 29; 34; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 49; 52; 53; 58; 59; 60; 61;

63; 64; 70; 72; 74; 77; 78; 86; 89; 101; 103; 104; 105; 106; 113; 117; 119; 120; 128; 129; 130; 132; 133; 137; 138; 140; 141; 143; 144; 145; 146; 148; 151; 158; 161; 171; 195; 197; 202; 203; 204; 205; 211; 224; 226; 229, с. 92; 236, с. 129–132; 247, с. 279; 255; 257; 258, с. 61–67; 260; 265; 268; 269; 270; 294; 299; 302; 303; 304; 305; 309; 310; 313; 314; 316; 325; 334; 337; 341; 342; 344; 345; 358; 362; 364; 376; 377; 380; 385; 388; 389; 390; 395; 398; 399; 402; 424; 447; 451; 456; 460; 473; 475; 476]. Для иллюстрации ежегодной динамики освещения деятельности колонии представляем список украинских изданий, расположенных в порядке убывания удельного веса в них соответствующих публикаций, составленный на основе анализа фондов Харьковской научной библиотеки имени В. Г. Короленко, библиотеки Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко, архива научно-исследовательской лаборатории А. С. Макаренко Полтавского пединститута, но в первую очередь – публикаций лаборатории «Makarenko-Referat» и полтавской макаренковедческой школы [55; 142; 348; 349; 488, s. 144–153; 496] (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1

Динамика освещения в украинской печати деятельности колонии имени М. Горького (1922–1928 гг.)

№ п/п	Издание	Количество публикаций за год							∑
		1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	Комуніст (газ.)	–	–	–	–	1	19	8	**28**
2.	Пролетарий (газ.)	–	–	–	–	3	8	6	**17**
3.	Вісти (газ.)	–	–	1	–	3	2	7	**13**
4.	Харьковский пролетарий (газ.)	–	–	–	–	5	2	4	**11**
5.	Комсомолець України (газ.)	–	–	–	–	1	3	1	**5**

Продолжение табл. 1.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
6.	Октябрьские всходы (журн.)	–	–	–	–	–	–	5	**5**
7.	Червоні квіти (журн.)	–	–	–	–	–	1	4	**5**
8.	Голос труда (газ.)	2	1	1	–	–	–	–	**4**
9.	На зміну (газ.)	–	–	–	–	–	1	3	**4**
10.	Народній учитель (газ.)	–	–	–	1	–	1	2	**4**
11.	Юный ленинец (газ.)	–	–	–	–	1	–	3	**4**
12.	Шлях освіти / Путь просвещения (журн.)	–	–	1	–	2	–	–	**3**
13.	Більшовик Полтавщини (газ.)	–	–	–	2	–	–	–	**2**
14.	Всесвіт (журн.)	–	–	–	–	–	1	1	**2**
15.	Дети после голода. – Харьков, 1924 (сборник)	–	–	2	–	–	–	–	**2**
16.	Наше слово (журн.)	–	–	–	–	–	–	2	**2**
17.	Нова громада (журн.)	–	–	2	–	–	–	–	**2**
18.	Пролетар. Робітнича газета (газ.)	–	–	–	–	–	2	–	**2**
19.	5 лет работы с детьми-правонарушителями. Полтава, 1925 (сборник)	–	–	–	2	–	–	–	**2**
20.	Робітник (газ.)	–	–	–	–	2	–	–	**2**
21.	Дитяче містечко. Збірник методичних матеріалів. Харків, 1928	–	–	–	–	–	–	1	**1**
22.	Дитячий рух (журн.)	–	–	–	–	–	–	1	**1**
23.	Друг детей (журн.)	–	–	–	–	1	–	–	**1**

Окончание табл. 1.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
24.	Записки Полтавського І.Н.О. (журн.)	–	–	–	–	1	–	–	**1**
25.	Знання (журн.)	–	–	–	–	–	1	–	**1**
26.	Маро. Работа с беспризорными. – Харьков, 1924	–	–	1	–	–	–	–	**1**
27.	Новими стежками (журн.)	–	1	–	–	–	–	–	**1**
28.	Радянська школа (журн.)	–	–	–	–	–	1	–	**1**
29.	Робітник освіти (журн.)	–	–	–	1	–	–	–	**1**
30.	Селянин Харківщини (газ.)	–	–	–	–	–	1	–	**1**
31.	Три съезда: сборник ст. по вопросам помощи детям. – Харьков, 1925	–	–	–	1	–	–	–	**1**
Всего:		**2**	**2**	**8**	**7**	**20**	**43**	**48**	**130**

Как видим, даже известное на сегодня число материалов о колонии значительно превосходит сотню наименований, при этом следует отметить, что максимальное количество публикаций приходится на первую половину 1928 г. – самую драматическую страницу в истории учреждения. Несмотря на многочисленность материалов, нам кажется, было бы преждевременным прекращать поиски в данном направлении, подтверждением чего является несколько неизвестных даже специалистам источников, открытых в последнее время [3, 20; 21; 49; 52; 103; 132; 140; 141; 143; 144; 145; 146; 203; 204; 205; 245; 310; 313; 344; 385; 460; 476].

Поводом для появления Горьковской колонии на страницах прессы становились совершенно различные события в ее жизни. Расскажем о некоторых из них.

В конце декабря 1927 г. А. С. Макаренко с целью привлечения дополнительных средств для развития колонии прибегает к тактическому приему – обращается с письмом в президиум Харьковского окрисполкома, в котором приводит список 32 иностранных делегаций, посетивших колонию за период с августа 1926 г. При этом он отмечает, что, оставаясь формально опытно-показательным учреждением, колония никаких дополнительных ассигнований «на представительность» не получает, и просит выделить 10 000 рублей [236, с. 134–135; 555, л. 105–106]. Здесь не лишним будет упомянуть, что республиканская и окружная власть вполне сознательно и целенаправленно эксплуатируя «стройность и блеск» макаренковского коллектива в саморекламных целях, не особо издерживалась при этом ни в материальном, ни в другом каком-либо отношении. Мы установили, что колония имени Горького, например, входила обязательным пунктом в разработанный Всеукраинским профсоюзом работников просвещения экскурсионный маршрут по столичному Харькову. Показательно, что колония в разделе «Образование» этого маршрута была соседом с такими респектабельными учреждениями, как ведущие вузы (Институт народного образования, медицинский, ветеринарный, технологический и сельскохозяйственный), опытная станция НКП, обсерватория, библиотека имени В. Г. Короленко и др. [313].

На первый взгляд кажется почти невероятным изображенный Макаренко в письме поток посетителей. Но подтверждение напряженности экскурсионного графика колонии мы находим на страницах главного органа ЦК и Харьковского окружного комитета КП(б)У газеты «Комуніст». В то время состав и программу пребывания в столице Украины многочисленных зарубежных делегаций обязательно освещала республиканская пресса. Особенно массовым наплыв гостей был в ноябре 1927 г., в связи с празднованием 10-й годовщины Октябрьской революции. Так, в октябре–ноябре в Советском Союзе находилась интернациональная женская делегация работниц Франции, Германии, Англии, Австрии и

Польши, прибывшая для участия во Всесоюзном съезде работниц и крестьянок. О посещении ею колонии имени Горького 3 ноября сообщают Макаренко в приведенном письме и «Комуніст» [144]. Две недели спустя колония уже вынуждена принимать группы иностранцев почти ежедневно: 18 ноября (Макаренко датирует визит 19 ноября) – красные фронтовики Германии и Франции и члены интернациональной лиги инвалидов – участников империалистической войны [476], 20 ноября – делегации скандинавских (15 датчан и один швед) [385] и итальянских рабочих [143], 24 ноября – эстонские рабочие [145], 2 декабря (30 ноября, по данным Макаренко) – бельгийская рабочая делегация [49].

Даже при всем своем желании поразить чиновников, как оказадлсь, Макаренко все же опустил в письме некоторые факты: 17 ноября, например, в колонии побывала делегация американских рабочих – выходцев из западных областей Украины [146]. Возможно, бывших своих соотечественников он вполне резонно не стал относить к категории иностранцев. А 20 ноября он почему-то не вспомнил о французах [143].

Незадолго до указанных событий очень широко популяризировался визит в СССР всемирно известного французского писателя-коммуниста и антифашиста Анри Барбюса. Прибыв в Москву 10 сентября с целью, как говорилось в сообщении, «серьезно работать, чтобы дать западноевропейскому обществу настоящее представление об СССР», писатель особенно интересовался вопросом о т. н. «большевистском варварстве», о котором много говорили в то время на Западе [355]. Позже, по приглашению правления харьковского дома литературы имени Блакитного, Барбюс посетил Харьков. 5 октября, как известно, он знакомился с работой колонии имени Горького. Кроме газет «Пролетарий» и «Комсомолець України» [488, s. 150], этот факт освещал и «Комуніст»: писатель обсуждал с администрацией колонии и представителями Народного Комиссариата просвещения методы социального воспитания и средства борьбы с детской беспризорностью. При этом Барбюс

заявил, что только в СССР он впервые увидел правильные методы трудового воспитания, «которые полностью обеспечивают преобразование несовершеннолетних правонарушителей в сознательных граждан Республики» [20]. В тот же день, выступая на заседании харьковского актива Международной организации помощи революционерам, он цитировал надпись на воротах колонии [21].

Гораздо большим уважением, разумеется, был обставлен приезд в Харьков Максима Горького. К визиту великого писателя готовилась не только его подшефная колония, с которой списатель состоял в переписке с июля 1925 г., но и харьковские власти, что нашло отражение на страницах СМИ. Среди соответствующих публикаций одна оставалась до недавнего времени почти незамеченной. Речь идет о небольшой заметке «Горький приедет в Харьков», в газете «Комуніст» за март 1928 г. Особым этот материал делает то обстоятельство, что в нем впервые после увольнения с должности заведующего Управлением детучреждениями Харьковщины и соответствующего конфликта с органами НКП упоминается имя Макаренко в позитвном тоне [103].

В сообщениях о борьбе с беспризорностью, которая особенно интенсивно проводилась накануне революционного юбилея, имя колонии звучит своеобразным рефреном. 23 сентября «Комуніст» информировал своих читателей, что подобранные с улиц подростки и те, которых предполагалось подобрать к концу года, будут «отправлены в колонию им. Горького и в детгородки в районных городах Харьковщины». На собранные в результате месячника помощи детям 110 000 руб. планировали расширить детдома – очевидно, и колонию имени Горького [344]. С 31 октября по 5 ноября 1927 г. проводилось новое изъятие с улиц беспризорных, и о намерении властей разместить их в первую очередь в колонии имени Горького дважды вновь сообщала упомянутая газета [140; 451].

4 сентября того же 1927 года колонистский коллектив стал одним из главных действующих лиц на праздновании XIII Международного юношеского дня в Харькове: место колонии на

будущей демонстрации было указано в официальном плане, опубликованном главной партийной газетой [345]. Отчет же об этом в репортажах сразу двух своих корреспондентов поместил «Комуніст» [205; 310].

Будет вполне логичным предположить, что такое заметное воспитательное учреждение не могло не вызвать интерес и другого мощного средства массовой информации – документального кино. На вторую половину 20-х годов прошлого века как раз приходится период особенно бурного развития отечественной кинематографии: в 1928 году создана Киевская киностудия художественных фильмов, существует достаточно разветвленная сеть производства кинодокументалистики, состоящий из государственных и кооперативных киноорганизаций.

Нам удалось найти документальное свидетельство, очевидно, первой попытки отображения работы колонии имени Горького средствами кино. Речь идет о короткой заметке в газете «Комуніст» за 26 августа 1927 г., сообщавшей, что в рамках месячника помощи детям кинокооперативное объединение "Красный факел» сняло несколько сюжетов из жизни колонии. Вероятно, кинодокументалисты стремились максимально широко представить специфическую воспитательную систему и быт колонии Горького, однако в статье говорится лишь о следующих аспектах: салют воспитанников Всеукраинскому Центральному Исполнительному Комитету, смена караула у знамени колонии, заседание совета командиров, «который обсуждает дела будущей работы отрядов». Отдельный сюжет автор материала подчеркивает как «очень интересный»: «один из беспризорных просится в колонию на воспитание» [132]. На общем фоне неустроенности системы интернатных учреждений, жалкой материальной базы, массовых побегов воспитанников такое явление выглядело как некий парадокс. Нам, к сожалению, неизвестна дальнейшая судьба отснятого материала, однако, нет сомнений в том, что сам А. С. Макаренко не мог не оценить уникальных возможностей документального кино в

пропаганде апробированных колонией имени Горького воспитательных идей. Вскоре, 29 октября, он обращается в областной отдел Всеукраинского фотокиноуправления (ВУФКУ) с письмом: «Колония им. М. Горького, если есть план выпустить кинохронику к 10 годовщине Октября, просит заснять колонию в ее работе на месте по приложенному плану». К письму действительно приложен подробный «Список кино-снимков в колонии им. М. Горького».

Анализ содержания каждого из 5 смысловых блоков этого плана позволяет понять логику автора письма в видении основных моментов системы колонии имени Горького. В первый блок, «Там, где был притон монахов, живет трудовая колония им. Горького», Макаренко внес такой «видеоряд»: «а) Общий вид монастыря; б) Въезд в колонию. Надпись на воротах «И над Землею поставим карсное знамя труда”; в) Флаг, развевающийся над главным зданием; г) Надпись на обороте ворот «Есть”; д) Двор колонии. Игры».

Второй блок, названный «Рабочий день в колонии начинается. Раньше всех поднялось дежурство», тоже содержит несколько отдельных сюжетов: «а) Дежурство во дворе колонии; б) Будят очередного сигналиста; в) Сигнал “Вставать”; г) Пробуждение; д) Физкультура».

Содержание третьего блока под названием «После завтрака. Сигнал на работу», раскрывает такие аспекты жизни колонии: «а) Отряды расходятся по работам; б) Выехал трактор; в) Выгнали стадо; г) Выгнали свиней на прогулку; д) Выехали в город с выполненным заказом; е) Подковывают крестьянского коня (Работа кузницы) ж) Контроль рабочего отряда; з) Уборка; и) Пикет сторожевого отряда; к) Школа».

Блок «Дисциплина» прекрасно иллюстрирует ключевые атрибуты прочности и сплоченности коллектива: «а) Строй колонистов. Сбор; б) Вынесение флага; в) Пошли на прогулку; г) Выговор; д) Рапорты командиров; е) Выезд пожарной команды. Тревога». Автор не раскрывает содержания последнего из блоков

плана – «Завкол и персонал», но отдельно приводит еще две сюжетные единицы: «Игры и танцы» и «Кино» [503, л. 301–302].

Привлекает внимание интересный факт: через два дня после написанного Макаренко письма, 31 октября, другая инстанция по борьбе с детской беспризорностью, Правление Харьковского окружного совета Общества «Друзья детей», тоже обращается к ВУФКУ с аналогичной просьбой: «провести в Празднование Октября киносъемки таких моментов <…>». Среди пяти предложенных тем под номером 4 указано: «Колония им. М. Горького (Куряж), приезд шефов, совместное празднование “Октября” в колонии, подношение шефами трактора и др. моменты из жизни колонии» [571, л. 1]. Такое совпадение во времени двух документов могло быть вызвано, очевидно, определенными событиями, о характере которых мы можем сейчас только догадываться. Однако автономность действий колонии и Общества подтверждается почти полным отличием их сценарных планов. Последствия обоих писем также еще остаются неисследованными, и мы не знаем даже, в какой степени были выполнены содержащиеся в них просьбы.

1.2. Идейная полемика вокруг инновационной практики А. С. Макаренко

Время, прошедшее с момента первых педагогических успехов Горьковской колонии, дало достаточно поводов как для оптимизма, так и для серьезных сомнений в степени социальной жизнеспособности, то есть воспроизводимости разработанной А. С. Макаренко воспитательной системы. По нашему мнению, важным препятствием для решения этого, возможно, наиболее принципиального вопроса макаренковедения выступают до сих пор однозначно не выясненные причины и обстоятельства конфликта педагога с официальным образовательными органами, приведшего к

ликвидации его воспитательных учреждений. Из-за нехватки объективной информации мы пока не знаем, является ли уничтожение предложенной воспитательной системы следствием ее принципиальной одиозности, или причины, приведшие к этому, кроются лишь в особенностях ситуации той эпохи. В любом случае конфронтация с органами народного образования прямо или косвенно угрожала функционированию воспитательной системы Макаренко, а вместе с тем и препятствовала реализации его планов обеспечения профессиональной перспективы воспитанников. Поэтому анализ основных причин данного конфликта не только способен продемонстрировать специфику социальных условий, в которых происходило становление новаторского опыта, но и акцентировать многие существенные черты педагогической стратегии Макаренко.

Хотя по поводу кризиса 1927–1928 годов написано немало, и каждый из известных исследователей творчества и жизненного пути А. С. Макаренко обязательно в той или иной степени интересовался им, в нашем распоряжении основательной и неконъюнктурной, построенной на широких архивных исследованиях работы, увы, нет.

События, сопровождавшие острую полемику вокруг колонии, отражают значительную сложность и неоднозначность данной проблемы. Об этом же говорит и широкое разнообразие подходов к ее решению среди отечественных и зарубежных макаренковедов. Поиски причин педагогической трагедии А. С. Макаренко в их трудах имели по крайней мере несколько направлений: а) анализ неблагоприятных социально-политических и идеологических процессов в Украине и СССР в первые послереволюционные годы; б) изучение идейно-теоретической борьбы в области педагогики и народного образования; в) определение круга возможных врагов Макаренко, причастных к «заговорам» против него; г) поиск деструктивных характерологических особенностей личности самого А. С. Макаренко.

Закономерно, что определение сущности кризиса 1927–1928 годов со временем приобрело вид и уровень полноценной историко-педагогической проблемы. Вместе с официальным и

широким признанием в первые послевоенные годы идей и опыта А. С. Макаренко, по логике вещей неизбежно должно было прийти осуждение (также официальное и широкое) плеяды его главных гонителей и их идейных позиций. Однако можно предположить, что «поиск виновных» для того времени был довольно деликатным делом: хотя уже почти не было в живых никого из влиятельных оппонентов Макаренко, однако чрезмерно акцентировать внимание на «педагогических предрассудках» (особенно идеологического содержания) и схоластике «Педагогического Олимпа», с которыми так непримиримо полемизировал педагог, значило бы поднимать вопрос коренной перестройки всей педагогической науки и практики. Поэтому официальная педагогика неминуемо должна была выработать достаточно взвешенную позицию относительно причин и обстоятельств педагогических «скитаний» Макаренко.

Но вместе с тем, когда прослеживаем многочисленные отечественные жизнеописания «выдающегося советского педагога», иногда невольно возникает впечатление, что Система, стремясь оправдаться, но не будучи в состоянии постичь всю глубину педагогической трагедии Макаренко, сама искренне пыталась разобраться в политической и педагогической подоплеке того, что произошло. Общий тон в определении причин и характера конфликта А. С. Макаренко с властью задали в свое время первые исследователи его биографии. Проф. Е. Н. Медынский, например, еще в 1949 г. враждебное отношение к колонии имени М. Горького объяснял деятельностью «вредителей – буржуазных националистов» из НКП УССР и представителей «лженауки педологии» в украинских педагогических учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях [261, с. 31]. Позже, в дополнение к этому списку, в зависимости от политической конъюнктуры назывались новые категории недругов Макаренко. Ведущее место среди них принадлежит «троцкистам», «врагам революционной педагогики» и «кабинетным теоретикам». Новые времена добавили к этой плеяде еще одну категорию – «сталинистов».

Интересной и несколько обособленной на этом фоне выглядит версия известного украинского макаренковеда Н. П. Нежинского, который останавливается на одном аспекте идейно-теоретической борьбы Макаренко середины 20-х годов – с так называемыми «оборонцами». Представители этой позиции считали, что вопрос борьбы с беспризорностью не столько вопрос физического и морального спасения беспризорных, сколько вопрос организации защиты всех других детей от развращающего влияния беспризорных. Характерным в этом отношении является выступление на страницах губернской газеты «Голос труда» в феврале 1924 г. сотрудницы Полтавского городского отдела народного образования Л. Чередниченко: «Беспризорные подростки не дети, которых необходимо воспитывать в социальных добродетелях. Это недоразвитые люди, которые свои богатые способности тратят на антисоциальную борьбу для своего существования» [290, с. 37].

Благодаря росту источниковой базы в последние годы появилась возможность несколько расширить поле поиска политических, социальных и идеологических предпосылок драматических событий 1927–1928 годов. Можно выделить несколько версий относительно вероятных причин конфликта вокруг макаренковской воспитательной системы.

Идейное противостояние Горьковской колонии как инновационного воспитательного учреждения с официальной доктриной социального воспитания условно делится на три этапа: а) с первых лет существования колонии до, приблизительно, начала осени 1927 г., когда необычные методы ее работы привлекают все больше общественного внимания и создают своеобразную альтернативу официальной теории соцвоса, чем провоцируют недовольство апологетов последней; б) с осени 1927 г. до марта 1928 г. – широкая экстраполяция опыта колонии имени М. Горького в рамках Трудового детского корпуса Харьковского округа и первые попытки его дискредитации; в) март–июль 1928 г.: «генеральное сражение» с представителями официальной педагогики, вмешательство

Н. К. Крупской, увольнение А. С. Макаренко. Для лучшего понимания обстоятельств, предшествовавших крайнему обострению отношений Макаренко с официальными кругами, необходимо по архивным и литературным источникам восстановить хронологию главных событий.

Очевидно, начало конфликта А. С. Макаренко с просвещенческой властью надо искать в истории первых лет колонии имени Горького. Г. С. Салько в своих воспоминаниях рассказывает, что уже в ***1922 году***, когда она впервые увидела Макаренко, «в педагогических кругах говорили по-разному о полтавской колонии имени Максима Горького» [470, с. 7]. О борьбе Макаренко с «чиновниками от педагогики» уже в те годы вспоминает и будущая украинская писательница Оксана Иваненко – в те годы сотрудница колонии имени Горького и Управления детдомами Харьковского округа [157, с. 89].

Осень 1924 г. – в колонии имени Горького возникает как мощное стимулирующее средство соревнование сводных отрядов, которое спровоцировало недовольство местных органов народного образования. А. С. Макаренко об этом писал: «В то время соревнование еще не было общим признаком советской работы, и мне пришлось даже подвергнуться мучениям в застенках наробраза из-за соревнования» [228, с. 356].

1925 год – критика некоторыми педагогами отдельных элементов системы А. С. Макаренко («конкуренции», методов поощрений и наказаний, карманных денег для колонистов и т. д.) за якобы замену им в воспитании внутреннего стимулирования, основанного на самосознании воспитанников, внешними его формами [312 , с. 39].

Февраль 1926 г. – журнал НКП УССР «Путь просвещения» печатает написанный рукой проф. Г. Г. Ващенко отчет о полтавской конференцию работников учреждений соцвоспитания, в работе которой доклад А. С. Макаренко о педагогическом опыте колонии имени Горького «задал общий тон». Автор отмечает, что, принимая

предложенные колонией методы воспитания, конференция стала на путь различия с главными идеями и методами соцвоса [77; 496, s. 17–20].

Вполне понятно, что переезд в мае 1926 г. в Харьков создал для коллектива Горьковской колонии совсем иную социальную ситуацию. Близость столичных институтов, взятые на себя обязательства, а соответственно и кредит доверия со стороны образовательной власти, вместе не могли не создать мощный фактор развития макаренковской воспитательной концепции. Но и противоречия, которые возникали еще в полтавской провинции, теперь приобрели новое звучание. Впоследствии сам Макаренко в опальной главе «Педагогической поэмы» «У подошвы Олимпа» об этом напишет: «Развивая работу в колонии, я сейчас не мог быть так естественно безоглядным, как раньше, ибо тучи клубились над самой моей головой и из них то и дело гремели громы и сверкали молнии.

Уже и раньше на меня косо смотрели с «небес», но раньше я подвизался в провинции, на меня редко падали лучи великих светил, да и сам я старался не прыгать чрезмерно над поверхностью земли. Я оказался в неприятном соседстве с богами. Они рассматривали меня невооруженным глазом, и спрятаться от них со всей своей техникой я был не в состоянии» [228, с. 571].

Июнь 1926 г. А. С. Макаренко позже в статье «Максим Горький в моей жизни» упоминает о неравной борьбе, которая «к этому времени разгорелась по поводу метода колонии им. Горького. Эта борьба происходила не только в моей колонии, – пишет он, – но здесь она была острее благодаря тому, что в моей работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологический точками зрения. Последняя выступала от имени марксизма, и нужно было много мужества, чтобы этому не верить, чтобы большому авторитету “признанной” науки противопоставить свой сравнительно узкий опыт» [232, с. 15].

30 сентября – 5 октября 1926 г. – декларация А. С. Макаренко главных постулатов своей воспитательной методики как альтернативы

официальной системе социального воспитания на большом профессиональном форуме – Первой Всеукраинской конференции детских городков. Участник конференции, заведующий одного из одесских детских домов Д. Б. Макаровский, так описывает характерные особенности тона А. С. Макаренко в полемике с официальной педагогической доктриной: «Первым вопросом повестки дня т. Дюшен объявила доклад А. С. Макаренко на тему: “Опыт социального воспитания беспризорных подростков”.

Антон Семенович поднялся и во всеуслышание заявил: “Я такой доклад делать не собираюсь!”

В президиуме замешательство. Аудитория в недоумении, насторожилась. Затем последовал такой диалог.

Д ю ш е н. Антон Семенович, мы же с вами договорились.

М а к а р е н к о. Да, мы договорились, но вы сформулировали тему не так, как мы договорились.

Д ю ш е н. В чем дело? Не понимаю.

М а к а р е н к о. Тема доклада – “Моя система воспитания”.

Д ю ш е н. Ваша система разве не система социального воспитания?

М а к а р е н к о. Наркомпрос мою систему официально за систему социального воспитания не признает.

Президиум посовещался, и Дюшен, извинившись перед аудиторией, объявила название доклада в редакции А. С. Макаренко» [254, с. 126].

2 февраля 1927 г. – А. С. Макаренко в письме украинской журналистке Н. Ф. Остроменцкой пишет: «На нашу колонию сейчас ведется целая война со всех сторон. Бьют, конечно, по системе. Метод такой: все наши недостатки, недоделки, просто пропущенные места, случайные ошибки считают элементами системы и с остервенением доказывают, что у нас не система, а ужас» [236, с. 28–29].

В октябре 1927 г. состоялось очередное обследование колонии имени Горького, материалы которого содержат перечень якобы обнаруженных существенных недостатков ее работы и устройства.

Как свидетельствует документ, недовольство комиссии коснулось почти всех принципиальных моментов макаренковской воспитательной системы. Претензии касались не столько реальных ее недостатков, сколько сознательно и бессознательно ей приписанных, а также субъективно протрактованных особенностей жизни колонии. Констатировались отсутствие сознательной дисциплины среди воспитанников, волюнтаризм, чрезмерная концентрация власти у «недемократического» совета командиров как главного органа самоуправления, безграничный авторитет завколонией, отсутствие «жизни кипучей, творческой», плохое состояние внешкольной работы, замкнутость, подавленность, запуганность и недостаточность общего развития воспитанников, отсутствие сознательного чувства ответственности за сделанное, недостаток чуткого отношения к детям со стороны педперсонала, наличие звания колониста-горьковца, недостаточность влияния комсомольской ячейки и роспуск пионерской организации, русификация школы, внешняя атрибутика и пр. Особенно острой критике была подвергнута существующая в колонии система наказаний и поощрений: превышение полномочий командирами, избиение воспитанников как со стороны командиров, так и со стороны, как утверждалось, даже самого заведующего колонии.

Можно предположить, что совпадение во времени появления таких остро критических результатов этого обследования с массовым распространением, как это будет показано ниже, по Харьковскому округу (под эгидой реализации идеи трудового детского корпуса) макаренковской системы организации внутренней жизни детского учреждения был не случайным – отнюдь не все руководство образованием разделяло взгляды и методы Макаренко, а потому ревизия состояния Горьковской колонии как своеобразной «метрополии» в составе трудкорпуса имела целью предостеречь окружную власть от безоговорочной поддержки предлагаемых реформ. Это подтверждает и главный вывод комиссии: «Считать недопустимым перенос существующей системы воспитания в колонии

Горького по др. колониям, о чем поставить вопрос перед фракцией окрисполкома» [22, с. 178; 555, л. 107–110]. Позже, в письме к М. Горькому от 18 апреля 1928 г., сам Макаренко об этом напишет: «В то время, как в разных книжонках рекомендуется определенная система педагогических средств, давно уже провалившихся на практике, наша колония живет, а с осени на нашу систему (наша основная формула: “Как можно больше требований к воспитаннику и как можно больше уважения к нему”) стихийно стало переходить многие детские учреждения.

Вот тут-то и поднялась тревога. Нашу колонию стали «глубоко» обследовать чуть ли не ежемесячно. Я не хочу говорить какие глупости писались после каждого обследования». [336, с. 55]

В конце концов идейный конфликт вокруг методов Горьковской колонии выходит за пределы чисто внутриукраинского явления: ***15–20 ноября 1927 г.*** на Всероссийской конференции работников детдомов, в работе которой принимает активное участие и А. С. Макаренко, с трибуны его система объявляется «палочной», а колония имени Горького называется «аракчеевской казармой» [11, с. 130; 312, с. 70]. Позицию Макаренко в эти дни хорошо характеризуют его слова из письма к жене, посланного из Москвы 17 ноября: «Сегодня, вероятно, на съезде будет боевой день. Мне хочется ребром поставить вопрос о ревизии соцвоса. Я еще не знаю, стоит ли? Стоит ли сказать “Доктрина соцвоса не пролетарская”?» [448, с. 26].

Последним месяцам существования колонии имени М. Горького как собственно «макаренковского» учреждения предшествовали два важных связанных между собой обстоятельства – крайнее обострение идейного противостояния А. С. Макаренко с руководящими органами украинского просвещения и ликвидация проекта трудового детского корпуса. На этом фоне в начале 1928 г. сформировалась интересная идейная коллизия.

Как известно, в основу воспитательной работы открытой в декабре 1927 г. Коммуны имени Ф. Э. Дзержинского была положена апробированная многолетним опытом система Горьковской колонии.

Парадокс ситуации заключался в следующем: в тот момент, когда макаренковские идеи подвергались тотальным гонениям на территории всего округа, образцовое детское воспитательное учреждение именно на них основывает и свое внутреннее устройство, и свои воспитательные принципы. Ситуация осложнялась еще и тем, что организаторами, финансистами и администраторами коммуны были органы НКВД, на авторитет которых вряд ли кто-то мог покушаться.

Ценные иллюстрации к финальному этапу истории Горьковской колонии скрывает эпистолярное наследие А. Макаренко. Поэтому именно здесь мы попробуем найти свидетельства ключевых событий назревшей педагогической драмы. Так, в конце февраля в письме к Горькому Макаренко пишет: «Сейчас вокруг коммуны Дзержинского завязался интересный узел. ГПУ, учреждение замечательной четкости, представило мой воспитательный план на утверждение Наркомпроса (УССР) и потребовало ответа: “Так или не так?”

Одобрить мою “еретическую” укладку Наркомпросу страшно, это значит рекомендовать ее всем, не одобрить – значит нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность прежде всего за целость дворца, душей, ванн и пр.» [336, с. 51]

Для решения этого конфликта ***13–14 марта 1928 г.*** в секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНИИП) состоялся специально инициированый Правлением коммуны имени Ф. Э. Дзержинского диспут-обсуждение составленных А. С. Макаренко «Операционного плана» и «Конституции» коммуны, представлявших собой, по сути, некую декларацию педагогического кредо автора. Во время дискуссии идеи А. С. Макаренко, который активно и аргументированно отстаивал собственную позицию, были подвергнуты резкой критике сотрудниками института Поповым, Соколянским, Григорьевым, Яковлевым, Дюшен и др. Главные расхождения возникли по поводу определения целевой установки нового учреждения, «военизации»,

игры и т. п. Было признано, что макаренковский план противоречит главным принципам соцвоса [277, с. 38–109].

На следующий день А. Макаренко в письме Г. С. Салько в довольно ироничной форме выражает свое впечатление от этого заседания: «я был вчера вечером на архиерейском служении в Наркомпросе. Господи, как это смешно у них все выходит, как-то глупо напыщенно, бессодержательно, трусливо. И ни капельки достоинства. Какое-то сплошное издевательство над самой идеей науки. Пиквикский клуб. <...>

Ей богу, хорошо было бы сесть в тюрьму и написать юмористический роман под заглавием “Невука”». [448, с. 35, 37]

Критика и фактическое осуждение макаренковских проектов, впрочем, не решили главного конфликта в его противостоянии с официальной идеологией в воспитании: «[орошо это или плохо для моего дела, пожалуй, даже не важно. Все это словоблудие не может иметь никаких продуктов. Все зависит от того, найдут ли другого дурака, который захочет при таких условиях возиться в коммуне Дзержинского». [448, с. 35]

Руководство института не нашло ничего лучшего, как обратиться к самому же Макаренко с помощью: «Они, бедные, не знают, что им делать, и предложили мне самому составить проект резолюции.

В интимной беседе с Поповым он предложил мне следующий союз – я должен принять участие в работе Института, а за это Институт будет защищать колонию Горького. <…>

Чудаки, ей богу» [448, с. 39]

Между тем ситуация вокруг колонии имени Горького все больше обостряется. «Меня, как и раньше, едят, – говорит педагог в письме к жене, – но я уже смотрю на всех, как Кук на дикарей – даже интересно» [448, с. 30]. Директор УНИИП А. И. Попов предупреждает А. Макаренко о том, что против колонии готовится новый поход в Окррабпросе [448, с. 39].

«У меня никакого характера борца нет, – с горечью говорил тогда А. С. Макаренко, – и мне ни с кем не хочется бороться. Я сейчас болен презрением ко всем. Если РКИ или кто-нибудь другой меня еще тронет, я расшаркаюсь: лакеев мало!

Сухарев, Ахтырка, детские дома, опытная станция – все это сны после пьянства – не стоит о них говорить. <...>

Сейчас у меня момент наивысшего напряжения в борьбе. Мне нужно сейчас нечеловеческое напряжение и прямо гений, чтобы с честью донести свое дело до берега. Во всяком случае, мне нужно сохранить свое человеческое достоинство» [448, с. 79].

В этой борьбе Макаренко все же стремится оставить за собой высокие нравственные позиции. В его пользу говорит тот факт, что, имея такого влиятельного союзника, как Максим Горький, он всячески препятствует любым попыткам его вмешательства. 16 марта писатель, узнав об «идейную войне» против подшефной колонии, просит редакцию московской газеты «Известия» направить в нее корреспондента с целью расследовать, что именно там происходит, и объективно осветить ее жизнь и работу [336, с. 155]. А на следующий день в письме к Макаренко выражает свою обеспокоенность и предлагает помощь [336, с. 53]. На что Макаренко вскоре отвечает: «я перестал бы уважать себя, если бы позволил себе хотя бы стороной причинить Вам заботы по поводу наших неприятностей. Не нужно Вам ничем помогать нам, ибо это значит, что Вы войдете в целую систему очень несимпатичных и непривлекательных историй. Наконец, Ваша помощь – явление совершенно исключительное и поэтому нельзя на ней строить нашу работу: если судьба здоровой детской колонии зависит от вмешательства Максима Горького, то нужно бросить все наше дело и бежать куда глаза глядят. <...> Посреди общего моря расхлябанности и дармоедства, – продовжував А. Макаренко, – одна наша колония стоит, как крепость. В колонии сейчас очень благополучный ребячий коллектив, несмотря на то, что в нем 75 % новых. И все же меня сейчас едят» [336, с. 54].

Следующим мощным ударом противников Макаренко стали выводы комиссии Окружного отдела Рабоче-крестьянской инспекции (ОкрРКИ), составленные ***3 апреля 1928 г.*** по результатам обследования пяти воспитательных заведений Харьковщины, и в том числе Горьковской колонии. В них в целом удовлетворительно оценена ее работа, но указано на ряд недостатков: «отсутствие <...> какой бы то ни было связи с принятой во всех наших школах комплексной системой»; комсомольская ячейка «не сумела еще распространить свое влияние на хозяйственную, педагогическую и политжизнь колонии в целом. Сословие “колонист” еще не совсем изжито»; «слабое политическое воспитание»; «в прошлом как завом, так и отдельными педагогами, применялись физические меры воздействия (избиение)»; система командиров не является выборным органом самоуправления и приучает воспитанников к системе, «противоположной советской»; «избиение воспитанников командирами» и пр. На фоне всего указанного комиссия предлагает вынести Макаренко выговор [22, с. 207–208; 536, л. 101–102].

О дальнейших событиях, связанных с последствиями обследования, мы находим информацию в ряде документов. Одной из первых отреагировала Харьковская окружная комиссия помощи детям. На заседании ее президиума от 6 апреля 1928 г. председатель ОКПД Сухарев среди обследованных учреждений похвалил только Горьковскую колонию и Ахтырский детгородок. Однако, отмечая дисциплинированность коллектива, хорошую производственную базу и воспитательную работу колонии Горького, он заметил, что «как командиры, так педагоги и сам заведующий употребляли в качестве меры воздействия – избиение детей». В конце докладчик подчеркнул: «РКИ и Союз отметили, что метод воспитания детей, который употребляет Ахтырский д/г, себя оправдал, что касается системы колонии Горького, то указано, что ее надо постепенно заменить исполкомовскую. <...> Предложено устранить побои – и не употреблять их как меру воздействия» [22, с. 198; 563, л. 106–110]. Именно в этот же день президиум Харьковской окружной

контрольной комиссии утвердил окончательно отредактированный «Проект выводов и предложений по обследованию 5-ти трудовых детских колоний» [22, с. 200; 536, л. 92, 93]. Надо отметить, что данное обследование было лишь частью масштабной акции, начатой ОкрРКИ.

Резолюцию по докладу Сухарева о последствиях обследования детских колоний ОКПД пыталась утвердить 24 апреля 1928 г., но та еще не была готова, и вопрос был перенесен на две недели [560, л. 320]. Поэтому лишь 8 мая президиум ОКПД постановил: «С выводами и предложениями ОКР.РКИ относительно обследования детколоний согласиться <...>. Дополнительно к этому считать нужным: <...> Учитывая большие побеги воспитанников из детучреждений по причинам плохого питания, плохого обращения и неустроенность детского коллектива (драки), предложить Заведующему детколоний т. Сухареву в этом деле в ближайший срок реализовать указания ОКР РКИ» [22, с. 208–209; 560, л. 325–331].

Но этим обсуждение результатов работы комиссии РКИ по Горьковской колонии не ограничилось. На этом же заседании прозвучала острая критика и даже возникла полемика относительно ситуации в руководимом Макаренко учреждении. Постоянный представитель Харьковского окружного женотдела в составе Харьковской ОКПД Файбышева: «Недопустимое отношение Зав. Детколонии им. Горького к воспитанникам требует отдельного внимания, если нужно, то следует привлечь его к ответственности, а систему <...>, которая применяется в колонии Горького – изменить»; постоянный представитель жилсоюза в составе Харьковской ОКПД Найденова: «избиения детей – правдивы, это требует пересмотра педперсонала по всем дитучреждениям и привлечения к ответственности виновных в избиениях детей». Но прозвучали голоса и в защиту А. С. Макаренко. Зав. домом робочих подростков № 4 Вайнер: «Почти все т-щи обвиняли т. Макаренко в неверном воспитании детей, но подростки в колонии им. Горького лучшие дети и это является доказательством того, что в колонии Горького ничего

нет катастрофического. <...> Не верю в то, что детей за малые проступки вигонялы из детучреждений». Впрочем эти голоса были единичными. Представитель Всеукраинского добровольного общества «Друзья детей» в составе президиума Харьковской ОКПД Мовшович, например, восклицал: «Меня удивляет то, что т. Вайнер защищает т-ща Макаренко, который применяет побои. Метод командиров – неудовлетворительный метод, и его надо немедленно изменить». Ему вторила некто Воронцова: «В колонии им. Горького действительно ненормальности есть, это подтверждают родители, дети которых находятся в этой колонии, там применяют побои – как меру воздействия» и т. д. В приложениях к протоколу («Общие выводы по обследованию колоний») одинаково осуждаются как физические меры наказания в некоторых колониях, так и совет командиров как форма организации детского самоуправления: «Признать, что системой развивающей инициативу и самодеятельность воспитанников, приближающей их к системе советов, с которой им придётся по выходе из колонии встретиться в жизни, является системой исполкомовской. Поэтому рекомендовать систему эту всем колониям» [22, с. 209–210; 560, л. 325–331]. 25 апреля выводы ОкрРКИ были утверждены также и на заседании другого окружного органа – Финансово-бюджетной Секции Харьковского Окрплана [22, с. 205–206; 536, л. 88–92].

Вопрос физических наказаний детей как метода воспитательного воздействия, якобы применявшегося в Горьковской колонии, – пожалуй, один из наиболее дискуссионных и противоречивых в педагогической биографии Макаренко. Поскольку особо большое внимание в некоторых из своих работ ему уделил Г. Хиллиґ [142, с. XXX–XXXIV; 471, с. 23–26], а также учитывая очевидную предвзятость по отношению к Антону Семеновичу контролирующих органов, здесь мы воздержимся как от оценки степени достоверности, так и от анализа педагогической и юридической составляющих подобных обвинений в его адрес.

Дело в том, что «рукоприкладство» как свидетельство низкой профессиональной компетентности, тяжелых условий труда и одно из следствий неупорядоченности технологической составляющей концепции социального воспитания было хотя и не типичным, но достаточно распространенным явлением среди учреждений соцвоса. Документы говорят о подобных случаях в Лозовской (1927 г.) [563, л. 40], Зеленогайской (1928 г.) [536, л. 90, 98], Геевской (1928 г.) [549, л. 36, 37], Будянской (1930 г.) [549, л. 160] и других колониях. Кроме воспитателей, иногда «грешили» подобным образом и представители другой гуманной профессии – медики детучреждений (Отрадненский детдом, 1926 г.); особого драматизма этому случаю придает то, что основным контингентом Отрадненского детдома были дети в возрасте до 8 лет [558, л. 108]. Несмотря на сравнительно легкие условия труда, не всегда могли удержаться «на педагогическом канате» также и учителя школ соцвоса [522, л. 74–76; 555, л. 279]. А 6 апреля 1928 г., то есть именно в дни обвинения А. С. Макаренко комиссией РКИ в якобы применяемых в колонии физических наказаниях, был замечен в «плохом обхождении с беспризорным» в самом помещении Окружной комиссии помощи детям (!) ни кто иной, как окружной инспектор охраны детства Розовский (!!) [563, л. 109].

Подобные инциденты почти всегда влекли за собой наказание виновных: судебную ответственность (Лозовская колония [237; 297, с. 105–106; 401; 549, л. 37, 45; 555, л. 223 а, 224; 563, л. 35]), снятие с работы (Зеленогайская [563, л. 106] и Геевская [549, л. 37] колонии), вынесение выговора с предупреждением (Зеленогайская колония [536, л. 90, 98]). В случае с Макаренко не обошлось без достаточно примечательной ситуации: год спустя, в первых числах апреля 1929 г. ОИНО были составлены «Выводы и предложения» по обследованию всех интернатных учреждений Харьковщины, в которых инспектура, отчитываясь об устранении прошлогодних недостатков и признавая образцовым учреждением округа коммуну имени Ф. Э. Дзержинского, вынуждена была написать следующее: «уничтожена система физического воздействия на детей и сняты с работы лица ее

применявшие (Зав. Геевской колонии, Зелено-Гайской и Колонии им. Горького – последний заведует в настоящее время колонией имени Дзержинского)» [549, л. 37].

Не исключено, что не понаслышке знакомые с уголовным кодексом воспитанники интенатных детучреждений, которые прекрасно осознавали все юридические ограничения педагогической инициативы своих воспитателей, могли не устоять перед соблазном свести личные счеты с кем-то из последних с помощью обвинений тех в нарушении неприкосновенности собственной личности. Приблизительно так это произошло, например, в случае с заведующим т. н. домом рабочих подростков (ДРП) № 2 Т. А. Гальченко. Один из обитателей этого общежития, некий Левицкий – юноша с криминальными наклонностями и судимостью, представленный на выселение из общежития за хулиганские поступки самими его жителями, решил отомстить заведующему и обвинил последнего в побоях. В архивном деле находится насмешливо-циничное письмо Левицкого с угрозами в адрес заведующего (сохраняем особенности оригинала – А. Т.): «До их Превосходительства Великого князя <...> сповищаю вас в том что на вас готовится покушение и вы завтра в ночи будете убиты вонючей селедкой она пронзит ваше гордое и благородное сердце <...>» 20 апреля 1928 г. Гальченко все же вынужден был оправдываться перед руководством: «сообщаю, что бить их я не бил, да быть может и пожелал бы я это сделать физически это было-бы невозможно так как, они взрослые – о случае с ними и о том, что я их не бил могут показать <...> 96 подростков» [555, л. 138, 146].

Видя большую проблему в отсутствии общепризнанной системы эффективного воспитательного инструментария, различные заинтересованные органы не раз принимали решения, призванные навести порядок в этой чрезвычайно болезненной области. Так, еще в производственном плане соцввоса на 1926–1927 учебный год ОИНО предусмотрела среди текущих задач окринспектуры соцвоса «заострить внимание педагогического состава на деле установления

определенных норм поведения детей и средств воздействия на нее» [530, л. 75]. А в общих выводах относительно обследования колоний в марте–апреле 1928 г., подготовленных к обсуждению на президиуме ОКПД 8 мая, относительно случаев избиения воспитанников воспитателями говорится: «Категорически осудить эту меру воздействия и предупредить, что в случае применения в дальнейшем этой меры воздействия, виновные будут привлечены к уголовной ответственности. Обратить внимание НКП на то, что в вопросе о методах воздействия на трудно-воспитуемых детей с его стороны точных директив не имеется» [560, л. 330].

В письме к жене 10 мая Макаренко пишет: «здесь опять подняли безобразный крик по поводу моей колонии. Кричали уже и в Наробразе и в Помдете, грозили прокурором, междуведомственной комиссией, еще чем-то. Не имею понятия, из какой мухи все это сделано, ко мне доходят только отрывочные сведения. Разговор, конечно, о побоях. Будто бы какие-то сбежавшие мальчики заявили, что они убежали от побоев, что вообще в колонии жить невозможно. Об этих мальчиках понятия не имею. Ручаюсь головой, что из воспитательского персонала никто никого пальцем не тронул. Из командиров двое попробовали было согрешить, но одного я немедленно снял с командирства, а другого отправил даже к Сухареву и отказался его принять, несмотря на все просьбы» [448, с. 64].

Последствия обследования детучреждений комиссией ОкрРКИ упоминаются снова на июньском пленуме ОКПД, но теперь уже в несколько ином контексте: «По проведению обследования РКИ некоторых детучреждений, оказалось, что состояние их неудовлетворительное, вот почему 18/V с. г. в г. Ахтырка было созвано совещание заведующих. 1-м вопросом было о последствиях обследования 5-ти колоний Комиссией РКИ, представитель РКИ сделал доклад и выводы по обследованию <...>» [563, л. 124].

«Обследование за обследованием, – пишет Макаренко в те дни украинской журналистке Остроменцкой, – объявляют мне выговоры, по округу запретили систему колонии им. Горького, и мне

предложили в течение длительного срока перейти на обыкновенную «исполкомскую». В качестве обследователей приезжают мальчишки, с которыми даже говорить трудно. В то же время не могут не признать, что колония действительно перевоспитывает, что она исполняет свою задачу, что у нее “наибольший комсомол”». «Я, впрочем, сдаваться не думаю. – Додає він згодом. – К сожалению, совершенно не в состоянии бороться за свою работу в литературе: во-первых, не умею писать так, чтобы меня согласились напечатать, во-вторых, просто некогда» [236, с. 34].

10 апреля А. С. Макаренко после обследования колонии указанной комиссией, в полемике с которой ему пришлось как «последний удар» собрать педагогический совет и откровенно охарактеризовать недостатки колонии, что, вероятно, вызвало некоторое недовольство педколлектива, составляет письмо «Старым горьковцам». В эмоциональной и довольно резкой форме он напоминает, что «травля, направленная против меня и колонии началась давно» и упрекает своих коллег: «Известная часть, самая, впрочем маленькая, всех тяжелых неприятностей, пережитых мною за эту зиму, могла быть переложена и на Вас» [22, с. 201; 511, л. 1].

В том же **апреле 1928 года** к общей травле Макаренко и его колонии присоединяется и пресса: украинский журнал «Дитячий рух» (Детское движение) помещает статью А. Залкинда об этих же обследованиях интернатных учреждений. Если верить автору, предложение выборочно обследовать детучреждения исходила от окружкома комсомола, и в состав комиссии, которая тоже была создана по его инициативе, вошли представители Окружного комитета ЛКСМУ, Контрольной комиссии - Рабоче-крестьянской инспекции (КК-РКИ), ОИНО, Окружного отдела профессионального союза работников просвещения (Окрробос) и газеты «Харьковский пролетарий». В статье приводятся якобы установленные факты избиения и издевательств над подростками со стороны воспитателей колонии имени Горького, нарекается на Окрнаробраз, еще не изменивший (несмотря на мнение окружкома комсомола) систему

совета командиров в воспитательных учреждениях округа, которая «противоречит основам советской педагогики». В разделе статьи под красноречивым заголовком «Пятна на “солнце”» Залкинд писал: «Колония имени Максима Горького, помещающаяся в бывшем монастыре “Куряж” вблизи Харькова, завоевала по Украине большую популярность, как образцовая колония. Но еще осенью прошлого года комиссия ОК КСМ установила, что и здесь употребляются меры “физического” воздействия.

Комиссия РКИ все эти факты досконально установила: “В мае 1927 г. одного воспитанника – Курилко – избил воспитатель Крикун. По приказу воспитателя в избиении принимали участие также воспитанники. Воспитанника били за то, что его заподозрили в краже пары чулок своего товарища. Били палками и плетьми. Воспитатель бил сначала ладонями, а затем кулаками. Били ребенка что-то около 2 часов. Воспитанник потерял сознание, но его облили водой и продолжали бить. В этот же день этого воспитанника водили в лес и снова били и требовали, чтобы он признался в краже”.

Подвергались избиению и другие воспитанники ...

“Один воспитанник – Рябов – украл гуся и запек его. За это командир отряда сообщил заведующему колонии. Воспитанника наказали побоями, в которых участвовали воспитатель – Коваль – и колонисты. Били палками, угрожали застрелить. Далее полуголого воспитанника посадили в «гримовальку» (колонистская гауптвахта), но и там не оставили в покое: пришли туда “старые колонисты” и били его доской. Воспитанник потерял сознание ... Когда с него сошли синяки, его направили “на исправление” в Змиевской реформаториум (декабрь 1927 г.)”.

Существовали и такие “меры воздействия”: “Одного воспитанника – комсомольца Богопольского исключили из колонии за то, что он ... опоздал к обеду. Воспитанник оказался снова на улице ... Пусть знает, как себя вести! Исправится!”

“Воспитатель Коваль побил воспитанника Пантюхова за то, что тот ... ходил в помещении в шапке ... Особенно били тех, кто только

что вступал в колонию (“пацанов”), которые, побыв несколько дней в колонии и попробовав на себе меры физического воздействия, бежали снова на улицу”.

Но и сам завколонии не отличался методами своего воздействия от воспитателей: он также бил детей. С января 1928 года мер физического воздействия не употребляется. Но к тому времени избиения детей угрожали войти в систему».

Далее Залкинд сетует на отсутствие в колонии пионерской организации и отдельно останавливается на анализе двух систем детского самоуправления в обследованных колониях – системе командиров и детском исполкоме. «В колонии имени Горького, – пишет он, – дети командиров не выбирают, их назначает администрация. В Зеленогайской и Геевский колониях эта система, предложенная сверху (в рамках организации Трудового детского корпуса Харьковского округа, о чем речь пойдет ниже – А. Т.), совсем не привилась. Геевская колония переняла ее из колонии им. Горького механически против желания педагогов и воспитанников колонии. Комиссии пришлось наблюдать никчемную пародию на те внешние приемы, которыми характерна эта система в колонии Горького. <...> Она пришлась по вкусу Змиевскому детскому реформаториуму, но командиры здесь получили неограниченную власть и за спинами педагогов, воспитателей жестоко избивали детей». Как итог сказанному Залкинд выносит обвинительный приговор командирской системе и риторически спрашивает: «Когда же наши педагогические институты возьмутся за изучение этой системы? До каких пор будет существовать “командирство”, которое слишком вредно и противоречит основам советской педагогики?» [142, с. 32–35; 148, с. 56–59; 496, s. 106–109].

В это тяжелейшее для педагога время особое значение приобрела моральная поддержка М. Горького: «Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила. Настроение Ваше, тревогу Вашу – я понимаю, это мне знакомо, ведь и у меня растаптывали кое-какие начинания, дорогие душе моей <…>. Но – не

верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю!» [336, с. 58].

Однако А. Макаренко вынужден констатировать: «В колонии Горького эпоха окончилась, это я удивительно ярко почувствовал в последние дни. Я это так и выражаю: «эпоха колонии Горького окончилась». Разумно, своевременно, мудро дать ей возможность умереть, как все умирает. Надо решительно закончить гомерическую глупость растрачивания себя на ветер» [448, с. 63].

В то же время проблема «физических мер воздействия» в Горьковской колонии, инициированная апрельской комиссией, очевидно, набирает обороты, и 10 мая Макаренко в письме к жене описывает критичность ситуации, сложившейся вокруг него и специфики педагогических методов Горьковской колонии: «Мне это надоело. Я не хочу уже быть постоянным объектом какой-то, ей богу, ненормальной клики. Всякие эти Фиши и другие истерички добьются таки того, что меня посадят в допр, так, здорово живешь, только потому, что я не хочу кланяться разным сумасшедшим. Какая-то самоубийственная глупость, глупость выходящая даже не из головы, а из какого-то пупа прямо царит в нашем обществе. И что это за общество такое: Зайчик, Сухарев, Фиш, Дюшен – какая-то свалка безответственных бузил. Я не хочу бросить им под ноги и свой мозг, и свои нервы. Вот просто считаю, что это лишнее. Я знаю, что они ни за что не будут отвечать, черт с ними. Значит, тем более нет моего долга служить им, этому несчастному слепому обществу дефективных людей.

Завтра я подаю Сухареву заявление, в котром пишу, что с 1/VI по 6/VIII ухожу в тарифный отпуск и к заведованию колонией больше не вернусь – прошу к 1-ому июня указать, кому сдать колонию.

Колонию передаю в хорошем рабочем состоянии – это самое главное.

<...> Я совершенно спокоен, ибо я в этой позиции совершенно неуязвим. Это нужно сделать. <...> Сидеть же и задаром под общее шельмование сгорать в колонии до смерти, было бы чрезвычайно

глупо. Нельзя допустить, чтобы мне пришлось сдавать развалившуюся колонию. А теперь пусть в памяти этих болванов остается сказка о колонии Горького, они ее испортят в два месяца, я крепко убежден в этом» [448, с. 64–65].

16 мая в письме Г. Салько Макаренко описывает «очень лаконичную» беседу с председателем Окррабпроса Стрельбицким: «Вы уходите через меня?» – «Да!» – «Вы очень ценный работник. Я бы не хотел, чтобы Вы уходили». – «Благодарю Вас, но я считаю дальнейшую работу невозможной». – «У нас нет кандидатов, Вы мне обещайте, что не оставите колонии, пока со мной не поговорите». – «Когда это может быть?». – «В первых числах июня». – «Я в первых числах июня по личным делам должен уехать в неделю». – «Тогда в конце мая». – «Числа 24-го?» – «Да!» – «Хорошо» [448, с. 75–76].

Однако тяжелейший момент в драматической хронике 1928 года был еще впереди. Дело против колонии имени Горького, развивавшееся почти исключительно на украинской почве, вновь выходит на общесоветский уровень: в конце марта 1928 г. в московском журнале «Народный учитель» № 1-2 публикуется очерк о Горьковской колонии украинской журналистки и детской писательницы Н. Ф. Остроменцкой – «Навстречу жизни». Еще 2 февраля 1927 г. А. С. Макаренко, узнав о том, что Н. Ф. Остроменцкая намерена опубликовать свои впечатления о пребывании и работе в колонии летом 1926 г., предостерегал ее: «Вы себе представить не можете, насколько сильно я сомневаюсь в нужности такой книги. Я вот работаю в колонии 6 с половиной лет, а чем дальше, тем больше сомневаюсь во многих вещах, не только относящихся к горьковской колонии, но вообще ко всему соцвосу. Впрочем, я не знаю, в каком тоне будет написана Ваша книга. Если это будут просто картины жизни трудовой колонии, протестовать, разумеется нельзя – тут с Вами ничего не поделаешь. Но если Вы будете говорить о принципах и о системе как о чем-то готовом и сложившемся, то я боюсь, как бы мне не пришлось потом протестовать в печати» [236, с. 28].

Позже Остроменцкая ознакомила Макаренко с рукописью и получила от него не только общую положительную оценку своего очерка, но и некоторые замечания, особенно о наличии якобы физических наказаний в колонии, которые обещала учесть. Однако, по неизвестным причинам, она свое обещание не выполнила [236, с. 36; 315].

«Ваша статья, – писал Макаренко, – забирает каким-то душевным, глубоко человеческим тоном. Я лично очень признателен Вам за художественно-идейную поддержку.

Правда, от Вашей статьи мне, пожалуй, здесь не поздоровится. <...>

Ваша статья, конечно, подольет масла в огонь, но я именно поэтому Вам благодарен. Вы сумели показать человеческое лицо моей работы, и, прочитав Вашу статью, я и для себя нахожу какое-то оправдание, а то я было сам себя начинал считать преступником». В этом же письме он предлагал автору послать очерк М. Горькому [236, с. 33, 34].

18 апреля Макаренко, характеризуя в письме Горькому очерк Остроменцкой, отмечает, что в нем «в целом хорошо изображен общий тон нашей колонии, но есть отдельные ошибки. Я не Козьма Прутков и не Хулио Хуренито и решительно отказываюсь от тех афоризмов, которые мне там приписываются. Возможно, что я просто дразнил с помощью двух-трех парадоксов какого-нибудь туриста. Так же история с палками и дубинами – явный гротеск. Наши ребята любят выдумывать обо мне легенды» [336, с. 57].

Между тем, выйдя в одном из популярных центральных изданий, очерк не только привлекает к себе общественное внимание, но и провоцирует негативный общественный резонанс вокруг колонии имени М. Горького, а соответственно, и макаренковской воспитательной системы. Так, вскоре в № 2 журнала Главнауки РСФСР «Вопросы изучения и воспитания личности. Педология и Дефектология» публикуется критический отзыв профессора-дефектолога П. Г. Бельского «“Новейшая” система перевоспитания

беспризорных», в котором воспитательные методы колонии имени Горького приравниваются к методам военно-аракчеевских воспитательных колоний [312, с. 76].

27 апреля А. С. Макаренко пишет Салько: «Получил письмо от Остроменцкой. Она говорит, что буря в Москве по поводу ее статьи страшная, со всех сторон редакция получает письма от шкрабов (школьных работников – А. Т.) в защиту несчастных детей. Редакция не занет, что делать. Остроменцкая просит посоветовать, что ей делать. А что я ей посоветую. Сегодня сам послал письмо в редакцию, <...>. Оказывается, редакция тоже послала книжку Горькому. Воображаю. Я очень боюсь, что Горький тоже станет в защиту ребенка, и тогда будет алла!

<...> Плохо не то, что кто-то кричит и плюется, – говорит дальше Макаренко с болью, – а плохо, что я не могу защищать никаких позиций: у беспартийного человека позиций быть не может. Кроме того, где моя партия. Кругом такая шпана, что не стоит с нею и связываться» [448, с. 51–52].

О печальной роли, которую сыграл очерк Остроменцкой в судьбе Макаренко, упоминается во многих жизнеописаниях педагога, однако отечественное макаренковедение почти никогда не цитировало его. Поскольку нельзя назвать однозначным то впечатление, которое возникает после прочтения очерка, приводим несколько наиболее резонансных мест из него.

«Колония ищет такой формы наказания, которая совершенно бы исчерпывала проступок. Искания еще не доведены до конца, но все же определились следующие группы (классификация их, конечно, только приблизительна): <...>

IV. Наказания, рассчитанные на то, чтобы гневом потрясти провинившегося. Этот вид наказаний возможен только в том случае, если коллектив поддерживает воспитателя. А. С. Макаренко ребята больше, чем любят, они им восхищаются. Это наказание, являющееся как бы естественной реакцией на какой-либо возмутительный поступок, рассчитано на то, чтобы поразить видом необузданного

гнева у любимого, всегда уравновешенного и шутливого главаря… именно главаря, так как т. Макаренко для них – нечто вроде атамана, живущего их жизнью, их интересами, только ведущего их не на грабежи, а в новую трудовую жизнь. Совершенно неважно в конце-концов, что вы будете делать – швырнете ли вы в провинившегося счетами или броситесь на него с кулаками, важно только, чтобы он почувствовал, что совершил нечто до того позорное, что вы не в силах сдержать возмущения. А. С. Макаренко умеет не забыться, он играет, он хороший актер и никогда не переигрывает, его публика всегда им заражена и покорена, он всегда ведет ее за собою. Сам он о себе говорит: “Я не педагог, я актер”. Поэтому, если ему случится поколотить кого-нибудь из воспитанников, он сумеет сделать это так, что восхищение заведующим колонией у того не только не уменьшится, а, наоборот, увеличится. Если же нужно, он сумеет из наказания сделать небольшой фарс для наказываемого, но с ощутительным физическим воспоминанием.

Вот случай, происшедший в бытность мою воспитательницей в колонии. <...> вдруг один из старших колонистов напивается пьяным начинает буянить, <...>.

На другой день заведующий колонией приказывает ему срезать в лесу на себя палку. Провинившийся притаскивает огромную дубину и ставит ее в комнате совета командиров.

– Зачем ты такую дубину приволок? – спрашиваю я.

– Это его Антон Семенович бить будет, – хохочут ребята.

Провинившийся хитро прищуривается:

– Что я, дурак, что ли? Иванову раз сказал Антон Семенович «принеси палку», так он, осел, и принес прут. Ну Антон Семенович его и отстегал, ого! А этой дубинкой бить разве можно? Раз ударит – убьет. А кулаком не больно.

И сидит покорно, ждет с интересом, как будет реагировать Антон Семенович на его выдумку.

После сигнала «спать» появляется заведующий колонией, грозно нахмуренный. Покосившись на дубинку, он, к величайшему

сожалению задержавшихся под разными предлогами ребят, ничего не говорит, только делает едва заметный знак провинившемуся, и они уходят вдвоем. А дубинка, сразу перестав быть инрересной, сиротливо остается торчать в углу.

На другой день утром я дружески спрашиваю провинившегося:

– Ну что, здорово тебя вчера Антон Семенович?

– Было… – говорит он, положительно довольный этим приключением.

Не следует забывать, с какими навыками приходят ребята в колонию: ведь они выросли на улице, в нравах которой «подбрасыванье», избиение «в темную» и т. д. Все это так жестоко, что удар любимого воспитателя вовсе не производит впечатления жестокости, к тому же со стороны старшего товарища он и не оскорбителен, а т. Макаренко именно старший товарищ, а не начальствующее лицо» [315, с. 60–61].

Однако опасения Макаренко по поводу возможной реакции Горького на очерк, к счастью, не оправдались. Великий писатель, читая статью, не только «чуть не разревелся от волнения, от радости», но и в достаточно экспрессивной форме высказал свое восхищение педагогом [336, с. 58].

17 мая 1928 г. можно считать едва ли не самым тяжелым днем в истории идейной борьбы Макаренко: в центральной газете «Комсомольская правда» публикуется речь Н. К. Крупской, произнесенная 8 мая на VIII съезде ВЛКСМ, проходившем в те дни в Москве: «Я хотела бы, товарищи, обратить ваше внимание на то, до чего докатываются отдельные школы. В первой книжке журнала «Народный учитель» за нынешний год описаны воспитательные приемы, которые употребляет один Дом имени Горького на Украине. Там введена целая система наказаний – за один проступок меньше, за другой – больше. Там есть такие проступки, за которые полагается бить, и там создалось такое положение, которое не может не возмущать до глубины души каждого, не только коммуниста, но всякого гражданина Советского союза. Там говорится, что

воспитатель должен наказывать ученика, – он может бросить в него счетами или набрасываться на него с кулаками, может бить палкой, прутом. Там описывается сценка, как заведующий домом посылает провинившегося в лес для того, чтобы он принес прутья, которыми «воспитатель» будет его хлестать.

Дальше идти, товарищи, некуда. Это не только буржуазная школа – это школа рабская, школа крепостническая, и если даже только один такой факт есть, необходимо с ним тщательно бороться» [186, с. 270].

«Ну и качает же, Солнышко, на моем пароходе! – пишет Макаренко жене три дня спустя. – Даже дух захватывает. Читали «Комсомольскую правду» от 17 мая, как меня Крупская разделала по статье Остроменцкой, как по нотам? Я начинаю приходить в восторг – шельмование во всесоюзном масштабе» [223, с. 49]. Интересный факт: в последние годы жизни Н. К. Крупская напишет: «Вопрос о постановке труда в детдоме нельзя брать вне освещения вопроса об учебе и всей жизни детдома. Такие произведения, как «Болшевская коммуна» и «Педагогическая поэма», красноречиво говорят об этом» [187, с. 583].

Статью Остроменцкой не обошел вниманием в те дни и второй влиятельный человек в советском образовании – нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский. 23 мая во время лекции в Ленинграде он говорил: «В одном из педагогических журналов я прочел статью, в которой говорится о том, как ужасно обстоит дело с дисциплиной и в Западной Европе, и в нашем Союзе, и содержание которой нельзя назвать иначе как романтикой розги: там описывается положительный тип советского педагога, который посылает своего ученика в лес – вырезать себе розгу, которой потом его выпорют. Прочесть такую штуку в нашем педагогическом советском журнале – это со стыда сгореть. Если в центральном журнале, издаваемом профессиональным союзом работников просвещения, возможны подобные заявления, то ведь еще худшего можно ожидать там, где многое идет самотеком, - в тех местах, куда не доходят наши взоры. Мы, конечно, уже приняли

некоторые меры к разъяснению того, до какой степени такие выступления недопустимы» [200, с. 271]. В дальнейшем стенограмма этой лекции вышла отдельной брошюрой [199], но нам пока неизвестна реакция А. С. Макаренко на нее.

После речи Крупской Макаренко не оставалось никаких оснований сохранять за собой пост завкола Горьковской колонии. Позже он напишет Остроменцкой: «После Вашей статьи меня здесь стали доедать вконец. После речи Н. К. Крупской на комсомольском съезде, в которой она упомянула о Вашей статье, я уже не видел другого выхода, как уйти из колонии» [236, с. 36].

Реакция на московское событие была молниеносной. 20 мая в письме Салько Макаренко пишет: «На съезде заведующих в Ахтырке меня крыли – алла <...>. Особенно Дюшен и Довгополюк. Но братишки-заведующие на моей стороне, даже прослезиться можно можно» [223, с. 49]. А 29 мая сотрудники Центрального бюро Коммунистического детского движения (пионеров) подготовили и подали на рассмотрение в секретариат ЦК ЛКСМУ проект постановления с требованием «принять меры к реорганизации колонии им. Горького и прекращении ее вредного влияния на другие учреждения» [298, с. 140]. Однако постановление тогда принято не было.

Поданное Макаренко заявление об увольнении было принято, но руководство округа заключило с ним договоренность о том, что он не оставит колонию до ожидаемого вскоре визита Горького. «В связи с приездом Горького здесь страшное смущение, – писал он 26 мая. – Мне это нравится просто, как мальчишке, но с другой стороны это и опасно. Я очень боюсь как раз Горького, вдруг он что-нибудь начнет проделывать, чтобы я остался. А я сейчас на таком разгоне, что НЕ ХОЧУ» [448, с. 87].

Справедливость требует отметить, что вопреки общей конфронтации Макаренко с образовательными органами, административно-хозяйственная власть Харьковского округа была настроена гораздо конструктивнее в отношении его деятельности: «У

тов. Кантаровича (заместитель председателя Харьковского ОИК – А. Т.) кроме того такое настроение, что вообще деньги выдать колонии только в том случае, если я остаюсь в колонии. Вообще он категорически кричит, что меня отпускать нельзя» [448, с. 88–89].

27 июня 1928 г. снова к травле Макаренко приобщается республиканская пресса – харьковская газета «Вісти» (Известия) вмещает неподписанную статью о состоянии детских интернатов Украины «Детские дома требуют общественного внимания! Органы Наробраза мало сделали для улучшения состояния интернатов. «Оригинальные» методы воспитания гр. Макаренко». В ней в частности говорится: «Мы уже раз писали о состоянии детских интернатов. Последствия обследование этих интернатов обнаружили ужасную картину их состояния <...>. Бесхозяйственность, неквалифицированность педагогического состава, система воспитания посредством избиения детей, брань и другие старые «приютские» методы, отсутствие четкой производственной базы детских учреждений, плохая воспитательно-политическая работа, недостаточная разгрузка домов от переростков и т. д., – вот что характеризует состояние и работу детских интернатов». Относительно лично Макаренко говорилось: «зав. колонии Макаренко даже придумал целую “научную” систему наказаний для детей; среди этих наказаний были и побои, выбрасывание детей на улицу раздетыми и т. д. Самих детей заставляли идти в лес за розгами, которыми их бьют». Вообще, НК РКИ констатировал, что за последние годы НКП, в связи с увеличением внимания к распространению школьной сети, мало внимания обращал на детские интернаты. Поэтому НКП предложено «усилить методическое и живое руководство работой интернатов, увеличить контроль над работой Окр. ИНО». Статья заканчивается словами: «Представитель НКП’са оповестил коллегию НКРКИ, что Макаренко снят с работы» [120; 496, s. 115].

Сразу же после этого, не в состоянии, очевидно, больше терпеть, А. С. Макаренко совершает отчаянный шаг – обращается в Правление коммуны имени Ф. Э. Дзержинского с рапортом, прилагая

при этом копию акта апрельского обследования колонии имени Горького комиссией ОкрРКИ и упомянутую статью в газете «Вісти». В рапорте он подробно описывает историю травли и колонии и лично себя и поднимает вопрос о доверии со стороны Правления коммуны к нему как ее руководителю [514, л. 1, 2 об.].

Последний акт горьковской драмы Антона Макаренко состоялся в дни величайшего триумфа созданной им колонии – встречи Максима Горького. Н. Э. Фере в своих воспоминаниях так описывает товарищеский прощальный ужин, состоявшейся 9 июля: «Веселье продолжалось, но Антону Семеновичу временами становилось грустно. Сидя рядом с ним, я в одну из таких минут наклонился к его уху:

– Разрешите все-таки рассказать Алексею Максимовичу всю правду… Ведь он так и не знает, что вы завтра уходите из колонии. Не знает, что вы сейчас переживаете… Этого хочу не я один, но все старые работники колонии, которые просили меня раскрыть глаза Алексею Максимовичу на печальные события, происходящие у нас.

Антон Семенович покачал головой и так же тихо ответил:

– Ни в коем случае! Посмотрите, как весело настроен Алексей Максимович… Я не позволю омрачать его пребывание в Куряже участием в каких-то там склоках и дрязгах! Слышите?

<...> Антон Семенович, по-видимому, заметил, что его слова не убедили меня и я жду только удобной минуты, чтобы заговорить с Алексеем Максимовичем. Он крепко сжал мою руку и строгим голосом проговорил:

– Ни одного слова Алексею Максимовичу! Это мое приказание. Я еще заведующий колонией… – И, немного помолчав, добавил более спокойно: – Спасибо всем, кто вас об этом просил, спасибо за заботу. Я не сдаюсь и буду бороться дальше…» [458, с. 195–196].

Позже из письма Горького Макаренко становится известно, что писатель все же предпринял определенные шаги, чтобы спасти колонию, и получил «обещание т. Б. в Харькове “не мшать” Вам в работе Вашей. В Москве – писал Горький далее – я тоже говорил о

том, чтоб Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого» [336, с. 65].

10 июля 1928 г., то есть в день отъезда Горького из Харькова, харьковская газета «Комуніст» публикует подборку материалов, освещая пребывание великого писателя в столице Украины. Одна из статей, «Вместо впечатлений», написанная журналистом Ю. Золотаревым, выражает обиду автора как представителя этой газеты, на «чиновника от просвещения, которому доверено воспитание 400 детей» А. С. Макаренко за приказ выгнать из колонии журналистов, докучавших уважаемому гостю. В этом же номере помещена и карикатура на А. С. Макаренко «Чемпион хулиганства», подпись под которой гласит: «Это ... товарищ? гражданин? – не подходит! Это – Макаренко, зав. детской колонии. / А это – историческая фраза Макаренко:

Всех корреспондентов и всех репортеров – в шею!

И это – не менее историческая фраза одного из помощников Макаренко (рабфаковец, гм!):

– Если будешь снимать спереди, – выкину с твоим аппаратом за шиворот.

Макаренко, кроме детей в колонии, воспитывает еще и свиней в свинарнике. Как он воспитывает детей, – не знаем, а вот как его воспитали свиньи – теперь известно всей Украине.

Не завидуем детям!» [151; 496, s. 123–125, 129].

В этот же день проходит заседание Центрального бюро коммунистического детского движения (пионеров) (ЦБ КДД), где заслушивается информация представителя ЦК ЛКСМУ И. Молодцова о встрече М. Горького в колонии его имени. Докладчик отмечает: «грубое отношение» к нему как представителю ЦК ЛКСМУ и к прессе со стороны А. С. Макаренко, полный контроль последнего над комсомольской ячейкой колонии, идеологически вредную систему воспитания в ней, весьма напряженное состояние колонии в связи с передачей ее новому заведующему. ЦБ КДД постановляет: признать недопустимым отношение А. С. Макаренко к представителю

ЦК ЛКСМУ; сообщить НК РКИ о слабом исполнении его постановления о снятии Макаренко и реорганизации колонии; «“систему” тов. Макаренко сразу не ломать, а постепенно», подобрать заведующего – члена партии и т. д. [22, с. 215; 501, л. 13].

11 июля в колонию имени Горького приезжает заведующий Упрсоцвоса Наркомпроса УССР В. А. Арнаутов и выдвигает Макаренко ультиматум: «или перейти на обычную соцвосовскую систему или уйти». Вскоре Макаренко обращается к Арнаутову с письмом, в котором говорит, что: «Наша беседа помогла и мне окончательно выяснить то, что от меня требуется, и как мне нужно поступить. Независимо оттого, какие репрессии могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации. Я считаю и теперь, что в колонии им. М. Горького настоящий советский соцвос». Далее Макаренко приводит список наиболее принципиальных отличий собственной воспитательной системы и добавляет: «Все перечисленное составляет предмет моей педагогической веры. Я уверен, что в колонии им. М. Горького осуществлен настоящий советский соцвос. Не имею никаких оснований усомниться хотя бы в одной детали. И по-этому по совести не могу ничего изменить, не рискуя делом.

Все это заствляет меня просить Вас привести в исполнение Ваше решение снять меня с работы. <…> Все же я предпочитаю скорее остаться без работы, чем отказаться от организационных находок, имеющих по моему мнению, важное значение для советского воспитания» [22, с. 215–217; 510, л. 1, 3]. После этого А. С. Макаренко фактически уходит из колонии имени Горького и остается работать только в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Официальной же датой его увольнения с должности заведующего колонии (с учетом очередного отпуска) считается 3 сентября 1928 г. [213 с. 96–97; 236, с. 124].

Узнав об этом, М. Горький в декабре 1928 г. предпринимает попытку вернуть Макаренко в колонию. «Очень боюсь, – пишет он, – что в этом деле замешаны тенденции “националистического”

характера. <...> Разрушать такие дела – преступление против Государства, вот как я смотрю на эту историю» [336, с. 65–66].

Существует одно очень важное историческое обстоятельство, существенно повлиявшее на политическое пространство деятельности Макаренко. Свертывание его педагогического эксперимента происходило в конце 1920-х годов – в период укрепления идеологической монолитности общества как одного из главных атрибутов нового строя [115, с. 183]. В этой ситуации ему надо было быть достаточно осторожным, формулируя собственные принципы в области социального воспитания. По крайней мере, всем своим инновациям, если они выходили за рамки официальных концептуальных, методических и организационных ограничений, он должен был обеспечить надежное идеологическое прикрытие.

Сконструировав, по сути, самостоятельно с небольшой группой сторонников беспрецедентно эффективную систему перевоспитания, Макаренко, сам, видимо, того не желая, посягал на статус и благополучие большого числа влиятельных людей – чиновникив наркомпроса, ученых – представителей «”чистого” педагогического жречества», работников учреждений социального воспитания и др. Он последовательно намекал на некую кардинальную ущербность идеологических, педагогических, моральных институтов, сформировавшихся в первые годы революции, а своими достижениями демонстрировал определенную альтернативу им. Позже он довольно откровенно говорил о них на страницах рукописи «Педагогической поэмы», определяя программу педагогического «Олимпа» «как довольно хитро составленную композицию из революционной терминологии, толстовства, кусочков анархизма, совершенно нематериальных остатков эсеровского “хождения в народ”, барской высокомерной благотворительности и интеллигентского обычного «вяканья» [228, с. 571]. «И я не знал даже, – писал далее Макаренко, – как квалифицировать всю эту теорию: бред сумасшедшего, сознательное вредительство, гомерическая, дьявольская насмешка над всем нашим обществом или

простая биологическая тупость. Я не мог понять, как это так случилось, что огромной практической важности вопрос о воспитании миллионов детей, то есть миллионов будущих и при этом советских рабочих, инженеров, военных, агрономов, решается при помощи простого, темного кликушества и при этом на глазах у всех» [228, с. 572–573].

Опасность макаренковской альтернативы заключалась в том, что его воспитательная система последовательно пренебрегала некоторыми существенными и неотъемлемыми атрибутами советской системы: идеологическим конформизмом, непререкаемостью авторитета детских и юношеских коммунистических организаций и пр. Поэтому вполне естественно, что наиболее острые столкновения с чиновниками НКП у него происходили именно из-за якобы идеологической ущербности применяемых в колонии имени Горького методов. Очевидно, политически бдительные основатели и руководители социального воспитания никогда полностью не доверяли беспартийному завколу, поскольку имели определенные сомнения в совершенстве педагогического «продукта», полученного с помощью «идеологически невыдержанных» методов. Видимо, и этим также можно объяснить, почему чрезвычайно продуктивная и технологичная воспитательная система Макаренко так и не была официально принята для широкого распространения по всей стране, хотя у власти никогда не возникало нареканий на ее эффективность.

Как известно, колония имени Горького в течение семи лет пользовалась исключительным правом увеличивать размер ставок зарплаты своим воспитателям за счет уменьшения количества последних [22, с. 187–188; 534, л. 98]. Важным здесь является то обстоятельство, что такое перераспределение средств в рамках соответствующего фонда был в первую очередь следствием оригинального способа организации труда педагогов колонии, а уже потом средством их стимулирования. Много и самоотверженно работая меньшим от норматива штатом в неблагоприятных экономических и социальных условиях и достигая при этом

чрезвычайно высоких педагогических результатов, колония имени Горького своим отношением к делу утверждала несколько иную трудовую мораль. Достаточно высокий уровень этой морали, основанной на нетипичной для учреждений соцвоса трудовой мотивации, создавая своеобразный этический прецедент, оттенял некоторые принципиальные недостатки социалистической организации и стимулирования труда. В таком контексте нам представляется не случайной борьба, которую пришлось вести Макаренко (как свидетельствуют документы [534, л. 113, 114]) с чиновниками за сохранение такой, казалось бы, прогрессивной формы материального поощрения.

Сам Макаренко неоднократно сетовал на распространенное среди большинства воспитателей детских колоний безразличное и потребительское отношение к своему делу, которое подтверждается, кстати, многими документами харьковского архива. Такое положение вещей создавало, с одной стороны, выгодный фон для Горьковской колонии, но, вместе с тем, противопоставляло ее другим. Не исключено, что это вызвало определенное недовольство персонала и руководства аналогичных детских учреждений, лишая их возможности маскировать свою некомпетентность, бесхозяйственность и небрежное отношение к должностным обязанностям. А позже именно это и повлекло скрытое сопротивление организаторской и педагогической деятельности А. С. Макаренко как руководителя Управления детколониями Харьковского округа.

Подобное моральное противостояние с существующей в то время практикой организации социального воспитания органично вытекало из этического основания созданной Макаренко воспитательной системы. Г. С. Салько утверждала, что понимание его педагогической концепции без понимания его этических взглядов – невозможно [454, с. 192].

Здесь хотелось бы сделать некоторое предположение. Чрезвычайно напряженный и самоотверженный труд всего без исключения педагогического коллектива колонии имени Горького, на

наш взгляд, является таким же полноправным элементом «макаренковской воспитательной системы», как и более «популярные» среди исследователей идей Антона Семеновича – детский коллектив, производительный труд, система органов самоуправления и т. п. Кстати, сам Макаренко не жалел красноречия, когда писал о том, какое место занимает «каторжный труд воспитателей» в педагогических успехах колонии.

Если же говорить о системе А. С. Макаренко как о педагогической технологии, что сейчас стало почти общепризнанным [164], то большой объем и напряженность трудового процесса педагогов в сочетании с высокой трудовой моралью надо рассматривать как своеобразную самостоятельное и необходимое технологическое звено. Возможно, именно недоучет этого технологического звена и разрушал многочисленные попытки воспроизведения макаренковской воспитательной системы, степень успеха в которой стоит в непосредственной и необходимой зависимости от количества и интенсивности затраченного воспитательского труда.

Но количество и интенсивность сами по себе, разумеется, общего результата не обеспечивают. Очевидно, одно из главных открытий воспитательной системы колонии имени Горького было в том, что она предлагала оптимальное сочетание характера труда педагогов со способом его организации.

Ни у кого не вызывает сомнений положительная роль, которую сыграл Максим Горький в идейном становлении и жизни Макаренко. Их отношения являются еще одной стороной биографии педагога, которая незаслуженно была обойдена вниманием в исследованиях драматических событий 1928 года. Тут особую важность представляют два вопроса: как объяснить, почему безусловную поддержку педагог получил именно от эмигранта Горького, и как дружеские отношения с последним могли негативно повлиять на общее положение Макаренко?

Великий гуманист, кумир Макаренко, как мы знаем, всегда находился в определенной оппозиции и к верхушке ленинской партии, и вообще к большевистскому делу. Не поддержав Октябрьской революции и активно критикуя политику большевиков на страницах собственного органа, газеты «Новая жизнь», Горький создавал опасную для них духовную оппозицию в среде российской социал-демократии, чем вызвал противоречивое и даже враждебное отношение со стороны «ленинской гвардии». Позже он значительно смягчил свою позицию, однако отношения с руководителями партии и государства оставались достаточно напряженными еще долгие годы, что главным образом и спровацировало отъезд в Италию и другие существенные неприятности писателя. Сближение с большевиками не было следствием коренной трансформации политических или этических взглядов Горького, скорее это был определенный вынужденный компромисс. «Собираюсь работать с большевиками, на автономных началах», – писал Горький Пешковой в 1918 году [102, с. 7]. Характерная деталь, о которой уже говорилось: когда перед приездом в Куряж почти всесильный «великий пролетарский писатель» попытался защитить Макаренко и его дело, ни в положении заведующего колонии, ни в судьбе его идей не изменилось почти ничего [336, с. 65].

Понятно, что не только «шефство» над колонией своего имени было главной предпосылкой неизменной приверженности Горького идеям и делам Макаренко. Кое-что станет понятным, если предположить и наличие определенных идейных причин. Интересное наблюдение: во всей многолетней переписке Макаренко с Горьким оба корреспондента избегают какой бы то ни было сугубо большевистской фразеологии. Обращает также на себя внимание их абсолютное моральная единомыслие. Не исключено, что в начале переписки (в 1925 г.) Горькому особенно импонировала близость их гуманистических символов веры, идейная и деятельностная независимость новатора-завкола, а главное – его некая духовная автономия в атмосфере новорожденного тоталитарного общества. Вот

несколько типичных мест из писем А. С. Макаренко: «Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации» (письмо от 8 июля 1925 г.) «Наш педагогический коллектив до сих пор одинок в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам» (письмо от 4 августа 1925 г.) «Наш коллектив, разумеется, не скоро мог решиться заговорить о ревизии нашего соцвоса, но на деле уже с 20-го года мы конструировали свою линию» (письмо от 24 ноября 1925 г.) [336, с. 4, 8, 18]. Позднее же, в конце 1920-х годов, очевидно, такой родственной чертой в отношениях Горького и Макаренко могла выступать откровенная политическая незаангажированность последнего.

Приведенные рассуждения, раскрывающие некоторые малоразработанные аспекты идейной конфронтации А. С. Макаренко, хотя несколько и расширяют поле поиска возможных причин уничтожения уникальной воспитательной системы, однако отнюдь не исчерпывают его. К тому же, еще остается не раскрытым вопрос о месте Трудового детского корпуса в истории данного педагогического кризиса.

Разумеется, финал «горьковской» эпопеи Макаренко нельзя анализировать только на основе изучения объективной ситуации, с учетом чисто внешних факторов. По нашему мнению, он тесно связан с сугубо личностными мотивами педагога, с его глубоко интимными переживаниями. Весь ряд внутренних коллизий Макаренко также можно восстановить на основе многих мест из его переписки с женой.

Еще за год до описанных событий, летом 1927 года, он писал: «Я стою перед созданным мною в семилетнем напряжении моим миром, как перд ненужной игрушкой. Здесь столько своего, что нет сил отбросить ее, но она вдруг сломана, и для меня уже не нужно ее поправлять. <…>

Я всегда был реалистом. И сейчас я трезво сознаю, что мой колонийский период нужно окончить, потому что я выкован кем-то наново. Мне нужно перестроить свою жизнь так, чтобы я не чувствовал себя изменником самому себе» [448, с. 22]. Появление

будущей жены – Г. С. Салько в жизни Макаренко и горячая влюбленность в нее могли стать тем поворотным пунктом в его работе, который изменил привычный устоявшийся порядок, трансформировал систему мотивов, открыл новые жизненные ориентиры. В известной степени справедливым будет предположение, что Салько заняла место в жизни Макаренко, которое ранее целиком принадлежало Горьковской колонии. Об этом, собственно, он и пытался сказать жене в своих письмах (10 мая 1928 г.): «нельзя вместить колонию Горького и Вас, колонией нужно все равно жертвовать. <…> Тут, конечно, я рву по живому месту. Но что же делать» [448, с. 65]. Теперь Макаренко смог бы со стороні посмотреть на себя и свою деятельность, почувствовал потребность отчитаться перед самим собой: «ни один человек не знает, какой это исключительный трюк – один день «позаведовать» колонией Горького? – писал он в апреле 1928 года. – А тут трюк продолжается 8 лет. Я так привык к тяжелым характерам и случаям, что вероятно без них мне уже будет трудно жить и как раз потому, что я привык, я переживал весь этот трюк даже с каким-то удовольствием. А вот сейчас я еще по привычке, как машина, продолжаю все, что полагается проделывать на моем турнике, но зато как ясно я вижу и знаю всю бесценность и глупость всей этой гимнастики» [448, с. 45].

Иногда, в тяжелые моменты своей борьбы, Макаренко переживал довільно пессимистические настроения (13 мая 1928 г.): «Сейчас мой горьковский кризис еще больше настраивает меня на преклонение перед жизнью – я прислушиваюсь к своей боли, к чувству глубочайшего оскорбления, к целой стихии “гражданских мыслей”, к национальному отчаянию, к начинающемуся складываться какому-то постоянному ощущению безнадежности» [448, с. 68], (18 мая 1928 г.) «у меня такое ощущение, как будто меня всего вывернуло наизнанку и какими-то специальными инструментами вытаскивают из меня мясо, нервы, кости, мозг» [448, с. 77].

Знакомство с Г. Салько и безграничная влюбленность в нее, а также большое психическое истощение от напряженной работы и

постоянной борьбы оказались тем психологическим фоном, который тоже нельзя не учитывать при анализе драмы завершающего периода работы А. С. Макаренко в колонии имени М. Горького.

Бесспорно, большой интерес представляет анализ причин заключительного кризиса Горьковской колонии в системе видений и оценок самого А. С. Макаренко. Так, 18 апреля 1928 г. в письме Горькому он пишет: «меня сейчас едят <…> только потому, что я решительно отказываюсь подчиниться тем дурацким укладкам, той куче предрассудков, которые почему-то слывут у нас под видом педагогики. А разве трудно меня есть? Когда организуется жизнь 400 ребят, да еще правонарушителей, да еще в условиях нищеты, так трудно быть просто должностным лицом, в таком случае необходимо стать живым человеком, следовательно, нужно и рисковать и ошибаться. Где в работе есть увлечение и пафос, там всегда возможны отклонения от идеально мыслимых движений.

А меня едят даже не за ошибки, а за самое дорогое, что у меня есть – за мою систему. Ее вина только в том, что она моя, что она не составлена из шаблонов. К этому должно было прийти. <…>

В то же время никто не решается утверждать, что в колонии Горького дело поставлено плохо. Вообще никакой логики во всем этом нет. <…>

Иногда мне хочется смеяться, глядя на все это ребячество, а чаще все-таки приходится прямо впадать в тоску. У нас так легко могут сломать и растоптать большое нужное дело, и никто за это не отвечает. <…>

После этого стоит ли что-нибудь делать. Ведь в таком случае гораздо спокойнее просто служить и честно получать жалованье. <…>

К вам приводят запущенного парня, который уже и ходить разучился, нужно из него сделать Человека. Я поднимаю в нем веру в себя, воспитываю в нем чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом, перед человечеством, я говорю ему о его человеческой и рабочей чести. Оказывается все это ересь. Нужно

воспитать классовое самосознание (между нами говоря, научить трепать языком по тексту учебника политграмоты).

<…> Если меня бьют педагогическими догмами, то я бью живым коллективом 400 горьковцев, бодрых, веселых, энергичных, знающих себе цену и с прекрасной рабочей «установкой». Если этот аргумент не действителен, то значит и бороться не за что» [336, с. 54–57].

Через несколько месяцев после завершения своей «горьковской» эпопеи, 22 ноября 1928 года, в письме Горькому Макаренко так объясняет то, что случилось: «Для гибели колонии никаких серьезных причин вообще не было. Было обычное коллективное гловотяпство, в котором и виновных не сыщешь. Отдельные лица, особенно старавшиеся в травле колонии, уже успели бросить свою полезную педагогическую деятельность и даже уехали из Харькова, остальные продолжают жевать свою жвачку за письменными столами и сонно посматривать на гибель колонии – что им такое колония Горького, одной колонией меньше, одной больше» [336, с. 64].

Своеобразным эпилогом славной истории Горьковской колонии, а равно показателем ее педагогической и экономической успешности может служить контраст между бурным развитием первых лет существования на территории Харьковщины и постепенным разрушением послемакаренковского периода.

20 ноября 1935 г. Народным комиссариатом внутренних дел Украины был издан приказ № 897 «О результатах обследования трудколоний НКВД Харьковской области им. Горького и Андреевской», текст которого является объективным изображением состояния Горьковской колонии через 7 лет после увольнения Макаренко: «Последние обследования Трудовых Колоний Харьковской области им. Горького в Куряже и Андреевской показали, что со времени передачи этих колоний в НКВД их работа не улучшилась, персонал не подобран, работает вяло, коллективы воспитанников не организованы, самоуправления фактически не

существует. Изменений во внешнем быте воспитанников не заметно. <...>

Слабые коллективы этих колоний деморализованы постоянными перебросками десятков детей с места на место». Отдельно о колонии имени Горького сказано, что она создает впечатление учреждения запущенного и неупорядоченного. В связи с этим НКВД предписывал начальнику Харьковского областного управления К. Карлсону срочно пересмотреть руководящий состав обеих колоний, а начальнику коммуны имени Дзержинского Тихонову помочь Горьковской колонии кадрами [583, л. 25–25 об.].

В это же время происходило, очевидно, и ухудшение профессионального уровня педагогического состава колонии. Вот характеристика одного из ее педагогов весны 1936 г., преподавателя литературы и русского языка П. В. Сидорова: образование среднее (окончил учительскую семинарию) с предыдущего места работы, 5-й харьковской железнодорожной школы, уволен по сокращению штатов, наблюдается пристрастие к употреблению спиртных напитков, в феврале 1936 г. приказом по колонии получил строгий выговор за появление на работе в нетрезвом состоянии, с порученной работой справляется слабо, работоспособность недостаточна, безынициативный, с трудом ориентируется в обстоятельствах, слабохарактерный и безвольный, подбирать работников и управлять ими не может совсем, участия в общественной работе не принимает, авторитетом среди сотрудников и воспитанников не пользуется, занимаемой должности преподавателя не отвечает [586, л. 2].

Возвращаясь к описанным выше драматическим моментам становления педагогической системы А. С. Макаренко, не можем не подчеркнуть, что на фоне обострения административной ситуации вокруг Горьковской колонии и макаренковского воспитательного метода, почти тотальной критики на всех уровнях инновационного опыта особенно ярким контрастом выступает непрерывное становление материального благосостояния учреждения, укрепление

его кадрового состава как главных рычагов педагогически целесообразной профессиональной микросреды.

1.3. Материальные и кадровые основы формирования профессиональной микросреды Горьковской колонии

Хотя повышение профессионализма воспитанников в производственной системе колонии имени М. Горького было однозначно положительным явлением, хозяйственная польза этой тенденции прежде всего должна была согласовываться с педагогическими целями. Иными словами, если А. С. Макаренко налаживал и реализовал определенную систему профессионального обучения и воспитания колонистов, то задачи и сущность этой системы должны были быть детерминированными в первую очередь педагогической, а уже потом хозяйственной целесообразностью. Анализ материалов об истории развития колонии позволяет сформулировать главные элементы системы профессионализации подростков, постепенно складывавшиеся в ней на протяжении полтавского и харьковского этапов существования: а) воспитание трудовых, хозяйственных, экономических, организаторских, управленческих навыков; б) производственное обучение и приобретение рабочей квалификации по нескольким специальностям; в) подготовка к поступлению в профессиональные учебные заведения.

Однако системообразующим фактором, интегрировавшим все формы профессиогенеза воспитанников, определявшим их направленность и эффективность, являлась общая атмосфера учреждения, специфический психологический фон, выступавший необходимой составляющей его неповторимого тона и стиля. Заведующий колонией стремился максимально профессионализировать обстоятельства жизнедеятельности воспитанников – окружить их примерами профессионального

отношения к делу, образцами высшего профессионального мастерства, а главное – создать условия для трансформации ценностного сознания подростков, переориентации его на объекты, крайне необходимые для организации их полноценного профессионального будущего. В конструировании такой «профессиональной микросреды» Макаренко проводил целенаправленную работу по двум решающим направлениям: внутреннему, главными средствами которого выступали укрепление материально-производственной базы и формирование высококвалифицированного коллектива работников колонии, и внешнему – через поиск и расширение контактов колонии с рядом соответствующих профессиональных институтов. При этом коренным отличием макаренковской системы коллективного воспитания было то, что формирование профессиональной микросреды в колонии с ее как внешними, так и внутренними функциями происходило при непосредственном и сознательном участии самих воспитанников. По мнению Г. Хиллиґа, именно этим принципом подход Макаренко кардинально отличается от современного, терапевтического понимание окружения – форма условий быта и работы коллектива устанавливается лиш через него самого, предпосылки и условия воспитания создаются самими подростками [471, с. 14].

Перевод Горьковской колонии на новое место в непосредственной близости от Харькова и соответствующих столичных институтов, как уже говорилось, создавало кардинально новую ситуацию развития воспитательной системы А. С. Макаренко. К наиболее весомым факторам развития колонии в этот период относятся значительный рост контингента воспитанников, расширение материальной и особенно производственной базы, разнообразие источников и форм финансовой и материальной помощи и, как следствие – изменение качественных характеристик ее профессиональной микросреды.

Повышение роли производственной части колонии в становлении комплекса общепрофессиональных умений колонистов

происходило по мере увеличения ее мощностей – характер и объемы производства продукции определяли универсальность этих умений, а как следствие, и лучшую адаптируемость в профессиональной сфере.

Материальная база и промышленный потенциал колонии имени Горького в течение всего времени ее существования состоял кроме бытовых, учебных и хозяйственных зданий – из земельного участка, животноводческого хозяйства и производственных мастйрских.

Документы хотя и фрагментарно, но дают возможность отслеживать по годам динамику изменения размера земельных угодий колонии (см. табл. 1.2). Как известно, колония получила остатки материальной базы бывшего исправительного учреждения для малолетних преступников, открытого в 1899 году Кременчугским обществом исправительных колоний и ремесленных приютов. После многолетних попыток найти нужную для устройства учреждения землю, в 1894 году упомянутое общество получило в подарок от помещика Базилевского участок площадью 120 десятин в урочище Трибы на левом берегу Ворсклы, большая часть которой представляла собой песчаный грунт и около 45–48 дес. занимал условно пригодный для земледелия супесок. Кроме того, около 7 десятин участка находилось под озером Ракитным, неоднократно упомянутым позже Макаренко на страницах «Педагогической поэмы». Уже в 1898 году на подаренной земле появились: дом для директора колонии, два дома для воспитанников и педагогов, помещение для кухни, столовой, мастерской и классной комнаты, дом для квартир заведующего хозяйством, мастеров и обслуживающего персонала, сарай, амбар с кладовой, кладовая с погребом и кирпичным ледником с двумя отделениями [481, с. 255–256, 258]. Однако далеко не все земельное наследство перешло к учреждению, руководимому Макаренко: на июль 1922 г. колония имела в Трибах только 12 дес. поля (песок) и 5 дес. огородов (вместе 17 дес.), что касается 85 десятин молодого соснового леса, который принадлежал сначала колонии, то в данное время он уже находился в ведении Лесоуправления [348, с. 113; 596, л. 5–11]. Заметным ростом земельного фонда Горьковской колонии

было отмечено получение в аренду в конце 1920 – в начале 1921 г. полуразрушенного и ограбленного местными жителями в годы Гражданской войны имения бывших землевладельцев Трепке в селе Ковалевка: 40 дес. поля, 15 дес. усадьбы, 3 дес. лугов, 3 дес. парка с молодняком – вместе 61 дес. [348, с. 113; 596, л. 5–11].

Предприниматели немецкого происхождения Вильгельм Вильгельмович и Эмиль Вильгельмович Трепке в конце 80-х годов XIX в. приобрели у ковалевского помещика Ф. А. Гербут-Гейбовича большой земельный участок (1245 дес.) и создали на нем образцовую экономию, именно возрожденным остаткам которой и было суждено в будущем украсить страницы истории мировой педагогики. Кстати, по иронии судьбы, Вильгельм Вильгельмович Трепке и его жена Анна Федоровна приблизительно с первых лет XX века были членами правления известной благотворительной общественной организации – Полтавского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [9, с. 84; 10, с. 67; 347, с. 84; 348, с. 25; 352, с. 359].

Став арендатором имения, колония имени Горького унаследовала от предыдущих хозяев не только остатки имущества, но и память о былых агротехнических, животноводческих и промышленных успехах. По состоянию на 1903 г. Трепке владели 1150 десятинами земли, на которой применяли сложный 8-польный севооборот, регулярно поставляли на рынок семена зерновых культур, разводили большое количество симментальского скота, а также свиней, овец и птицы, основали известный конный завод, специализированный на арденской породе. Промышленная активность Трепке не осталась незамеченной, в 1915 году Вильгельм Вильгельмович уже упоминается в справочниках в звании почетного гражданина и члена Полтавского общества сельского хозяйства [323, с. 102, 142; 348, с. 25; 352, с. 359–360; 392, с. 151].

Унаследованная колонией недвижимость общей площадью 5014 квадратных аршин (2536,08 кв. м) состояла из 6 кирпичных домов, 2 домов, крытых соломой и черепицей, бетонной конюшни и двух сараев [596, л. 5–11]. Паровая мельница, тоже остававшаяся от

прежних владельцев, была в то время на территории поместья единственным неповрежденным сооружением и функционирующим предприятием. В связи с тем, что местные власти сдавали его в аренду различным собственникам и получали от этого прибыль, мельница не вошла в число полученных колонией объектов недвижимости.

Следует отметить, что окончательный переезд колонии в ноябре 1924 г. в отреставрированное имение Трепке и оставление ею Трибов уменьшили площадь пашни почти на 30 %. В общем сообщение о размерах и спецификации земельной базы колонии достаточно противоречивы, что объясняется, скорее всего, недостаточной точностью вычислений. Так, на 15 сентября 1922 г. колония уже имела, если верить документам, «66 десятин занятой под культурами земли», 3 дес. лугов, около 1,5 дес. парка с фруктовым садом и 82 дес. леса [348, с. 148; 596, л. 60–61]. Некоторое уменьшение надела документы фиксируют в январе 1923 г.: 52 дес. посевных угодий, 5 дес. огородов, 6 дес. сада [348, с. 163; 597, л. 1–3]. Но уже в мае того же года колония пользовалась такими площадями сельскохозяйственных угодий: 37 дес. зерновых, 14,5 дес. огородных, 13,75 дес. пара, 3 дес. сада, 3,5 дес. лугов, вместе 71,75 дес. [348, с. 192; 597, л. 15–17]. Хотя с увеличением численности воспитанников имеющиеся площади уже почти перестали удовлетворять колонию, но их разнопрофильность и культура сельскохозяйственного производства предоставляли широкие педагогические возможности.

Анализ и сравнение большого числа архивных свидетельств позволили установить относительно точные данные о соотношении количества воспитанников колонии и общей площади пашни в разные периоды времени. Устойчивая тенденция уменьшения этого показателя проиллюстрирована данным таблицы 1.2 [17, с. 98–100; 22, с. 159–160, 173; 226; 229, с. 8, 13–14; 302; 336, с. 3, 19, 26; 348, с. 100, 105, 113, 114, 138–146, 148, 155, 162–163, 165, 166, 182–183, 186–187, 191–192, 195–196; 349, с. 8, 9, 15, 47, 59, 61. 69–70, 76; 499, л. 425; 504, л. 1–7; 518, л. 13–15 об.; 549, л. 85; 555, л. 107–110; 595, л. 138; 596,

л. 2–3, 5–11, 25–32, 49–51, 60–61; 597, л. 1–3, 5–7, 9–11, 12–14, 15–17, 19–21; 600, л. 2, 5, 13].

Следует подчеркнуть, что постоянные попытки колонии увеличить свою материальную базу наталкивались на активное сопротивление местного крестьянства, которое страдало от традиционного земельного дефицита Полтавщины. Уже к концу XIX века земельный запас на одного жителя в Полтавской губернии составлял лишь 1,37 десятины, по Полтавскому же уезду, в состав которого входила и Ковалевка, он был еще меньшим – 1,13 дес. Для сравнения, в европейской части Российской империи этот показатель тогда достигал 4,18 дес., по всей же стране – 13,75 дес. Меньше чем Полтавская земли имели только Подольская (1,12 дес.), Киевская (1,14 дес.) и Московская (1,16 дес.) губернии [392, с. 3].

Таблица 1.2

Соотношение количества воспитанников трудовой колонии имени М. Горького и общей площади пашни в ее распоряжении

Дата	**Количество воспитан-ников**	**Общая площадь пашни (десятин)**	**десятин пашни на 1 воспитанника**
1	2	3	4
1920 год			
4 декабря	5	17	3,4
18 декабря	10		1,7
Конец декабря	8		2,12
1921 год			
Январь – начало марта	8	17	2,12
Сентябрь	43	[57]	1,33
1922 год			
1 января	44	[57]	1,29
1 марта	45		1,27
1 мая	49		1,16
Июнь	60		0,95
1 июля	62		0,92

Окончание табл. 1.2

1	2	3	4
Прибл. июль	[62]	[57]	
Август	69		0,83
24 августа, 1 сентября, 15 сентября	80		0,71
1 ноября	72		0,79
1 декабря	79		0,72
Прибл. конец года	70		0,81
1923 год			
1 января, 1 февраля	71	57	0,8
1 марта	73		0,78
1 апреля	77		0,74
1 мая	73		0,78
1 июня	84		0,68
1 июля	85		0,67
1924 год			
Январь	98	57	0,58
1 февраля	100		0,57
1 марта	95		0,6
23 сентября	109		0,52
1925 год			
1 января	≈120	[40]	≈0,33
27 марта	120		
Июль	140		0,29
Прибл. сентябрь	≈130	[40]	≈0,31
Прибл. ноябрь	≈138		≈0,29
1926 год			
Март	≈135	[40]	≈0,29
1927 год			
13–14 июня	351	[50]	0,14
Октябрь	340		0,15
Начало ноября	375		0,13

Хозяйство колонии, однако, далеко не ограничивалось землей. Достаточно красноречивым является развитие животноводческой

сферы: на момент первых официальных сведений (июнь 1922 г.) колония имела «лошадей добрых» – 6, волов – 4, коров – 2, свиней –4, различной птицы – 60, породистых ангорских и фландрских кроликов – 30, овец – 6 [348, с. 106; 596, л. 2–3]. На сентябрь 1924 г. в колонии уже имелось: 56 свиней с поросятами, 60 кроликов, 8 коров, 4 лошади и т. д. [349, с. 47; 499, л. 425].

На конец 1925 г. колония, кроме лошадей, кроликов и птицы, уже имела 12 коров и телят, 30 овец, 80 свиней английской породы [226, с. 33; 349, с. 77]. Вместе с тем, еще в сентябре 1924 г. в ней уже насчитывалось 8 плугов, 2 сеялки, 2 жатки, молотилка и пр. [499, л. 425].

Особой заботой руководства колонии были производственные мастерские, наличие которых в детских интернатных учреждениях того времени было штатным. Как показывают документы, численность и тип мастерских колонии имени Горького никогда не были постоянными. Согласно наиболее ранним данным (сентябрь 1921 г.), первыми открылись сапожная, слесарная (или жестяночная) и корзиночная мастерские [348, с. 100; 595, л. 138]. В следующем же году к ним присоединились кузница и столярная мастерская, где изготовлялись довольно сложные изделия, например, телеги, мебель для внутреннего потребления и пр. [348, с. 105; 596, л. 2–3]. Примерно в это же время общая площадь мастерских равнялась 351 кв. арш. (177,54 кв. м), что составляло около 15 % общей площади помещений колонии. В столярной мастерской насчитывалось 10 станков, в кузнице – 2 горна, 2 наковальни, машина для сверления, полный набор боевого кузнечного инструмента. Полный комплект оборудования также был в сапожной и корзиночной мастерских [348, с. 109, 113; 596, л. 5–11].

К общему списку мастерских Горьковской колонии с началом 1923 г. добавляются еще рогожная и «набойная», которые в дальнейшем больше не упоминаются [348, с. 165; 597, л. 5–7]. Количество действующих мастерских зависела от объема сельскохозяйственных работ, который в определенные месяцы

требовал привлечени максимального количества работающих. Так, на март–май 1923 г. в колонии значится 6 [348, с. 182, 186, 191; 597, л. 9–17], на июнь – 4 [348, с. 195; 597, л. 19–21], а на август – 5 мастерских (столярная, слесарная, кузнечная, корзиночная и сапожная) [348, с. 204; 598, л. 34].

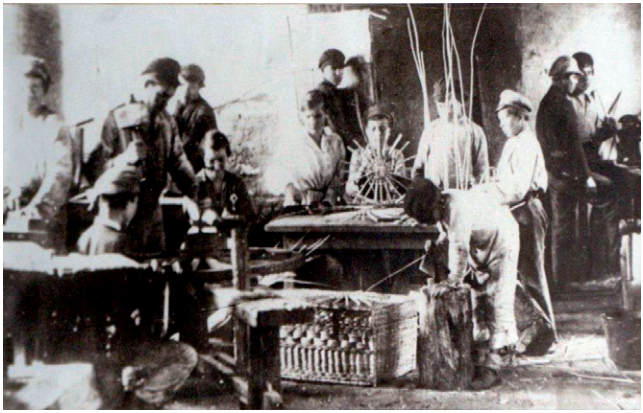


Рис. 1.1. *Воспитанники Горьковской колонии в корзиночной мастерской (фото из экспозиции Государственного музея-заповедника А. С. Макаренко в с. Ковалевка Полтавского района).*

Выбор профиля мастерских колонии вполне резонно связывать с историческими традициями данной местности. Известно, что большой опыт поддержки развития кустарных промыслов на Полтавщине имел до 1917 г. такой общественный институт, как земство. Постоянное увеличение расходов по этой статье можно проиллюстрировать данными за 1900–1905 годы, когда общее число учебных мастерских в Полтавской губернии возросло с 19 до 47 единиц. Особенно активно распространялся такой вид кустарного производства, как корзиночные мастерские, чему способствовала дешевизна их содержания, подвижность, легкость добычи материала и т. п. Имея в последний год XIX века только 6 таких мастерских, за пятилетие губерния довела их

число до 16, потратив при этом из губернских и уездных земских средств 38410 руб. Полтавский уезд, на территории которого позже начала свою хозяйственную деятельность колония имени Горького, удерживал в начале XX века первенство по количеству корзиночных мастерских; здесь свое влияние на местных кустарей они успели обнаружить в шести пунктах. Значительное распространение в губернии имели также учебные мастерские по обработке дерева и металла; их целесообразность земства связывали с повышением агрокультуры населения и улучшением сельскохозяйственных орудий, производство и ремонт которых требовали много квалифицированных мастеров. Затраты на устройство этих мастерских за указанный период оказались достаточно большими – 23 4574 руб. [332, с. 165–168; 356, с. 28–29].

Рис. 1.2. *Колонисты за столярными работами (фото предоставлено В. В. Морозовым, Москва)*.

После переезда в Куряж общая площадь пашни колонии выросла лишь на 10 десятин, а в связи с изменением контингента воспитанников ее доля на одного из них даже уменьшилась вдвое (см. табл. 1.2). Хотя еще в марте 1926 г. необходимость перевода полтавской колонии в Харьков в докладной записке заместителя наркома образования Я. Ряппо в СНК УССР мотивировалась наличием якобы 100 десятин (109 га) земли в Куряжской колонии [22, с. 123; 500, л. 29, 32], в дальнейшем в документах фигурирует значительно меньшая цифра: на июнь 1927 – 50 дес. (54,5 га) «под полем и огородом» [22, с. 160 518, л. 13–15 об.]; на апрель 1928 – 70 дес. (76,3 га) [22, с. 199; 563, л. 106–110; 574, л. 201]. Подобная картина наблюдается и в последующие годы, уже после ухода А. С. Макаренко: хотя в 1930 году колония получила «в порядке реконструкции с[ельского] хозяйства» 300 га земли [502, л. 13–19], но в 1931 г. в ней уже снова зафиксировано 50 га (45,87 дес.), из которых под озимыми 7 га, а остальное под огородными культурами [549, л. 85]. Для сравнения, в полтавской колонии общая площадь земли сельскохозяйственного назначения достигала 78 дес. [349, с. 48; 594, л. 41], а только пахотной – 57 дес. (см. табл. 1.2).

Таким образом, если в полтавский период среднее количество пахотной земли на одного воспитанника колебалось в пределах от 3,4 дес. (в декабре 1920 г.) [17, с. 98–99; 348, с. 113; 596, л. 5–11] до 0,28 дес. (в июле 1925 – марте 1926 г.) [336, с. 3, 19, 26], то в харьковский период заметно сократилось и в июне 1927 г., например, составляло лишь 0,14 дес. [22, с. 159–160; 518, л. 13–15 об.]. При таких обстоятельствах уже значительно большая доля воспитанников могла привлекаться к различным формам промышленного производства.

Однако положительным моментом в развитии сельского хозяйства колонии харьковского периода было освобождение ее, вместе с хозяйствами других интернатных учреждений округа, от сельхозналога. Можно предположить, что этот факт был связан с деятельностью А. С. Макаренко во главе Управления

детучреждениями (УДУ), поскольку именно письмо УДУ с сообщением о таком важном экономическом обстоятельстве развития детских учреждений в ноябре 1927 г. рассматривал президиум ОКПД [560, л. 219].

На июнь 1927 г. хозяйство колонии имени Горького, кроме земли, состояло из электростанции, водокачки, прачечной, 2 тракторов, комплекса различных земледельческих орудий, 14 лошадей, 6 коров, 40 овец, 40 гусей и пр. Значительное количество колонистов была закреплено за учебно-производственными мастерскими. В швейной, которая имела 9 швейных машин и обслуживала всю колонию, работало 13 чел. Так же выполняли внутренние заказы колонии 16 чел. в сапожной мастерской, по 6 чел. в кузнице и пекарне. Совсем другого уровня задачи стояли перед хорошо оборудованной столярной мастерской: 38 ее воспитанников не только учились, но и принимали заказы. В указанное время они изготавливали 5000 ящиков и 1000 стульев для пчеловодов [22, с. 160 142, с. 12–13; 518, л. 13–15 об.].

В более поздних документах указано еще слесарную мастерскую и отдельное производственное звено колонии, объединявшее работников электростанции и трактористов. Количественный состав обслуживающего персонала мастерских осенью 1927 г. вырос до 131 воспитанника, что в то время составляло 38,53 % от общего контингента [22, с. 174; 142, с. 19; 555, л. 107–110].

Документы свидетельствуют о большой активности руководства колонии в развитии хозяйства. Особенно способствовало повышению профессионального уровня учеников мастерских использование сложного промышленного оборудования. Примерно осенью 1927 г. для выполнения производственных заказов колонией были арендованы у Харьковского окружного отдела местной промышленности (ХОМП) штамповочные станки. К сожалению, исчерпывающая информация об этом пока не найдена, известно лишь, что 20 октября президиум Харьковской окружной комиссии помощи детям рассматривал письмо ХОМП о невыполнении колонией имени

М. Горького условий аренды этих станков. Тогда было решено «Срочно запросить Заведующего Упр. Д/д. т. Макаренко о причинах невыполнения договора. В случае неполучения от него ответа в течение 3-х дней известить об этом Президиум ОИК'а» [563, л. 45]. Колония, очевидно, на это время находилась в состоянии так называемого «осеннего кризиса», связанного с обеспечением выпускников, и тянула с выплатой аренды. Поэтому в декабре президиум ОКПД получил от ХОМП письмо с жалобой о неполучении ответа от УДУ о невыполнении договора на аренду станков и угрозой подачи иска в арбитражную комиссию с требованием взыскания с ОКПД 216 руб. 50 коп. Президиум решил: в последний раз просить заведующего ОИНО Крупко принять меры, чтобы т. Макаренко выполнил договор с ХОМП на аренду станков; в обеспечение требований ХОМП просить окрфинотдел взыскать 216 руб. 50 коп. из сумм, отпускаемых колонии имени Горького [560 л. 226].

Аналогичный конфликт возник у Макаренко и по поводу другой его хозяйственной инициативы. Еще 9 июля 1926 г. на заседании Президиума ОКПД стояла информация секретаря ОКПД И. Г. Высочина, что за проданную листовую медь, которая находилась в Куряжской колонии, Центральная комиссия помощи детям (ЦКПД) векселя выдала не Окрпомдету, а колонии имени Горького [558, л. 19–21]. Протокол этого заседания является первым из известных документов в деле продажи колонией имени М. Горького строительной меди. 5 августа очередное заседание президиума ОКПД рассматривало заявление бухгалтера ОКПД Быковского об изменении редакции этого постановления (в протоколе не указана суть этого изменения – А. Т.). Было решено передать рассмотрение дела рабочей тройке [558, л. 24]. 23 сентября президиум ОКПД решил окончательно рассчитаться с колонией имени М. Горького в связи с ее переводом в Куряж, что же касается суммы за проданную колонией медь, то вопрос до решения ОИК оставался открытым [22, с. 144; 558, л. 72]. Ситуацию несколько разъясняет протокол заседания президиума от

18 ноября: при рассмотрении письма колонии имени Горького в ОКПД от 12 ноября 1926 г. о «неаккуратной выплате причитающихся по договоренности средств, а также об отказе ОКПД выплатить остальное» выясняется, что на территории Куряжского монастырского двора еще со времени колонии имени 7-го Ноября находилась определенное количество листов строительной меди, принадлежавших ОКПД. Но А. С. Макаренко вместо того, чтобы передать эту медь Куряжской РКПД (так сказано в документе – А. Т.), превысил власть и без разрешения и ведома ОКПД, продал ее, использовав средства на нужды развития колонии [22, с. 151; 558, л. 112].

Получив дело о меди от ОКПД, президиум ОИК не смог или не стал решать конфликтную ситуацию своими силами и переадресовал ее в судебные органы. Об этом говорит выдержка из протокола заседания президиума ОИК от 14 декабря 1926 г. о «взаимных расчетах за медь между Окружной Комиссией Помощи Детям и Колонией им. Горького», который 27 декабря был направлен в Окружную арбитражную комиссию [22, с. 154; 531, л. 10]. Документы о решении арбитражной комиссии пока не найдены.

Надо отметить, что А. С. Макаренко считал себя вправе распоряжаться всем имуществом принятой им Куряжской колонии, однозначным основанием для чего было соглашение между НКП, с одной стороны, и ОИНО и ОКПД – с другой о ликвидации куряжской колонии: «имение в тех границах, в каких оно находится ко дню заключения настоящего соглашения, переходит в распоряжение Наркомпроса, со всем имуществом, какое имеется в колонии, а именно: все постройки и материалы для построек, а также ремонтные материалы <...>, запасы материалов и продуктов и все вообще имущество детской колонии» [22, с. 136; 500, л. 42–42 об.]. Это тем более справедливо, что, принимая крайне запущенное хозяйство, А. С. Макаренко считал лишним согласовывать в деталях свои хозяйственные проекты с ОКПД. К тому же можно предположить, что он действовал не самостоятельно, а через посредство Центральной

комиссии помощи детям, которая, реализовав медь, передала документы на право получения средств за нее (векселя) не ОКПД, а колонии имени Горького.

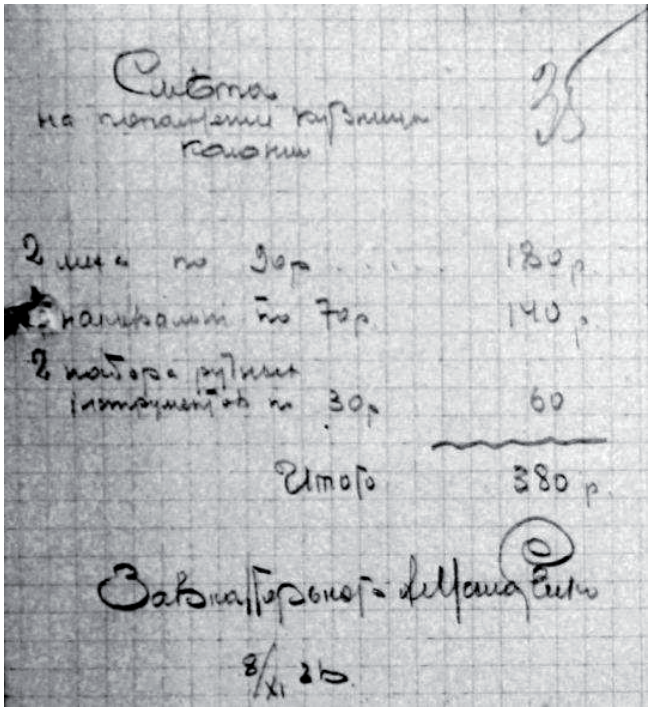
Нравственная позиция А. С. Макаренко в приведенных ситуациях объясняется его общей установкой, ярко проявившейся еще в полтавский период, на исключительное право детских учреждений рассчитывать на более либеральное отношение со стороны государства в налоговых и хозяйственных вопросах. Вообще корпоративную солидарность и сочувствие в любых финансовых делах Макаренко проявлял лишь по отношению к системе учреждений социального воспитания интернатного типа. Соответствующий пример мы находим в протоколах Президиума харьковской ОКПД: 16 марта 1928 г. Сухарев, на тот момент уже заведующий УДУ, выступил с сообщением: «Учитывая очень тяжелое положение Змеевского реформаториума, отпустить ему при согласовании с Управлением Детколониями и Зав. Деткол. им. М. Горького т. Макаренко, на расширение мастерской 7000 руб. и колонии им. Горького 10 000 руб. из дотационных сумм ЦКПД, отпущенных ОКПД в размере 180 000 руб. со ст. на расширение колонии им. Горького» [574, л. 197].

Значительным контрастом с полтавским периодом существования Горьковской колонии было наличие «богатого» и активного шефского комитета, финансово-материальная помощь которого с первых же месяцев после «завоевания Куряжа» превратилась в мощный фактор ее экономической, профессионально-образовательной и культурной деятельности. На март 1927 г. шефком объединял местные ячейки, действовавшего в Украине с 1924 г. добровольного общества «Друзья детей», 6 харьковских учреждений и предприятий: Харьковского центрального рабочего кооператива (ХЦРК), общества «Ларек», электростанции, 1-й Харьковской техническо-промышленной школы, Рабочкома парикмахеров и 3-й харьковской табачной фабрики [569, л. 51]. О финансовых

возможностях шефкома говорит, например, его смета только на июнь–ноябрь 1927 г., утвержденная в сумме 1810 руб. [569, л. 133].

Хотя в начале февраля 1928 г. было принято решение о ликвидации шефкому, а собственно шефство стало функцией непосредственно районного комитета общества «по линии культобслуживания» с наименьшими материальными затратами [575, л. 43 об., 52], за 7 месяцев 1926 года, весь 1927 и начало 1928 года этот общественный орган успел существенно повлиять на благосостояние подшефной колонии.

Общая стратегия материальной помощи шефкома, как это отмечал на конференции «Друзей детей» Октябрьского района в октябре 1926 г. член окружного правления этого общества Мовшович, была направлена именно на обеспечение воспитанникам возможностей получить какую-либо квалификацию [569, л. 10]. Поэтому одним из первых заметных проектов шефов было оборудование кузницы. Более ранние документы свидетельствуют о том, что организация кузницы планировалась еще для предшественницы Горьковской колонии – куряжской трудовой колонии имени 7 Ноября, для чего в начале апреля 1926 г. даже была составлена смета на 1192 руб. 70 коп. [572, л. 9]. После того, как стало известно о реорганизации колонии, пленумом Октябрьского райкома организации «Друзья детей» 21 апреля смета была временно заморожена, «ввиду предложений реорганизации Куряжской колонии до полного выяснения вопроса о Куряже» [570, л. 56]. Прибытие же всей подвижной материальной базы Горьковской колонии, включавшей и хорошо оборудованную кузницу, внесло заметные коррективы в названный проект. 29 декабря 1926 г. Октябрьский райком постановил: «по пункту о дооборудовании кузницы предложить шефкому представить подробную смету на утверждение» [569, л. 39]. В написанной после того А. С. Макаренко «Смете на пополнение кузницы колонии» общая сумма составляет лишь 380 руб. (два меха по 90 руб., 2 наковальни по 70 руб., 2 набора ручных инструментов по 30 руб.) [572, л. 35] (см. рис. 1.3).



Смета
на пополнение кузницы
колонии

35

2 меха по 90 р	180 р
2 наковальни по 70 р	140 р
2 набора ручных инструментов по 30 р	60
Итого	380 р

Завкаторжного

8/XI 26

Рис. 1.3. *Смета на доукомплектование кузницы колонии имени М. Горького (автограф А. С. Макаренко; ГАХО, ф. Р-1492, оп. 1, д. 85, л. 35).*

Значительные средства шефком потратил также и на дооборудование слесарной мастерской колонии, первоначальная смета которого планировался в сумме 2160 руб. (токарный станок большой – 700 руб.; бормашина большая – 300 руб.; 10 шт. тисков слесарных – 600 руб.; 10 наборов ручных инструментов, с 10 напильниками, 2 молотками, 6 зубилами в каждом – 360 руб.; 2 шт. клуппов – 200 руб.) [572, л. 14], но фактически в июле 1926 г. истрачено было всего 1085 руб. [572, л. 15].

Надо сказать, что упоминания, в общем немногочисленные, о шефском комитете харьковской колонии имени М. Горького в

макаренковедческих исследованиях связаны с другим важным событием – приобретением трактора. На конференции членов общества «Друзья детей» Октябрьского района Харькова, проходившей 10 октября 1926 г., в своем отчетном докладе председатель райкома общества Мовшович говорил: «Не останавливаясь на большой культпросветительной работе среди детей, главное, что нужно отметить, это предоставление возможности детям получить какую-нибудь квалификацию. Шефкомом над колонией имен. Горького с этой целью была оборудована слесарная мастерская и так как колония имеет значительную сельско-хозяйствен. базу, на средства шефкома в рассрочку куплен трактор» [569, л. 10].

Первая информация о подобном весомом пополнении материальной базы колонии датируется примерно концом сентября – началом октября 1926 г., когда в приходно-расходной ведомости шефкома на июль–сентябрь было запланировано на приобретение трактора 1022 руб. [572, л. 18]. Более подробные данные о финансовой операции содержатся в отчете бухгалтера колонии имени Горького, подписанном за завколонией Н. Фере: общая стоимость трактора – 1450 руб.; в счет на его оплату колонией выданы два векселя – на 580 руб., со сроком погашения до 1 ноября 1927 г., и на 562 руб., со сроком до 1 ноября 1928 г.; от шефкома получено 562 руб. (почти все полученные от шефкома средства пошли на технические расходы в связи с покупкой трактора – задаток, проценты по векселям, выкуп трактора, плуга и запчастей к нему, поездки) [572, л. 36]. Позже помесячную оплату, очевидно, по указанным векселям, шефком, с санкции Октябрьского райкома, целиком взял на себя [569, л. 39, 71].

Кроме закупки оборудования шефский комитет содержал за собственный счет инструкторов мастерских колонии: за первое полугодие 1926–1927 финансового года, например, на оплату труда инструкторов Куряжской и Люботинской колоний он потратил 320 рублей [569, л. 71]; а иногда занимал деньги, как это случилось, в частности, в ноябре 1926 г.: тогда райком, утверждая протокол

шефкома, позволил потратить на подобные цели 300 руб., «с обязательным возвратом к 1/1-27 г.» [569, л. 31 об.].

Рис. 1.4. *Первый трактор в колонии (архив научно-исследовательской лаборатории А. С. Макаренко Полтавского педуниверситета).*

Важным фактором профессионализации подростков, с которым неизбежно приходилось считаться Макаренко, выступал комплекс характеристик их возрастного развития, то есть когнитивные, эмоциональные, волевые и другие свойства личности, обусловленные принадлежностью к тому или иному этапу онтогенеза. Согласно докладу Харьковской окружной инспектуры народного образования, в 1925–1926 гг. из воспитанников интернатных детских учреждений Харьковщины лишь 15 % имели возраст более 14 лет [519, л. 14]. Даже в такой хозяйственно развитой и процветающей колонии, как Ахтырская, этот показатель не превышал 31,8 % (данные на январь 1928 г.) [574, л. 93]. Возрастные же показатели контингента колонии имени Горького полностью соответствовали ее статусу – она принимала несовершеннолетних правонарушителей старшего

возраста. В течение 1922–1923 гг. процент детей старше 14 лет, то есть представителей наиболее сензитивного относительно профессионального самоопределения периода развития личности, колебался в пределах 71,8 % (январь 1923 г.) – 91,2 % (август 1922 г.) [348, с. 138–147, 162, 195; 596, л. 25–32; 597, л. 1–3, 19–21].

По харьковскому периоду точных данных нам до сих пор найти не удалось, кроме июньского 1927 года акта обследования колонии членами харьковского горсовета: главным образом преобладают 15, 16, 17, 18 лет [518, л. 13]. Учитывая такое соотношение возрастных групп детей в колонии имени Горького, мы имеем основания говорить об особой профессионально-образовательной ситуации в ней, связанной с квалификационными потребностями воспитанников. Принимая во внимание возрастные различия учащихся харьковских школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и индустриально-технических профшкол (где в 1925–1926 гг. молодежи, старшей 16 лет, насчитывалось соответственно 32 % и 60 % [519, л. 20]), а также нежелание А. С. Макаренко выпускать из колонии подростков до удовлетворительного завершения процесса воспитания, можно предположить, что самый логичный профессиональный путь бывших колонистов был связан с индустриально-техническими профшколами или, в лучшем случае, с рабфаками.

В ведомости за 1922 г. отдельно указывалась и вторая профессионально важная характеристика индивидуального развития воспитанников – степень их общей одаренности, которая на момент составления ведомости имела такой вид: очень слабая – 2 (2,9 %), слабая – 14 (20,3 %), удовлетворительная – 51 (73,9 %), хорошая – 2 (2,9 %). Последним важным критерием психологической оценки контингента колонии была такая, скорее педологическая, категория, как «род дефективности». Судя по списку, среди 69 воспитанников были признаны Макаренко «нормальными» 56 человек, морально-дефектными – 12 [348, с. 138–147; 596, л. 25–32]. Иногда учреждение принимало даже совсем неграмотных подростков: «Сейчас для коллектива колонии моральные негативы представляют задачу

гораздо более легкую, чем негативы интеллектуальные», – жаловался тогда Макаренко [349, с. 58; 601, л. 2–14].

Хорошо понимая все недостатки и преимущества существующих условий социального воспитания, Макаренко формулировал главные задачи своей профориентационной стратегии. Все направления профессионального развития воспитанников, апробированные длительным опытом Горьковской колонии, обусловлены ее общим хозяйственным и педагогическим прогрессом, важную роль в котором играл кадровый потенциал.

Хотя со страниц «Педагогической поэмы» известно, что Макаренко не всегда был свободен в подборе педагогов для своего учреждения, но до сих пор мы не нашли документов, однозначно это подтверждающих. Наоборот, анализируя состав воспитательского персонала колонии имени М. Горького, мы видим там людей, с которыми педагог-писатель был хорошо знаком по совместной работе в доколонийский период (Е. Ф. Григорович, З. П. Архангельская, Л. П. Сагредо). Воспоминания же самого Макаренко и его соратников, переписка педагога говорят о том, что он достаточно самостоятельно, взвешенно и целенаправленно формировал педагогический штат Горьковской колонии.

Многолетний соратник А. С. Макаренко по колонии и коммуне В. Н. Терский в одной из статей 1968 года, сетуя на отсутствие педагогических коллективов, подобных макаренковскому, дал последнему достаточно образную и яркую характеристику, выделив главный кадровый принцип Макаренко: «Нет той слаженности, единодушия, единомыслия, которые были у А. С., который сам подбирал себе коллектив, как композитор подбирает ноты, и сам добивался общей гармонии, регулируя и определяя правильное звучание каждой отдельной личности в коллективе так, чтобы получалась прекрасная симфония. И “до” хорошая нота, и “ре” неплохая, и все остальные прекрасны. Но ведь если их не скомпоновать удачно, то мелодии не будет». По мнению Виктора Николаевича, вопрос правильной композиции коллективов является

основным вопросом, который решает успех дела. Он говорил, что если бы ему, например, поручили отвечать за детское учреждение, то он бы категорически требовал права подбирать коллектив сотрудников и подбирал бы только единомышленников с общими вкусами, но именно с различными способностями, чтобы сумма всех людей коллектива имела большое богатство различных способностей, обеспечивающих многогранную интересную жизнь и работу. При этом он подчеркивал, что дело, конечно, не только в подборе «готовых струн, но и в их настройке» [293, с. 20–21]. Наряду с этим Терский описывает тип людей, которых Макаренко старался не иметь в своем коллективе – это люди «с непреоборимой склонностью к ссорам, дрязгам и интригам». Но он утверждает, что Макаренко с такими людьми расставался не сразу, а после терпеливых попыток ввести их в норму человеческих отношений [293, с. 22].

Численность педагогического и инструкторского персонала колонии росла постепенно. На 12 июня 1922 г. здесь работали 5 педагогов, 5 инструкторов мастерских (по числу последних) и «завхоз-сельскохозяйственник-специалист» [348, с. 105; 596, л. 2–3]. Педагогический штат стабилизировался примерно летом 1922 г. в количестве 11–12 человек. Персональный состав педагогов, на чем неоднократно настаивал Макаренко, оставался тоже почти неизменным на протяжении всего существования колонии (до переезда в Куряж). Кроме того, в ее штате работали 1 инструктор общего хозяйства (он же завхоз), 2 инструктора-огородники и от 3 до 5 инструкторов мастерских [348, с. 105, 151; 596, л. 2–3, 60–61].

Отдельный интерес представляет образовательный уровень педагогов колонии, поскольку при подборе персонала, Макаренко, очевидно, рассчитывал не только на образовательные способности, но и на их общий профессионализма как своеобразный образец для подражания. По сути, среди них незаконченное высшее образование имела только Е. Ф. Григорович, которая, к тому же, получила образование и наиболее разностороннее – кроме епархиальной, закончила еще фельдшерскую 4-летнюю школу, 2 курса

медицинского факультета и 2 курса Киевского педагогического Фребелевского института [229, с. 36; 348, с. 176–177; 596, л. 45–46]. Сам Макаренко, хотя он и указывал в анкетах свой образовательный ценз как высший, закончил Полтавский учительский институт, до 1917 года высшего образования не дававший. Также один курс Полтавского института народного образования имела за плечами Лидия Николаевна Никифорова. Окончили учительскую семинарию Владимир Иванович Ермоленко, Василий Иванович Поповиченко, Александр Мартынович Радивончик, Николай Степанович Ильяшевич; гимназию – Зинаида Петровна Архангельская, Евдокия Антоновна Ильяшевич, Любовь Петровна Сагредо, Лидия Владимировна Грейер и Надежда Тимофеевна Поповиченко (петербургскую!). Последняя некоторое время еще посещала лекции в известном московском университете имени Шанявского. Владимир Александрович Весич имел военное образование – окончил Петровский Полтавский кадетский корпус и Киевское военное училище. Самое низкое образование имели Иван Петрович Ракович (реальное училище), Зинаида Арсеньевна Ильяшевич (епархиальное училище) и Николай Дмитриевич Чаплян (художественное училище).

Из инструкторского персонала только двое имели образование вообще – Гордей Никифорович Ерисов (Васильевская ремесленная школа) и Михаил Григорьевич Головнин (Московское художественно-промышленное Строгановское училище). Позже агрономом в колонии начинает работать Николай Эдуардович Фере, который в 1921 году закончил сельскохозяйственный факультет Киевского политехнического института [596, л. 33–44, 47–48, 62–63; 340, с. 178; 348, с. 150–151, 167–174, 177; 349, с. 10, 42–44; 600, л. 9, 54–58; 605, с. 1]. Средний педагогический стаж учителей-воспитателей в начале существования колонии был равен 13 годам [348, с. 150, 151, 154; 596, л. 62–63].

Наиболее примечательным педагогом колонии имени Горького первого периода ее существования является, несомненно, В. А. Весич (ок. 1887 – ?). В отчетной ведомости о состоянии Полтавской

трудовой колонии им. М. Горького за 1923 г. Макаренко пишет, что из числа педагогического персонала 2-й колонии «только Весич достаточно удовлетворителен» [229, с. 31]. Другие подробности об образовании и стаже этого человека мы находим в написанном Макаренко списке персонала Полтавской трудовой колонии им. М. Горького на 1 сентября 1924 г.: «Весич Владимир Алекс. Воспитатель. 36 лет. Образование высшее. Общий стаж – 12 лет. Стаж по колонии – 1 год два месяца» [229, с. 36]. Своими профессиональными способностями Весич достаточно быстро заслужил высокий авторитет в глазах Макаренко, который даже начал доверять ему руководство колонией. Подтверждением этого является письмо Макаренко к председателю Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних от 22 октября 1925 г.: «Прошу Вашего разрешения на отпуск мой с 1 ноября до 1 января и на передачу колонии моему заместителю В. А. Весичу» [397, с. 167]. Весич был одним из четырех воспитателей в составе «первого эшелона» представителей Горьковской колонии в Куряже и вместе с Макаренко и другими подписал первое письмо с нового места М. Горькому [336, с. 31–33]. В характеристике персонажа «Педагогической поэмы» П. И. Журбина Макаренко отмечает: «Бывший штабс-капитан, спокойно поверивший в новую жизнь. Он дисциплинирован, рассудителен, похож на Весича, готов в каждом человеке видеть новое и хорошее. Во время корпуса он совершает чудеса, выполняет большую работу, но его преследуют за то, что он бывший штабс-капитан» [228, с. 705]. В списке прототипов к «педагогической поэмы» В. А. Весич помещен Макаренко в категорию «Педагоги» [231, с. 490].

Летом 1925 г. педагогический коллектив колонии пополнился одним из самых квалифицированных воспитателей за всю историю ее существования – Тимофеем Денисовичем Татариновым (1894–1954 гг.) [229, с. 358], имя которого гораздо чаще, чем других педагогов колонии и коммуны, фигурирует в литературном и эпистолярном наследии Макаренко. По свидетельству самого

педагога-писателя, он «взял» Татаринова из сельской школы [232, с. 243]. В это же время в колонию перешла и жена Татаринова – учитель младших классов Варвара Николаевна (в девичестве – Григорович) (1898–1978 гг.), получившая в свое время образование в городском начальном училище [607].

Судя по более поздним документам колонии [501, л. 12], в течение полтавского периода в ней начала работать также Елена (Ляля, Лиля) Говорецкая – педагог, чье имя встречается как в истории Харьковской трудовой колонии имени Горького, так и в первые месяцы работы коммуны имени Дзержинского.

Среди педагогического персонала колонии особого внимания заслуживает Н. Э. Фере (1897–1981), фигура которого, в сущности, олицетворяла характер «человеческой» составляющей ее профессиональной микросреды. В макаренковском наследии, пожалуй, трудно найти упоминание об ином человеке, вызывавшем такое же восхищение своим профессиональным мастерством, компетентностью и трудолюбием. Николай Эдуардович с 1924 г. руководил всей сельскохозяйственной работой в колонии, зимой вел всю учебную работу по теории сельского хозяйства по всем группам школы, исполнял обязанности помощника А. С. Макаренко [600, л. 54–58]. До вступления в Киевскую политехнику Фере закончил полтавскую гимназию, а в колонию перешел из военного совхоза, которым стал заведовать сразу после вуза [349, с. 43; 605, с. 1]. Нельзя не привести характеристику персонажа «Педагогической поэмы» Э. Н. Шере, прототипом которого послужил Николай Эдуардович: «Шере повел дело энергично. Весенний сев он проводил по шестипольному плану, сумел сделать этот план живым событием в колонии. На поле, в конюшне, в свинарне, в спальне, просто на дороге или у перевоза, в моем кабинете и в столовой вокруг него всегда организовывалась новая сельскохозяйственная практика. Ребята не всегда без спора встречали его распоряжения, и Шере никогда не отказывался выслушивать деловое возражение, иногда приветливо и

сухо, в самых скупых выражениях приводил небольшую ниточку аргументов и заканчивал безапелляционно:

– Делайте так, как я вам говорю.

Он по-прежнему проводил весь день в напряженной и в то же время несуетливой работе, по-прежнему за ним трудно было угнаться, и в то же время он умел терпеливо простоять у кормушки два-три часа или пять часов проходить по сеялкой, бесконечно мог, через каждые десять минут, забегать в свинарню и приставать, как смола, к свинарям с вежливыми и назойливыми вопросами <…>» [228, с. 184].

Судьба Н. Э. Фере и в дальнейшем была тесно связана с образованием: закончив в 1933 году высшую школу рационализации управления при НК РКИ УССР, а в 1938 г. – марксистско-ленинский университет для научных работников, в 1940 г. он защитил диссертацию и получил степень кандидата экономических наук, много преподавал в различных высших учебных заведениях страны. В 1964 году за научные и педагогические заслуги Николай Эдуардович был удостоен звания профессора [340, с. 178].

По примеру В. Н. Татариновой в колонию пришла и ее сестра – учитель русского языка и литературы Елена Николаевна Григорович (1895–1980 гг.), которая, в отличие от других педагогов колонии, уже имела немалый опыт не только педагогической, но и руководящей работы. Как мы выяснили у потомков рода Григоровичей – профессора Полтавского педуниверситета О. И. Цебржинского и полтавской семьи Хорунжих, – сестры происходили из большой и образованной семьи священника сел Вацы и Никольское Полтавской губернии Николая Алексеевича Григоровича, все пять дочерей которого избрали педагогическую специальность и всю жизнь посвятили учительской деятельности.

Из воспоминаний Е. Н. Григорович, которые удалось обнаружить в архивных фондах музея истории Полтавского педуниверситета, стало известно: закончив в 1912 году школу и получив аттестат с правом учительствовать в начальной школе, Елена Николаевна заняла должность заведующей первого начального

училища в селе Никольское Полтавского уезда. Свое педагогическое образование молодая учительница регулярно повышала на ежегодных летних губернских педагогических курсах, где слушала лекции известных ученых из Санкт-Петербурга, Москвы, Киева по психологии (И. П. Четвериков), истории (Д. И. Яворницкий), естествознанию (Лепилов, Карлович) и другим наукам, выписывала множество необходимой литературы (например, «Астрономические вечера» Г. Клейна, «Жизнь растений» К. А. Тимирязева, «Наглядные уроки» и т. п.), вместе с коллегами осуществляла экскурсионные поездки в Крым, Кавказ, Киев, Москву, где посещала исторические памятники, промышленные выставки, музеи и галереи.

В первые послереволюционные годы, после создания в селе Никольском на базе двух начальных училищ школы-семилетки, она некоторое время работала вместе с Т. Д. Татариновым. Именно будучи в гостях у Варвары Николаевны и Тимофея Денисовича в 1926 году, после перевода их в Куряж, она лично от А. С. Макаренко получила приглашение перейти в Горьковскую колонию. К этому времени Елена Николаевна уже успела получить небольшой опыт работы с беспризорными в детском доме села Вацы того же Полтавского уезда. Оставалась она в колонии по крайней мере до приезда М. Горького, то есть до июля 1928 г., поскольку присутствует на нескольких общих фотоснимках. После этого Е. Н. Григорович закончила в Харькове одногодичные курсы Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) по подготовке преподавателей рабфаков и некоторое время преподавала физику на рабочем факультете при Миргородском керамическом институте. Высшее же педагогическое образование она получила в Полтавском педагогическом институте в 1936 году, после чего работала школьным учителем [604, с. 1, 7–11, 14, 15].

Наряду с хорошо известными портретами педагогов Горьковской колонии, биографические сведения о которых давно являются достоянием макаренковедов, почти в тени остаются судьбы представителей ее инструкторско-ремесленного персонала.

Интересные данные об одном из них – Г. Н. Ерисове (1893–1940 гг.) предоставила его дочь – профессор Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка, Людмила Гордеевна. Пришел в колонию Гордей Никифорович осенью 1920 года [596, л. 62–63], имея за плечами службу на Черноморском флоте. Хотя в составленном Макаренко списке персонала учреждения Ерисов фигурирует как инструктор общего хозяйства, дочь утверждает, что отец был достаточно квалифицированным столяром, поэтому именно этому ремеслу и учил воспитанников. Будучи достаточно культурным человеком, Гордей Никифорович любил музыку, сам играл на балалайке, мандолине, много читал, собрал большую библиотеку. В колонии он встретил и свою будущую жену, Наталью Ефимовну Чепижную, учителя младших классов.

После отъезда колонии в Куряж Г. Н. Ерисов пошел работать в Полтавский институт народного образования, в 1934 году закончил при нем дошкольное отделение, а перед самой войной получил еще и профессию учителя украинского языка и литературы. Как один из лучших студентов-выпускников попал даже на страницы местной прессы: «Ерисов Гордей – в прошлом плотник, работая на ответственной работе и по вечерам посещая институт, сумел добиться успешности на хорошо и отлично» [169]. «Ответственной работой» отца в Полтавском ИНО, по словам Л. Г. Ерисовой, были должности главного бухгалтера и заместителя директора по учебной части.

Вместе с Ерисовым в 1926 году оставили колонию в связи с ее реорганизацией и несколько педагогов. Как свидетельствуют документы, из Полтавы в Куряж, кроме А. С. Макаренко, переехали такие учителя-воспитатели: З. П. Архангельская, В. А. Весич, Е. Т. Говорецкая, Е. Ф. Григорович, Л. Т. Коваль, Л. П. Сагредо, Т. Д. Татаринов, В. Н. Татаринова [501, л. 12]. Дальнейшее пополнение воспитательского состава учреждения происходило в соответствии со значительным увеличением количества его воспитанников.

Уже в харьковский период существования колонии, со второй половины 1926 г., в ней начинает работать Виктор Николаевич Терский (1898–1965) – один из самых ярких и одаренных соратников А. С. Макаренко [229, с. 344]. Профессиональные достижения Терского, вероятно, носили наследственный характер, поскольку его отец, хотя и имел дворянские корни, был сельским кузнецом и мастером-универсалом, окончил Московскую школу ваяния и зодчества, с 1934 года работал в московском институте точной механики, где выполнял самые сложные технические задачи. Под руководством отца В. Н. Терский с самого раннего детства познакомился со столярным и слесарным делом, научился рисовать. Известно также, что рисовали, занимались поэзией и музыкой многие из его родственников. Терский закончил 3 класса Зарайского реального училища и 3 класса Московской земледельческой школы Н. Н. Щепкина – среднего специального учебного заведения, готовившего агрономов. Педагогическая деятельность Терского связана со службой в Красной Армии, где с 1918 по 1922 год он работал, помимо прочего, начальником клуба и учителем, одновременно учась в Каплуновской художественной академии. По увольнении из армии Терский в течение одного года занимал педагогическую должность в Харьковском центральном реформаториуме, а после знакомства с Макаренко в 1926 году перешел в колонию имени М. Горького [225, с. 171; 229, с. 344; 293, с. 6–7].

1.4. Педагогическая стратегия А. С. Макаренко в организации близкой и дальней профессиональной перспективы воспитанников

В «Методике организации воспитательного процесса» Макаренко писал, что неудачи многих детских учреждений, даже

хорошо оборудованных, зависят от слабости и неясности их перспективы [229, с. 311]. В условиях интернатного воспитательного учреждения, большинство воспитанников которого – это юноши и девушки старшего подросткового возраста, актуальные формы близкой и далекой перспективы неизбежно должны были связываться с получением профессиональной подготовки и возможностями соответствующего квалификационного роста.

Вообще в применении открытого и успешно апробированного Макаренко метода перспективных линий обращают на себя внимание два аспекта – технологический и аксиологический. Построение перспективы – это не только удовлетворение определенной имеющейся потребности или интереса. У Макаренко это, прежде всего, создание у воспитанника нового, более сложного и социально более ценного круга потребностей, осознание же личностью этой новой потребности означает не что иное, как переориентацию и обогащение ее ценностной сферы. Что касается технологической стороны воспитания перспективы, то она построена как на создании самих этих новых ценностей, так и на оптимизации путей их реализации, что сам Макаренко называл «обслуживанием» перспективы [229, с. 316].

Управление профессиональной перспективой в условиях такого воспитательного интернатного учреждения, как колония имени Горького, предусматривало ряд мер организационного и педагогического характера. С помощью заложенного Макаренко в основу метода перспективы принципа «завтрашней радости» у воспитанников создавался комплекс ярко положительных профессиональных образов и не менее привлекательных путей их воплощения в жизнь. Особенно много напряженной работы заведующего колонии было связано с поиском форм допрофессиональной и профессиональной подготовки воспитанников, организацией их трудоустройства и подготовки к поступлению в профессиональные учебные заведения, расширением внутренних квалификационных возможностей учреждения.

Кроме изменения мировоззрения, ценностных ориентаций и поведения, выступавших объективным показателем общественной реинтеграции выпускников макаренковских воспитательных учреждений, необходимым условием социальной адаптированности и защищенности вчерашних правонарушителей была их развитость как субъектов трудовой деятельности. Макаренко, адекватно оценивая и учитывая все ограничения на пути к организации профессионального будущего подростков, использовал малейшие возможности для их профессионального образования и воспитания, при этом обеспечение целостности профессиональной подготовки выступало важным стратегическим направлением его деятельности. Проблема адаптации личности к трудовым ценностям общества в условиях созданной Макаренко общины решалась посредством решения ряда ежедневных прагматических хозяйственных задач.

Общая характеристика ситуации с организацией основ профессионального развития воспитанников в интернатных учреждениях 1920–1930-х годов подробно раскрыта Макаренко в написанной в мае–июне 1934 г. объяснительной записке к проекту организации Трудового детского корпуса. Главная недостаток, по его словам, здесь кроется в том, что в детские дома дети идут не по собственному выбору, а по случайным обстоятельствам и, несмотря на это, всем воспитанникам конкретного учреждения предлагается одна и та же работа.

Для понимания логики всей большой работы, направленной на построение профессиональной перспективы воспитанников, проводившейся Макаренко, следует обратиться к тем из его высказываний, которые наиболее точно раскрывают позицию педагога. Так, в уже упомянутой объяснительной записке Макаренко выход из кризиса, в котором оказались в связи с неустроенностью профориентационных задач детские дома и колонии, видит в том, чтобы «поставить перед детскими учреждениями серьезный вопрос о подготовке кадров, а не сапожников, о воспитании нужных для страны людей». Этот вопрос он предлагает запланировать, так же как

запланировать вопрос о выпусках и о назначении выпусков, «совершенно же очевидно, что по окончании детского дома воспитанник должен куда-нибудь командироваться на работу и ему должны быть предоставлены все условия, чтобы он эту командировку мог выполнить».

Макаренко, опираясь на накопленный опыт, предлагает ряд требований к организации интернатных учреждений. Прежде всего, детские колонии должны быть настолько большими, чтобы в них можно было организовать серьезное производство, обставленное станками, обладающее строгим технологическим процессом, дающее подготовку «по разным разрезам и специальностям, руководимое инженерным и техническим персоналом, достаточно квалифицированным». Маленькая колония не в состоянии удовлетворить все склоности и вкусы случайно собранных детей, что, в свою очередь, влечет за собой побеги, конфликты, разочарование, гибель характеров, подавленность, подозрительность, скрытые и открытые протесты, кражи, пьянство и хулиганство.

Здесь же Макаренко останавливается и на вопросе, который выступал в то время одним из наименее решенных в практике детских интернатов – направления профессиональной подготовки воспитанников. Подготовка кадров в колониях, по его мнению, должна равняться не на кустарную квалификацию для кустарной мастерской, но на квалификацию «современного рабочего в большом производстве с разделением труда и со стандартной продукцией». Только подобная организация детского учреждения способна преодолеть противоречия между обеспечением воспитанников массовыми профессиями и стремлением получить узкую специализацию, поскольку на более крупном производстве «всегда найдутся отделы, где будет получаться не стандартная квалификация». Только крупное производство, утверждает Макаренко, способно подготовить, «с одной стороны, и токаря и револьверщика массовой продукции, но, с другой стороны, и высокой

квалификации слесаря-инструментальщика, или лекальщика, или модельщика».

Параллельным условием квалификации воспитанников детских учреждений выступает образование, обеспечивающееся школой «на разные вкусы и способности». Поскольку беспризорные, говорит педагог, представляют собой весьма разнообразный «букет личных качеств», многим из них нужно будет дать «в надбавку к квалификации только обычную грамотность – не больше, как за четыре группы, другим грамотность семилетки или фабзавуча, третьим знания специального техникума, четвертым общее среднее образование, может быть, даже без всякой квалификации, с установкой на вуз». Однако, само по себе стремление к квалификации и обучению, по мнению Макаренко, не всегда определяет «движение колониста вперед», он настаивает на необходимости применения для «слабых характеров» более простых стимулов – дисциплины и материальной заинтересованности [229, с. 207–208].

Нужно отметить, что профессиогенетические аспекты воспитательной концепции А. С. Макаренко, реализованные им в трудовой колонии имени Горького, целостно и систематически еще не попадали в поле зрения исследователей. С целью определения характера педагогических условий профессионализации воспитанников мы попытались выделить сущность таких ее направлений, как формирование академического и практического компонентов.

В строгом смысле слова весь период педагогической деятельности А. С. Макаренко до примерно начала 30-х годов в профессиогенетическом отношении почти не выходил за пределы функции так называемой допрофессиональной подготовки. Все, что реализовал Макаренко еще в Крюковском объединенном железнодорожном училище, а также в колонии имени Горького и в коммуне имени Дзержинского в первые годы ее существования скорее создавало соответствующую мотивационную и операциональную базу для дальнейшего профессионального развития его воспитанников.

Примером характерного и важного компонента такой допрофессиональной подготовки в Горьковской колонии были основы экономического воспитания подростков. Вовлеченность колонистов в решение сложных вопросов материального развития учреждения заставляла их чувствовать себя субъектами настоящих производственных отношений, выступало главным фактором формирования их общеэкономической компетентности. Таким же важным, по мнению А. С. Макаренко, условием их экономического воспитания стала и введенная ним новаторская практика оплаты труда.

Вообще вопрос карманных денег для колонистов занимает особое место в воспитательном опыте педагога. Пояснение педагогической целесообразности этого средства мы находим в нескольких написанных им документах. Еще в марте 1924 г. в письме к областному инспектору Харьковской области он объяснял свою позицию тем, что подобное нововведение позволит воспитанникам сделать некоторые сбережения перед выходом на самостоятельную работу, а главное – приучит их иметь у себя деньги, хотя бы и небольшие. «До сего времени, – писал Макаренко, – часто наблюдалось вредное влияние непривычки воспитанников к собственному бюджету, что определяло в значительной степени неудачу их первых самостоятельных шагов» [229, с. 32]. Этому важному аспекту деятельности А. С. Макаренко уделил большое внимание Г. Хиллиґ в последний, 25-й книге марбургской серии «Opuscula Makarenkiana», опубликовав аутентичную подборку документов о соответствующих контактах заведующего полтавской колонии со своим руководством [346, с. 154–164].

Весомым фактором допрофессиональной подготовки колонистов выступало их общее образование: значительный объем и прочность теоретических знаний расширяли номенклатуру потенциальных учреждений для дальнейшей профессиональной подготовки и облегчали вступление в них. К концу 1922 г. в колонии установился такой распорядок дня: занятия в школе – с 8 до 11 ч.,

работа в мастерских – с 13 до 16 часов. Но подобный график существовал только осенью и зимой, весной же и летом школьных занятий вообще не было, а колонисты почти весь световой день работали в хозяйстве.

В связи с различным уровнем подготовки воспитанников изначально не существовало постоянных групп (классов) [348, с. 155; 596, л. 49–51], а преподавание шло по официально насаждавшемуся по всей стране комплексному методу, который, кстати, сам Макаренко в то время признавал наиболее приемлемым для такой специфической категории учащихся. Комплексный метод, при всех своих недостатках и ограничениях, по нашему мнению, был в большой степени приспособлен к нуждам профессионального развития, чем традиционный. Еженедельно на совете воспитателей обсуждался проект комплексных тем в неделю, определялись составы групп и воспитатели для разработки каждой темы. Содержание комплексной темы, как правило, определялось путем анкетирования воспитанников и предусматривало математическую, языковую и графическую формы работы [348, с. 155; 596, л. 49–51].

Каждая комплексная тема была связана с неотложными хозяйственными и производственными потребностями колонии, чем повышала осведомленность и практическую готовность воспитанников к осуществлению многих важных функций в материальном развитии учреждения. Вот несколько типичных комплексных тем января и февраля 1923 г.: «Приход и расход колонии», «Урожай колонии 1922 г.», «Пища растений», «Лес зимой», «Навоз», «Воздух», «Пища животных» и пр. [348, с. 162, 165, 182; 597, л. 1–3, 5–7, 9–11]. Появление в 1924 году в колонии специалиста сельского хозяйства, Н. Э. Фере, основало даже отдельное направление профессионального образования воспитанников – изучение основ агротехники и зоотехники [459, с. 217, 220–222].

Однако часто насущная необходимость срочных и тяжелых полевых работ заставляла приостанавливать школьные занятия и даже работу в мастерских, как это случилось, например, в апреле 1923 г.

[348, с. 186; 597, л. 12–14]. Со временем школьные группы были созданы, в ноябре 1924 г. их количество достигало 8 и они располагались в обоих отделениях колонии – Трибах и Ковалевке [349, с. 50; 600, л. 71–74].

В Куряже, в отличие от полтавского периода, колония уже имела отдельное здание школы, в которой на осень 1926 г. работали 6 классов. В 1927–1928 гг. работала уже семилетняя школа, обучение было организовано по триместрам, и проводилось в две смены по 4 часа каждая [22, с. 20–21]. Значительную помощь школе в виде учебных пособий, библиотеки и т. п. также оказывал шефский комитет [569, л. 71]. Для сравнения: в 1931 году школа колонии имени Горького имела 6 групп (классов) и 4 отдельные группы по подготовке в школы ученичества массовых профессий (ШУМП), обучение же проводилось по программе ФЗУ [549, л. 82].

При поступлении в профессиональные учебные заведения «горьковцам» приходилось конкурировать с гораздо более развитыми выпускниками харьковских школ, поэтому администрация колонии вместе с шефским комитетом использовала любые возможности и для поднятия общекультурного уровня воспитанников. Известно, что накануне перевода Горьковской колонии в Куряж колония имени 7 Ноября получила из библиотеки Исполбюро общества «Друзья детей» ряд журнальных комплектов: «Октябрьские всходы» (20 шт.), «Червоні квіти» (16 шт.), «У станка» (7 шт.), «Безвірник» (6 шт.), «Всесвіт» (4 шт.), «Селянка України» (1 шт.), стенгазеты (5 шт.) [572, л. 20]. Шефком колонии имени 7 Ноября, очевидно, еще до слияния с макаренковские учреждением, в мае 1926 г. на эти же цели планировал ассигновать следующие средства: организация библиотеки и переплет книг – 150 руб.; выписка газет («Юный ленинец», 10 экз., 3 мес.; «Комсомольская правда», 4 экз., 2 мес.; «Пионер», 4 экз., 3 мес.; «Смена», 3 экз., 3 мес.; «Пролетарий», 2 экз., 2 мес.) – 21 руб. 25 коп.; переадресация на колонию раньше выписанных газет (8 экз.) – 32 руб. 85 коп. [572, л. 9]. Фактически же шефы на организацию библиотеки (покупка книг, их переплет,

абонементы) истратили 126 руб. 73 коп., на выписку газет и журналов – 22 руб. 85 коп. [572, л. 15].

В «Педагогической поэме» А.С.Макаренко подчеркивает ту большую роль, которую играло кино в жизни детского коллектива. Нам удалось найти несколько документальных свидетельств относительно истории кинофикации колонии. В начале июня 1927 г. шефком обратился к своему райкому общества «Друзья детей» с просьбой ходатайствовать перед окружным правлением о том, чтобы окружной совет выдал киноуправлению ВУФКУ (Всеукраинское фотокиноуправление – А. Т.) векселя на покупку колонией имени Горького киноаппарата стоимостью 520 руб. с рассрочкой на 3 месяца [569, л. 109]; в тот же день райком вышел с этим представлением перед своим окрправлением [569, л. 112 об.], 21 июня правление поддержало представление [569, л. 108], в результате чего через месяц окружной совет общества обратился одновременно в ВУФКУ, с просьбой отпустить один киноаппарат для подшефной колонии имени М. Горького, сделав возможной рассрочку платежа [569, л. 123], и к прокатному отделу ВУФКУ, с просьбой включить Горьковскую колонию в программу проката фильмов «один раз в неделю по субботам» [569, л. 121]. Аналогичным образом был решен вопрос радиофикации колонии, на что шефком потратил 120 руб. [569, л. 63].

Отдельно происходило обеспечение спортивных потребностей колонии: в августе 1926 г. Исполбюро общества «Друзья детей» обратилось в Высший совет физкультуры с просьбой отпустить для шефкома колонии имени Горького разнiе спортивные принадлежности [573, л. 64]. А в апреле 1928 г., уже после ликвидации шефкома, Октябрьский райком общества постановил: «Закупить для колонии оборудование стрелкового кружка, на что ассигновать 150 руб.» [575, л. 68].

Вторым, но не менее важным, чем общее образование и широкое культурное развитие, компонентом профессиональной подготовки воспитанников выступало формирование их практических навыков в определенном виде деятельности.

Среди массива документальных свидетельств, которые оставила колония, особенно много красноречивых примеров широкой и многофункциональной профессионально-образовательной и профессионально-воспитательной работы. Воспитывая у подростков целые комплексы соответствующих ценностных ориентаций, навыков, стратегий поведения, Макаренко стремился провести каждого из них через осознание собственной субъектности в профессиональном мире. Профессиональная микро- и макросреда колонии выступала ведущим педагогическим фактором на этом пути.

Даже в условиях полтавской провинции и тяжелых последствий Гражданской войны становление профессионального самосознания и трудовой морали по возможности связывалось в колонии с самыми прогрессивными и квалифицированными формами той или иной сферы человеческой деятельности.

Особое место в этой работе занимало тесное сотрудничество с богатой своими учеными традициями Полтавской сельскохозяйственной опытной станцией. Это одно из первых в Российской империи научное учреждение было создано в 1884 г. как опытное поле Полтавского общества сельского хозяйства, получившее в 1910 г. статус станции [352, с. 733, 749]. Из ее общей земельной площади, достигавшей 67,25 дес., под собственно исследовательскую работу было отведено 48 дес., вся оставшаяся земля была занята зданиями, садами, огородами, дорогами и т. п. Полтавское губернское земство, на средства которого организовывалось опытное поле, оснастили его метеорологической станцией, вегетационным домиком, контрольной семеноводческой станцией, химической лабораторией для анализов почв и удобрений. Уже на 1907 год бюджет учреждения достигал 10–11 тыс. рублей, что позволяло успешно решить целый ряд вопросов местного полеводства и выработать основные приемы повышения урожайности полей. Вот некоторые из направлений работы станции: опыты по влиянию разновременного подъема паровых полей на урожай озимых и последующих яровых хлебов; опыты по влиянию разновременного подъема зяблевых полей на

урожай яровых хлебов; опыты с занятым паром; опыты с навозными удобрениями; опыты с плодосменом, влиянием различных пропашных и бобовых растений на урожай последующих яровых хлебов; опыты по влиянию различных глубин пахоты под озимый хлеб на урожай озимых и последующих яровых; опыты с сортами различных кормовых растений, многолетних и однолетних трав; опыты по способам и плотности посева хлебов и т. д. [391, с. 134–135].

Деятельность Полтавской опытной станции неотделима от ряда блестящих имен. Именно здесь в 1910 г. будущий академик, а тогда студент Московского университета Н. И. Вавилов (1887–1943 гг.) делал свои первые шаги как ученый. На основе полученных именно здесь данных Вавилов опубликовал на страницах журнала Полтавского сельско-хозяйственного общества «Хуторянин» первые самостоятельные научные статьи, а свою студенческую практику сам ученый считал важным толчком для создания им в последующие годы учения об иммунитете растений. По его словам, Полтавское опытное поле было окружено ореолом подвига, славы, безупречной, известнейшей научно-исследовательской работы, директор же станции, один из основоположников сельскохозяйственного опытного дела в России С. Ф. Третьяков, и ее сотрудник, основоположник сельскохозяйственной энтомологии Н. В. Курдюмов, стали учителями молодого ученого [477, с. 7–8]. Годы напряженных поисков полтавской станции связаны также с фигурами таких выдающихся ученых, как В. И. Вернадский (1863–1945 гг.), В. В. Докучаев (1846–1903 гг.) А. Е. Зайкевич (1842–1931 гг.), А. А. Измаильский (1854–1914 гг.), П. А. Костычев (1845–1893 гг.), А. Н. Соколовский (1884–1959 гг.), И. В. Якушкин (1885–1960 гг.) и т. д. [352, с. 733].

Н. Э. Фере вспоминал: «Деловая связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией позволила в широких масштабах нашего производства проверять предлагаемые станцией новые агротехнические мероприятия» [458, с. 132]. Благодаря этому уже в мае 1923 г. в колонии были посажены такие виды культур: рожь,

пшеница озимая, пшеница яровая, ячмень, овес, вика на сено, вика на семена, просо, гречиха, люпин на семена [348, с. 192; 597, л. 15–17].

Развитие колонии как аграрного хозяйства стимулировало и соответствующее квалификационное разнообразие. Вот, например, далеко не полный перечень сельскохозяйственных работ, в которых были задействованы воспитанники: подрезка и побелка деревьев в саду, вскапывание, пересадка смородины, работа в парниках, вспашка, боронование, сев зерновых, посадка картофеля, вывоз навоза, высадка рассады, посадка деревьев, разбивка клумб, молотьба, прополка, борьба с вредителями и т. д. [348, с. 182, 186, 191; 597, л. 9–17]. Квалификация и интенсивность труда колонистов подтверждается тем, что в мае 1923 г. им удалось сохранить свой урожай, в то время, как вокруг Полтавы были уничтожены вредителями почти все посевы яровой пшеницы, урожай садов и огородов [348, с. 191; 597, л. 15–17].

Результативность сельскохозяйственного труда воспитанников можно проиллюстрировать и такими фактами: на конец 1925 г. поголовье свиней колонии возросло до 160 голов [459, с. 228], а урожайность пшеницы, по свидетельству самого Макаренко, колония доводила до 200 пудов с десятины [349, с. 59; 601, л. 2–14].

«Достижения нашего животноводства, – писал в воспоминаниях Н. Э. Фере, – были уже таковы, что мы оказывали серьезное влияние на развитие этой отрасли сельского хозяйства далеко за пределами Ковалевки и окрестных мест», «крестьяне из окружающих деревень начали ставить колонистов в пример и советовались с ними по различным специальным вопросам культурного ведения сельского хозяйства. Колония, бесспорно, оказала влияние на развитие свиноводства в окружающих хозяйствах» [458, с. 132; 459, с. 228].

Особенно широкого спектра общепрофессиональных навыков требовало восстановление Ковалевского имения. Получив право на его эксплуатацию в январе 1921 г., уже к лету следующего года колония собственными силами провела такой ремонт: сделано 18 новых голландских и отремонтировано много других печей, сделано

25 дверей, 27 крупных оконных рам, настелен пол, исправлены и сделаны заново косяки и т. д. [348, с. 106; 596, л. 2–3].

В это же время происходит замещение воспитанниками хозяйственных должностей в колонии. Уже на 15 сентября 1922 г., например, двое воспитанников колонии работали на должностях кладовщиков [348, с. 149; 596, л. 60–61].

Новая ситуация развития Горьковской колонии не могла не сказаться на планах ее руководства в вопросах производственного обучения, профориентации и обеспечения профессиональных стремлений воспитанников. К маю 1926 г., когда руководимое Макаренко учреждение укрепилось на Харьковщине, администрация столичного округа уже выработала определенную политику по борьбе с детской беспризорностью, в которой, как указано в докладе ОИНО о состоянии народного образования в 1925–1926 годах, особое место занимало «педагогически-хозяйственное» укрепление интернатных учреждений: «Реорганизовать и стабилизировать сеть, обеспечив ее внутренними школами и расщирив сельхозы и производственные мастерские до полного охвата беспризорных производственным обучением, с целью соответсвующей подготовки их к собственному заработку» [519, л. 15]. Подобная практика отражала общегосударственные планы в вопросах социальной реинтеграции обездоленного детства и явно отличалась от противоречивой тактики полтавского губернского руководства, фактически не проявлявшего особой поддержки материальному росту Горьковской колонии и расширению ее квалификационного потенциала.

1.5. Колония имени М. Горького в условиях государственной практики профессионального образования и трудоустройства выпускников интернатных учреждений

Проблему выхода воспитанников из колонии А. С. Макаренко всегда считал чрезвычайно тяжелой: «Способным ребятам нам удалось найти выход в рабфаки. <...>, – писал он в 1925 году. – Но само собой разумеется, что нам не удастся послать всех желающих в рабфак. <...>

Хуже дело обстоит с теми ребятами, которые по разным причинам не имеют надежды попасть в ВУЗ'ы. Нынешняя безработица закрывает путь на производство. Если и удастся какого-нибудь парня пристроить на работу, его все равно рано или поздно сократят и он снова вернется в колонию». Надежду на улучшение в этом вопросе педагог связывал лишь с системным развитием государственной промышленности [349, с. 58; 504, л. 1–17].

По воспоминаниям агронома колонии Н. Э. Фере, А. С. Макаренко больше всего волновала удаленность колонии от заводов, крупных сельскохозяйственных предприятий и учебных заведений [458, с. 134]. Однако его попытки решить вопрос квалификации своих воспитанников имели систематический и перманентный характер. Причем, они не концентрировались в пределах сугубо производственного обучения и предоставления рабочих специальностей.

Н. Э. Фере также вспоминал о планах Макаренко к 1926 году расширить программу школьных занятий по агротехнике и выделить специальный опытный участок, чтобы дать возможность старшим ребятам получить квалификацию полевода или огородника [458, с. 132]. Сам же Макаренко в тот период описывал такую перспективу для своих выпускников: серьезная, дисциплинированная производственная семья колонистов, прочная в хозяйстве, образованная в знаниях, которая вокруг основывает трудовые

коммуны бывших колонистов, связанных с ней культурно и экономически [349, с. 62; 504, л. 1–17].

Одной из причин присоединения Ковалевского поместья, по словам А. С. Макаренко, было отсутствие в Трибах просторных и светлых помещений для мастерских. На май 1923 г. педагог уже упоминает нескольких воспитанников колонии, работающих в мастерских квалифицированными мастерами [348, с. 191; 597, л. 15–17].

Кроме того, Макаренко дифференцировал педагогическую роль различных мастерских: «Столярная мастерская у нас так и не успела сделаться строго ремесленной потому, что всегда была завалена требованиями хозяйства; сапожная же давно замкнулась в узком трудовом кругу. И вот все воспитанники столярной мастерской всегда являются участниками руководящей колонийской верхушки, в то время, как сапожники почти не поддаются влиянию колонии» [226, с. 35; 349, с. 78].

Но он хорошо понимал, что незначительное количество мастерских при постоянном увеличении контингента колонии уже было не способно обслужить всех воспитанников [348, с. 202; 599, л. 28]. В воспоминаниях Н. Э. Фере приведен интересный эпизод, связанный со стремлением колонии иметь собственный трактор и обучением нескольких воспитанников и самого агронома на соответствующих курсах [459, с. 228–231]. Но, как известно, трактор Горьковская колония получила от шефов только после переезда в Куряж.

В планах Макаренко о предоставлении колонистам определенной профессиональной выучки особое место принадлежит аренде паровой вальцовой мельницы, находившийся на территории колонии. Длительная борьба, которую пришлось вести заведующему в течение нескольких лет, составляет отдельный драматический эпизод в истории учреждения. Педагог подчеркивал, что кроме хозяйственной выгоды эта аренда нужна колонии как возможность

получения квалификации частью воспитанников [348, с. 25; 352, с. 359–360]

Первым документом, засвидетельствовавшим попытки А. С. Макаренко получить разрешение на аренду колонией мельницы, является обращение уже в июне 1922 г. отдела социального воспитания Полтавского губнаробраза к председателю губернского совета защиты детей с просьбой поддержать соответствующее ходатайство колонии [348, с. 102–103; 592, л. 66]. Но тогда, как вспоминал позже А. С. Макаренко, вопрос решился не в пользу колонии, и главным образом благодаря тому, что тогдашний завгубнаробразом Е. Ганенко поддержал другого кандидата на аренду [348, с. 199; 599, л. 25–27]. Новая попытка аренды мельницы датируется концом августа 1923 г. Тогда Макаренко попросил поддержки у областного инспектора дефдетучреждений Харьковской области Котельникова [348, с. 204; 598, л. 32]. Два дня спустя НКП обратился в Народный комиссариат продовольствия с просьбой – подписанной Котельниковым и заместителем наркома просвещения, председателем Главсоцвоса Л. Менжинской – дать распоряжение о сдаче мельницы в аренду именно колонии [348, с. 204–205; 598, л. 34]. 12 сентября Наркомпрод сообщил НКП, что по данному вопросу следует обращаться непосредственно в Полтавское губернское экономическое совещание [348, с. 205–206; 598, л. 33]. 7 октября Губэкономсовещение отказало НКП, ссылаясь на то, что мельница по 1924 год находится в аренде у вполне платежеспособного учреждения [348, с. 206; 598, л. 36].

Лишь 30 июня 1924 г. президиум Полтавского окрисполкома отдал мельница в аренду колонии, но «приемо-сдаточная» комиссия 17 июля определила чрезвычайно жесткие условия этой аренды, выдержать которые не смогла бы даже и хозяйственная организация. К тому же, колонии было отказано в отсрочке обязательного страхования мельницы и выплаты 1-процентного организационного взноса [349, с. 18–19; 590, л. 171]. На следующий день колония была вынуждена отказаться от аренды [349, с. 19; 589, л. 297]. Но

Макаренко включает в борьбу республиканские инстанции: в тот же день он обращается в Центральную комиссию помощи детям с письмом, в котором обосновывает законные стремления колонии надеждой «выйти на широкий путь производственного воспитания», раскрывает неконструктивную позицию окрисполкома и уверяет, что, имея в руках мельницу, Горьковская колония через 2–3 года может стать одним из самых интересных культурных учреждений Украины: «в своей общине мы чувствуем для этого силы, но нам нужен еще материальный фундамент и производственные условия» [349, с. 20–23; 589, л. 298–299].

В результате длительной бюрократической переписки, конкуренции с другими субъектами хозяйствования колония имени Горького все же получает право на аренду, однако на невыгодных финансовых условиях [349, с. 32; 599, л. 88].

Более длительным оказалось дело относительно другой возможности получения квалификации. 3 августа 1923 г. А. С. Макаренко обратился к своему руководству по воспросу приобретении для колонии духового оркестра. При этом он, кроме эстетической необходимости, мотивировал свою просьбу тем, что значительному количеству воспитанников будет предоставлено «знание игры на духовых инструментах просто как средство заработка в будущем» [348, с. 201–202; 599, л. 28]. Но приобрести оркестр колонии тогда не удалось, поэтому решение этого вопроса взял на себя уже после ее переезда в Харьковский округ, в 1926 году, шефский комитет куряжской колонии. Документы свидетельствуют, что сначала, в конце декабря 1926 г., Октябрьский райком общества «Друзья детей» на это разрешения не дал, считая нецелесообразным создание оркестра «за счет общественных денег» [569, л. 39], но в октябре 1927 г. позволил все-таки выделить «на пополнение оркестра» 150 руб. [575, л. 2 об.]

К сожалению, документы содержат недостаточно свидетельств результативности трудоустройства выпускников Горьковской колонии. Известно лишь, что на август 1924 г. на рабфаки было

отправлено 20 человек, в 14-ю пехотную школу – 10, в 25-ю дивизионную школу – 4 [349, с. 47; 499, л. 425].

В условиях катастрофических масштабов беспризорности, которыми, как мы знаем, отмечены для Украины 20-е годы прошлого века, руководитель каждого тогдашнего детского интернатного учреждения неизбежно оказывался под давлением со стороны своих руководящих органов, государственных и общественных организаций в вопросе улучшения такого показателя работы его колонии или детского городка, как «проточность». Главные экономические трудности в этом деле для интернатов заключались в значительном ежегодном ухудшении их материального положения, связанном с необходимостью обеспечения выпускников стартовыми средствами для самостоятельного существования: «обмундированием», «постельными принадлежностями», иногда денежной суммой и т. п.

Аналогичные требования выдвигались и перед руководителем трудовой колонии имени Горького, который, в отличие от многих заведующих, вполне осознавал, что искусственное «увеличение проточности» является крайне негативным педагогическим фактором: уменьшение срока пребывания в интернатном учреждении снижает качество «конечного продукта» ее деятельности, под которым Макаренко понимал воспитанника, который выпущен из колонии и закончил свое воспитание удовлетворительным образом. Но даже в том случае, когда юноша полноценно прошел весь воспитательный цикл в детском учреждении и был выпущен из нее в 16–18-летнем возрасте, дальнейшая его общественная интеграция во многом зависела от социальной и педагогической ситуации в тех профессиональных учебных и производственных учреждениях, которые принимали от интернатов заботу о его судьбе.

Анализ фактов говорит о том, что в данных обстоятельствах Макаренко не мог оставаться в стороне от вопросов педагогической преемственности воспитательной среды, то есть не замечать того, насколько принимающая организация обеспечивала продолжение трудовых и общепрофессиональных традиций, изобретенных и

апробированных в созданной им Горьковской колонии. Ведь если общие условия профессионального развития воспитанников внутри колонии были в известной степени им и его педагогическим коллективом контролируемыми, а результативность этого развития в такой же степени прогнозируемыми, то их «послеколонийский» профессиональный путь зависел от многих случайных и стихийных обстоятельств.

Поскольку существующая в 20-е годы сеть учреждений профессионального образования, а также общегосударственная практика социального сопровождения бывших беспризорных выступали важными внешними обстоятельствами формирования педагогической стратегии А. С. Макаренко в вопросах профессионального развития его воспитанников, мы попытались проанализировать особенности и педагогическую приоритетность главных форм организации профессионального будущего выпускников трудовой колонии имени М. Горького.

Процедура выпуска, организация дальнейшей учебной или трудовой занятости воспитанников выступали не только важным аспектом деятельности руководителей интернатных учреждений и определенным показателем эффективности работы учреждения в целом, но и поводом для критики. Отечественные архивы содержат достаточно много свидетельств как о неформальной заботе, даже личном финансировании бывших выпускников, так и полном безразличии и небрежности в этом вопросе некоторых коллег Макаренко. В начале 1927 г. даже в центральной украинской образовательной газете «Народнiй учитель» говорилось о случаях выпуска подростков из детучреждений вообще без какого-либо трудоустройства. В ответ на это Наркомпрос Украины взывал ко всем окружным инспектурам народного образования: при изъятии подростков из детучреждений обязательно устраивать их на работу или обучение [65].

Приоритет в финансировании и материальном обеспечении дела трудоустройства бывших воспитанников детских колоний и городков

обычно сохраняло за собой государство, разрабатывая различные более или менее действенные проекты. Высший совет народного хозяйства Украины, например, инициировал передачу организациям, проводящим борьбу с беспризорностью, ряда бездействующих предприятий, а также промышленного оборудования из неликвидного фонда, способствовал размещению подростков по предприятиям местной промышленности и т. п. [359]. Стимулировала и координировала эту работу на местах через свои представительства Центральная комиссия помощи детям, образованная постановлением правительства УССР от 28 ноября 1922 г. ЦКДД концентрировала на своих банковских счетах значительные средства и осуществляла финансирование широкого спектра мероприятий, направленных на борьбу с детской беспризорностью. Так, в июле 1927 г. с целью поддержки размещения подростков на промышленных предприятиях, среди кустарей и крестьян ЦКДД ассигновала 70 000 руб. [368].

Окружные комиссии помощи детям, проводившие постоянную работу по поиску новых и совершенствованию существующих форм патроната, имели несколько постоянных путей трудоустройства подростков. Архивные фонды дают возможность определить основные направления такой деятельности: трудоустройство при посредничестве биржи труда на местных промышленных предприятиях, заключение соответствующих договоров и устройство на патронат к кустарям-одиночкам, крестьянам и кустарным артелям, трудоустройство через окружную колхозную секцию в сельскохозяйственных коммунах и артелях, а также через Спиртотрест и Сахаротрест в подчиненных им совхозах, устройство в производственные коллективы комитета по борьбе с безработицей, в музыкальные команды военных частей и др.

В 5-летнем плане по борьбе с детской беспризорностью харьковской ОКПД, составленном в январе 1928 года., на 1927–1928 операционный год, например, планировались такие цифры разгрузки детских учреждений: через биржу труда на производство – 840 человек, в ФЗУ – 180 человек, на патронат кустарям – 100 человек, на

патронат крестьянам – 100 человек, реэвакуация на родину – 300 человек, на рабочие факультеты, высшие учебные заведения – 75 человек, «на договорных началах Помдета» – 205 человек, в только что открытую коммуну имени Дзержинского – 100 человек [574, л. 167 об.]. Как видим, наибольшая доля трудоустроенных выпускников ожидалась от посредничества биржи труда.

По соглашению с ОКПД, харьковская биржа труда оставляла для воспитанников детских интернатных учреждений округа так называемую «броню» – 25 % своих вакансий на низкоквалифицированные виды работ. Насколько эффективно действовало такое сотрудничество, говорит доклад о последствиях передачи подростков на работу и о перспективах ее в дальнейшем инспектора охраны детства харьковской окринспектуры народного образования Розовского на заседании президиума ОКПД 30 марта 1928 г.: всего за 5 последних месяцев таким образом было трудоустроено 419 подростков. Учитывая, что за весь предыдущий год подобная цифра составляла только 319 человек, можно представить общую тенденцию в этом деле [574, л. 205].

Однако, такая форма определения профессиональной перспективы бывших воспитанников детских городков и колоний имела ряд как педагогических, так и социальных недостатков. Даже в упомянутом выше докладе отмечалось, что дальнейшая работа в данном направлении значительно усложняется перегруженностью так называемых «домов рабочих подростков» – временных общежитий для выпускников интернатов. Более принципиальная критика прозвучала из уст заместителя заведующего управления детских учреждений округа Софии Зайчик, которая настаивала на том, что, при отсутствии надлежащего учета, направление воспитанников на биржу труда происходит без выяснения полученной ими в колонии квалификации. На что Розовский возражал: «Посылки не по специальности случаются из-за того и тогда, когда нет спроса соответствующих специальностей и приходится направлять по требованию тех, кто есть под рукой» [574, л. 205]. Хотя на этом

заседании было решено «провести учет квалификации тех детей, которые предназначены для направления на биржу труда, и считаться по возможности с квалификацией подростков» [574, л. 248], но в действительности оказалось чрезвычайно трудно согласовать случайную, полученную в производственных мастерских детских домов, колоний и городов специальность воспитанника с реальной ситуацией на рынке труда.

Биржа преимущественно заполняла вакансии разного рода государственных предприятий округа. В начале 1928 г., например, подростки направлялись в вагонные мастерские, деревообрабатывающего завода в г. Мерчике, на Харьковскую швейную фабрику имени Тинякова [33]. Но особые проблемы возникали в тех случаях, когда вакантные места принадлежали частным предприятиям. Факты свидетельствуют, что иногда владельцы, не предоставляя никакой квалификации подросткам, держали их у себя только первый год, когда их труд разрешалось оплачивать по самым низким расценкам, а затем увольняли, пополняя тем самым ряды безработных [343]. Таким образом, подобная скрытая форма эксплуатации детского труда, наряду со своей юридической и моральной недопустимостью, имела еще и катастрофические педагогические последствия.

Кроме биржи труда, посредничество в привлечении подростков к профессиональному обучению брали на себя Союз кустарей, Всеукраинский промышленно-кредитный союз и другие организации, отправлявшие их в различные кустарные артели. Так, в августе 1927 года Харьковская ОКПД заключила подобное соглашение с артелью «Новое объединение» на обучение в ней в течение 2 лет 20 подростков из детдомов. По этому соглашению, первые 6 месяцев ОКПД обязывалось платить артели за каждого ребенка по 10 руб., а после этого подростки должны были получать содержание по ставкам, согласованным с профсоюзами [367].

К делу квалифицирования подростков в конце концов приобщилось и военное ведомство. В начале 1927 г. Наркомпрос

подписал соглашение с управлением Украинского военного округа о передаче с 1 февраля 300 воспитанников детских учреждений в возрасте 16–18 лет, на обучение в музыкальных командах воинских частей. Вместе с музыкальным образованием поддерживалось получение подростками и производственной квалификации, для чего планировалось привлечь их к работе в мастерских в тех воинских частях, которые таковые мастерские имели [335].

Одной из самых популярных форм разгрузки детских учреждений был патронат. Он представлял собой передачу воспитанников с целью получения определенной рабочей специальности кустарям, занимавшимся индивидуальным производством преимущественно по месту жительства, либо крестьянам.

Кустарь, который принимал на обучение ребенка, получал за это определенную плату, но лишался некоторых льгот, как говорилось в документе, за «пользование трудом учеников», поэтому Харьковский окружной исполнительной комитет осенью 1927 г. обратился во Всеукраинский центральный исполнительный комитет с ходатайством внести определенные изменения во временные правила ученичества в кустарей. Согласно этому предложению, кустарь-одиночка должен иметь право обучать не более трех учеников, не теряя при этом своих льгот; кроме того, в течение первого года обучения он освобождался от обязательства платить ученику [452].

Пытаясь заинтересовать кустарей, которые неохотно принимали подростков на патронат, Высший совет народного хозяйства Украины выступал также за преимущественное снабжение промышленным сырьем тех кустарных артелей и отдельных кустарей, которые использовали труд беспризорных [359].

Несмотря на это, проблемы в такой форме профессионализации выпускников, как патронат, провоцировались как «командирующей», так и «принимающей» сторонами. Пассивность кустарей была обусловлена их большей заинтересованностью в подростках, имеющих семью, чем в бывших беспризорниках. Именно об этом шла

речь, например, в выступлении в начале ноября 1927 г. тогдашнего председателя харьковской ОКПД Сухарева [574, л. 29]. Подобная позиция кустарей объясняется тем, что беспризорные, а вместе с ними и воспитанники детских интернатных учреждений, прежде всего воспринимались как потенциальный источник опасности для самого кустаря, его семьи и имущества, что действительно во многих случаях подтверждалось. Во-вторых, дети, которые не имели семьи и родителей, требовали значительно большей бытовой заботы – принимая подростка на обучение, кустарь тем самым брал на себя целый комплекс обязательств, среди которых были: обеспечение питомца определенной, официально установленной, жилой площадью, соблюдение санитарных условий в месте его жительства и работы, обеспечение полноценного и регулярного питания, уход за внешностью подростка и его здоровьем и т. д.

С другой стороны, сами заведующие колоний хорошо понимали профессиональную малоперспективнисть подобной формы обучения. Это приводило к тому, что они, как отмечалось на заседании президиума ОКПД в марте 1928 г., пытались выделить кустарям детей малоспособных, а более одаренных и, соответственно, более профессионально перспективных оставляли у себя в ожидании лучших возможностей для их трудоустройства или обучения [574, л. 174].

Яркую характеристику подобной ситуации дает и А. С. Макаренко: «лучших ребят, оказывающих успехи в школе или в производстве, и сам завкол никогда не пошлет к сапожнику на довольно тяжелую и беспросветную жизнь, в этом случае и мальчик и завкол всегда будут чего-то ожидать лучшего. Следовательно, к кустарям отправляются или те, которых заведующему интересно скорее сплавить, или те ребята, которым вообще ничего особенного не хочется и которым просто интересно переменить обстановку. Все это определяет то, что при помощи кустарей мы разгружаемся от ребят, далеко не закончивших воспитание» [236, с. 132–133].

На том же мартовском заседании ОКПД также прозвучала и другая принципиальная проблема. Оказывается, наибольшее количество заявок в то время поступало от кустарей-сапожников, но вполне понятно, что далеко не каждый из подростков желал квалифицироваться именно по этой специальности [574, л. 174]. Надо отметить, что полное или частичное игнорирование предпочтений, желаний и индивидуальных способностей воспитанников детских учреждений и предоставление большинству из них стандартной квалификации не столько создавало определенный дисбаланс на рынке труда, сколько препятствовало будущей профессиональной самореализации этих юношей и девушек, дезориентировало их в поисках собственной профессиональной идентичности, и как итог – в значительной степени блокировало наиболее сензитивный в профессиогенетическом отношении период личностного развития. Попадая в среду кустарей, подросток подвергался опасности бессознательного усвоения всей системы профессиональных стереотипов, ценностей и традиций, которые в значительной мере могли изменить не только его представление о собственном профессиональном будущем, но и повлиять на осознание социального содержания своей профессиональной деятельности.

Возвращаясь к специфике патроната у кустарей, мы должны подчеркнуть, что отдельным негативным фактором этой формы профессионального обучения выступали неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия. Если санитарное состояние детских интернатных учреждений проверялось соответствующими органами, а их заведующие и штатные врачи несли ответственность за него, то аналогичный показатель относительно жилища и производственных помещений кустаря зависел от уровня общей культуры и гигиенической просвещенности последнего. В том же марте 1928 г. харьковская городская санитарно-эпидемиологическая служба констатировала массовые случаи нарушения гигиенических и санитарных нормативов жилищных условий патронируемых подростков. Отмечено плохое и нерегулярное питание, в 40 % случаев

зафиксирована влажность значительной части помещений кустарей, 18,8 % помещений, как оказалось, расположены в подвальных и полуподвальных этажах зданий. Недостаточность полезной жилой площади на одного проживающего наблюдалась в 87,5 % случаев, квалифицировалось как антисанитарное состояние 35,5 % домов. Также отмечалось отсутствие у 7,5 % подростков постельного белья, чрезмерная продолжительность рабочего дня и пр. [574, л. 182, 191].

Среди разнообразия видов сопровождения выпускников интернатов наибольшую критику со стороны А. С. Макаренко вызвала такая форма, как патронат у крестьян. Сама процедура передачи воспитанников детучреждений на трудовое воспитание в крестьянский двор или сельскохозяйственный коллектив была слишком громоздкой: заинтересованный в патронируемом крестьянской двор или коллектив подавал соответствующее заявление в сельсовет; сельсовет, чтобы выявить целесообразность подобного либо сам обследовал коллектив или крестьянский двор, либо поручал это одной из общественных организаций – ячейке КП(б)У, ЛКСМУ, «Друзей детей», Комитету бедноты, местному комитету союза Рабпрос или Рабземлеса, делегаткам от крестьянок – и весь материал посылал в ОИНО; рассмотрев материалы, ОИНО высылала проект договора в сельсовет, который отбирал на договоре подпись представителя крестьянского двора или коллектива. Только после этого патронат становился юридически возможным. Были разработаны и определенные средства поощрения крестьян: им предоставлялось право получить на питомца земельный надел по нормам трудового землепользования, который, к тому же, освобождался в течение первых трех лет от сельскохозяйственного налога, или выдавалась отдельная плата на содержание патронируемого. Педагогические советы интернатов составляли списки кандидатов на эту форму патроната: учитывался возраст – от 12 до 17 лет, физическое здоровье. Патронированные крестьянами подростки могли также рассчитывать на определенные социальные гарантии – право на земельный надел, внеочередное поступление в

школу, бесплатные учебные принадлежности и медицинскую помощь [450].

Отражением существенных недостатков такой формы патроната являются протоколы заседаний президиума Харьковской ОКПД. В июне 1928 г. преемник А. С. Макаренко в должности руководителя Управления детскими учреждениями Харьковского округа Михаил Сухарев отмечал, что, поскольку подростки у крестьян выполняют работу батраков, заведующие детучреждений выступают против этого вида патроната. Поддерживал его и Розовский: «Крестьяне берут на патронат детей исключительно с целью получить за них деньги и никакого воспитания детям и трудового навыка они им дать не могут» [574].

Интересные мысли на эту тему мы находим и у А. С. Макаренко, в его незавершенной работе «О патронировании». «Я очень боюсь, – писал он, – что по вопросу о передаче детей крестьянам мы находимся в целой полосе недоразумений». Опираясь на собственный опыт и понимание ситуации, А. С. Макаренко отмечал, что при существующих условиях это мероприятие ни в педагогическом, ни в социальном отношении не может считаться действенным. При наличии в украинской деревне 20-х годов прошлого века чрезмерного количества предложений по выполнению любой работы, принятый за деньги воспитанник интерната неизбежно вытолкнет из деревни на улицы нового беспризорного, которого через некоторое время непременно возьмут в детский дом, «но уже научившегося кое-чему на улице и получившего определенную степень отвращения к сельскохозяйственному труду, да, впрочем, и ко всякому иному труду». Таким образом, патронат у крестьян, по образному выражению Макаренко, только переставляет одного беспризорного на место другого. При этом педагог утверждал, что через возглавляемое им Управление детскими учреждениями Харьковского округа не было направлено к крестьянам ни одного парня и даже не было ни одного соответствующего требования [236, с. 133].

Патронат у крестьян был проблематичным ввиду еще на одного, раскрытого Макаренко, весомого обстоятельства. Невозможность для воспитанников интернатов иметь необходимый сельскохозяйственный инвентарь исключала вообще среди них любые стремления к занятиям сельским хозяйством. Перспектива же для подростка стать членом сельскохозяйственной коммуны тоже выступала почти нереальной, поскольку в такие коммуны принимали людей достаточно осмотрительно и более старшего возраста. Колонии тоже не в состоянии держать у себя воспитанника до 18 лет, постоянно ориентируя его на подобное будущее, поскольку к этому возрасту он успеет научиться чему-то «с его точки зрения более солидному, чем сельское хозяйство» [236, с. 134].

Как досадный случай вспоминает Макаренко и неудачную попытку инициированного комиссией помощи детям устройства воспитанников детских учреждений округа в сельскохозяйственную коммуну «Снежное». Тщательно подобранные Управлением детучреждениями подростки, прибыв в коммуну, выяснили, что «Снежное» представляет собой лишь обычную немногочисленную, всего на 50 воспитанников, детскую колонию железнодорожного подчинения, бедное хозяйство которой делало невозможным для них любую перспективу колективного хозяйствования [236, с. 133]

Педагогическую несостоятельность идеи патроната, – по крайней мере, для тех времен, – ее несоответствие воспитательному контексту деятельности интернатного учреждения Макаренко выводил из суммы противоречий между мелкохозяйственным частным производством и большой государственной промышленностью. Он задавался вопросом: какое влияние может оказать сам процесс патронирования на работу детского дома, какие настроения вносятся этим институтом в жизни трудовой колонии? «Как бы ни плохо была поставлена работа в нашей колонии, все же наши дети растут под влиянием идеи рабочего класса. Они, может быть, не умеют вести себя, не умеют даже работать, если мы плохие воспитатели, но они уже умеют презирать эксплуатацию и

эксплуататоров и сами совершенно откровенне стремятся быть рабочими в городе, на производстве. Другое дело, насколько мы сможем удовлетворить их стремление и подготовить их на этот случай, если оно будет удовлетворено, но само стремление это должно быть признано здоровым и составить базу для воспитательной работы колонии» [236, с. 133–134].

То, что патронат даже искусственно пресекал воспитанникам путь к большому производству, подтверждается и документально. В конце августа 1928 г. президиум ОКПД так ответил на ходатайство крестьян о возможности трудоустройства на предприятиях патронируемых у них подростков: в ходатайстве отказать, поставить вопрос перед ОИНО, чтобы в дальнейшем были даны указания заведующим детучреждений о разъяснении крестьянам «в том направлении что дети на предприятия посланы быть не могут» [574, л. 264].

Давали основания надеяться на определенные гарантии получения профессии бывшими колонистами разве что соглашения с государственными сельскохозяйственными предприятиями. Так, в марте 1928 г. центральный орган КП(б)У газета «Комуніст» освещала один из таких примеров: НКП, ЦКПД и Центральная комиссия по борьбе с безработицей заключили с Сахаротрестом договор о том, чтобы разместить по его предприятиям – сахарным и совхозам Украины – 338 переростков сверх брони, «поставив их в такие условия, чтобы дети имели возможность приобрести определенную квалификацию» [366].

Как оказалось, отдельно для колонии имени М. Горького некоторую эпизодическую помощь в деле трудоустройства воспитанников предоставлял ее достаточно мощный шефский комитет. Отображение этого находим в архивных документах. Так, в августе 1927 года харьковский Октябрьский районный комитет общества «Друзья детей» утверждал протокол шефкому: «предложить шефскому комитету представить списки воспитанников колонии, которых в первую очередь необходимо послать на работу.

Рекомендовать Шефкому обратиться в Окрвоенком для выяснения возможности распределения подростков» [569, л. 140 об.]. А в начале июня того же года Октябрьский райком, утверждая штат подотчетного ему буфета при харьковском клубе имени Моисеенко, решил взять из числа воспитанников подшефной Горьковской колонии третьего работника с оплатой 25 руб. [569, л. 113].

Колония имени Горького во все годы своего существования пыталась как можно полнее использовать свои внутренние квалификационные возможности. В полтавский период, несомненно, самой эффективной формой предоставления настоящей производственной специальности колонистам была мельница, о борьбе вокруг которой говорилось выше. По своим техническим характеристикам мельница действительно могла удовлетворить соответствующие надежды. Она начал функционировать на территории усадьбы с 1890 г., имела паровую машину и паровой котел, работающий на каменном угле. В помещении мельницы, имевшем электрическое освещение, работали 24 взрослых и один несовершеннолетний рабочий. Рабочая часть мельницы состояла из 7 вальцов для производства муки и 2 камней для простого помола, производительность ее достигала 1000 пудов зерна в сутки (пшеница, рожь). Принимая сырье преимущественно из имений своих владельцев, мельница за 1904 год, например, переработала 324 375 пудов пшеницы и 10 535 пудов ржи на общую сумму 347 480 руб. Главными рынками сбыта муки были Полтава и Харьков, где Трепке имели специализированные склады [114, с. 11; 348, с. 25; 352, с. 359–360; 453, с. 18–19].

Однако изменение дислокации колонии в 1926 году, очевидно, не дало полностью реализоваться квалификационным мечтам Макаренко относительно мельницы, в то же время оно стимулировало более смелые его планы.

В украинской прессе начала 1927 года содержится информация о том, что в Народный комиссариат образования обращается много бывших воспитанников колоний с жалобами на свое увольнение из

детучреждений без одежды и обуви. Даже получив работу, они не могут купить себе все необходимое, что толкает их вновь на путь правонарушения [65]. Проблема здесь заключалась не только в халатности или ограниченности средств детучреждений, а еще и в том, что слишком низкая квалификация или отсутствие таковой у выпускников не позволяли им найти достаточно высокооплачиваемую работу. Неосуществимость квалификационных планов руководителей детских домов, городков и колоний была заложена в самом типе последних: они создавались, в подавляющем большинстве, скорее как трудовые, чем учебные учреждения, с ориентацией на самые примитивные формы труда. В докладе ОИНО о состоянии народного образования на Харьковщине в 1925–1926 учебном году мы можем прочитать: «полностью охватить детучреждениями беспризорных все-таки не представляется возможным, чему препятствует, прежде всего, то, что конструкция детучреждений, при отсутствии производственного обучения, не дает возможности разгрузить сеть детучреждений от переростков» [519, л. 14].

Однако история харьковской колонии имени Горького богата свидетельствами непрерывных попыток ее руководства использовать малейшие возможности для предоставления воспитанникам не только широкого спектра общефессиональных компетентностей, но и узкой квалификации в определенном виде труда. Речь идет, прежде всего, о мастерских, перманентное совершенствование которых создавало условия для движения от примитивного кустарного труда к механизированному и электрифицированному производству. Появление трактора, кроме того, что давало возможность группе воспитанников работать по полученной еще в Полтаве специальности [459, с. 228–232], но и способствовало приобретению «механизаторской» профессии многими другими.

Из истории «куряжского» периода мы знаем, что самыми потенциально ценными квалификационными ячейками хозяйства колонии были электростанция и полукустарный столярный цех. Особенно много написано о первом в педагогической практике

Макаренко опыте массового выпуска промышленной продукции – разнообразных столярных изделий [228; 298, с. 135; 312, с. 57; 458, с. 141–144, 194].

В одном из первых писем Горькому с нового места, 24 ноября 1926 г., А. С. Макаренко, характеризуя хозяйственное развитие колонии, между прочим пишет: «Сейчас мы заняты устройством производственной столярной мастерской. Денег у нас, правда, нет, но мы взяли заказ на 10000 ульев и в счет платы получили оборудование мастерской. Заказ мы обязаны выполнить в 6 месяцев. Дело очень интересное. Уже установили строгальный станок, всякие пилы, сушилки. Харьковские табачники подарили нам трактор, который и будет двигать нашу мастерскую» [336, с. 42]. Глава «Педагогической поэмы» «Жизнь покатилась дальше» раскрывает подробности этого события: «В колонии скоро завелось настоящее производство. Разными правдами и неправдами мы организовали деревообделочную мастерскую с хорошими станками: строгальным, фуговальным, пилами, сами изобрели и сделали шипорезный станок. Мы заключали договоры, получали авансы и дошли до такого нахальства, что открыли даже в банке текущий счет.

Колонисты с большой охотой пошли на производственную работу, они не испугались машин, не испугались разделения труда. <...>

Делали мы дадановские ульи. Эта штука оказалась довольно сложной, требующей большой точности, но скоро мы насобачились на этом деле и стали выпускать их сотнями. Делали мебель, зарядные ящики и еще кое-что» [228, с. 612]. Эти же события описывает и Н. Э. Фере [458, с. 141], он также упоминает о том, как колонисты, работники механической деревообрабатывающей мастерской, успели в короткий срок освоить достаточно сложные станки, приурочили к визиту Горького сдачу предприятию-заказчику большой партии произведенного товара. Во время этого торжественного акта, непосредственное участие в котором принимал и великий писатель, выступил командир отряда столяров В. Стебловский, он рассказал о

освоении оборудования, борьбе с браком и дал Алексею Максимовичу слово «работать всегда только по-горьковски – с отличными показателями!» [458, с. 194].

Благодаря, как мы знаем, шефскому комитету, еще одним из интересных средств воспитания основ профессионального мастерства стал колонийский оркестр, об уровне квалификации которого говорят многие факты. Общество «Друзья детей», например, включало его выступления в различные свои мероприятия. Так, в программу агитационного вечера, запланированного на 27 октября 1927 г., кроме доклада о детской беспризорности и выступления «Живой газеты», Октябрьский райком общества ввел и выступление духового оркестра колонии. Такое же почетное место занял оркестр горьковцев и в культурной программе первого дня перевыборной конференции райкома, начавшейся 2 декабря [575, л. 2, 9, 28].

В макаренковедении давно укоренилась мысль о чрезвычайно важной роли, которую отводил А. С. Макаренко ориентации воспитанников на высшие формы профессионального образования. Кроме того и само желание подростков получить высшее образование, и соответствующую, организованную в колонии подготовительную работу педагог использовал как мощное воспитательное средство. То есть, чисто «профессиональная» составляющая индивидуального развития колонистов здесь выступала общим мотивирующим импульсом для всего коллектива. По словам Макаренко, «тот факт, что мы имеем в Киеве и в Харькове десяток своих студентов, дает половине воспитанников надежду самим попасть туда» [349, с. 58; 601, л. 2–14]. Именно стремление и подготовку колонистов к получению в будущем профессионального образования следует рассматривать в контексте главных форм осуществления открытого Макаренко принципа «перспективных линий».

Факты, связанные с практикой обеспечения поступления воспитанников колонии имени Горького в средние профессиональные и высшие учебные заведения, с разной степенью полноты и документальности отражены почти во всех биографиях педагога-

писателя, а также исторических очерках о возглавляемом им учреждении (Е. Балабанович [30], Н. Нежинский [290; 297; 298], М. Павлова [318], А. Фролов [312] и др.). Однако лишь начало нового века отмечено публикациями фундаментальных сборников архивных документов, иллюстрирующих настойчивые, иногда драматические попытки А. С. Макаренко обеспечить лучшим из колонистов гарантированное место на рабфаках харьковских и киевских вузов (А. Ермак, И. Зязюн, Л. Крамущенко, И. Кривонос, Н. Тарасевич и др. [22; 348; 349], Г. Хиллиг [346]).

Для подготовки к вступительным экзаменам на рабфак, которая началась в колонии с 1922 г., параллельно с основной учебой в школе в свободное время под руководством Макаренко проводились занятия по отдельным группам будущих выпускников [348, с. 258]. С этой же целью в начале августа 1923 г., например, педагог обращался в Главсоцвос НКП с просьбой выдать один экземпляр «Справочника для поступающих в институты, техникумы, рабфаки и профшколы У.С.С.Р.» [348, с. 203; 598, л. 28].

Устройство же на рабфак выпускников 1924 года вылилось в почти драматическую историю. Находясь летом этого года в колонии имени М. Горького, заместитель наркома просвещения Я. П. Ряппо пообещал предоставить воспитанникам колонии соответствующие места [349, с. 29; 600, л. 37]. 17 июля заседание коллегии Главсоцвоса НКП, рассмотрев соответствующее заявление Горьковской колонии, постановило обратиться в Главпрофобр с просьбой забронировать 9 мест на рабфаках для ее воспитанников [349, с. 18; 600, л. 34]. Позже делегация колонии во главе с Макаренко посетила Я. П. Ряппо в Харькове и получила подтверждение его обещания. Но вскоре Ряппо ушел в отпуск, так и не решив дела [349, с. 29–30; 600, л. 37]. В конце августа Макаренко, обеспокоенный опасностью потери рабфака для своих воспитанников, подключает собственные связи в Главсоцвосе, руководители котрого обращаются в Главпрофобр и даже шлют телеграммы самому Ряппо в Крым. В результате места на робочих факультетах для 7 воспитанников-горьковцев были все-таки

забронированы [349, с. 30–31; 600, л. 36, 38–40]. При относительно полном освещении «рабфаковской» темы в истории Горьковской колонии полтавского периода аналогичные факты «куряжского» этапа ее развития остаются почти не исследованными.

Несмотря на важность поднятой проблемы, до сих пор в науке предметно не анализировался спектр благоприятных и ограничивающих внешнх факторов, существенно влиявших на общую эффективность профессионализации выпускников колонии. Вместе с тем, в последнее время глубоко изучается история развития отечественного рабочего профессионального образования 1920-х годов. Именно этой теме посвятили свои аналитические друды украинские ученые: Е. Анищенко [18], С. Бутивщенко [51], Н. Михайловская [266] и др.

Учитывая принципиальную важность общепрофессионального контекста воспитательной практики А. С. Макаренко, мы попытались исследовать профессионально-образовательную среду, в которой развивалась Харьковская трудовая колония имени М. Горького.

В условиях неприспособленности для целей социального воспитания общегосударственной практики трудоустройства и патроната выпускников интернатных учреждений большие надежды в вопросах организации профессиональной перспективы своих колонистов А. С. Макаренко мог возлагать только на средние и высшие профессиональные учебные заведения. То, что в колонии имени М. Горького была «большая тяга» воспитанников на рабфаки и ФЗУ, фиксировали даже ее инспекторские проверки [22, с. 161]. Вместе с тем, возможность получить в колонии соответствующую теоретическую подготовку, которая позволила бы выдержать конкурсные экзамены при поступлении в профессиональное учебное заведение, была, разумеется, далеко не единственным важным фактором успешного профессионального образования. Существенным обстоятельством профессионального самоопределения воспитанников Макаренко выступали близость и характер соответствующих образовательных учреждений, специализация, наполняемость и

правила приема в них, наличие социальных гарантий для данной категории абитуриентов и т. п.

Ведущим фактором качественного и количественного развития профессионального образования в то время выступали индустриализация и техническое переоснащение украинской промышленности, которые на конец 1920-х годов провозглашались приоритетными направлениями государственного развития. По плану 1-й пятилетки предусматривалось увеличение промышленной продукции Украины на 94 %, капиталовложения составляли 2169 млн. руб., из которых 60 % предназначались на переоборудование и расширение существующих предприятий и 40 % – на строительство новых. Такие темпы развития промышленности требовали вовлечения около 130 000 новых рабочих т. е. увеличения имеющегося их количества к началу пятилетки на 29 %. Что же касается квалифицированных рабочих, то их количество к концу пятилетки должно было увеличиться на 74 000 человек, не считая компенсации ежегодной естественной убыли численности рабочих на такое же приблизительно количество (приведенные данные о квалифицированной рабочей силе не учитывают транспорта – А. Т.) [357].

Под влиянием указанной тенденции происходил значительный прирост наборов во все виды профессиональных учебных заведений. Красноречивой в этом отношении является динамика количества учащихся школ фабрично-заводского ученичества Украины, представленная в таблице 1.3 [357].

Как видим, если в 1923 г. в ФЗУ было принято лишь около двух тысяч учеников (учитывая и ежегодный отсев), то результаты набора 1926 г. говорят о пятикратном росте их количества. Значительное увеличение числа абитуриентов по харьковским профессиональным и высшим учебным заведениям в 1927 г. вызвало даже дополнительный прием. Всего же тогда было зачислено: на рабфаки – 667 чел. (в 1926 г. только 517 чел.), в техникумы – 421 чел., в вузы – 1675 чел. [300].

Из-за крайне неблагоприятных условий своей предыдущей жизни и обычно низкой учебной эффективности школ интернатных учреждений бывшие беспризорники в первую очередь пополняли ряды учащихся профессиональных школ и ФЗУ и значительно реже становились студентами техникумов, рабфаков и вузов. Для сравнения: в 1928 г. по планам харьковской окружной инспектуры народного образования в ФЗУ должны были вступить 250 воспитанников детдомов, в то время как на рабфаки и в вузы лишь 20 человек [574, л. 261].

Что касается выпускников колонии имени Горького, которая обеспечивала 7-летнее обучение, то большинство из них вполне могли надеяться на ученичество именно в профессионально-технических школах, поскольку поступление туда, по установленным правилам, позволялось только на базе 7-летнего школьного образования, тогда как для ФЗУ вполне достаточно было 4-летней подготовки [519, л. 19].

Таблица 1.3

Количество учащихся ФЗУ Украины в 1927 г. (по годам обучения)

Отраслевая принадлежность	**Годы обучения**				**Всего:**
	1-й	**2-й**	**3-й**	**4-й**	
Школы ФЗУ в промышленности	8169	6304	3423	983	**18879**
Школы ФЗУ на транспорте	1962	1866	1021	880	**5729**
Всего:	**10131**	**8170**	**4444**	**1863**	**24608**

Поддержка вступления выпускников интернатов в профшколы, кустарные школы и ФЗУ осуществлялась на самом высоком уровне: в июле 1927 г. президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) принял решение выделить для них из средств Центральной комиссии помощи детям 1500 стипендий и забронировать по этим учреждениям определенное количество мест

[32]. В то же время, исключительно большие возможности для получения образования предоставлял столичный харьковский регион. Рост количества учреждений профессионального образования Харьковщины и их контингента в 1924–1926 гг. проиллюстрирован в таблице 1.4 [519, л. 18].

Как видим, общее увеличение количества учреждений профессионального образования и числа их учеников происходило в первую очередь за счет учреждений индустриального направления: общее количество индустриально-технических профшкол и школ ФЗУ выросло на 36 %, число учащихся в них – на 61 %, в то же время количество других учреждений почти не увеличилось, а число учащихся в них возросло лишь на 31 %.

Таблица 1.4

Сравнительное количество учреждений профессионального образования Харьковщины и их контингента в 1924–1925 и 1925–1926 учебных годах

Учреждения сети профессионального образования	**1924–1925 у. г.**		**1925–1926 у. г.**	
	Учреждений	**Учащихся**	**Учреждений**	**Учащихся**
Индустриально-технические профшколы	8	1140	11	1420
Сельскохозяйственные профшколы	4	460	5	560
Медицинские профшколы	5	480	5	583
Торгово-промышленные профшколы	4	1275	4	1607
Художественные профшколы	2	552	2	891
Школы ФЗУ	22	2411	30	4300
Всего:	**45**	**6318**	**57**	**9361**

Большинство школ ФЗУ (26 из 30) и индустриально-технических профшкол (6 из 11) находились в непосредственной близости от Горьковской колонии – в самом Харькове [519, л. 18–19], что позволяло випускникам не терять связи с ней, получать материальную и моральную поддержку, даже оставлять за собой возможность иметь жилье на первых шагах в самостоятельную жизнь. Последнее подтверждают материалы обследования колонии в июне 1927 г.: в ней продолжали проживать несколько учеников ФЗУ [22, с. 160].

Харьковские ФЗУ давали молодежи достаточно широкие перспективы профессионального самоопределения: она могла квалифицироваться по 13 отраслям, перечень которых с показателем количества учащихся по каждой представлен в таблице 1.5 [519, л. 19].

Однако, несмотря на рост сети и наполняемости учреждений среднего технического образования Харьковщины, они не могли удовлетворить возросший спрос молодежи. В начале августа 1927 г. газета «Комуніст» констатировала: в строительную профшколу на 70 вакансий уже поступило более 200 заявлений, в электромеханическую на 110 вакансий – 400 заявлений, в 4-ю химическю на 40 вакансий – 182 заявления [267].

Из доклада ОИНО о состоянии народного образования региона в 1925–1926 учебном году известно, что в эти годы происходило и качественное улучшение учебного процесса в указанных учреждениях – делалась общая установка на лучшее удовлетворение потребностей промышленности, воплощались новые методы обучения. Для усвоения практических навыков создавались учебные цеха, мастерские, ученические производственные бригады, которые охватывали всех учащихся. Как правило, вводилась триместровая система, контролировались своевременное начало и конец занятий, почти во всех школах ФЗУ применялся лабораторный метод обучения и Дальтон-план. В то же время не хватало оборудования учебных цехов и мастерских [519, л. 20]. Дальнейшее расширение сети

рабочего образования намечалось по нескольким направлениям: увеличение числа индустриально-технических профшкол Харькова по санитарно-строительной, модельной, авто-авиационной и электросварочной специальностям; открытие новых профшкол, увеличение наполняемости школ ФЗУ в связи с ростом промышленных предприятий [519, л. 22–23].

Таблица 1.5

Отраслевая специализация школ ФЗУ Харьковского округа на 1925–1926 учебный год

Отрасль	Количество школ	Количество учеников
Металлообрабатывающая	8	1540
Транспортная	4	480
Швейная	3	391
Текстильная	2	305
Пищевкусовая	3	265
Полиграфическая	1	259
Советское строительство	1	230
Сельскохозяйственная	1	150
Кожевенная	1	99
Строительная	1	95
Химическая	2	88
Сахарная	1	57
Деревообрабатывающая	1	22
Всего:	**29**	**3981**

Массовость фабрично-заводского ученичества заметно улучшала общую статистику устройства бывших беспризорных. По данным харьковской окружной комиссии помощи детям, в 1927 г. через посредничество харьковской ОИНО учениками ФЗУ стали около 200 воспитанников детских колоний [574, л. 140].

Несмотря на значительные усилия центральной и местной власти, советских и просвещенческих органов, проблема среднего профессионального образования выпускников детских интернатных

учреждений Харьковщины так и не была удовлетворительным образом решена в течение 1920-х годов, что был вынужден в 1931 году констатировать преемник А. С. Макаренко в должности заведующего детскими интернатными учреждениями Харьковского округа М. Сухарев. Единственными удачными примерами в этом отношении были сельскохозяйственные школы по подготовке агротехников, созданные на базе крупных хозяйств (до 500 дес. земли) двух крупнейших детских городков округа – Ахтырского и Богодуховского. Учитывая неустроенность «учебной постановки» детских колоний и городков, в начале 30-х годов ОИНО вынуждено было приступить к разработке положения о реорганизации их мастерских в кустарно-ремесленные школы, «с тем расчетом, чтобы дать воспитаннику законченную профессию» [549, л. 96 об. – 97].

Получив лишь 7-летнее образование, воспитанник детской колонии фактически не мог рассчитывать на поступление непосредственно в вуз. Хотя еще в 1927 году на Всероссийском совещании заведующих детских учреждений, как сообщала об этом на президиуме ОКПД одна из делегаток совещания от Харькова С. Зайчик, декларировалась необходимость «открыть при детучреждениях 9-ти летки, чтобы дети имели возможность попадать в институты» [574, л. 48], реальных шагов в этом направлении не делалось.

Наивысшим уровнем учреждения профессионального образования, в который мог попасть выпускник Харьковской трудовой колонии имени М. Горького, как и другого аналогичного интерната того времени, был рабоче-крестьянский факультет. Рабфаки (или робсельфаки) в Украине создавались при вузах или техникумах в соответствии с декретом СНК РСФСР от 17 сентября 1920 г. как специальные учебные заведения для лиц, стремившихся поступить в высшую школу, но не имевших соответствующего уровня подготовки. На 1925 г. существовали 33 украинских рабфака с общим числом студентов 7,5 тыс. человек. Главными требованиями к поступающим были 16–30-летний возраст, принадлежность исключительно к классу

рабочих или крестьян, наличие командировок или направлений предприятий, профсоюзных, партийных и советских органов. С 1921–1922 учебного года был установлен на дневных рабфаках 3-летний, на вечерних – 4-летний срок обучения [331, с. 401–402; 365]. По положению, принятому коллегией НКП в октябре 1927 г., на дневные рабфаки принимались лица с трудовым стажем не менее 3 лет, на вечерние – не менее 2 лет [190]. Стипендия, что выплачивалась студентам рабфаков, обеспечение общежитием и реальная перспектива получения высшего образования делали поступление на них оптимальной формой организации профессионального будущего для выпускника интернатного детского учреждения. В пользу этого говорит и тот факт, что на конкурсных испытаниях при поступлении в вузы рабфаковцы демонстрировали лучшую подготовку, чем выпускники профшкол [363].

В 1927 г. беспрецедентный наплыв абитуриентов наблюдался и на рабфаках: на 1730 мест было подано более 3000 заявлений [474]. Независимо от этого для выпускников интернатных учреждений на харьковских рабочих факультетах бронировалось 5 % мест [279].

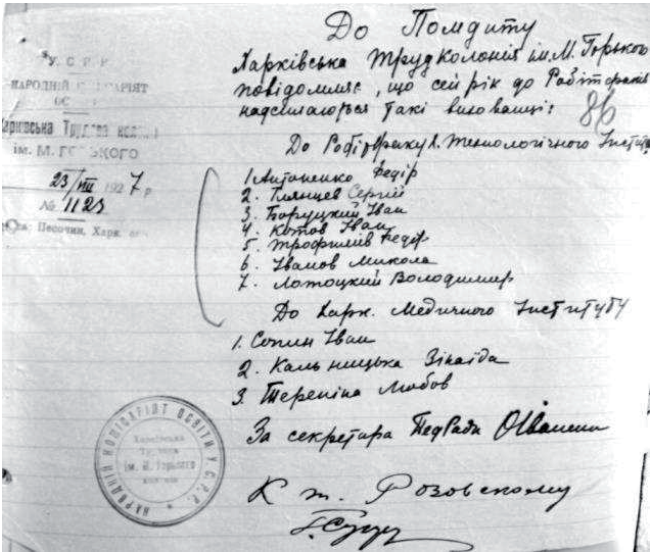
Однако, как свидетельствуют факты, число этих мест не всегда удовлетворяло спрос со стороны воспитанников колоний. В августе 1927 г., например, на заседании окружной комиссии по проведению месячника помощи детям относительно участия ячеек общества «Друзья детей» было принято решение: «дать задание О-ву ДД закончить работу относительно получения сверх брони мест на рабфаках, на что просить поддержки НКП, а на стипендии подросткам из детучреждений назначить средства из сумм, собранных по Месячнику (Месячник помощи детям – А. Т.)» [567, л. 31]. Четыре дня спустя, 16 августа, окружное правление общества обратилось в Главпрофобр НКП с просьбой разрешить устроить на рабфаки харьковских медицинского, сельскохозяйственного, ветеринарного и других институтов нескольких воспитанников детучреждений сверх нормы за счет стипендий общества. При этом сообщалось о принципиальном согласии правлений указанных институтов [568,

л. 88]. Параллельно и в ОИНО было направлено аналогичное обращение, в котором подтверждалось обязательство взять на себя выплату стипендий принятым подросткам в течение всего времени их обучения на рабфаке [568, л. 87]. Вскоре «Комуніст» писал: НКП сообщил на места, что он не возражает против приема и сверх установленной нормы, с тем лишь, чтобы инспектуры народного образования взяли на себя обязанности полного материального обеспечения этих воспитанников стипендиями и жильем на все время обучения [279].

Очевидно, именно на таких условиях были направлены на рабфаки и выпускники Горьковской колонии. В последней декаде августа 1927 г. окрправление общества «Друзья детей» обратилось в Харьковский технологический институт (ХТИ): «Согласно составленных условий с Наркомпросом, Окрправление ДД направляет следующих подростков на В/рабфак». В приведенном перечне указаны семь горьковцев: Федор Антоненко, Сергей Глянцев, Иван Боруцкий, Иван Котов, Федор Трофимов, Николай Иванов, Владимир Лотоцкий. Общество просило допустить указанных воспитанников к экзамену [568, л. 85].

Но группа абитуриентов колонии имени Горького 1927 года технологическим институтом не ограничивалась, архивы сохранили еще несколько фамилий. 23 августа колония направила в ОКПД письмо, подписанное секретарем ее педагогического совета, будущей известной украинской писательницей Оксаной Иваненко, в котором сообщала полный список своих абитуриентов. Кроме упомянутых выше семи, указывались и трое воспитанников, направлявшихся на рабфак Харьковского медицинского института: Иван Сопин, Зинаида Кальницкая и Любовь Теренина [568, л. 86] (см. рис. 1.5).

Об успешности профориентационной работы колонии имени Горького говорит такой факт: среди 13 абитуриентов – бывших воспитанников детских колоний – принятых на рабфак ХТИ в 1927 году, семь были подготовлены силами именно ее педагогического коллектива [170].



До Помдиту
Харківська Трудколонія ім. М. Горького повідомляє, що сей рік до Робітфаку надсилаються такі вихованці:
86
До Робітфаку Технологічного Інституту
1. Мирошенко Федір
2. Тимощей Сергій
3. Горуцький Іван
4. Котов Іван
5. Трофимів Федір
6. Іванов Микола
7. Лотоцький Володимир
До Харк. Медичного Інституту
1. Сопін Іван
2. Кальницька Зінаїда
3. Терешіна Любов
За секретаря Педраду Іванин
К т. Розовському

Рис. 1.5. *Список поступающих в харьковские рабфаки, направленный 23 августа 1927 г. колонией имени М. Горького в президиум ОКДД (автограф Оксаны Иваненко; ГАХО, ф. Р-1492, оп. 1, д. 31, л. 86).*

Вполне возможно, что тщательные поиски в фондах отечественных архивов дадут не менее убедительные подтверждения эффективности налаженной в Горьковской колонии системы организации профессионального будущего выпускников.

* * *

Приведенный выше фактический материал дает основания для некоторых обобщений. Возглавив первое в своей педагогической карьере трудовое интернатное учреждение, А. С. Макаренко столкнулся с большим количеством непривычных для него практических задач, ведущее место среди которых принадлежало, на ряду с организацией перевоспитания криминальных подростков, обеспечению преемственности ценностного контекста их

жизнедеятельности при переходе из колонии к самостоятельной трудовой жизни. Понимая, что необходимым условием сохранения целостности социального опыта воспитанников выступает их успешное профессиональное развитие, А. С. Макаренко в качестве оптимальной формы, способной обеспечить интеллектуальную, психологическую и практическую готовность к квалифицированному труду, выбрал целесообразно построенную профессиональную микросреду как своеобразную «кафедру», «сцену» и «гимнастический зал» профессионального мастерства. При этом коренным отличием его системы трудового воспитания оставалось непосредственное и сознательное участие самих воспитанников в формировании как микро-, так и макросреды собственного развития.

Общая тенденция интенсивного развития отечественной экономики во второй половине 20-х годов прошлого века и увеличение в связи с этим объемов государственного заказа на подготовку квалифицированных рабочих, в первую очередь производственных профессий, создавали, безусловно, очень позитивный общественный фон для профессионального развития воспитанников колонии имени М. Горького. Соответствующие воспитательные цели ее педагогов, таким образом, обеспечивались общим подъемом широких масс, в основе которого лежало стремление приобщиться к делу экономического укрепления молодого государства. Горячее желание колонистов-горьковцев вступить в профессионально-образовательные учреждения является подтверждением этого.

Технические возможности для адекватного профессионального самоопределения и продолжение профессионального образования выпускников колонии подкреплялись географической близостью к столичному Харькова – одному из крупнейших промышленных и образовательных центров страны. Изменение географических координат учреждения в 1926 г. не только существенно трансформировало административную и экономическую ситуацию ее развития, но и внесло определенные коррективы в общую стратегию

А. С. Макаренко в отношении организации профессионального будущего его воспитанников. В харьковской период семилетняя школа колонии и система дополнительных занятий давали возможность горьковцам вступать не в ФЗУ, что было типичным для их сверстников из других интернатов Харьковщины, а в более квалифицированные образовательные учреждения – профессионально-технические школы и рабфаки.

Еще одним фактором обеспечения профессионализации воспитанников Макаренко, положительное значение которого нельзя отрицать, была государственная поддержка и система социальных гарантий, которая в 1920-х годах являлась одним из направлений практики ликвидации детской беспризорности. Отечественные государственные и негосударственные организации, которые в той или иной степени занимались данными вопросами, одну из главных своих задач усматривали в создании разветвленной и достаточно мобильной системы трудоустройства выпускников интернатов. Наряду с этим формировалась другая, перспективная и действенная система социальной интеграции выпускников колоний, в гораздо большей степени отвечавшая идее и требованиям их профессионального самоопределения – подготовка и поступление в профессионально-образовательные учебные заведения. Бронирование мест на рабфаках и институт стипендиатов позволяли бывшим беспризорным избегать необходимости выдерживать конкуренцию с постоянно растущим потоком лучше подготовленных учеников городских школ.

Однако, несмотря на постоянное расширение разнообразия форм и средств финансирования общественной опеки, ее рычагами выступали прежде всего экономические соображения. Учитывая это, качество профессионального самоопределения воспитанников детколоний оставалась скорее случайной, чем гарантированной категорией, что, в свою очередь, выступало тормозящим внешним фактором развития построенной А. С. Макаренко воспитательной системы. Последовательный противник примата экономических

соображений над педагогическими в организации воспитания, педагог-писатель использовал малейшие возможности для избежания неопределенности педагогического контекста формирования профессионального будущего своих выпускников.

Те относительно примитивные формы профессионализации, которые мы наблюдали в истории Горьковской колонии, были, таким образом, не атрибутом макаренковского воспитательного метода, а необходимым следствием недостаточных материально-технологических и профессионально-образовательных условий. Последнее особенно влияло на уровень общепрофессиональной подготовки колонистов, действенность профориентационной работы, объем возможностей для адекватного профессионального выбора и т. д. Понимая это, А. С. Макаренко всячески стимулировал процесс наращивания промышленного потенциала колонии, обогащения производственного и общекультурного опыта воспитанников, закладывал основы их мировоззрения как субъектов трудовой деятельности. Он доказал: в условиях ограниченных возможностей для профессионального развития подростков, независимо от того, в каком направлении и в каких формах это развитие может пойти в будущем, единственной доступной основой для него должен быть комплекс максимально широкой профессиональной подготовки. Несмотря на все ограничения, профессионализация воспитанников была перманентным и органическим направлением деятельности учреждения, выступая одновременно и одним из условий, и показателем результативности его воспитательной функции.

Хотя педагог не выделял профессионализацию подростков в общем процессе и результате их социализации как самостоятельную функцию, однако обязательно вкладывал в нее социальное содержание. Общепрофессиональное развитие воспитанников, так же как и получение ими определенной узкой квалификации, с его точки зрения, обязательно должны были быть опосредованы коллективными целью, мотивацией и деятельностью. Характеризуя, таким образом, систему педагогической организации профессионального будущего

юношей и девушек, внедренную А. С. Макаренко в Горьковской колонии, целесообразнее, на наш взгляд, рассматривать ее не в довольно узком поле *профессионального образования*, а скорее как широкий социально детерминированный процесс *профессионального воспитания* личности.

Многочисленные факты также подтверждают, что, развивая основы своего инновационного опыта, А. С. Макаренко не мог оставаться в пределах сугубо «должностного» отношения к организации трудовой перспективы своих воспитанников – во всех его действиях чувствуется личная обеспокоенность об их дальнейшей профессиональной судьбе.

Не будет преувеличением сказать, что педагогические открытия «горьковского» периода педагогического подвижничества А. С. Макаренко создали соответствующий технологический ресурс, необходимый как для массовой апробации его «профессиогенетических» идей на территории Харьковского округа, так и для разработки организационных стандартов уникального в отечественной и мировой практике профессионально-образовательного учреждения – трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Глава 2

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАКАРЕНКОВСКИХ ИНИЦИАТИВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ТРУДОВОГО ДЕТСКОГО КОРПУСА ХАРЬКОВСКОГО ОКРУГА (1927–1928 гг.)

2.1. Идея А. С. Макаренко о массовом перевоспитании беспризорных и история ее реализации

Хотя каждый из этапов педагогической деятельности А. С. Макаренко неизменно обогащал его воспитательный опыт, существует один, почти не отмеченный макаренковедами эпизод в творческой биографии педагога, занимающий особое место в процессе формирования его профессиогенетических взглядов – это реализация проекта Всеукраинской детской трудовой армии (1925–1928 гг.).

В современном макаренковедении еще отсутствует окончательная оценка драматических для А. С. Макаренко событий 1927–1928 гг. – причин и характера его конфликта с официальной педагогикой и, как следствие, разрушения почти беспрецедентно эффективной воспитательной системы Колонии имени Горького. Однако именно эта глава педагогической драмы выдающегося педагога, вполне вероятно, таит в себе ключ к пониманию самых принципиальных вопросов относительно его наследия. В противоречии с чем оказался педагог – действительностью, временем, идеологией, политической конъюнктурой или корпоративными амбициями отдельных людей? По крайней мере, нерешенность подобных вопросов препятствует нам на пути к объективной и однозначной оценке созданной им педагогической системы.

На наш взгляд, ключевым обстоятельством тогдашнего педагогического противостояния А. С. Макаренко является пропаганда и внедрение им собственной идеи об организации

Всеукраинской детской трудовой армии с постановкой воспитания как «массового производства». Общеизвестно, что половинчатой, но практической формой осуществления этой идеи стало создание Трудового детского корпуса Харьковского округа, вошедшего в историю под более прозаичным названием Управления детскими учреждениями интернатного типа. Являясь временем яркого триумфа и величайших гонений «горьковской» воспитательной системы, этот период, прежде всего, является интересным с точки зрения широкого распространения и апробации макаренковского метода, а также прибавляет дополнительные штрихи к портрету Макаренко-профессионала. Систематический поиск в фондах центральных и региональных архивов Украины и России, а также анализ литературных источников позволили установить более 400 документально подтвержденных фактов из истории руководимого А. С. Макаренко Трудового детского корпуса (ТДК), включая рождение самой идеи его создания.

В насыщенной событиями истории педагогического подвижничества Макаренко этот период отмечен особенно интересными проявлениями многих составляющих его педагогического и управленческого профессионализма, связанными с бурной активностью педагога в отстаивании права апробации собственных педагогических инициатив на всеукраинском уровне.

Хотя, по ряду объективных причин, проекту удалось осуществиться только в достаточно узких пределах Управления интернатными учреждениями Харьковского округа в июле 1927 – феврале 1928 гг., он занимает особое место в процессе формирования профессиогенетических взглядов и профессиональных качеств А. С. Макаренко по нескольким причинам:

1. По значимости и общественной резонансности целей, сложности задач и уровню ответственности период Трудового детского корпуса представляет собой новый уровень административной деятельности А. С. Макаренко, качественно более высший, чем предыдущий.

2. Именно в этот период А. С. Макаренко столкнулся в значительно больших объемах с проблемой кадрового обеспечения воспитательного процесса в интернатных учреждениях, то есть, с проблемой соответствия квалификации руководителей и персонала детских колоний особенностям и характеру выполняемой работы. То есть, Макаренко был вынужден – и он это, очевидно, понимал – на широкой и публичной сцене продемонстрировать реализм и практическую результативность системы собственных представлений в такой сложной и противоречивой области, как педагогическая квалификация.

3. Распространение изобретенной в колонии имени М. Горького воспитательной системы на почве широкой интернатной сети создавало возможность объективной апробации ее как универсальной педагогической инновации. Такая апробация в определенном смысле выполняла диагностическую функцию как относительно уровня профессионализма Макаренко-педагога, так и в отношении качества созданной им профессиональной педагогической «среды» в Горьковской колонии.

История Трудового детского корпуса, как уже говорилось, традиционно, но незаслуженно находилась на периферии отечественного биографического макаренковедения. Это можно объяснить разве что стремлением исследователей в обстоятельствах канонизации А. С. Макаренко избежать «дискредитирующих», на их взгляд, эпизодов его биографии. Первая информация о работе Макаренко в Управлении детскими колониями, по нашим данным, появилась в начале 50-х годов прошлого века – это публикация в первом академическом издании произведений педагога двух важных документов: списка «типов и прототипов» «Педагогической поэмы» и «Проекта организации Трудового детского корпуса Харьковского округа» [245, с. 673–691; 246, с. 384–386, 433–436], а также письма Макаренко Горькому от 25 февраля 1928 г. [405, с. 248–250].

Позже упоминания о ТДК попадают и в истоико-биографическую макаренкиану. Это, прежде всего, исследования

Ю. Лукина, Н. Морозовой и Н. Нежинского [198, с. 28, 36; 274, с. 69; 275, с. 93–95; 297, с. 104–106], а также воспоминания двух сотрудников Макаренко – О. Иваненко и Н. Фере [157, с. 94; 458, с. 169–177]. Единственным же из биографов Макаренко, кто в то время предметно обратил внимание на судьбу ТДК, сделав это в контексте противостояния Макаренко и официальной доктрины соцвоса, был Е. Балабанович [30, с. 151–152]. При отсутствии фундаментальных исследований, в течение почти трех десятилетий единственным фактом, иллюстрировавшем деятельность Макаренко в Трудкорпусе, кроме упомянутого проекта, была защита им обвиняемого в избиении воспитанников подчиненного завкола А. И. Остапченко [237; 297, с. 105–106; 401].

Первую же попытку подробного изучения вопроса делает в 1976 году А. Фролов, опираясь при этом на материалы переписки Макаренко с М. Горьким и Г. Салько, воспоминания, известные и неизвестные материалы архивов и пр. [312, с. 46, 56, 63–69, 71–73]. Начиная с 1980-х годов в научный оборот вовлекается целый ряд неизвестных ранее архивных источников, на анализе которых базируются новые попытки обстоятельного освещения деятельности Макаренко по созданию колоний-гигантов. Имеются в виду работы Л. Поповой [212, с. 14–15; 354] и Н. Оксы [307; 497]. Позже, почти неожиданно для исследователей, уникальные эпистолярные материалы по истории макаренковских проектов были обнаружены в той части творческого наследия педагога, которая, по завещанию его жены, 30 лет после его смерти была недоступной [448, с. 13, 23, 25, 123–124].

Последние десятилетия принесли лишь несколько работ, касающихся отдельных вопросов указанной темы, среди которых особенно заметна книга С. Карпенчук и Н. Оксы «На заре макаренковедения» [166, с. 20–22, 32–33, 38–40, 42, 63–65, 68–69]. Хотя марбургская лаборатория Макаренко-реферат также не имеет отдельного исследования данного вопроса, некоторые из ее изданий все же обнародовали ряд соответствующих фактов и документов [55,

c. IX, 2–10; 142, c. XXV–XXVII, XXXI–XXXII, 34–50; 223, c. VIII–IX, 49; 336, c. 19; 40, 46; 48–51; 55; 346, c. 265, 305–306; 487; 488, s. 149–150]; данные публикации, однако, не имели широкого резонанса в Украине, поскольку отечественные макаренковеды всегда страдали от ограниченного доступа к достижениям немецких ученых.

Таким образом, до сих пор остаются нерешенными несколько принципиальных не только для истории ТДК, но и для макаренковедения в целом вопросов: а) как возникла и развивалась идея объединения детских учреждений интернатного типа на почве воспитательной системы колонии имени Горького; б) каким было педагогическое, административное и хозяйственное содержание работы Управления детучреждениямы Харьковского округа; в) какие формы профессионального развития воспитанников интернатов практиковало Управление; г) в чем заключались обстоятельства смещения А. С. Макаренко с должности заведующего Управлением и сворачивания главных его программ?

Несмотря на фрагментарность имеющихся архивных свидетельств, появилась возможность проследить многогранность историко-педагогического наследия такой уникальной образовательной институции, какой был Трудовой детский корпус Харьковского округа. Мы предприняли попытку на основе анализа и сопоставления известных, а также недавно открытых фактов дать как можно более широкую панораму зарождения, существования и ликвидации ТДК как своеобразной сцены для реализации профессионально-образовательных инициатив Макаренко.

Бесспорные достижения Горьковской колонии давали основания надеяться на универсальность созданной и апробированной пятилетним опытом ее работы воспитательной системы. 8 августа 1925 г. А. С. Макаренко как заведующий Полтавской трудовой колонии имени М. Горького обращается в Главное управление социального воспитания Народного комиссариата просвещения Украины с известным письмом. Оригинальное предложение педагога, изложенное на 9 листах, представляло собой принципиально смелый

проект использования уникального наработанного опыта. В статье Макаренко тщательно обосновывает нецелесообразность и неэкономичность мелких воспитательно-трудовых учреждений и предлагает идею основанного на большом производстве «крупного воспитательного предприятия», объединяющего тысячи воспитанников в единые трудовые коллективы. Конкретно его предложение выражалась в том, что: «все перевоспитание правонарушителей для Украины или, по крайней мере, для Харьковской области сосредоточивается в одной трудовой колонии, расположенной вблизи Харькова» [22, с. 117–121; 55, с. 2–10; 500, л. 1–4 об.].

Нельзя утверждать, что идея слишком больших учреждений общественного воспитания принадлежит исключительно Макаренко, – с начала 1920-х годов, например, достаточно успешно действовал Одесский детский городок имени III Интернационала на 2250 детей [483, с. 39], – однако необходимо заметить, что идея укрупнения и объединения интернатных учреждений была одним из наиболее интересных социально-педагогических проектов Макаренко, своеобразным рефреном его педагогической биографии. К ней в процессе своей деятельности он возвращался неоднократно: в августе 1925 г., октябре 1926 г., марте 1932 г. и в середине 1934 г. Упомянутое письмо было, по сути, первым причастным к этому документом.

Понятно, что такой поступок провинциального завкола несколько выходил за рамки его должностной компетенции, но воспитательные успехи руководимой им колонии, окрыленность почти уникальной результативностью созданной педагогической технологии, наконец, гражданская личностная позиция Макаренко вполне объясняют подобный энтузиазм. Можно предположить, что глубоко в основах такого шага скрывалась типичная «лидерская» черта – природная амбициозность самого Макаренко. Здесь стоит вспомнить слова профессора Г. Ващенко об «эгоцентричности» Макаренко [57, с. 74, 75], но, если даже серьезно говорить о некоторой амбициозности в действиях завкола, то текст письма четко отделяет

эту противоречивую личностную черту от часто смежных с ней, верхоглядства, самодовольства и тщеславия. Напротив, Макаренко добровольно берет на плечи невероятно тяжелое бремя, грандиозную работу, результаты которой в такой же степени отдалены, как и неопределенны. Известно также, что изложенные в письме идеи положили начало едва ли не самому драматичному периоду его жизни. То, что предложил Макаренко, создавало целый ряд коллизий, поскольку так или иначе затрагивало основы многих процессов тогдашней педагогической действительности.

Насколько А. С. Макаренко был уверен в целесообразности своего плана, можно судить по тому, что вскоре сообщил о нем А. М. Горькому, переписка с которым началось за несколько месяцев до этого: «я решился настаивать на правильности нашего пути и представил в Наркомпрос проект. Главной его мыслью является утверждение, что воспитание должно быть организовано как массовое производство, в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов, а прежде всего по теории здравого смысла. Мой проект был поддержан фактическим успехом нашей колонии и бросающейся в глаза спаянностью всей нашей общины» [336, с. 19]. В общем переписка с шефом колонии, безусловно, тоже является ценным источником по истории ТДК, поскольку Макаренко и в дальнейшем неизменно информировал писателя о всех своих успехах и неудачах на новом поприще.

Последствия макаренковского письма, как мы теперь знаем, оказались гораздо скромнее, чем мечтал педагог, хотя изложенные в записке, а также высказанные Макаренко 23 сентября 1925 г. на заседании Главсоцвоса НКП Украины идеи были встречены в целом положительно [22, с. 122]. Большая административная возня вокруг его проекта, борьба с местными администрациями и самих местных администраций между собой, как известно, привела к компромиссному варианту – переводу Горьковской колонии на базу заброшенной в педагогическом и хозяйственном отношении

Харьковской трудовой колонии имени 7 Ноября, находившейся возле села Подворки Харьковского района (бывший Куряжский монастырь), и слияния коллектива горьковцев с большей частью воспитанников последней. Увеличение контингента колонии до примерно 330 человек [55, с. 37, 38], разумеется, отнюдь не соответствовало идее массового перевоспитания, поэтому письмо в Главсоцвос оказалось лишь первой попыткой энтузиаста Макаренко громко заявить о своем проекте.

Предварительной апробацией идеи организованного воспитания беспризорного детства стало участие делегации колонии имени М. Горького в работе Первой всеукраинской конференции детских городков и колоний на базе упомянутого выше Одесского детгородка имени III Интернационала. Выступая в течение 4 часов, он между прочим предложил проект организации Всеукраинской детской трудовой армии (7 корпусов, 21 дивизия, 63 полка по 1000 детей каждый). «Надо мной посмеялись как над мечтателем, – писал он Н. Остроменцкой, – но все же Наркомпрос УССР предложил мне в качестве опыта организовать 1-й детский корпус на всех детей Харьковского округа. Считая беспризорных, это даст 10 000 ребят» [236, с. 27, 213]. Стоит заметить, что Макаренко при этом пытается обеспечить собственную методическую самостоятельность: «Я ставлю всяческие условия, главное – это согласие и поддержка колонии Горького» [236, с. 27]. Вообще, стремление к самостоятельности и независимости выступает заметным рефреном во всей его и проектной, и практической деятельности в процессе реализации идеи ТДК.

В связи с данным проектом в отечественной науке иногда звучат мнения о прожектерстве Макаренко [283, с. 98]. Однако многое говорит и в пользу реализма педагога. В том же письме Остроменцкой Макаренко вполне резонно опасается: «Я все же боюсь, что не сумею справиться с миллионом мельчайших сопротивлений отдельных лиц и интересов» [236, с. 27]. Еще больше реализма мы наблюдаем в тоне письма Горькому, в котором Макаренко впервые сообщает шефу

колонии о своем проекте: «практические предложения наши вызвали у всех страх: мы оказались слишком решительными. Я предлагал организацию всеукраинской детской трудовой армии, с широким активным самоуправлением, но с горячей дисциплиной. Разумеется, из этого ничего не вышло. Грустно, дорогой Алексей Максимович. У нас были широкие полеты, когда мы разрушали, а вот когда приходится строить, мы боимся стронуться с места. В Харькове к нашим проектам относятся почти сочувственно, здесь разговор идет об объединении всех детских учреждений Харьковского округа – их около 30 с 10 000 детей. Сочувствие, впрочем, помогает мало. Нужно разбить много мелких сопротивлений, страшную толщу формализма, нужно преодолеть апатию, вялость, а самое главное, русскую веру в пустые словечки, русскую сектантскую глупость. Поэтому надежд у нас больших нет. Я боюсь, что еще через год нам придется тоже положить оружие» [336, с. 40].

Вместе с тем, в процессе перевода Горьковской колонии в Харьков все же достаточно принципиально прозвучала характеристика ее определяющей миссии. Так, в апреле 1926 г. на заседании объединенного президиума Харьковского окрисполкома и горсовета окринспектор народного образования Махно мотивировал необходимость слияния двух колоний тем, что: «это учреждение будет находиться под непосредственным наблюдением Наркомпроса и мы сумеем благодаря этому учреждению поставить хорошо работу во всех наших детских учреждениях <...> опыт этих педагогов, которые там работают, использовать не только для Харьковского округа, но и для всей Украины» [22, с. 128, 129; 539, л. 265, 267]. Также вскоре опыт колонии имени Горького был признан июльским пленумом Харьковской окружной комиссии помощи детям пригодным для применения в других детдомах [22, с. 142; 558, л. 268].

Следующий шаг Макаренко по предварительной апробации собственных инициатив стал известен лишь недавно. Нам удалось отыскать в фондах Харьковского областного архива интересное свидетельство главного в те годы регионального органа по борьбе с

детской беспризорностью – Харьковской окружной комиссии помощи детям. В своем отчете по подбору беспризорных детей с улиц Харькова за октябрь–декабрь 1926 г. ОКПД говорит: «В первичных детучреждениях немалое значение приобретало самоуправление детей, которое было установлено по принципам детколонии им. М. Горького. Наиболее выдержанные подростки были привлечены на работу в роли помощников воспитател[ьско]го персонала и старших отдельных групп детей» [517, л. 536]. К тому же, несколько позже, в марте 1927 г., Макаренко кроме Горьковской колонии было предложено взять под свое руководство Комаровского детколонию, схожую по своей запущенности с Куряжской накануне «завоевания» таковой горьковцами [236, с. 30]. Все перечисленное дает основания утверждать, что Макаренко все же не только сумел убедить окружные органы народного образования в правильности выбранного им пути, но и добился распространения опыта колонии имени М. Горького хотя бы в пределах столичного округа. Учитывая, что уже некоторое время Горьковская колония находилась под пристальным и довольно критическим контролем руководства республиканского просвещения, можно только гадать, сколько энергии, веры в собственную правоту и энтузиазма понадобилось педагогу в это время.

Ужасные объемы и формы детской беспризорности, а также множество проблем борьбы с ней в Украине требовали кардинальной реорганизации всей сети интернатных детучреждений Харьковщины. Идея этой реорганизации, разумеется, принадлежит не Макаренко, но на ее фоне довольно органичным и своевременным оказался его проект детского корпуса.

Началом практической работы по созданию трудкорпуса исследователи преимущественно считают весну 1927 г. Нам пока что не удалось найти документы, которые свидетельствовали бы об взаимодействии Макаренко с местными и центральными органами власти по этим вопросам еще осенью 1926 г., но косвенным свидетельством таких контактов, кроме приведенных писем Горькому

и Остроменцкой, является его более позднее высказывание на президиуме ОКПД: «осенью было подано в Окрнаробраз мнение о реорганизации системы управления существующих детучреждений <...>. Таким образом возникла мысль о создании трудового корпуса <...>» [560, л. 157]. Кроме того, достаточно красноречивы обнаруженные недавно два архивных свидетельства. Во-первых, как мы уже упоминали, в течение октября–декабря «горьковская» система самоуправления начала распространяться в первичных детучреждениях округа, во-вторых, 13 октября 1926 г. на совещании Харьковской окружной инспекции народного образования в оперативный план одного из ее подразделений – инспектуры социального воспитания – на 1926–1927 у. г. было дополнительно включено задание разработать проект положения «Управления периферийных учреждений Наробраза» [530, л. 61]. Об осени 1926 г. речь идет и в редакторском примечании А. А. Фролова к упомянутой выше статье Н. Н. Оксы [307, с. 65].

Март 1927 г. был отмечен тем, что развал во многих детучреждениях Харьковщины все чаще стали связывать с неумелым руководством со стороны ОИНО [560, л. 15–17]. На этом фоне еще более остро ощутилась необходимость в отдельной специально созданной структуре в составе инспектуры, которая ведала бы исключительно делами интернатных учреждений, и с этой целью ОИНО начала пересмотр сети последних «в сторону централизации» [560, л. 42]. Тогда же Макаренко снова вспоминает о своей идее в письме Горькому: воспитанники, как и раньше, «мечтают об острове, о море, о колонии в несколько тысяч человек, о “Первом детском корпусе имени Горького”» [336, с. 46].

Первой известной нам программой А. С. Макаренко по объединению детских интернатных учреждений Харьковщины вокруг Горьковской «метрополии» является его письмо председателю Харьковской комиссии по делам несовершеннолетних (КДН) Г. С. Салько от 4 мая 1927 г. В нем уже ощутимо просматривается позиция Макаренко как будущего и возможного руководителя

«Детского трудового корпуса Харьковского округа» и выдвигаются достаточно конкретные условия такого объединения: концентрация всех ассигнований для детучреждений в его руках, право самостоятельно решать кадровые вопросы, определение штатов и окладов для каждой колонии, а также запрет в течение первых двух лет инструктировать форму организации колоний и распределение материальных данных [448, с. 13]. Деловой и предметный тон письма наводит на мысль, что в это время объединение колоний округа уже встало как организационная проблема. Педагог настолько был уверен в успехе и имел столь высокое мужество, что охотно брал на себя ответственность за дела, ход которых в чрезвычайно большой степени зависел от многочисленных стихийных и случайных факторов.

Нам неизвестно, обсуждались ли и как были восприняты выдвинутые Макаренко условия на более высоком уровне, но в созданной уже через месяц, 6 июня, приказом ОИНО комиссии для проработки плана объединения детучреждений интернатного типа Макаренко включен не был (его интересы там представляла Г. С Салько) [560, л. 82]. Однако его 6 июля ОИНО уже отправляет ознакомиться с работой учреждений интернатного типа для составления плана рационализации их сети. Вместе с ним это должен был делать и заведующий Ахтырским детгородком М. Л. Довгополюк. Назначение Довгополюка в партнеры к Макаренко было, очевидно, сделано в последний момент (в мандате от руки над строкой было надписано «вместе с Довгополюком») [236, с. 122–123; 512, л. 1]. Появление здесь Довгополюка, на наш взгляд, не случайно – ОИНО, как мы это увидим и дальше, достаточно осторожно относилась к новому статусу Макаренко и поэтому, видимо, «приставила» к нему партийного и более лояльного руководителя едва ли не самого лучшего интернатного учреждения округа. Анализ документов вообще создает впечатление, что образование ТДК, а соответственно и возвышение Горьковской колонии и Макаренко лично, инициировалось и поддерживалось в гораздо большей степени хозяйственной, чем образовательной властью.

Насколько Макаренко успел выполнить указанное поручение ОИНО, мы не знаем, поскольку на обратной стороне мандата имеется лишь отметка о посещении Богодуховского детгородка [512, л. 1 об.]. Это произошло 9 июля, то есть именно в тот день, когда окрнаробраз выписывает ему новое удостоверение, теперь уже для ознакомления «с постановкой сельскохозяйственной и организационной работы» в совхозах округа для «углубления постановки» сельского хозяйства в детучреждениях; здесь имя Довгополюка уже не упоминается [236, с. 123; 512, л. 2]. Если верить отметке на документе, с этой целью он посетил тоже только один детдом – имени Т. Г. Шевченко [512, л. 2 об.]. Стоит обратить внимание, что ни в мандате, ни в удостоверении, выданных Макаренко, ОИНО избегает прямо говорить об объединении детучреждений. Объяснение этому, видимо, тоже лежит в умеренной позиции ОИНО, подтверждение чему мы находим в докладе о плане реорганизации детучреждений округа, который в эти дни делала на заседании ОКПД одна из членов упомянутой комиссии, Б. Фиш. Она отметила, что в текущий момент поднят вопрос об объединении детучреждений, для чего поручено Макаренко сделать обследование всех детдомов, «после чего будет вынесено постановление о возможности объединения» [307, с. 60; 560, л. 107].

Не дожидаясь выводов ОИНО, ОИК делает достаточно нетерпеливый шаг, который прекрасно иллюстрирует его позицію: 8 июля заместитель председателя С. Канторович обращается с запиской к секретарю окрисполкома И. Морозу: «Прошу внести в протокол През[идиума] постановление о назначении т. Макаренко Завед[ующим] всеми без исключ[ения] детскими домами. Предложить т. Макаренко через ОНО срочно представить свои соображ[ения] насчет реорганизации детск[их] Учрежд[ений] и тех мероприятий, которые необходимо провести для улучшения их состояния. Все что необходимо занести в протокол *сегодня же*, а то мы потеряем и Макаренко. Хватит нянчиться!» [528, л. 4–4 об.].

Поэтому 11 июля 1927 г. президиум Харьковского окрисполкома постановляет: «Заведующего Колонией им.

“ГОРЬКОГО” тов. МАКАРЕНКО включить в штат Окружной Инспектуры наробраза и назначить инспектором всех без исключения детских домов. Предложить тов. МАКАРЕНКО срочно подать через Окрино в Президиум ОИКа свои предложения по реорганизации детских учреждений и о тех мероприятиях, которые нужно провести для улучшения их состояния» [236, с. 123; 528, л. 2]. Вскоре Макаренко становится руководителем специально созданной окружной структуры – Управления детскими учреждениями интернатного типа.

Первым среди представленных Макаренко в окружные органы предложений является «Проект организации трудового детского корпуса Харьковского округа», написанный примерно во второй половине июля 1927 г. Данный проект создания неслыханного по своей масштабности детского учреждения, наверное, еще не раз будет привлекать взгляды исследователей. Он и приведенные свидетельства стали первыми официальными фактами сотрудничества Макаренко с местными административными органами в указанном направлении. В документе автор определяет цель трудового детского корпуса (воспитание здорового, трудоспособного, дисциплинированного и политически грамотного гражданина) и перечисляет те составляющие горьковской системы, на которых, собственно, и должна базироваться организация всех детучреждений округа: разделение воспитанников на производственные отряды с командирами во главе; совет командиров является главным руководящим органом учреждения; заведующему учреждения, как руководителю совета командиров, принадлежит исполнительная власть и право наказания; единоличная ответственность командира за хозяйственную работу каждого отряда; участие педагогов во всех без исключения видах деятельности детского коллектива. Здесь он снова, как и в письме Г. Салько, подчеркивает необходимость концентрации всех финансовых средств в собственных руках как принципиальном условии, конкретизирует технологию их расходов. Конструктивно подходя к структуре будущего объединения, Макаренко несколько усложняет

существующую дифференциацию функций детских учреждений: кроме существующих жилищных коммун для работающих на производстве подростков и учреждения для принудительного воспитания, реформаториума, он выделяет так называемые первичные и выпускающие учреждения. Отдельно он оговаривает кадровые и хозяйственные права трудкорпуса [229, с. 55–59].

Между тем вопрос с назначением Макаренко инспектором детучреждений, вероятно, вызвал определенное сопротивление ОИНО, поскольку на протяжении двух недель она медлит с ратификацией постановления ОИК, чем откровенно нарушает исполнительскую дисциплину, и Канторович снова вынужден просить Мороза поднять этот вопрос на президиуме окрисполкома [529, л. 8]. 27 июля обсуждается «невыполнение Окрнаробразом Постановления Президиума ОИКа <...> относительно назначения тов. Макаренко инспектором всех детских учреждений Округа» и выносится постановление: «категорически предложить ОКРИНО немедленно возложить на тов. МАКАРЕНКО управление всеми детгородками и колониями. Предложить Зав. ОИНО тов. Миколюку доложить на ближайшем заседании Президиума ОИК'а о плане управления детгородками и мерах по упорядочению их состояния» [529, л. 9]. После этого, выдержав все же девятидневную (!) паузу, 5 августа ОИНО назначает Макаренко сначала заведующим детскими интернатными учреждениями [307, с. 65; 312, с. 66], а еще позже, 20 августа, и домами рабочих подростков [307, с. 65; 312, с. 66].

Масштаб и уровень новой сферы деятельности А. С. Макаренко можно проиллюстрировать следующими фактами: несмотря на требование создания единого мощного воспитательного центра, он становится фактическим руководителем 23 интернатных учреждений Харьковщины: 10 детских колоний (Куряжской имени М. Горького, Комаровской, Ржавецкий, Зеленогайской, Геевской, Будянской, Дергачевской, Брусиловской, Пересечанской, Лозовской), 4 детских городков (Ахтырского, Богодуховского, Валковского, Волчанского), 4 детских домов (Отрадненского, Еврейского, Польского, Волчанского),

Окружного коллектора-распределителя, Змиевского реформаториума, и 3 общежитий рабочих подростков (№ 1 по Александро-Невской ул., № 2 по Красноармейской ул. Харькова и № 3. в с. Филипповке). Общая численность (согласно ставок) руководимого Макаренко педагогического персонала составила 514 чел., технического – 409 чел. [544, л. 82]. Количество воспитанников всех подчиненных ему колоний и городков достигало 5910 чел. [537, л. 173 об.].

Одной из главных задач Макаренко в это время становится формирование своей управленческой команды. 24 сентября он присутствовал на заседании Штатной комиссии ОИК, где утверждались штаты интернатных учреждений наробраза на 1927–1928 бюджетный год, в том числе штаты корпусного управления. Надо сказать, что вопрос о штатах УДУ почти всегда оставался обделенным вниманием макаренковедов, поэтому нами был проведен отдельный поиск в этом направлении. Как выяснилось, Макаренко принадлежат по крайней мере четыре варианта штатного расписания Управления. Первый из них содержится в «Проекте организации трудового детского корпуса Харьковского округа» [229, с. 56], второй он обнародует 15 сентября на заседании Президиума ОКПД [560, л. 184]. Отдельный интерес представляют еще подробно не изученный ранний вариант проекта устава УДУ – «Устав Детского трудового корпуса Харьковского округа», – и найденные в фондах Харьковской окружной плановой комиссии, написанные рукой Макаренко «Штаты Управления» [526, л. 24]. Сопоставление этих документов, а также исправлений в последнем из них с окончательным, утвержденным окружными органами вариантом дают, с одной стороны, возможность проследить эволюцию планов Макаренко, а с другой – представляют характерный пример той борьбы, которую ему пришлось вести в отстаивании собственного видения принципиальных моментов в организации трудкорпуса (см. табл. 2.1, 2.2).

В состав Управления, как видим, Макаренко внес 12 должностей, но, судя по пометкам в списке, финансовые органы соглашаются только на пять штатных единиц [526, л. 24]. Штатная

комиссия, одобрив это сокращение, утвердила, однако, состав Управления в несколько иной редакции [525, л. 38]. Но уже 8 октября на повторном заседании Штатной комиссии он был дополнен следующими должностями: помощника заведующего и заведующего Учетным столом [525, л. 65].

Частично можно воспроизвести поименный состав предложенного Макаренко штата УДУ. При этом надо отметить, что биографы педагога единодушно называют имена только двух работников Управления – его будущей жены – Г. С. Салько и соратника по колонии имени Горького – Н. Э. Фере.

Должность помощника и заведующего политчастью он, очевидно, планировал для члена КП(б)У со стажем Г. Салько, хотя иногда утверждается, что она, работая председателем окружной КДН, по совместительству выполняла еще и обязанности заведующей УДУ. На должность руководителя УДУ ошибочно или намеренно ее «утвердил» в своих воспоминаниях Н. Фере [458, с. 170], а макаренковеды, длительное время некритичные к любым воспоминаниям соратников Макаренко, приняли это на веру. Фактически же Салько была утверждена «Заместителем управляющего детучреждениями» решением Секретариата Харьковского Окрпаркому только 2 декабря, после освобождения ее от обязанностей председателя КДН [553, л. 94]. Заведующим производственной частью Управления работал Н. Фере, кроме того, он единственный, кто оставил о новой должности свои воспоминания [458, с. 169–177].

Должность заведующего личным составом, как вспоминала позже известная украинская писательница, а тогда еще выпускница Харьковского Института народного образования О. Иваненко, Макаренко придумал персонально для нее [159]. Можно также предположить, что руководителем физкультуры планировалось назначить С. А. Калабалина, к тому времени уже вернвшегося с военной службы и стремившегося заниматься педагогической деятельностью под руководством Макаренко [166, с. 23].

Таблица 2.1

Варианты штатного расписания

Управления дитучреждениями Харьковского округа (1)

Штатные единицы	**Проект организации трудового детского Корпуса Харьковского округа (прибл. середина 1927 г.)**	**Доклад «Проект организации управления Детучрежде-ниями Харьковского Округа» (15.09.27 г.)**	**«Устав Детского трудового корпуса Харьковско-го округа» (перед 20.09.27 г.)**
1	Начальник корпуса	Заведующий	Заведующий Корпусом
2	Политрук	–	Политрук
3	Помощник начальника корпуса	Помощник заведующего	Помощник заведующего
4	Заведующий производств. частью	Заведующий производств. частью	Заведующий производств. частью
5	–	–	–
6	–	–	–
7	Заведующий общей частью	–	Заведующий общей частью
8	Заведующий школьной частью	Заведующий школьной частью	Заведующий школьной частью
9	–	[Зав.] физ-культурным центром	Руководитель военной подготовки и физкультуры
10	Бухгалтер	Техперсонал	Гл. бухгалтер
11	–		–
12	–		–
13	–		–
14	Педагог для поручений		–
15	–		–
16	Секретарь съезда секретарей советов командиров	–	–
17	–	–	–

Таблица 2.2

Варианты штатного расписания

Управления дитучреждениями Харьковского округа (2)

Штатные единицы	**«Штаты Управления» (до 24.09.27 г.)**	**Исправления в «Штатах Управления» (до 24.09.27 г.)**	**Штатная комиссия ОИК (24.09 и 08.10.27 г.)**
1	Заведующий детдомами	Заведующий детдомами	Заведующий Управлением
2	Помощник он же заведующий политчастью	Помощник он же заведующий политчастью	–
3			Помощник заведующего
4	Заведующий производств. частью	–	Заведующий производственной частью, он же заместитель заведующего
5	–	–	
6	Помощник заведующего производственной частью	–	–
7	–	–	–
8	Заведующий школьной частью	–	–
9	Руководитель физкультуры	–	–
10	Бухгалтер	Бухгалтер	Бухгалтер
11	Счетовод	–	–
12	Секретарь	Секретарь	Секретарь-машинистка
13	Машинистка	–	
14	Педагог для поручений	Педагог для поручений	Служащий для поручений
15	Заведующий личным составом	–	–
16	–	–	–
17	–	–	Заведующий Столом учета

Другие, чисто технические вакансии, Макаренко, скорее всего, не смог или не пытался заполнить самостоятельно. В архивных источниках и его переписке мы находим еще две фамилии работников УДУ – З. Н. Сербского и некоего Липина, о которых, впрочем, он вспоминает без особого почтения [448, с. 123]. Известно, что первый с декабря 1926 г. до примерно лета 1927 г. работал бухгалтером в штате ОИК [541, л. 5], поэтому, возможно, аналогичную должность он занимал и в УДУ. Что касается Липина, то никаких биографических данных о нем нам до сих пор найти не удалось, за исключением следующего: в декабре 1927 г. Липиным было принято (о чем свидетельствует подпись) сообщение ФЭУ о перечислении денег на покрытие задолженности сотрудникам колонии имени Горького [22 с. 185, 261–262; 501, л. 8]; в марте 1928 г. он, скорее всего, уже работал в Горьковской колонии, поскольку именно через него Макаренко отправил очередное письмо Г. С. Салько [448, с. 37]. Вероятно, именно он и был в УДУ «педагогом для поручений».

Начало августа отмечено первыми признаками деятельности Макаренко на новой должности. 11 августа, например, на заседании президиума ОКПД он активно включается в обсуждение состояния Ржавецкий колонии, в процессе которого делает заявления относительно объемов ежегодного выпуска воспитанников детучреждений округа [307, с. 61; 560, л. 163–164]. Также Макаренко получает и первое в должности инспектора поручение ОКПД: подготовить нужное количество подростков из всех детколоний для передачи их на патронат в организации и лицам, которые подавали заявки. В тот же день Президиум ОКПД должен был заслушать его доклад о реорганизации детдомов и создании единого управления ими, но выступление было перенесено на следующее заседание в связи, как записано в протоколе, с докладом Макаренко в это же время в Окрплане [560, л. 165]. На следующий день на заседании Окружной комиссии по проведению месячника помощи детям он был включен в комиссию по организации массовых гуляний в городском

парке Харькова (подобные гуляния проводились во время месячников с целью сбора средств – А. Т.) [560, л. 142].

Прекрасно иллюстрирует управленческие намерения Макаренко его выступление 18 августа на президиуме ОКПД с докладом о реорганизации детучреждений. Целесообразность такой реорганизации он обусловливает несколькими факторами: экономией средств, нехваткой квалифицированных педагогов-воспитателей и отсутствием единой целевой установки детских интернатных учреждений. Преимущества своей системы организации ТДК он объясняет возможностью устранить существующие недостатки, «привить дисциплину», наладить управление по «отдельным детским единицам», «взять трудовой уклон» и др. По сути, новая система управления учреждениями должна будет выглядеть следующим образом: все детучреждения подлежат одном только корпусному Управлению, которое имеет при себе отдельные отрасли деятельности: трудовую, воспитательную и т. д.; в воспитании главную роль играет экономическая база; перевоспитание происходит только через вовлечение детей в процессы трудового переживания; выделенные средства передаются Управлению и ему же предоставляется право свободно распоряжаться ими в пределах общего плана; организация крепких коллективов в детучреждениях; мастерские территориально объединяются и развиваются до небольших фабрик или заводов; наиболее дезорганизованным учреждениям предоставляется помощь из колонии имени М. Горького; для оказания помощи ОКПД в подборе беспризорных создается специальная детская милиция; некоторые детучреждения полностью реорганизовываются [307, с. 62–63; 560, л. 157].

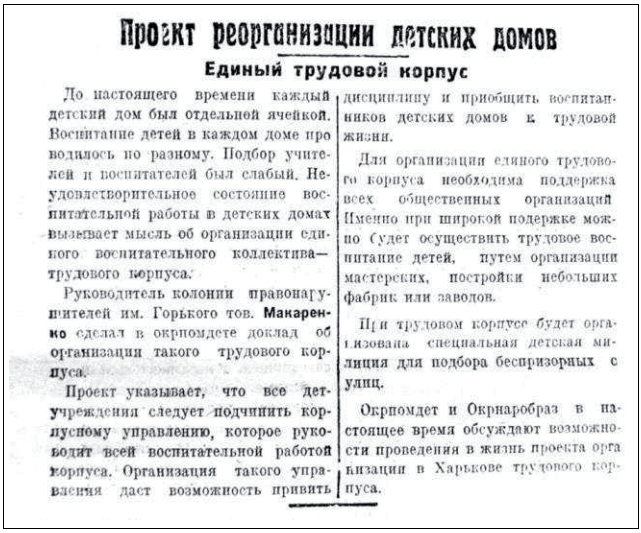
Некоторое представление о характере и разнообразии новых обязанностей Макаренко можно получить также и из тех поручений, иногда неожиданных, которые он получал от ОКПД. На этом же заседании Макаренко предлагается разработать нормы и порядок выдачи одежды для подобранных с улиц беспризорных [560, л. 160], а 1 сентября ему поручается распределить по детучреждениям 75

бюстов Ленина [560, л. 171]. В сентябре же Управление детдомами уже начинает фигурировать в окружных программах по борьбе с беспризорностью. Так, Окрпомдет, утверждая план по подбору беспризорных детей с улиц Харькова на сентябрь–декабрь, предлагал УДУ активизировать разгрузку детдомов [538, л. 76].

Сразу же после назначения и еще до утверждения плана работы УДУ, Макаренко был проведен ряд конкретных организационных мероприятий. Примерно на конец августа приходится (первое из известных в настоящее время) его официальное письмо как заведующего УДУ – план реорганизации Комаровской детколонии. Этот проект за всю короткую историю Трудкорпуса оставался, к сожалению, одной из немногих завершенных его административных инициатив. Суть плана состояла в том, что неприспособленная для выполнения воспитательных задач Комаровская детская колония переоборудовалась в общежитие для временного проживания работающих на производстве выпускников интернатных учреждений [536, л. 201]. Следует сказать, что создание такого общежития противоречило позиции ОИК, который еще 17 января 1927 г. признал нецелесообразность существования подобного типа заведений [548, л. 9]. Но то, что организация общежития в Комаровке была им в дальнейшем поддержана, еще раз подтверждает конструктивную позицию руководства ОИК по отношению к инициативам Макаренко.

Сентябрь 1927 г. был временем чрезвычайно бурной деятельности А. С. Макаренко, как по организации Управления, так и в области практической работы по благоустройству отдельных детучреждений. В течение месяца Макаренко пришлось неоднократно выносить на рассмотрение различных окружных органов собственные проекты относительно создания, состава и деятельности Трудкорпуса. Так, 15 сентября, после нескольких переносов, он представил президиуму ОКПД проект организации УДУ. Согласно ему, все детские колонии, дома и общежития объединяются в Трудовой корпус; в связи с временной невозможностью построить единый детдом на приблизительно 1000 человек все детучреждения остаются

отдельными единицами в пределах Корпуса, объединенными не только административно, но и в хозяйственном отношении; перестанут существовать отдельные детучреждения для правонарушителей; организуется специальное первичное детучреждение, функцией которого будет обследование и дальнейшее распределение по соответствующим колониям подобранных подростков. Макаренко представил ориентировочный состав штата Управления и отметил, что заведующими детучреждений будут назначаться исключительно педагоги, а существующий штат учреждений будет пересматриваться с учетом образования, стажа и пр. [560, л. 184].



Проект реорганизации детских домов

Единый трудовой корпус

До настоящего времени каждый детский дом был отдельной ячейкой. Воспитание детей в каждом доме проводилось по разному. Подбор учителей и воспитателей был слабый. Неудовлетворительное состояние воспитательной работы в детских домах вызывает мысль об организации единого воспитательного коллектива—трудового корпуса.

Руководитель колонии правонарушителей им. Горького тов. **Макаренко** сделал в окрпомдете доклад об организации такого трудового корпуса.

Проект указывает, что все детучреждения следует подчинить корпусному управлению, которое руководит всей воспитательной работой корпуса. Организация такого управления даст возможность привить дисциплину и приобщить воспитанников детских домов к трудовой жизни.

Для организации единого трудового корпуса необходима поддержка всех общественных организаций. Именно при широкой подержке можно будет осуществить трудовое воспитание детей, путем организации мастерских, постройки небольших фабрик или заводов.

При трудовом корпусе будет организована специальная детская милиция для подбора беспризорных с улиц.

Окрпомдет и Окрнаробраз в настоящее время обсуждают возможности проведения в жизнь проекта организации в Харькове трудового корпуса.

Рис. 2.1. *Первое упоминание о проекте Трудового детского корпуса Харьковского округа в прессе (Пролетарий [Харьков]. – 1927. – № 198. – 1 сент. – С. 4).*

В целом представленный проект был одобрен членами президиума ОКПД и признан целесообразным, но в процессе

обсуждения некоторые из принципиальных положений Макаренко встретили сопротивление. Так, один из постоянных его оппонентов, председатель ОКПД М. Я. Сухарев, не согласился с необходимостью концентрации средств в руках УДУ, объясняя это тем, что отдельные заведующие учреждениями не будут иметь инициативы в расходовании денег. На этом же заседании отдельно обсуждался и вопрос финансовой самостоятельности Управления: присутствующий окринспектор народного образования Миколюк сообщил о попытке ОИНО поддержать принципиальное право УДУ на свободное оперирование средствами – перевод денег не только со статьи на статью, но и с одного детучреждения на другое. По словам Макаренко, это позволило бы в конце бюджетного года из сэкономленных средств создать оборотный капитал Корпуса. В постановлении президиум все же согласился тоже поддержать ходатайство ОИНО перед ОИК по этому вопросу [560, л. 184–185].

Через несколько дней Макаренко подает на рассмотрение ОИК программу благоустройства детских учреждений. 20 сентября президиум ОИК, рассмотрев представленный Макаренко проект и признав, что это дело еще недостаточно разработано и что его надо согласовывать с рядом учреждений, выбрала комиссию из представителей Окрплана, ОИНО и профсоюза работников просвещения (Рабпрос) (в состав которой сам Макаренко включен не был – А. Т.), которой было поручено в течение трех дней рассмотреть устав Управления, его план работы, другие предложенные Макаренко мероприятия, а свои предложения подать в президиум ОИК [528, л. 11]. Хотя в общих чертах мы можем представить характер предложений Макаренко, но, к сожалению, текст этой докладной записки макаренковедению пока еще не известен.

Указанная комиссия начала работать только 26 сентября и несколько в ином составе: представители ОИК, Окрплана и от ОИНО – Салько и Макаренко. Поскольку постановление комиссии никогда еще не публиковалось, приводим его полный текст (сохраняем стиль оригинала):

«I. Для упорядочения и качественного улучшения дела по детским учреждениям ОИНО интернатного типа – признать необходимым: 1) Чтобы на должность заведующих детских учреждений назначались лица с теоретической, педагогической подготовкой, или, в крайнем случае, с достаточным практическим стажем в этом деле. 2) Чтобы назначение на должность заведующих отдельных детских учреждений проводилось Окр. Инсп. Наробраза по представлению заведующего детскими учреждениями. 3) Чтобы освобождения неотвечающих своему назначению работников дет. учреждений, включая заведующих, проводилось Окр. Инспе Наробраза по представлению заведующего детскими учреждениями.

II. Для выяснения, насколько нынешний состав педагогических работников детских учреждений подготовлен к своей работе – признать нужным провести проверку их знаний так педагогических, как и общих, причем так общин, как и педагогические знания этих работников не должны быть меньше требуемых программой низших педагогических курсов.

III. Дальнейший прием всех без исключения педагогических работников детских учреждений должен производиться после специального испытания их в подготовленности к педагогической работе. Испятание проводится специальной комиссией ОИНО. Примечание: Испытанию не подлежат лица, подавшие дипломы об окончании ими Советских педагогических учебных заведений.

IV. Признать, что одним из основных моментов для дальнейшего улучшения дела в детских учреждениях ОИНО интернатного типа являются: 1) Оживление работы детского самоуправления. 2) Повышение дисциплины в детских учреждениях. 3) Такое направление в работе существующих детских учреждений, чтобы путем усиления связи между ними, обмена опытом в их работе и единства в быту эти учреждения внутреннее объединить и связать и создать объединенное окружное детское учреждение в виде союза трудовых детских колоний во главе с Правлением, которое бы входило в состав Окр. Инсп. Наробраза.

V. Принципы, положенные в основу проекта устава союза трудовых детских колоний утвердить и поручить Окрплану в 5-тидневный срок согласовать устав союза с заинтересованными ведомствами и свое заключение представить на утверждение Президиуму Окрисполкома» [536, л. 222–223].

Интересно, что, не дожидаясь согласительной работы Окрплана, в этот же день, то есть 26 сентября 1927 г., ОИНО направляет на утверждение президиума ОИК четыре экземпляра «Устава управления детскими школьно-трудовыми колониями» [536, л. 214]. Этот факт несколько уточняет дату написания Макаренко Устава – не 4 октября, как указано в комментариях к его первой публикации [229, с. 343], а, по крайней мере, накануне 26 сентября. А если вспомнить поручение ОИК еще от 20 сентября рассмотреть Устав Управления и другие предложения Макаренко [528, л. 11], то время создания этого важнейшего документа может быть признано еще более ранним.

Проект Устава содержит три раздела. В первом – «Общие положения» – Макаренко определяет целевую установку, юридический суверенитет Управления детколониями, оговаривает систему отношений с образовательными и профсоюзными организациями. Раздел «Средства управления» представляет собой не что иное, как декларацию финансово-хозяйственной независимости и инициативы ТДК. В третьем разделе – «Органы управления ДШТК и порядок их деятельности» – указаны статус и состав УДУ, а также подробно раскрываются его права [229, с. 60–63; 536, л. 216–218]. В целом Устав является логическим продолжением «Проекта» и, как и он, воплощает довольно смелую, даже радикальных, педагогическую и хозяйственную идею.

Как оказалось, у этого документа был мало известный исследователям предшественник, упоминание о котором встречается только в работе Л. Д. Поповой [354]. Речь идет о подобном по содержанию и тоже, безусловно, написанном Макаренко «Уставе управления детского трудового корпуса Харьковского округа», который, однако, содержит некоторые важные различия. Во-первых, в

этом варианте автор подробно подает штат корпусного управления. Кроме того, «Устав», как и «Проект», дают понять, насколько демократическими представлял вначале Макаренко основы корпусного управления. Здесь более подробно обсуждается состав, функции и регламент работы Корпусного совета:

«23. По мере надобности собирается Корпусный Совет, в состав которого входят: а) Лица Управления Корпуса, б) все заведующие колониями, в) все секретари самоуправлений детколоний.

24. Секретарь Корпусного Совета избирается Корпусным советом из числа воспитанников на неопределенное время и всегда присутствует при Управлении Корпусом.

25. Корпусному Совету принадлежит: а) Рассмотрение и утверждение производственных планов и отчетов по детколониям и Корпусу. б) Распределение денежных сумм и материальных ценностей. в) Перевод воспитанников из одной колонии в другую. г) Перевод материальных ценностей из одной колонии в другую. д) Обсуждение деталей в деле организации новых производственных образования[й] и реорганизации существующих. е) выпуск воспитанников из колоний и корпуса и патронирование их. ж) Обсуждение вопросов, связанных с положением о внутреннем быте детколоний. з) Обсуждение всех иных вопросов, какие заведующий Корпусом найдет нужным поставить на разрешение Корпусному Совету.

26. Председательствует в Корпусном Совете заведующий Корпусом или его помощник. При равенстве голосов, голос председателя дает перевес.

27. В случае заявления председателя о его особом мнении вопрос передается на разрешение Окринспектуры Наробраза, но если требуется экстренное выполнение опреации, она выполняется согласно мнения председателя» [543, л. 187 об.–188 об.].

Примерно в эти же дни Макаренко, для конкретизации условий финансовой деятельности УДУ, пишет второй уставной документ – «Положение об отпуске средств на содержание учреждений

Трудового детского корпуса (ТДК)» [307, с. 66–67; 536, л. 210–210 об.], который вместе с Уставом в начале октября обсуждался на заседании Окрфинотдела (ОФВ). 4 октября ОФВ прислал в секретариат ОИК свои замечания в отношении названных документов, заметив, однако, что «проект Устава Управления, по заявлению т. Макаренко, отменен Окринспектурой Наробраза и не подлежит так рассмотрению, как и утверждению». Характер этих замечаний не оставляет сомнений в том, что УДУ лишалось ключевых положений своей финансовой самостоятельности – права свободно распоряжаться кредитами, передвигая их между детучреждениями и между отдельными статьями сметы, а также создавать на их основе оборотный капитал [536, л. 209]. Таким образом, окружная администрация фактически аннулировала главные экономические основы деятельности Трудового корпуса.

Сентябрь 1927 года отмечен ключевыми событиями в истории Трудкорпуса – начинается педагогическое объединение учреждений округа и массовое распространение среди них принципиальных элементов воспитательной системы колонии имени Горького. Архивные источники, к сожалению, дают лишь фрагментарные представления об этих чрезвычайно важных для нас моментах, поэтому в основном остаются неизвестными общие объемы и точная хронология, содержание и глубина реформирования традиционной системы воспитательной работы колоний, степень сопротивления персонала и воспитанников детучреждений нововведениям и т. п. Вот то, что лишь стало известным.

На начало сентября уже существовал как главный орган детского самоуправления совет командиров в Змиевском реформаториуме, который имел намерение «ввести военизацию», вводилась строгая дисциплина, был товарищеский суд, «которому дети очень подчиняются» и т. д. [560, л. 169]. Кстати, Реформаториум стал не только одним из первых заведений, реорганизованных на новых принципах, но и одним из постоянных объектов пристального внимания Макаренко в течение всей работы во главе УДУ.

На принципах Горьковской колонии в течение сентября начало действовать самоуправление также в Лозовской колонии [563, л. 40] и Валковском детгородке [560, л. 201] – существовал совет командиров и отряды. В акте обследования Лозовской колонии отмечалось, что с приходом нового заведующего, который, очевидно, и способствовал введению «горьковской» системы, «коллектив подтянулся и осуществляет уже организованную, почти здоровую единицу. Меры воздействия – раньше в этом отношении была полная вакханалия вплоть до избиения детей, как установлено следственными органами. Сейчас вопрос этот налажен – меры: вызов к Заву, выговоры, наряды вне очереди и последняя мера – исключение из колонии и перевод в другие детучреждения» [563, л. 40]. В октябре довольно своеобразный орган детского самоуправления существовал в Еврейской колонии – «совет звеньевых авторитетов», название которого скорее напоминает совет командиров, чем традиционный «детский исполком» [560, л. 204]. Акты обследований пяти детучреждений Харьковщины в апреле 1928 г. свидетельствуют, что «командирская система» самоуправления в то время была также в Зеленогайской и Геевской колониях [536, л. 89, 91].

В окружном же коллекторе организация детского коллектива по принципу колонии имени Горького (совет командиров, 5 отрядов основных и 3 вспомогательных – охранный, хозяйственный, санитарный и т. д.) существовала, как мы видели, еще осенью 1926 г. [517, л. 536], что сохранялось также и в ноябре 1927 г. [560, л. 218] и феврале 1928 г. [560, л. 255].

Осталось в целом немного свидетельств о сопротивлении воспитанников и работников колоний нововведением, а также возможные причины такового. Так, например, в рапорте Г. Салько и Н. Фере о проверке Геевской и Будянской колоний, проведенной в начале декабря, указывалось, что «Некоторая часть <…> коллектива недоверчиво относится к проводимой реорганизации колонии, так как, очевидно, кем-то распространяются ложные слухи о предстоящем

ухудшении постановки работы в школе колонии» [166, с. 22; 513, л. 3].

Отсутствие объективных данных, к сожалению, не дает возможности однозначно оценить успехи в распространении «горьковской» системы в пределах Корпуса. Но в «Операционном плане педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» сам Макаренко говорит об удачной «пересадке» этой системы в Будах и Дергачах [236, с. 137; 311, с. 4].

С точки зрения проектов административно-хозяйственной работы Управления определенный интерес представляет операционный план ОИНО на 1927–1928 финансовый год построенный, безусловно, на основе этих проектов. Обсуждение финансово-бюджетной секцией Окрплана «Заключения по оперплану ОИНО» на текущий операционный год происходило со значительным опозданием, только в конце ноября. Приводим основные положения этого документа, которые позволяют не только увидеть важные аспекты макаренковского плана, но и оценить состояние сети интернатных учреждений округа данного периода: «5. Согласно постановлению Президиума ОИК'а все детдома и общежития для подростков объединены сейчас в упарвлении детскими домами «Детский трудовой корпус». Задачей этого объединения является рационализация педагогической и хозяйственной деятельности этих учреждений и установление единства и цельности в методах работы. Сеть детучреждений в 26/27 г. состояла из 23 учреждений (15 на местном бюджете и 8 на средства Помдета) с общим количеством детей в 5910. На 27/28 г. намечается за счет ликвидации и слияния некоторых учреждений иметь 18 учреждений на 5105 детей (с учетом получения дотации ОкрПД). Кроме того в 5 общежитиях для подростков в 1927/28 году будет содержаться 630 человек, из которых 370 человек содержаться в г. Харькове в общежитии по Александро-Невской ул. (150 чел.), Красноармейской ул. (120 чел.), и по Юрьевской ул. (100 челов.)».

Планом предусматривалось в течение года ликвидировать экономически слабые детучреждения, не имеющие никакой производственной базы, в частности намечалось закрыть Волчанский детгородок для «лишайников». Движение детей по детучреждениям планировалось такое: в течение года подобрать 960 и выпустить 1460 чел., то есть уменьшить количество детей в интернатных учреждениях на 500 человек. Выпуск намечался в следующих цифрах: трудоустройство на производстве – 400 чел., устройство на учебу у кустарей – 200 чел., возвращение к родителям – 285 чел., призыв в Красную Армию – 50 чел., поступление в школы ФЗУ – 200 чел., поступление на рабфаки и профшколы – 100 чел., на патронирование в крестьянские семьи – 225 чел.

Из общей сети детских интернатов выделялись: коллектор на Мало-Панасовской улице как первичная организация для приема новых детей, Куряжская колония имени Горького как учреждение, выпускающее детей, и Змиевской реформаториум как учреждение принудительного воспитания. Отмечалось, что во всех детучреждениях есть школы первого концентра, а в Ахтырке, Будах, Куряже, Геевке и Брусиловке работали еще и старшие группы. Кроме школы, в Ахтырском детгородке действовала сельскохозяйственная профшкола и школа кустарного ученичества, а в Богодухове – сельскохозяйственная профшкола.

План констатировал, что сельское хозяйство достаточно развито только в Ахтырском и Богодуховском детгородках и Лозовской колонии, в других же колониях, из-за небольшого количества земли, оно служило только для «усвоения детьми трудовых процессов» и для улучшения детского питания. Развитие мастерских с целью выпуска их продукции на рынок намечалось в следующих учреждениях: колонии имени М. Горького (деревообрабатывающей и штамповочной), Ржавецкий колонии (пошивочной и сапожной), Будянский колонии (слесарной и ткацкой), Волчанском детгородке (печатной, шляпной и черепичной), Богодуховском детгородке (чулочной) и Ахтырском детгородке (кожевенной). В других

учреждениях, признавалось в плане, мастерские «будущего не имеют», а могут служить лишь «для самообслуживания и для усвоения детьми трудовых процессов».

В 1926–1927 операционном году на территории Харьковщины было три общежития для подростков, но, в связи с передачей части здания на Александро-Невской улице химпрофшколе, в ее бывшем здании на Юрьевской улице было организовано новое общежитие; также на месте расформированного детдома в поселке Комаровка было создано общежитие для выпускников из детских учреждений. Таким образом, сеть общежитий на 1927–1928 год устанавливалась такая: общежитие № 1 на Александро-Невский улице – 150 чел.; № 2 на Красноармейской улице – 120 чел.; № 3 в Филипповке – 100 чел.; № 4 на Юрьевской улице – 100 чел.; № 5 в Комаровке – 160 чел. Таким образом, общая численность проживающих в общежитиях по плану должна была достигнуть 630 чел. ОИНО намечал во всех этих общежитиях оставить на бюджете штат, содержание помещения и инвентаря, а подросткам приплачивать стипендию к получаемому ими заработку в таком размере, чтобы довести бюджет каждого из них до 35 руб. В один из домов намечалось перевести всех, зарабатывающие более 35 рублей, с тем, чтобы его абсолютно снять с бюджета [533, л. 201–203; 537, л. 173–174; 545, л. 31–31 об.]. 22 ноября, утвердив операционный план ОИНО, финансово-бюджетная секция Окрплана (ФБС) предложила инспектуре представить дополнительные данные по Управлению детучреждениями «в части организации производств в них» [533, л. 192].

Для характеристики стартовых финансово-экономических возможностей Управления не лишним будет добавить, что в октябре штатная комиссия ОИК (кстати, в отсутствие представителей ОИНО – А. Т.) сократила штаты детколоний округа на 197 (!) ставок [525, л. 47–52]. Кроме того, в ноябре президиум ОИК одобрил общее сокращение в текущем бюджетном году финансирования детских городков и колоний на 55 646 руб., а общежитий, в связи с закрытием

или переводом на самоокупаемость некоторых из них, – на 105 207 руб. [520, л. 96 об.–97].

Но сокращение финансирования было не единственным бедствием на пути укрепления хозяйственной базы колоний. Написанное Макаренко в начале февраля 1928 г. письмо является своеобразным символом отчаяния от бюрократического произвола финансовых властей (драматизм ситуации заставляет нас привести текст почти полностью; сохраняем стиль и орфографию оригинала): «В этом году особенно были урезаны сметы наших детколоний, и поэтому материальное положение их значительно ухудшилось. К тому же деньги Финотделом на протяжении всей осени выдавались Очень неаккуратно, с большими трудностями <...>. В конце прошлого года, как всегда бывает осенью, по всем колониям была большая нехватка одежды, которая была увеличена еще и тем, что почти по всем колониям осенью был сделан более или менее заметный выпуск воспитанников на производство и в ФЗУ, которых приходилось выпускать в лучшей одежде. Такие выпуски всегда нарушают одежное благосостояние колонии, поскольку он всегда висит на нужде. Но в прошлые годы ОкФО выдавал осенью на одежду 50 % или даже 75 % годовой суммы на одежду, и это позволяло колониям в некоторой степени благополучно выбиваться из беды. В этом году колонии получили значительно меньше. Кроме того, надо отметить, что ухудшение положения колоний является процессом, который тянется уже давно и причин которому очень много. Одной из таких причин является то, что не было ни одного года, корда бы все потребности колонии удовлетворялись как следует, особенно потребности по капитальному ремонту и учебной части. Благодаря этому колониям приходилось все свои доходы по собственному хозяйству отдавать на ремонт, и на одежду, на ее улучшение, почти ничего не оставалось. В тяжелом состоянии, в котором находятся сейчас наши колонии, кассовый план ФО наносит страшный удар, который может прямо уничтожить все наше дело. По этому кассовому плану назначено выдавать на еду 1/16 годовой суммы, а на другие

нужды 1/24. А поскольку такой порядок заводится с 1 октября, то ОкрФО все то, что он выдал по нормальному порядку с 1 октября по 1 февраля, считает необходимым пересчитать, то есть удержать по кредитам колоний по новому кассовому плану. Благодаря этому многим колониям в феврале, марте и апреле не приходится просто ничего получать. В Управление поступают заявления заведующих, которые в самых решительных формах отказываются нести ответственность за такое положение. И действительно, никто не ожидал переделки кассового плана на целый год в феврале, и по сути является вполне недопустимым объявление кассового плана на время, которое уже прошло 5 месяцев назад. Когда в октябре было выдано на питание, скажем, 1000 рублей, а только в феврале объявлено, что надо было выдать только 700, то нельзя на этом основании в феврале и марте ничего не давать, чтобы покрыть перевыдачу в прошедшее время. Вообще, нормы, по которым живут наши колонии настолько малы, что какие бы то ни было реорганизации этих норм, хотя бы и на короткое время, ни в каком случае нельзя допускать без согласия Окрино, чтобы в конец не разваливать детучреждения. За такой развал надо будет кому-то отвечать, но не ОкрФО <...>» [536, л. 229–229 об.].

Первые данные о финансово-хозяйственной деятельности УДУ датированы концом сентября–началом октября: Макаренко подает проект организации временного общежития на 100 подростков в доме Химпрофшколы и разрабатывает «Положение о домах-коммуннах рабочих-подростков». Это положение пока, к сожалению, найти не удалось, но известно, что оно не было принято финансово-бюджетной секцией Окрплана «как составленное в форме инструкции с определением моментов относительно правил внутреннего распорядка» и возвращено автору с требованием пересоставить в форме действительного положения и согласовать с инспектурой соцвоса ОИНО и юрчастью ОИК [533, л. 4].

К первым успехам Управления можно отнести свидетельство о состоянии Брусиловского детгородка, где на конец октября «как [в] части хозяйственной, так и педагогической проведена большая работа

и детгородок представляет из себя вполне здоровую единицу» [563, л. 57]. На начало декабря аналогичная ситуация сложилась и в Будянской колонии: «если раньше воровство, невылазная грязь где бы то ни было, постоянные побеги из колонии, сплошная склока среди служащих – это все, что имела колония, то сейчас чистота, порядок и труд завоевали свое место очень прочно» [513, л. 3, 166, с. 22].

К этому времени относятся сведения и о конфликте Управления с местными органами власти. В связи с ликвидацией Ржавецкий колонии, здания последней решили разобрать и использовать для расширения колонии в Зеленом Гаю. Но в дело вмешался Мерефянский Райисполком, на чьей территории находились указанные строения, планируя использовать их для своих нужд. Конфликт, в который был втянут даже президиум ОИК, оставил после себя документы, дополняющие представление о характере административной деятельности Макаренко в этот период. Один из них – подписанное Макаренко письмо УДУ председателю Мерефянского РВК от 27 сентября (орфография письма остается на совести машинистки): «По вопросу разборки зданий б. Ржавецкой колонии мы имеем только одно распоряжение от президиума Окр-И.К. за подписью тов. Конторовича, по которому Р.И.К. предлагается не препятствовать разборке и перевозке. Не кем это распоряжение не отменено. Поэтому не вижу никаких оснований для вмешательства Ржавецкго С[ельского] С[овета]. Никакой другой договоренности с пред[седателем] Р.И.К. нет, поскольку когда я приехал две недели назад в Мерефу в день, назначенный Р.И.К., он был очень занят и ко мне даже не вышел. Поэтому я дал распоряжение завколу Детколонии Октябрьской Революции продолжать разборку и перевозку непдвижимого имущества из Ржавецкого филиала» [536, л. 38]. Второй документ – недатированное рукописное обращение председателя Мерефянского райисполкома Гребенюа к секретарю ОИК (орфография записки сохраняет стиль ее автора; подаем аутентично): «Т. Мороз! С т. Макаренко мы недоговорылись и розбирать имущество колонии чрезвычайно невыгодно, и не экономно

т.-е старые пстройки вывозить с адной стороны и эти пастройки недадут никакой пользы для внов стро[ющейся] колонии. С ком-прив.» [536, л. 36 об.]. Кстати, характеристику автора этой записки, который работал в должности председателя РИК с декабря 1926 г. по ноябрь 1927 г. [520, л. 77; 565, л. 31], дополняют некоторые факты, найденные в Харьковском архиве: в сентябре 1928 г. партколлегия окружной контрольной комиссии КП(б)У рассматривала дело партячейки завода «Стекло-Мерефа», по которому за изнасилование, пьянство и пр. проходил и бывший глава РИК Гребенюк [516, л. 227, 228 об.].

8 октября Макаренко направляет в ОИК два письма, где достаточно настойчиво просит выселить частных жителей из помещений окружного коллектора [535, л. 202] и дома Химпрофшколы, в котором обустраивалось общежитие-коммуна рабочих подростков № 4 [535, л. 203]. Частные жители, занимавшие часть помещений и тем препятствовавшие нормальной работе и производственному развитию детучреждений, были тоже одной из проблем, унаследованной Макаренко. На территории окрколлектора, например, проживало 11 (!) совершенно посторонних семей [535, л. 202], и вопрос об их выселении обсуждался на заседаниях ОКПД еще в декабре 1926 г. [558, л. 124] и июне 1927 г. [560, л. 82]. В сентябре по этому поводу вышло даже постановление коллегии Рабоче-крестьянской инспекции, а УДУ со своей стороны с целью переселения жильцов освободило коллектор в Липовой Роще, для обустройства которого под квартиры было выхлопотано кредит, но горсовет сорвал эти планы, устроив в отведенных помещениях больницу [535, л. 202]. Даже позже, уже после ухода Макаренко из УДУ, его преемник Сухарев не смог решить данную проблему [522, л. 110] и вопрос еще долгое время оставался нерешенным. Лишь в августе 1929 г. ОИК позволил отпустить на это соответствующие средства [547, л. 18].

Некоторую информацию о хозяйственной деятельности УДУ мы находим в отчетах Н. Э. Фере на заседаниях президиума ОКПД.

10 ноября он, докладывая о ремонте детучреждений, отмечал, что УДУ путем объезда на местах выявило потребность в ремонте, после чего распределило средства, сэкономив при этом, однако, 9 тыс. руб. на ремонт помещения при Геодезическом Институте, куда намечалось перевести Пересечанский детдом. Докладчик привел конкретные цифры запланированного финансирования ремонта, но добавил, что ОИНО разрушила эти планы УДУ, распределив средства по своему усмотрению. Окончил свой доклад Фере анализом проведенного ремонта [560, л. 212].

1 декабря ОКПД заслушивала отчет Фере о распределении 60 000 руб., выделенных на организацию мастерских при колониях. Обращает на себя внимание интересный факт: из указанной суммы, как говорил докладчик, было разрешено к выдаче только 47 000 руб., выдано же еще меньше – около 30 000 руб. (!?). Кроме того, как добавил присутствовавший на заседании Макаренко, часть ассигнованных средств пойдет отнюдь не на расширение мастерских, а на выплату их старых долгов [560, л. 224].

Характерным для деятельности УДУ было сопротивление, которое вызвали со стороны местных властей его предпринимательские инициативы. В декабре Управление пыталось организовать консервировочный пункт при кожевенном заводе Ахтырского детского городка, но ФБС запретила, объясняя это монопольным правом Кожсиндиката на сбор и обработку всего кожсырья на территории Украины [533, л. 385].

Одновременно окружная власть настоятельно требует от УДУ отчитаться о работе за прошедшее время и представить план на 1927–1928 год, осветив при этом вопрос о мерах, которые следует принять для увеличения прибыльности предприятий детгородков, о расширении производственных частей и о реорганизации общежитий [536 , л. 55]. Эта же просьба повторяется еще раз 12 ноября, тогда же Окрплан требует отчет об использовании Управлением 150 000 руб., отпущенных президиумом ОИК на оборудование профшкол и детских

городков, а также на капитальный ремонт учреждений [520, л. 97–97 об.].

Кроме хозяйственной, большого внимания Управления требовала другая важная составляющая его деятельности – подбор беспризорных. Данная функция включала УДУ во взаимодействие с широкой сетью различных заинтересованных учреждений и организаций, уже упомянутых выше, – Окркомиссией помощи детям, Комиссией по делам несовершеннолетних, Добровольным обществом «Друзья детей», Инспекцией охраны детства и др. Задачей последней из перечисленных организаций – Инспекции охраны детства – было изъятие детей с улиц, УДУ же должно было служить посредником между ней и первичными детскими учреждениями, вместе составлять месячные планы подбора и еженедельно отчитываться о количестве принятых детей [560, л. 225].

Вопрос о детской милиции, организация которой тоже легла на плечи Макаренко как заведующего УДУ, до сих пор почти не пользовался вниманием исследователей. Упоминание о ней, кроме опубликованного «Проекта организации трудового детского корпуса Харьковского округа», мы пока нашли только в работах Г. Хиллиґа, Л. Д. Поповой и Н. Н. Оксы [307, с. 60; 354, с. 32, 38; 487, s. 195, 196; 497, s. 90–91]. Однако проект ее создания, несомненно, является интересной и неотъемлемой гранью педагогического наследия выдающегося педагога. Сейчас почти невозможно однозначно определить, кому принадлежит идея создания такого необычного детского органа, поскольку, судя по документам, она одновременно выдвигается как в выступлении 7 июля одного из главных оппонентов Макаренко, председателя ОКПД М. Я. Сухарева [560, л. 107], так и в макаренковском, к сожалению, не датированном, «Проекте организации трудового детского корпуса Харьковского округа», где право создать детскую милицию автор обусловливает необходимостью выполнения специфических функций: подбора беспризорных, обслуживания КДН, наблюдения за жизнью подростков, переданных на патронат и т. д. [229, с. 59].

21 октября 1927 г. Макаренко подает на рассмотрение финансово-бюджетной секции Харьковского окрплана «Положение о детской милиции г. Харькова». Хотя сама идея детской милиции логично и вытекала из предыдущих проектов Макаренко, но принципы ее деятельности, организационная структура, органы самоуправления и многие другие аспекты не имели аналогов ни в предыдущей, ни в тогдашней практике борьбы с детской беспризорностью. Приведем главные пункты этого креативного по характеру документа. Цель детской милиции Макаренко видел в помощи со стороны «организованного детства» советским и общественным органам в деле борьбы с беспризорностью. Заслуживает внимания предложенное разнообразие форм такой помощи: проникновение работников детской милиции в среду беспризорных для агитации за вступление в детдома, организация собраний беспризорных для решения вопросов их быта и трудоустройства, индивидуальная и групповая помощь беспризорным, подбор беспризорных по уполномочиванию соответствующих органов, конвоирование беспризорных по распоряжению комиссии по делам несовершеннолетних, наблюдение за поведением беспризорных на улицах и в общественных местах, содействие беспризорным в реэвакуации их на родину и возвращении в семью. Базой для кадрового обеспечения детмилиции Макаренко считал наиболее подготовленных к выпуску воспитанников колоний. Организационной же основой данного органа предусматривалось сделать отряды по 8 человек в каждом во главе с командиром и его помощником. Как и в колонии имени Горького, главным органом самоуправления детмилиции должен был стать Совет командиров, председателем которого считался один из командиров в звании начальника детской милиции. Кроме того, Макаренко наделял членов детской милиции рядом достаточно авторитетных прав: требовать содействии городской милиции в деле задержания несовершеннолетних правонарушителей, препятствовать антиобщественным проявлениям последних, создавать патрули для обхода улиц и вокзалов, заходить в

места скопления подростков, прибегать к принудительным гигиеническим мероприятиям в отношении беспризорных, останавливать и делать замечания правонарушителям и т. д. [533, л. 56].

Однако, по невыясненным пока причинам, в дальнейшем детская милиция больше в документах не фигурирует. Вероятно, этот проект оказался одним из тех, чьей реализации помешало преждевременное отстранение Макаренко из Управления детучреждениями.

К сожалению, создание ТДК инициировало столкновения на педагогической почве частных и групповых интересов, стилей деятельности, профессиональных амбиций и мировоззрений большого количества людей. Вполне логично, поэтому, что недовольство, а иногда и открытое противостояние, впоследствии стали неизменным спутником деятельности Макаренко. Ниже мы раскрываем почти все известное нам содержание критики Управления детучреждениями с разных позиций и со стороны различных инстанций. Приводимые факты, кроме прочего, позволят с определенной долей вероятности определить, насколько конкретные недостатки в работе Управления могли повлечь ликвидацию его как педагогического учреждения.

Первые критические замечания в адрес УДУ мы находим в уже упомянутом плане Окрпомдета по подбору беспризорных детей с улиц Харькова на сентябрь–декабрь 1927 г.: представитель Союза кустарей жалуется на то, что выполнение заявлений кустарей на передачу им подростков производится Управлением детскими домами неполностью и несвоевременно, что неблагоприятно отражается на разгрузке детских домов. Президиум ОКПД реагирует соответственно: «Предложить упомянутому Управлению принять меры к устранению этих дефектов». В протоколе указано, что Макаренко, как представитель ОИНО, выразил по этому поводу особое мнение, но его текст, к сожалению, не приведен [538, л. 76]. Через некоторое время, при утверждении указанного плана подбора президиумом ОИК, это же заявление Союза кустарей спровоцировало

и первую критику в адрес УДУ со стороны окружной власти [563, л. 50].

Можно предположить, что причиной «нераспорядительности» Управления в поднятом вопросе была общая негативная позиция Макаренко по поводу патроната у кустарей, недаром с первых до почти последних дней своей работы макаренковское УДУ вызывало нарекания на этой почве. Так, уже в начале февраля 1928 г. в постановлении президиума ОКПД также прозвучало: «Управлению Детучреждениями отметить о необходимости более внимательно и тщательно подбирать детей из детучреждений и категорически запретить передачу подростков непосредственно из Змиевского Реформаториума» [563, л. 96]. Несколько проясняет ситуацию работа Макаренко «О патронировании», написанная, по всей видимости, именно по этому поводу. Лучших детей, говорит Макаренко, никакой завкол не пошлет к сапожнику на достаточно тяжелую и беспросветную жизнь, поскольку и сам он, и такие дети ожидают чего-то лучшего: «Следовательно, к кустарям отправляются или те, которых заведующему интересно скорее сплавить, или те ребята, которым просто интересно переменить обстановку. Все это определяет то, что при помощи кустарей мы разгружаемся от ребят, далеко не окончивших воспитание» [236, с. 132–133].

Особенно большое количество жалоб на состояние дел в детских учреждениях, а соответственно, и на деятельность корпусного управления, приходится на декабрь. Возможно, все это было признаками того принципиального конфликта, который впоследствии так фатально скажется на судьбе Макаренко. Позже, в конце июля 1928 г., сам педагог в рапорте в Правление Коммуны имени Ф. Э. Дзержинского напишет: «Травля колонии и меня в различных организациях, а теперь в печати начата была еще в декабре. Травля эта была поднята после того, как Окрисполком поручил мне реорганизацию всех колоний округа. Развал многих колоний и накопление в них элементов хулиганства и расхищения как раз в это время достиг уже пределов терпимого. Перевод детколоний на более

четкую и подтянутую систему колонии Горького деловым кругам представлялся необходимым. Но как только я приступил к работе со всех сторон поднялись протесты. Они исходили от отдельных лиц и кругов, уверенных с одной стороны, что детей нужно воспитывать в полной свободе, с другой, совершенно не знающих работы колонии Горького» [514, л. 1–2 об.].

Иногда замечания в адрес УДУ были вызваны сугубо экономическими основаниями, как, например, в письме заместителя председателя ОИК Зякуна, который при посещении Валковского детгородка в начале декабря установил, «что в комнатах дома даже в больших комнатах, где проживают дети по 20–30 человек, совсем нет ни столов, ни тумбочек, за которыми детям можно было бы присесть и чем-нибудь заняться. Преимущественно зло это отражается на тех детях, которые обучаются в школе». Далее Зякун просил позаботиться, чтобы данное явление было устранено, а о выполнении указания доложено в ОИК [536, л. 47]. Очевидно, во время этой же поездки Зякун посетил и Лозовскую колонию, где тоже нашел определенные недостатки: «При указанной Колонии существуют мастерские <...> для обучения детей ремеслу, которое должны переводить инструкторы на основании утвержденных программ <...>. В действительности оказалось, что программа обучения не выполняется; дети или совсем не учатся там, или обучение проводится очень вяло, в связи со скверной постановкой этого дела. Поэтому и мастерские эти нерентабельные» [536, л. 44].

15 декабря, в тот же день, когда в УДУ было направлено письмо Зякуна, заместитель председателя ОКПД С. Зайчик подвергла резкой критике состояние общежития № 2: «санитарное состояние дома очень грязное», постельные принадлежности рваные, грязные, почти никогда не меняются; никто не интересуется жизнью подростков, следствием чего является пьянство, воровство; правил внутреннего распорядка не существует; подростки жалуются на отсутствие Красного Уголка. Заключительные слова Зайчик звучат как приговор: «Нет никакой надежды, что это общежитие даст здоровый кадр

граждан». В этом же докладе, однако, звучит и несколько обнадеживающая информация: «До сих пор самоуправления детского ни было, теперь оно находится в стадии организации». Прояснить ситуацию пытался Сербский, объясняя эти недостатки тем, что «дети своевременно не получают дотации, из-за чего голодают. Самоуправление избиралось дважды, но так неудачно, что заведующему пришлось самому назначать его. Общежитие не имеет столовой. Заведующий почти весь день проводит в финотделе, из-за чего за общежитием нет должного присмотра». На заседании было решено просить УДУ ускорить разработку внутреннего распорядка для детских учреждений [563, л. 2–2 а].

Очевидно, чрезмерной загруженностью или стремлением к большей самостоятельности в работе можно объяснить то, что в течение декабря Макаренко почти не участвовал в заседаниях президиума ОКПД, благодаря чему неоднократно было сорвано обсуждение плана работы УДУ на 1927–1928 г. Об этом было решено известить окружную власть и лично Канторовича [563, л. 2 а, 65]. Только на последнее заседание были представлены объяснения Макаренко по этому поводу, содержание которых, к сожалению, в документах не отражено [560, л. 235]. Также УДУ отказалось, по словам президиума Окрпомдета, участвовать в разработке резолюции о состоянии Комаровского общежития [563, л. 4], а его представители 19 декабря не явились на заседание комиссии по подбору беспризорных [563, л. 67].

Наконец 6 января Макаренко представил план работы Управления. В нем он снова подчеркивает главные задачи УДУ: «улучшить качество работы детучреждений, подобрать лучший педперсонал и создать прочный детский коллектив». Общее состояние колоний он оценивает как удовлетворительное, за исключением Богодуховской и Зеленогайской. Особые сдвиги к лучшему, по словам Макаренко, происходят в Будянской и Дергачевской колониях и Волчанском детгородке. Отдельно он останавливается на организации будущего окружного съезда заведующих детучреждений, где

последним будет предложена программа работы на ближайший год: достичь высшего уровня грамотности, санитарии, создать общий коллектив детей и педагогов, правильно организовать первичный коллектив, поставить политвоспитание и т. д. Главным условием выполнения указанной программы Макаренко выдвигает решение кадровой проблемы – подбор хороших заведующих и улучшение качества педагогического персонала за счет его количества [307, с. 67–68; 497, s. 98–99; 563, л. 11]. При обсуждении макаренковского плана ярко проявилась позиция руководства ОКПД по отношению к Управлению – в целом и в деталях он был поддержан, и это особенно отмечалось в выступлениях представителей различных организаций, но когда очередь дошла до руководства Окрпомдетом, то тон несколько изменился. М. Сухарев, С. Зайчик и Б. Фиш отметили, что планом не предусмотрен перечень мер по улучшению общего состояния детских учреждений и отдельно их производственной части, работа с трудновоспитуемыми детьми, организация детского самоуправления, выпуск воспитанников на предприятия. Также были высказаны критические замечания относительно несвоевременного направления подростков на биржу труда, отсутствия учета побегов и изучения семейного положения подобранных детей, кадровой стратегии Управления и т. д. [563, л. 11–12]. Позже Макаренко еще раз был подвергнут критике со стороны ОКПД – он не явился на заседание выбранной Окрпомдетом комиссии в деле проработки плана работы УДУ, чем задержал «разработку плана работы Управления Детдомами на 27/28 г.» [563, л. 90–91].

Постепенно общей темой критики Управления со стороны различных инстанций становится распределение средств на ремонт детучреждений. Данный вопрос, несомненно, был одним из наиболее слабых мест в его работе: общая ограниченность средств ставила УДУ в чрезвычайно невыгодное позицию – с одной стороны, финансовый дефицит не давал ему возможности полностью развернуть все свои хозяйственные программы, с другой – давал повод для недовольства, а иногда и для сокрытия собственной небрежности отдельными

детучреждениями. Так, 23 декабря президиум ОКПД даже решил известить ОИК, «что объяснения Управления д/д относительно расходования денег на ремонт Будянского и Геевского детдомов являются неудовлетворительными, а неверное расходование денег привело к снижению качества ремонта детучреждений ОКПД» [563, л. 66–67]. В конце концов данный вопрос приобрел актуальность окружного масштаба: 2 февраля ФБС заслушала отчет ОИНО об использовании 150 000 руб. на оборудование профшкол и мастерских при детских городках, в результате которого было решено: «несмотря на неоднократные требования, которые направлял Президиум ОИКа в Окр ИНО в течение полугодия, Окр ИНО не располагает данными, которые освещали бы разассигнование 150 000 руб. и фактическое использование этой суммы учреждениями. Отметить, что есть сведения, что Окр ИНО использовала кредиты не в полном размере, не по прямому назначению и неправильно. Предложить Госфинконтролю в 2-х недельный срок перевести обследование разассигнования кредитов, которые были даны Окр ИНО, и фактическое использование их учреждениями. В случае невыплаты ОФО ассигновок, которые предъявило Окр ИНО, объяснить причины этого» [534, л. 140].

Особенно острой становится критика Управления сразу после освобождения Макаренко. Так, 17 февраля, то есть через два дня после назначения на его место Сухарева, о чем речь пойдет далее, президиум ОКПД единодушно обвиняет УДУ в срыве плана подбора беспризорных на январь 1928 г. [560, л. 268–269]. Вскоре на уровне различных учреждений происходит и тотальное отрицание системы командиров как формы детского самоуправления. Приведем несколько примеров. В конце апреля на заседании ФБС при анализе состояния Зеленогайской и Геевской колоний прозвучало: «Признать, что проведенное ОИНО укрепление колоний и реорганизация детского самоуправления с исполнительной (исполкомской – А. Т.) системы в командирскую ухудшили состояние колонии и затруднили условия работы в ней», «Реорганизация детского самоуправления с

системы Исполкомов в систему командиров дали отрицательные результаты. Предложить администрации колонии немедленно перейти на систему Исполк[омов]» [536, л. 89, 91]. А вот несколько фраз из протокола заседания президиума ОКПД от 8 мая: «Детское самоуправление в каждой колонии построено по разному. В основном есть два типа самоуправления: а) совет командиров, б) исполкомы. Признать, что системой, которая развивает инициативу и самодеятельность воспитанников, приближает их к системе советов, с которой им придется после выхода из колонии встретиться в жизни, есть система исполкомовская. Поэтому рекомендовать систему эту всем колониям»; «систему Управления, которая применяется в колонии Горького – изменить», «Метод командиров – неудовлетворительный метод, и его надо немедленно изменить» [560, л. 327, 328, 330]

Справедливость, однако, требует сказать, что недостатки во внутреннем состоянии колоний в борьбе с беспризорностью – постоянные поводы для критики Макаренко – наблюдались и в течение всей деятельности Сухарева, как руководителя Управления, а позднее – окружного инспектора детучреждений [560, л. 326].

Фактическим финалом истории Трудкорпуса является отстранение Макаренко, но долгое время в науке почти ничего не было известно об обстоятельствах освобождения его от обязанностей заведующего УДУ. В биографических исследованиях, говоря об этом, авторы обычно ограничивались общими фразами.

Преждевременность такого шага окружной администрации отнюдь не могла быть обусловлена порочностью какой-либо из макаренковских программ, поскольку ни одна из них, по сути, не была доведена до логического завершения. Однако можно предположить, что столь заметное в пределах округа кадровое событие не могло не оставить по себе соответствующих документальных свидетельств. В конце концов систематическая архивная разработка этого вопроса принесла некоторые интересные результаты. Приведем хронику событий.

Общеизвестной практикой 1920-х годов было замещение руководящих должностей на всех уровнях властной структуры коммунистами. В этом контексте еще в августе 1926 г. бюро коммунистической ячейки Окружного партийного комитета (Окрпаркома) и ОИК поручило всем руководителям окружных подразделений срочно проверить штаты своих учреждений, подав к очередному заседанию списки вакантных должностей, которые могут быть замещены коммунистами [553, л. 29]. Позже, в октябре 1927 г., Окрпарком направляет в ОИНО срочное секретное письмо: «В целях проработки вопроса о степени насыщенности партийцами Сов. Учр-й», в трехдневный срок направить сведения о количестве ответственных работников в инспектуре, а среди них количество членов КП(б)У, комсомола, беспартийных и общий процент коммунистической прослойки [553, л. 72–73]. На это ОИНО вскоре прислала следующие данные: на 1 октября 1927 г. в его аппарате работает членов КП(б)У – 17, ЛКСМ – 0, беспартийных – 17; по детдомам: количество учреждений – 23, количество работников – 585, среди них партийцев – 5,6 %, беспартийных – 86,0 % (!), членов КСМУ – 8,4 %. [553, л. 78, 80].

И вот, исправляя, очевидно, ситуацию с недостаточностью партийной прослойки в руководящих рядах, уже в начале февраля 1928 г. коммунистическая фракция ОИК обратилась в Окрнаробраз (сохраняем стиль оригинала): «На основании особой о том директивы Бюро Окрпаркома <…> представить в двухдневный срок и не позже 6-го Февраля с. г. перечень должностей по В/ линии на их замещение членами партии, подпольщиками, рабочими с производства и женщинами. Предлагаем наметить должности масштаба Зав. Под’отделами, Управлениями, Частями, Заместит. Заведующих и аналогичное им по масштабу работу. По подведомственному Вам Окружному и Городскому аппарату намечено выдвинуть на постоянную работу не менее трех тов. тов. <…> В отдельных случаях выдвижение на работу в порядке настоящей директивы может быть проведено путем замены ныне работающих беспартийных» [554,

л. 229]. 7 февраля ОИНО тоже секретным письмом оповещает фракцию ОИК, «что можно будет предоставить такие должности в учреждениях ОкрИНО для замещения их партийцами: 1) Зав. Управления Детдомами, 2) Зав. Хозяйством Управления, 3) Зав. Торгов.-промышл. Школой. 4) Зав. Производственной частью механической школы» [554, л. 228]. Таким образом, для руководства недостаточно партийным персоналом детских колоний возникла необходимость найти руководителя-коммуниста, что вскоре и было сделано: 14 февраля бюро Харьковского окружного комитета КП(б)У постановило отозвать т. Сухарева с работы в ОКПД и утвердить руководителем детских учреждений. Этим же постановлением заместителем в новой должности Сухарева была назначена не менее последовательная оппонентка Макаренко С. Зайчик [515, л. 115]. На следующий день президиум ОИК уволил Макаренко с должности заведующего Управлением детучреждений, оставив в его ведении колонию имени М. Горького, и назначил Сухарева [566, л. 265 об.].

Сразу же после освобождения Макаренко в округе начали уничтожаться все признаки введенной им системы. Так, уже 24 февраля в Богодуховском детгородке [560, л. 304], а 27 марта в общежитии № 4 [546, л. 106] констатируется наличие в качестве главного органа самоуправления детского исполкома. Впрочем, система командиров в Змиевском реформаториуме оставалась, по крайней мере, еще до начала апреля [563, л. 106].

Пока неизвестно, каким образом освобождение Макаренко отразилось на составе УДУ, однако знаем, что Н. Э. Фере продолжал еще выполнять свои обязанности (уже под руководством Сухарева) почти до самой ликвидации Управления [534, л. 337], произошедшего в конце марта 1928 г. [534, л. 359].

25 февраля 1928 г. в письме М. Горькому Макаренко сообщил драматическую историю УДУ: «Мы страшно много пережили за последние полгода, много работы и много борьбы и чуть-чуть не погибли. Еще и сейчас наше положение опасно. Хуже всего то, что я начинаю чувствовать усталость. <…>

В июле и августе развал в детских колониях и городках достиг высшей точки. Почти не было колонии, которая не была бы отягчена актом прокуратуры или Р.К.И.

В это время мне предложили объединить работу всех 18 колоний Харьковского округа. Я не мог принять это предложение без определенных условий. Семь лет работы в горьковской колонии сделали-таки из меня специалиста по беспризорным и правонарушителям. Я поэтому мог представить органический план широкой реформы организации этих ребят с таким расчетом, чтобы они составили единое для округа общество, объединенное не только общим управлением, но и общим планом работы, общими внешними формами быта, общим хозяйствованием, взаимной помощью и прочее.

Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в очень важных организационных деталях, а, кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами.

Во всей этой борьбе я нажил кучи врагов, и началась самая обыкновенная история: обрушились на колонию им. М. Горького. <…> В ноябре ГПУ открыло в новом специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну имени Дзержинского <…>. Мы выделили в коммуну Дзержинского 62 воспитанника, разумеется, лучших, откомандировали туда же пятеро воспитателей. Еще раньше по другим колониям были назначены 6 воспитателей. Таким образом, к декабрю горьковская колония так щедро раздала свои силы, что сама оказалась в очень тяжелом положении <…>.

Горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг “горьковскую” систему. Это и послужило причиной всяких нападок. Ведь у нас обычно так: в десятках и сотнях случаев дело просто гниет и гибнет, растут самые дикие, деморализованные и слабенькие людишки. Все смотрят на это безобразие, опустивши руки. Но стоит образоваться одному серьезному дельному пункту, как все на него

набрасываются: прежде всего требуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае, простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом. Во-вторых, стоит случиться одному случайному промаху, как немедленно подымается такой вой и такая истерика, что требуются чрезвычайно крепкие нервы, чтобы все это выдержать. <…>

У нас, правда, нашлись и друзья, но я, в сущности, не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушел из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей вдогонку» [336, с. 48–50]. Таким «кирпичами вдогонку» стали, очевидно, события, связанные с судьбами двух соратников Макаренко – С. А. Калабалина и А. И. Остапченко.

3 мая 1928 г. ОИНО обращается в Госфинконтроль (ГФК) с просьбой сделать немедленно ревизию в Комаровском общежитии, «где, по заявлению т. Сухарева – завдетколониями, есть большие злоупотребления финансового характера» [555, л. 151]. Уже через две недели происходит обследование Комаровского общежития контролером ГФК в присутствии заведующего общежития С. Калабалина; при этом отмечается, что уже во время ревизии приступил к исполнению своих обязанностей новый заведующий. В акте обследования, в частности, говорится, что средства по кассе проводятся правильно, а также, что «по прямой асигновке за №… уплачено за уборку нечистот 222 р. 52 коп., акта приемки этой работы не имеется и расписок о полученных суммах также нет. Работу проводил Зав. на имя которого деньги выписаны в расход. Этот расход может быть утвержден только при пред’явлении акта, что фактически эта сумма была выплачена рабочим» [548, л. 38 об.–39].

8 июня ОФО направляет в ОИНО отчет ГФК об этой ревизии, в котором советует привлечь бывшего заведующего общежития Калабалина к судебной ответственности за бесхозяйственный расход средств; также предлагается Калабалину в двухнедельный срок направить в ГФК документы на израсходованные 222 руб. 52 коп.

[548, л. 20]. 21 июня ОИНО уже со своей стороны предлагает Калабалину немедленно отчитаться за подотчетные средства [548, л. 18]. Но на следующий же день Окринспектура уже просит Юротдел (добавляя при этом копию письма о ревизии Комаровского общежития) привлечь Калабалина к судебной ответственности [548, л. 19]. Эту просьбу она еще раз подтверждает через месяц [548, л. 26]. Но, совсем, видимо, неожиданно для ОИНО и Сухарева, 28 августа Юридический отдел делает выводы, что для привлечения Калабалина к уголовной ответственности нет достаточных оснований, а дело можно возбудить лишь в дисциплинарном порядке и поставить вопрос «об освобождении от должности лиц, которые небрежно отнеслись к своим обязанностям» [548, л. 36]. Как видим, это опосредованное выступление против Макаренко, инспирированное, очевидно, лично Сухаревым, по сути оказалось бесплодным.

Однако дело с одним из коллег-заведующих – А. Остапченко, которого Макаренко в свое время смог спасти от тюрьмы за якобы избиения воспитанников, закончилась не так удачно. В ноябре 1928 г. в Харьковскую ОИНО поступило секретное письмо народного следователя 7 участка Сумского округа: «По имеющемся в моем ведении деле по обвин[ению] Заведующего Лебединским Реформаториумом Остапченко по 97 ст. У. К. он, Остапченко, до 1/XII-28 г. на основании ст. 140 УпК будет отстранен от должности, а потому прошу назначить на его место Заведующего, о чем оповестить немедленно меня» [555, л. 224]. Очень быстро, в этот же день, Остапченко был ОИНО снят с работы, о чем и доложили нарследователю [555, л. 223 а]. Таким образом, распространенное в макаренковедении мнение о том, что Макаренко смог оградить своего коллегу и соратника от уголовной ответственности, к сожалению, оказалась только частично правильным. Позже, в апреле 1929 г., очередь дошла и до жены опального завкола, которая продолжала работать в Лебединском реформаториуме – предлагалось снять ее с работы за, якобы, дезорганизующую деятельность в детучреждении [549, л. 37, 45].

Своеобразным эпилогом к драматической истории Трудового детского корпуса и данного отрезка жизни А. С. Макаренко является слишком эмоциональное и слишком метафорическое высказывание его самого в письме к жене от 3 октября 1928 г.: «И весь этот год, такой же новый, нереальный, неутвержденный опытом, фантастический. Он не только не похож ни на один год моей жизни, но он вообще другого порядка, как будто это год на другой планете, где все законы жизни другие.

Началось это с совершенно сказочного кошмара «Трудового корпуса». <…> Какой-то волшебный вихрь для какого-то испытания завертел нас и швырнул в ужасное логово копошащихся чудищ: Сухарев и его Помдет, миллиарды заведующих, Миколюков, подростков, просителей, членов горсоветов и Робосов, беспризорных, Наумовых, головотяпских планов и первобытной культуры. Какие совершенно сказочные рожи. Такие рожи даже сказочные герои видят только один раз в жизни: Сербский, Любимов, Цветкова, Зайчик, Дюшен, да сколько их. А самая канцелярия нашего Управления, разве это реально? Вы может быть скажете, что и та печка, которую купили Сербский и Липин, тоже была реальна? Вы конечно рассмеетесь, потому что Вы прекрасно знаете, что и Сербский, и Липин были только внешними образами Мефистофеля, специально назначенного нас обслуживать. Такой печки во всем мире не было, и сейчас ее уже нет.

А вот те все заседания Комсомола, на которых Вам приходилось бывать, разве они Вам не напоминают некоторых мест из «Пропавшей грамоты»? Нет, мы попали действительно в замечательную историю. История для рождественского рассказа.

И смотрите, как мы мало испугались всего этого. Конечно, нужно только чудом объяснить, что мы остались в живых, что Сухарев и Зайчик не перегрызли Ваше горло, что Наумов не сварил меня в смоляном котле. Чудо, конечно, в том, что мы так радостно, ничего не видя и ничего не понимая, и даже не предчувствуя никакой опасности, взявшись за руки, прошли через этот кошмар. Прошли и не

оглянулись. Мы забыли о нем на другой день, как он, обессиленный Вашей улыбкой, выпустил [нас] на свет Божий. И сколько еще длинных рук потянулось за нами, и мы их не заметили»[448, с. 123–124].

Таким образом, идее Всеукраинской детской трудовой армии так и не суждено было воплотиться в жизнь. Даже попытки Макаренко реализовать свой проект в ограниченных масштабах Харьковского округа, по сути, были ликвидированы с самого начала, еще до того момента, когда можно было хотя бы предварительно оценить их эффективность.

Мы вполне осознаем, что найденные в архивах и приведенные выше документы, давая ответы на ряд важных для истории детского корпуса вопросов, вместе с тем, открывают гораздо более широкое поле новых и сложных проблем макаренковедения.

Надо отметить, что увольнение Макаренко отнюдь не вытекало из снижения оценки окружной властью его профессиональных способностей. Вскоре после освобождения из Управления, когда встал вопрос об организации на территории столичного округа образцовой детской колонии имени Г. И. Петровского, решением президиума ОИК он без всякого согласования был назначен ее заведующим [540, л. 102–103; 562, л. 23]. В тот момент, когда продолжалась тотальная война против колонии имени М. Горького, а сам Макаренко становится объектом систематических обвинений, выглядит достаточно неожиданным кредит доверия опальному завколу со стороны окружной исполнительной власти, заинтересованной в создании образцового воспитательного центра. Данный эпизод в биографии А. С. Макаренко до сих пор не привлек внимания исследователей, но с ним, возможно, связан еще не известный аспект его управленческой деятельности.

В очередном письме А. М. Горькому, 18 апреля 1928 г., описывая драматические сцены травли горьковской колонии и своей системы воспитания, А. С. Макаренко между прочим сообщает и о своем новом назначении (пока это единственное упоминание у самого

Макаренко) «Вообще никакой логики во всем этом нет. В декабре мне прибавили коммуну им. Дзержинского и сразу же подняли крик – “Почему и там Горьковская система!” На днях вдруг мне прислали приказ о прибавлении к нам еще одной колонии – им. Петровского с явным расчетом, что я туда сразу переброшу два-три отряда горьковцев, и в полной уверенности, что они там наведут порядок, но и там будут кричать, что я еретик!» [336, с. 55].

2.2. Попытки педагогической экстраполяции производственного и профессиогенетического опыта колонии имени М. Горького

Возможность распространения созданной в колонии имени Максима Горького воспитательной системы на более широкой почве всего Харьковского округа, связанная с реализацией идеи трудового детского корпуса, не только позволила А. С. Макаренко оценить степень универсальности собственных педагогических открытий, но и во многом повлияла на становление его как педагога-теоретика. Кроме того, очевидно, определенные изменения претерпели и представления педагога о месте профессионального развития личности в общевоспитательном контексте.

Содержание накопленного фактического материала дает возможность решить несколько важных для анализа профессиогенетической составляющей педагогического наследия А. С. Макаренко исследовательских задач: определить роль данного этапа деятельности Макаренко в трансформации его взглядов на проблему профессионального развития как фактора успешной социализации личности; охарактеризовать место, которое занимала проблема обеспечения профессионального развития воспитанников среди педагогических целей и в структуре практической деятельности руководимого А. С. Макаренко трудового детского корпуса, а также

выделить основные направления организации профессиогенеза подростков в интернатных и внеинтернатных условиях.

Общая педагогическая цель трудкорпуса, как и принципиальная цель руководимых Макаренко воспитательных учреждений, неоднократно им декларируемая, заключалась в так называемом воспитательном минимуме: дисциплинированность, работоспособность, честность и политическая сознательность. Уже сам этот минимум, который, по мнению Макаренко, «открывает широкие просторы по всем направлениям», в первую очередь закладывает чрезвычайно важные и необходимые основы дальнейшего профессионального развития личности. По сути. дисциплинированность, работоспособность и честность являются базовыми воспитательными императивами в области профессиогенеза человека.

В контексте этой главной цели можно выделить по крайней мере четыре направления практической деятельности ТДК, которые могут рассматриваться как условия целенаправленного обеспечения основ дальнейшего профессионального развития воспитанников: привлечение подростков к трудовым процессам; система общего и профессионального обучения в пределах учреждения; решение проблемы выпуска (трудоустройство или направление в профессиональные учебные заведения) и дальнейшего патронирования выпускников.

Детские колонии и городки Харьковского округа, как и другие подобные учреждения в Советском Союзе, по своему формальному статусу считались трудовыми учреждениями. Но еще в письме в Главсоцвос Макаренко отмечал: «карликовые хозяйства колоний, украшенные тремя-четырьмя ремесленными мастерскими, представляют прямо ужасный фон определенно мелкобуржуазного оттенка». Поэтому он предлагал заменить мелкие воспитательные предприятия мощными очагами воспитания, «капиталистически» организованными и построенными на экономии и точном расходовании личных и материальных сил в условиях крупного

производства и сложного коммунального быта. Макаренко решительно отрицал мелкоремесленный и мелкокрестьянский тип хозяйства в детском учреждении, а предлагал постепенное развитие его до уровня комбината нескольких производств фабричного типа. Именно работа на подобных комбинатах, по его мнению, способна дать развитие разнообразным силам и способностям воспитанников [55, с. 7, 229, с. 40]. Систематическая включенность в разнообразные по содержанию и форме трудовые процессы составляет необходимое стартовое условие успешного профессиогенеза, своеобразный мотивационный базис, позволяющий не только самоидентифицироваться в многоликом мире труда, но и спроектировать пути овладения выбранной профессиональной реальностью.

В условиях системы интернатных учреждений 1920-х годов детское хозяйство всегда выступало, с одной стороны, красноречивым показателем общего развития и благосостояния колонии, а с другой являлось источником постоянных противоречий, трений и трудных вопросов. В своем проекте трудкорпуса Макаренко изначально опирался на идею свободной предпринимательской инициативы и самоокупаемости. Все это нашло отражение в главных его программных документах. В «Проекте организации трудового детского корпуса Харьковского округа» он отстаивал право открывать производственные и торговые предприятия, организовывать артели и коммуны, подписывать векселя и кредитоваться в банках, арендовать имущество и продавать его [229, с. 59]. Однако окружные административные и финансовые органы с самого начала пошли путем ограничения предпринимательской инициативы Управления детучреждениями. Макаренко было отказано во многих принципиальных моментах экономической программы, и в первую очередь – в финансовой самостоятельности. Кроме того, детские учреждения не были освобождены от арендной платы за излишки земли и промышленное оборудование, страдали от государственной монополии на определенные виды производственной деятельности и

произвола финансовых учреждений, не имели достаточно квалифицированных кадров инструкторов производственных мастерских и т. д. Но самое важное заключалось в том, что, будучи лишенным главных экономических основ, макаренковский проект, таким образом, становился, по сути, бесперспективным. В условиях невозможности развивать производство как в отдельных колониях, так и в пределах всего корпуса исчезала и запроектированная Макаренко возможность разнообразить виды труда, а следовательно, и расширять диапазон профессиональных навыков подростков.

Организация общего и профессионального обучения воспитанников трудкорпуса представляет собой одну из самых интересных, но и, вместе с тем, сложную проблему. За неимением информации мы пока не можем точно ответить на несколько важных вопросов относительно профессионально-образовательной практики Управления детучреждениями. Попробуем проследить эволюцию взглядов Макаренко на целесообразность профессионального образования воспитанников в условиях ТДК.

Как мы знаем, во всех детских интернатных учреждениях того времени, и в том числе в Горьковской колонии, существовал ряд ремесленных мастерских, где воспитанники получали определенную ремесленную квалификацию под руководством штатных инструкторов. Однако сначала мы наблюдаем определенное дистанцирование Макаренко от обязательных институциализированных форм профессионального образования в пределах интернатного учреждения. Еще в первом варианте своего проекта – подробной записке в Главсоцвос – он, казалось бы, предотвращает попытки придать детским колониям в дополнение к чисто воспитательному еще и профессионально-образовательный характер. Макаренко настаивает, что колония не должна преследовать цель ремесленной или другой специальной выучки, ремесленная или другая выучка может быть только случайным приложением, а дальнейшую работу по профессиональной подготовке воспитанников должны принять от колонии учреждения патронирования,

профессиональные школы, фабрично-заводские училища и рабочие факультеты [55, с. 7, 229, с. 42–43]. Кстати, аналогичная же позиция просматривается и в его тезисах к выступлению на упомянутой одесской конференции детских городков и колоний (30 сентября – 5 октября 1926 г.): «Труд определяется хозяйством – знание, точность, учет, умение, “ухватка”, план, отчет, ответственность. Квалификация не имеет существенного значения» [229, с. 54]. Очевидно, при существующих материально-кадровых условиях он не видел в пределах интернатного учреждения возможностей для полноценной квалификации воспитанников, способной определить их профессиональный путь на большой отрезок жизни. А вот создать необходимую основу для дальнейшего широкого профессионального выбора считал необходимым. Вообще оба приведенных отрывка несколько диссонируют со многими позднейшими высказываниями Макаренко.

Так, уже в процессе непосредственной организации трудкорпуса, 11 августа 1927 г., на очередном заседании Харьковской окружной комиссии помощи детям Макаренко вступает в полемику со своим постоянным оппонентом, председателем ОКПД М. Сухаревым, предложившим отказаться от полного охвата воспитанников ремесленным обучением, а «учить меньшую часть детей, но давать им полную квалификацию». Макаренко говорит, что при детдомах, к сожалению, дети профессионального образования получить не могут, несмотря на их большое желание, «дети почти на 100 % неудовлетворены, кроме 4-х подростков, которые отправлены на Рабфак. Если мы будем давать квалификацию лишь 20 подросткам, как это говорил т. Сухарев, то что скажут остальные дети. Нам нужен подросток, приспособленный к логике работы машины, приспособленный ко всем отраслям работы, который мог бы ориентироваться в том, что его окружает» [560, л. 164].

Наконец, в «Уставе Управления детскими школьно-трудовыми колониями», написанном во второй половине сентября 1927 г., Макаренко четко указывает: «Управление ДШТК в лице его

заведующего и под его ответственностью имеет право <...> открывать в колонии трудовые и профессиональные школы и краткосрочные курсы» [536, л. 217 об. – 218]. Позже, в конце декабря, он как руководитель трудкорпуса принимает предложение окрисполкома по контрактной организации ремесленного обучения в колониях: обещает вынести на обсуждение съезда заведующих колоний округа вопрос о заключении договора с каждым инструктором об обязанности обучить по установленной программе определенное количество воспитанников. Можно предположить, что измененный масштаб деятельности и необходимость считаться с реальным положением дел, как в системе детских учреждений интернатного типа, так и в системе профессионального образования, заставил его пересмотреть некоторые из своих взглядов относительно возможности и целесообразности начального профессионального образования в пределах интерната.

Ровно через месяц после своего увольнения из УДУ, отстаивая принципы организации коммуны имени Ф. Э. Дзержинского как детского трудового производственного учреждения на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики, Макаренко вполне ясно говорит: «Мы имеем в нашей беспризорщине два проклятия: ужасная материальная бедность в самих учреждениях, не позволяющая серьезно и всех охватить учебно-воспитательной работой, и полное отсутствие опеки после выхода из детской колонии. Обычно наш колонист или воспитанник детского городка живет в детском доме, но перспективы он не имеет. Во-первых, не имеет ее потому, что не получил никакой квалификации, и, во-вторых, что уходит из дома и покидается, не имеет серьезной опеки каких-либо людей» [229, с. 75; 394, с. 72]. Сама же коммуна имени Дзержинского была задумана таким образом, чтобы организация работы производственных мастерских и школы предоставляли как можно больше возможностей воспитанникам в дальнейшем профессиональном развитии. Несколько лет спустя, как мы это увидим ниже, кадровые и материальные

возможности коммуны позволили довести общее и профессиональное образование до уникального для подобных учреждений уровня – создание в ее структуре рабфака машиностроительного института и техникума.

Постоянной и так и не решенной в 1920-е годы проблемой всей системы борьбы с детской беспризорностью и преступностью была проблема выпуска воспитанников из колоний и дальнейшая опека их. Если руководство системой детских учреждений, а соответственно и педагогический совет каждой отдельной колонии, действительно были обеспокоены профессиональным будущим своих воспитанников, они, кроме того, что создавали у детей соответствующую трудовую мотивацию и давали им основы общего и профессионального образования, неизбежно должны были обеспечить первые шаги своих выпускников в самостоятельной жизни. Наиболее распространенными и уже привычными к моменту прихода Макаренко формами такой опеки, как мы уже выяснили, были: патронат в кустарей и крестьян, «бронирование» мест на бирже труда, обеспечение временным жильем в домах рабочих подростков и направление на учебу в ФЗУ, рабфаки и другие учебные заведения. Однако единой государственной всеобъемлющей и эффективной программы выработано все же не было. Решением подобного типа вопросов занималась масса различных учреждений и организаций. Но при той вопиющей материальной бедности, о которой говорил Макаренко, будущее большинства выпускникив колоний оставалось все же неопределенным. Основывая ТДК, Макаренко, по сути, взваливал на плечи и эту принципиально не решенную до тех пор в общегосударственном масштабе задачу.

Ежегодно из колоний Харьковского округа выпускалось около 2000 детей, все они нуждались в устройстве на работу или в учебные заведения, а также жилье и элементарном имуществе. В отличие от государственных и общественных институтов, занимавшихся этими вопросами до него, Макаренко был озабочен не столько материальной, сколько чисто педагогической стороной дела.

Сохранилось, к сожалению, немного свидетельств его позиции, но в них четко видна искренняя заинтересованность педагога в судьбах детей и забота об их профессиональном самоопределении. В написанной в конце 1927 г. цитированной выше незавершенной работе, известной под названием «О патронировании», Макаренко выступает против патронирования воспитанников и у кустарей, и у крестьян, поскольку в первом случае из колонии уходят подростки, далеко не закончившие воспитания (которые из-за уровня своего личностного развития ни к чему более квалифицированному или не могут, или не хотят стремиться), а во втором – будущая профессиональная перспектива вообще кажется сомнительной.

Учитывая сказанное, становится понятной политика Макаренко, который постоянно игнорировал, как свидетельствуют документы, распоряжения и разнарядки ОКПД о патронате подростков. При этом за столь короткий срок своего руководства трудкорпусом педагог все же успел осуществить несколько важных шагов для обеспечения будущего выпускников. Так, он последовательно выступал против политики окружной власти, пытавшейся вообще ликвидировать такое явление, как дом рабочих подростков, а также реализовал проект перестройки только что закрытой Комаровской колонии под общежитие для поступивших в ФЗУ выпускников колоний округа [536, л. 201; 560, л. 157].

* * *

История спроектированного и организованного А. С. Макаренко Трудового детского корпуса Харьковского округа является примером чрезвычайно широкой экстраполяции специфической воспитательной системы отдельного воспитательного учреждения. Уникальность этого случая состоит в том, что инициатива кардинального изменения приоритетов в организации воспитания исходила не от государственных образовательных учреждений, а, выражаясь образно, «снизу», из опыта практической деятельности небольшой группы педагогов. Понятно, что претензии на такую высокую миссию

обязывали колонию имени М. Горького отвечать многим устоявшимся, иногда противоречивым, критериям.

Проект ТДК является прямым свидетельством того, что Макаренко считал принципиально возможным, по крайней мере, в том историческом пространстве, распространение инновационных воспитательных находок колонии имени М. Горького, а соответственно – и методов обеспечения будущего профессионального развития воспитанников. И эта уверенность, очевидно, была настолько безусловной для реалиста-заведующего, что когда бюрократический аппарат отверг наиболее существенные из выдвинутых им условий, он, неизбежно рискуя, продолжал все же воплощение своего проекта. Жертвой бюрократизма нала даже сама сущность макаренковского понятия «Трудовой детский корпус», которую Президиум ОИК 11 ноября 1927 г. свел к обычной административной функции – управлению детскими домами [536, л. 226].

Весь комплекс событий вокруг ТДК – это не только первая, но и единственная настоящая, поскольку в известной степени контролируемая самим Макаренко, попытка интерпретации его педагогической системы другими воспитательными учреждениями. С этой точки зрения степень понимания «системы Макаренко», а также попытки ее современного внедрения в воспитательную практику, должны анализироваться на фоне истории Трудового детского корпуса. Вообще же возможность географического расширения собственного воспитательного опыта не только намного ускорила становление Макаренко как педагога-теоретика, но и, очевидно, привела к определенной эволюции системы его представлений о месте профессионального развития личности в общевоспитательном контексте.

Представленные материалы прежде всего дают возможность увидеть и оценить условия, в которых проходила апробация макаренковских инициатив в деле концентрации материальных, организационных и педагогических ресурсов для решения проблемы

социализации беспризорного и криминального детства. Особое, как мы увидели, место в проектах и деятельности педагога принадлежало созданию условий для формирования профессиогенетического потенциала воспитанников. Однако, система видений педагога о характере указанных условий в процессе реализации идеи Трудового детского корпуса пережила определенную трансформацию, анализ истинного содержания которой требует еще дальнейшего длительного и систематического архивного поиска. Не исключено, что чрезвычайно напряженная борьба Макаренко за воплощение в жизнь своего оригинального проекта дала ему уникальную возможность критически оценить собственные педагогические убеждения и практический опыт, что, спустя известное время, ускорило педагогический триумф коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Глава 3

ДЕТСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ТИПА (1927–1935 гг.)

3.1. Общие черты административно-хозяйственной и педагогической деятельности А. С. Макаренко в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского

История коммуны имени Дзержинского, находившейся в структуре украинского НКВД, как правило, составляет определенную исследовательскую проблему. Кроме одного рассекреченного фонда Государственного архива Харьковской области, охватывающего лишь 1934–1941 годы, и материалов макаренковского фонда Российского государственного архива литературы и искусства, в свободном доступе ученых остается ограниченный круг документов. До сих пор ощущается недостаток достоверных свидетельств, бросающих свет на многие важные вопросы, связанные с деятельностью Макаренко в первые годы существования этого уникального в своей педагогической и социальной сущности учреждения.

В истории отечественного образования руководимая А. С. Макаренко Детская трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского занимает особое место. Уникальный по своим конструктивным особенностям воспитательный феномен, связанный с кульминацией педагогического подвижничества А. С. Макаренко, коммуна представляет собой беспрецедентно эффективное профессионально-образовательное учреждение инновационного типа.

Процесс создания и развития производственных мощностей в ней выступал не только экономическим или сугубо воспитательным условием ее существования, он прочно закладывал основы дальнейшего профессионального развития коммунаров. Академическая, практическая и мотивационная функции промышленного потенциала учреждения, по нашему мнению, в совокупности создавали чрезвычайно благоприятный фон для становления каждой личности и как социального субъекта, и как профессионального деятеля.

Инициатива организации Детской трудовой коммуны НКВД УССР имени Ф. Э. Дзержинского, создававшейся с целью борьбы с беспризорностью и воспитания «социально-запущенного молодняка», принадлежит лично народному комиссару внутренних дел и председателю Государственного политического управления УССР Всеволоду Аполлоновичу Балицкому (1892–1937 гг.). С предложением увековечить память Ф. Э. Дзержинского открытием именного детского интернатного учреждения Балицкий выступил на заседании коллегии НКВД 9 апреля 1927 года [76, с. 10, 333, с. 15].

Отсутствие соответствующего опыта и квалифицированных кадров в рядах чекистов вызвали ряд трудностей. Поскольку коммуна по своему мемориальному статусу и принадлежности к органам НКВД должна была стать учреждением образцовым, особенно остро встал вопрос отбора методов производственной и воспитательной работы как главных факторов ее успешной деятельности [48, с. 10]. Определенное напряжение ситуация вызвала, очевидно, и учитывая неудачную судьбу предыдущих отечественных образцовых учреждений социального воспитания – детских домов имени Артема и имени ВУЦИК, которые просуществовали непродолжительное время и не стали центрами накопления ценного педагогического опыта.

Однако задачу ГПУ Балицкий не ограничивал одной только организацией коммуны. Коротко роль своего ведомства он определял так: содержать, образцово поставить, всемерно поддерживать. Для этого в центральном аппарате ГПУ был основан Совет по делам

коммуны и прозвучало требование о создании на демократических началах при местных органах ГПУ комиссий содействия ее работе. Главной целью Совета и комиссий определялось: направлять всю деятельность коммуны, всемерно изыскивать средства для ее содержания, мобилизовать вокруг нее общественное внимание сотрудников ГПУ, советских и хозяйственных органов [75, с. 8].

Следует подчеркнуть, что при организации нового учреждения руководство ГПУ предусматривало и рассчитывало на длительную и систематическую помощь ей. С этой целью была проведена кампания среди сотрудников и командно-политического состава органов и войск ГПУ о введении и сохранении на будущее ежемесячного полупроцентного отчисления с заработной платы в пользу коммуны. Кроме того, подчеркивалась необходимость других видов материальной помощи [75, с. 8].

Торжественное открытие коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, во время которого Балицкий лично вручил коммунарам от коллегии ГПУ УССР знамя, произошло 29 декабря 1927 года [333, с. 15]. Соответствующее же постановление Совета народных комиссаров Украины было принято по представлению ГПУ только 7 июня 1928 г. [333, с. 17]. Согласно постановлению, коммуна объявлялась самостоятельной организацией, действующей на основе хозрасчета, обладающей правами юридического лица и существующей на средства от своих мастерских и производства совхоза «Красные зори». Ее предприятия при этом освобождались от общегосударственных, республиканских и местных налогов [312, с. 79]. Коммуна располагалась в пригородной дачной местности в 5-ти километрах от Харькова и была окружена с запада и севера лесом, с других сторон – открытым полем, не имела, по крайней мере до декабря 1934 г., никакого ограждения [579, л. 53].

Первый персонал был назначен в коммуну 20 октября 1927 г. Кроме А. С. Макаренко, в него вошли: воспитатель колонии имени М. Горького Т. Д. Татаринов, заведующий хозяйством из Ахтырки Опришко и повар [333, с. 15]. Для сравнения: на август 1935 г., то есть

примерно ко времени увольнения Макаренко, численность вольнонаемного персонала коммуны составляла уже 1051 человека, среди которых насчитывалось: руководящего состава (от начальников отделов и выше) – 14 чел.; специалистов с высшим образованием и практиков, занимающих подобные должности – 86 чел.; специалистов со средним образованием и практиков – 70 чел.; экономистов и плановиков со специальным образованием – 9 чел.; рабочих – 444 чел. (5 разряда – 155 чел., 3–4 разряда – 258 чел., 2 разряда и ниже – 13 чел., шоферов – 18 чел.); других – 428 чел. [584, л. 23]. Но тенденция к увеличению количества работников наблюдалась и в дальнейшем, и уже на 10 декабря того же года численность персонала коммуны выросла до 1076 человек [585, л. 92].

Существовало несколько традиционных путей пополнения состава воспитанников коммуны. По данным, например, на конец 1930 г., из 149 коммунаров поступили из других детских учреждений 70 чел. (47 %), из коллектора-распределителя – 40 чел. (26,8 %), непосредственно принято коммуной – 26 чел. (17,4 %), из комиссии по делам несовершеннолетних – 8 чел. (5,4 %), из органов народного образования – 5 чел. (3,4 %) [506, л. 1].

Первые воспитанники прибыли в коммуну 25 декабря 1927 г. из колонии имени М. Горького в количестве, как говорит Макаренко в статье «Перевернутые страницы», 50 ребят и 10 девушек [333, с. 15]. В других документах гендерное соотношение первых воспитанников приводится несколько иное – 44 юноши и 16 девушек [506, л. 1].

Вскоре, 11 января 1928 г., к числу воспитанников прибавилось 40 подростков из харьковского коллектора-распределителя, только что подобранных с улиц [333, с. 15]. Следующее пополнение коммуны произошло в течение первой половины сентября 1928 г. – 50 новых коммунаров прибыли из детских домов или были подобраны непосредственно с улиц [333, с. 18].

Проект расширения контингента на 150 человек, который был утвержден Правлением коммуны 21 июля 1931 г., связывался с кардинальной реорганизацией ее производства, в частности планами

строительства завода электроинструмента. Тогда же, в конце сентября – начале октября, коммуна приняла около 50 новых воспитанников, появившихся в результате работы специальных вербовочных комиссий, которые рассылались по всей Украине [333, с. 27-28]. Кроме того, 13 ноября под руководством секретаря Правления М. М. Букшпана был проведен массовый подбор беспризорных с харьковского железнодорожного вокзала, неоднократно позже описываемый Макаренко в своих публичных выступлениях. Группа подобранных беспризорных была включена в строй коммунаров и торжественно приведена в коммуну, где состоялось сжигание их одежды как символ начала новой жизни и вступления в коммунарский коллектив. Благодаря всем этим мерам 20 января 1932 г. число коммунаров выросло до 300 человек. Уже в мае повторился «вокзальный» подбор беспризорных, благодаря которому ряды коммунаров пополнили 30 новых членов [333, с. 28–29]. Постепенное увеличение численности коммунаров происходило в течение всего 1932 года. Если на 1 октября их насчитывалось 333 [306, с. 54], то на конец года равнялась уже 342 чел. [48, с. 10].

Как и в колонии имени Горького, социальные характеристики коммунаров являлись одним из тех факторов, учет которых входил в перечень необходимых условий как организации их профессиональной подготовки, так и всей воспитательной работы учреждения в целом. Нам удалось найти соответствующие данные только за конец 1930 года. На тот момент возраст коммунаров распределялся следующим образом: 12 лет – 1 чел. (0,7 %), 13 лет – 9 чел. (6 %), 14 лет – 26 чел. (17,4 %), 15 лет – 42 чел. (28,2 %), 16 лет – 34 чел. (22,8 %), 17 лет – 19 чел. (12,7 %), 18 лет – 10 чел. (6,7 %), 19 лет – 6 чел. (4 %), 20 лет – 2 чел. (1,4 %). Как видим, преобладал возраст 14–16 лет. Информация о социальном происхождении коммунаров позволяла надеяться на их наследственную предрасположенность к физическому труду: выходцы из семей рабочих – 71 чел. (47,6 %), крестьян – 57 чел. (38,2 %), служащих – 14 чел. (9,4 %), неизвестно –

7 чел. (4,7 %). И несколько неожиданными выглядят сведения о «сиротстве» и так называемом «уличном стаже» дзержинцев: подавляющее их большинство – 110 чел. (73,8 %) имели родственников, а 86 чел., то есть 58 %, никогда не были беспризорными [506, л. 1]. Документы также свидетельствуют: среди воспитанников коммуны были и такие, которые уже имели за плечами судимость [585, л. 86].

Постоянно стремившаяся к увеличению своего контингента, коммуна иногда становилась настолько тесной для своих воспитанников, что набор приходилось прекратить. Так, на декабрь 1934 г. наблюдалась чрезмерная перегруженность не только в ней, но и в других детских трудовых коммунах НКВД; даже 40 беспризорных детей, находившихся в совхозе имени В. Балицкого, с которым коммуна всегда поддерживала тесные связи, не могли быть приняты в ее состав, как и в состав других подобных учреждений, и административно-хозяйственное управление даже было вынуждено ассигновать совхозу на их содержание 2000 руб. [581, л. 69]. Но, несмотря на перегруженность, НКВД не прекращал массовых подборов беспризорных и всячески способствовал их «закреплению» в детучреждениях. По данным, присланным в коммуну начальником отдела трудовых колоний НКВД СССР, только за одну декаду августа 1935 г. на 29 железных дорогах страны задержаны отделами охраны 7743 беспризорных и безнадзорных детей, среди которых 1729 (22,3 %) были задержаны повторно. В этом же документе подчеркивалось, что задача органов НКВД заключается не только в том, чтобы принять несовершеннолетнего правонарушителя или беспризорного в трудовую колонию, приемник-распределитель, детучреждения других ведомств, но и «обеспечить содержание этих детей в детских учреждениях, чтобы оторвать их от криминальной среды и беспризорности и подготовить к трудовой самостоятельной жизни» [588, л. 29].

Ниже представлена динамика роста детского контингента коммуны в течение 1927–1936 годов (см. табл. 3.1) [248, с. 304; 249, с. 247, 331; 333; 505, л. 29; 507, л. 39–42 об., 50–54 об.].

Как известно, деятельность А. С. Макаренко в коммуне имени Дзержинского делится на два периода: с 20 октября 1927 г. по март 1932 г. – организация и пребывание во главе учреждения; с апреля 1932 г. по конец июня 1935 г. – руководство только учебно-воспитательной частью. Если сначала, как и в Горьковской колонии, Макаренко фактически сосредоточивал в своих руках важные административные, экономические и педагогические рычаги управления, то в течение второго периода его влияние на общее развитие учреждения было значительно ограничено и зависело от характера взаимопонимания и сотрудничества как с Правлением коммуны, так и с рядом назначенных НКВД начальников-временщиков.

Таблица 3.1

Динамика роста детского контингента Трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (1927–1936 гг.)

Дата	**25.12.1927 г.**	**1.05.1928 г.**	**1.09.1928 г.**	**18.12.1928 г.**	**12.1930 г.**	**20.01.1932 г.**	**26.03.1932 г.**	**1.10.1932 г.**	**12.1932 г.**	**15.01.1934 г.**	**03.1934 г.**	**1.10.1934 г.**	**[12.1934 г.]**	**31.12.1934 г.**	**29.02.1936 г.**	**21.03.1936 г.**
Кол-во воспитан-ников	60	95	120	150	149	300	308	333	342	376	368	341	471	508	686	686

Определяющие условия работы педагога в новом учреждении, бесспорно, вытекали из того факта, что коммуна имени Дзержинского, в отличие от колонии имени Горького, все время своего существования находилась под полным и довольно пристальным контролем со стороны органов ГПУ-НКВД. Этот контроль над всеми сторонами деятельности учреждения фактически осуществлялся по

двум направлениям: благодаря непосредственным распоряжениям председателя ГПУ УССР В. А. Балицкого, отдельных руководителей и подразделений Наркомата внутренних дел и через специально созданный кураторский орган – Правление, состоящее из представителей руководящего состава украинского НКВД.

Состав Правления, впервые избранного 9 января 1928 г., периодически менялся, как это произошло, например, 23 ноября 1929 г., 21 июля 1931 г., в марте 1932 г. и т. д. [248, с. 304; 333, с. 15, 21, 27]. В нем в разное время работали: начальник Экономического управления ГПУ УССР Иосиф Михайлович (Иось-Герш Михелевич) Блат (1896–1937 гг., председатель Правления) [449, с. 271; 479, с. 439], заместитель председателя ГПУ УССР Карл Мартынович (Эдуард Иванович) Карлсон (1888–1938 г., председатель Правления) [449, с. 275], Александр Иосифович (Осипович) Броневой (настоящая фамилия – Факторович, 1898–1940 гг., председатель Правления) [449, с. 275; 479, с. 443], будущий начальник Главного управления милиции и заместитель наркома внутренних дел Украины Николай Станиславович Бачинский (председатель Правления) [479, с. 154; 506, л. 21–22], секретарь коллегии ГПУ УССР Яков Вульфович Письменный (1902–1937 гг.) [394, с. 41; 479, с. 532; 487, с. 243–255], Михаил Маркович Букшпан (секретарь Правления) [448, с. 215; 506, л. 21–22]; сестра наркома внутренних дел Наталья Аполлоновна Балицкая (1899 [?] – ?) [394, с. 41; 449, с. 287; 48, с. 115–118; 506, л. 21–22], начальник Управления пожарной охраны украинского НКВД Ефим Давыдович Элькин [479, с. 158; 506, л. 21–22] и др.

Даже после переезда всех правительственных учреждений в Киев в 1934 году Правление не ослабляло своей работы, а его председатель, Броневой, по-прежнему пытался держать с коммуной тесную связь: «по смыслу директивы В. А. я отвечаю за фотозавод до полного освоения программы. В условиях моей оторванности от Харькова я могу отвечать только при условии ежедневной мне информации о ходе работ на фотозаводе и строительстве.

Прошу эту информацию наладить и ежедневно мне ее направлять.

<...> Периодическими письмами информируйте меня вообще о состоянии коммуны <...>» [576, л. 24]. К слову, А. Броневой среди других членов Правления коммуны был едва ли не самым последовательным сторонником Макаренко, всегда демонстрируя лояльность и уважение к нему. О воспитательном авторитете педагога в его глазах говорит тот факт, что случаи краж деталей фотоаппаратов Александр Иосифович был склонен связывать не с недостатками воспитания коммунарского коллектива, а с плохой работой по подбору и приему кадров и ненадлежащим контролем в цехах [576 , л. 4–5].

Следует отметить, что даже должность руководителя коммуны не защищала А. С. Макаренко от жесткого, а иногда и довольно грубого вмешательства со стороны ГПУ в его действия. Характерным примером этого являются слова из резолюции Правления на его отчетном докладе по итогам 1930 года: «запретить т. Макаренко осуществление каких-либо принципиальных вопросов без санкции Правления или председателя Правления». [506, л. 21–22]. Правление пыталось также держать под полным контролем и все стороны жизни коммунаров. Приведем несколько фактов.

Лишь только была введена оплата труда коммунаров, как Правление выступило за пересмотр положения о ней, а Макаренко было предложено немедленно приступить к организации сберегательной кассы при коммуне для хранения всей свободной наличности, включая и коммунарскую зарплату [506, л. 21–22]. Давление Правления отнюдь не уменьшилось и при преемниках Макаренко: в начале февраля 1934 г. Броневой возмущался тем, что не только прием, увольнение, а также вступление в брак и получение квартир коммунарами осуществляются без его санкции [576, л. 4–5]. Однако, справедливости ради, надо отметить положительную отношение и даже гуманный тон, которые иногда демонстрировали некоторые члены Правления. Интересна резолюция Броневого на

рапорте, написанном на его имя в феврале 1934 г. беспризорным Селезневым, в котором последний жалуется на тяжелую жизнь на улице и просит принять его в коммуну: «т. Тепер, разберись с т. Селезневым, на улице оставлять нельзя. Надо помочь» [576, л. 8–8 об.].

Пхожий сочувственный тон мы находим и у другого члена Правления – М. М. Букшпана, – в письме к Макаренко, написанном в связи с кардинальными кадровыми переменами весной 1932 г., непосредственно затронувшими и педагога. Автор письма объясняет Макаренко необходимость подобных шагов руководства НКВД, не забывая при этом демонстрировать полное уважение к адресату [248, с. 303–304]. Свое согласие работать только заведующим педагогической части коммуны Макаренко позже оправдывал семейными обстоятельствами, но при этом он риторически спрашивал в неотправленном письме Букшпану: «Какое я имею право похерить всю свою работу и отказаться от всех выводов моего опыта, совершенно необходимых для Советского Союза, и обратиться в надзирателя, в “помощника” случайных меняющихся людей, хотя и заслуженных и почтенных, но не имеющих никакого отношения к проблеме советского воспитания?» [236, с. 50].

Понижение Макаренко в должности создавало несколько иную систему отношений внутри коммуны, особенности которой связаны с характером нового административного окружения педагога, и в первую очередь – руководящего состава учреждения. В свое время именно этой драматической странице жизни Макаренко посвятила отдельное издание марбургская лаборатория «Makarenko-Referat», начав им свою известную серию «Opuscula Makarenkiana». В работе, получившей характерное название «На педагогических ухабах или “Марш” Макаренко через тридцать второй год», немецкие макаренковеды систематизировали весь известный на середину семидесятых годов прошлого века материал по данному вопросу – произведения и письма самого Макаренко, материалы тогдашней прессы и отрывки из отдельных исследований [486].

Рис. 3.1. *А. С. Макаренко в своей квартире в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, прибл. 1932 г. (фото из фондов музея истории Полтавского педуниверситета имени В. Г. Короленко; публикуется впервые).*

Преемником педагога в должности заведующего коммуны стал сотрудник украинского НКВД М. А. Максимов, который фактически приступил к выполнению своих обязанностей с 10 марта 1932 г. [248, с. 342], официально же возглавил учреждение только в августе.

Максимов, как утверждал М. М. Букшпан в упомянутом письме к Макаренко, согласился на эту должность «только из любви к коммуне». При этом мотивы замены Макаренко Максимовым Букшпан объяснял созданием в коммуне крупного производства и значительным увеличением численности коллектива, требующими, по его мнению, во главе всего поставить «старого члена партии и хорошего чекиста, который бы являлся идейным руководителем всего этого дела» [248, с. 304]. Педагогическую квалификацию Максимова Макаренко впоследствии оценил так: «Тов. Максимов не силен был в педагогической логике, и он ничего не решал, решали другие, а иногда даже и никто не решал, а решали обстоятельства, вроде бы не имеющие никакого воспитательного значения. Но была надежда, что он постепенно научится разбираться в воспитательных вопросах». Оптимизм Макаренко, однако, не оправдался: педагог вздыхал, что за несколько месяцев работы Максимова «наслушался довольно» «затасканных мещанских “педагогических” афоризмов» [236, с. 49]. В августе того же года исполняющим обязанности начальника коммуны, а затем и начальником был назначен Иван Порфирьевич Судаков [248, с. 356].

И. П. Судаков, сотрудник Государственного политического управления УССР, еще 31 января 1928 г. решением Коллегии вошел в первый состав Совета по делам коммуны, а также и в ревизионную комиссию этого Совета [248, с. 33]. Его руководство коммуной совпало с празднованием ее 5-летия, поэтому среди всей плеяды заведующих пост-макаренковского периода он единственный, кто оставил свой портрет на страницах юбилейного издания – сборника «Второе рождение» [76, с. 35]. Динамика отношений Макаренко с новым руководителем хорошо отражена в его переписке с женой. В начале ноября 1932 г., то есть в период активной подготовки коммунаров к юбилею, Макаренко писал: «С Судаковым начинаю ссориться. Он постепенно начал расходиться, и о каждом пустяке требует рапорт. Дело в том, что ему страшно нравится писать резолюции на углышках». Далее в письме рассказывается о том, как

Судаков перечеркнул в приказе распоряжение, проведенное Макаренко через комсомольское бюро, Совет командиров и общее собрание, написав: «Пересмотреть и доложить мне». Такой поступок возмутил как самого Макаренко, так и лидеров коммунарского самоуправления, а педагог еще и подал Судакову рапорт с протестом. Очень быстро, на следующий же день, Судаков заверил Макаренко, что все это дело – недоразумение и что ему «предоставлена полная свобода» [449, с. 173–174].

Тон отношений с Судаковым, а заодно и профессиональные качества преемника последнего – И. Я. Тепера – хорошо характеризуются и таким местом из писем Макаренко жене: «Тепер хуже Судакова, потому что умнее, значит, имеет право судить и решать в тех случаях, где Судаков никогда бы не решился и где на Судакова просто можно было бы накричать» [449, с. 193]. Как видим, Макаренко, несмотря на положение подчиненного, умел отстоять свой управленческой авторитет – по крайней мере, в вопросах собственный компетенции. Что касается Судакова, то, в общем, осталось не очень много свидетельств его руководящей деятельности в коммуне [249, с. 76, 92, 98].

Исаак Яковлевич Тепер до коммуны работал уполномоченным в группе лагерей НКВД «Ухтапечлаг» [578, л. 64], находившихся на крайнем Севере европейской части СССР, в районе городов Ухта, Печора и Воркута [478]. В течение нескольких месяцев 1933 года он занимал должность заместителя Судакова [249, с. 98–107], пока в конце лета не был официально назначен временно исполняющим обязанности начальника коммуны. Именно в этом статусе уже 31 августа 1933 г. он участвовал в заседании педсовета рабфака [507, л. 3–5]. Тепер официально руководил коммуной с 23 февраля 1934 г., когда в приказах, подписанных им, исчезает пометка «врио» [249, с. 178], до июня 1934 г., когда он вновь возвращается на должность заместителя заведующего [249, с. 251, 257; 578, л. 64]. 31 декабря 1934 г. постановлением Совета командиров ему вместе с группой других руководителей и работников коммуны было присвоено звание

Почетного коммунара [249, с. 324]. Исчерпывающую и остроумную характеристику Исаака Яковлевича можно найти в том же письме, где Макаренко сравнивает его с Судаковым: «Тепер много напутает в коммуне и окончательно ее угробит. Он умен таким умом, который сам себя не соберет, умен в каждом отдельном случае, а два случая вместе умно не свяжет, человек абсолютно без синтеза» [449, с. 193]. Дальнейшая судьба этого человека, очевидно, тоже сложилась трагически. Известно, что бывший нарком внутренних дел Украины И. М. Леплевский после своего ареста, на допросе в мае 1938 г. «признался» в том, что когда в 1933–1934 годах созданная им в ГПУ «правотроцкистская группа» вошла в сговор со всеми антисоветскими организациями в СССР, то именно Тепер по заданию Балицкого осуществлял контакт с анархистами и троцкистами [479, с. 179].

И. Я. Тепер, вероятно, все же не успел причинить большой вред учреждению, поскольку вскоре уступил свое место А. И. Марусинову – начальнику коммуны с 16 июня по сентябрь 1934 г. [249, с. 251, 257; 479, с. 513; 578, л. 64]. В связи с непродолжительным временем своего руководства Марусинов оставил меньше сведений о работе на этом ответственном посту [249, с. 251], поэтому мы не имеем документальных оснований для объективной оценки ни его самого, ни отношений его с Макаренко. В последнее время открылись только основные биографические данные этого человека, до сих пор не известные в макаренковедении. Александр Иванович Марусинов-Бернштейн родился в 1895 г. в семье переплетчика, закончил частную гимназию в Екатеринославе. В годы Первой Мировой войны – рядовой, с 1918 г. и до своего назначения в коммуну сменил несколько должностей: заведующего оружием Невельского полка Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) на Восточном фронте и политрука 2-го Оршанского полка, политработника политуправления Туркестанского фронта в Ташкенте, зав. отделом распространения литературы дорожно-политического отдела Юго-Западной железной дороги, сотрудника для поручений разведывательного управления штаба командующего войсками РККА

Украины и Крыма, оперуполномоченного Киевского губернского и окружного оперативного отдела ГПУ, начальника общего отдела Одесского облотдела ГПУ, начальника отдела кадров Донецкого облотдела ГПУ и др. После увольнения из коммуны Марусинов работал начальником отдела кадров управления НКВД по Харьковской области, начальником административно-хозяйственного управления НКВД Украины (АХУ). Последнее место его работы – Тайшетский лагерь НКВД СССР в Иркутской области. Поскольку дальнейшая судьба Марусинова неизвестна, можно предположить, что его тоже постигла судьба Судакова и Тепера [479, с. 513].

Последним руководителем коммуны, с которым пришлось тесно взаимодействовать Макаренко, был бывший сотрудник ГПУ УССР Павел Константинович Тихонов, начальник коммуны с 19 сентября 1934 по май 1936 года [249, с. 257; 578, л. 64]. Именно с его именем связан приказ от 29 сентября 1934 г. о выдвижении наиболее способных коммунаров на ответственные административные и технические должности [249, с. 283–284]; кроме того, Тихонов неоднократно присутствовал на заседаниях педагогического совета и принимал активное участие в обсуждении вопросов дальнейшего образования коммунаров, организации техникума и т. д. [249, с. 316, 319]. Авторитет Павла Константиновича в глазах воспитанников был, очевидно, достаточно высоким, поскольку он так же, как и Тепер, в последний день 1934 года получил от органов самоуправления звание Почетного коммунара [249, с. 324]. Через несколько дней после этого, в ответ, свое признание руководителей педагогической части, Макаренко и Татаринова, Тихонов отметил благодарностью и премированием [250, с. 44]. Участие Тихонова в налаживании производства было высоко оценено государством – в связи с успешным выпуском фотоаппаратов «ФЭД» 9 октября 1935 г. он получил вместе с тремя техническими работниками коммуны от ЦИК Украины правительственные награды [4, с. 71]. Не исключено, что между Тихоновым и Макаренко существовали достаточно дружеские отношения – во время последнего своего приезда в Харьков педагог-

писатель в письме к жене жаловался на то, что не успевает отвечать визитами на все приглашения: «Все требуют, чтобы я у них был: Коган, Тихонов, коммунары» [449, с. 269].

Одно из вообще немногих свидетельств недоразумений между начальником коммуны и руководителем ее педагогической части отражено в письме Галины Стахиевны Макаренко к сыну. Речь идет об организации летнего похода коммунаров 1935 года: «До сих пор все Антоновы требования похода Тихонов называл “беллетристика”». Однако при этом автор письма вполне резонно предполагает, что Тихонов лишь озвучивал мнение по данному поводу главного органа, в ведении которого находилась коммуна, – АХУ НКВД [35, с. 80].

В свое время, как мы видели, педагогические принципы организации коммуны имени Дзержинского стали причиной острой фазы конфликта А. С. Макаренко с украинской официальной педагогикой.

Первой административной задачей Правления коммуны, которое оно осуществило 16 января 1928 г., было утверждение плана и программы учебно-воспитательной работы коммуны, а также правил приема в нее. Вскоре, 4 февраля, им же была утверждена и Конституция коммуны [333, с. 16]. Но 8 февраля председатель Правления Блат направил в Украинский научно-исследовательский институт педагогики официальное обращение, озаглавленное «Соображения о Детской трудовой коммуне имени Ф. Э. Дзержинского», в котором выразил надежду на «активное участие теоретиков и практиков социального воспитания в выработке и определении основных начал жизни и деятельности» нового учреждения. В документе отмечалось, что коммуна является памятником Дзержинскому, и поэтому должна быть поставлена образцово, кроме того, она должна воплотить в себе все достижения марксистской науки в области социального воспитания [564, л. 1]. Вместе с письмом в институт были представлены составленные Макаренко «”Конституция” трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» [564, л. 2–5 об.] и «Операционный план

педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» [564, л. 6–9 об.] – то есть главные учредительные документы нового учреждения, которые характеризовались автором письма как нечто оригинальное в системе социального воспитания [564, л. 1].

Свою позицию относительно «Операционного плана» и «Конституции» сотрудники института иложили в декларации, текст которой, к сожалению, пока не найден. Но некоторое представление о содержании этого достаточно критического документа можно получить из написанного Макаренко резкого и полемически заостренного ответа, названного им «Контр-распереконтр-тезисы» [176, с. 32–37; 236, с. 247–249]. Такими же критическими по отношению к высказанным Макаренко принципам организации коммуны оказались «одиннадцать вопросов», подготовленных Правлением и также переданных институту. Хотя этот документ до сих пор неизвестен исследователям, но его содержание частично отражено в тексте протокола заседания секции социального воспитания УНИИП, организованного 13–14 марта 1928 г. с целью обсуждения учредительных документов коммуны. Весь комплекс материалов, раскрывающих указанные события, был впервые опубликован с аутентичным представлением текстов, обстоятельными комментариями и аналитической вступительной статьей марбургскими макаренковедами в сборнике «На вершине “Олимпа”» в 1991 году [277].

Доклад, выступления в ходе дискуссии и заключительное слово Макаренко на этом диспуте 14 марта (протокол заседания 13 марта пока не найден) являются наиболее ценными свидетельствами сложившейся к тому времени системы представлений педагога о главных принципах организации интернатного воспитательного учреждения, соотношении ролей детского самоуправления и педагога в нем, а также о цели и средствах профессионального развития воспитанников. Впоследствии большинство из предложенных Макаренко системных элементов организации нового педагогического учреждения не только себя вполне оправдали на практике, но и,

получив значительное развитие, позволили говорить о коммуне имени Дзержинского как инновационном воспитательном феномене.

Чрезвычайные педагогические успехи коммуны невольно создают ее образ как полностью благоприятного поля для апробации макаренковских педагогических инициатив. В то же время, последние архивные находки рисуют нам достаточно безрадостную картину множества «непедагогических» обстоятельств, в противодействии с которыми, собственно, и росла педагогическая слава этого инновационного учреждения. К сожалению, в произведениях и письмах самого Макаренко мы не находим полноценных свидетельств его реакции на все эти трудности, однако детальное освещение последних позволит нам представить некоторые драматические стороны его борьбы за отстаивание принципов собственной педагогической веры.

Одной из характерных тенденций развития коммуны после ограничения руководящих функций Макаренко весной 1932 года, для которой отныне не возникало никаких преград, было постепенное превращение уникального воспитательного учреждения в обычное промышленное предприятие. Своеобразным нереализованным манифестом против данной тенденции в развитии коммуны является незаконченное письмо педагога М. М. Букшпану, написанное примерно в августе 1932 года. Здесь мы находим главный тезис Макаренко: «Утверждение, что никакого воспитания не нужно, что воспитывает только работа на производстве, – одна из завиральных идей, которыми так полна педагогическая кустарщина». По мнению педагога, именно благодаря «бесконечному штурму» коммуна за зиму и весну 1932 года имела очень незначительные воспитательные успехи. «Скажите, – спрашивает он, – кому нужна была именно 1000 сверлилок, если для этого нужно ввести 12-часовой рабочий день, разрушать всю коммунарскую организацию, покончить с книжкой и всякой другой культурной работой, перемешать день с ночью? <...> Ажитация, хотя бы и производственная, разве это здоровые условия для воспитания?» Естественный результат эволюции коммуны в таких

условиях Макаренко прогнозирует лишь как «завод для несовершеннолетних с общежитием и столовой для рабочих и с кое-какой учебной установкой».

Выступая против привычной для его оппонентов абсолютизации обособленного педагогического средства, Макаренко пытается доказать руководству коммуны, что завод – лишь часть общей работы над коллективом, что «только работа этого коллектива над собой, только школа и книга могут определить наше движение вперед» [236, с. 49].

Как ни парадоксально, но качество и промышленная востребованность продукции коммуны, выступавшие, безусловно, одним из закономерных материальных результатов организованности и трудолюбия коммунарского коллектива, оказались именно тем обстоятельством, которое начало угрожать существованию последнего. Характерный пример: в письме председателя Правления коммуны А. Броневого к заместителю председателя ГПУ УССР Карлсону, написанном 28 ноября 1933 г. можно прочитать: «продолжают поступать заявки, в частности от Укрснаба на 3000 штук электроинструмента и т. д., – каковая потребность при существующем положении – работа в одну смену – не может быть удовлетворена. <...> считал бы целесообразным создание на производстве Коммуны второй смены из вольнонаемного персонала» [577, л. 22].

Нарекания на необходимость работать в одну смену, в связи с чем нельзя увеличить выпуск продукции и удовлетворить спрос, звучат также и в рапорте врио начальника коммуны Тепера на имя Броневого в ноябре 1933 г. Указывается, что в текущем году было удовлетворено лишь около 50 % заказов, а на будущий год, в связи с ростом спроса, этот процент предполагается еще меньший. Даже требование увеличить выпуск электродрелей, прозвучавшее со стороны Мосснабсбыта, которому коммуна делегировала полномочия по реализации своей продукции, была отклонена [577, л. 23]. Еще большую актуальность данному вопросу несколько дней спустя добавил заказ на 3000 штук электродрелей от украинского аналога

Мосснабсбыта – Укрснаба. Как констатировал Тепер, дополнительная потребность этих двух организаций по сравнению с годовым выпуском (11000 штук) уже на тот момент достигла 6–8 тысяч [577, л. 24]. Требование второй производственной смены, очевидно, вскоре все же было удовлетворено, чему является свидетельством, например, служебная записка о состоянии энергопотребления предприятий коммуны, составленная 5 апреля 1935 г. [584, л. 4–5 об.].

В дальнейшем, с преобразованием коммуны имени Дзержинского в комплекс мощных и сложных промышленных предприятий, с наращиванием объемов выпуска продукции для удовлетворения растущего спроса, трансформация ее как воспитательного учреждения только углубляется. Главное содержание деятельности учреждения в это время начинают определять не педагогические, а сугубо производственные факторы, параллельно с чем Правление и органы НКВД все чаще оценивают эффективность деятельности коммуны с точки зрения не столько воспитательных, сколько ее промышленных функций. Все эти явления на тот момент выступили одними из главных неблагоприятных факторов реализации воспитательной системы Макаренко, поскольку подобная трансформация учреждения не могла не сказаться негативным образом на многих ее педагогических задачах, и в том числе – на качестве общепрофессионального развития коммунаров.

Вся кадровая политика администрации коммуны с некоторым, как мы это увидим далее, делегированием на начальном этапе полномочий Макаренко относительно лишь педагогического персонала, тоже находилась в руках Государственного политического управления, в лице его отдела кадров и Правления коммуны. То есть, такой фактор формирования профессиональной микросреды, как подбор работников по определенным критериям, что мы наблюдали в истории Горьковской колонии, оказался почти вне влияния заведующего.

Штаты коммуны комплектовались несколькими путями, но в основном по вольному найму и по рекомендациям отдела кадров или

Административно-хозяйственного управления ГПУ-НКВД. Отдельный способ пополнения рядов работников был связан с судебными приговорами органов НКВД за политические преступления. Подобным образом, кстати, попал в коммуну на должность главного финансиста и друг Макаренко в последние годы его жизни – осужденный по делу о так называемой «Контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве УССР» К. С. Кононенко [378, с. X–XI]. Однако общее количество лиц, отбывавших в коммуне такое сравнительно «мягкое» наказание, было вообще небольшим; на ноябрь 1935 г., например, в ней работали только трое осужденных: главный инженер, художник и слесарь-водопроводчик [585, л. 87]. Что касается заключенных, то нам пока не известны факты работы таковых в коммуне; по крайней мере, на 10 декабря 1935 г. отсутствие данной категории среди 1076 работающих подтверждена документально [585, л. 92].

Неожиданный поворот в кадровом деле произошел в начале марте 1934 г. и, очевидно, значительно расширил еще один канал формирования штата учреждения. Тогда было получено письмо отдела кадров ГПУ УССР: «В трехдневный срок <...> представьте в ОК ГПУ УССР список сотрудников В/предприятия, подлежащих замене как не соответствующих своему назначению, с указанием занимаемой должности, а также список вакантных должностей.

ОК сообщает, что количественный и качественный некомплект будет заполняться сотрудниками аппарата ГПУ УССР, которые будут сокращаться в связи с переездом в Киев, ввиду чего и необходимы требуемые списки» [579, л. 13]. Коммуна, таким образом, выступила достаточно удобным местом трудоустройства уволенных чекистов.

Роль Макаренко в кадровых вопросах, довольно ограниченная и во времена его пребывания во главе коммуны, с весны 1932 г., очевидно, стала совсем незначительной. Нам пока что известны подобные решения, связанные только с временным исполнением им обязанностей начальника коммуны, как, например, в мае 1934 г. – приказами за подписью Макаренко за период с 3 по 28 мая

освобождено 79 человек, принято – 65 [249, с. 237–238]. К фактам подобного рода относится и адресованная Макаренко в это же время письменная просьба секретаря отдела кадров ГПУ УССР – принять на работу в коммуну уборщицу ГПУ, которая подпадала под сокращение в связи с переездом центрального аппарата управления в Киев [580, л. 46].

Красноречивым примером тотального контроля Государственного политического управления в кадровых вопросах коммуны является типичное распоряжение отдела кадров ГПУ по Харьковской области 1934 года: «не позднее 5-го июля с. г. представить в Отдел Кадров <...> списки в 2-х экз. всех без исключения служащих и инженерно-технического персонала коммуны, за исключением рабочих и коммунаров, по состоянию на 1-е июля с. г.». Указанные сведения должны были содержать 9 позиций, в том числе и домашний адрес; в дальнейшем требовалось представлять подобные списки ежемесячно [579, л. 47].

Если в первые годы существования коммуны личные дела на ее работников вообще не заводились [587, л. 35], то в дальнейшем ситуация значительно усложнилась. Особенно жесткими условия вступления в учреждение стали после приказа НКВД СССР № 0091 от 27 февраля 1935 г. о порядке приема, проведения спецпроверки и учета личного состава: рабочих, служащих и админтехперсонала предприятий, входящих в систему административно-хозяйственного управления НКВД. В связи с этим соответствующий приказ издало и административно-хозяйственное управление Украинского НКВД, по которому все претенденты на замещение должностей делились на две категории: те, кандидатуры которых требовали обязательной предварительной санкции АХУ (руководящий состав админтехперсонала, ответственные работники счетного и коммерческого аппарата: заместители директора предприятия, инженеры, механики, главные бухгалтеры, бухгалтеры, коммерческие директора), и все остальные, санкция на прием которых получалась постфактум (обслуживающий состав работников цехов питания,

медицинский персонал, пожарная охрана, постоянные штатные рабочие). Процедура оформления первой категории работников предусматривала предоставления ими большого пакета документов, направлявшегося в АХУ для получения санкции. К заявлению о приеме претендент должен был приложить справку с последнего места работы, автобиографию и три фотографии, две рекомендации членов ВКП(б), послужной список, медицинскую справку, заполнить специальную анкету, предъявить паспорт и учетно-военный билет. Причем, данным приказом категорически запрещалось кого-либо допускать к работе до получения санкции [585, л. 18–20]. Кроме этого АХУ обязывало присылать ему по одному экземпляру всех приказов коммуны по вопросам личного состава [585, л. 58]. Вполне понятно, что при таких условиях значительно осложнялась проблема подбора нужного для коммуны и педагогического, и технического персонала.

Вскоре к кадровым присоединились и ряд производственных неудобств: руководство коммуны вынуждено было обратиться к авторам указанного приказа с такими замечаниями: «При приеме вновь поступающих номенклатурных работников, прием которых производится с предварительной санкцией АХУ – нам совершенно необходимо знать – через какой примерно срок мы будем уведомлены о возможности приема того или иного работника.

<...> Что касается приема работников, оформляемых последующей санкцией АХУ, то нам представляется, что было бы рационально представить Вам их документы на проверку лишь по окончании испытательного срока, т. е. когда уже устанавливается, что данный рабочий по признакам производственного порядка Коммуне подходит безусловно» [585, л. 29].

Однако, несмотря на все меры предосторожности НКВД, в коммуну иногда попадали люди, по своим качествам далеко не соответствующие педагогическим задачам учреждения. Характерный пример недостатков в формировании кадрового состава предоставляет источник, довольно привычный для органов НКВД, – это донос, направленный в 1934 году неизвестным лицом из числа сотрудников

коммуны в ее отдел кадров. Автор письма, подписавшийся как «Преданный», говорит: «за последнее время трудкоммуна пополняется новым инженерно-техническим персоналом. Большая часть этого персонала является уже ранее связанными между собою, как по службе, так и вне ея и вообще, как видно, тенденция, чтобы были свои люди является основной при приеме на работу. Главная приманка, это паек. Преданности, какая должна быть у честного работника, здесь нет, так как прежние работы бросались и даже не жидали заместителей из боязни упустить теплое местечко» [576, л. 27].

Некоторые недостатки в кадровом деле коммуны касались не только надлежащего заполнения вакансий, но и оптимального использования работников. Февралем 1934 года датировано письмо секретаря отдела кадров ГПУ УССР Куровского начальнику планового отдела Аврутину, где можно найти соответствующие свидетельства: «т. Броневой поручил сообщить Вам, что он крайне удивлен, что при таком большом недостатке кадров в коммуне Вами используется не по прямому назначению т. Калнин, быв. инструктор ФЗУ ХЭМЗ'а» [576, л. 6].

Объективности ради следует отметить, что чекистское руководство коммуны все же пыталось обеспечить собственные производства подготовленными и работоспособными специалистами, для чего иногда приходилось даже «отвоевывать» квалифицированные кадры, как это, например, происходило относительно инженера химика-технолога А. Б. Гойхмана, ошибочно направленного по окончании института на другое предприятие [576, л. 2]. Но чаще в борьбе за качество персонала мы наблюдаем эгоистичную и довольно циничную практику, скорее напоминающую типичную для данной организации «отбраковку» человеческого материала. Характерный пример – письмо Броневого Марусинову от 10 июля 1934 г.: «Гроссицкий как инженер-коммунист себя не оправдал и его надо как можно скорее <...> обменять на другого

инженера-коммуниста. Пусть Гроссицкий идет туда, куда он не дошел, т. е. на турбозавод.

<...> Бушанский как руководитель техникума тоже не годится и его надо обменять <...> на другого коммуниста-педагога, который руководил бы техникумом» [576, л. 23]. Свидетельства подобных действий неоднократно встречаются на страницах архивного наследия коммуны.

Несмотря на все усилия, неустроенность кадровой политики администрации постепенно привела к столь вопиющих формам, что вызвала даже вмешательство руководителей ГПУ. В первых числах мая 1934 г. Броневой обращается к руководства коммуны, в том числе и к Макаренко, с письмом-призывом устранить ряд недостатков, указанных на коллегии ГПУ УССР В. А. Балицким. Среди прочего в письме есть такие замечания: «Коммуна из-за большой текучести людей на сегодня превращена в проходной двор, люди, работающие свыше 6–8 месяцев, насчитываются единицами или десятками. Это создает безответственность в работе, мешает освоить дело (а в коммуне очень это нужно), создает в работе ералаш – мешает освоить технику <...>, мешает превратить коммуну в слаженный, точно и четко работающий механизм.

<...> Вообще в коммуне не должно быть ни одного лишнего человека – проводимое сокращение абсолютно недостаточное – еще очень много людей без толку слоняются на территории коммуны, отсюда обезличка, сумятица, грязь, бестолочь <...>» [576, с. 14, 16].

Месяц спустя, в начале апреля 1934 г., Броневой в письме Теперу, Бердичевскому, Аврутину и Гроссицкому, так оценивает настроение среди работников: «по имеющимся у меня точным и проверенным данным, ИТР оптического цеха сидит на чемоданах (Парусов, Иванов <…>, Минаев, Гавро, Золотов, Федоров, Александров)». Причину этого Броневой объясняет рядом ошибок руководства коммуны: освобождение нескольких специалистов за сравнительно короткий срок, не разъяснение причин этого освобождения всем ИТР, нарушение принципа единоначалия в цехе

при увольнении. Здесь же он предлагает, чтобы всякому освобождению специалиста или квалифицированного рабочего предшествовала разъяснительно-воспитательная работа среди всего ИТР, поддерживалось единоначалие, заслушивался каждый подобный вопрос на завкоме и партийном комитете, и напоследок призывает «специалистами не разбрасываться» [579, л. 41].

Однако от чрезмерной текучести кадров, очевидно, коммуна страдала и в дальнейшем. Так, только за период с 25 мая по 10 июня 1935 г. уволилось 39 ее сотрудников. При этом обращает на себя внимание тот факт, что главной причиной увольнения (64 %) было собственное желание, на втором месте (31 %) – принудительное освобождение за прогулы, несоответствие должности, брак и недисциплинированность, отказ от работы, подача о себе ложных сведений [585, л. 64].

Среди прочего была еще одна деталь, которая достаточно невыгодно отличала новое учреждение от предыдущего места апробации Макаренко открытой педагогической технологии: в последние годы его работы коммуна заметно страдала от напряженности отношений в среде взрослого непедагогического персонала. Подобное обстоятельство также не могло не выступать деструктивным фактором воспитательной стратегии Макаренко, поскольку вряд ли оставалась незамеченным для тех, чье воспитание педагог опосредствовал диалогом поколений.

Перед нами два документа, которые достаточно рельефно демонстрируют типичные конфликты среди инженерно-технических работников. Первый – рапорт начальника оптико-сборочного цеха Парусова на имя начальника коммуны от 4 февраля 1934 г.: «ввиду создавшегося не здорового и ненормального взаимоотношения с нач. фото-завода, что ставит в невозможность работы, прошу Вашего распоряжения об увольнении меня, указав моего заместителя, которому я в течение февраля мес. на практике выполнения февральской программы, как и январской с перевыполнением, сдам дела» [579, л. 20]. Второй документ, текст которого мы также

приводим полностью, представляет собой датированный тем же февралем 1934 г. донос инженера Пионтека на имя начальника коммуны: «Доношу, что 7/II, когда я приступил к работе в строительном цеху и встретил там тов. Бепенсона (?), то последний мне заявил: “Имей в виду – если будешь заедаться, то мы тебя съедим”. На следующий день тов. Бепенсон мне сказал следующее: “Тебе не нужно было поступать в Коммуну”. На мой вопрос, почему, он (Бепенсон) и Ушан [высказались] против того, чтобы я здесь работал, – я получил ответ: “Мне трудно будет с тобой здесь работать”. Когда я начал добиваться детализации ответа, то мне ответили: “Ты уже начал крутить с приемкой отопления. Почему ты его не принимаешь?” Я объяснил, что Отдел главного механика от приемки котельной и наружной теплофикации не отказывается, а настаивает только чтобы в акте было указано о неготовности засыпки траншей, в связи с этим неизбежное заливание водой как траншей, так и котельной, ликвидацию чего в случае аварии строительство должно взять на себя». Как выяснилось, Пионтек занимал достаточно активную гражданскую позицию: выступал против ненужной должности секретаря при начальнике строительства, назначения снятого с должности зав. столовой Шапиро на должность поставщика этой же столовой, назначения жены Шапиро – на освобожденную им должность, а также считал неэтичным самопремирование начальника строительства [579, л. 35–35 об.].

Второе существенное обстоятельство, которое не могло не усложнять общий фон работы Макаренко с коммунарским коллективом, было сугубо криминального характера: если колония имени Горького иногда страдала от преступных проявлений своих воспитанников, то в коммуне имени Дзержинского главными ворами выступали некоторые ее штатные работники. Достаточным будет привести данные только за один 1934 год. Так, 17 февраля начальником хозяйственной части коммуны Дидоренко был составлен акт о задержании охранником Шмыгалевим кладовщика строительства, вышеупомянутого Шапиро, который выносил за

пределы коммуны муку, сливочное масло, сахар, конфеты, лук и хлеб общим весом около 7 кг 800 г [579, л. 30–30 об.]. Примерно в это же время один из информаторов ГПУ, по кличке «Чердак», доносил о грубом отношении Шапиро к рабочим, разбазаривании продуктов питания, махинациях с золотом и валютой. На работу в учреждение, сообщал автор доноса, Шапиро был устроен его родственником, начальником строительства коммуны Умановым, покровительство которого и способствовало его противоправной деятельности. Этот самый Уманов, как говорилось в доносе, незаконно списал с подотчетных Шапиро сумм 10 000 руб. [579, л. 28, 29].

Подобные факты оказались, к сожалению, не редкими. В декабре руководству харьковского управления НКВД стало известно, что заместитель главного бухгалтера коммуны Серебрянский, ранее уже судимый за экономические преступления, по договоренности с кладовщиком Гладких совершил исправления в отчетных карточках и ведомостях с целью сокрытия недостатка продуктов: 500 кг сливочного масла, 15 тонн муки, большого количества сахара, мануфактуры и т. д. [587, л. 27]. В некоторых случаях уголовный шлейф тянулся за работниками коммуны еще с предыдущих мест работы: например, в дни обвинения Шапиро выяснилось, что председатель фабзавкома Носик в свою бытность секретарем партийной ячейки Чугуевского мясосовхоза привлекался к ответственности за соучастие в хищении. В эти же дни газета «Высоковольтник» сообщила, что против Носика прокуратура возбудила дело за аналогичное преступление и на Харьковской ГЭС [579, л. 10].

К одному из типичных аспектов негативного социального фона воспитательной работы в коммуне можно отнести и проблему пьянства среди части ее работников. Макаренко описывал то категорическое требование, с которым подходил коллектив к каждому отдельному воспитаннику в вопросах пьянства – безусловное изгнание. И именно поэтому, утверждал он, несмотря на то, что в коммуне есть много ребят 18–19 лет, что большинство из них имеют

карманные деньги, «коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых» [227, с. 47–48]. О злоупотреблении спиртным, к сожалению, говорят нередкие факты. Как сообщал, например, начальнику коммуны особо уполномоченный Харьковского областного управления НКВД Демидов, водители Костенко и Мещеряков во время поездок с палатками и другим оборудованием к месту предстоящего летнего лагеря коммунаров в Святогорске неоднократно употребляли спиртное в большом количестве [587, л. 31]. Об аналогичный случае свидетельствует и докладная записка на имя начальника коммуны Тихонова о том, что 26 ноября 1934 г. имела место пьянка при работе на чердаке литейного цеха, в которой участвовали инструкторы штамповочной и револьверной групп и бригадир ремонтной бригады [578, л. 76–77].

Если Горьковская колония в своем хозяйстве имела весьма ограниченное число взрослых рабочих, то воспитанникам коммуны имени Дзержинского приходилось работать рядом с большим количеством так называемых вольнонаемных слесарей, токарей, фрезеровщиков, оптиков, инженеров, экономистов и других работников, нравственные, общекультурные и профессиональные характеристики которых уже находились вне зоны контроля педагогической части. Одними из первых, как свидетельствуют документы, в такой ситуации пострадали эстетические принципы макаренковской педагогики. Эмоциональное письмо Броневого от 2 ноября 1933 г. начальнику производства коммуны красноречиво говорит само за себя: «Вы должны учесть, что мы не просто завод – а завод-школа, да притом еще ГПУ, – и должны быть образцом дисциплины и порядка, а сейчас наши цеха производят вид базара, а не школы-завода ГПУ.

<...> Надо юыстрее внедрить культуру и чистоту в наши цеха

<...>. Надо выделить ответственного человека за чистоту и культуру на производстве, причем, этого человека отправить на новый Краматорский завод – пусть посмотрит как поставлена культура на заводе, на котором работают десятки тысяч рабочих, а не сотни, как у

нас – и пусть переймет хорошее для нас» [576, л. 1]. Полгода спустя в другом письме Броневой не менее настойчиво продолжает поднятую тему: «Разве это нормально, что в комнате, где сидят коммунисты (Аврутин, Чернобыльская и др.), под диваном горы мусора, за шкафом паутина.

<...> Разве это нормально, что запрещают работать в оптическом цеху без белых халатов, а белые халаты похожи на половую тряпку». Броневой тогда предлагал разработать план обеспечения спецодеждой всего кадрового состава предприятий коммуны, добавив: эта мера так должна быть использована, «чтобы она подняла еще на большую высоту дисциплину и чистоту в коммуне» [576, с. 15, 16].

В этом же письме Броневой дал развернутую характеристику и других негативных явлений в производственной сфере коммуны. Он остановился на нескольких аспектах: «нет одинаково действующего и работающего коллектива, все у Вас равны: и энтузиаст ударник, и честный рабочий, и лодырь-пьяница и рвач.

А надо энтузиастов-ударников, честных рабочих выделить, на них опереться, их знать и при помощи их ударить по лодырям <...>.

Не может быть положения, чтобы разложившийся пролетарий Ковьярин, пьяница Золотов и др. верховодили в оптическом цеху». Далее председатель Правления предлагал прекратить спешку и штурмовщину на одних участках рядом с простоями на других и требовал «драться за ровный ход производственного процесса» на предприятиях коммуны, весь технологический процесс «пронизать надежным планом», поставить надежно учет и отчетность, «прекратить планирование “сверху” (так, как это делает Аврутин)». Кстати, для выполнения поставленных задач Броневой изобрел радикальный метод: «выгнать из “кабинетов” в цеха бухгалтеров, плановиков, экономистов и т. д., чтобы они раньше это наладили в цехах – план, учет и отчетность, а потом уже на основе первичных правильных данных цехов, возвратясь в “кабинеты”, составили бы план вцелом» [576, с. 14–15].

Совокупность приведенных фактов подтверждает предположения о том, что среди критериев оценки педагогических систем неизбежно должна фигурировать такая категория, как устойчивость, то есть способность системы функционировать в деструктивном контексте. Все вышеперечисленные реалии образцового учреждения, с которым Макаренко связал почти восемь лет своей жизни, хотя значительно и осложняли общий фон его педагогических поисков, однако в целом так и не смогли помешать коммуне имени Дзержинского попасть на страницы истории образования как кульминационного этапа развития открытой педагогом-реформатором инновационной воспитательной системы.

Нужно признать, что руководство украинского НКВД неизменно гордилось достижениями коммуны, всячески способствовало ее популяризации и в целом одобряло воспитательные методы, практиковавшиеся Макаренко. Еще в юбилейном сборнике «Второе рождение» председатель Правления А. Броневой заметные промышленные достижения коммуны называл заслугой именно общественных и самодеятельных организаций, органов самоуправления, многочисленных разнообразных кружков, отдельно при этом подчеркивая «совершенно по-новому поставленные методы воспитательной работы», которые «мобилизовали весь коллектив на выполнение производственных и учебных программ» [48, с. 11].

Также характерным примером признания педагогических достижений созданного Макаренко учреждения является вышеупомянутый приказ № 897 Народного комиссариата внутренних дел Украины от 20 ноября 1935 г. «О результатах обследования трудколоний НКВД Харьковской области им. Горького и Андреевской», который, констатируя запущенное состояние Горьковской колонии, подчеркивает: «Для Харьковской области это тем более недопустимо, что в городе есть старая коммуна НКВД, у которой работники колонии могли бы поучиться многому. Между тем, до сих пор нет никакой связи между колониями и коммуной, а педагогические руководители колоний за 4 м-ца не были в коммуне

ни разу». Здесь же предписывалось начальнику коммуны имени Дзержинского Тихонову выделить на работу в Горьковскую колонию одного из педагогов и 5 лучших комсомольцев-коммунаров из числа окончивших обучение [583, л. 25–25 об.].

Обзор периода жизнедеятельности А. С. Макаренко, связанного с коммуной, будет не полным, если не упомянуть о начале его литературного и научно-публицистического творчества, приходящегося именно на это время. В 1930 г. педагог систематизировал и литературно обработал впечатления Н. Э. Фере от экспедиции в донские степи для изучения опыта работы первых крупных механизированных зерносовхозов. Результатом сотрудничества двух соратников по колонии имени Горького, педагога и агрария, стало научно-популярное издание «На велетенському фронті» (На огромном фронте), подписанное только инициалами его авторов [252; 457; 488, s. 14–81]. Таким образом, первой крупной литературной работой всемирно известного педагога-писателя стала книга весьма далекой от воспитательных проблем тематики.

Но уже в 1931 году Государственное медицинское издательство Украины выпустило брошюру «Беспризорность и борьба с ней», авторство которой традиционно вызывало споры среди макаренковедов. Хотя данная работа вышла под именем Г. С. Салько, сотрудники марбургской лаборатории «Makarenko-Referat», а также отечественный ученый Ф. И. Науменко, настаивали на том, что фактически она принадлежит перу А. С. Макаренко. Определенную ясность в это дело внес профессор Харьковского педагогического института имени Г. С. Сковороды А. И. Зильберштейн, свидетельство которого приводит Н. Н. Окса. По его словам, А. С. Макаренко подготовил для журнала «Советская школа», редактором в котором в то время работал Зильберштейн, две статьи: «Причины беспризорности в Украине» и «Формы и методы борьбы с беспризорностью», но народный комиссар просвещения УССР Н. Скрыпник после ознакомления с этими материалами запретил

печатать их. Очевидно, публикация данных статей в другом издательстве и под чужой фамилией стала вынужденным шагом Макаренко. Это предположение А. И. Зильберштейн подтверждал, демонстрируя экземпляр книги с надписью «от автора», подаренный ему лично Макаренко [166, с. 33].

Год спустя в центральном Государственном издательстве художественной литературы при деятельной помощи Горького Макаренко публикует очерк о коммуне имени Дзержинского «Марш тридцатого года» – свою первую попытку придать художественную форму собственному педагогическому опыту [230, с. 7–102; 489, s. XI, 1–164]. Литературным же триумфом заведующего учебной части коммуны имени Дзержинского стала его знаменитая «Педагогическая поэма», изданная в редактируемом М. Горьким альманахе «Год XVII», «Год XVIII»: первая часть в феврале 1934 года, вторая – в начале 1935 года и третья – в конце марта 1936 года [228; 249, с. 201, 281; 250, с. 127; 490; 491; 492].

Переезд А. С. Макаренко в Киев и, соответственно, увольнение из коммуны имени Дзержинского в 1935 году были непосредственно связаны с рядом важных государственных решений. 31 мая 1935 г. было принято постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности [54], вслед за ней, 7 июня того же года, выходит приказ НКВД СССР, подписанный Г. Г. Ягодой, «Об организации работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», по которому в Москве, союзных республиках, краях и областях создавались так называемые Отделы трудовых колоний. Как следствие, довольно известная в чекистских кругах кандидатура Макаренко, без ведома или согласования с ним самим, 1 июля 1935 г. утверждается на должность помощника начальника и начальника отделения воспитательной работы вновь созданного Отдела трудовых колоний (ОТК) НКВД УССР [4, с. 24, 28]. Благодаря этим обстоятельствам Макаренко фактически оказался оторванным от коммуны и географически, и административно,

поскольку на первых порах коммуна не входила в число учреждений, подчиненных ОТК.

В плане интервью, проведенного нами в течение января–февраля 2011 г. с последним, оставшимся в Российской Федерации выпускником коммуны, проживавшим в Нижнем Новгороде, Иваном Демьяновичем Токаревым, стоял отдельный вопрос об изменениях во внутренней жизни коммуны после освобождения А. С. Макаренко. По его воспоминаниям, радикальных изменений не наблюдалось – работали заводы, школа, сохранялся распорядок дня. В то же время, по мнению Токарева, несколько иным стало отношение руководства к юношам и девушкам, выходившим из коммуны: выпуск коммунаров уже не был торжественным, были отменены стипендии студентам вузов и техникумов.

Иван Демьянович также утверждает, что коммунары и педагогический коллектив жалели о Макаренко, при этом он вспоминает о частых визитах бывшего заведующего, который иногда появлялся на общем собрании, вел беседы со старшими воспитанниками (см. Приложение). Контакты Макаренко с его детищем действительно возобновились после полугодового перерыва 10 января 1936 г., когда был подписан приказ НКВД № 17 возлагавший «руководство и ответственность» за учебно-воспитательную работу в трудовых коммунах имени Дзержинского и имени Балицкого на плечи ОТК НКВД УССР [4, с. 75].

3.2. Образовательный потенциал инновационного учреждения

В статье «Педагоги пожимают плечами», говоря об «инновационных» стартовых условиях коммуны имени Дзержинского, Макаренко отметил: «В дни начала коммуны имени Дзержинского было уже много товарищей, знающих цену новой

воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опыта, – поэтому коммуна начинала жить смелее, чем ее предшественники. Но бороться приходилось и тогда, а больше всего пришлось наблюдать недоверия и вот этого самого пожимания плечами» [227, с. 40–41].

Отбор принципов организации будущего учреждения А. С. Макаренко основывался прежде всего на опыте воспитательной работы колонии имени М. Горького, результативность которой давала ему основания для апробации своего метода в несколько иных условиях. Главной составляющей макаренковского проекта было положение о целевой установке коммуны, именно она стала центральным объектом полемики на уже неоднократно упомянутом организованном Правлением обсуждении «Операционного плана» и «Конституции» коммуны в Украинском научно-исследовательском институте педагогики 13–14 марта 1928 г. В «Операционном плане» Макаренко говорит, что ближайшей воспитательной целью учреждения является возвратить беспризорным качества социально совместимого человека, и приводит список из десяти пунктов соответствующих качеств и навыков [564, л. 6–6 об.].

Позже он так опишет это событие: «мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

– Культурного рабочего?.. А как? Самое главное: *как*? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробывать в одном из медвежьих углов, далеком от больших педагогических дорог» [227, с. 41].

Далее Макаренко раскрывает предложенную им модель развития личности воспитанника, системообразующим компонентом которой выступает программа профессионального становления: «Мы хотим воспитать культурного советского рабочего. Итак, мы должны дать ему образование, желательно среднюе, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса,

комсомольцем, большевиком». Макаренко также настаивает на воспитании чувства долга и понятия чести, что, по его мнению, должно выражаться в ощущении собственного и классового достоинства и ощущении своего долга перед классом. Далее педагог перечисляет ряд сугубо коллективистских качеств воспитанника: «Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, строгим, добрым и беспощадным – в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив, и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив» [227, с. 41–42].

В своей статье «Перевернутые страницы» А. С. Макаренко говорит, что вскоре после описанного заседания, 11 мая 1928 г., несмотря на различие мнений, Правление коммуны подтвердило главную свою установку: воспитать классово сознательного и грамотного пролетария со средней производственной квалификацией [333 , с. 17].

Подробное содержание общей установки коммуны по подготовке квалифицированных кадров раскрывает Т. Д. Татаринов в материале «Командиры станков», который был, как и приведенная статья Макаренко, включен в состав сборника «Второе рождение». Он так конкретизирует задачи квалификационной стратегии учреждения: дать стране свою рабочую интеллигенцию, способную стать во главе производства, подготовить специалистов, умеющих следить за развитием технической мысли, способных не только осваивать технику передовых индустриальных стран, но умеющих применить ее в жизни, внеся целый ряд усовершенствований, способных отстаивать производственные интересы пролетариата и умеющих «определить себя в реконструирующемся производстве». Достаточной базой для решения квалификационных задач коммуны Татаринов считает ее

промышленное оборудование, инженерно-технические силы и рабфак. Также он уверен, что 3–4 года обучения коммунаров вполне достаточно для подготовки специалистов средней и высшей квалификации, – токарей, фрезеровщиков, револьверщиков, строгальщиков, сверлильщиков, инструментальщиков и других, – которые пойдут в высшие технические учебных заведений для получения высшего технического образования [404, с. 60].

Ведущая роль в реализации поставленной цели отводилась педагогическому и инструкторскому персоналу учреждения.

Вопросы формирования кадрового потенциала коммуны имени Дзержинского еще не встретило должного научного освещения. Достаточно скудные источники дают лишь фрагментарные сведения о характере этого процесса. На упомянутом заседании секции социального воспитания УНИИП 14 марта 1928 г. И. А. Соколянский предлагал обеспечить коммуну высококвалифицированным персоналом, «который надо вывести за пределы той оплаты, которая существует в наших учреждениях». Он надеялся, что, получая повышенную плату, педагоги «отметят все недостатки, как четкий барометр, и, отмечая, будут немедленно их исправлять». Но профессор все же предусматривал, что такие финансовые условия работы педагогов коммуны могут быть опротестованы «определенными органами» как нарушение советских законов и предлагал заключить коллективный договор «не по Наркомпросу, а по колонии», или вовсе обойтись без договора. Кстати, присутствующий на этом же заседании член Правления коммуны, сотрудник НКВД Я. В. Письменный идею «без договора» поддержал [394, с. 82, 84]. Известная реакция А. С. Макаренко на это выступление Соколянского звучит довольно критично – в письме к жене, написанном на следующий после заседания день, он отмечает: «Соколянский бесстыдно молол чепуху о том, что надо пригласить “высококвалифицированных педагогов”» [448, с. 37].

Чрезвычайно важная роль профессиональной среды, которая, безусловно, выступала одним из самых мощных воспитательных

факторов в коммуне имени Дзержинского и целенаправленное формирование которой можно рассматривать в ряде педагогических задач Макаренко на начальном этапе развития нового учреждения, обусловили необходимость отдельного поиска и обобщения информации о составе, характере образования и профессиональных качествах всех лиц, выполнявших те или иные педагогические обязанности в коммуне на протяжении всей истории ее существования. В результате нам удалось установить более сотни фамилий педагогов коммуны, в число которых входят учителя-воспитатели школы и преподаватели рабфака и техникума, начальники учебно-воспитательной части, инструкторы физкультуры, военруки, руководители кружков, «клубники», заведующие рабфака и техникума, педагоги-стажеры и практиканты, работавшие в коммуне в интервале времени с конца 1927 по 1939 год. Недостаток источников не позволил, к сожалению, установить точные биографические данные всех указанных лиц и создать их полные профессионально-педагогические характеристики, однако собранный материал дает возможность сформировать общее представление о кадровом потенциале учебно-воспитательной сферы коммуны.

Среди этой плеяды людей нас в первую очередь интересуют учителя-воспитатели, поскольку именно их деятельность определяла главные черты воспитательной практики коммуны. Анализ многочисленных документов позволил выделить несколько негативных факторов, существенным образом сказывавшихся на кадровой политике Макаренко как в бытность во главе коммуны, так и в период руководства ее учебно-воспитательной частью.

Как уже говорилось, в отличие от Горьковской колонии, в коммуне имени Дзержинского Макаренко не был настолько свободен в поисках, отборе и зачислении штатных единиц педагогического состава, что не могло не вносить свои коррективы в его общую педагогическую диспозицию. Признаки такой «несвободы» мы находим даже в моменты рождения нового учреждения. Ироническая и недостаточно положительная характеристика Макаренко в письме к

жене одного из членов педагогического совета коммуны первого состава, Л. Ф. Дроботовой – «друг Панченко из Наркомпроса, глава всех женских комитетов и руководитель если не сплетен (для этого она все-таки сравнительно порядочна), то разговоров о живых людях <...>. Она, когда вырастет, будет немного похожа на Дюшен» [448, с. 147] – ясно об этом говорит. При этом следует отметить, что Дроботова продолжала работать в коммуне по меньшей мере до мая 1929 г. [248, с. 152].

Главными осложнениями в кадровой политике Макаренко в это время выступали два объективных обстоятельства: строгий политический контроль НКВД и географическое неудобство расположения коммуны. Органы НКВД, как инициаторы создания учреждения, ее главные организаторы и финансисты, очевидно, значительно ограничивали кадровую инициативу первого заведующего. Благодаря их пристальному вниманию к политической благонадежности, «дискредитирующим» фактам прошлого, социальному происхождению, даже совершенные профессионально-педагогические качества претендентов получали статус второстепенности. Показательна в этом отношении судьба одного из наиболее профессиональных соратников Макаренко по колонии имени Горького – В. А. Весича. 22 ноября 1928 г. Макаренко в письме М. Горькому, характеризуя состояние Горьковской колонии после своего увольнения, уверяет писателя, что она пока держится благодаря «нечеловеческим усилием Весича, может быть помните человека с рано поседевшей головой. Он был при мне заместителем заведующего и остался им и теперь» [336, с. 63]. Учитывая высокий профессиональный уровень Весича [229, с. 31] и исключительно положительное отношение к нему Макаренко, вполне понятно стремление последнего привлечь данного педагога в штат коммуны. Однако тот в коммуне смог поработать лишь очень короткое время. Известно письмо А. С. Макаренко М. М. Букшпану от 29 декабря 1930 г., в котором он пытается защитить Весича от увольнения из коммуны за его бывшую службу в Белой армии. Макаренко

представляет Весича как чрезвычайно квалифицированного педагога. «Умный, умеющий замечательно ладить с ребятами и держать их в руках, много знающий и трудолюбивый» Весич изо всего педагогического коллектива колонии имени Горького, по словам Макаренко, был «самым сильным, дисциплинированным и способным работником», равных которому по ценности «удается получить раз в 5 лет». После увольнения Макаренко из Горьковской колонии Весич оставался последней надеждой на ее здоровое существование. Макаренко также уверял Букшпана, что он пытался с первых дней работы в коммуне перевести туда Весича, но не сделал этого, и не только потому что на нем держалась вся колония, – довольно ревностно к переходу Весича относилась ОИНО. Из этого же письма Макаренко становится понятным, что Весич прошел «специальную подготовку» и в коммуну был направлен официально – отделом кадров ВСНХ [236, с. 44–45]. Но, несмотря на серьезность аргументации Макаренко, 31 декабря Букшпан оставил на письме следующую резолюцию: «Все же бывшие беглые [белые] и петлюровцы в нашей коммуне ни в коем случае работать не могут. Весича немедленно увольте» [248, с. 266–267]. Таким образом, приказом по коммуне уже 4 января с должности воспитателя был уволен сам Весича, а вместе с ним с должности бухгалтера и его жена – также многолетний работник Горьковской колонии [248, с. 277].

Аналогичная ситуация сложилась в 1936 году и вокруг педагога коммуны с высшим образованием и 12-летним стажем Марты Ивановны Коваленко (1904 – ?). О ней в кадровом реестре написано: «Подлежит снятию с работы <...> за скрытие своего соцпроисхождения. Родные ее являются участники банд. В настоящее время находится в отпуску по беременности» [586, л. 27].

Однако справедливости ради надо заметить, что бывшая принадлежность некоторых лиц к другим (кроме ВКП(б) и КП(б)У) революционным партиям, хотя и тщательно фиксировалась соответствующими кадровыми службами НКВД, все же иногда не мешала занимать педагогическую должность в коммуне. Так, бывший

оперуполномоченный ГПУ, преподаватель И. Б. Браун работал в коммуне с сентября (по другим данным – с апреля) 1934 г. до, по крайней мере, апреля 1936 г. [505, л. 39–41; 578, л. 64], получив при этом такую характеристику: имея небольшую лекционную нагрузку, в общественной жизни коммуны принимает недостаточное участие, политически развит слабо, исключен из ВКП(б) за непредоставление документов, подтверждающих правильность приема в партию, выходец из партии анархистов [585, л. 12; 586, л. 3]. Свою политическую лояльность Браун все же пытался доказывать во внешкольной работе: 5 января 1936 г. газета «Дзержинец» хвалила политическую беседу об Англии, которую он провел во время обеденного перерыва: Браун сумел заинтересовать аудиторию, дал богатый фактический материал, преподавал тему так, «что она хорошо усваивается слушателями», чему особенно способствовало использование географической карты. При этом автор газетного материала высказал пожелание, чтобы подобные беседы проводились регулярно [371]. В том же номере «Дзержинца» помещена статья одного из коммунаров «Три причины», в которой автор, жалуясь на оторванность большинства педагогов от жизни коммунаров, называет имена только двух преподавателей, которые бывают по вечерам в коммуне и интересуются жизнью отдельных коммунаров – Е. С. Магуры и И. Б. Брауна [172].

Вторым негативным фактором формирования педагогического коллектива коммуны было ее неудобное расположение на значительном расстоянии от Харькова, на опушке леса, в довольно безлюдной местности. От отсутствия рейсового транспорта, а также твердого дорожного покрытия на большом участке трассы в Харьков страдал как весь коллектив коммуны, так и сам Макаренко, на что он неоднократно жаловался в письмах к жене. Благодаря названным и, возможно, другим причинам, педагогический состав коммуны никогда не был достаточно стабильным, и это невыгодно отличало его от коллектива горьковских педагогов. Известен случай, когда только за период с 10 июня по 1 июля 1935 г. из коммуны по собственному

желанию уволилось 4 педагога [585, л. 62]. Хотя непосредственный повод к такому массовому увольнению, вероятно, связан с окончанием учебного года, но причина его должна быть достаточно серьезной, поскольку благодаря ей педагогический коллектив коммуны сразу сократился не менее чем на 12 процентов.

Несмотря на все сложности, со временем главные вопросы по заполнению педагогических вакансий коммуны были в целом решены. Для укрепления первого состава педагогического совета, как известно, Макаренко еще в конце 1927 г. пригласил несколько воспитателей колонии имени М. Горького. 18 апреля 1928 г. в письме Н. Ф. Остроменцкой педагог приводит их список: Т. Д. Татаринов, его жена Варвара Николаевна, Е. Т. Говорецкая, Р. И. Коган, Крикун [236, с. 35]. Этот перечень несколько противоречит другим данным, помещенным в рукописи статьи Т. Д. Татаринова и Г. С. Макаренко, находящейся в фондах РГАЛИ. Они дополняют список Макаренко В. Н. Терским и Е. Ф. Григорович, но не упоминают Коган и Крикуна [287, с. 230].

Макаренко не упоминает в числе первых педагогов коммуны свою преданную соратницу по колонии имени Горького – Е. Ф. Григорович (1880–1973 гг.), хотя, по его же словам из письма к М. М. Букшпану от 29 декабря 1930 г., она является одной из четырех работников Горьковской колонии, переведенных в новое учреждение с самого его основания [236, с. 44]. Кроме того, в «Типах и прототипах» «Педагогической поэмы» Макаренко так говорит о персонаже Екатерине Григорьевне, образ которой он списывал с Григорович: «переходит в коммуну. Последний этап ее работы должен сопровождаться ощущением небольшой усталости, более грустным взглядом, но тем ярче должно быть подчеркнуто ее радостное, уверенное движение вперед. Она должна ощущаться как хорошая сила в новом коллективе» [231, с. 478]. Эта характеристика литературного героя, очевидно, вытекает из реального положения вещей – в том же письме Букшпану педагог-писатель подтверждает: «Григорович истрепана до последней степени и уже оканчивает свою

педагогическую дорогу» [236, с. 45]. Оценка Макаренко подтверждается и тем фактом, что документы почти не фиксируют проявлений заметной педагогической или общественной активности Григорович в новом учреждении, ее имя упоминается лишь в связи с дежурством по коммуне (27 декабря 1929 г.) [248, с. 184], комиссией по подготовке к празднованию 1 мая (март 1930 г.) [248, с. 193] или участием в заседании педсовета коммуны (21 декабря 1932 г., 15 февраля 1933 г.) и выступлением с анализом успеваемости за первый семестр учеников младшей подготовительной группы (15 февраля 1933 г.) [248, с 359; 249, с. 85]. Последнее пока что найденное нами упоминание о присутствии Григорович среди преподавателей рабфака коммуны датировано 31 августа 1933 г. [507, л. 3–5].

Также среди перечисленных Макаренко в письме Остроменцкой лиц отсутствует воспитатель Свировский, о котором говорится в упомянутых в первом разделе выводах РКИ по обследованию Горьковской колонии, как о бывшем ее работнике, а теперь, то есть в апреле 1928 г., сотруднике коммуны [536, л. 101–102; 22, с. 207].

Некоторую ясность в проблему первоначального состава педагогического совета коммуны вносит фото ее первого заседания, на котором, кроме Макаренко и двух воспитанников, присутствуют супруги Татариновы, Григорович, Говорецкая, Яровой, Коган и Дроботова [608]. Однако надо отметить, что последние три из этого списка Т. Д. Татаринов и Г. С. Макаренко в приведенных воспоминаниях не включают в число переведенных из Горьковской колонии, а относят к другой категории педагогов первого состава – «молодежи, только что закончившей вузы» и начинает свою педагогическую деятельность «вместе с жизнью коммуны» [287, с. 230].

Известно, что несколько позже, чем другие педагоги-горьковцы, аналогичный путь избрал и В. Н. Терский, однако точная дата его перехода в коммуну остается пока не выясненной. В комментариях к восьмитомному собранию педагогических произведений

А. С. Макаренко говорится либо что Терский работал в коммуне «с ее основания» [236, с. 227], либо «все годы ее существования» [229, с. 344], то есть по крайней мере с 1928 года. Макаренко, уже будучи начальником коммуны, после самоубийства «клубника» коммуны Крикуна 26 марта 1928 г. долго не мог найти специалиста на эту должность. Об этом он сообщает в письме, датированном 18 апреля того же года, то есть по крайней мере до этих пор Терский в коммуне не работал [236, с. 35]. По данным же партийной организации коммуны, хранящихся в рассекреченных фондах НКВД Государственного архива Харьковской области, он перешел из колонии имени М. Горького лишь в 1929 г. [585, л. 3]. Если принять на веру эту дату, остается непонятным, почему он так долго тянул с такой важной переменой в своей жизни, в то время, как Макаренко в течение долгих месяцев страдал от кадрового дефицита. Более реальную, на наш взгляд, дату начала работы Терского в коммуне мы нашли в Российском архиве литературы и искусства – 20 июля 1928 г. [505, л. 39–41].

Таким же представителем кадрового резерва Горьковской колонии был и С. А. Калабалин (1903–1972 гг.). Будучи одним из первых «рабфаковцев» колонии имени М. Горького, он закончил в 1925 году рабочий факультет Харьковского сельскохозяйственного института, но не стал продолжать образование в выбранном направлении, а под влиянием примера А. С. Макаренко выбрал педагогическую профессию и вернулся в колонию уже как воспитатель [166, с. 23].

Еще будучи воспитанником колонии имени Горького в 1921–1923 гг. [449, с. 272], Калабалин, как известно, благодаря своей природной одаренности был причастен к зарождению уникальной системы самоуправления этого макаренковского учреждения. Сам Макаренко об этом подробно рассказал в статье «Очерк работы Полтавской колонии им. Горького»: «В конце 1921 года колония не имела ни топлива, ни обуви, чтобы заготовить топливо в лесу. Требовалось огромное напряжение, чтобы справиться с холодом. С

этой целью из числа всех воспитанников <...> было выделено 10 мальчиков, им была передана вся имеющаяся в колонии обувь и было поручено в течение недели заготовить 1000 пудов дров. Старшим из этих мальчиков был назначен Калабалин. Дело у этой группы пошло блестяще. Не помню, каким образом, но в колонии привилось для этой группки название “отряда Калабалина” <...>. Когда отряд Калабалина закончил заготовку дров, захотелось использовать его спайку, дисциплину и обувь для другой работы – для набивки ледника. Так отряд Калабалина и остался уже постоянным явлением на зиму 21 года. К весне мы не расформировали отряд, а наоборот – остальные 20 воспитанников разбили на 2 отряда» [349, с. 83]. Рассчитывая, очевидно, на организаторские качества своего любимого питомца, Макаренко, как мы отмечали выше, делал соответствующую ставку на Калабалина в деле развития Трудового детского корпуса – готовил ему должность руководителя физкультуры в Управлении детскими учреждениями ОИНО, а позже назначил заведующим Комаровского общежития. После инспирированной Сухаревым акции профессиональной дискредитации Калабалина, проведенной под видом финансовой проверки общежития, Калабалин покинул должность заведующего и перешел, очевидно, в Будянскую детскую колонию [549, л. 37, 42].

Можно предположить, что и на другом месте работы Калабалин так же последовательно продолжал отстаивать макаренковские принципы профессионального отношения к воспитанию, быстро находя общий язык с подростками, чем закономерно вызвал неприятие со стороны инертного персонала Будянской колонии. По крайней мере, нами найдены косвенные свидетельства подобных конфликтов. В первых числах апреля 1929 г. специально созданными комиссиями, в которые входили представители Харьковского горсовета, ОКПД, Общества «Помощи детям», ЛКСМУ и ОИНО, были обследованы все интернатные детучреждения Харькова и Харьковского округа (всего 25 единиц); в выводах по обследованию Будянской колонии, в частности, говорится: «Снять с работы

гр. Калабилина (!), как работника, который не соответствует своему назначению, а также который занимается склоками в коллективе, втягивая в эту склоку детей». Кроме того, в общих выводах и предложениях по этому обследованию сказано: «зачастую слабый или вовсе несоответствующий своему назначению педагогический персонал. Ряд фактов, отмеченных комиссиями в этой области, указывают на необходимость снятия с работы некоторых педагогов (Будянская колония: воспитатель Калабалин, склочничество, группирование вокруг себя недовольных ребят, противопоставляя их остальному персоналу» [549, л. 37, 42]. Позже Калабалин все же был снят с работы, что подтвердило и признало правильным Бюро жалоб Окружного отдела КК-РКИ на заседании 21 мая 1929 г. [556, л. 171]. Однако Калабалину удалось все же добиться справедливости: 5 августа 1929 г. ОИНО своим приказом ратифицировало соответствующее постановление Бюро жалоб РКИ и возобновило его в должности воспитателя колонии имени В. Г. Короленко «до перевода его на хозяйственную работу в другую д/колонию» [550, л. 8]. Окончательно и теперь уже по собственному желанию Калабалин уволился из Будянской колонии только 4 сентября 1929 г. [550, л. 12]. В коммуну имени Дзержинского он перешел, очевидно, сразу после этого; по крайней мере, как ее работник он указан в протоколе совета командиров от 30 ноября этого же года [248, с. 180]. Аналогичное подтверждение работы Калабалина в коммуне, датированное 6 декабря мы находим в переписке А. С. Макаренко с Г. С. Салько [449, с. 99, 272].

Дальнейшее «извлечение» работников из колонии имени Горького Макаренко был вынужден прекратить, как сам он вспоминал в приведенном выше письме Букшпану, поскольку Наробразом было возбуждено против него дело в РКИ [236, с. 44].

В дальнейшем главным «поставщиком» педагогических кадров для коммуны была отечественная образовательная сеть, представленная как средними, так и высшими учебными заведениями, культурно-образовательными учреждениями и др. В 1934 году,

например, перешла в коммуну из харьковской школы № 14 украинский филолог М. Г. Вигунская [586, л. 11], в том же году из рабфака кожевников – преподаватель географии неполной средней школы коммуны А. Ф. Спичкина [586, л. 40], в 1935 году из 46-й средней школы Харькова – педолог семилетки коммуны Н. И. Слепцова [586, л. 41], в октябре 1935 г. из школы села Терновое Чугуевского района – групповод III класса П. Г. Безсалова [505, л. 39–41; 586, л. 8], в декабре 1935 г. из харьковской школы № 100 – учитель III-х классов М. М. Горохова [505, л. 39–41; 586, л. 14] и т. д.

Надо отметить, что география поиска коммуной претендентов на педагогические должности была достаточно широкой и выходила за пределы Харькова и харьковского региона. Например, Т. В. Дергачева, преподаватель семилетки, до того, как в начале 1936 г. попала в коммуну, работала в школе города Сумы [586, л. 19], а преподаватель природоведения с 10 октября 1935 г. Л. П. Стрельбицкая раньше преподавала в Козятинской средней школе Винницкой области [505, л. 39–41; 586 л. 42]. По крайней мере двое из педагогов представляли и Полтавщину – групповод младших классов Е. З. Юрченко, прибывшая из Крюковской железнодорожной школы [482, с. 243–251; 586, л. 50] и бывший преподаватель Гадячского педтехникума Н. Ю. Белецкая, которая с 1933 г. работала в коммуне учителем русского и немецкого языков [505, л. 39–41; 586, л. 4].

Учитывая характер предыдущей педагогической деятельности педагогов, можно предположить, что перспектива преподавания в коммуне имени Дзержинского имела свои несомненные преимущества. Часто ради этого претенденты даже оставляли и кафедры вузов, и руководящие должности. Так, Г. Е. Березняк, имея опыт преподавательской работы в Харьковском гидрометеорологическом институте, с 1932 г. работал учителем на коммунарском рабфаке [505, л. 39–41; 586, л. 6, 7]. Харьковский электротехнический институт оставил ради коммуны М. С. Омельченко – преподаватель истории и географии [586, л. 35];

преподаватель физики И. В. Рубан ранее работал в Харьковском геодезическом институте [505, л. 39–41; 585, л. 4, 586, л. 38]. Что касается работы в коммуне заведующего рабфака и его учебной части, преподавателя украинского языка и литературы Е. С. Магуры, то ее вообще можно считать в некотором смысле перерывом (но достаточно длительным) в преподавательской деятельности на кафедрах харьковских вузов – прибыл он 3 сентября 1932 г. из Харьковского электротехнического института (по другим данным – из Харьковского института организации территории), а после закрытия коммуны много лет работал на филологическом факультете Харьковского государственного педагогического института имени Г. С. Сковороды [88, с. 185–186; 505, л. 39–41; 586, л. 33].

Наряду с институтами, в перечне мест предыдущей педагогической работы учителей коммуны неоднократно встречаются и техникумы. Почти одновременно с Белецкой, о работе которой в Гадячском педтехникуме мы упоминали выше, в начале сентября 1933 г. был принят на должность преподавателя истории А. Г. Белоус, предыдущим местом работы которого был Харьковской техникум молочно-масляной промышленности [505, л. 39–41; 586, л. 5]. В 1935 г. перешла из Харьковского медтехникума имени Крупской преподаватель естествознания О. Н. Губер [505, л. 39–41; 586, л. 15]. Уволилась с работы в Наркомпросе и перешла в 1935 г. в коммуну на должность учителя Е. Г. Черепахивна [586, л. 48], а директор учебного комбината И. И. Борок до коммуны возглавлял Борисоглебский автодорожный учебный комбинат [505, л. 39–41].

Кроме стажа работы в учебных заведениях, иногда педагоги коммуны имели за плечами опыт деятельности в культурно-образовательных и спортивных учреждениях. В уманском Доме Красной Армии работала до коммуны Н. И. Ракивненко, которая с 1935 г. занимала должность групповода II класса семилетки коммуны [586, л. 39]. С харьковского стадиона «Динамо» прибыл в коммуну в 1934 г. инструктор физкультуры В. П. Фортунатов [586, л. 46].

Одним из путей формирования кадрового состава коммуны были прямые командировки НКВД УССР. Подобным образом, например, был переведен в коммуну с Керченского металлургического завода инструктор военного дела Г. И. Добродицкий [586, л. 20]. Тоже, видимо, из другой коммуны НКВД пришел и упомянутый выше И. Б. Браун [585, л. 12; 586, л. 3]. Что же касается политико-воспитательного персонала учреждения, то его назначение, скорее всего, полностью контролировали партийные органы. Именно по командировке партийного комитета уволилась с одной из областных организаций, название которой, к сожалению, установить не удалось, и перешла в коммуну в 1933 году М. В. Тютькало [586, л. 43].

Следует отметить, что поддерживать уровень своей профессиональной квалификации многие из преподавателей рабфака имели возможность благодаря сотрудничеству с харьковскими вузами. Главными «совместителями» коммуны были Г. Е. Березняк (Харьковский гидрометеорологический институт и университет) [586, л. 6, 7], А. Г. Белоус (Харьковский электротехнический институт и университет) [586, л. 5], О. Н. Губер (Харьковский медтехникум) [505, л. 39–41], преподаватель математики Е. Г. Пантелеимонова (Украинский библиотечный институт) [586, л. 37], преподаватель русского языка и литературы С. П. Пушников (рабфак Харьковского электротехнического института) [586, л. 36], преподаватель химии и физики М. М. Шварц (Харьковский авиационный институт) [586, л. 49]. Однако совместительство несколько ограничивало активность преподавателей в учебной и особенно внешкольной работе, на что справедливо жаловалось руководство учебно-воспитательной части коммуны [586, л. 15]. Этот факт также был зафиксирован и в выводах бюро Дзержинского райкома Харькова «О состоянии воспитательной работы среди коммунарского коллектива коммуны НКВД УССР имени Ф. Э. Дзержинского» от 13 марта 1935 г. Из 30 педагогов – говорилось в документе – лишь 14 работают без совместительства,

остальные 16 человек «одновременно состоят педагогами в других вузах и техникумах» [4, с. 56].

Проанализировать возрастной и гендерный состав преподавателей школьного комбината коммуны за ограниченностью источников мы тоже смогли лишь на основе данных за апрель 1936 года. Соотношение мужчин и женщин в педагогическом коллективе, состоящем, как мы указывали выше, из 34 человек, на тот момент было почти паритетным и составило 16 к 18, то есть 47,06 % и 52,94 %. Средний же возраст педагогов был равен примерно 37 годам 10 месяцам. При этом мы наблюдаем достаточно широкий возрастной диапазон – от 20 (Т. В. Дергачева) до 58 (Е. З. Юрченко) лет. К старшему поколению, кроме Юрченко, относятся такие опытные педагоги коммуны, как Н. Ю. Белецкая, Е. С. Магура и С. П. Пушников (1883 г. р.), Е. Г. Пантелеймонова (1986 г. р.), О. Н. Губер и М. М. Шварц (1887 г. р.). Молодое поколение педагогического коллектива представлено многочисленной группой 1905–1908 годов рождения: А. Г. Белоус, И. И. Борок, М. Г. Вигунская, Г. И. Добродицкий, К. В. Иванов, И. В. Мартыненко, М. С. Омельченко, Н. И. Слепцова, Л. П. Стрельбицкая и В. П. Фортунатов [586, л. 3–11, 13, 14, 16, 19, 20, 25–27, 31–33, 35–46, 48–50].

Образовательный уровень педагогов коммуны имени Дзержинского, как свидетельствуют документы, тоже был довольно неоднороден. Но этот недостаток был характерен не только для ее учебного комбината. Неоднородная и недостаточно высокая образованность учителей средних учебных заведений в конце 20-х – начале 30-х годов была типичной даже для столичного Харькова. Анализ списков педагогических работников, по состоянию на 1930/1931 учебный год, харьковских трудовых школ №№ 1, 3, 28, 30, 31, 33 обнаружил: лиц с незаконченным средним образованием – 4,4 %, со средним образованием – 32,35 %, незаконченным высшим образованием – 12,5 %, высшим образованием – 50,36 % [551, л. 3, 4, 8, 9, 78, 89, 93–95, 98]. С целью расчета унифицированного показателя

образованности педагогов мы каждому уровню образования присвоили условный индекс: неоконченное среднее образование – 0,5, среднее – 1, неоконченное высшее – 1,5, высшее – 2. Таким образом, средний показатель формального уровня образования учителей харьковских трудовых школ в исследуемый период составлял 1,55. Что же касается педагогического коллектива коммуны имени Дзержинского, то, к сожалению, объективные данные об уровне формального образования его членов датированы только 1935–1936 годами. Так, на июнь 1935 г., то есть в последний месяц работы А. С. Макаренко в коммуне, среди 23 представителей ее педагогического состава, анкетные данные которых сохранились в архиве, среднее образование имели 7 (30,44 %); незаконченное высшее – 3 (13,04 %); высшее – 13 (56,52 %). Согласно приведенной выше схемы расчетов, примерный средний коэффициент формального уровня образования педагогов коммуны в момент увольнения Макаренко составлял 1,63. Охватить же весь педагогический состав коммуны подобными вычислениями мы можем только на основе данных по состоянию на апрель 1936 г. На то время в коммуне работало 34 преподавателя; из них со средним образованием – 10 (29,41 %); с незаконченным высшим образованием – 3 (8,82 %); с высшим образованием – 21 (61,77 %) [505, л. 39-41; 585, л. 2–13; 586, л. 3–11, 13–16, 19, 20, 24–27, 31–33, 35–46, 48–50]. Средний коэффициент формального уровня образования педагогов на это время оказался даже несколько больше, чем предыдущий, и достигал 1,66.

Не менее важным профессиональным показателем педагогического коллектива коммуны выступает величина стажа практической педагогической деятельности. К сожалению, в анкетах за апрель 1936 г. данные о педагогическом стаже точно указаны лишь для 11 педагогов, но можно примерно оценить продолжительность работы в школе коммуны Т. В. Дергачевой – 1 год. Также длину педагогического пути Е. З. Юрченко мы можем оценить по ее воспоминаниям, а продолжительность педагогической деятельности

В. Н. Терского раскрыта в биографических исследованиях о нем. Таким образом, средний стаж 14 преподавателей из числа педагогического коллектива учебного комбината коммуны имени Дзержинского в указанный период достигал 12 лет 3 месяцев. Самый большой профессиональный стаж имела старшая группа педагогов – Е. З. Юрченко (36 лет), Е. С. Магура (26 лет), О. Н. Губер (22 года), Г. Е. Березняк и В. Н. Терский (по 18 лет). Также в анкетах речь идет о большом профессиональном опыте Н. Ю. Белецкой и С. П. Пушникова. Сравнительно небольшой педагогический стаж имели: М. И. Коваленко (12 лет), Т. Д. Татаринов (11 лет), В. П. Фортунатов (10 лет), К. В. Иванов (6 лет), И. В. Мартыненко (5 лет) и И. И. Борок (4 года), а такие преподаватели, как Т. В. Дергачева, Г. Е. Иванов и В. И. Магура, только начали свою педагогическую карьеру. Причем последняя из перечисленных – В. И. Магура – несмотря на зрелый возраст, лишь в конце 1935 года начала преподавать в средней школе коммуны, до тех пор находясь на содержании мужа [293, с. 6–7; 482, с. 243–251; 586, л. 4, 6, 10, 16, 19, 25–27, 31–33, 36, 45, 46].

Приведенный анализ показывает, что А. С. Макаренко, несмотря на все неблагоприятные субъективные и объективные факторы, в своей кадровой стратегии все же добивался реализации собственных принципов формирования педагогического коллектива, о которых он говорил 16 октября 1938 г., выступая перед педагогами в Ленинградском областном Доме учителя [232, с. 234].

Для изучения характера педагогической профессиональной среды коммуны имени Дзержинского, выступавшей одним из наиболее значимых условий воспитания коммунаров как потенциальных профессиональных деятелей, мы осуществили широкий и целенаправленный поиск каких-либо сведений о жизненном пути, индивидуальных особенностях, неповторимом стиле деятельности членов ее педагогического корпуса. Источниками для исследования профессиональных характеристик педагогов коммуны

выступили архивные документы, мемуары и макаренковедческие исследования.

Ярчайшими фигурами среди плеяды педагогов коммуны являются, бесспорно, такие признанные мастера, как Т. Д. Татаринов, В. Н. Терский, С. А. Калабалин, Е. С. Магура и С. П. Пушников.

Один из самых преданных соратников Макаренко, первый, по его словам, из числа педагогов Горьковской колонии, кто был включен в штат коммуны [333, с. 15] – Т. Д. Татаринов – фактически уже с 1 декабря 1927 года работал в должности заместителя начальника ее педагогической части [505, л. 39–41]. В течение насыщенной событиями истории коммуны имени Дзержинского он поменял несколько ключевых педагогических должностей, точная хронология которых, к сожалению, не всегда известна. Отрывочные сведения дают возможность проследить лишь некоторые показатели его деятельности на той или иной должности. Так, на 23 апреля 1930 г. он заведует школой – в этот день приказом по коммуне ему предлагалось применить все меры, чтобы ни один урок не был пропущен группой, а в случае болезни педагогов замещать уроки другими лицами [248, с. 209]. С 1932 г. Татаринов работает заведующим учебно-производственной части [248, с. 21], занимая эту должность по крайней мере до 5 сентября 1933 г. – в этот день он подготовил «Положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве» [236, с. 251–253; 261]. В это же время документы фиксируют активное участие Татаринова в работе органов самоуправления: 28 января 1933 г., например, он выступал на заседании совета командиров коммуны по вопросу о «прорыве на производстве» [249, с. 83], а 13 марта того же года – с докладом «О реорганизации командования производственными бригадами» [249, с. 95]. Есть сведения, что во времена строительства заводов коммуны в дополнение к высшему педагогическому образованию Татаринов получил еще и образование инженерное [236, с. 230]. Именно это дало ему право и возможность управлять таким сложным подразделением

образовательной сферы коммуны, как производственное обучение [225, с. 238].

С организацией техникума он становится его заведующим. В этом статусе 10 ноября 1934 г. на заседании педагогического совета коммуны Татаринов делал доклад о состоянии успеваемости студентов за октябрь [249, с. 316]. Эту должность Тимофей Денисович сохраняет за собой по крайней мере до 3 июня 1935 г. [585, л. 50], но уже на сентябрь он указан как заместитель начальника педагогической части коммуны [587, л. 34] и находился в этом статусе еще в апреле 1936 г. [586, л. 45].

Наряду с руководящей деятельностью Т. Д. Татаринов не оставляет и свои учебные обязанности; преподавая химию на рабфаке коммуны, одновременно ведет и кураторскую работу: на 8 сентября 1933 г. он прикреплен к курсу III В [507, л. 6–8], а на 16 октября 1934 г. ответственный за II курс оптико-механического отделения техникума [249, с. 294].

После преобразования коммуны в промышленное предприятие в 1939 году Татаринов остался в штате завода, стал председателем завкома и принял участие в эвакуации завода в Бердск в 1941 году. В послевоенное время он получил звание Заслуженного учителя школы РСФСР, работал инспектором Министерства трудовых резервов, директором профессионально-технического училища, инженером на промышленном предприятии и т. д. [225, с. 238; 236, с. 230].

Надо отметить, что первые месяцы работы в коммуне, очевидно, вызвали у Татаринова разочарование, чему особенно способствовали необычные условия труда. Об этом Макаренко говорит 15 марта 1928 г. в письме к жене: «Тимошка ходит сам не свой и рвется в колонию Горького» [448, с. 37]. Однако новые обязанности и необходимость срочно налаживать воспитательную работу среди коммунаров способствовали его быстрой адаптации. О чрезвычайной загруженности Татаринова речь идет уже в программе «Вроде методического плана клубной работы», датированной январем 1928 г.; в ней Макаренко пишет: «С Т. Д. я поговорю, насколько он имеет

возможность активно вести клубную работу» [229, с. 65]. И уже 24 января на заседании педагогического совета, где обсуждался представленный Крикуном и Прокопенко план клубной работы, Татаринов назначается руководителем настольных игр. На этом же заседании он был избран, вместе с Колесса, в комиссию по составлению учебно-производственного плана коммуны [248, с. 34]. При всей своей занятости в руководстве учебной частью Татаринов активно участвует и в деятельности органов самоуправления: известно, что он работал в составе редколлегии и штаба соцсоревнования коммуны [248, с. 278].

Выступая 16 октября 1938 перед учителями школ Ленинграда и Ленинградской области, Макаренко характеризует деятельность Т. Д. Татаринова как незаурядный пример педагогического мастерства: «Это было нежнейшее существо, иначе он ни к кому не обращался, как “хлопятки”, “девчатки”. Это была полная мне противоположность. Хороший учитель <...>, человек замечательной работоспособности, исключительной ловкости, многое умеющий изготовить, над многим умеющий подумать». Далее Макаренко говорит, что Татаринов научился у него целому ряду педагогических приемов, стал настоящим мастером [232, с. 243]. Аналогичную оценку Тимофей Денисович получил и в другом выступлении Макаренко – 8 февраля 1939 г. учителям Фрунзенского района Москвы педагог описал его как очень способного и трудолюбивого человека, замечательного учителя, который очень хотел стать и стал «настоящим мастером-воспитателем» [232, с. 294]. Кроме этого, упоминание о педагогическом мастерстве Татаринова мы находим в выступлении Макаренко на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детских домов НКП РСФСР 20 октября 1938 г. [236, с. 185]. Однако Татаринова, очевидно, все же Макаренко ценил больше как учителя, чем как воспитателя. Позже, 29 декабря 1930 г., в письме М. М. Букшпану он прямо говорит, что Татаринов «сильный в своей области – школьной» [236, с. 45]. Общая образованность, осведомленность Татаринова в сложных вопросах науки

подтверждается его выступлениями перед коммунарами с серьезными научными докладами, как это случилось, например, 15 октября 1932 г., когда Татаринов на общем собрании комсомольского коллектива коммуны рассказывал о значении шестого Менделеевского съезда [306, с. 56].

Для подтверждения, возможно, субъективных моментов в оценке Макаренко профессиональных качеств своего давнего коллеги приведем строки из служебной характеристики Татаринова, которые составлялись по требованию кадровых органов НКВД: «лучший педагогический работник в коммуне. Добросовестный. Знающий. Умеющий обращаться с коммунарами. Старый работник с беспризорными. Пользуется авторитетом среди коммунаров и среди преподавателей. Пинимает участие в общественной работе. Никогда не считается со временем. Предан коммуне. Неоднократно был премирован денежными премиями и благодарностями. Награжден грамотой Харьковским Облисполкомом за ликвидацию беспризорности» [586, л. 45].

Среди плеяды педагогов коммуны также особое место принадлежит одному из самых последовательных и преданных соратников А. С. Макаренко, носителю высшего профессионального мастерства – Виктору Николаевичу Терскому, который был не только участником событий, связанных с организацией воспитательной работы учреждения, но и многими признается полноправным соавтором педагогической системы коммуны. Как подчеркивают С. С. Невская, А. Н. Русаков и И. В. Филин, Терский – единственный из соратников А. С. Макаренко, который всю свою жизнь осуществлял на практике идеи своего руководителя [293, с. 3, 19]. Кроме того, в отличие от большинства сотрудников Макаренко, описание жизненного пути Терского не страдает от дефицита источников достоверной информации.

13-летняя работа в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского была периодом расцвета таланта и максимальной профессиональной самореализации В. Н. Терского, временем, когда он мог работать с

полной самоотдачей. Именно в коммуне он вырос как педагог, получил общественное признание и профессиональное удовлетворение.

После увольнения А. С. Макаренко Виктор Николаевич еще некоторое время работал в коммуне, часто публиковался в «Дзержинце». Напечатанная в январском 1936 года номере газеты его статья «Идем к школе живописи», например, описывает достижения художественного кружка коммуны, поименно характеризует его членов [417]. Зимой и весной того же года он принимал активное участие в подготовке коммуны к Олимпиаде художественной самодеятельности трудовых колоний и коммун НКВД Украины. Известны два его выступления в «Дзержинце» – 11 февраля в статье «Улучшить работу наших кружков» он вскрывает главные недостатки в области своей ответственности: «слабость настоящей самодеятельности» коммунаров и отсутствие необходимых помещений [4, с. 90–91]. В материале «Чего ждете?», вышедшем 23 февраля, Терский критикует недостаточную активность таких творческих коллективов коммуны, как оркестр, хор и джаз-кружок, «которые в наших условиях могут и должны быть ведущими формами массовой работы», но до сих пор своих планов еще не дали [4, с. 90].

В 1939 году по приглашению органов наркомпроса Терский оставил коммуну и занял должность завуча в Барыбинском детском доме № 3 под Москвой. С началом войны по приказу Малинского райвоенкомата, он эвакуировал детский дом за Урал в Челябинскую, а затем Курганскую области, где, продолжая работать завучем, пытался способствовать профессиональному образованию своих воспитанников – устраивал их в Алапаевское геологоразведочное училище и в другие учреждения. В 1946 году Терский вернулся в Подмосковье и работал в течение года в Центральном доме детей железнодорожников, помогая работе лаборатории по изучению наследия А. С. Макаренко. Не имея возможности получить жилье в Москве, он с 1947 г. занимал должность завуча в Шустинском детдоме, а перейдя в марте 1948 г. в систему детских колоний МВД,

переехал в Калининградскую область. Вскоре Терский поселяется в поселке Знаменск и весь дальнейший отрезок жизни работает учителем, не меняя места работы.

В эти годы, кроме преподавания рисования, черчения, труда и пения, он разворачивает интересную внеклассную работу, опыт которой представлялся как лучший всем детским домам Калининградской области, сотрудничает с областным институтом усовершенствования учителей [293, с. 7–9]. С 1950 г. Виктор Николаевич совместно с исследовательницей О. С. Кель начинает проводить экспериментальную работу по линии Академии педагогических наук РСФСР. Исследовательская работа по проверке в новых условиях моделей клубных занятий организуется на базе академических лабораторий в школе-интернате № 12 и школе № 315 г. Москвы. В 1960-е годы его неоднократно приглашают в Москву для чтения лекций в школах академических институтов АПН и проведения Всесоюзного семинара-практикума по внеклассной работе. В это время появляются его последователи и единомышленники.

В течение 1940–1960-х годов Терским было опубликовано более 50 статей с воспоминаниями о А. С. Макаренко, работе в колонии имени М. Горького и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, обобщением накопленного профессионального опыта [407; 408; 409; 413; 415; 416; 420; 421; 422; 423]. Но наиболее заметными среди педагогов и широкой общественности оказались его книги. В 1959 и 1961 годах в СССР и в 1962 году в ГДР были изданы «Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко» [418], в эти же годы вышли в свет написанные совместно с О. С. Кель книги – «Игра “Конкурс смекалки” в школе» и «Игра. Творчество. Жизнь» [167; 414]. Статьи В. Н. Терского продолжали выходить и после смерти автора [419], а О. С. Кель, упорядочив конспекты лекций, которые он прочитал в Центральном институте повышения квалификации учителей, создала книгу «Вожатый, ты – педагог!», выдержавшую три издания [410; 411; 412]. В 1959 году Терский был удостоен звания

заслуженного учителя школы РСФСР, а позже награжден орденом [293, с. 9–11].

В «Марше 30 года», как известно, Макаренко посвятил Терскому целую главу «Культработа», воплотив главные его характерные черты в персонаже Перском [230, с. 76–80]. Кроме того, Терский послужил прототипом еще нескольких персонажей произведений Макаренко: Маленького в «Флагах на башнях» [234, с. 7–312], Перского в «Педагогической поэме» [228; 231] и Кубанова в «Типах и прототипах» к ней. Последний получил такую характеристику: «Таков, каков он есть. Человек прямого искреннего действия. Не лезьте к ребенку с вашей педагогикой, он сам лучше знает, что ему нужно. Он чудак, и его еще нужно воспитывать, несмотря на все его таланты» [228, с. 706]. В московский период жизни А. С. Макаренко эпизодически переписывался с Терским – пытался, например, решить дело с его трудоустройством в одном из московских издательств [236, с. 93].

Интересную характеристику В. Н. Терскому дали бывшие воспитанники коммуны. И. И. Яценко: «О Викторе Николаевиче Терском следует говорить не только как о человеке просто талантливом, а как о человеке гениальном в своей области деятельности. В своей деятельности он был таким же гениальным, какими гениальными бывают поэты, художники, музыканты, ученые.

Совершенно необходимо принять во внимание его широту и глубину знаний в самых разных областях науки, литературы, истории, искусства. К этому следует добавить его исключительную способность (умение) практического применения этих знаний и своего опыта в повседневной деятельности. Наконец, он был человеком исключительно находчивым и остроумным.

Очень интересно то, что он все делал спокойно, без какой-либо суеты <...>» [293, с. 4]. Воспитанник Иван Ветров патетически называет Терского «вторым Макаренко», а Н. Колодезникова – педагогом-уникумом, которых она больше не встречала в своей жизни [293, с. 5].

Воспоминания коммунаров представляют Терского как блестящего преподавателя черчения и рисования; по их словам, он имел дар всем доступно объяснить свой предмет, даже если дело касалось трудных вопросов. Делал он это спокойно, не спеша, внимательно и приветливо, глядя прямо в лицо. Бывший воспитанник коммуны И. Яценко говорит, что Терский как бы определял по лицу собеседника, каким способом или приемом будет объяснять, какие надо найти слова, чтобы ученик легче и быстрее все понял. Это стремление понять логику собеседника, а не придерживаться своей собственной, влекло к нему как учителю. В то же время, это позволяло Терскому определить причину непонимания учеником того или иного вопроса и быстро сориентироваться, найти нужные слова. Завершал свое объяснение он обычно словами: «Видишь, как это просто». Терский был мастером индивидуализации объяснения, адаптации его для уровня понимания конкретного ученика. Иногда он подсказывал полунамеком, или так, чтобы никто, кроме данного ученика, не слышал. Свидетели приводят такой его метод помощи отстающим: на уроках рисования двумя-тремя штрихами он поправлял неудачный рисунок, меняя его до неузнаваемости, потом легко резинкой снимал свои штрихи и говорил: «Теперь сам заканчивай», иногда, стыдливо улыбаясь, произносил: «да у тебя получилось еще лучше...» [293, с. 15].

Непревзойденными, как свидетельствуют воспитанники коммуны, были и актерские способности Терского. И. Яценко вспоминал: «его познания актерского мастерства позволяли ему передать внутренний мир персонажа. Ведущие актеры ХГТРД, шефствовавшие над коммуной и руководившие работой самодеятельной студии, были в восторге!» [293, с. 17].

В. Н. Терский, как известно, кроме учебной нагрузки, координировал всю внеклассную кружковую работу коммуны, вместе с тремя коммунарами входил в ее клубный совет [248, с. 278]. В записке «Вроде методического плана клубной работы» Макаренко в полемической манере дает такую характеристику Терскому: «Вы

знаете, довольно противно слушать, что Терский спец по клубной работе, Терский знает, как и что, и Терский умеет.

Терский именно всю свою жизнь берется за то, чего он не умеет, и его “недостаток”, что у него не идет дело, уж когда-то им сделанное» [229, с. 66]. Во многих воспоминаниях особо подчеркивается исключительная изобретательность Терского; так, И. Яценко пишет: «Виктор Николаевич был неутомимым затейником, придумывая разные занятия для коммунаров и воспитанников любого возраста. Стензадачник. Надо было очень много знать и иметь необузданную фантазию, чтобы сыпать такое обилие задач, загадок, ребусов... Очень сожалею, что я их не записывал, а они не были элементарными – напротив, очень даже сложные!» [293, с. 18]. Следует подчеркнуть, что задачи Терского, имея развлекательную форму, главной целью имели развитие технического и логического мышления коммунаров.

В сентябре 1930 г. в педагогический совет была представлена подготовленная Терским и Макаренко докладная записка «О направлении и формах клубной работы (на 1930–1931 гг.)», которая является чрезвычайно ценным документом для характеристики внеклассной работы коммуны [236, с. 153–159].

Считается, что Терский был одним из авторов «Положения о средствах передвижения по диаграмме межотрядного соревнования». Оно раскрывало условия изобретенной педагогами коммуны специальной дисциплинирующей игры, представлявшую собой мощную систему стимулирования поведения и труда коммунаров [248, с. 172–173]. 29 декабря 1930 г. в письме М. М. Букшпану Макаренко дает такую характеристику Терскому «Терский увлекается только клубом и только в клубе может дать эффект» [236, с. 45], что казалось бы дает основания говорить о сомнительности способности Терского для полноценной школьной работы. Однако, учитывая контекст данного письма, в котором Макаренко защищает перед руководством не принятого в коммуну педагога В. А. Весича,

умаление дидактических способностей Терского в определенной степени можно рассматривать как обычный полемический прием.

В школе и на рабфаке коммуны Терский преподавал графическую грамоту, рисование, черчение, труд и пение. Кроме того, как и другие, выполнял кураторскую работу – по сведениям на 31 августа 1933 г., например, был прикреплен к 5 подготовительной группе учебного комбината коммуны [507, л. 3–5], а на 16 октября 1934 г. указан как ответственный за II курс электромеханического отделения техникума [249, с. 294].

Очень напряженная и высокопрофессиональная деятельность Терского не осталась незамеченной руководством коммуны – к апрелю 1936 г. он трижды премировался и получил такую характеристику: «преподает рисование и черчение в неполной средней школе. Одновременно с этим является руководителем кружков при клубе коммуны. К работе в школе относится добросовестно. Умеет заинтересовать детей. Особенно ценным тов. Терский является во внешкольной работе. Он – организатор целого ряда кружков, выставок, походов, игр, развлечений, ребусов, стензадач, стенных газет и пр. Работа его в художественном и драматическом кружке дает очень большие результаты. Ребята охотно работают под его руководством. В общественной жизни коммуны активен, проявляет большую инициативу и исполнителен» [586, л. 44]. Последние слова этой характеристики несколько расходятся с оценкой партийного комитета коммуны, который в справке «Список бывших членов ВКП(б), работающих в ТК НКВД имени Дзержинского» отметил: дело свое знает, но политически слабо развит, аполитичный [585, л. 3].

О еще одном из самых ярких и опытных педагогов коммуны – Евгении Селиверстовиче Магуре – известно гораздо меньше. Имея высшее образование и большой педагогический опыт, он получил следующую характеристику от руководства коммуны: «один из лучших специалистов по украинскому языку и литературе. Делу коммунарского [коммунарскому] отдается со страстью. Пользуется

авторитетом среди коммунаров и преподавателей. Большой общественник. Неоднократно был премирован. Имеет благодарность» [586, л. 33].

Выполняя до начала 1933 года обязанности заведующего учебной части рабфака, Магура фактически отвечал за всю работу этого учебного заведения. Так, например, 21 декабря 1932 г. на заседании педагогического совета коммуны он выступил с основным докладом о работе рабфака в первом триместре [248, с. 359]. Вполне логично, что, когда совет командиров 16 января 1933 г. поставил на обсуждение вопрос о введении должности по совместительству заведующего рабфака, было принято предложить эту должность именно Магуре [249, с. 78]. Официально же Евгений Селиверстович вступил в обязанности в феврале [250, с. 62] и с этого времени как руководитель рабфака регулярно выступал с главными докладами на заседаниях педагогического совета коммуны [249, с. 81, 97, 99, 172], а 17 октября того же года председательствовал на заседании комиссии по вопросу о пересмотре ее учебной системы [507, л. 18–20]. Однако руководящая деятельность Магуры не избавляла его от выполнения главных преподавательских обязанностей – в сентябре 1933 г., например, он был прикреплен к курсу IV В рабфака [507, л. 6–8].

Заведовал рабфаком Магура, очевидно, лишь до весны 1934 г., поскольку уже на 4 марта в протоколе заседания педагогического совета как заведующий рабфака указан А. Г. Белоус [507, л. 43–45 об.]. С этого времени он вернулся к прежней своей должности заведующего учебной части рабфака, которую и сохранял по крайней мере до апреля 1936 г. [586, л. 33]. С образованием техникума, осенью 1934 г., Магура был назначен ответственным за I А курс его электромеханического отделения [249, с. 294] – известен его доклад 10 ноября на заседании педагогического совета о состоянии успеваемости своего курса за октябрь [249, с. 316].

В статусе заведующего учебной части рабфака Е. С. Магура был постоянным корреспондентом «Дзержинца». В статье «Итоги полугодия не удовлетворяют», напечатанной 5 января 1936 г., он

делает анализ учебной работы в течение второй четверти 1935–1936 учебного года [209]. 16 января того же года в газете появился материал «За грамотность, за качество учебы», подписанный инициалами Е. М., содержание которого и стиль почти не оставляют сомнений в авторстве Магуры. Статья конкретизировала задачи коммуны в контексте тогдашней, инициированной на государственном уровне, кампании в области образования, направленной на повышение общей грамотности населения [131].

Имя Е. С. Магуры достаточно часто встречается в воспоминаниях бывших коммунаров и всегда выступает как лучший пример преподавательского мастерства и знания своего предмета. И. Д. Токарев именно описанием деятельности Магуры иллюстрирует высокий профессионализм педагогов рабфака (см. Приложение). Выше мы уже упоминали о тесной связи Магуры с коммунарами, интерес к их повседневной жизни, внеурочную воспитательную работу по вечерам [172].

А. С. Макаренко не мог не оценить разносторонних проявлений профессионального мастерства Магуры и даже художественно обобщил главные его черты в образе учителя Николая Ивановича в «Флагах на башнях». Известна дарственная надпись педагога-писателя на украинском издании первой части «Педагогической поэмы», датированная 26 апреля 1935 г.: «Евгению Сильвестровичу Магуре с благодарным чувством не только за общую нашу педагогическую работу, но и за литературную поддержку в моем запоздавшем дебюте» [23, с. 119].

Рядом с Магурой, также почти обойденным вниманием макаренковедов остается Сергей Петрович Пушников – преподаватель русского языка и литературы рабфака и техникума коммуны, образец высокого педагогического мастерства и профессиональной квалификации. О нем мы также находим восторженные отзывы в мемуарах бывших воспитанников (см. Приложение). Личное дело С. П. Пушникова, найденное нами в архиве Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко,

позволяет достаточно точно воспроизвести главные события его жизненного и профессионального пути до, в течение и после периода работы в коммуне.

Родился С. П. Пушников 8 июня 1883 г. в семье костромских мещан: отец – приказчик-меховик, мать – портниха. Начальное и среднее образование он получил в приходском городском училище и Тамбовской духовной семинарии. Особенно необходимо отметить, что Пушников имел два высших образования – в 1910 году он закончил, получив диплом первой степени, словесное отделение историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, а в 1913 году – Педагогический институт имени Павла Григорьевича Шелапутина в Москве, получив звание учителя гимназий с правом преподавать русскую словесность. Свою педагогическую деятельность начал как бывший стипендиат в должности преподавателя реального училища в маленьком провинциальном городке Суджа (нынешняя Курская область РФ), но уже через три месяца был переведен в Харьков, где в течение шести лет преподавал русскую словесность в 1-й мужской гимназии, читая параллельно в 1915 году лекции по языку на Высших женских курсах. В 1920–1921 годах, очевидно, также русский язык и литературу Сергей Петрович преподавал перед двумя совершенно разными аудиториями – учениками 10-й харьковской школы и курсантами Военно-политического техникума всех вооруженных сил на Украине и в Крыму [603, л. 2, 4, 5 об., 7, 10, 32 об.; 468, с. 79].

Длительный отрезок жизни С. П. Пушникова связан с Харьковским технологическим институтом и (после расформирования этого вуза) одним из его правопреемников, где он работал с 1921 по 1937 год. Надо подчеркнуть, что среди других педагогов коммуны имени Дзержинского Сергей Петрович имел гораздо больший опыт работы на рабфаке, потому что еще в 1921 году принимал участие в организации первого в Украине рабочего факультета – при Харьковской политехнике и в течение 16 лет был его неизменным преподавателем. Поскольку его роль в развитии рабфака ХТИ, как

свидетельствуют материалы личного дела, заключалась в налаживании работы учебной части, можно предположить, что этот бесценный опыт использовался также и в организации обучения коммунаров. Профессиональная активность и чрезвычайная работоспособность Пушникова хорошо может быть проиллюстрирована его послужным списком: он преподает и заведует культработой в 5-й харьковской артиллерийской командной школе (1919–1923), заведует кафедрой языкознания, возглавляет соответствующую предметную комиссию в Харьковском геодезическом институте и преподает на его рабфаке (1923–1933 гг.), преподает на рабфаке Харьковского электротехнического института (1930–1937 гг.) и на курсах ГПУ при этом вузе (1934–1935 гг.), читает русский язык и литературу на рабфаке коммуны имени Дзержинского (1933–1937 гг.) [603, л. 4, 7, 12].

1937 год был связан с важными событиями в жизни Пушникова – он одновременно прекращает сотрудничать в ХТИ и коммуне и переходит на работу в Промышленную академию имени И. В. Сталина, где остается на должности старшего преподавателя до ее закрытия в 1940 году. С 1939 года и до октября 1941 года – начала первой оккупации Харькова – Пушников читает лекции одновременно в Харьковском университете и педагогическом институте. В дальнейший, особенно трудный период жизни педагог нигде не работает, а живет «исключительно на продажу своих вещей, оставшихся после немецкого грабежа». В марте 1942 г., «когда дистрофия приняла резко угрожающий характер для здоровья», Пушникову было предложено администрацией университета выехать в Полтавскую область вместе с другими научными работниками харьковских вузов, которые нуждались в немедленной помощи. В своих анкетах Пушников неоднократно подчеркивал, что для предотвращения привлечения оккупационными властями к педагогической работе он был вынужден в августе того же года переехать в районный город Новые Санжары и «работать по махорке». После освобождения Полтавщины Пушников сначала

занимал должность инспектора-методиста в Новосанжарском районо, а с ноября 1944 г. перешел на преподавательскую работу на кафедре русской литературы в только что возвращенный из эвакуации Полтавский пединститут [603, л. 1, 4, 7–8, 13, 19]. Таким образом, Пушников стал вторым старшим преподавателем кафедры, среди семи педагогов которой лишь заведующий имел звание доцента и степень кандидата наук. Он также вошел в тройку педагогов кафедры, имевших стаж работы в вузе более 10 лет [281, с. 175].

Уже работая в Полтаве, С. П. Пушников в течение 1947–1948 годов здал экзамены кандидатского минимума при Харьковском университете и за год представил текст диссертации на тему «Тургенев в средней школе», которую успешно защитил 11 июня 1951 г. в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко. 6 октября 1951 г. ему была присуждена ученая степень кандидата филологических наук, а 9 октября 1954 – ученое звание доцента по кафедре русской литературы [603, л. 5, 8, 31]. На пенсию Пушников вышел в сентябре 1958 г., только что отпраздновав свое 75-летие и имея за плечами 45 лет педагогического стажа [603, л. 34].

С. П. Пушников активно включился в пропаганду педагогического наследия своего выдающегося наставника, чему есть ряд свидетельств. Еще в 1946 году он выступил с докладом «Макаренко как педагог» на заседании секции педагогики и методики юбилейной научной сессии, посвященной 25-летию Полтавского государственного педагогического института [281, с. 171]. Яркие, литературно совершенные мемуары Сергея Петровича появились в 1963 году в ротапринтном издании институтского научно-педагогического кружка студентов-макаренковцев. Они не только описывают ситуации из истории коммуны, но представляют собой своеобразный диалог автора с Макаренко, талантливо и очень выразительно изображают образ педагога [350, с. 37–53)]. Повторное издание этих воспоминаний под названием «Памяти А. С. Макаренко», с некоторыми дополнениями и редакторской

правкой, увидело свет уже в наше время – в 1998 году, в 12-м выпуске московской серии «Неизвестный Макаренко» [361, с. 55–72]. Кроме того, в 1968 году небольшие воспоминания Пушникова о работе в коммуне имени Дзержинского, записанные участниками макаренковского студенческого кружка, вышли в сборнике «Полтавчане о А. С. Макаренко» [351, с. 34–35].

Еще во время учебы в С.-Петербургском университете Пушников проявил себя как весьма добросовестный и работоспособный студент: на факультетских и выпускных экзаменах из 14 предметов 12 (логика, психология, введение в философию, греческий язык, методология истории, русская история, древняя история, история нового времени, история славян и Византии, история церкви, история философии, история искусств) сдал с оценкой «весьма удовлетворительно». Так же высоко было оценено и написанное им дипломное сочинение. Год спустя при университете он выдержал дополнительные экзамены по истории русской литературы, истории западноевропейской литературы и языкознанию, получив за первые два тоже отличные оценки. Аналогичные успехи Пушников продемонстрировал и в Педагогическом институте имени П. Г. Шелапутина, где удостоился оценки «весьма удовлетворительно» за представленное сочинение «Педагогические идеи Платона», а также на всех переводных и итоговых экзаменах – по логике, общей и педагогической психологии, общей педагогике, истории педагогических учений, школьной гигиене. Сергей Петрович хорошо знал французский и немецкий языки, а его филологической специализацией были фольклор и древняя литература [603, л. 3, 5, 5 об., 9, 10].

В коммуне имени Дзержинского Пушников начал работать, вероятно, с начала нового 1933–1934 учебного года, по крайней мере, первое найденное нами упоминание об этом датировано 26 августа 1933 г. [507, л. 1–2]. Почти сразу он был привлечен к выполнению кураторских обязанностей – прикреплен к курсу III А рабфака [507, л. 6–8]. Известно его выступление 9 декабря 1934 г. на заседании

педагогического совета при обсуждении состояния академуспешности студентов техникума за ноябрь [249, с. 320]. И. Д. Токарев по уровню педагогической и предметной квалификации ставит в своих воспоминаниях Пушникова рядом с Магурой. Он также описывает некоторые особенности их методики преподавания: «после изучения какого-либо произведения задавали вопросы и задания ученикам описать хар[актеристи]ку действующего лица, его занятия, возраст, классовую принадлежность и т. д. Поощрялось знание на память текста стихотворения, их эмоциональная декламация. А после изучения про[изведени]я коммунары ездили в театры – русс[кий] оперн[ый] или укр[аинский] оперн[ый] и слушали или «Евгения Онегина», или «Запорожца за Дунаем», или что-то другое, в зависимости от изучаемого пр[оизведени]я. И тогда эти пр[оизведени]я запоминались надолго» (см. Приложение). Высокую оценку педагогического мастерства С. П. Пушникова подтверждает в воспоминаниях и воспитанник И. А. Ветров. Этот педагог, по его словам, в жизни коммунаров прошел светлой страницей, его лекциями по русской литературе все заслушивались, его любили, и относились к нему с особым вниманием. Характерной чертой тона в отношениях, чрезвычайно импонировавшей воспитанникам, было непременное «Вы», с которым Пушников обращался даже к двенадцатилетним детям [606, с. 41].

Архивные документы также сохранили свидетельство высокого профессионализма Пушникова. В коммуне в апреле 1936 г. он получил такую характеристику: «Высоко квалифицированный преподаватель с большим опытом и мастерством. Преподавание предмета поставил хорошо и сумел вызвать интерес среди учащихся к литературе. Много внимания уделяет работе в литературном кружке среди коммунаров и знакомит педколлектив со всеми новинками в области литературы. Принимает акивное участие в общественной жизни коммуны и пользуется среди коллектива большим авторитетом» [586, л. 36]. Похожую оценку мы находим и в характеристиках Сергея Петровича полтавского периода: «ведет

порученній курс на надлежащем научном и идейном уровне. Лекции <...> отличаются живостью изложения, самостоятельностью научной мысли. Требователен к себе и студентам. Много работает над повышением культуры речи студентов филологического факультета.

<...> систематически работает над повышением своего научного и идейно-политического уровня» [603, л. 23]; «Лекции живые, образные, глубокие по своему содержанию.

Тов. Пушников научный работник с широкой эрудицией и глубокими знаниями по своей специальности <...> очень дисциплинированный <...>, пользуется уважением среди профессорско-преподавательского состава и студентов. Принимает деятельное участие в общественной жизни института, работает <...> руководителем литературного кружка студентов» [603, л. 26–26 об.]. Еще в довоенный период плодотворная педагогическая работа Пушникова, как свидетельствуют его анкеты, почти ежегодно отмечалась похвальными грамотами или денежными премиями [603, л. 3 об., 6 об., 33 об.]. Хотя в работах и письмах Макаренко имя Пушникова не упоминается, можно предположить, что этих педагогов связывали довольно дружеские отношения. Бывший коммунар И. А. Ветров вспоминал, что именно Пушникова увидела группа бывших коммунаров, а тогда студентов-юристов, в гостиничном номере Макаренко в дни его последнего визита в Харьков в марте 1939 г. [606, с. 41].

По сравнению с названными педагогическими работниками коммуны С. А. Калабалин оставил достаточно небольшой след в ее истории. Как и в Горьковской колонии (с перерывом на непродолжительную службу в Красной Армии), здесь он работал преподавателем физкультуры [166, с. 23]. С первых дней Калабалин участвует в налаживании спортивно-массовой работы среди коммунаров, отдельные отголоски чего отражены в документах: 30 ноября 1929 г., например, совет командиров ему поручает распределить по отрядам коньки [248, с. 180], а 21 декабря он выходит с предложением выдать коммунарам трусы для спортивных занятий

[248, с. 183] и т. д. В спектр обязанностей Калабалина, очевидно, входила и организация элементов военно-эстетического плана – 26 апреля 1930 г. приказом по коммуне ему лично и всем коммунарам выражена благодарность за хорошую строевую подготовку к 1 мая [248, с. 209]. Калабалин принимает регулярное участие в заседаниях совета командиров [248, с. 242, 243], неоднократно работает в разного рода комиссиях: 10 октября 1930 г. на заседании совета командиров он вошел вместе с коммунарами в состав комиссии для выяснения причин пожара в столярной мастерской [248, с. 243], а в первых числах 1931 г., в связи с заменой заведующего хозяйства коммуны, Калабалин вместе с Т. Д. Татариновым и коммунаром В. Дорошенко вошел в состав комиссии по передаче хозяйства [248, с. 277].

Весной 1930 г. зафиксировано другое проявление активности Калабалина – он публикует статью в стенной газете «Шарошка», в которой предлагает закрыть газету «Дзержинец», поскольку она является двухнедельным, то есть не совсем оперативным органом, в то время как «Шарошка» освещает ежедневные факты. С полемикой вокруг его предложения в этом же номере газеты выступили Макаренко и коммунар Швед [248, с. 190]. В тот же период Калабалин активно участвует в работе особого коммунарского контролирующего органа – «легкой кавалерии», свидетельством чего является протокол заседания «легкой кавалерии», секретарем которого указан Калабалин, помещенный 22 апреля в газете «Дзержинец» [248, с. 202]. Освобожден был Калабалин от должности инструктора физкультуры приказом от 7 февраля 1931 г.; в связи с этим уроки физкультуры и военного дела на первом и втором курсах рабфака заменялись другими предметами [248, с. 278]. Дальнейшая его педагогическая деятельность проходила уже вне непосредственной близости к А. С. Макаренко. Единственным, но совсем непродолжительным временем, когда Калабалин вновь попал в сферу управления своего главного наставника, были 1935–1937 годы. Тогда Якушинская трудовая колония имени С. В. Косиора, в которой он исполнял обязанности начпеда, фактически находилась в ведении Отдела

трудовых колоний НКВД Украины, учебно-воспитательным отделением которого заведовал Макаренко [4].

В «типах и прототипах» Макаренко называет Калабалина «всегда бурлящим», сдерживающим себя только военной выправкой. «Он готов бросить рабфак и действительно бросает его для корпуса, но его силой возвращают на рабфак <...>. Из него выходит убежденный сторонник дела переделки человека на новый фасон. Об этом новом фасоне он всегда страстно мечтает. Такой же страстный физкультурник» [228, с. 695]. Однако для полноты освещения характеристик, данных Макаренко своему наиболее яркому воспитаннику, стоит обратиться и к источнику более откровенных оценок – его записным книжкам. В одной из них Макаренко называет Калабалина, тогда уже работника якушинской колонии, цыганско-анархистичным и властолюбивым человеком [602].

То, насколько Макаренко ценил Калабалина как высокого педагога-профессионала, нашло достаточно заметное отражение в его наследии; одним из первых подобных свидетельств является письмо Н. Ф. Остроменцкой 2 февраля 1927 г., в котором Макаренко называет «ударом», то, что «забрали в солдаты Коваля и Семена. Последнее в особенности страшно грустно» [236, с. 28]. Много позже, 8 февраля 1939 г., на встрече с учителями во Фрунзенском районном доме учителя г. Москвы Макаренко дал такую характеристику Калабалину: «если про себя я говорил, что я мастер, а не талант, но Карабанов (Калабалин – А. Т.) в первую очередь талант. Он буквально чудеса делает». Ему, по словам Макаренко, подчиняются тяжелые, наиболее ипорченные воспитанники, «и из них он делает хороших людей» [232, с. 310–311]. Макаренко еще не раз высказывал восхищение Калабалиным как педагогом [231, с. 480; 235, с. 32–33, 43]. В дальнейшем С. А. Калабалин – заслуженный учитель школы РСФСР [235, с. 299].

Документы содержат более или менее подробную информацию также о других преподавателях школы, рабфака и техникума коммуны. Хотя упоминания об этих людях мы лишь иногда находим в

произведениях Макаренко, накопленные данные позволяют сформировать общую оценку их профессионального уровня.

Вполне естественно, что производственный профиль коммуны возлагал особенно важные задачи на преподавателей предметов физико-математического цикла, однако в первые годы кадровые проблемы, очевидно, не позволяли приблизиться к их реализации. Одним из первых учителей математики школы коммуны был Е. В. Бершетин, имя которого впервые появляется в связи с некоторым недоразумением. 15 апреля 1930 г. в номере газеты «Дзержинец» было напечатано письмо-ответ Макаренко на заметку коммунара В. Скребнева, помещенную в том же номере, в котором говорится о том, что преподаватель коммуны Бершетин, заметив отсутствие предохранителя на циркулярной пиле в коммунарской мастерской, сказал об этом заведующему, но тот, якобы, отнесся к этому факту безразлично. Макаренко отрицал как отсутствие предохранителя, так и свой разговор по этому поводу с Бершетиным [248, с. 199–200]. Можно предположить, что Бершетин сам спровоцировал конфликтную ситуацию, ложно информировав воспитанника о своем разговоре с Макаренко, поскольку не входил в число людей, особенно уважаемых последним. Оценку педагогической квалификации Бершетина и соответствующее отношение к нему Макаренко раскрывает в письме Букшпану, написанному 29 декабря 1930 г. Нарекая на дефицит по всем рабфакам Харькова преподавателей математики, педагог констатирует: «я вот уже 2 года пробавляюсь таким барахлом, как Бершетин <...>, а это значит, что может быть очень плохим положение наших студентов с математикой в вузе» [236, с. 46]. Приведенный отрывок позволяет предположить, что Бершетин работал в коммуне, очевидно, примерно с конца 1928 года. Уволился из коммуны Бершетин, согласно приказу, 7 февраля 1931 г., а на его место преподавателя математики и физики с месячным испытательным сроком 4 февраля был назначен И. В. Мартыненко [248, с. 278; 505, л. 39–41].

Профессиональные способности Ивана Владимировича Мартыненко (1907 – ?), перешедшего в коммуну из Ленинского сахарного завода [505, л. 39–41], несмотря на его молодой возраст и среднее образование, получили совсем другие отзывы: «предмет свой знает. К обязанностям относится добросовестно. Принимает участие в общественной работе как в школе, так и среди коммунаров. Пользуется авторитетом среди коммунаров и преподавательского коллектива. Имеет благодарность за хорошую постановку работы» [586, л. 31]. Он был прикреплен к первому курса рабфака коммуны [507, л. 6–8], выступал с оценкой изучения коммунарами математики на заседаниях педагогического совета [248, с. 359], а в начале 1934 года исполнял обязанности секретаря этого органа [249, с. 168, 207]. Тот факт, что 10 ноября 1934 г. на заседании педагогического совета Мартыненко делал доклад о состоянии успеваемости 7-летки коммуны за октябрь, дает основания предположить, что примерно с этого времени он был заведующим учебной части этого структурного подразделения учебного комбината [249, с. 316]. Его перу как руководителя учебной части школы принадлежит, очевидно, и статья, подписанная только одним инициалом М, в «Дзержинце» от 5 января 1936 г., которая информирует читателей о проведенном производственном совещании педагогического коллектива коммуны [206]. Мартыненко упоминается А. С. Макаренко лишь однажды – в письме к жене во время «крымского» похода коммуны 1931 года: «Вчера в Харьков выехал Мартыненко с письмом к Мазо, в котором мы уговариваем его разрешить нам поход на Одессу <...>. Мартыненко должен 28 дать нам молнию о согласии Мазо на наш поход в Одессу» [449, с. 129–130].

Одним из старейших (1893 г. р.) и опытнейших педагогов коммуны с высшим образованием был Григорий Евдокимович Березняк, преподаватель математики рабфака с 10 сентября 1932 г. [505, л. 39–41]. О его работе, к сожалению, известно, как уже упоминалось, лишь то, что с начала 1933–1934 учебного года он был прикреплен к курсу IV А рабфака коммуны [507, л. 6–8], а с

образованием техникума отвечал за I Б курс его электромеханического отделения [249, с. 294]. Однако архивы сохранили характеристику Березняка, составленную руководством: «Как преподаватель очень ценный работник, обладающий высокой квалификацией и большим опытом как методист. Руководит математическим циклом дисциплин. Среди учащихся пользуется большим авторитетом. Очень вдумчивый педагог, часто дающий ценные предложения по вопросам воспитания. Много отдает времени дополнительным занятиям с отстающими, принимает много участия в общественной жизни педагогического коллектива и коммунаров». На своей должности Григорий Евдокимович оставался по крайней мере до апреля 1936 года [586, л. 6, 7].

Еще более старшей по возрасту, но таким же высоким профессионалом, как и Березняк, была Евгения Георгиевна Пантелеймонова. Она имела высшее образование и начала преподавать математику на рабфаке коммуны в 1933 году, а позже была назначена ответственной за III курс электромеханического отделения техникума. Интересную характеристику Пантелеймонова получила от своего руководства: «Как преподавательница высоко квалифицирована и добросовестно относится к своим обязанностям. Много внимания уделяет работе с отстающими, организовывая дополнительные занятия. Она очень жива, энергична и с особенной чуткостью реагирует на все явления общественной жизни коммуны. Авторитетна среди коммунаров» [249, с. 294; 586, л. 37].

Позже, 5 февраля 1934 г., на должность учителя математики в средней школе пришла Ксения Алексеевна Волочаева (1896 – ?) [505, л. 39–41], которая ранее работала в Кривом Роге на руднике имени Шварца. Хотя она, как и Мартыненко, не имела высшего образования, однако работала безупречно, отвечала за 5-й класс школы коммуны, была премирована за добросовестную работу месячным окладом и на апрель 1936 года сумела зарекомендовать себя как хороший профессионал: «Вполне квалифицирована, в работе четка и исполнительна. Отдает много внимания своему классу как

руководительница. Ведет дополнительные занятия с отстающими. В общественной работе участие принимает» [249, с. 295; 586, л. 13].

Определенные нарекания со стороны руководства вызвал преподаватель физики в 7 классе неполной средней школы и на рабфаке Иосиф Васильевич Рубан (1903 – ?), Который работал в коммуне с 10 октября 1932 г.: «к работе относится добросовестно, но не может вполне обеспечить интересов учащихся и потому желательна замена. В общественной жизни коммуны принимает недостаточное участие» [505, л. 39–41; 586, л. 38]. Соответственно он был охарактеризован и партийными органами коммуны как работник посредственный, в общественной и политической жизни малоактивный, у которого, к тому же, наблюдаются «склонности к еврейскому национализму» [585, л. 4]. Несмотря на это, а также то, что он имел лишь неполное высшее образование, Рубан продолжал работать в коммуне еще в 1936 году, а возможно, и далее. Как известно, в июне 1933 г. он был командирован в числе других педагогов для сопровождения коммунаров во время летнего похода [236, с. 251], с начала 1933–1934 учебного года был прикреплен к курсу IV Б рабфака коммуны [507, л. 6–8], а через год стал ответственным за I В курс электромеханического отделения техникума [249, с. 294].

Последний, кто, по нашим данным, олицетворял физическую кафедру школьного комбината, был Михаил Максович Шварц. С 1934 года кроме физики в средней школе коммуны он преподавал химию для студентов ее рабфака. Характеристика Шварца вполне соответствует уровню его опытности и образования: «вполне квалифицированный работник. Он точен и аккуратен в своей работе». Отмечается также его добросовестное отношение к обязанностям классного руководителя, авторитет и общественная работа среди коммунаров, которая заключалась в систематическом посещении общежития, устройстве экскурсий и т. д. [586, л. 49].

Цикл естественнонаучных дисциплин представляла преподаватель естествознания на рабфаке Ольга Николаевна Губер.

Она, начав работать в коммуне с 11 августа 1935 года, уже к весне следующего года успела создать биологический кабинет и получить хорошую репутацию как человек, который «имеет большой опыт, с любовью относится к работе». При этом статус совместителя, который требовал основное рабочее время проводить в учебных заведениях города, не позволял Губер участвовать в общественной жизни коммуны [505, л. 39–41; 586, л. 15]. Для преподавания естествознания в средней школе коммуны через два месяца после Губер было принято Людмилу Павловну Стрельбицкую (1907 – ?). Судя по характеристике, датированной апрелем 1936 года, она довольно быстро завоевала славу одного из лучших педагогов коммуны: «вполне квалифицирована. Добросовестно готовится к занятиям и умеет вызвать интерес к своему предмету. В общественной жизни школьного комбината играет руководящую роль как профуполномоченный. Достаточно внимания уделяет работе с коммунарами в быту. Энергична, жива, пользуется авторитетом среди педагогов и учащихся» [505, л. 39–41; 586, л. 42].

В работах Макаренко упоминаются имена еще двух человек, которые, очевидно, преподавали биологические дисциплины в коммуне в первые годы ее существования. В письме жене от 4 сентября 1931 года как одна из участников крымского похода коммуны названа некто Коркишко [449, с. 141]. О том, что Коркишко действительно представляла биологический цикл предметов, можно сделать вывод из ее участия в заседании педсовета коммуны 21 декабря 1932 г., где она выступала с итогами изучения коммунарами биологии в первом триместре [248, с. 359]. Последнее найденное нами упоминание о ней как педагога коммуны приходится на июль 1933 г. [249, с. 107]. Кроме нее, как преподаватель биологии указан А. С. Макаренко в финансовом отчете педагог Платонов [249, с. 103]. Упоминания о нем мы находим и в протоколах заседания педагогического совета рабфака – первая датированная 26 августа 1933 г. [507, л. 1–2], последняя – 29 июня 1934 г. [507, л. 65].

Патронат над коммуной имени Дзержинского органов ГПУ-НКВД выдвигал особые требования к общей политической ситуации в ней, предусматривающие тщательность и осторожность в вопросах подбора преподавателей политических дисциплин. Предметами данного цикла в коммуне были история классовой борьбы, текущая политика, политическая экономия, обществоведение и др. [507, л. 1–2]. Документы сохранили имена трех представителей кафедры политических дисциплин: А. Г. Белоуса, М. С. Омельченко и М. В. Тютькало.

Первым в документах учебной части коммуны встречается Михаил Семенович Омельченко (1908 – ?), который был принят в 1932 году, очевидно, с начала нового учебного года, на должность преподавателя истории и географии неполной средней школы и рабфака коммуны, а также руководителя политзанятий для студентов рабфака [586, л. 35]. Уже 21 декабря 1932 г. он выступал на заседании педсовета коммуны с итогами изучения коммунарами социально-экономических дисциплин в первом триместре [248, с. 359]. Несколько позже, осенью 1934 года, Омельченко упоминается как ответственный за 7 А класс 7-летней школы коммуны [249, с. 294]. О нем говорится в письме Макаренко жене 8 сентября 1933 г.: «Между прочим, мы соцэка на твое место и Омельченко, так и не нашли партийца <...>» [449, с. 199]. Отсутствие Омельченко на работе в конце лета и осенью 1933 года объясняется его военной службой; это обстоятельство заставило педагогический совет прикрепить Омельченко к группе первого курса рабфака, которая еще должна была формироваться из вновьпринятых в коммуну членов [507, л. 1–2, 6–8]. На своей должности Омельченко оставался и после освобождения Макаренко из коммуны. В это время руководство констатировало, что Омельченко «как педагог и общественник является ценным работником для коммуны. Имея хорошую квалификацию, он упорно работает над повышением ее, чем и создает себе авторитет среди коммунаров. Он близко знает коммунаров в быту, где часто ведет политбеседы». Здесь примечательным

выступает одно обстоятельство – Макаренко высокая квалификация учитывалась гораздо в большей степени, чем беспартийный статус руководителя политзанятий (остававшийся неизменным по крайней мере до весны 1936 года – А. Т.) [586, л. 35].

С началом нового 1933–1934 учебного года школа и рабфак коммуны пополнились сразу двумя историками. Алексей Григорьевич Белоус (1906 – ?), который параллельно преподавал ленинизм и исторический материализм в Харьковском университете, не только читал историю и был прикреплен к курсу III Б рабфака [507, л. 6–8; 586, л. 5], но и непродолжительное время, в марте 1934 г., руководил им [249, с. 210; 507, л. 43–45 об.]. Совместительство Белоуса все же позволяло ему достаточно времени и энергии уделять урочной и внеурочной работе с коммунарами, что и нашло свое отражение в отношении к нему руководства: «обладает высокой квалификацией и упорно работает над собой. Он предлагает учебный материал живо, содержательно, чем повышает интерес учащихся к истории. <...> Принимает большое участие в жизни коллектива коммунаров и педагогов. Руководит марксо-ленинским кружком среди педагогов. Он заслуженно пользуется большим авторитетом в коммуне» [586, л. 5].

Марта Васильевна Тютькало (1903 – ?) – единственная из преподавателей политических дисциплин, кто состоял в рядах КП(б)У. Она заняла должность учителя истории и обществоведения в средней школе, а также руководителя политзанятий на рабфаке. Статус кандидата в члены партии позволил Тютькало руководить школой изучения истории ВКП(б) при партийном комитете коммуны. Известно, что она «в высшей степени добросовестно» относилась к своим педагогическим обязанностям и постоянно работала над повышением своей квалификации, кроме того, активно участвовала в общественной жизни коммуны, «дорожила коммуной» и пользовалась заслуженным авторитетом среди ее коллектива. За свою добросовестность Тютькало была даже премированная путевкой в санаторий [586, л. 43].

В отличие от Омельченко, узким специалистом-географом с высшим образованием была Анастасия Федоровна Спичкина (1895 – ?), Которая работала в коммуне с 1934 года и за это время была признана вполне квалифицированным и очень добросовестным работником, принимающим участие в общественной работе среди коммунаров [586, л. 40].

Филологические дисциплины, достойно представленные Е. С. Магурой и С. П. Пушниковым, в коммуне преподавали еще несколько педагогов. Самым заметным из них была преподаватель украинского языка и литературы семилетки с ноября 1935 года Екатерина Гавриловна Черепахивна (1898 – ?). Судя по характеристике, уровень ее квалификации и работа вполне удовлетворяли руководство, подчеркивалось ее добросовестное отношение к своим обязанностям классного руководителя и преподавателя, авторитет среди коммунаров. Вместе с тем, за пять месяцев пребывания в коммуне Черепахивна не проявила себя как общественница [586, л. 48]. Приглашение ее в коммуну было, очевидно, вызвано не только наличием вакансии, но и недостатком профессионализма у ее молодой и менее образованной коллеги – учителя украинского языка неполной средней школы Марии Григорьевны Вигунской (1908 – ?), которая пришла в коммуну в 1934 году, имея за плечами только один курс литературного отделения вуза и почти без всякого педагогического стажа. Соответствующую оценку Вигунской мы находим и в ее характеристике: «недостаточно квалифицирована, для работы в школе коммуны неподходяща и подлежит замене» [586, л. 12]. Кроме названных педагогов, с 1 сентября 1932 г. по 15 сентября 1933 г., будучи студенткой, во время педагогической практики преподавала русский и украинский языки на рабфаке коммуны и одновременно была «педагогом по учету» Евгения Тренева. Об этом свидетельствуют выданные ей Макаренко 7 мая 1933 г. и 2 февраля 1934 г. справки [229, с. 353; 249, с. 36].

Русский, а одновременно и немецкий языки с 25 августа 1933 г. на рабфаке коммуны преподавала Наталья Юлиановна Белецкая.

Несмотря на одно лишь среднее образование, она имела большой опыт и руководство признавало ее как высококвалифицированного педагога. Белецкая отдавала много времени педагогической работе в коммуне во внеклассные часы – работала с отстающими, проводила воспитательную работу в быту, активно проявляла себя на общественной работе как в педагогическом коллективе, так и в коллективе коммунаров [586, л. 4].

В первых числах 1936 года в состав педагогического коллектива коммуны вошла Сусанна Яковлевна Блох (Орлова) (1896 – ?). Ее назначение было вызвано необходимостью преподавания русского языка в 4, 5 и 6 кл. неполной средней школы. Принятие педагога со средним образованием и без соответствующих рекомендаций, наверное, иногда вызывалось острым кадровым дефицитом, что, конечно, сказывалось на качестве преподавания. О С. Я. Блох в документах сохранилась запись: «Как педагог недостаточно квалифицирована и подлежит замене. Не умеет организовать класс к работе и в условиях коммуны не проявляет достаточных воспитательских качеств. Среди учащихся не пользуется авторитетом» [586, л. 9]. Совсем другое впечатление о своей работе смогла создать жена Е. С. Магуры Вера Ивановна (1894 – ?), хотя начала она преподавать русский язык в неполной средней школе коммуны только с 2 ноября 1935 г., а до этого вообще находилась на содержании мужа. В ее характеристике есть такие слова: «За короткий срок работы показала себя опытным добросовестным педагогом, умеет организовать класс. Активно участвует в общественной жизни коммуны» [505, л. 39–41; 586, л. 32].

Мы также установили несколько имен представителей «иностранной» части филологической кафедры школьного комбината коммуны. К их числу, кроме Белецкой, относятся И. Б. Браун, Т. В. Дергачева и, по некоторым данным, Е. Г. Черняева.

Исай Борисович Браун, о котором уже говорилось выше, занял вакансию преподавателя английского языка на рабфаке коммуны 15 сентября 1934 г. Характеристика, составленная на Брауна в апреле

1936 г., свидетельствует, что политическая незаангажированность не помешала ему достаточно неплохо выполнять свои преподавательские обязанности: работник удовлетворительный, предмет свой знает, к работе относится добросовестно [505, л. 39–41; 585, л. 12; 586, л. 3].

Преподаватель английского языка семилетки Тамара Вячеславовна Дергачева (1916 – ?) свою общественную активность тоже не проявила, но по другой причине – за короткий срок пребывания в коммуне просто не успела этого сделать. В то же время, ее профессиональные характеристики не остались незамеченными со стороны руководства: «Несмотря на трудности преподавания английского языка, результаты работы положительные. К работе относится добросовестно и стремится к повышению своей квалификации, как педагога». Такие успехи тем более достойны внимания, учитывая ее небольшой педагогический стаж и отсутствие высшего образования [586, л. 19].

Есть основания предположить, что иностранный язык преподавала в коммуне и Елена Григорьевна Черняева, поскольку именно она на заседании педсовета 21 декабря 1932 г. выступала по итогам изучения коммунарами немецкого языка в первом триместре [248, с. 359]. О Черняевой в целом известно всего несколько фактов: как воспитатель коммуны она впервые указана в марте 1930 г. [248, с. 191], в эти дни вошла в состав комиссии по подготовке к празднованию 1 Мая [248, с. 193]. В начале апреля 1930 г. Черняева находилась в президиуме отчетно-выборного собрания коллектива коммуны [248, с. 198], в декабре 1932 г. исполняла обязанности секретаря педагогического совета [248, с. 359], последнее же найденное нами упоминание о ней датировано июлем 1933 г. [249, с. 107].

Достаточно многочисленную кафедру педагогов коммуны имени Дзержинского составляли учителя-групповоды, работавшие преимущественно с младшими коммунарами. Самой опытной из учителей начальных классов считалась землячка Макаренко Елена Захаровна Юрченко (1878 – ?). Перед тем, как в 1933 году попасть в

коммуну, она 33 года работала в одной из крюковских школ [482, с. 243]. Крюковское городское приходское народное училище, в котором Е. З. Юрченко (в девичестве – Герасимова) начала свой педагогический путь, сначала находилось в доме, принадлежавшем купцу И. П. Герасимову (в дальнейшем попечителю данного училища – А. Т.). Позже, примерно в 1907–1909 годах, она вышла замуж за недавно назначенного заведующим этого учреждения (которое было переименовано в 5-е городское начальное училище) Д. П. Юрченко. [79, с. 40, 80, с. 27; 81, с. 31; 82, с. 25; 83, с. 23; 321, с. 278; 323, с. 278; 324, с. 215; 347, с. 228]. Ее муж, по словам младшего брата А. С. Макаренко Виталия, был в то время одним из немногих представителей Крюковской интеллигенции, а позже даже вошел в литературно-музыкальный кружок, образовавшийся вокруг Антона Семеновича и его подруги Е. Ф. Григорович [253, с. 108, 119]. Все эти обстоятельства делают почти очевидным знакомство Е. З. Юрченко с А. С. Макаренко задолго до прихода ее в коммуну, однако по неизвестным причинам в своих воспоминаниях она этот факт скрыла [482, с. 243]. Елена Захаровна должна была хорошо знать также и упомянутого выше Виталия Семеновича Макаренко – одного из ее учеников в городском начальном училище в 1903–1906 годах.

В коммуне, как свидетельствуют документы, Юрченко неоднократно была премирована за хорошую работу и получила отличную характеристику от руководства: учительница с большим опытом, умело подходит к коммунарам, добросовестный, исполнительный работник, активно участвует в общественной работе и быту воспитанников [586, л. 50]. Известна записка А. С. Макаренко к Е. З. Юрченко, написанная приблизительно в декабре 1934 г., в которой он просит ее взять на себя заботу о костюмах для кружка имени Балицкого в процессе, очевидно, подготовки новогоднего праздника [236, с. 52]. Также она указана в категории «Педагоги» в «Типах и прототипах» к «Педагогической поэме» [231, с. 490].

Другие учителя начальных групп семилетки, сведения о которых нам удалось найти, к сожалению, не демонстрировали уровня

мастерства, подобного Юрченко. Позже были приняты в коммуну, например, такие групповоды, как Пелагея Гавриловна Безсалова (1903 – ?) и Наталья Ивановна Ракивненко (1890 – ?). Первая, начав работать с 17 октября 1935 г., уже вскоре была признана недостаточно теоретически подготовленной, неопытной в работе среди беспризорных и пассивной в общественной деятельности, но наличие организационных способностей все же вселяло в руководство надежду, что Безсалова «дело это сможет освоить» [505, л. 39-41; 586, л. 8]. Педагогическая же карьера в коммуне Н. И. Ракивненко, наоборот, оптимизма у руководства не вызывала: «работает групповодом II класса, очень тяжелого по составу. С работой своей не вполне справляется. Не умеет создать в классе трудовую дисциплину, вследствие чего многие выпадают из ее поля зрения как педагога. В общественной жизни коммуны участия не принимает. Подлежит замене» [586, л. 39].

В 1935 году состав групповодов пополнила Мария Михайловна Горохова (1890 – ?). «Как преподавательница она вполне квалифицирована, с достаточным опытом, – отмечалось в составленной на нее характеристике, – но в условиях работы в коммуне, где приходится иметь дело с ребятами, проявляющими разнообразные интересы, повышенную темпераментность, – вяла». Пассивность в общественной жизни коммуны Гороховой руководство объясняло отчасти тем, что она жила за пределами Харькова [586, л. 14]. Последним для работы в первом классе школы был принят на испытательный срок в марте 1936 г. Геннадий Евгеньевич Иванов (1896 – ?), который имел высшее образование, но, несмотря на 40-летний возраст, – всего два года педагогического стажа [586, л. 24–25]. Другие данные о его деятельности в коммуне пока неизвестны.

Кроме С. А. Калабалина, история развития физической культуры коммуны имени Дзержинского связана с именами еще нескольких педагогов. Очевидно, на место уволенного Калабалина приказом по коммуне с 5 марта 1931 г. инструктором физкультуры назначен некто Фомин [248, с. 278], о деятельности которого других

сведений нам пока найти не удалось. Вторым педагогом, достоверной информации о котором тоже не хватает, был Я. М. Гердель, указанный как инструктор физкультуры только в документах за ноябрь 1935 г. [585, л. 89]. И, наконец, третьим, кто лишь эпизодически встречается в документах коммуны в статусе инструктора физкультуры, есть человек по фамилии Смола. Он 21 декабря 1932 г. участвовал в заседании педагогического совета коммуны [248, с. 359], а 28 февраля 1933 г. – в заседании совета командиров [249, с. 91], был командирован, согласно приказу от 28 июня 1933 г., как инструктор физкультуры, в числе других педагогов, для сопровождения коммунаров во время летнего похода [236, с. 251], 17 октября 1933 г. присутствовал на заседании комиссии по вопросу о пересмотре учебной системы коммуны [507, л. 18–20]. Последний же раз Смола встречается в документах, датированных 14 ноября 1933 г. [507, л. 25].

В 1934 г. коммуна получила работника, который не только оставался на этой должности несколько лет, но и сумел вызвать к себе достаточно большое уважение, – Вячеслава Петровича Фортунатова (1905 – ?). Он пришел, очевидно, с началом нового учебного года, поскольку еще в конце марта – начале апреля в коммуне была вакансия инструктора физкультуры [249, с. 215]. Новым педагогом руководство было весьма довольно: «работник добросовестный. Дело свое хорошо знает. Дисциплинирован. Пользуется авторитетом среди коммунаров. Участвует в общественной работе коммуны. Имеет благодарность за хорошую работу. Занимаемой должности соответствует» [586, л. 46].

Однако самым старшим среди инструкторов физкультуры членом педагогического совета коммуны 1935–1936 гг. являлся Константин Васильевич Иванов (1908 – ?). Свою деятельность в коммуне он начал еще в 1930 году, являясь, очевидно, одним из тех педагогов, которые были приглашены в связи с открытием рабфака. К весне 1936 года, то есть времени, когда НКВД потребовало от руководства коммуны подготовить характеристики на всех

педагогических работников, Иванов заслужил репутацию человека, вполне соответствующего своей должности: относящегося к выполняемой работе добросовестно, пользующегося авторитетом, преданного коммунарскому коллективу и хорошо проводящего общественную работу среди коммунаров [586, л. 26].

Военным руководителем коммуны с 4 декабря 1932 г. работал Георгий Иванович Добродицкий (1906 – ?). Он имел незаконченное высшее образование и за плечами службу в рядах Рабоче-крестьянской красной армии в должности командира взвода запаса. Добродицкий не имел взысканий, неоднократно премировался и характеризовался руководством как добросовестно относящийся к обязанностям работник и к тому же хороший организатор. Особенно подчеркивалось, что он пользуется «большим заслуженным авторитетом среди коммунаров» [505, л. 39–41; 586, л. 20]. Георгий Иванович также в июне 1933 г. приказом по коммуне был командирован для сопровождения коммунаров во время летнего похода [236, с. 251]. Осенью 1934 г. он выполнял обязанности секретаря педагогического совета и именно в этом статусе 17 октября участвовал в заседании комиссии по вопросу о пересмотре учебной системы коммуны [236, с. 218; 507, л. 18–20]. Макаренко вспоминает его только раз: Коммунару Шварцу (Черному) в письме от 10 сентября 1933 г. советует обратиться к Добродицькому, очевидно, именно как к секретарю, по вопросу восстановления документов для поступления в университет [236, с. 51].

Не стоит забывать, что в реалиях 1930-х годов довольно заметную роль в решении педагогических задач коммуны играли ее политвоспитатели. Абстрагируясь, на сколько это возможно, от чисто идеологической составляющей их деятельности, мы должны признать тот большой вклад в дело дисциплинирования и сплочения коммунарского коллектива, налаживания самоуправления, стимулирования учебной и производственной деятельности, который они обеспечивали. Первым, очевидно, политвоспитателем коммуны был некто Юрченко, который также планировался стать прототипом

персонажа «Педагогической поэмы» С. И. Юрского и в «Типах и прототипах» получил такую характеристику: «Политвоспитатель в коммуне имени Дзержинского, организатор комсомола. Фактически молод и сам идет за комсомолом» [228, с. 704]. Юрченко не оставил заметного следа в истории коммуны, мы нашли только несколько фактов его деятельности: 27 мая 1929 г. приказом по коммуне он был назначен в состав рабочего дежурства вместе с Коган, Дроботовой и Терским [248, с. 152], а в июле-августе того же года присутствовал на некоторых заседаниях совета командиров коммуны [248, с. 155]. Уволен Юрченко был приказом по коммуне с 25 мая 1930 г. [248, с. 197], что подтверждается и сообщением в стенгазете «Дзержинец»: «Снят Юрченко, на его место – Петр Осипович [Иосифович] Барбаров» [248, с. 167].

П. И. Барбаров, согласно приказу, начал выполнять свои обязанности уже с 15 мая 1930 г. [248, с. 197]. Одновременно с должностью политрука, он по январь 1932 г. был и заместителем заведующего коммуны. Макаренко, как известно, изобразил своего заместителя в образе Варварова в «Марше 30 года» [248, с. 155]. Барбаров как политрук часто участвует в заседаниях совета командиров коммуны [248, с. 294], а 26 февраля 1931 г. назначен командиром военизированного отряда коммунаров и служащих коммуны, сформированного для участия в маневрах [248, с. 278]. Уже в преклонном возрасте он опубликовал небольшие мемуары о коммуне и своем выдающемся наставнике [31].

К категории политвоспитателей в известной мере можно отнести и пионервожатых коммуны, но их роль в налаживании педагогической работы пока остается не раскрытой. Известно только, что 22 февраля 1936 года из харьковского кинотеатра «Ударник-массовик» перешел в коммуну на испытательный срок пионервожатым некий Леонид Иванович Дубровин – человек 1911 года рождения, член ЛКСМУ со средним образованием и только с одним годом учебно-педагогического стажа. К апрелю того же года

Дубровин еще не успел проявить своих способностей, а потому определенной характеристики не получил [505, л. 39–41; 586, л. 17].

В истории коммуны встречается несколько педагогов, чья роль в учебной части главным образом ассоциируется с выполнением определенных руководящих функций. 31 марта 1934 г. приказом по коммуне назначен на должность заведующего рабфака И. Г. Бушанский, заменивший на этом посту А. Г. Белоуса [249, с. 210]. Он находился на указанной должности в течение апреля (выступал на заседании педагогического совета с докладом об общих итогах успеваемости коммунаров за март месяц) [507, л. 50–54 об.], мая [576, л. 16] и последний раз встречается как руководитель рабфака 29 июня 1934 г. Именно в этот день на заседании педсовета Бушанский делал доклад об организации техникума [507, л. 65–68 об.].

Значительное усложнение учебной системы коммуны, связанное с организацией осенью 1934 года техникума, привело к необходимости образования на месте рабфака и подготовительных групп нового комплексного образовательного учреждения – школьного комбината. Должность заведующего этого комбината занимал, очевидно, с момента его образования, Исаак Иосифович Борок (1908 – ?), датой прихода которого в коммуну указано 19 февраля 1934 г. [505, л. 39–41]. Борок имел высшее образование, четырехлетний «учебно-воспитательный педагогический стаж» и сохранял свою должность как минимум до апреля 1936 г. (хотя на 27 ноября 1935 г. в документах указывался как временно исполняющий обязанности директора школьного комбината). Весной 1936 г. он получил репутацию «добросовестного хорошего работника» и «большого общественника», который знает порученное дело, пользуется авторитетом среди преподавательского состава и коммунаров. Руководством коммуны Борок даже был премирован двухнедельным заработком. Однако значительным усложнением его деятельности выступало неудовлетворительное состояние здоровья – заболевание туберкулезом [585, л. 89; 586, л. 10]. На заседаниях

педагогического совета Исаак Иосифович принимал активное участие в обсуждении актуальных вопросов учебной работы [249, с. 320], выступал в коммунарской прессе – 5 января 1936 г., например, в «Дзержинце» подвел итоги работы над повышением качества учебы за последние полгода [25]. А 13 марта 1936 г. в 11 номере «Дзержинца» поддержал опубликованное этой же газетой двумя неделями ранее под названием «Крепче драться за дисциплину» выступление Макаренко. В статье «Крепить дисциплину» он напомнил тему статьи Макаренко, привел конкретные факты дисциплинарных нарушений и описал те меры, которые применяются самоуправлением и администрацией для решения указанных проб-лем [4, с. 77–79].

Педагог по фамилии Вахрамеев почти не оставил после себя достоверной информации, хотя известно, что он 2 июня 1934 г. был назначен помощником (с передачей в его распоряжение типографии) начальника педагогической части коммуны, то есть – Макаренко. Неофициально Вахрамеев выполнял подобные обязанности и раньше, поскольку еще 10 мая того же года, очевидно, в отсутствие Макаренко, подписал приказ по коммуне как начальник ее педагогической части [249, с. 238].

Отдельную категорию педагогов коммуны составляла группа специалистов разных форм внешкольной работы. К этой группе относились так называемые «клубники», руководители кружков и секций, массовики, музыканты и т. д. Именно клубная работа была фактически главной формой деятельности штатных воспитателей коммуны в первые месяцы ее существования. Кроме яркого представителя этой категории работников, В. Н. Терского, нельзя не отметить плодотворную и творческую деятельность еще ряда талантливых людей.

Как уже упоминалось, организация клубной работы коммуны началась с трагедии, подробности которой, к сожалению, так и остаются неизвестными. Макаренко в апреле 1928 года в письме Н. Ф. Остроменцкой, перечисляя педагогов колонии имени Горького, перешедших на работу в коммуну, среди прочего пишет: «Был

Крикун, но 26 марта повесился. Между прочим, на место этого Крикуна никак не могу найти клубника» [236, с. 35]. То, что Макаренко говорит о Крикуне без особого сожаления, очевидно, является свидетельством низкого профессионального уровня последнего. Выше мы уже приводили отрывок из статьи «О тех, кто еще вчера был на улице», которая появилась в № 4 украинского журнала «Детское движение» за 1928 год, где подробно раскрываются результаты обследования харьковской окружной комиссией Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции пяти детских интернатных учреждений Харьковщины. Среди ряда недостатков, найденных якобы в колонии имени Горького, указаны неправомерные и почти садистские поступки Крикуна [148, с. 56]. Если даже предположить клеветнические намерения автора статьи, трудно представить, что обвинения, которые он публикует на страницах республиканской прессы, были совершенно беспочвенны. Оценку Макаренко действий и личности Крикуна мы, к сожалению, не находим, хотя известно, что в «Типах и прототипах» к «Педагогической поэме» он представлен в образе персонажа Андрея Павловича Пивня [228, с. 700]. Крикун, как известно, 10 января 1928 г. делал доклад о плане и календаре клубной работы на январь на заседании педагогического совета коммуны. Тогда постановили поручить Прокопенко и Крикуну представить на 17 января постоянную схему клубной работы, пригласить воспитателей к распределению конкретных обязанностей и помогать Крикуну во всех областях, где он найдет нужным [248, с. 33–34]. План клубной работы действительно был составлен и обсуждался на заседании педагогического совета, но лишь 24 января [248, с. 34]. Крикун вместе с другими представителями коммуны имени Дзержинского также присутствовал 14 марта 1928 г. на заседании секции соцвоса УНИИП, где слушался доклад Макаренко об основных моментах проекта организации работы трудкоммуны имени Дзержинского [394, с. 41]. О педагогической же деятельности в коммуне упомянутого выше

человека по фамилии Прокопенко другой информации, к сожалению, найти не удалось.

За годы существования коммуны в должности заведующего клубом сменилось несколько человек, профессиональное соответствие которых иногда оставляло желать лучшего. Так, например, с 28 февраля 1932 г. был назначен завклубом некто Иткин, который тем же приказом был освобожден от заведования столовой служащих коммуны (!) [248, с. 300]. Нам удалось найти сведения о том, что мать известного советского кинорежиссера Владимира Мотыля Берта Антоновна Мотыль (Левина) после окончания Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена, ориентировочно в 1930–1933 годах, проходила педагогическую практику в коммуне имени Дзержинского, что, кстати, дало ей возможность избежать репрессий, которым в то время в Белоруссии была подвергнута ее семья. Сам В. Я. Мотыль в интервью утверждал: «Мама не попала в ссылку только потому, что она работала в колонии малолетних преступников Антона Макаренко. И так как они находились под патронажем органов безопасности Дзержинского, то Макаренко спас мою маму от ссылки» [301]. Не исключено, что именно о ней идет речь в приказе по коммуне № 66 от 28 июня 1933 г. об организации летнего похода коммунаров, которым человек по фамилии Левин (или Левина ?) командировался в числе других педагогов как культработник для сопровождения коммунаров [236, с. 251]. Еще раз эта фамилия встречается в должности завклубом коммуны в июле 1933 года [249, с. 107].

С 15 декабря 1935 г. по крайней мере до апреля следующего года в должности завклубом работал вполне квалифицированный человек – бывший воспитанник коммуны Николай Федосеевич Абушек (в коммуне – Пащенко). Главный сигналист коммуны, прототип Н. Пащенко из «Марша 30 года» и «ФД-1», Абушек в коммуне закончил рабфак, после выхода из нее получил образование в музыкальном техникуме и стал профессиональным музыкантом, в послевоенное время руководил духовыми оркестрами [196, с. 95, 144;

201, с. 112, 171–172]. Письмо Макаренко ему от 3 декабря 1937 г. подтверждает, что педагог не только признавал его талант, но и интересовался дальнейшей судьбой как музыканта [232, с. 116].

Хорошие отзывы о своей работе получил массовик коммуны Григорий Александрович Межов (1916 – ?), который пришел в коммуну из Харьковского дома пионеров в 1935 году, имея уже 5 лет педагогического стажа, несмотря на свой 19-летний возраст. «Хороший работник по массовой работе», Межов пользовался авторитетом среди коммунаров, но руководство считало, что на качестве его деятельности негативно сказывается то, что он работает по совместительству [586, л. 34].

Преимущественно клубной деятельности касается единственная достоверная информация и о некоторых представителях первого состава педагогов коммуны – Елене Говорецкой, Лине Федоровне Дроботовой и Риве Иосифовне Коган. Все трое как воспитатели коммуны присутствовали 24 декабря 1927 г. на первом заседании педагогического совета [608]. В программе «Вроде методического плана клубной работы» Макаренко с Терским советовали Говорецкий взять на себя организацию и руководство некоторыми кружками, очевидно, на выбор: рукоделия, литературно-вокальным или группой подвижных игр; о Дроботовой говорили: «за Л. Ф., очевидно, останется литкружок (цель выпуска журнала)», что же касается Коган, то ей советовали организовать и возглавить литературно-вокальный кружок или группу подвижных игр [229, с. 64–65]. В представленном же Крикуном и Прокопенко 24 января 1928 г. на заседании педагогического совета плане клубной работы коммуны Говорецкая назначалась руководителем свободной мастерской, Дроботова – ответственной за работу библиотеки, к обязанностям Коган были отнесены лекции и «волшебный фонарь». На этом же заседании Дроботова и Коган были избраны в комиссию по работе, связанной с повышением квалификации воспитателей [248, с. 34].

Своим присутствием 14 марта 1928 г. на известном нам заседании секции соцвоса УНИИП Лина Федоровна и Рива

Иосифовна не только представляли персонал коммуны, но и оказывали, скорее всего, психологическую поддержку выступавшему Макаренко [394, с. 41]. Последним известным нам отражением их деятельности в коммуне является приказ от 27 мая 1929 г., согласно которому они назначались в состав рабочего дежурства [248, с. 152]. При этом следует подчеркнуть совсем неодинаковую позицию указанных женщин в поддержке педагогических идей Макаренко: если в списке прототипов к «Педагогической поэме» Дроботову он отнес лишь к категории «Педагоги», то Коган занимает еще и место среди избранных – в категории «Свои» [231, с. 490]. Это легко объяснить, если учесть два обстоятельства: давние и дружеские отношения Макаренко с прототипом героини «Поэмы» Рахиль Ландсберг и выше цитированную довольно прохладную оценку им Дроботовой в письме к жене. Справедливости ради надо отметить, что со стороны самой Дроботовой имело место проявление уважения к своему руководителю – в том же письме есть и такие строки: «Ко мне она относится с большим уважением, и ей импонирует мой категорический тон» [448, с. 147–148].

Жена Т. Д. Татаринова Варвара Николаевна (1898–1978 гг.) тоже входила в число педагогов коммуны первого состава – бывших горьковцев, что подтверждается групповым фото первого заседания педагогического совета и соответствующим сообщением А. С. Макаренко в письме Н. Ф. Остроменцкой [236, с. 35]. В известном документе Макаренко с Терским предоставляли Татариновой возможность выбрать один из кружков – рукоделия или литературно-вокальный – для его организации и дальнейшего руководства [229, с. 64–65]. Но в составленном вскоре Крикуном и Прокопенко плане клубной работы ее имя по неизвестным причинам уже не звучит [248, с. 34]. В перечне педагогов-горьковцев, оставшихся в коммуне на декабрь 1930 года, приведенном Макаренко в письме к М. М. Букшпану, Татаринова также отсутствует [236, с. 44].

Развитие литературных вкусов воспитанников всегда выступало одной из важных задач педагогической работы коммуны. Но с увеличением численности коммунаров и расширением их литературных интересов внутренних сил преподавательского коллектива, очевидно, уже не хватало, поэтому были созданы соответствующие вакансии. В 1935 г. на должность руководителя литературного кружка коммуны был принят специалист с высшим образованием и 3-летним педагогическим стажем – Яков Денисович Замочник (1899 – ?). Но через несколько месяцев выяснилось, что Замочник, «хотя к работе относится и добросовестно, но недостаточно настойчив и инициативен по вовлечению коммунаров в литературный кружок», а потому «подлежит замене» [586, л. 23]. Аналогичные данные найдены и в отношении руководителя хорового кружка коммуны Василия Евгеньевича Куницына (1899 – ?), который пришел в учреждение с завода имени Шевченко 14 сентября 1935 г., имея недостаточный педагогический стаж и, к тому же, «низшее» образование. Он тоже признавался подлежащим замене, поскольку, хотя работал и добросовестно, но на протяжении всего периода работы в коммуне проявлял «недостаточное знание по своей специальности» [505, л. 39–41; 586, л. 28]. Известно также, что с 22 октября 1935 г. в должности баяниста коммуны работал Василий Порфирьевич Голяк, перешедший из Харьковского дворца пионеров [505, л. 39–41].

Наиболее же квалифицированным творческим коллективом коммуны, как известно, был оркестр. Честь стать основателем и руководителем этого любительского объединения, уровень исполнительского мастерства которого уступал профессиональным, принадлежит автору марша «Дзержинец» – В. Т. Левшакову, изображенному в произведениях «Марш 30 года» и «ФД-1» под собственным именем. Появление Левшакова в окружении Макаренко, вероятно, следует отнести еще к первым месяцам после «завоевания Куряжа» – в очерке «ФД-1» автор пишет, что знаменный салют коммунаров Левшаковым был оркестрован еще в колонии имени

Горького в 1926 году [230, с. 144]. Организация Левшаковым оркестра коммуны имени Дзержинского тоже происходила с первых месяцев существования этого учреждения, о чем Макаренко отмечает в очерке «Такова наша история» [229, с. 211]. Таким образом, с 1928 года и до 15 октября 1934 года, когда Левшаков вынужден был уволиться по семейным обстоятельствам, он – неизменный капельмейстер оркестра коммунаров [249, с. 331; 449, с. 273]. О мощности руководимых Левшаковым музыкальных сил говорит такой факт: в кавказско-крымском походе 1933 года специальный «музвзвод» насчитывал 36 коммунаров [249, с. 106]. В «Педагогической поэме» Макаренко планировал изобразить Левшакова в образе В. И. Левченко и дал ему в «Типах и прототипах» такую характеристику: «Такой, какой он есть. Живое серебро. Он, несмотря на свою моральную инертность, благородный, практически приспособлен и остроумный. В нем доказательство того, что в коллективе должны быть прежде всего живые люди» [228, с. 706]. Имя этого человека мы можем увидеть и в одном из первых списков прототипов к «Педагогической поэме», где оно занесено в категорию «Свои» [231, с. 490].

Левшаков – не только воспитатель коммунаров и непревзойденный мастер своего дела, он активный член коллектива, участник многих событий его жизни. Капельмейстер участвует в заседаниях совета командиров [248, с. 215], вместе с членами своего кружка встречает почетных гостей, организует музыкальное сопровождение отдыха [236, с. 251] и т. д. В очерке «ФД-1» Макаренко описывает один из интересных, хорошо отрежиссированных музыкальных номеров, продемонстрированных Левшаковим со своим оркестром перед гостями коммуны [230, с. 144–145]. 10 февраля 1934 г. в харьковской газете «Театр Русской драмы» публиковалось постановление жюри проведенной театром Олимпиады детского самодеятельного искусства. В постановлении подчеркивалось, что коммуна располагает «совершенно исключительными возможностями (высококвалифицированное руководство, длительная и систематическая подготовка,

разносторонний и правильный охват детей различными видами художественной самодеятельности, серьезная и углубленная работа в этой области и т. д.)». Жюри постановило отметить и премировать руководителей: хореографического кружка коммуны – Вислоцкую и духового оркестра – Левшакова [249, с. 173].

Наивысшую оценку коммунарский оркестр получил во время Всеукраинской олимпиады художественной самодеятельности трудовых колоний и коммун, проходившей в 1936 году. К проведению этого мероприятия, непосредственным организатором которого был А. С. Макаренко в период своей работы в Отделе трудовых колоний НКВД Украины, был привлечен немецкий профессиональный дирижер Герман Адлер, который провел с оркестром несколько репетиций. Вот его слова: «Несмотря на то, что большинство исполнителей не так давно взяли в руки свои инструменты, еще очень молоды по своему музыкальному стажу – игра оркестров заслуживает, чтобы ее оценили. Что касается чувств и понимания стиля произведений, волевой напористости, чуткости, ловкости, и, особенно, горячего старания – у них могут поучиться иногда немало профессионалов <...>. Молодые исполнители, очевидно, так много видели, имеют такую большую подготовку, такой широкий художественный горизонт и такой серьезный вкус, что их критику и самокритику, их требовательность и строгость могут, повторяю, перенять и некоторые профессионалы» [8; 496, s. 254].

Среди руководителей спортивных секций коммуны привлекает к себе внимание Виктор Дмитриевич Загребаев – инструктор парашютно-планерного кружка. Он был юношей 1910 года рождения и до того, как в 1934 году пришел в коммуну, учился в институте, но не закончил его [586, л. 22]. Коммунар И. А. Ветров так характеризует В. Д. Загребаева, ошибочно или сознательно называя его в мемуарах Виктором Сергеевичем: жизнерадостный, энергичный студент Харьковского авиационного института, планерист-летчик, влюбленный в самолеты, всегда улыбающийся. Свое обучение в планерном кружке под руководством Загребаева Ветров описывает не

менее возвышенно: «Между нами и инструктором сложились прекрасные взаимоотношения. Его любовь к самолетам перешла к нам. Общая жизнерадостность и молодость объединились. Какой-либо натянутости, робости или страха перед Виктором Сергеевичем мы не чувствовали, мы ему полностью доверялись во всем и ничего не скрывая от него о том, что переживали и чувствовали во время полетов. Он внимательно, по дружески выслушивал, объяснял и давал советы. Его советы и требования были для нас законом. Ни одной тени ложных отношений». Профессионализм Загребаева хорошо может быть оценен по такому факту: в сжатые сроки ему удалось подготовить из числа коммунаров 16 достаточно квалифицированных планеристов [606].

Рис. 3.2. *Коммунары – солисты духового оркестра: П. Т. Стреляный, В. В. Жмудский, И. И. Волченко, В. М. Козырь, конец 1932 года (архив научно-исследовательской лаборатории А. С. Макаренко Полтавского педуниверситета).*

В феврале 1936 г. в коммуну пришел еще более молодой и менее образованный, чем Загребаев, тренер по футболу и хоккею – Михаил

Александрович Федорков (1911 – ?). Оставляя за собой прежнее место работы – стадион «Динамо» – Федорков некоторое время находился на испытании, и в апреле, когда составлялись характеристики на педагогов коммуны, еще не успел сформировать о себе определенного мнения руководства [586, л. 47].

Как стало известно, негативное отношение Макаренко к педологам не спасло его детище от представителей этой науки – уже после перевода педагога-писателя в Отдел трудовых колоний НКВД Украины в коммуну в сентябре 1935 года была принята педолог с высшим образованием Нина Ильинична Слепцова (1905 – ?). То, что она на начало апреля 1936 года «проявила себя квалифицированным работником» и «сумела обрести доверие» среди детей, «особенно нуждающихся в индивидуальном подходе» [586, л. 41], вероятно, три месяца спустя не спасло ее должность в коммуне от известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», вышедшего 4 июля. В работах Макаренко мы не нашли упоминаний о наличии штатного педолога в коммуне, поэтому обстоятельства этого нововведения «педологически неуязвимых чекистов», лишь только он покинул учреждение, остаются непонятными. Впрочем, тот факт, что в детских колониях системы НКВД в те времена все же работали педологи, доказывают слова самого Макаренко о кратковременном, с октября 1936 г. по январь 1937 г., заведовании Броварской колонией: «Мне самому пришлось принять такую колонию, которая была целиком во власти педологов» [232, с. 29]. Таким образом, именно в то время, когда Макаренко начал борьбу с педологией в Броварах, в его родной коммуне имени Дзержинского была основана педологическая служба.

Нам не удалось, к сожалению, установить предмет, который преподавал в школе и на рабфаке коммуны педагог по фамилии Багмут. Его имя встречается в диапазоне времени между июлем 1933 г. и ноябрем 1934 г. Известно лишь, что Багмут на сентябрь 1933 г. был прикреплен к курсу II А рабфака, а год спустя, в октябре 1934 г., отвечал за 6 класс 7-летней школы [249, с. 107, 294, 316; 507,

л. 3–8, 25–25 об.]. Так же эпизодически в истории школы коммуны встречается Цирульников, который на 21 сентября 1933 г. указан как заместитель начальника учебной части рабфака [507, л. 11–13 об.], но уже в октябре проходит по документам как секретарь ячейки ВЛКСМ [507, л. 18–20]. Лишь одно упоминание мы находим и о таком педагоге, как Чарахчьян, который 10 ноября 1934 г. выступил с предложениями на заседании педагогического совета [249, с. 316]; на этом же заседании обязанности секретаря педсовета коммуны выполняла некая Шурова [249, с. 316].

Совсем мало сведений осталось о непродолжительной педагогической работе на рабфаке коммуны жены Макаренко Галины Стахиевны Салько, которая, мы уже об этом говорили, преподавала социально-экономические дисциплины [449, с. 199].

Вполне возможно, что определенные преподавательские обязанности возлагались и на такого опытного специалиста по сельскому хозяйству и экономике, как начальник финансовой части коммуны с апреля 1932 г. Константин Семенович Кононенко (1889–1963 гг.) [378; 449, с. 278]. На протяжении своей работы в учреждении Кононенко занимал должности помощника главного инженера [249, с. 106], начальника коммерческо-финансовой части, начальника коммерческо-финансового сектора Управления объединенными предприятиями коммуны [249, с. 109] и т. д. Наличие в коммуне человека настолько глубоко образованного в различных областях знаний вряд ли смогло пройти мимо постоянного стремления Макаренко как можно выше поднять профессиональный уровень педагогического коллектива. Косвенным свидетельством причастности Кононенко к преподавательской работе является его присутствие 26 августа 1933 г. на заседании педсовета рабфака [507, л. 1–2] и 17 октября того же года на заседании комиссии по вопросу о пересмотре учебной системы коммуны [507, л. 18–20]. Кононенко, о котором Макаренко в сентябре 1933 г. написал «теперь мой первый друг», кроме того стал, по сути, первым ценителем «Педагогической поэмы», прочитав ее еще в рукописи и в достаточно ярких словах

выразив свой восторг [449, с. 199, 200]. Следует подчеркнуть: даже такой знаток литературы как Макаренко был достаточно высокого мнения об осведомленности и вкусе К. С. Кононенко в литературной области [236, с. 55].

Вторым чрезвычайно образованным человеком из числа непедагогических работников коммуны, также неоднократно участвовавшим в заседаниях педагогического совета, был один из проектантов и организаторов производства электроинструментов коммуны с марта 1931 года, инженер Петр Ефимович Силаков. Известно, что он вместе с другими инженерами коммуны – Сахаровым и Горбуновым – проходил по известному «Шахтинскому делу» и, работая в коммуне, отбывал наказание [249, с. 109]. Силаков был знатоком практически всех вопросов технического развития коммуны, поскольку занимал ряд ключевых постов в управлении ее производством: с августа 1933 г. занимал должность начальника отдела технического планирования Управления объединенными предприятиями коммуны [250, с. 44], а на 17 декабря уже указан как заместитель главного инженера [249, с. 166], спустя время, к 4 марта 1934 г. был начальником Электроинструментального завода [249, с. 206]. Приказом от 25 мая 1934 г. этот высокообразованный специалист был освобожден от работы в коммуне и командирован в распоряжение отдела кадров уполномоченного Наркомтяжпрома [249, с. 239]. В работах Макаренко имя Силакова не встречается, но тесное сотрудничество этих людей не вызывает сомнений: они соседствуют в юбилейном сборнике коммуны «Второе рождение», вышедшем в Москве в 1932 году [76, с. 67–75], также известен случай полемики между ними на заседании совета командиров коммуны 22 февраля 1933 г. по поводу задержки заработной платы коммунаров [236, с. 165]. Присутствие Силакова на заседаниях педагогического совета осенью 1933 года неоднократно зафиксировано в протоколах – 26 и 31 августа, 21 сентября, 3 и 17 октября [507, л. 1–5, 11–20]. Его непосредственная причастность к реализации воспитательных задач коммуны и педагогическая позиция могут быть проиллюстрированы

статьей «Рождение марки “ФД”», где Петр Ефимович проявляет себя не в меньшей степени педагогом, чем инженером – раскрывает взаимодетерминированность личностного развития коммунаров и их профессионального развития [76, с. 67–75]. Силаков также активно обсуждал пути реформирования учебной системы коммуны осенью 1933 года и был одним из сторонников создания техникума [507, л. 14–17 об.]. Именно он, очевидно, был преподавателем цикла технических дисциплин, введенных в учебный план на рабфаке в 1933 году.

В документах коммуны фигурируют также несколько педагогов, никакой информации о которых нам пока не удалось найти. Так, в течение 1932–1934 годов в протоколах педагогического совета рабфака мы находим имена людей, присутствие которых на подобных собраниях косвенно подтверждает их педагогический статус: 21 декабря 1932 г. участвовал в заседании человек по фамилии Денисенко, имя которого еще раз появляется в июле 1933 г. [248, с. 359; 249, с. 107]; в сентябре того же 1933 года в составе совета присутствовал человек по фамилии Кулагин [507, л. 11–13 об.], а 14 ноября – Левицкий [507, л. 25–25 об.]; 29 июня 1934 г. в протоколе указано некоего Малаканова [507, л. 65–68 об.], на декабрьском же заседании совета исполняла обязанности секретаря некто Мишурова [249, с. 319]. В июле 1933 года в тарифный отпуск ушел педагог коммуны Массон [249, с. 107], на апрель 1934 года учителем числился некий Гринвальд [249, с. 236], 28 июля того же года освобождены приказом от должности педагога Панаканов, Сивохин и Аврутина, очевидно, жена начальника планового отдела коммуны Г. Н. Аврутина [249, с. 250]. 14 октября среди педагогов указаны Бессонова, Бродский, Герасименко, Любомирская (Любомирова – ?) и Н. И. Давыдов [249, с. 293], последний упоминается еще и 3 июня 1935 года [585, л. 50]. О Лидии Михайловне Бессоновой известно, что она вышла замуж за завхоза коммуны, бывшего коммунара И. М. Семенцова, а в дальнейшем активно занималась пропагандой наследия А. С. Макаренко [201, с. 187; 585, л. 40–44].

Во временном интервале между октябрем–ноябрем 1934 г. и июлем 1935 г. в документах встречаются педагоги В. И. Бородаевская, С. И. Гивенталь, Ефименко, Майборода, Ткачинский и Н. А. Чумак [249, с. 293, 316; 585, л. 46, 50, 62, 66]. В данном случае большое количество имен говорит об активной ротации кадров, отражавшей общую стратегию Макаренко в деле улучшения профессиональных качеств руководимого им педагогического коллектива.

Открытым пока остается вопрос о работе в коммуне педагога Горьковской колонии Ярового. Он встречается на фото первого заседания педагогического совета коммуны 24 декабря 1927 г. [608], что дает основания относить его к числу первых педагогов коммуны. Но уже 29 апреля следующего года Яровой назван в одном ряду с В. А. Весичем и Л. Т. Ковалем, которые, как известно, не оставляли Горьковской колонии. В этот день Макаренко в письме к жене пишет: «Яровой хотел жениться на Шуре Сторчак, но она получила двойку по географии, он передумал (Яровой преподает географию)» [448, с. 53]. В письме от 25 мая Макаренко снова вспоминает Ярового, но теперь уже в контексте событий коммуны имени Дзержинского: «Вчера меня напоили в коммуне по случаю любви между Яровым и Ривой» [448, с. 85]. Позже Макаренко с Яровым совершил поездку в Крым [448, с. 98, 155–156], состоявшуюся, очевидно, уже после ухода педагога-писателя из Горьковской колонии, что также является косвенным свидетельством работы Ярового в коммуне. В колонии имени Горького Яровой, как видно из известного коллективного письма Н. И. Бухарину, был председателем комиссии по приему Горького [22, с. 191; 502, л. 11–12]. Яровой также внесен Макаренко в списке прототипов «Педагогической поэмы» в категорию «педагоги» [231, с. 490].

В работах Макаренко мы находим не так много откровенно негативных оценок членов педагогических коллективов руководимых им учреждений. В адрес одного из таковых, педагога по фамилии Строкань, он высказывается 29 декабря 1930 г. в письме Букшпану: «вы уже видели, что делают с дисциплиной такие учителя, как

Строкань, а это еще не самые худшие» [236, с. 45]. Подобные примеры еще раз подтверждают неоднозначность и сложность процесса формирования педагогического коллектива коммуны.

Макаренко, как мы знаем, осуществлял общее руководство всей учебно-воспитательной деятельностью учреждения до конца июня 1935 года, то есть до момента своего перевода на должность помощника начальника Отдела трудовых колоний НКВД Украины. С 25 июня 1935 г. приказом по коммуне был назначен временно исполняющим обязанности начальника учебно-воспитательной части Степан Акимович Дидоренко – завхоз коммуны с начала января 1931 г. [4, с. 27–28; 248, с. 285]. Дидоренко уже имел опыт подобной работы, поскольку Макаренко перекладывал выполнение своих обязанностей на его плечи и раньше, как это случилось, например, 15 сентября 1934 г. в связи с его визитом в Москву [249, с. 254]. Надо заметить, что одновременно с новой должностью Дидоренко продолжал оставаться заведующим учебной части школьного комбината коммуны [250, с. 72], а иногда, как, например, в сентябре и октябре 1935 г., даже временно исполнял обязанности начальника коммуны [584, л. 25; 585, л. 40, 588, л. 32].

О «докоммунарском» отрезке жизни Дидоренко известно немного. Он был 1898 года рождения, член ВКП(б) [586, л. 18], оставаясь кадровым работником ГПУ УССР, в коммуну перешел 25 декабря 1929 г. [505, л. 39–41].

Хотя Степан Акимович являлся не только формальным, но и идейным преемником Макаренко в коммуне, по уровеню исполнения обязанностей начальника учебно-воспитательной части он все же уступал предшественнику. В письме Галины Стахиивны Макаренко сыну Льву Салько от 7 марта 1936 г. мы находим такие строки: «Антон наш 27/II уехал в Харьков, что-то там с коммунарами не совсем ладно. Что такое, я не знаю, но во всяком случае Степан не справился и Антону пришлось экстренно выехать, чтобы навести порядок. Должен был Антон приехать третьего числа, но его до сих пор нет» [35, с. 139–140]. Как считают С. Невская и Г. Хиллиг,

причиной этой поездки Макаренко в коммуну было грубое обращение коммунара Носкова с преподавателем во время урока [35, с. 139].

В фундаментальном исследовании киевского периода деятельности А. С. Макаренко, монографии «Испытание властью», Г. Хиллиг и А. Абаринов раскрывают основные детали той борьбы, которая привела к устранению Дидоренко и фактической ликвидации коммуны и как «макаренковского» учреждения, и вообще как педагогической единицы. 31 июля 1936 г. вышел подписанный наркомом внутренних дел УССР В. Балицким приказ «О недопустимом поступке группы воспитанников коммуны им. Ф. Э. Дзержинского», содержание которого отражает существенные изменения педагогической ситуации в детище Макаренко. Как оказалось, группа воспитанников, возмутившись непрофессионализмом нового, назначенного 7 мая того же года, начальника коммуны В. С. Бермана, пыталась дискредитировать его. Суть данного проступка коммунаров отразилась в записных книжках Макаренко: «Обструкция. Пьяный Б. или не пьяный, но у него ребята вытащили партийный билет». Последствия такой формы протеста были определены приказом Балицкого: шесть воспитанников коммуны исключались из нее и направлялись в другие воспитательные учреждения, начальника же педагогической части С. А. Дидоренко было решено «с занимаемой должности снять» [4, с. 133]. Что же касается Вениамина Соломоновича Бермана, то он продолжал работать в коммуне гораздо дольше, чем все его предшественники: с 1938 года он занял место заведующего промкомбината, а в 1941 году стал директором оборонного завода № 296, в который были перепрофилированы предприятия коммуны [278, с. 29].

Преемником Дидоренко стал человек, которого Берман уже не мог заподозрить в приверженности к «макаренковским» традициям воспитания, – С. И. Адамович. После освобождения из коммуны Степан Акимович был назначен управляющим колонии имени М. Горького [4, с. 134]. В «Типах и прототипах» «Педагогической

поэмы» Макаренко намеревался изобразить Дидоренко в образе И. А. Дубовика, дав ему такую характеристику: «Такой какой есть. Он педагог в душе, но малокультурен. Зато он прекрасный и преданный работник» [228, с. 705]. Характерный штрих: в списке прототипов «Педагогической поэмы» фамилия Дидоренко встречается в категории «Свои» [231, с. 490].

Характер отношений А. С. Макаренко с педагогическим коллективом коммуны является одной из тем, исследование которых значительно усложняется ограниченным чослом достоверных источников. Факт, что, в отличие от руководства Горьковской колонией, в коммуне кадровые вопросы уже не были исключительной прерогативой Макаренко, дает основания для поисков если не оппозиции, то, по крайней мере, отсутствия полного единодушия среди педагогов по отношению к его педагогическим инновациям. Возможно, одним из отголосков подобных процессов является фрагмент протокола педагогического совета рабфака коммуны за июнь 1934 г.: перечисляя препятствия, которые мешали работать педагогическому коллективу в течение учебного года, было отмечено несоответствие детскому возрасту «нагромождения внешкольной работы» [507, л. 65–68 об.].

С характером кадрового состава педагогов коммуны тесно связаны вопросы методов и общей продуктивности учебной работы. Среди соответствующих свидетельств интересны уже цитировавшиеся воспоминания И. Д. Токарева о работе учителей-филологов – С. П. Пушникова (русский язык и литература) и Е. С. Магуры (украинский язык и литература) (см. Приложение).

Однако, если оценивать общие показатели качества работы педагогов, то необходимо признать, что на рабфаке коммуны они были достаточно высокими. И. Д. Токарев, учившийся сначала (1934 г.) в школе, а затем (1935–1937 гг.) на рабфаке, подтверждает, что, например, уровень преподавания таких дисциплин, как химия, история и география в коммуне были не хуже, чем в Харьковском архитектурно-строительном техникуме, в который он поступил в 1937

году. Кроме того, по его словам, большое уважение, которым пользовались педагоги в коммуне, само по себе поддерживало дисциплину на уроках в школе. Фактически полученная в учебном комбинате коммуны теоретическая подготовка позволила И. Д. Токареву, как и многим другим коммунарам, успешно выдержать конкурс при поступлении в техникум (см. Приложение).

Инструкторы производства выступали еще одной достаточно многочисленной категорией работников коммуны, педагогическая функция которой, очевидно, выходила за рамки учебных задач, играя важную роль в системе профессионального воспитания коммунаров. Инструктор был именно тем человеком, который не только прививал воспитанникам базовые профессиональные навыки непосредственно на рабочем месте, но и демонстрировал высшие образцы профессионального мастерства, выступал живым носителем профессионального отношения к своему делу. Документы, к сожалению, не сохранили для нас достаточно информации о полном составе, уровне профессионализма и педагогической деятельности инструкторов. Относительно полные поименные списки инструкторов относятся к 27 мая и 9 августа 1935 г. В это время на заводе электроинструмента коммуны на указанных должностях работали: в механическом цехе – Ф. Д. Кушнырь, Н. Т. Лашко, В. М. Луций, П. Г. Остапенко, И. Н. Червенко; в сборочном цехе – В. И. Ефименко, Г. Д. Ковшар, Е. М. Шейдин [585, л. 40–44]. Но в начале августа имена Кушныря и Остапенко уже не упоминаются, зато появилось новое имя – Пономаренко [585, л. 68–73].

Что касается фотозавода, то в мае 1935 г. среди его работников инструкторские обязанности выполняли: в механическом цехе – М. Я. Авва, В. М. Китвенко, Н. А. Разуваев, С. А. Серица; в оптическом – А. И. Байков, Л. Л. Бобрик, Е. И. Дмитриев, О. Ф. Нечай, Е. П. Паточкина, Д. Н. Стариков, Д. Д. Тарарака; в сборочном – Г. С. Грибков, В. А. Попов [585, л. 40–44]. Из них Китвенко и Разуваев в течение лета, вероятно, коммуну оставили [585, л. 68–73].

В этот же период инструкторами инструментального производства коммуны работали А. В. Земелькина, Е. Ф. Степченко, В. И. Филатов, А. С. Шутенко. В списке, датированном 9 августа, появляются два новых инструктора – Педаш и Приходченко, но больше не упоминаются Земелькина и Филатов [585, л. 68–73].

Отрывочные сведения о профессионализме инструкторов иногда находим в управленческой документации и многотиражной печати. Так, приказом по коммуне за октябрь 1934 г. мастеру экспериментальной мастерской фотозавода инструктору Богдану объявлялась благодарность и была выдана премия за то, что он сконструировал устройство для ускоренной рубки пруткового материала [249, с. 331], а 22 апреля в статье «Кропачевщина», напечатанной в газете «Дзержинец», сам Макаренко обращает внимание коммунаров на мастерство одного из мастеров-инструкторов меднолитейного производства коммуны – Поляченко и призывает поучиться у него [248, с. 201]. Как хорошие работники охарактеризованы инструкторы Михаил Иванович Шарий, пришедший в коммуну с завода режущих инструментов [585, л. 9], Григорий Данилович Ковшар, прибывший в июле 1932 г. с Конотопского механического завода [585, л. 7], и Ананий Степанович Шутенко, который перешел в коммуну 2 декабря 1933 г. из Харьковского паровозостроительного завода [585, л. 8]. Но все же в отношении двух последних руководство не забыло отметить, что они в политической жизни себя не проявляют.

Еще меньше можно найти фактов о попытках и формах реагирования инструкторов на неудовлетворительную работу подопечных коммунаров, но можно увидеть, что в арсенале их мер воздействия хватало таких мощных методов, как апелляция к органам самоуправления коммуны. Так, 1 октября 1932 г. совет командиров рассматривал заявление инструктора заготовительного цеха завода электроинструмента Базилевича о том, что воспитанник Яновский делает много брака на сверлильном станке [306, с. 59].

Описание воспитательных возможностей инструкторов будет неполным, если не упомянуть и о некоторых досадных промахах. Инструктор Шевченко в апреле 1930 г. приказом по коммуне получил выговор за нарушение распоряжения завпроизводством и выполнение частных работ в мастерской коммуны [248, с. 197]. Другой его коллега, инструктор сборочного цеха Ф. Р. Бороздин, пришедший в коммуну в апреле 1934 г. с совхоза «Индустриальный» Чугуевского района Харьковской области, партийным руководством характеризовался как посредственный работник, политически невыдержанный, за которым замечено «стремление увеличить свой заработок на рваческих началах» [585, л. 6]. Уже упомянутый выше Ф. Д. Кушнырь, оказывается, был уволен с Харьковского электромеханического завода-школы за пьянку и отказ от работы [580, л. 21–21 об.].

Кроме педагогов и инструкторов, весомой и влиятельной частью взрослого окружения коммунаров выступали представители администрации, инженерно-технические специалисты, рабочие и другие, преимущественно вольнонаемные, работники коммуны.

Особенно интересные данные можно найти о двух сотрудниках коммуны, высокий профессионализм которых органично сочетался с их природной самобытностью и способностью творчески решать производственные задачи, – начальнике производственной части с 1 октября 1927 г. по 15 апреля 1929 г. П. А. Колессе [587, л. 33] и заведующем коммунарским производством с 15 марта 1930 г. С. Б. Когане [248, с. 195].

Упоминание о Павле Адольфовиче Колессе есть в статье А. С. Макаренко «Перевернутые страницы»: «зав. производством – Колеса (!), так неудачно, и часто не по своей вине производящий шкафики и туалетные столики» [333, с. 19]. 21 сентября 1935 г. заместитель начальника педагогической части коммуны Т. Д. Татаринов по требованию Харьковского областного управления НКВД дал такую характеристику Колессе: «в сентябре 1927 г. комиссией по увековечению памяти Ф. Э. Дзержинского было

предложено организовать при ДТК учебные мастерские для воспитанников. С возложенной на него задачей т. Колесса великолепно справился, оборудовав слесарно-механическую и деревообделочную мастерские, снабдив их инструктажем, планами и первыми заказами.

Инженер Колесса был оставлен на работе в коммуне на должности заведывающего производством.

За время своей работы в коммуне проявил себя знающим свое дело, преданным коммуне, большим энтузиастом. Бескорыстен, с рабочим временем никогда не считался. В коллективе хороший товарищ, добросердечный, что особенно проявлялось в чрезвычайно чутком отношении к товарищам, хотя внешний облик т. Колесса всегда носил печать надменного превосходства.

Но вместе с этим слабой стороной его работы была канцелярская бесхозяйственность со всеми ея последствиями: уменье обыкновенно обещать больше, чем мог сделать, отсюда приходилось ему всякими правдами и неправдами изворачиваться, даже скандалить, что в конце своей работы привело к потере авторитета как среди коммунаров, так и лиц, имеющих заказы в коммуне.

В 1929 г. т. Колесса вынужден был оставить работу в коммуне» [587, л. 34].

Чрезвычайно колоритной фигурой был Соломон Борисович Коган, которому Макаренко уделил много внимания в своих художественных произведениях. Коган за несколько лет пребывания в коммуне сменил несколько важных для развития производства должностей: завпроизводством, заведующего коммерческой частью, начальника материально-технической службы Управления объединенными предприятиями коммуны, помощника начальника коммерческого отдела, начальника отдела снабжения, помощника начальника отдела снабсбыта [249, с. 98, 109, 175, 236; 449, с. 273; 506, л. 21–22; 585, л. 46]. Именно в статусе помощника начальника коммерческого отдела он в начале августа 1934 г. получил

благодарность вместе с другими руководителями коммуны [249, с. 251].

Кроме своей сверхпродуктивной организационной деятельности, С. Б. Коган активно полемизирует с коммунарами на страницах многотиражной прессы. Только за апрель 1930 года он опубликовал одну статью в «Шарошке» и три в «Дзержинце»: «Всем будет работа» (ответ на запросы коммунаров о состоянии производства, развитии и планах), «Не надо паники!» и «Грязь» [248, с. 198, 200, 202]. Кстати, в номере «Дзержинца» за 22 апреля, в котором вышли два последних материала Когана, Макаренко в статье «Кропачевщина», описывая ликвидацию последствий брака в литейном цехе, не забывает в очередной раз подчеркнуть авторитет Соломона Борисовича: «Как только установили, что глина не годится, товарищ Коган и все мастера приняли самые решительные меры к исправлению ошибки. Я прямо говорю: проявленная ими энергия и находчивость могут послужить прекрасным примером прежде всего для коммунаров» [229, с. 119].

В подготовительных материалах к «Педагогической поэме», где Соломон Борисович попал в категорию «Свои» [231, с. 490], Макаренко так пишет о срисованном с него персонаже Борисе Самойловиче Клямере: «Такой, как он есть. В коммуне имени Дзержинского он начинает сразу со стандарта и приводит ее к деньгам» [228, с. 704]. В «Марше 30 года» [230, с. 7–102] и «ФД-1» [230, с. 103–214] Коган выведен под именем Соломона Борисовича Левенсона, в пьесе «Мажор» – Соломона Марковича Блюма [230, с. 215–284], в «Флагах на башнях» – Соломона Давидовича Блюма [230, с. 8–312], в плане романа «Человек» – Соломона Давидовича Купермана [251, с. 225]. Но, пожалуй, самую яркую характеристику Соломон Борисович получает от Макаренко на страницах главы «Награды» «Педагогической поэмы»: «у этого человека внутри сидит демон деятельности, и Соломон Борисович ничего с этим демоном поделать не может. Соломон Борисович не принес с собой ни капиталов, ни материалов, ни изобретательности, но в его рыхлом

теле без устали носятся и хлопочут силы, которые ему не удалось потратить при старом режиме: дух предприимчивости, оптимизма и напора, знание людей и маленькая, простительная беспринципность, странным образом уживающаяся с растроганностью чувств и преданностью идее» [228, с. 654; 231, с. 437].

Преемником Когана в деле организации коммунарского производства с марта 1932 г. стал некто Кочубиевский [449, с. 278], должность которого с 27 июля следующего года стала именоваться, как помощник начальника коммуны по производственно-технической части [249, с. 107]. Данные об организаторской деятельности Кочубиевского не оставляют сомнений в его высоком профессионализме, в то же время с предпринимательской инициативой именно этого человека Макаренко связывает депедагогизацию коммуны. В августе 1932 г. в упомянутом письме М. М. Букшпану педагог с болью говорит о главном своем достижение, плоде огромной «филигранной работы» – коллективе, к которому отнеслись так «расточительно и легкомысленно, просто начали его потреблять с жадностью и не оглядываясь, как пришлось по аппетиту Кочубиевского». По образному выражению Макаренко, Кочубиевскому захотелось использовать дисциплину, мощь и культуру уникального коммунарского коллектива «для производственного марафета» [236, с. 49, 50]. Последний раз имя Кочубиевського встречается в документах коммуны 19 ноября 1933 г., когда по его представлению коммунарку Мельникову включили в список лучших работников конструкторского бюро [231, с. 147]. Кочубиевский, вероятно, стал прототипом Г. В. Дмитриевского в пьесе «Мажор», который охарактеризован Макаренко следующим образом: «Высокий, сухой, очень вежливый и всегда серьезный» [230, с. 216; 249, с. 163].

Среди инженерно-технических работников, профессионализм и преданность делу которых легли в основу индустриальных достижений коммуны, особого внимания заслуживает Николай Алексеевич Горбунов. В коммуне он работал с 1 февраля 1932 г. и

сначала занимал должность главного инженера завода электроинструментов [249, с. 83; 585, л. 87]. В этом статусе, например, Горбунов в марте 1933 г. докладывал Совету командиров о положении на заводе [249, с. 92]. Когда 27 июля 1933 г. приказом Балицкого «с целью ускорения освоения нового завода фотоаппаратуры и формирования единого производственного аппарата коммуны» создавалась единая производственная часть, именно Горбунов возглавил ее электроинструментальный отдел [249, с. 107]. Вскоре он был назначен временно исполняющим должность главного инженера и помощника начальника производственно-технической части Управления объединенными предприятиями коммуны [249, с. 109]. В дальнейшем Николай Алексеевич становится главным инженером предприятий коммуны и иногда даже осуществляет временное руководство ею. Он фактически считается ведущим специалистом фотопроизводства, а в августе 1934 года получает благодарность и премию за «ударную работу в конструировании, последущее освоение ФЭДов и внедрение контрольных приборов». В декабре 1934 г., как и другие руководители коммуны, он удостаивается звания почетного коммунара [250, с. 43; 249, с. 166, 251, 254, 324]. Есть сведения, что Горбунов разделял судьбу Кононенко, Сахарова и Силакова и в коммуну имени Дзержинского попал не по своей воле – 10 февраля 1931 г. Коллегией ОГПУ он был осужден на 10 лет заключения в концентрационном лагере, который, очевидно, и был заменен работой по специальности на подчиненных ГПУ предприятиях [585, л. 87]. В конце концов следует вспомнить, что Макаренко нашел место и Горбунову среди персонажей пьесы «Ньютоновы кольца» – Николай Алексеевич послужил прототипом для создания образа П. П. Воргунова [249, с. 150, 163].

Тем же июльским 1933 года приказом В. А. Балицкого начальником оптического отдела Управления объединенными предприятиями коммуны назначался Л. П. Перфильев [249, с. 109]. Высококвалифицированный специалист, он на декабрь 1933 года

занимал уже две ключевые должности – помощника главного инженера и начальника опытного завода фотоаппаратов [249, с. 175, 207, 211]. Правомерно предположение, что Перфильев также принимал участие и в проведении занятий технического минимума для коммунаров, поскольку, когда 9 мая 1934 г. приказом по коммуне организовывались эти занятия, присутствие на них руководителей производства, в том числе и Перфильева, считалось обязательным [249, с. 238]. По пока неизвестным причинам в дальнейшем Перфильев был несколько понижен в должности и в течение 1935 года работал только начальником оптического цеха фотозавода [585, л. 40-44; 587, л. 6]. Поскольку Перфильев играл заметную роль в развитии фотопроизводства коммуны, Макаренко не мог не выбрать этого опытного инженера, как и его коллегу и руководителя Н. А. Горбунова, прототипом одного из персонажей пьесы «Ньютоновы кольца» [249, с. 291].

Когда 4 марта 1934 г. П. Е. Силаков оставил должность начальника электро-инструментального завода, на его место был назначен другой, не менее опытный специалист – А. С. Петров [249, с. 206]. Успехи Петрова в руководстве сложным предприятием не остались без внимания, 3 августа 1934 г. он был премирован за, как отмечалось в приказе, «выполнение программы по ФД-3 и своевременную подготовку технологического процесса по ФД-5» [249, с. 251]. Наше внимание фигура Петрова привлекает с учетом одного весомого обстоятельства: он был сторонником и, очевидно, активным создателем уникального по своему профессионально-воспитательному значению проекта – изменения статуса завода электроинструментов, превращения его в «коммунарский завод». Последнее подтверждает выступление Петрова 20 ноября 1934 г. на заседании Совета командиров [249, с. 318]. Петров за большие заслуги был отмечен званием почетного коммуара [249, с. 324], свою же должность начальника электропроизводства коммуны занимал до 1940 года [278, с. 23].

Можно назвать еще несколько имен специалистов, чья способность решать самые сложные технологические задачи, практический опыт и самоотверженный труд стали ведущим фактором в формировании профессиональной среды коммуны. Это И. М. Болотин – начальник отдела технического контроля, роль которого «в борьбе за качество, внедрение контрольно-измерительных приборов» в августе 1934 года была отмечена руководством [249, с. 251; 585, л. 1, 50]; С. С. Шейнгауз – начальник центрально-инструментального отдела Управления объединенными предприятиями коммуны, позже руководитель технологической группы технического отдела, также награжденный «за организацию производства оптических станков и подготовку ФД-5» [249, с. 109, 251; 585, л. 40–44]; П. А. Ярошенко – в 1935–1936 гг. начальник фотопроизводства коммуны [585, л. 1, 40–44]. Последний 5 января 1936 г. выступил в «Дзержинце» с большой статьей «За стахановский фотозавод», в которой поднял вопросы оптимизации использования оборудования, налаживания бесперебойного снабжения, устранения нарушений трудовой дисциплины среди коммунаров [485].

Долгое время руководил планово-экономическим отделом Управления объединенными предприятиями коммуны Г. Н. Аврутин, который позже, в 1938–1942 годах возглавлял созданный при коммуне завод № 3 – специальное оборонное предприятие – и в тяжелых условиях эвакуации наладил выпуск очень нужной для фронта оптической продукции [278, с. 32]. Кроме того, не последняя роль в технологических успехах коммуны принадлежала руководителям подразделений фотопроизводства – начальникам сборочного цеха Зарецкому и Д. Б. Чечельницкому, начальнику механического цеха А. Е. Лапко, руководителям сборочного и литейного цехов электропроизводства М. Ф. Рютину и Я. К. Чурилову, начальнику инструментального производства Д. М. Шарикову и многим другим [585, л. 40–44, 80].

Но, как отмечалось, несмотря на воспитательный профиль коммуны, ее руководство не проявляло особой осторожности в

вопросах подбора вольнонаемных работников собственных предприятий, благодаря чему довольно часто среди последних попадались люди, по своим морально-психологическим и профессиональным характеристикам способным создать определенную альтернативу тем профессиональным идеалам, к которым пытался приобщить своих воспитанников Макаренко. Показательным в данном отношении является письмо А. И. Броневого И. Я. Теперу, датированное 4 февраля 1934 г.: «Судя по приказам, у нас в приеме на работу делается из Коммуны проходной двор. Надо установить порядок, чтобы мы служащих принимали бы с рекомендацией и с характеристикой или аттестацией прежней службы.

Не забывай, что мы предприятие ГПУ и всякая сволочь хочет к нам пролезть.

<...> надо установить порядок определения категорий или перевода из одной категории в другую, такой, чтобы спецкомиссия техников и лучших майстеров определяла эти категории после экзамена в нерабочее время, причем в экзамен должны быть включены и теоретические знания, а само определение или перевод в высшую категорию должно быть событием на заводе и все должны знать об этом, а не механически приказом переводить». Кстати, напоследок Броневой высказал свои претензии и к практике формирования контингента воспитанников: «Почему грубо нарушаются мои указания, принимаются и увольняются коммунары без моей санкции?» [576, л. 4–5]

Во исполнение требования Броневого в середине февраля секретный отдел стал посылать запросы на предыдущие места работы сотрудников коммуны на предмет их профессиональных, деловых, общественно-политических качеств, а также возможных компрометирующих фактов. Эти данные создают не совсем положительную общую картину кадрового состава работников подведомственного ГПУ учреждения. Приведем документальные данные, сохранившиеся в архиве: слесарь К. С. Рябцев до прихода в

коммуну был уволен с харьковского завода «Свет шахтера» за прогул [579, л. 24]; М. И. Шапошников, работая на Харьковском турбогенераторном заводе, как фрезеровщик «был рабочим низкого качества», впрочем, обязанности планировщика выполнял «не плохо» [579, л. 37]; О. О. Долотов за время пребывания в «Укровощтрактороцентре» – организации, расшифровку названия которой нам, к сожалению, найти не удалось – сначала как техник-механизатор, а затем референт бюро рационализации и изобретательства, с работой «справлялся слабо, ввиду недостаточной технической подготовленности и неприспособленности к работе в аппарате», также имели место отдельные упущения в работе, за что он и был уволен [580, л. 23]; М. А. Иванов, осуществляя технический контроль инструментального цеха на Харьковском металлопрокатном и штамповочном заводе, «к работе относился не с должным вниманием, имел прогулы без уважительных причин» [580, л. 16]; с этого же завода был уволен «за халатное отношение к своей работе, выражавшееся в бездеятельности к исполнению своих обязанностей по борьбе с браком и улучшению качества продукции» и заведующий Отделом технического контроля И. Л. Згурский [580, л. 17]; «как несоответствующий своему назначению» лишился должности счетовода Харьковского районного рабочего кооператива В. Д. Андрианов [580, л. 18]; Г. Е. Розенберг всего за полгода работы в оружейных мастерских получил такую характеристику: «слесарь был плохой, не выходил на работу по 2–3 недели» [580, л. 15]; с Харьковского электромеханического завода-школы были уволены, за прогул – С. С. Гурин и за неявку на работу – В. Н. Козополянский [580, л. 21–21 об.]; П. И. Покровский, как главный бухгалтер авиазавода, «на работе себя не проявил, слабый администратор и организатор» [580, л. 29].

Среди отзывов в целом немного относительно положительных характеристик. Так, В. В. Лицкиндорф, работая на харьковском авиазаводе, «себя ничем не проявил, со своей работой справлялся удовлетворительно. В общественной, политической работе был

пассивным» [580, л. 24]. Схожую характеристику получил и другой работник авиазавода – бухгалтер Гордиенко [580, л. 25]. Работником «рядовым и безынициативным» была на турбогенераторном заводе исполнитель стола личного состава В. А. Храско [580, л. 28].

Вполне положительные отзывы получили лишь несколько работников. Н. И. Кравцов, работая помощником бухгалтера на авиазаводе, зарекомендовал себя как «усидчивый» и такой, что «аккуратно относился к своим обязанностям» [580, л. 30]. Студент 3-го курса Харьковского авиационного института В. Д. Загребаев, учившийся без отрыва от работы в коммуне, охарактеризован своим вузом как «способный парень, развит достаточно, активно работает в планерном деле» [580, л. 13]. М. Т. Завгородний как техник в проектном отделе Украинского научно-исследовательского авиадизельного института «был работником аккуратным, исполнительным и выполнял порученную работу достаточно успешно» [580, л. 12].

При этом стали известны и свидетельства высоких профессиональных качеств инженерного состава. К. Пионтек, работая помощником прораба на строительстве Харьковского турбогенераторного завода не только хорошо выполнял свои должностные обязанности, но вносил рационализаторские предложения, за что неоднократно премировался [579, л. 26]; бывший работник «Гипростали» Криворотченко получил отзыв как хороший конструктор тепловой части электроподстанций, инициативный, добросовестный исполнитель порученной работы [580, л. 26]. Своего бывшего сотрудника Л. П. Гавро Ленинградский государственный оптический институт охарактеризовал как добросовестного, аккуратного и дисциплинированного, не имевшего никаких нарушений трудовой дисциплины [580, л. 35].

В целом, среди полученных специальной частью коммуны в течение 1934 года 32-х характеристик и отзывов на работников, вполне позитивными могут считаться только 8 (25 %) и нейтральными – 7 (21,9 %), в то время как отрицательными –

17 (53,1 %) [579, л. 24, 37; 580, л. 12, 13, 15–18, 21–26, 28–30, 33, 35–38, 40, 47, 49, 50].

Как и в Горьковской колонии, существенным обстоятельством, значительно влиявшем на образовательные возможности учреждения, был состав воспитанников. В момент открытия коммуны базой для комплектования ее контингента Правление считало подростков 12–16 лет [564, л. 1], но в дальнейшем возрастной диапазон воспитанников коммуны был несколько приподнят – в конце 1930 года, как свидетельствуют документы, принимались юноши и девушки в возрасте от 14 до 18 лет [506, л. 1]. Достаточно непродолжительное пребывание питомцев в коммуне, дишь 3–4 года, также усложняло ее задачи и, по мнению Макаренко, значительно ограничивало ее педагогическую эффективность, поскольку период детства до примерно 14 лет, а также жизненные дороги коммунаров после выпуска были фактически вне контроля коммуны [564, л. 9–9 об.].

В заключение для характеристики некоторой части коммунаров стоит упомянуть рапорт А. С. Макаренко как начальника педагогической части начальнику коммуны от 14 января 1934 года «По вопросу о так называемой кавсекции девочек»: «как известно, в составе девочек-комунарок наблюдается слабое развитие, чрезмерная погоня за удовольствиями, нелюбовь к книге, к учебе, к культурному отдыху. Стремление девочек в кавсекцию есть продолжение того же порядка, в этом стремлении нет ничего, кроме погони за простым удовольствием, некоторого фантазирования и уклонения от серьезных требований, которые к девочкам предъявляют рабфак и коммунарская общественность.

<...> Вместе с тем, нужно отметить, что состав кавсекции девочек на 70 % является неуспевающим в рабфаке: из 16 человек 11 были лишены в ноябре и в декабре стипендии за неуспеваемость» [579, л. 8, 8 об.].

3.3. Эволюция академического компонента профессионального развития воспитанников коммуны

Образовательная работа в созданных и руководимых А. С. Макаренко воспитательных учреждениях неоднократно становилась объектом не только тщательного научного анализа, но и достаточно острой полемики. Некоторые из критиков педагога усмотрели в его педагогической системе недооценку роли школы и обучения за счет гиперболизации производственного труда и самоуправления. Но если история Горьковской колонии действительно дает некоторые основания для подобных выводов оппонентов, то общеобразовательной компонент Детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского предстает перед нами как достаточно сложное и развитое педагогическое явление. Особенно большой интерес общеобразовательные основы коммуны представляют в контексте анализа макаренковского детища как среды профессионального развития. По мнению Н. В. Абашкиной, образовательная система коммуны имени Дзержинского – это не что иное, как настоящая профессиональная школа, содержание учебной работы которой предусматривало два направления: общеобразовательного минимума и прикладных знаний в отношении производительного труда, таких, как технология материалов (металла, дерева) и черчения [5, с. 27].

Хорошо организованная и квалифицированная общеобразовательная работа была одной из особенностей воспитательной системы коммуны имени Дзержинского, кардинально отличавшей ее от других учреждений интернатного типа того времени. Характерной оценкой этого аспекта деятельности учреждения является выражение Макаренко, что коммуна не знает пропасти между умственным и физическим трудом [229, с. 139]. Как подчеркивает та же Н. В. Абашкина, именно работа на современном производстве, причастность к выпуску таких сложных приборов, как

электродрели и фотоаппараты, предопределяла появление у коммунаров стремления к теоретическим знаниям [5, с. 28].

Сочетание доведенной до совершенства производственной квалификации с качественной общетеоретической подготовкой дает основания говорить о коммуне имени Дзержинского как уникальном образовательном явлении. Открытый в коммуне рабфак машиностроительного института, писал Макаренко, подводит коммунара непосредственно к высшему техническому учебному заведения, куда он входит не только подготовленным студентом – он уже и мастер высокой квалификации [227, с. 42].

На основе анализа учредительных документов, созданных А. С. Макаренко в момент организации коммуны, а также содержания его полемики с представителями официальной педагогики мы попробуем выяснить различия взглядов педагога о роли общеобразовательных институтов в организации профессиональной перспективы воспитанников.

Оценку исходной установки коммуны имени Дзержинского в области образовательной деятельности позволяет сделать комплекс документов из фондов Государственного архива Харьковской области, до сих пор не привлекавших должного внимания исследователей. Из отдельного архивного дела коммуны были опубликованы и получили широкий научный резонанс лишь несколько материалов: подготовленные в начале 1928 года специально для получения экспертной оценки Украинского научно-исследовательского института педагогики, подписанные председателем ее Правления Блатом и секретарем Правления Письменным «Соображения о детской трудовой коммуне имени Ф. Э. Дзержинского» [564, л. 1] и составленные А. С. Макаренко проекты – «“Конституция” трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» [564, л. 2–5 об.] и «Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» [564, л. 6–9 об.].

Другие учредительные документы, авторство которых, очевидно, принадлежит членам педагогического коллектива и инструкторам коммуны, подробно раскрывают цели и содержание ее как школьной, так и производственной учебной деятельности. Вполне логично предположить, что главные принципиальные положения этих документов формулировались самым Макаренко или были подготовлены под его непосредственным руководством, но, учитывая стилистику текстов, приходим к выводу, что заведующий коммуны непосредственного участия в их написании не принимал.

Документы показывают, что коммуна в момент образования определяла свою общеобразовательную цель как трудовую подготовку подростков, конкретизируя ее в задании дать воспитанникам формальные знания до уровня, необходимого для вступления в профшколы и для выхода на производство. Согласно целевой установке, содержание учебной работы коммуны предусматривало две составляющие: а) общеобразовательной минимум; б) прикладные знания для производственного труда [564, л. 10].

Вопрос о типе общеобразовательного учебного заведения в коммуне органично был связан с ее целевой установкой. А. С. акаренко подчеркнул в своем выступлении в УНИИП, что педагогическая цель коммуны в самом общем виде – это воспитание рабочего [394, с. 3]. Но именно на этой почве у него возникло кардинальное различие с позицией института. Последний настаивал на ведущей роли в учреждении школы и образовательного процесса, а в качестве вариантов предлагал школу-семилетку или фабрично-заводскую семилетку (ФЗС).

Полемизируя с учеными, Макаренко говорит, что к подобной мысли и коллектив коммуны склонялся в первые дни ее организации, но недавно, то есть, очевидно, в марте 1928 года, он осознал все последствия такой формы образования. Если, отмечает Макаренко, будет признано, что коммуна является школой фабрично-заводского ученичества или ФЗС с точной регламентацией «всех программных

движений в среде этого учреждения», то придется, во-первых, снизить возраст воспитанников до нормального школьного возраста, во-вторых, проводить отбор воспитанников по чисто школьным признакам и, в-третьих, в определенной степени отказаться от материального эффекта мастерских, а самым мастерским придать характер учебных. Кроме того, при таких условиях придется в значительной мере отказаться от самообслуживающей функции, которая, забирая до 25 % детской силы, отвлекает детей от школьной работы и учебно-производственной работы мастерских. И, наконец, надо будет совсем отказаться от работы на 5 десятинах сельскохозяйственных угодий коммуны. Подытоживая сказанное, Макаренко отметил, что организация коммуны на базе серьезной школьной работы – это отказ от всех главных принципов ее внутреннего строя и даже от самого термина «трудовая коммуна», это изменение «всего цикла взаимоотношений в детском коллективе, всего цикла внутреннего быта». В этом случае место коммуны займет ФЗУ с интернатом или детский дом с уклоном на ФЗУ или на ФЗС [229, с. 73; 394, с. 50–51].

Однако А. С. Макаренко предложил другой, на тот момент, по его словам, наиболее целесообразный путь развития учреждения – установку на трудовую детскую коммуну, трудовой детский коллектив, главной целью которого является воспитание. Свою позицию он объяснил чрезвычайной пестротой в возрастном и образовательном отношении детского состава коммуны: в трех школьных группах есть слесари, столяры и представители других специальностей, и одновременно в деревообрабатывающей мастерской, например, работают ученики 1, 2, 3 и 4 групп. Эти обстоятельства не позволяют создать точную школьную программу. «Мы имеем 3 производства, 3 вида работ, – говорит Макаренко, – и наладить школьную программу – значило бы каждую группу делить на 3–4 части». К тому же, построение фабрично-заводской семилетки для достаточно малочисленного контингента коммуны, всего в 100 человек воспитанников, является чрезвычайно невыгодной и по

финансово-экономическим соображениям [229, с. 73; 394, с. 50–51]. Справедливость данного аргумента Макаренко подтверждается статистическими данными: среднее количество учеников по трудовым школам Украины в 1927–1928 учебном году равнялась 368 чел. [329, ст. 595–596]

Другой аргумент, который, по мнению Макаренко, противоречит целесообразности создания ФЗУ в коммуне, для нас представляет определенный интерес. Педагог объясняет, что дети, которые свободно поступают в обычной ФЗУ, тем самым удовлетворяют свой собственный профессиональный выбор, в то время как случайный подбор воспитанников коммуны лишает их возможности такого выбора: «к нам приходят дети без подобранной целеустремленности, которых не спрашивают о их желаниях (они имеют различные желания и цели), и быть уверенным, что все дети пожелают быть слесарями или столярами или деревообделочниками нельзя, т. к. часть думает быть механиками, часть думает пойти на рабфак и т. д. <...> у нас они должны определить свои интересы и вкусы, а эти интересы настолько разнообразны, что мы их всех удовлетворить не можем» [229, с. 73–74; 394, с. 51–52]. В этих словах, как видим, проявляются отголоски общей аксиологической направленности Макаренко, в частности его ценностного отношения к возможности свободного профессионального самоопределения личности.

ФЗС и ФЗУ, обеспечивая относительно качественное среднее образование, были ограниченными с точки зрения возможностей для профессионального самоопределения своих воспитанников. Фабрично-заводская семилетка, которая начала создаваться с 1926 года в промышленных центрах Украины как и всего СССР, выступала не особым типом школы социального воспитания, а лишь развитием и углублением индустриального уклона в последней. Не будучи по своей сути профессиональной школой, ФЗС перед собой задачу предоставить производственную квалификацию вообще не ставила, а имея кустарные мастерские, ограничивалась лишь ознакомлением

учащихся с некоторыми трудовыми приемами и процессами [329, ст. 582, 591; 330, ст. 457].

Входя в систему профессионального образования, значительно более серьезные задачи производственного обучения и овладения рабочими профессиями видела перед собой школа фабрично-заводского ученичества. Но ФЗУ не совсем отвечала стартовым возможностям коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, поскольку свой учебный процесс, как правило, привязывала к большому промышленного производству того предприятия, на базе которого существовала. К этому надо добавить, что ФЗУ считались временными профессиональными заведениями и возникали в связи с острой потребностью предприятий в квалифицированных рабочих и недостаточным уровнем образования рабочей и крестьянской молодежи [329, ст. 581, 593; 330, ст. 718]. По сути, ФЗУ решала кадровые вопросы своего базового предприятия и целенаправленно не ориентировала учащихся на продолжение образования.

В противоположность ФЗУ, в коммуне, говорит Макаренко, ставка на твердую квалификацию не всегда должна быть выдержана, но коммуна предоставляет определенную свободу движения детей, часть из которых после выпуска может пойти на рабфак и специализироваться как хозяйственники, служащие и т. д. Он даже выступал за установление и для педагогического совета определенной свободы руководства данным движением воспитанников: «если у ребят будет уверенность, что они получат поддержку, то смело пойдут в сторону определения своих вкусов, в сторону определения себя». «Мы имеем производственные мастерские, – говорил педагог, – в то же время даем определенную школьную подготовку, чтобы воспитанник мог пойти дальше продолжать свое образование» [229, с. 73–74; 394, с. 52–53]. Далее Макаренко формулирует свой вариант организационно-педагогического устройства учреждения: детская трудовая производственная коммуна с усилением финансовых прав детского самоуправления (то есть, с предоставлением ему права распоряжаться суммами на счетах коммуны), с производственным

эффектом, выражающимся в определенной самоокупаемости, и с увеличением заработка мастерских. Главной целью такого учреждения выступает «выпуск в жизнь подготовленных людей, хотя без строгой школьной установки» [229, с. 74; 394, с. 52].

Приведенная ниже таблица (3.2) позволяет наглядно представить и сравнить главные различия организации, целевых установок и образовательно-воспитательных возможностей коммуны имени Дзержинского и предложенных работниками УНИИП альтернативных макаренковскому проекту типов профессионально-образовательных учреждений [229, с. 69–80; 329, ст. 581–583, 590, 591, 593; 330, ст. 457, 718; 394, с. 38–109].

Но аргументация Макаренко на упомянутом заседании секции социального воспитания УНИИП все же не была принята оппонентами. В своем выступлении директор института А. И. Попов продолжал отстаивать идею ФЗС как «средства окончательного формирования этого детского учреждения». Свою позицию он выразил следующим образом (стилистика оригинала – А. Т.): «ФЗС – это не только программа семилетки, а стержень, вокруг которого должна сосредоточиваться и чисто воспитательная система в этом учреждении». Кроме того, Попов предлагал благодаря тщательному отбору воспитанников в коммуну и обеспечения ее «высококвалифицированными педагогами», которые «должны чувствовать себя в роли профессуры», довести уровень учебной работы до того, чтобы выпускники без экзаменов принимались в техникумы и вузы [394, с. 55–56]. Его мнение относительно подготовки воспитанников в объеме полного среднего образования, которое приравнивало бы их к выпускникам рабфака, было поддержано и вторым ведущим украинским ученым того времени – педагогом-дефектологом И. А. Соколянским [394, с. 83].

Против «недооценки» Макаренко школьной работы на заседании также выступила и одна из главных его оппонентов – инспектор интернатных учреждений Упрсоцвоса НКП УССР В. М. Дюшен. Она обвинила Макаренко в том, что он якобы

отказывается дать перспективу воспитанникам коммуны. Дюшен обратила внимание на отсутствие в коммуне нужного школьного оборудования, кроме «зачатков химической лаборатории» и «кое-что для физического кабинета». По ее мнению, такая постановка работы – это ориентация на малограмотного чернорабочего.

Таблица 3.2

Сравнительная таблица организационно-педагогических параметров коммуны имени Ф. Э. Дзержинского и украинских средних профессионально-образовательных учреждений конца 20-х годов XX века

Базовые параметры	**Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского (исходные позиции)**	**Фабрично-заводская семилетка (2-й концентр)**	**Школа фабрично-заводского ученичества**
1	2	3	4
Тип учреждения	Детская трудовая коммуна (интернатное учреждение для беспризорных подростков)	Общеобразовательная школа (в городах, рабочих поселках и фабрично-заводских районах) с развитием и углублением индустриального уклона; не относится к учреждениям профессионального образования	Временный тип профессиональной школы для рабочей и крестьянской молодежи, имеющей низкий уровень образования
Целевая установка	Социальная реабилитация беспризорных; воспитание рабочего с определенным уровнем общего образования	Предоставление общего образования и некоторое ознакомление с трудовыми приемами и процессами	Подготовка молодых квалифицированных рабочих для базового предприятия

Продолжение табл. 3.2

1	2	3	4
Способы комплектования контингента	Направление из коллекторов-распределителей и других интернатных учреждений, в отдельных случаях непосредственный подбор с улиц	Вступление по собственному выбору	Вступление по собственному выбору
Возрастные и образовательные требования к поступающим	Возраст, в соответствии с проектом, – от 12 до 16 лет Объем знаний неоднородный и несоответствующий возрасту	Возраст, точно соответствующий началу второго концентра (12 лет) Объем знаний младшего концентра школы соцвоса (за 1–4 классы)	Возраст прибл. 14–18 лет Объем знаний прибл. младшего концентра школы соцвоса (за 1–4 классы)
Срок пребывания в учреждении	3 года	3 года	3–4 года
Особенности организации воспитательного процесса	Создание трудового детского коллектива с широким самоуправлением, задействованного в процесс материального производства	В формах и объемах, традиционных для средних общеобразовательных учебных заведений	В формах и объемах, традиционных для средних профессиональных учебных заведений

Окончание табл. 3.2

1	2	3	4
Тип и функции производственных мастерских	Полукустарные мастерские промышленного типа с развитием самоокупаемости	Кустарные мастерские учебного типа	Подготовительные мастерские при базовом предприятии, дававшие начальную специальную подготовку, необходимую для продолжения обучения непосредственно на производстве
Возможности для профессионального обучения и тип квалификации	Получение средней производственной квалификации по специальностям слесаря, столяра, сапожника	Общее ознакомление с трудовыми приемами и процессами	Получение законченной рабочей квалификации, в соответствии с профилем и возможностями базового предприятия

«Не понимаю тов. Макаренко, – восклицала Дюшен, – который говорит, что, если будет нормальная школа, то это значит свести на нет мастерские, самообслуживание, сельское хозяйство и т. д. Нельзя ставить задачу только на то время, когда ребята в учреждении, и не ставить вопроса в перспективе». По ее мнению, именно окончание семилетки открывает перед учеником широкое поле деятельности [394, с. 74–75].

Обращает на себя внимание тот факт, что в учредительных документах коммуны, а также выступлениях Макаренко на данном заседании, отсутствуют упоминания о профессиональной школе как перспективе для выпускников коммуны. Среди участников дебатов профшкола, которая в то время была обязательным этапом среднего образования [329, ст. 580], упоминается лишь научным сотрудником УНИИП, членом Научпедкома Упрсоцвоса НКП УССР В. И. Яковлевым и В. М. Дюшен [394, с. 60]. Очевидно, функцию профессиональной школы Макаренко полностью или частично

отводил мастерским коммуны, которые призваны были обеспечить рабочее будущее воспитанников. В пользу этого, помимо прочих высказываний, говорит уже цитированный выше фрагмент его дальнейшего выступления, где он приводит «два проклятия» беспризорщины: материальную бедность в учреждениях, не позволяющую всех воспитанников охватить учебно-воспитательной работой, и полное отсутствие опеки выпускников. «У нас в колонии, – продолжает он, – первое проклятие мы уничтожили: воспитанник живет в богатой, в смысле питания, машин и даже эстетики, обстановке. Дальше нужно, чтобы воспитанник был спокоен за свое будущее и естественным путем вошел в жизнь здорового рабочего человека» [229, с. 75; 394, с. 72]. Под таким «естественным путем», без сомнения, Макаренко понимал получение коммунаром настоящей рабочей квалификации.

Возражения Макаренко против иногда довольно резонных аргументов участников заседания в вопросах обучения коммунаров вытекают, по нашему мнению, из разногласий в понимании такого важного понятия, как перспектива воспитанников. Для его оппонентов обеспечение перспективы для выпускников интернатных учреждений означало главным образом предоставление им квалификации. Для Макаренко же получение производственной профессии было лишь частью более широкого социального контекста развития воспитанников. А задаче формирования и укрепления всего диапазона социальных связей подростков наиболее адекватно отвечал отстаиваемый им уклад детской трудовой коммуны с крепким коллективом, развитым самоуправлением и производственным трудом. Именно такая система воспитания делает выпускника учреждения более адаптированным как в социальной, так и в узкопрофессиональной среде. Кроме того, полученные в коммуне общественные, хозяйственные, экономические и другие навыки вводили ее воспитанников в гораздо более широкий профессиогенетический контекст, чем тот, который могли ощутить ученики ФЗС или даже ФЗУ.

В заключительном слове Макаренко содержится высказывание, которое может быть интересным с учетом дальнейшей истории развития образования в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Продолжая отстаивать свой тип организации внутренней жизни учреждения, педагог публично отрицает ту модель ее развития, которая, как мы теперь знаем, фактически станет реальностью всего через несколько лет. Приведем полностью его слова: «Что касается типа школы, какой установить у нас, то можно установить какой угодно. Можно установить ФЗС с прекрасным преподаванием, с ограниченным самообслуживанием, точной программой, мастерскими – и это, конечно, будет хорошее учреждение <...>. Можно это сделать, но увязать нельзя, приступите к конструированию, и вы ни за что не увяжете <...>. Я не считаю себя неспособным воспитателем, но не увяжу. Здесь сидит заведующий производственными мастерскими – инженер Колесса, и он тоже не сумеет увязать. Можно увязать с самообслуживанием рубку дров, работы в саду и т. д. с точной производственной программой в мастерских, но увязать самообслуживание, мастерские и полную школьную программу невозможно». Причины этого Макаренко объясняет нехваткой средств и тем, что идеологически такое учреждение не будет настоящим памятником Дзержинскому как дом для беспризорных. «Это будет школа, прекрасная школа с интернатом, которой будут завидовать другие школы, но далеко стоящая от обычного типа детского коллектива, колонии для беспризорных. Доказать это я, может быть, не сумею, но я уверен, поскольку имею дело с коллективом» [229, с. 78–79; 394, с. 101–102].

Хотя дальше Макаренко жалуется на то, что практика детских домов настолько является неразработанной, настолько является не определенной никакими положениями, что трудно установить законы, свой пессимизм он несколько развеивает таким прогнозом: там, где есть удачный состав воспитателей, там, где создана определенная своя школа, определенный свой уклад, который нашел в своей обстановке свои формы, «там дело двигается успешно, и я думаю, что в этой

трудкоммуне успех будет в том случае, если найдется коллектив, который сумеет создать свою школу.

Дружная работа 5–6 людей, которые сумеют найти, применительно к данной обстановке, нужные и полезные формы, даст успех в работе <…>» [229, с. 79; 394, с. 102–103].

Можно предположить, что только с появлением свободных средств в коммуне, укреплением педагогического потенциала и развитием воспитательного коллектива начертанный Макаренко в приведенном отрывке образ идеального детского учреждения стал постепенно приобретать реальные формы.

На момент пятилетнего юбилея коммуна уже имела так называемый учебный комбинат, который включал школу и рабочий факультет, был рассчитан на 6 лет обучения [73, с. 51]. Материально-технический уровень учреждения позволил ввести кабинетную систему – в 1932 году уже были оборудованы такие учебные кабинеты: математический, физический, черчения, природоведения, социально-экономической истории, языка, кроме того функционировал физкультурный зал [306, с. 52]. Значительным образовательным фактором коммуны также выступала библиотека, на осень 1932 года насчитывавшая около 8000 томов. Показателем эффективности ее работы является активность читателей: среднее количество выдаваемых ежедневно книг колебалась в пределах 60–80 экземпляров [73, с. 51]. Позже педагогический совет принял решение о создании отдельной учебной библиотеки, с двумя отделениями – для педагогов, очевидно, научно-методического характера, и учебно-техническим – для студентов [507, л. 65–68 об.].

Образовательно-возрастная неоднородность воспитанников, как уже отмечалось, значительно осложняла налаживание и руководство учебной сферы коммуны. Лучшей иллюстрацией для этого выступают данные о возрастном составе рабфака и техникума. Даже по неполным данным, в конце 1932 года учениками первого курса рабфака были юноши и девушки 1914–1917 годов рождения, второго курса – 1914–1916 годов и третьего – 1912–1914 и 1916 годов; то есть 17-летний

возраст был средним возрастным показателем практически для каждого года обучения [76, с. 89, 90, 95, 97, 100, 105-107, 109, 113, 114, 116, 117, 120; 196, с. 85, 101, 112, 115, 144]. Еще большей возрастной пестротой отличался техникум коммуны: также по неполным данным, к числу его первокурсников в ноябре 1934 года принадлежали лица в основном 1915, 1917 и 1919 годов рождения, ко 2-му – 1913–1918 годов и к 3-му курсу – 1914–1916 и 1920 годов. [76, с. 89, 105, 107, 117; 196, с. 61, 67, 69, 78, 81, 94, 98, 99, 105, 110, 112, 115, 119, 120, 123, 127, 131–134, 142, 148, 152, 154, 158, 159]. Такое почти шестилетнее отставание в образовательном развитии старших коммунаров от младших объединяло в пределах одной учебной группы представителей, по сути, разных возрастных групп, имеющих значительные социально-психологические, интеллектуальные и другие отличия.

На протяжении своего существования учебная часть коммуны пережила довольно сложную эволюцию. Путем сопоставления многих архивных и литературных источников мы восстановили историю эволюции представлений А. С. Макаренко и педагогического коллектива коммуны относительно оптимальной формы организации обучения воспитанников (см. табл. 3.3, 3.4, 3.5, 3.6).

В проекте операционного плана коммуны А. С. Макаренко, приводя перечень личностных качеств и навыков, которые коммуна должна сформировать у своих питомцев, одним из пунктов называет грамотность, то есть вполне достаточную сумму формальных знаний и навыков в языке, графике, математике, естествознании и истории [564, л. 6 об.]. Конкретизирует эти намерения один из учредительных документов, подготовленных в начале 1928 года – «Вступление к программам и планам учебной работы в школе и в мастерских детской Коммуны им. Ф. Э. Дзержинского», – именно он определяет главные целевые, организационные и содержательные параметры профессионально-образовательной работы учреждения. Согласно этому документу, уровень общеобразовательной подготовки коммунаров должен был отвечать седьмому классу трудовой школы

2-й ступени. Имея в 1927–1928 учебном году только 6 групп (классов), школа коммуны в перспективе предусматривала за счет приема новых воспитанников с уровнем начальной подготовки (первых двух классов) дополнительно открыть VI и VII классы.

Начало занятий, согласно требованиям к организации учебного процесса в школе коммуны, назначалось на 1 сентября, продолжительность учебного года, разделенного на триместры, равнялась 9 месяцам. Также в течение учебного года предусматривались два межтриместровых перерыва и перерыв «во время летних сельскохозяйственных работ». В учебные планы коммунарской школы входили следующие дисциплины: обществоведение (I–V классы), украинский язык (II–V классы), русский язык (I–V классы), арифметика (I, III–V классы), геометрия (V класс), алгебра (V класс), природоведение (I, III–V классы), физика (V класс), география (I, III–V классы) [564, л. 10–13].

Профессионально-образовательный характер школы коммуны уже с самого начала ее существования можно хорошо проиллюстрировать примерами из учебных программ. Курсы обществоведения, природоведения и географии, начиная со II класса, включали ряд тем сугубо профессионально-технического направления: второклассники, например, изучали развитие техники до изобретения паровой машины, средства передвижения теперь и в древние времена, использование сил природы, роль рек как путей сообщения, пароход, паровоз, самолет (обществоведение). Вниманию же учеников третьего класса предлагались темы промышленного характера: экономика Харьковского округа (география, III класс); товар, его получение, обработка сырья, транспортировка на рынок; современная промышленность: крупная, мелкая, кустарная, ремесленная, добывающая и обрабатывающая; сельское хозяйство; техника труда; машины, история машин, простые машины, рычаг, клин, паровые котлы, производительность машины; эволюция сельскохозяйственных орудий до трактора, двигатели внутреннего сгорания; электричество как сила, электрическая машина, магнит,

применение электричества в жизни общества, Днепрострой, электричество в нашей коммуне (обществоведение) теплопроводность, хорошие и плохие проводники тепла, теплотворность топлива, соль и ее раствор, сода, селитра, вода, кислота уксусная и серная, уголь, руда, образование металлов в руде, выплавка чугуна и ковкого железа (естествознание).

Тематически близкий, но более сложный по содержанию материал входил в программы обществоведения, природоведения, географии и физики четвертого и пятого класса: садоводство, скотоводство, природные богатства СССР, фабрично-заводская промышленность, организация промышленности: Донбасс, история угольной промышленности, минеральные богатства Донбасса и его продукция; торф, соль и соляная промышленность, марганцевые и другие руды; Кривой Рог, металлургическая промышленность; электрификация и т. д. (география, IV класс); источники света, гальванический ток, магнетизм, искусственные магниты, намагничивание электротоком, телеграф, телефон, трамвай, радио (естествознание, IV класс); торговля и ее пункты, государственная, кооперативная, частная торговля (обществоведение, V класс); главные культурные растения, имеющие промышленное значение, главные породы деревьев (V класс, природоведение) простые машины: рычаги, блоки, коловорот, шестерни, труд простых машин; жидкости и газы, гидравлический пресс, условия плавания тел в воде и воздухе, расширения газов при нагревании, давление газа и его измерение, манометр, барометр и т. д. (физика, V класс).

Кроме того, на уроках арифметики коммунары получали ряд базовых понятий, необходимых для любой предметной деятельности: меры длины (метр, сантиметр), веса (килограмм), жидкости (литр) (I класс) метрическая система мер, исчисления времени, квадратные и кубические меры, объем четырехугольной и треугольной призмы; понятие круга, диаметра, радиуса; диаграмма и т. д. (III класс). Даже на уроках украинского и русского языков формировался ряд умений, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

Правилами написания письма или заявления воспитанники овладевали в третьем и четвертом классах (украинский язык), в четвертом же классе при изучении курса русского языка они учились составлять деловые бумаги [564, л. 10–13].

Если верить утверждению И. А. Соколянского, который говорил об этом во время своего выступления на упомянутом заседании 14 марта 1928 г., первые месяцы деятельности коммуны, по крайней мере до середины марта, были отмечены еще недостаточно развитой учебной работой и отсутствием «целевой учебной системы» [394, с. 84].

Уже 1 сентября 1929 г. в коммуне была открыта вместо трудовой кустарно-промышленная школа. «Это была пробная затея, – писал позже Макаренко. – Она не принесла хороших результатов и свидетельствовала только о нашей растерянности. Выходило так: производство кустарное, пусть уже и школа будет кустарная. Заниматься начали все же с завидным рвением – всякое знание полезно» [333, с. 20]. Как свидетельствуют документы, кустпромшкола при коммуне, имевшая лишь 4 курса, просуществовала всего год, то есть до начала 1930–1931 учебного года. Она не отвечала общей целевой установке коммуны, поскольку не давала систематических и законченных знаний коммунарам, а главное, как записано в тексте доклада Правления, «не определяла перспективу» выпускавшемуся коммунару [506, л. 14]. В последующие годы, уже после открытия при коммуне рабочего факультета, функция школы коммуны по сути перешла к первым трем группам ее учебного комбината, называвшимся подготовительными, готовившим коммунаров к рабфаку и отвечавшим 5–7 классам средней общеобразовательной школы. Количество детей в них на осень 1932 года достигала 122 чел.: начальная группа имела только 10 учеников, младшая – 27 и старшая – 85 учеников. Неравномерность количества учащихся по годам обучения была причиной значительных различий в наполняемости групп: две старшие группы,

например, имели по 42–43 ученика, что значительно усложняло работу в них [73, с. 51].

Таблица 3.3

Структура образовательной системы коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (декабрь 1927 г. – прибл. июнь 1931 г.)

Год обучения	**[Декабрь 1927 г. – июнь 1928 г.]**	**[Сентябрь 1928 г. – июнь 1929 г.]**	**1 сентября 1929 г. – сентябрь 1930 г.**	**15 сентября 1930 г. – [июнь 1931 г.]**
1	I группа трудовой школы	I группа трудовой школы	I группа трудовой школы	–
2	II группа трудовой школы	II группа трудовой школы	II группа трудовой школы	–
3	III группа трудовой школы	III группа трудовой школы	III группа трудовой школы	–
4	IV группа трудовой школы	IV группа трудовой школы	IV группа трудовой школы	Младшая подготовительная группа
5	V группа трудовой школы	V группа трудовой школы	I курс кустпром-школы	Старшая подготовительная группа
6	–	VI группа трудовой школы	II курс кустпром-школы	I курс рабфака
7	–	–	III курс кустпром-школы	II курс рабфака
8	–	–	IV курс кустпром-школы	–
9	–	–	–	–
10	–	–	–	–
11	–	–	–	–

Таблица 3.4

Стрктура образовательной системы коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (прибл. сентябрь 1931 г. – июнь 1934 г.)

Год обучения	[Сентябрь 1931 г.] – фехраль 1933 г.	Февраль – июнь 1933 г.	1 сентября – 5 ноября 1933 г.	5 ноября 1933 г. – июнь 1934 г.
1	–	–	–	–
2	–	–	–	–
3	Начальная подготовительная группа	?	III школьная группа	III школьная группа
4	Младшая подготовительная группа	?	IV школьная группа	IV школьная группа
5	Старшая подготовительная группа	I курс рабфака	V школьная группа	V школьная группа
6	I курс рабфака	II курс рабфака	I курс рабфака	I курс рабфака
7	II курс рабфака	III курс рабфака	II курс рабфака	II курс рабфака
8	III курс рабфака	IV курс рабфака	III курс рабфака	III курс рабфака
9	–	–	IV курс рабфака	IV курс рабфака
10	–	–	–	V курс рабфака
11	–	–	–	

Таблица 3.5

Структура образовательной системы коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (сентябрь 1934 г. – весна 1935 г.)

<table>
<tr><th>Год обучения</th><th colspan="2">Сентябрь – 9 декабря 1934 г.</th><th colspan="3">9 декабря 1934 г. – [весна 1935 г.]</th></tr>
<tr><td>1</td><td colspan="2">–</td><td colspan="3">–</td></tr>
<tr><td>2</td><td colspan="2">–</td><td colspan="3">–</td></tr>
<tr><td>3</td><td colspan="2">III класс семилетки</td><td colspan="3">III класс семилетки</td></tr>
<tr><td>4</td><td colspan="2">IV класс семилетки</td><td colspan="3">IV класс семилетки</td></tr>
<tr><td>5</td><td colspan="2">V класс семилетки</td><td colspan="3">V класс семилетки</td></tr>
<tr><td>6</td><td colspan="2">VI класс семилетки</td><td colspan="3">VI класс семилетки</td></tr>
<tr><td>7</td><td colspan="2">VII класс семилетки</td><td colspan="3">VII класс семилетки</td></tr>
<tr><td>8</td><td>–</td><td>I курс электро-механи-ческого отделения техникума</td><td colspan="3">I курс техникума</td></tr>
<tr><td>9</td><td>II курс оптико-механи-ческого отделения техникума</td><td>II курс электро-механи-ческого отделения техникума</td><td colspan="3">II курс техникума</td></tr>
<tr><td>10</td><td>III курс оптико-механи-ческого отделения техникума</td><td>III курс электро-механи-ческого отделения техникума</td><td>Курсы по подго-товке в вузы</td><td>III курс оптико-механи-ческого отделения техникума</td><td>III курс электро-механи-ческого отделения техникума</td></tr>
<tr><td>11</td><td colspan="2">–</td><td colspan="3">–</td></tr>
</table>

Таблица 3.6

Структура образовательной системы коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (март, апрель 1935 – август 1936 г.)

<table>
<tr><th>Год обучения</th><th colspan="2">[Весна 1935 г. (март, апрель)]</th><th colspan="2">[Сентябрь 1935 г. – август 1936 г.]</th></tr>
<tr><td>1</td><td colspan="2">?</td><td>I класс неполной средней школы</td><td rowspan="7">Группы повышения грамотности (для учащихся неполной средней школы)</td></tr>
<tr><td>2</td><td colspan="2">?</td><td>II класс неполной средней школы</td></tr>
<tr><td>3</td><td colspan="2">III класс семилетки</td><td>III класс неполной средней школы</td></tr>
<tr><td>4</td><td colspan="2">IV класс семилетки</td><td>IV класс неполной средней школы</td></tr>
<tr><td>5</td><td colspan="2">V класс семилетки</td><td>V класс неполной средней школы</td></tr>
<tr><td>6</td><td colspan="2">VI класс семилетки</td><td>VI класс неполной средней школы</td></tr>
<tr><td>7</td><td colspan="2">VII класс семилетки</td><td>VII класс неполной средней школы</td></tr>
<tr><td>8</td><td>VIII класс десятилетки</td><td>I курс техникума</td><td>I курс рабфака</td><td rowspan="4">Группы повышения грамотности (для студентов рабфака)</td></tr>
<tr><td>9</td><td>IX класс десятилетки</td><td>II курс техникума</td><td>II курс рабфака</td></tr>
<tr><td>10</td><td>X класс десятилетки</td><td>III курс техникума</td><td>III курс рабфака</td></tr>
<tr><td>11</td><td colspan="2">–</td><td>IV курс рабфака</td></tr>
</table>

При относительной изученности производственно-экономических форм профессионализации воспитанников

руководимой А. С. Макаренко коммуны имени Дзержинского, остается почти нераскрытым место в этом сложном процессе такого важного фактора, как обучение на рабочем факультете. Будучи преемником неполной средней школы и кустпромшколы, рабфак продолжал выполнять сложнейшую и ответственную образовательную функцию в процессе профессионального развития коммунаров. Однако последствия реорганизации учебной системы инновационного учреждения, связанные с открытием рабфака, были несравненно более значимыми с точки зрения приобретения воспитанниками многих ценностных, познавательных и практических ориентиров для дальнейшего существования в мире профессий.

Датой торжественного открытия при коммуне рабочего факультета Харьковского машиностроительного института стало 15 сентября 1930 года. Это событие, по словам Макаренко, было чрезвычайно важным шагом вперед, поскольку предоставляло коммуне характер серьезного политехнически гармонированного учебно-производственного комбината и открывало большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства [333, с. 24]. Рабфак, учреждение которого было согласовано с Высшим советом народного хозяйства Украины, номинально считался прикрепленным к вечернему отделению только что открытого Харьковского механико-машиностроительного института [506, л. 14], бывшего одним из 5 вузов (электротехнический, химико-технологический, инженерно-строительный, авиационный и механико-машиностроительный), образованных в 1930 году на базе отдельных факультетов известной своими робфаковскими традициями Харьковской политехники. Не лишним будет вспомнить, что именно Харьковский политехнический институт имени В. И. Ленина в 1921 году вошел в историю отечественного образования как основатель первого в Украине рабочего факультета [160].

На оборудование кабинетов рабфака были ассигнованы значительные средства: 4000 руб. Правлением коммуны и 2000 руб. Центральной комиссией помощи детям. Однако при этом Правление

жаловалось на то, что вопрос о рабфаке не был предварительно достаточно проработан, следствием чего стал ряд проблем в его деятельности: неудачное прикрепление к вечернему институту, отсутствие увязки с производством коммуны, нехватка методической помощи и консультаций извне [506, л. 15].

Хотя обычная продолжительность обучения на рабфаках того времени была четырехлетней, ограниченность по времени пребывания воспитанников в коммуне, очевидно, заставила организаторов сократить этот срок до трех лет. Такое уплотнение учебного времени накладывалось на другие неблагоприятные обстоятельства: недостаточную подготовленность общей массы коммунаров к обучению, отсутствие достаточного количества высококвалифицированных педагогов, нехватку помещений и учебников, чрезмерную производственную и общественно-политическую загруженность коммунаров.

В первый год своего существования рабфак коммуны имел только два курса, и учитывая то, что общеобразовательная подготовка не всех коммунаров отвечала робфаковскому уровню, как говорилось выше, при коммуне были созданы две подготовительные группы, заменившие собой школу. Таким образом, на конец 1930 года распределение учащихся коммуны, в число которых входили и 6 детей сотрудников, имело следующий вид: младшая подготовительная группа – 38 чел., старшая подготовительная группа – 39 чел., 1-й курс рабфака – 39 чел., 2-й курс рабфака – 26 чел. [506, л. 14]. Позже главные задачи и требования к рабфаку были тесно увязаны с учебно-производственной функцией завода электроинструментов коммуны. Один из основателей завода, инженер П. Е. Силаков, их сформулировал следующим образом: поскольку производство преследует учебно-воспитательные цели, то те, кто учится производству, является одновременно и слушателями рабфака; рабфак главной задачей имеет подготовку к поступлению в высшее техническое учебное заведение; производственное обучение в сочетании с рабфаком должно обеспечить подготовку

квалифицированного рабочего; нормальный срок обучения – 4 года; число тех, кто учатся и работают – 300 чел., из которых 250 ребят и 50 девушек в возрасте от 15 до 20 лет [383, с. 67].

Осенью 1932 года уже на трех курсах рабфака учились 207 коммунаров: на первом – 86 чел. (3 группы), на втором – 77 чел. (3 группы) и на третьем – 44 чел. (2 группы). Средняя наполняемость групп, таким образом, составляла около 26 чел. [48, с. 10, 73, с. 51]. Машиностроительная профильность рабфака, осуществившего первый свой выпуск в 1933 году [480, с. 79], часто предопределяла и дальнейший выбор высшего учебного заведения. Так, среди 18 выпускников коммуны, вступивших в 1932 году в вузы, 13 стали студентами именно Харьковского машиностроительного института [333, с. 30].

Заведующим рабфаком в 1933–1934 учебном году был Е. С. Магура, однако, как уже отмечалось, в марте 1934 года эту должность временно занимал А. Г. Белоус [507, л. 43–45 об.], а с апреля того же года – И. Г. Бушанский [507, л. 50–54 об., 65–68 об.].

В документах можно обнаружить свидетельства того напряженного состояния, которое существовало в вопросах оснащения аудиторного фонда рабфака. Перед началом 1933–1934 учебного года три аудитории, очевидно, принадлежавшие рабфаку, оказались занятыми конструкторским бюро фотозавода, но администрация уверяла руководство рабочего факультета в том, что к концу августа они будут освобождены, отремонтированы и приспособлены к занятиям [507, л. 1–2]. Кроме недостатка самих аудиторий, ощущалась потребность и в учебных приборах [507, л. 3–5], учебниках, столах, стульях, классных досках и различных мелких предметах [507, л. 35–38]. Значительным препятствием учебной работе также было отсутствие химической лаборатории, географического кабинета и комнаты черчения [507, л. 65–68 об.].

Введение в учебный план рабфака в 1933 году цикла технических дисциплин потребовало оборудования специального технического кабинета, для чего была составлена и подана на

рассмотрение начальника коммуны дополнительная смета [507, л. 3–5]. Позже педагогический совет рабфака поднял вопрос перед администрацией коммуны о введении отдельной должности ответственного за его хозяйственную часть, в обязанности которого входило бы обеспечение аудиторий школьной мебелью и пр. [507, л. 11–13 об.].

В течение 1933–1934 у. г. развитие методической оснащенности учебного процесса выразилось в создании биологического кабинета и образцовой организации преподавания с максимальным использованием иллюстративного материала. В то же время было принято решение об организации специального методического кабинета как центра методической работы для всех учебных заведений на территории коммуны [507, л. 65–68 об.].

Поскольку как школа, так и рабфак коммуны находились на местном бюджете, в документах харьковской ОИНО сохранились сведения об их штатном расписании. Документы свидетельствуют, что преобразование кустарно-промышленной школы коммуны в рабочий факультет прежде всего повлекло за собой соответствующие изменения в количественном составе педагогов (см. табл. 3.7) [552, л. 111 а].

В разное время на рабфаке преподавали: Багмут, Г. Е. Березняк, Н. Ю. Белецкая, А. Г. Белоус, И. Б. Браун, Е. Ф. Григорович, О. Н. Губер, Г. И. Добродицкий, Е. С. Магура, И. В. Мартыненко, М. С. Омельченко, Е. Г. Пантелеймонова, Платонов, С. П. Пушников, И. В. Рубан, П. Е. Силаков, Т. Д. Татаринов, М. В. Тютькало, М. М. Шварц и др. Некоторое время преподавал экономгеографию и черчение на рабфаке и сам А. С. Макаренко, он также заменял, как и в колонии имени Горького, преподавателей разных дисциплин, чаще всего русского языка [67, с. 257].

В 1933 году остро встал вопрос о привлечении к работе в коммуне высококвалифицированных педагогов, поскольку в это время значительно повысились требования к образовательной и воспитательной работе [5, с. 30]. Дефицит педагогического состава,

как уже отмечалось, ощущался на протяжении всего существования рабфака. На начало 1933–1934 учебного года, например, не были заполнены должности преподавателей таких предметов, как история классовой борьбы, текущая политика, политическая экономия и немецкий язык [507, л. 1–2]. Но в течение этого периода, как говорилось на итоговом заседании педагогического совета, удалось создать крепкий педагогический коллектив из квалифицированных специалистов, знающих свои дисциплины и методику их преподавания. Одним из показателей качества коллектива педагогов называется отсутствие текучести в его составе, что, в свою очередь, устранило значительные перебои в прохождении учебных дисциплин [507, л. 65–68 об.].

Таблица 3.7

Изменения в штатах учебной части коммуны имени Ф. Э. Дзержинского в связи с организацией рабфака в 1930 г.

№ п/п	Название штатной единицы	Количество штатных единиц	
		1929/1930 у. г.	1930/1931 у. г.
1.	Заведующий	1	1
2.	Заместитель заведующего	1	1
3.	Преподаватели	10	16
4.	Библиотекарь	0,5	1
5.	Секретарь	1	1
6.	Уборщицы	2	2
Всего:		**15,5**	**22**

Уже летом 1934 года решение о реформировании учебного заведения в коммуне актуализировало требование доукомплектовать ее педагогический коллектив преподавателями специальных дисциплин. По этой же причине всем преподавателям рабфака предлагалось использовать летний перерыв для повышения уровня «политико-философской подготовки»: ознакомиться с текущими новостями по всем отраслям знания, науки, техники, литературы,

искусства, чтобы быть готовыми к превращению школы при коммуне в «образцовую среди харьковских школ» [507, л. 65–68 об.].

По своей сути рабочие факультеты являлись общеобразовательными школами, специализированными в соответствии с профилем вуза, при котором они создавались. Отраслевая специальность базового вуза отображалась в основном в содержании профессиональных дисциплин, на которые в учебном плане отводилось лишь около 2 % учебного времени. По этой причине функция профессиональной подготовки рабфаковцев коммуны обеспечивалась главным образом работой на высокотехнологическом производстве [67, с. 239].

Для руководства работой рабфака коммуны была создана система соответствующих демократических органов. Главным из них был педагогический совет, собиравшийся в среднем два раза в месяц под председательством заведующего рабфака. В течение 1933–1934 учебного года, то есть в интервале с августа по июль, педагогический совет, например, провел 21 заседание [507]. Для координации всей методической работы рабфака избиралась методическая комиссия, в состав которой входили главы математической и социально-экономической предметных комиссий [507, л. 3–5, 35–38]. На своих заседаниях методкомиссия рассматривала, например, такие важные вопросы, как увязка учебного материала с производством, вопросы работы рабфаковцев над учебником и т. д. [507, л. 11–13 об.]. Контроль за прохождением программного материала в течение учебного года осуществляли цикловые комиссии [507, л. 65–68 об.].

Формой ученического самоуправления на рабочем факультете был Совет старост, инструкции для которого обсуждались и утверждались педсоветом [507, л. 3–5]. Всей организационной и технической работой рабфака руководила учебная часть: планировала и контролировала работу цикловых и методической комиссий [507, л. 11–13 об.], проверяла рабочие планы преподавателей [507, л. 1–2], обеспечивала проведение экзаменов [507, л. 61–64 об.] и т. д.

В заседаниях педагогического совета неоднократно принимали участие представители администрации коммуны. Так, в течение указанного периода несколько раз выступал начальник коммуны Тепер, часто присутствовал и активно дебатировал поднятые вопросы А. С. Макаренко [507, л. 3–5]. При обсуждении состояния академической успеваемости на заседание, как правило, приглашались коммунары, количество которых доходило до 25 человек [507, л. 61–64 об.]. Вопросы, выносившиеся на заседания, условно можно разделить на несколько типов:

а) *общие вопросы:* начало, организация и окончание учебного года, учебный план года, организация методической работы, инструкция о правах и обязанностях преподавателей, инструкция Совета старост и т. п.

б) *вопросы организации текущей работы рабфака:* о работе прикрепленных преподавателей; о чередовании преподавателей; включение в конкурс социалистического соревнования с Прилукской трудовой коммуной НКВД имени В. Балицкого; обзор работы рабфака в связи с письмом народного комиссара просвещения РСФСР Бубнова; пересмотр рабочего дня и т. д.

в) *вопросы контроля качества обучения:* подведение итогов месячной, семестровой и годовой академической успеваемости; ежемесячные отчеты коммунаров; выявление лиц, имеющих неудовлетворительные оценки, и определение способов повышения успеваемости.

На рабфаке преподавались: математика, физика, химия, биология, черчение, социально-экономическая история, география, украинский язык и литература, русский язык и литература и английский язык, также проводились политические занятия и занятия физкультурой. С точки зрения получения рабочей квалификации особенно важным было изучение такой дисциплины, как автомобиль [306, с. 55; 585, л. 12; 586, л. 3, 33, 43]. С сентября 1933 года в учебный план были введены текущая политика и технические дисциплины (техучеба), но, по непонятной причине, удалено автодело

[507, л. 1–2]. Однако в рамках цикла технических дисциплин на первое полугодие планировались предметы «объект производства» и «организация производства» [507, л. 3–5].

С 1933–1934 учебного года вводились новые и, как указано в протоколе заседания педагогического совета рабфака, «стабильные» учебники, для обеспечения которыми учеников каждый преподаватель должен был составить соответствующую смету [507, л. 1–2]. Официально принятым языком преподавания, по крайней мере, в указанное время, был украинский, и поэтому попытки некоторых коммунаров избежать его изучение не встречали поддержки со стороны педагогического совета [507, л. 31–34].

Как оказалось, кроме коммунаров, рабфак проводил образовательную работу и среди взрослых работников производств коммуны. В 1933–1934 учебном году, например, были организованы отдельные лекции по техническим дисциплинам для рабочих и служащих оптического производства [507, л. 3–5].

До нынешнего времени в макаренковедении почти не освещалась практика кураторства (в документах рабфака – «прикрепление»), существовавшая на рабфаке коммуны, однако подобная форма деятельности педагогов не только занимала заметное место в воспитательной системе учреждения, но и, безусловно, играла важную роль в обеспечении учебной успешности коммунаров [507, л. 1–2]. Именно вопрос «прикрепления» преподавателей рабфака к академическим группам вызвал дискуссию на одном из первых педагогических советов 1933–1934 учебного года. Обсуждая проект инструкции о правах и обязанностях преподавателей, участники заседания разошлись во мнении относительно принципов распределения коммунаров на кураторские группы. Начальник коммуны Тепер предлагал усилить права «института прикрепленных преподавателей» и образовывать группы по производственным или бытовым признакам, но Макаренко отметил, что для педагогов лучше всего подходит курсовое разделение; кроме того, имея, очевидно, в виду права института кураторства, он отметил: «вопрос, поднятый

т. Тепером, актуален и его нужно принципиально обдумать и выразить свое согласие». Другие выступающие предлагали провести прикрепления преподавателей по спальням (Смола) или по клубным кружкам (Терский), однако председатель педсовета Е. С. Магура в итоговом выступлении поддержал предложенное Макаренко курсовое разделение [507, л. 3–5].

На следующем заседании педагогического совета, состоявшемся 8 сентября, вновь стоял вопрос о работе прикрепленных преподавателей. Выяснилось, что прикрепление уже в целом произошло, но окончательно будет завершено после ожидаемого вскоре приема в коммуну 50 новых членов. В своем слове Е. С. Магура отметил, что преподаватели «с большой охотой берут на себя работу воспитания коммунаров и налаживания образцовой дисциплины на рабфаке и в быту». Также он отметил необходимость уточнения обязанностей преподавателей как воспитателей и что это надо будет сделать в ближайшее время. В докладе Магуры содержатся также некоторые разъяснения об условиях указанной формы воспитательной работы: прикрепление считается разновидностью общественной работы; методическим основанием работы в группе есть специальная инструкция для преподавателей; к задачам прикрепленных преподавателей входят: организация социалистического соревнования на производстве, организация культурного отдыха, всевозможная помощь коммунарам в обучении, ответственность за «политико-моральное состояние» группы [507, л. 6–8].

Педсовет утвердил следующее распределение преподавателей по группам: IV А – Г. Березняк, IV Б – И. Рубан, IV В – Е. Магура, III А – С. Пушников, III Б – А. Белоус, III В – Т. Татаринов, III Г – Г. Добродицкий, II А – Багмут, II Б – Н. Белецкая, II В – М. Тютькало, I курс – И. Мартыненко, 5 группа – В. Терский, 3 и 4 группы – Е. Юрченко. Кроме того к группе первого курса, которую планировалось создать из вновь принятых воспитанников,

прикреплялся М. Омельченко (после возвращения с военной службы) [507, л. 6–8].

Следует отметить, что прикреплением преподавателей к академическим группам не ограничивались педагогические нововведения 1933 года. 17 октября на заседании комиссии по пересмотру учебной системы коммуны Макаренко выдвинул идею «ввести институт воспитателей, но дать им название не воспитателей, а какое-то другое, например, ассистентов» [507, л. 18–20]. В середине ноября педагогический совет вернулся к обсуждению предложенного А. С. Макаренко учреждения института воспитателей как важного фактора обеспечения учебной успешности коммунаров. Свое выступление на заседании Антон Семенович начал характеристикой педагогической функции прикрепленных к группам преподавателей, которые, по его мнению, являются продолжателями учебного дела в группе. Очевидно, по аналогии с кураторами академических групп, он предложил прикрепить в воспитательных целях преподавателей и к отрядам. По его мнению, преподаватель в отряде является старшим товарищем, к задачам которого относится организация отряда и превращение его в коллектив. Свое влияние, таким образом, преподаватель распространяет и осуществляет через коллектив, от потребностей которого будут зависеть и формы его работы. Макаренко также отметил, что воспитатели не являются представителями администрации или педагогической части: это старшие товарищи коллектива отряда, которые вопросы жизни отряда решают в нем самом, а не через администрацию. Воспитатели работают в направлении осуществления требований производства, школы и общественной работы. Все присутствующие на заседании педагоги единодушно поддержали инициативы Макаренко, что вылилось и в общем постановлении: утвердить списки преподавателей-воспитателей и начать работу по отрядам [507, л. 25–25 об.].

Показательной во многих отношениях является полемика, возникшая между начальником коммуны Тепером и Макаренко на

заседании педсовета 31 августа 1933 г. по поводу методологии преподавания технических дисциплин. Тепер предлагал сначала дать коммунарам минимум практических знаний и только после этого переходить к общетеоретическим дисциплинам. Макаренко, отрицая такой подход, настаивал на необходимости сначала предоставить слушателям общие знания, а уже затем перейти к цеховому обучению. Свое мнение он объяснял тем, что только с пуском фотозавода можно будет окончательно установить постоянное размещение коммунаров по цехам и специальностям [507, л. 3–5].

Отдельного рассмотрения требует система стимулирования учебной деятельности студентов рабфака. Подобные вопросы выступали едва ли не самыми главными объектами внимания преподавателей и руководства, о чем свидетельствуют материалы заседаний педагогического совета. Борьба за повышение знаний относилась к обязанностям прикрепленных к учебным группам преподавателей, вопросы учебной работы становились предметом обсуждения на специальных собраниях коммунаров, студентам рабфака предлагалось использовать свободное от занятий время для консультаций с преподавателями и т. д. [507, л. 26–30]. В связи с приближением семестровых зачетов прикрепленные преподаватели должны были провести собрания по вопросам учебной успешности в своих группах, выявить отстающих, организовать соответствующие занятия с ними [507, л. 31–34]. Позже такие собрания было решено сделать ежемесячными, распространив их и на отряды, развивать на них самокритику, выявлять успешность, уровень дисциплинированности, характер работы в группе и отряде каждого отдельного коммунара [507, л. 35–38]. Для индивидуальной помощи тем из воспитанников, которые отстали в учебе, быту или в общественной работе, практиковались предупреждения и вызовы на заседание совета старост [507, л. 46–49 об.], прикрепление каждого из них как к преподавателю, так и к более успешному коммунару [507, л. 35–38].

Большие надежды по активизации обучения руководство рабфака также возлагало на социалистическое соревнование [507, л. 31–34]. Ответственность за его организацию, текущий контроль, учет и отражение в стенной прессе ложилась на плечи прикрепленных к группам и отрядам преподавателей. Ход соревнования освещался в газете «Дзержинец» [507, л. 35–38].

Протоколы заседаний педсовета по итогам месячной успешности коммунаров, среди прочего, отражают тенденции практики поощрений и наказаний. За небрежное обучение в течение ноября 1933 года на 5-м курсе рабфака, например, студент В. Богданович был лишен 100 % стипендии и получил предупреждение о возможности исключения из рабфака. За отставание в учебе получили аналогичные взыскания одногруппники Богдановича – В. Кравченко и Старченко, но они были лишены лишь 50 % своих стипендий [507, л. 26–30]. Соответственно, большие академические достижения могли быть отмечены повышением стипендии на 25 % или 50 % [507, л. 39–42 об.]. В январе 1934 года педсовет предложил завести в стенной газете «За учебу» «красную» и «черную» доски для занесения на них, соответственно, успешных и отстающих отрядов и групп [507, л. 35–38].

Перманентной проблемой в организации обучения коммунаров была чрезмерная перегруженность их производственными, бытовыми и общественными обязанностями. Причем, производственная необходимость регулярно становилась главным препятствием выполнения учебного плана. Для обеспечения выполнения промфинплана, например, 21 сентября 1933 г. педагогический совет рабфака принял решение освободить от занятий на 10 дней 13 коммунаров-станочников, заметив, однако, при этом производству «о недопустимости в дальнейшем отрывать коммунаров от учебы на рабфаке» [507, л. 11–13 об.]. В декабре того же года снизилась успеваемость отдельных групп в связи с тем, что, будучи перегруженными на производстве, коммунары в течение всего месяца не получали домашних заданий [507, л. 31–34].

Система итогового контроля знаний студентов рабфака предусматривала два сессионных периода. В первой половине февраля по итогам первого семестра сдавались зачеты по всем предметам [507, л. 39–42 об.]. Более серьезная и основательная проверка знаний происходила в конце учебного года. В 1934 году, например, планировалось занятия продлить до 15 июня, после чего в течение пяти дней провести повторение пройденного материала и с 20 июня по 1 июля устроить для студентов всех без исключения групп сдачу экзаменов перед специально созданными экзаменационными комиссиями [507, л. 55–56 об.]. Но была получена инструкция Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР, требовавшая начать экзамены с 15 июня по четко определенному перечню дисциплин [507, л. 61–64 об.]. Руководство рабфака достаточно ответственно и взвешенно относилось к организации работы коммунаров в течение экзаменационного периода, на основе индивидуального подхода создавало им возможности для подготовки к экзаменам, обеспечивало учебной литературой, даже обращалось в администрацию коммуны с просьбой освободить коммунаров от работы на производстве на все экзаменационное время. Вместе с тем, оно призывало преподавателей отказаться от пониженных требований к студентам [507, л. 55–56 об.].

В документах рабфака есть некоторые данные об уровне общей успешности коммунаров. Так, за первый семестр 1933–1934 учебного года студенты получили 29 % хороших оценок. Что касается оценок неудовлетворительных, общее число которых равнялось 176, то их статистика выглядит следующим образом: имели двойки по результатам семестрового контроля знаний 103 студента, что составляет 27,4 % от их общего числа; по одной неудовлетворительной оценке получили 58 человек (15,4 %), по 2 – 27 (7,2 %), по 3 – 11 (2,9 %), по 4 – 5 (1,3 %), по 5 – 1 (0,3 %), по 6 – 1 (0,3 %). Наиболее успешным был признан курс II А, самым слабым – III Г. Коммунары Старченко, Сычев и Наконечная названы

худшими учениками, в то время как студенты Слисенко, Никитин и Шапошников «имеют круглую пятерку» [507, л. 39–42 об.].

Весна этого же года принесла некоторое снижение общих показателей успеваемости студентов рабфака: в течение одного только марта было получено 214 двоек, неудовлетворительные оценки имели 128 человек (34,78 % от общего числа учащихся), удовлетворительные – 151 чел. (41,03 %), хорошие – 87 чел. (23,64 %). На первое место по успеваемости вышел V курс, на последнем остался курс III Г [507, л. 50–54 об.]. Несмотря на мартовское ухудшение качества обучения, годовые итоги продемонстрировали достаточно высокую успешность коммунаров, достигшую уровня других харьковских рабфаков. Это обстоятельство даже дало основания педагогическому совету говорить о возможности создания образцовой школы, академические показатели которой стали бы лучшими в городе. Хорошая подготовленность студентов помогла преодолеть страх перед летними экзаменами, наблюдавшийся в прошлом – в 1933 году, например, некоторые студенты накануне экзаменов даже подавали заявления о добровольном оставлении на повторный курс.

Как еще одно из достижений данного учебного года назывался общий подъем грамотности коммунаров, рост литературных и художественных вкусов, активная борьба за культуру речи против жаргона, преодоление отношения студентов к социально-экономическим дисциплинам, языку, литературе и биологии как к дисциплинам второстепенным [507, л. 65–68 об.].

После сдачи экзаменов для студентов старшего курса рабфака устраивался выпуск. В 1934 году в связи с введением пятилетнего срока обучения было решено не отменять выпускной процедуры, несмотря на то, что некоторые из прошлогодних выпускников вынуждены будут проходить ее во второй раз [507, л. 55–56 об.].

Можно выделить основные проблемы, с которыми сталкивался рабочий факультет коммуны в процессе своей работы. Прежде всего, это неравномерность знаний студентов, которая значительно

осложняла преподавателям организацию учебного процесса в пределах отдельной академической группы. О заметных успехах в преодолении этих проблем говорится в одном из протоколов педагогического совета в июне 1934 года, но не приводится конкретных данных по этому поводу. Такие же нарекания со стороны преподавателей вызвало, как уже говорилось, «нагромаждение внешкольной работы», что, якобы, «не соответствует детскому возрасту» и «идет в разрез с постановлениями правительства» [507, л. 65–68 об.].

В целом, по воспоминаниям бывших коммунаров, рабфак обеспечивал достаточно высокий уровень знаний на фоне других аналогичных учебных заведений. Это позволяло, например, выпускникам в дальнейшем выдерживать вступительные конкурсы в вузы и техникумы (см. Приложение).

После непродолжительного периода ликвидации рабфака в связи с открытием в коммуне собственного техникума, он был восстановлен почти в первоначальном виде и функциях примерно в сентябре 1935 года [509, л. 1–2]. Содержание деятельности школьного комбината позднего периода находит иллюстрации на страницах внутренней прессы коммуны.

В статье, очевидно, И. И. Борока «Больше внимания школе», напечатанной 5 января 1936 г. в «Дзержинце», главными задачами школьного комбината в текущем учебном году названы: мобилизация учащих и учащихся на борьбу за высокое качество обучения, внедрение сознательной трудовой дисциплины, перестройка и конкретизация руководства педагогами. Проведение всех этих мер предполагалось на основе социалистического соревнования. По словам автора, «руководствуясь постановлением партии и правительства и приказом т. Бубнова», в течение отчетного периода коренным образом была изменена и перестроена система оценки знаний учащихся. Это выразилось как в предъявлении более жестких, чем раньше, требований к учащимся, так и в разъяснении им сущности новой системы оценок и ее значения в борьбе за высокое

качество обучения. Также, говорил автор, были достигнуты определенные успехи в планировании учебного материала и всего педагогического процесса, в школьном комбинате введен институт классных руководителей, задачей которых было изучать вверенные им группы и проводить воспитательную работу с учащимися. Свою эффективность обнаружил и созданный Совет старост, в организации которого использовался опыт работы Совета командиров в быту коммунаров. Борьба за дисциплину среди учеников сопровождалась борьбой за повышение дисциплины и среди педагогического коллектива. Центральным недостатком работы школьного комбината И. И. Борок назвал «слабую грамотность» учеников и студентов. В завершении статьи автор, опираясь на цитату из выступления Косиора на пленуме Киевского горкома КП(б)У 10 декабря 1935 г., упрекнул руководство, что в коммуне «мало внимания уделяют школе» [25, с. 2].

Материал И. В. Мартыненко «Педколлектив обязался», о котором уже говорилось, помещенный в январском 1936 года номере «Дзержинца», рассказывает о содержании только что проведенного производственного совещания педагогического коллектива коммуны, на которой стоял вопрос о работе классных и курсовых руководителей. Как можно заключить из приведенного материала, педагогам, занимавшим указанные должности, вменялось в обязанность не только возглавлять борьбу за повышение успеваемости и дисциплины в школе, но и «вести работу с коммунарами в быту». Педколлектив, как говорится в конце статьи, взял на себя общественную нагрузку руководить отдельными группами рабфака [206, с. 2].

Статья «Дзержинца» от 5 января 1936 г. «Ликвидировать неуспеваемость», авторство которой, вероятно, принадлежит М. И. Коваленко, подводит итоги работы школы коммуны в течение второй четверти. Автор говорит о тяжелых условиях работы школы, связанных с необходимостью укомплектования новых классов из числа воспитанников последнего пополнения, мера подготовленности

которых к обучению оказалась весьма различной и преимущественно низкой. Но, несмотря на это, в течение четверти доля отличных оценок достигла 7,2 процента, тогда как в первой четверти эта цифра составляла всего 3,5 %. Выросло также число и хороших оценок. Процент неудовлетворительных оценок за этот же период составил 12,8, значительную долю которых дали ученики из последнего пополнения. Так, шестиклассники Дубина и Соколовский дали соответственно 8 и 10 плохих оценок, поскольку до коммуны не получили надлежащей подготовки за пять предыдущих классов. Однако довольно низкую успеваемость продемонстрировали и некоторые «старые» коммунары: Кловацкий и Пухур с 7 А и Заболотный из 5 А получили по 6 плохих оценок; по пять оценок «неудовлетворительно» имели Чуприн из 7 А, Адылев и Репьях из 7 Б, Ковалев 3-й из 5 Б и т. д. Вместе с тем, в статье названы некоторые из наиболее успешных в учебе коммунаров: Степаненко (7 А), Кулешов (6 Г), Уткин (6 В), Боровок (6 Б), К. Иванов (5 А), Долголазов (5 Б), Белый (6 А), Залезня и Сосюра (6 А), Колотюк (3 Б), Тарасов (1 класс). Автор также отмечает большую работу в борьбе за успешность школьного Совета старост [207, с. 2].

В этом же номере «Дзержинца» приводятся результаты обучения в течение второй четверти и на рабфаке коммуны. Автор статьи «Итоги полугодия не удовлетворяют», о которой уже упоминалось ранее, Е. С. Магура отмечает уменьшение числа неуспешных студентов и небольшое снижение показателя неудовлетворительных оценок по сравнению с первой четвертью – 11,9 % против 12,8 %. Значительная помощь в повышении качества обучения, дисциплины предоставлялась коммунарской общественностью через такие органы самоуправления, как Совет командиров и Совет старост. В то время, как некоторые студенты только заметно снизили количество неудовлетворительных оценок (И. Яновский, В. Постников, А. Теслин, А. Ященко), другие совсем от них избавились (Иванова, В. Лобода, Е. Головачева, Лавриненко, Гарагуля, Чевелий, Корнеев и др.). В статье приводится перечень и

лучших студентов, среди которых обучающиеся на «хорошо» – Гиенко, В. Никитин, В. Андрющенко, А. Мельник, Филатова, и отличники – И. Яценко, И. Ткачук, П. Марущенко, Сачкова, Н. Курьянова. В то же время, некоторые студенты рабфака – Рабинович, П. Романов, Великий, Львов, Бердикова – снизили свою успеваемость. Рейтинг учебной успешности по итогам 2-й четверти имел следующий вид: первое место – III А курс, второе – I курс, третье – II Б курс, четвертое – IV курс, пятое – III Б курс, шестое – II А курс. Магура жалуется на чрезмерную инертность IV курса, который, по его словам, мало беспокоит недопустимая для выпускников успешность – на 21 студента 27 плохих оценок. Студенты-выпускники, как оказалось, несерьезно относятся к учебе, пропускают лекции и т. д. В завершение статьи автор призвал педагогов и коммунарскую общественность «за оставшиеся две четверти учебного года, выровнять наш школьный фронт и добиться достойного Коммуны им. Дзержинского места» [209].

В 1936 году, как и ранее, вопрос повышения качества обучения в школе и на рабфаке коммуны решался организацией дополнительных занятий и консультаций для отстающих. Под пристальным вниманием руководства находился выпускной IV курс рабфака, на учебные достижения которого педагогическим советом возлагались особые надежды. Выпускников призвали выйти по результатам 3-й четверти на первое место в обучении. Для этого их школьный день даже увеличивался на 1 час и с начала года имел уже 6-часовую продолжительность [131, с. 2]

Интересна точка зрения самих коммунаров относительно факторов собственной низкой академической успеваемости. В том же номере «Дзержинца», где были напечатаны материалы Коваленко и Магуры, помещена статья одного из коммунаров под названием «Три причины». Автор, прячась за инициалами Я. Ю., выделяет ряд негативных, по его мнению, явлений: нехватка времени старшим коммунарам для работы над собой, оторванность педагогов от жизни коммунаров, неэффективность такой формы обучения, как

консультация. Выход из ситуации корреспондент видит в предоставлении старшим коммунарам права ложиться спать на час позже, то есть в 11 часов вечера, и в увеличении внимания к коммунарам со стороны педагогов [172, с. 2].

Отмеченная М. И. Коваленко образовательная неоднородность новоприбывших коммунаров, значительно тормозившая учебный процесс, а также инициированная политическим руководством страны образовательная кампания, направленная на ликвидацию значительных недостатков в состоянии грамотности населения СССР, заставила педагогический совет прибегнуть к такому шагу, как создание специальных «групп повышения грамотности». Задачи и особенности организации таких групп раскрыты в статье Е. С. Магуры «За грамотность, за качество учебы», вышедшей 16 января 1936 г. в «Дзержинце». Целью групп повышения грамотности было поднятие общей грамотности коммунаров путем обучения писать без ошибок и правильно, литературно выражать свои мысли в устной речи. Группы создавались отдельно для учащихся неполной средней школы и студентов рабфака коммуны. Первая работала ежедневно в утреннее время и объединяла «остро неграмотных» учеников, для которых проводились занятия по украинскому и русскому языкам. Магура выразил надежду, что со временем указанные ученики станут в коммунарской школе лучшими учениками, «поднявши свою грамотность в письме, научившись хорошо читать и свободно выражать свои мысли устно, они легко будут овладевать основами наук – будут хорошо учиться по математике, физике, химии, истории и пр., и среднее образование дастся им беспрепятственно». Студенты подобной группы на рабфаке тоже усиленно изучали украинский и русский языки, но работали над этим только по вечерам и по определенному расписанию. Кроме прочего Е. С. Магура извещал читателей о том, что в школе коммуны установлен строгий орфографический режим, в рамках которого преподаватели всех предметов должны бороться за правильную речь и грамотное письмо, «предупреждая каждую возможную ошибку в письме и исправляя

ошибки в устной речи». Автор особенно подчеркивал ключевую роль педагога: «в борьбе за грамотность вопрос решает учитель, его настойчивость, энтузиазм, его языковые и методические знания» [131, с. 2].

Группы повышения грамотности работали до 16 июня 1936 г., когда по постановлению педагогического совета были ликвидированы «как закончившие свою работу». Для каждого из их членов, которых на тот момент насчитывалось 67 человек, документом устанавливался дальнейший образовательный путь, дающий представление о крайне неоднородном составе этих групп: перевести в 4-й класс – 9 человек, в 5-й класс – 14 человек, в 6-й класс – 11 человек, в 7-й класс – 10 человек; проверить за 4-й класс – 2 человека, за 5-й класс – 4 человека, за 6-й класс – 2 человека, за 7-й класс – 4 человека; проверить и назначить в соответствующий класс – 2 человека; назначить испытания – 7 человек; выпустить как переростков, не проявивших желания продолжать обучение – 2 человека [67, с. 235].

Для целостной характеристики системы образования коммунаров, а также выяснения места каждого из ее этапов в контексте профессионального развития является необходимость подробно осветить один из наименее изученных аспектов ее истории, связанный с обстоятельствами создания, особенностями организации и причинами ликвидации техникума как высшего достижения в реформировании образовательной системы коммуны имени Дзержинского.

В 1933 году началось активное обсуждение вопроса реорганизации образовательной работы коммуны и изменении типа ее учебного заведения, толчком к которому стала попытка педагогического совета устранить дисбаланс в загруженности коммунаров в течение дня. Отработав в утренние часы на производстве только три с половиной часа, после обеда коммунары вынуждены были начинать 5-часовой учебный день. На заседании 3 октября заведующий рабфака Е. С. Магура предлагал в связи с этим перенести лекции по технической (3 часа) и политической (2 часа)

учебе на первую половину дня по одному часу в течение пятидневки, но присутствующие здесь же педагоги и представители администрации инициировали дискуссию о кардинальной перестройке функций и структуры образования коммунаров. Начальник коммуны Тепер предложил увеличить продолжительность обучения на рабфаке до 5 лет, что должно было значительно уменьшить ежедневную академическую нагрузку коммунаров и освободить им время для чтения, совершенствования речевых качеств, улучшения грамотности, культурного и общего развития.

Но для нас наиболее интересным представляется мнение, высказанное одним из первых и самых авторитетных педагогов коммуны Т. Д. Татариновым, – организовать законченный тип учебного заведения, которое бы готовило кадры для производства коммуны. Татаринова фактически поддержал инженер электроинструментального завода коммуны и по совместительству преподаватель технических дисциплин на рабфаке П. Е. Силаков, который заметил, что каждый выпуск на рабфаке – «это прорыв на производстве». Его предложение заключалось в создании при коммуне техникума, который готовил бы квалифицированный технический персонал для собственного быстро растущего производства. Преподаватель физики И. В. Рубан выдвинул проект организации в коммуне одновременно рабфака, который будет готовить коммунаров в высшую школу, и техникума, обеспечивающего производство техперсоналом. Еще дальше пошел присутствовавший на этом заседании финансист коммуны К. С. Кононенко, который выход из ситуации видел в создании на базе учреждения трех типов учебных заведений: школы-семилетки, ФЗУ и политехникума с тремя профессиональными отделениями – электротехническим, холодной обработки металлов и фотоаппаратуры. Для проработки вариантов проекта была назначена комиссия в составе Магуры, Кононенко, Силакова, Татаринова, Белоуса и Рубана [507, л. 14–17 об.].

Две недели спустя, 17 октября 1933 г., как уже говорилось, состоялось заседание указанной комиссии, на которое были приглашены и представители руководства – председатель Правления О. И. Броневой, начальник коммуны И. Я. Тепер и начальник педагогической части А. С. Макаренко, выступивший главным докладчиком.

Макаренко отмечал, что коммунары, вступив в вузы, чувствуют себя слабыми против других студентов, поскольку имеют недостаточную теоретическую подготовку и недостаточную развитость навыков для самостоятельной работы в высшей школе. Причиной этих недостатков он назвал большую загруженность коммунаров работой на заводе и бытовыми обязанностями, а также то обстоятельство, что коммунары «не имеют окружения взрослых, которое повышало бы их развитие». Макаренко выдвинул предложение перестроить школу коммуны, продлив сроки обучения на один год, то есть ввести на рабфаке 5-й курс и подготовиться к организации со следующего учебного года техникума, «куда бы могли пойти желающие учиться в высшей школе».

В предложенном Макаренко тут же плане реформирования образовательной работы коммуны ясно просматриваются главные черты его профессиогенетической позиции. План содержит несколько практических шагов: 1. Учебной части проработать новый учебный план, учитывая дополнительный год обучения на рабфаке. 2. Пересмотреть списки всех коммунаров и установить тот путь обучения, который был бы целесообразен для каждого коммунара. 3. На рабфаке составлять учебные группы не более чем в 25 человек. 4. Немедленно приступить к составлению проекта организации техникума и т. д.

По результатам обсуждения было принято постановление: поручить учебной части составить учебный план, рассчитанный на продленный на один год курс рабфака с пятилекционной ежедневной академической нагрузкой на всех курсах (25 часов в шестидневку вместо 30 часов); составить новое расписание занятий и проводить по

нему обучение с 25 октября текущего года; произвести запись студентов дополнительно на 5-й курс и начать с ними занятия с 1 ноября; поставить для студентов рабфака большие требования при учете их знаний, обратив особое внимание на умение высказывать мысль устно и письменно, на умение сознательно читать книгу, работать над ней и т. д.; проработать вопрос об институте воспитателей и пригласить на работу в коммуну необходимые педагогические силы; проработать план организации техникума [507, л. 18–20 об.].

Занятия на 5-м курсе рабфака начались лишь 5 ноября в 7 часов. 30 мин. утра, согласно принятому накануне педагогическим советом решению. Этим же протоколом был принят и состав 5-го курса рабфака коммуны в количестве 24 студентов: М. Бобина, В. Богданович, Бронфельд, П. Буряк, М. Гонтаренко, С. Илюшечкин, В. Камардинов, В. Коломийцев, Л. Конисевич В. Кравченко, Куксов, В. Луций, Н. Матвеев, Мельникова, И. Орлов, И. Панов, Н. Разумовский, Сидоренко, Старченко, М. Студецкий, Д. Терентюк, В. Черный, К. Ширявский, Шмигалев [507, л. 21–24]. Фактически, 5-й курс рабочего факультета коммуны должен был отвечать последнему классу полной средней школы, что и планировалось осуществить уже в следующем учебном году [507, л. 65–68 об.].

К вопросу определения типа учебного заведения в коммуне педагогический совет снова вернулся в июне 1934 года, теперь он уже встал как первоочередная задача в перечне мероприятий подготовки к новому 1934–1935 учебному году. Кроме того, предполагалось успеть обеспечить новый тип заведения до начала обучения учебными планами, программами, рабочими планами, учебниками, расписанием и пр. [507, л. 65–68 об.].

Можно предположить, что к такой важной перестройке образовательной системы коммуны должно было бы приобщиться и ее Правление, но тщательный анализ протоколов педагогического совета рабфака почти за весь 1933–1934 учебный год не обнаружил признаков причастности органов ГПУ к реализации проекта

техникума. Лишь в постановлении июньского заседания совета 1934 года есть данные, однозначно связывающие этот важный проект с руководящей функцией шефов – превращение школы коммуны в образцовую среди харьковских школ подается именно как реализация задачи, поставленной перед коммуной народным комиссаром внутренних дел Украины В. А. Балицким. Кроме того, в докладе тогдашнего заведующего рабфаком Бушанского об организации техникума, стоявшим вторым вопросом на этом заседании, прямо сказано, что Коллегия ГПУ УССР дала установку о реорганизации школы коммуны в такую, которая бы давала среднее образование и специальность для работы на производстве, тем же коммунарам, которые обнаружат особые способности, школа должна давать возможность подготовиться к ВУЗу. Такой школой, говорил далее Бушанский, в коммуне запроектирован 4-х летний техникум на базе семилетки с двумя факультетами: механико-оптическим и механико-электрическим. В соответствующем решении педагогический совет приветствовал данное постановление ГПУ и принял ряд практических действий по своевременному открытию техникума: составление программного материала, рабочих планов, комплектование академических групп, оборудования кабинетов и лабораторий [507, л. 65–68 об.].

Обращает на себя внимание тот факт, что решение по второму вопросу повестки дня этого заседания педагогического совета фактически аннулирует содержание только что принятого решения по вопросу первому, поскольку не имеет смысла педагогическому коллективу определять «профиль учебного заведения», когда руководство ГПУ уже приняло решение об организации техникума. Можно предположить два возможных объяснения этого противоречия: 1) рассмотрение вопроса и постановление относительно техникума проходили в другое время, а позже были включены в этот протокол; 2) второй вопрос повестки дня в начале заседания не планировался, а был добавлен в ходе самого заседания, при этом заведующий рабфаком Бушанский либо до конца скрывал от

других членов педсовета содержание постановления коллегии ГПУ, либо текст этого документа был им получен в последний момент.

Кроме того, довольно неожиданным выглядит отсутствие начальника педагогической части А. С. Макаренко при рассмотрении такого судьбоносного для учебной сферы коммуны вопроса. Это обстоятельство тем более непонятно, учитывая, что Макаренко, скорее всего, в это время находился в Харькове – в литературе мы не нашли никаких упоминаний о поездках, командировках или других возможных причинах его неучастия [236, с. 51; 238, с. 741; 274, с. 74–75; 275, с. 110; 488, s. 158–159]. Настолько же неожиданной выглядит пассивность Макаренко, который 3 июля присутствовал на следующем заседании совета, где помимо итогов учебного года обсуждались некоторые технические моменты организации техникума, однако не выступал [507, л. 69 об. – 70]. Подобное поведение педагога-писателя, вероятно, объясняется, с одной стороны, его скептическим отношением к возможности одномоментной реорганизации, хотя и достаточно крепкого с педагогической точки зрения, рабфака коммуны в такое сложное в материальном и кадровом отношении учебное заведение, как техникум. С другой же стороны, Антон Семенович, возможно, понимал, что попытки руководства посредством предоставления законченного профессионального образования привязать всех воспитанников к только трем сугубо производственным специальностям могло снизить мотивацию выпускников коммуны к поиску путей полноценной профессиональной самореализации. На наш взгляд, объяснение данной позиции Макаренко можно найти в некоторых его высказываниях еще в ходе дискуссии 1928 года с представителями официальной украинской педагогики [229, с. 69–80; 394].

Поскольку почти весь состав рабфака коммуны автоматически превращался с нового учебного года в студентов техникума, одним из принципиальных вопросов проекта реорганизации было определение уровня подготовленности различных курсов рабфака для обучения на тех или иных курсах техникума. Педагогический совет решил

установить такое соотношение: студентов бывшего 1-го курса рабфака перевести в седьмую группу семилетки, что образовалась на месте подготовительных групп рабфака; бывшего 2-го курса – на первый курс техникума; бывшего 3-го курса – на 2 курс техникума; бывшего 4 курса – на третий курс техникума [507, л. 69 об. – 70]. Но, как выяснилось, в реальности существовала, очевидно, и другая схема перевода. Так, коммунары И. Ветров и Н. Куприй, учившиеся в конце 1932 года на втором курсе рабфака [76, с. 89, 95], в ноябре 1934 года действительно были студентами только второго курса техникума [508, л. 15, 50], но первокурсник рабфака осени 1932 года Ф. Стирис и второкурсница М. Литвинова [76, с. 105, 117] на конец 1934 года указаны как студенты, соответственно, 2-го и 3-го курсов техникума [508, л. 54, 102]. Вполне возможно, что при комплектовании академических групп техникума применялась дифференцированная система отбора студентов, которая предусматривала определенные формы диагностики уровня образовательных достижений.

Техникум начал функционировать с начала 1934–1935 учебного года в составе двух отделений – оптико-механического, имевшего пока только II и III курсы, и электромеханического с тремя курсами. Как и в практике рабфака, в воспитательных целях за каждым из курсов и групп техникума были закреплены ответственные преподаватели. На октябрь 1934 года список прикрепленных педагогов электромеханического отделения имел следующий вид: I А курс – Е. С. Магура, I Б курс – Г. Е. Березняк, I В курс – И. В. Рубан; II курс – В. Н. Терский; III курс – Е. Г. Пантелеймонова. Оптико-механическое отделение: II курс – Т. Д. Татаринов, III курс – А. Г. Белоус [249, с. 294].

Надо подчеркнуть, что деятельность реформированного школьного комбината коммуны почти с самого начала была отмечена рядом недостатков. Впервые после открытия техникума вопрос его работы стали предметом обсуждения педагогического совета 14 октября 1934 г. В докладе директора техникума и председателя педагогического совета Румберга о ходе учебного процесса в

техникуме и семилетке, а также в выступлениях педагогов подчеркивалось формальное отношение преподавателей к работе, плохой учет выполнения учебных планов и программ, неукомплектованность педагогического коллектива, нехватка учебников и другой литературы, несоответствие языка учебников языку преподавания и т. п. Кроме того, было отмечено, что реорганизация рабфака в техникум прошла «коряво», педколлектив начал свою работу без энтузиазма, без знания своих перспектив, без подготовки [249, с. 293].

Интересные замечания относительно слишком тяжелого и противоречивого процесса адаптации учебной сферы коммуны к новым условиям содержатся в выступлении присутствовавшего на этом заседании Макаренко, который призывал: «Нашу предысторию надо кончать решительно». Далее он высказал свое мнение по поводу техникума: «наш техникум специфический во многих отношениях и вряд ли когда-либо будет располагать нормальными условиями. Но это нас только к большему обязывает, но дает никаких дополнительных прав и оправданий.

Условия у нас специфические, но техникум такой же, как и все прочие техникумы, и именно так, именно с такими требованиями к нему и нужно подходить. В ближайшие же дни нам нужно начать применять те самые методы, которые применяются во всех техникумах». Для улучшения ситуации Макаренко предлагал «твердо и решительно» исключать из техникума всех, кто не желает учиться, отменить консультации репетиторского типа, поскольку они развращают коммунаров, активизировать органы самоуправления, выдвинуть лозунг «Ни одного прогула», требования к коммунарам выдвигать твердо и решительно, о всех случаях нарушения дисциплины и академического отставания «кричать везде, во всех организациях, на всю коммуну» [249, с. 292].

Свой перечень мероприятий оздоровления ситуации тогда предложил и Румберг: наряду с основным, лекционным, практиковать и более активные методы преподавания, особое внимание уделить

самостоятельной работе учащихся над учебником и учебным пособием, научить коммунаров пользоваться литературой, составлять конспекты, тезисы, критически относиться к изученному материалу [249, с. 293].

Итоги первого месяца работы техникума подтвердили его низкую учебную, методическую и воспитательную эффективность. В протоколе педсовета зафиксирована следующая картина успеваемости среди студентов: 3 % получили «отлично», 7 % – «неудовлетворительно» и 25 % остались неаттестованными [249, с. 293]. Макаренко, выступая на заседании педагогического совета 10 ноября, объяснял низкую успеваемость коммунаров двумя объективными причинами: во-первых, тем, что они принимаются в техникум без экзамена и конкурсного отбора, и это не создает у них желаемой ответственности за свое место. Во-вторых, техникум коммуны как детского интернатного учреждения, в отличие от обычных техникумов, по своему статусу не может широко применять отсев отстающих студентов и тем уменьшать собственный показатель неуспеваемости [249, с. 315].

Определенный интерес представляет разнообразие методов повышения академических показателей, практиковавшихся педагогическим советом техникума: предупреждение о ликвидации отставания в учебе в течение 10 дней, доведение до сведения комсомольской организации, выговор, вызов к директору техникума или Макаренко, перевод на курс ниже и т. п. Исключение из техникума применялось лишь в крайних случаях, поводом для чего могли стать систематические прогулы, нарушение дисциплины и откровенное нежелание учиться [249, с. 294]. Такому наказанию в декабре, например, были подвергнуты коммунары Куприйчук и Таран [249, с. 320]. Однако перечисленные методы, очевидно, не только не приводили к желаемым результатам, но и влекли за собой ряд других проблем. Макаренко утверждал: исключение из техникума с оставлением прежнего студента в коммуне дезорганизует других коммунаров, поскольку отстранение от занятий дает ему возможность

перейти исключительно на производство, повышать производственную квалификацию и получать более высокий заработок. Поэтому педагог призвал руководство коммуны решить этот вопрос принципиально и уже потом «подойти конкретно к каждому отстающему, с дифференциацией заботы о коммунарах» [249, с. 315].

В октябре количество двоек студентов выросло до 10,4 %, и это, очевидно, еще больше обострило сомнения многих в необходимости существования техникума вообще. Однако заместитель начальника коммуны Тепер на заседании педагогического совета резонно заметил, что разговоры о нецелесообразности техникума необоснованы, поскольку было соответствующее постановление апрельской коллегии НКВД. На этом же заседании встал один из принципиальных вопросов об образовательной функции техникума и его месте в системе профессионального образования коммунаров. В то время как необходимость получения всеми коммунарами неполного среднего образования диктовалась соответствующими общегосударственными постановлениями, обязательность вступления их в техникум, вероятно, вызвала противоречивые мнения, поэтому педагогический совет постановил: дальнейшее, после окончания семилетки, образование коммунаров должно происходить по желанию, поэтому решение вопроса о выпуске из коммуны исключительно через техникум должно происходить сугубо индивидуально [249, с. 316].

Стоит отметить, что на протяжении ноября стало заметно некоторое повышение академических показателей: число отстающих уменьшилось с 10,4 % в октябре до 8 %. Особенно заметной эта динамика была на некоторых курсах: на I А она имела вид – 8,6 % против 4,5 %, на I Г – 17,9 % против 9 %, на II Б – 7,8 % против 6,2 %, на III А – 10,6 % против 3,4 % и т. д. Увеличение же числа двоек произошло лишь на III Б и I Б курсах [249, с. 320].

Многое из сказанного выше вполне обїясняет тот факт, что история техникума коммуны имени Дзержинского оказалась довольно

непродолжительной; уже осенью 1934 года, то есть через два месяца после начала занятий, встал вопрос его коренной реорганизации. Педагогический совет признал допущенную им поспешность в механическом переводе учеников бывшего рабфака на III курс техникума. Чрезмерно большая нагрузка на студентов, оказавшихся сразу на выпускном курсе техникума, не имея за плечами первых двух его курсов, была констатирована даже Наркоматом тяжелой промышленности, который, вероятно, осуществлял определенные контролирующие функции в отношении коммуны. Доклад об этих недостатках, который делал на заседании 9 декабря сам А. С. Макаренко, является косвенным подтверждением резонности высказанного нами выше предположения о негативном отношении педагога к проекту техникума. В речи он особо подчеркнул свою поддержку реорганизации как возможности учесть профессиональные наклонности и желание коммунаров. «Предоставление коммунарам возможности выбора в соответствии с их возможностями и желаниями, – отметил Макаренко, – будет способствовать повышению качества учебы, а также даст возможность повысить требования к студентам» [249, с. 319].

Предполагалось создать на базе существующих в коммуне семилетки и техникума достаточно сложный учебный комплекс: полную среднюю школу, курсы по подготовке в вуз и однолетние курсы типа ФЗУ «по повышению квалификации и технических знаний» [249, с. 319]. Студентам всех трех курсов техникума было предоставлено право свободно выбрать форму дальнейшего образования. 19 и 21 ноября с этой целью было проведено профориентационное анкетирование (см. табл. 3.11, 3.12, 3.13), в ходе которого, среди прочего, ярко проявилось недовольство многих коммунаров необходимостью обучения в техникуме [508, л. 1–131].

Курсы по подготовке в вузы создавались в составе двух групп – украиноязычной, для тех, кто стремился продолжать свое образование в Украине, и с русским языком преподавания, для поступающих в вузы РСФСР. Однолетние курсы типа ФЗУ, по мнению Макаренко,

должны были способствовать повышению общей академической успеваемости, поскольку создавались преимущественно для студентов, имевших низкие учебные показатели и не стремившихся к дальнейшему обучению. Что же касается студентов I и II курсов, желающих закончить техникум, то Макаренко поддержал необходимость предоставить им такую возможность. Учитывая поданные заявления коммунаров и итоги анализа педагогическим советом успешности и способностей каждого из них, постановлением от 9 декабря 1934 г. в русскоязычную подготовительную группу были зачислены 18 чел., в украиноязычную – 15 чел. и 8 студентов третьего курса были оставлены в коммуне для окончания техникума и однолетних курсов типа ФЗУ [249, с. 319–320].

Нам пока что не известны документы, которые бы точно фиксировали срок деятельности техникума в коммуне имени Дзержинского, но некоторые косвенные свидетельства говорят о том, что он просуществовал только один, 1934–1935 учебный год. Последнее среди найденных упоминаний о нем содержится в выводах по результатам проверки состояния воспитательной работы среди коммунарского коллектива, проведенной комиссией Дзержин-ского районного комитета КП(б)У от 13 марта 1934 г. [250, с. 57]. Уже в 1935–1936 учебном году на смену техникуму приходит возрожденный рабфак. В этот период образовательная система коммуны приобретает нибольшую за все годы своего существования широту и образовательно-возрастную дифференциацию – она состоит из двух групп повышения грамотности, семи классов неполной средней школы и четырех курсов рабфака [509, л. 3, 4].

Учитывая недостаточность информации о связанном с существованием техникума отрезке деятельности образовательной системы коммуны имени Дзержинского, еще много вопросов требуют дальнейших систематических и длительных исследований. Однако круг имеющихся фактов уже позволяет сделать некоторые выводы и предположения.

Сам А. С. Макаренко, хотя и выступил сначала сторонником идеи открытия на базе рабфака коммуны машиностроительного техникума, позже, вероятно, понял материальную, кадровую и методическую преждевременность этого проекта. Получив в стенах коммуны хорошую общеобразовательную подготовку, ее выпускники успешно поступали в ведущие техникумы Харькова и других городов страны, где могли рассчитывать на самое качественное для того времени среднее техническое образование. Если коммунары стремились иметь действительно настоящую квалификацию, а не только соответствующий образовательный сертификат, то они не могли быть заинтересованы получить образование в спешно созданном учреждении с отсутствующей инфраструктурой. К тому же, как удалось выяснить, ограничить собственную специальность и образовательный уровень профессией мастера электромеханика или оптика реально была заинтересована лишь небольшая группа воспитанников Макаренко [508, л. 1–131].

Единственным, кто, по нашему мнению, мог быть последовательно заинтересован в существовании техникума, является руководство украинского НКВД, которое к 1934 году уже привыкло победно отчитываться и получать награды за достижения коммуны.

То, что профессиональное образование коммунаров не ограничивалось производственным и школьным обучением, убедительно доказывает огромное разнообразие внеаудиторных форм деятельности, таких как кружки, секции, бюро и отдельные группы. Авторитетной оценкой внеклассной работы коммуны можно считать высказывание ее главного и постоянного организатора – В. Н. Терского. Внеклассные занятия в практике А. С. Макаренко, вспоминал он, представляли собой слишком сложную и интересную систему, которая охватывала детей кружками, секциями и другими организационными формами постоянного и временного характера. «Вся в целом клубная работа составляла важную часть нашей педагогической деятельности. За ее успех отвечал я, но и сам Антон Семенович, и каждый из педагогов, и все передовые колонисты и

коммунары уделяли внешкольным занятиям серьезное внимание, и потому эти занятия никак не были делом, отданным кому-либо одному на откуп, а фактически были коллективным делом всех» [418, с. 10].

По оценке исследователей, организация клубных занятий, разработанная Терским, позволяла всем коммунарам найти дело по своим наклонностям, развить индивидуальные способности, найти свое призвание и, как следствие, правильно выбрать профессию [293, с. 15].

Еще в августе 1930 года, когда финансовые перспективы учреждения стали несколько улучшаться, В. Н. Терский направил педагогическому совету коммуны план «О направлениях и формах клубной работы», авторство которого, по мнению А. Фролова и Е. Илалтдиновой [248, с. 222], в главном принадлежит А. С. Макаренко. Документ является ценным свидетельством «профессионального» характера внешкольной деятельности коммуны, выдвигая основной идеей клубной работы – приближение ее к производству, придание ей характера «мобилизации общественных свободных сил на дело улучшения производства» [236, с. 153].

Предлагались три главные линии клубной работы: клубно-производственная; спортивная; отдыха и общего развития. Сеть кружков, предусматривавшаяся для реализации первого из указанных направлений, охватывала практически все отрасли производства: кружок коммунарского станка, материальный кружок, кружок рационализации, кружок организаторов и кружок экономики производства. Кроме того, авторы проекта отдельно поднимали вопрос заинтересованности коммунаров активно участвовать в работе кружков. Идейная сторона этой заинтересованности, по их мнению, должна исходить из естественных стремлений коммунаров как будущих инженеров: «эту тему нужно всегда будировать и в кружках и в общем собрании, а самое главное, нужно в самой работе показать, что действительно в ней удовлетворяются указанные интересы» [236, с. 153, 155].

В документе подробно раскрывается и содержание работы каждого из производственных кружков, что позволяет понять, насколько полно и глубоко представлял Макаренко актуальные аспекты производственной подготовки коммунаров. Приведем несколько примеров.

Работа *кружка коммунарского станка* должна была включать такие формы активности: а) общее изучение станочного дела, чтение специальной литературы, особенно по истории машины; б) экскурсии на фабрики и заводы для изучения отдельных типов станков и сравнения с имеющимися на предприятиях коммуны; в) тщательное наблюдение за работой собственных станков, организация общественного внимания к ним и сохранения их в работе; г) изобретательская работа по улучшению и приспособлению станков, по замене старых станков новыми; д) изучение чертежей и работа по чертежу деталей в связи с изобретательской работой кружка; е) ведение специального отдела по станку в стенной газете коммуны; ж) выявление лучших работников коммуны на станках и представление их к премированию. Как видим, участие коммунара в этом кружке автоматически вводило его в самый широкий круг вопросов механизации производства, формировало его общетехническое мировоззрение, предусматривало реализацию ряда теоретических и практических задач производственной подготовки.

Программы других кружков были построены по аналогичной схеме. Участие коммунара в *материальном кружке* предусматривало: а) общее изучение материальной схемы производства коммуны; б) чтение литературы о материалах, новых идеях и практических усовершенствованиях в области замены и применения материалов на Западе и в Советском Союзе; в) наблюдение за правильным и экономным расходом материалов в коммуне, за правильным снабжением коммуны материалами; г) изучение вопроса о материальном снабжении производства страны по пятилетнему плану; д) изобретательская работа по улучшению в сфере материалов; е) экскурсии на заводы и фабрики для изучения положения с

материалами; ж) выявление отдельных лиц и цехов коммуны, наиболее экономно относящихся к материалам, представление их на премирование; з) ведение специального отдела в стенгазете коммуны; и) участие в приобретении материалов для производства. Можно заметить, что в представленной программе уже достаточно заметно звучат темы общегосударственного промышленного развития, а также еще активнее кружковцы привлекаются к участию в управлении предприятием.

Содержание деятельности *кружка рационализации* состояло из следующих пунктов: а) изучение литературы по рационализации, ее истории, главных теорем и проблем; б) изучение постановки рационализации на советских заводах и фабриках; в) инициативная и практическая работа по рационализации производства в коммуне; г) ведение специального раздела в стенгазете; д) выявление работников коммуны, наиболее отличившихся в рационализаторской работе, и представление их на премирование; е) устройства дискуссий по вопросам рационализации в коммуне. Новым, по сравнению с другими программами, средством активизации коммунаров, как видим, здесь выступают дискуссионные формы работы.

Наиболее квалифицированными из представленных в проекте являются программы экономического и управленческого кружков. Поскольку на содержании работы первого из названных в дальнейшем мы остановимся более подробно, рассмотрим лишь специфику *кружка организаторов*. Типичный для всех программ теоретический блок в данном случае предлагает изучение вопросов управления производством, схем организации производства на заводах, законов сечения предприятия по цехам и бригадам, организации отдельных сфер производства, личностных качеств организатора и руководителя производства, вопросов организации на Западе в сравнении с опытом своей страны. Практическая часть деятельности кружка, кроме типичных, – отдела в стенгазете и выявления для премирования лучших организаторов коммуны, – состоит из ряда важных для профессионального развития коммунаров видов активности, таких как

практическое изучение организации управления собственным производством и внесение практических указаний для его улучшения, практическое вмешательство в производство коммуны по всем вопросам управления, устройство дискуссий по отдельным вопросам организации управления производством и изобретательской работы в области организации управления [236, с. 155–156].

В представленных программах обращает на себя внимание непременное стремление авторов связать узко специфические задачи каждого из кружков с общими профессионально-воспитательными приоритетами всего коллектива, избежать автарктности, замкнутости кружковцев в кругу собственных потребностей и интересов. Кроме того, как отмечает А. Фролов, А. С. Макаренко кардинально реформирует внешкольную сферу учреждения, направляет ее на воспитание прежде всего организаторских способностей коммунаров [248, с. 223].

Со временем разнообразие, массовость и активность внешкольной работы коммуны вызвали необходимость введения даже отдельной должности руководителя, которую, например, в 1935 году, по крайней мере в мае–августе, занимал некто В. К. Машотас [585, л. 46, 68–73]. Для различных видов внешкольных занятий коммуна имела отдельные технически оборудованные помещения, так называемые «тихий» и «громкий» клубы, большой актовый зал с балконом. В «тихом» клубе, приспособленном главным образом для интеллектуальных занятий, играли в шахматы и шашки, в разные изобретенные самими игры, как, например, «Путешествие вокруг света» и т. д. [306, с. 57].

К осени 1932 года система объединений по интересам коммуны была представлена десятью отдельными кружками и творческими коллективами, количество участников которых насчитывало 371 чел., то есть охватывало практически всех коммунаров. Представленное ниже распределение воспитанников по отдельным кружками позволяет оценить характер их интересов.

Массовым творческим объединением коммуны был оркестр, в который входило 60 музыкантов. Вторым по количеству участников выступал украинский литературный кружок – 56 чел.; самый многочисленный из технических, радиокружок, объединял 50 коммунаров, 28 воспитанников были участниками так называемой «Живой газеты», в драматическом коллективе принимали участие 23 юноши и девушки. Русский литературный кружок, в отличие от украинского, привлек лишь 18 коммунаров, не сильно многочисленными были кружки натуралистический – 13 чел., фотографический – 9 чел., библиотечный – 8 чел. Наименьшее количество восптанников, всего 6, в то время занимались в кружке изобразительного искусства [73, с. 51]. В последующие годы активно действовали также авиамоторный (около 12 чел.), автомоторный (около 133 чел.) и планерный (около 16 чел.) кружки [67, с. 287].

В. Н. Терский непосредственно руководил в коммуне изокружком, имевшим два подразделения: кружок рисования для коммунаров младшего возраста и кружок изобретателей, члены которого учились мастерить, привлекались к техническому творчеству и выполняли различные текущие практические задачи для всего коллектива [230, с. 502]. Роль изокружка в общественной жизни коммуны предусматривала по крайней мере три вида творческой активности: 1) Оформление стенных газет. 2) Оформление помещений, территории, праздников, демонстраций и т. д. 3) Оформление театральной сцены и спектаклей: изготовление декораций, костюмов, реквизита, гримирование актеров. Кружок в разное время объединял до 28 участников, и несколько из них в дальнейшем стали художниками-профессионалами: Ю. В. Камышанский, М. Кондрашов, Г. И. Гонтарь, В. В. Постников. Особенно большой творческой работы требовал выпуск стенных газет, содержащих сообщения о событиях в коммуне и стране, полемику по самым острым вопросам, стихи, ребусы, дружеские шаржи, карикатуры и т. д. Размер некоторых из них достигал 15 м в длину и 1,8 м в высоту [293, с. 16–17].

Надо подчеркнуть, что Терский не рассматривал задачи художественного кружка в чисто любительской плоскости, в силу своего природного максимализма он не только создавал своим воспитанникам условия для профессионального выбора в художественной сфере, но и выводил деятельность этого творческого объединения на уровень серьезных профессиогенетических функций. Достижения художественного кружка хорошо представляет его статья в январском номере «Дзержинца» за 1936 год. Даже в самом ее названии – «Идем к школе живописи» – чувствуется уровень притязаний Терского и его воспитанников, величие цели собственного профессионального развития. Подтверждая свою правоту результатами только что проведенной в коммуне художественной выставки, автор начинает рассказ словами: «Мы в Коммуне еще не смогли создать нормальную школу живописи, но мы к ней идем». В статье особое внимание обращают на себя характеристики активных участников кружка – своеобразная экспертная оценка их профессионального мастерства, высказанная Терским не только с глубоким пониманием сущности художественного творчества как такового, но и с верой в личностную перспективу каждого коммунара. Коммунар Юрий Камышанский, по словам автора, с каждым месяцем подходит к работе все серьезнее и глубже, он самостоятельно изучает историю искусства и знаком с творчеством таких известных отечественных и западных художников, как Греков, Бродский, Герасимов, Сварог, Репин, Маковский, Шишкин, Айвазовский, Рембрандт, Тициан, Месонье. Его, например, уже не удовлетворяет краткая характеристика работы Сезанна, приведенная в истории искусства, и он ищет специальную литературу.

Другому юному художнику, Андрею Мельнику, Терский дает следующую характеристику: «культурный, талантливый, живой и веселый, он берет на себя всегда черную работу». Оказывается, Мельник является автором живописной копии такой сложной в композиционном, колористическом и других отношениях картины, как «Запорожцы» Репина.

«Работает непрерывно» и живет интересами кружка его командир Евгений Остапенко, которого Терский характеризует такими словами: очень талантлив, в работе упорен и развивается очень быстро. Остапенко в своей творческой коллекции имеет несколько пейзажей с натуры и копию репинского «Ивана Грозного». Лучшим мастером кружка Терский называет Михаила Кондрашова, написанные которым портреты на выставке были самыми профессиональными. Автором же лучших пейзажей оказался бывший коммунар Василий Куликов, кисти которого также принадлежит и копия Шишкинских «Медведей». Цикл картин о челюскинцах представил «растущий несомненный талант» Дубовиков. Терский также приводит имена самых талантливых и активных членов кружка старшей группы, уже умеющих работать масляными красками – Г. Мудрака, Литовки, В. Руденко, Титаренко, В. Грицюка, И. Токарева, Александра Камышанского, А. Оноприенко, Степаненко, а также младшей группы – Чуприна, Беседина, Жиловца, Г. Лукошко, которые пока выполняют работы карандашом и акварелью. Характерным для практики Терского было привлечение старших коммунаров к проведению занятий с молодыми членами кружка. Так, талантливый художник и автор собственных композиций военной тематики Виктор Постников выполнял обязанности помощника руководителя кружка в деле преподавания, передавая свой художетсвенный опыт начинающим художникам [417, с. 2].

Интересным примером стимулирования технического творчества воспитанников выступает реализованный Терским конкурс на создание «вечного двигателя», в который были вовлечены даже инженеры, опытные инструкторы производства и мастера [230, с. 77; 232, с. 176].

Весьма оригинальную самодеятельную форму начального профессионального воспитания, являвшуюся, по словам М. Букшпана, чрезвычайно полезной сугубо производственной организацией, давшей основные кадры для учебно-инструментальной бригады, придумали самые младшие коммунары. Это так называемый

«Союзтранс», члены которого принимали от старших коммунаров поручения относительно выписки и доставки деталей и инструментов из кладовых, передачи записок и распоряжений, розыска нужных сотрудников и т. д. [50, с. 82].

Возможность особенно остро ощутить свою причастность к проблемам производства, осознать себя субъектом процессов промышленного развития коммуны предоставляло широко организованное на ее предприятиях рационализаторское движение. Руководство всячески поощряло и коммунаров, и наемных рабочих в нем участвовать, обращалось к ним с призывом вносить побольше рационализаторских предложений, «направленных на улучшение качества, облегчение работы и удешевление себестоимости продукции» [249, с. 207]. А в марте 1934 года начальник коммуны прямо приказывал главному инженеру через начальников производств организовать и сосредоточить у себя поступления всех предложений, носящих характер рационализации и улучшения технической постановки дела на предприятиях, контролировать внедрение этих предложений с определением их экономического эффекта и выплатой соответствующих премий [249, с. 209]. В связи с этим, наиболее ценной формой внешкольного профессионально-технического образования коммунаров выступало участие их в организованном в коммуне бюро рационализации и изобретательства. Недостаток информации, к сожалению, не позволяет определить степень вовлеченности воспитанников в работу бюро, а также содержание и характер их деятельности в нем, известно лишь, что делегирование коммунаров в состав бюро, очевидно, являлось прерогативой комсомольской ячейки коммуны. Так, 1 октября 1932 г. комсомольское бюро выделило для этой работы комсомольцев Т. Боярчука, В. Козыря и Ф. Шатаева [306, с. 55].

Заметный след в истории коммуны оставили и ее художественные коллективы. Профессионализм коммунарского хора, например, получил высокую оценку в 1936 году на Всесоюзной олимпиаде художественной самодеятельности трудовых коммун и

колоний НКВД СССР, в резолюции жюри которой можно прочесть: «выступление отличалось мягкостью общего звучания хора и умением участников его тепло и выразительно петь ансамблем. В этом пении чувствовалось, что, по сравнению с другими хорами на Олимпиаде, он обладал лучшими голосами и богатым природным музыкальным чутьем исполнителя. Особенно хорошо у хора получалась песня “Ой, хмелю, мий хмелю”. В этой песне хор показал не только хорошее чувство ритма исполнителей, глубокую прочувствованность пения, но и хорошую дикцию, отчетливую фразировку и слаженность звучания голосов, особенно двух женских групп <...>» [67, с. 296]. Не уступало хору и второе любительское объединение коммуны – драматический кружок, для руководства которым А. С. Макаренко пригласил наиболее профессиональных театральных деятелей Харькова того времени: будущего народного артиста РСФСР, режиссера Н. В. Петрова (1890–1964 гг.) и будущего народного артиста СССР, актера и режиссера А. Г. Крамова (1885–1951 гг.) [67, с. 291].

Активно развивалась также спортивно-массовая работа коммуны. К концу 1932 года она осуществлялась в таких секциях и группах: футбол, волейбол, городки, теннис, легкая атлетика, бокс, кавалерийская секция, вело-мотосекция, а также изобретенная коммунарами разновидность тенниса – так называемый «горлет» [480, с. 80]. Кроме того, в коммуне существовали парашютно-планерная секция [586, л. 22] и стрелковый кружок [449, с. 99].

Как подчеркивает известный исследователь истории руководимых А. С. Макаренко учреждений М. Виноградова, кружки коммуны имени Дзержинского в значительной степени направляли будущий путь коммунаров, развивали в определенную сторону их таланты, обеспечивали возможность дальнейшей их профессиональной подготовки. Из драматического кружка коммуны, например, вышли будущие талантливые театральные актеры: К. Борискина (Харьков), И. Ткачук (Севастополь), Д. Терентюк (Свердловск), А. Сыромятникова (Ереван). Один из самых активных членов литературного кружка Е. Ройтенберг поступил на

филологический факультет ленинградского Политико-просветительного института, одаренный участник художественного кружка Юрий (Георгий) Камышанский закончил школу живописи в Харькове и стал художником-декоратором театра имени Т. Г. Шевченко [67, с. 291, 292, 295, 298] и т. д.

Большие внутренние возможности коммуны для предоставления воспитанникам непроизводственных профессий связаны также с организацией оркестра, история которого началась 15 января 1928 года, то есть всего лишь через несколько дней после торжественного открытия учреждения. Оркестр получил около 30 труб «белого металла», его многолетним руководителем стал В. Т. Левшаков [333, с. 15].

Конституция коммуны устанавливала четкие и достаточно жесткие требования для членов этого творческого коллектива: хотя коммунары входили в состав оркестра добровольно, однако не имели права оставлять его до выпуска из коммуны. Во главе оркестра стоял командир, помогавший капельмейстеру в учебной и концертной деятельности, отвечавший за дисциплину и исправность инструментов, порядок в помещении оркестра [175, с. 38].

Постепенно уровень квалификации участников позволил включать в репертуар достаточно сложные для выполнения музыкальные произведения. Известно, что на начало октября 1932 года оркестр исполнял «Фантазии из революционных песен Запада» Василенко, попурри из «Риголетто» Верди, «По зорі» Богуславского [306, с. 58].

О разнообразии творческих коллективов коммуны говорит репертуар, представленный ею на Всеукраинской олимпиаде художественной самодеятельности трудовых колоний и коммун 1936 года: выступление оркестра духовых инструментов, выступление хора певцов, выполнение отрывков из пьес силами драматического кружка, исполнение народных танцев (гопака и других), сольное пение, демонстрация работ художественного кружка, физкультурное выступление [505, л. 59–67]. Кроме того, художественный кружок

привез на олимпиаду картины 12 коммунаров, в том числе Ю. Камышанского [505, л. 64].

Надо отметить, что иногда в связи с чрезвычайной производственной перегрузкой коллектива временно приостанавливались почти все виды клубной и массовой деятельности. Подобное случилось, например, в период «промышленного бума» 1930 года: ни были организованы запланированные кружки, переживали стагнацию спортивная и военно-массовая работа, почти перестали выходить номера стенной газеты «Дзержинец». Но уже к концу года, как говорится в докладе Правления коммуны, в этой работе произошел перелом: выпуски «Дзержинца» и «Пионера-дзержинца» стали регулярными, активно заработали оркестр и кружки: драматический, украинский и российский литературные, игровой, Осоавиахим, ребусный и т. д. [506, л. 15].

3.4. Индустриальный прогресс учреждения и производственное обучение коммунаров в реализации операционально-технической составляющей их профессионального развития

3.4.1. Динамика промышленного потенциала коммуны

Несмотря на пристальное и длительное внимание ученых к различным аспектам деятельности коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, остаются почти не разработанными отдельные важные вопросы организации ее внутренней материально-экономической структуры. Но именно в особенностях развития хозяйства и промышленной базы учреждения как важных институтов профессиогенеза следует искать, как нам кажется, наиболее существенные отличия макаренковской концепции организации профессионального будущего воспитанников.

Благодаря конструктивной позиции руководства, внедрению прогрессивных форм хозяйствования, энтузиазму и сплоченности сотрудников и воспитанников уже к началу 1934 года коммуна объединяла три высокотехнологических промышленных предприятия – инструментальный, электроинструментальный и фото- заводы, имела учебный комбинат с рядом оснащенных кабинетов, интернат, многоквартирные жилые дома, детские ясли, столовую, гараж, склады, прачечную, оранжерею и ферму на 500 голов племенных свиней. Ее заводы, производившие на конец 1934 года продукции на 15 млн. рублей, были оборудованы дорогими импортными станками в количестве 61 шт., общая численность персонала на них – рабочих, педагогов, инженерно-технических работников – достигала в это же время 1400 чел. [579, л. 53–54]. Однако строительство продолжалось и дальше: на момент перевода А. С. Макаренко в Отдел трудовых колоний НКВД Украины, состоявшегося летом 1935, кроме промышленных объектов, на территории коммуны существовали: два 4-этажных кирпичных дома для семей инженерно-технических работников с новым общежитием для коммунаров в одном из них, двухэтажный кирпичный старый корпус коммунарского общежития, двухэтажная кирпичная рабочая столовая с кухней [583, л. 16–19]. Кроме того, функционировал санитарно-медицинский центр, состоявший из 21-местного стационара, рассчитанного исключительно на коммунаров, и амбулатории, в которой врачами различных специальностей обслуживались все работники коммуны [588, л. 57–57 об.].

Традиционно приоритет в истории промышленного развития коммуны имени Дзержинского исследователи отдавали основанию и успешному выводу на проектную мощность двух инновационных предприятий – заводов электрического инструмента и фотоаппаратов. Но этим индустриальным успехам предшествовал очень напряженный процесс накопления производственного, экономического и коммерческого опыта, связанный с деятельностью полукустарных механизированных мастерских.

Рис. 3.3. *Центральная часть коммуны (аэрофотоснимок немецкого самолета-разведчика, 30.08.1941 г.). Обозначения: 1 – дорога к Белгородскому шоссе (теперь ул. Рудика); 2 – общежитие коммунаров (корпус Б); 3 – жилой дом сотрудников (квартира А. С. Макаренко); 4 – правое крыло корпуса А (спальни коммунаров); 5 – центральная часть корпуса А с «флагами на банях» (учебные классы, кабинет А. С. Макаренко и др.); 6 – левое крыло корпуса А (механический цех электроинстр. завода); 7 – литейный цех электроинстр. завода; 8 – достроенное позже продолжение цеха электроинстр. завода; 9 – гараж; 10 – возможно, медпункт; 11 – возможно, столярная мастерская; 12 – сад; 13 – заводоуправление; 14 – производственный корпус инстр. завода; 15 – учебные цеха (оптический и механический); 16 – парк; 17 – производственные кор.-пуса фотозавода; 18 – возможно, здание школы и рабфака; 19 – механический цех фотозавода (http://www.wwii-photos-maps.com)*

Сотрудники украинского НКВД, игравшие главную роль в процессе организации коммуны имени Дзержинского, не смогли, очевидно, избавиться от ряда господствовавших в то время стереотипов относительно внутреннего устройства детских интернатов. Одним из таких стереотипов был стандартный перечень обязательных мастерских. Благодаря стараниям Административно-хозяйственного управления НКВД к моменту открытия коммуны в ней были оборудованы слесарно-механическая, деревообрабатывающая, сапожная и швейная полукустарные мастерские, которые, по словам самих организаторов, имели только несколько «изношенных станков старой конструкции» [48, с. 11–12]. Причем, как свидетельствуют документы, Правление коммуны считало такой перечень достаточным основанием для образцовой постановки своего воспитательного заведения, поскольку середнестатистическое детское учреждение того времени было оборудовано значительно хуже [277, с. 2–3].

Первоначальные задачи мастерских были направлены пока что на удовлетворение внутренних потребностей коммуны, но здесь заметной стала уже достаточно высокая производительность труда: только в течение января–марта 1928 года 12 девушек-комунарок, работавших в швейной мастерской, практически обеспечили всю коммуну самым необходимым: сшили 168 предметов верхней одежды, 462 предмета белья и 168 различных мелких вещей [68, с. 92]. Вместе с тем почти с первых же месяцев существования коммуны мастерские пытались брать подряды и на изготовление ликвидной продукции. Так, Макаренко вспоминает, что уже в мае 1928 года слесарная мастерская выполняла коммерческий заказ на изготовление ячеек для билетов городской железнодорожной станции [333, с. 17]. Однако недостаток оборудования и низкая коммерческая культура руководителей промышленной части коммуны уже в феврале 1929 года привели к финансовому кризису. Деревообрабатывающая мастерская в это же время производила вручную шкафы, что также приносило лишь убытки. Слесарная мастерская, имевшая в то время

только тиски, фрезерный и револьверный станки, вообще оставалась без заказов. Упадок производства начал негативно влиять на воспитанников, «коммунарский коллектив начинал уже скучать», – писал Макаренко. Случались кражи. Но вскоре ситуация несколько изменилась. А. С. Макаренко так описывает события мая–июля 1929 года: «у нас был заказ на театральную мебель для нового клуба строителей в Харькове. Эту мебель – тысячу с лишним мест – мы делали напряженно и страстно. В мастерской деревообделочной работали все: столяры, слесаря, девочки и педагоги, работали по 8 часов в день». 16 июля заказ строителей был сдан, что принесло коммуне несколько тысяч рублей прибыли, из которых даже удалось выделить 4000 руб. на проведение первого в ее истории летнего похода коммунаров – московского [333, с. 19].

Летом 1929 года новым заведующим производства коммуны был назначен Кропачев, человек, по словам Макаренко, ленивый. Его производственная инициатива тоже не пошла дальше убыточного производства клубной мебели: «материала нет, мастеров хороших нет, договоры невыгодные, а спросить не с кого.

<...> нас заедала кропачевщина. Кропачева крыли на каждом общем собрании, крыло бюро, а он твердил только одно: подождите, все будет прекрасно» [333, с. 20–21]. Организация пошивочного и расширение деревообрабатывающего цеха, датированные 24 декабря 1929 г., не могли кардинально изменить экономического положения учреждения, поэтому конец текущего и начало следующего года Макаренко обозначает как время наибольшей бедности – «убытков становилось все больше и больше, сплошь и рядом в Коммуне нельзя было достать рубля» [333, с. 21]. Таким образом, до 1930 года в целом производство коммуны работало с финансовым дефицитом, который покрывался традиционными отчислениями из зарплаты работников НКВД [48, с. 11–12].

Начало весны 1930 года стало временем очень тяжелого операционного поворота, связанного с появлением в коммуне «настоящих производственных установок». 13 марта коммуна

приобрела старое оборудование (3 токарных станка, литейный барабан) и наладила выпуск масленок Штауфера и металлических деталей для кроватей. В это же время воспитанники активно производили стандартную мебель и «тысячами шили трусики». Укрепление производственных мощностей коммуны привело к тому, что меньше чем за месяц, уже 10 апреля, была введена заработная плата для коммунаров. Такой шаг руководства способствовал повышению ответственности воспитанников за свою работу, и вместе с тем привел к росту производительности труда [333, с. 22]. Документы иллюстрируют рост фонда заработной платы коммунаров в этот период: май – 2246 руб. 15 коп., июнь – 3476 руб. 60 коп., июль – 4067 руб. 85 коп., сентябрь (в августе коммунары находились в отпуске) – 4820 руб. 22 коп., октябрь – 5185 руб. 97 коп., ноябрь – 4470 руб. 17 коп. Всего за 1929–1930 годы средняя заработная плата коммунара составляла 26 руб. 70 коп., при этом в конце 1930 года было запроектировано ее повышение на 25 % (до 33 руб. 25 коп.) [506, л. 2]. Особую роль в борьбе за улучшение качества продукции, своевременное выполнение заказов и т. п. в это время начинает играть избранный 10 апреля новый совет командиров под председательством В. Камардинова [333, с. 22].

Инженер коммуны П. Е. Силаков, наблюдая за работой в полукустарных мастерских, выразил свое восхищение коммунарами, которые проявляли чудеса энергии, ловкости, скорости и огромной производительности. Именно эти их качества выступили со временем главной гарантией успеха для группы инженеров, разрабатывавшей проект реконструкции производства коммуны [383, с. 67].

Убыточность мастерских, которую позже Правление объясняло отсутствием плановости в работе, привело к полной их реорганизации в мае 1930 года [506, л. 1]. Благодаря этому, 1 июня стало ключевым событием в производственной истории коммуны – именно в этот день она перешла на полную самоокупаемость [333, с. 22]. Однако это обстоятельство, вероятно, не предусматривало автоматического прекращения финансирования со стороны ГПУ, поскольку, согласно

докладу Правления, прекращение дотаций Коллегии ГПУ УССР и отчислений из зарплаты его сотрудников в пользу коммуны произошло лишь 1 ноября. Таким образом, утвержденная в размере 10 000 руб. доходная часть сметы учреждения уже на первый квартал 1931 года состояла из следующих статей: отчисления из зарплаты коммунаров – 3500 руб., прибыль от совхоза имени В. Балицкого – 4000 руб., доходы мастерских и предприятий коммуны – 2500 руб. [506, л. 20].

Указанное изменение экономического статуса коммуны создавало основы для ее свободного промышленного развития, поскольку обеспечивало производство оборотным капиталом. В эти дни начинается строительство сборочного цеха деревообрабатывающей мастерской, который «был построен из всякой чепухи – дикта, обрезок, тряпок и земли, но имел колоссальные размеры. <...> этот цех все же дал возможность выпустить массовую продукцию. Коммуна начала выбрасывать на рынок тысячи столов, стульев, чертежных столов и прочее». Ежедневный выпуск продукции, по словам Макаренко, в то время достиг суммы 3000 рублей [333, с. 22].

Укрепление материальной базы и новые методы организации производства привели к тому, что только за пять месяцев, с мая до 31 октября 1930 года, коммунары выпустили продукции на 151 776 руб. 03 коп. Наибольший вклад в это сделало металлически-арматурное производство, стоимость продукции которого достигла 80 215 руб. 76 коп. Результат работы деревообделочников составил 46 367 руб. 27 коп., ниточников – 15 417 руб.; меньше всех выработали швейники – лишь 9776 руб. Общая прибыль производств коммуны за названный период составила 84409 руб., что создало финансовую базу для значительного увеличения капиталовложений. Распределение потраченных тогда на производственные и другие нужды 97 101 руб. 56 коп. имело следующий вид: строительство новых помещений для кузницы, сборочного цеха и жилого дома – 42 071 руб. 51 коп., На ремонт и переоборудование производственных

помещений – 8121 руб. 24 коп., на закупку оборудования – 23 688 руб. 35 коп., на закупку материалов – 13 720 руб. 46 коп., на оплату долгов – 9500 руб. [506, л. 1].

Совет командиров, выбранный 6 июля того же года, руководимый Ольгой Харламовой, хотя и продолжал добрые традиции предшественников, но, как писал Макаренко, уже возглавил борьбу за будущий завод, «еще неизвестно какой, но не кустарный» [333, с. 23].

На конец 1930 года промышленный потенциал коммуны состоял из трех главных производств: швейного, металлически-арматурного с меднолитейным, токарно-слесарным, никелировочным цехами и кузницей; деревообрабатывающего с машинным и сборочным цехами [506, л. 1]. На это же время станочный парк производства значительно вырос и состоял из 14 токарных станков, 4 шлифовальных, 2 эксгаустеров, вагранки, 3 прессов, 1 револьверного станка и 30 пар опок [68, с. 92].

Ниточная мастерская, действовавшая до 25 декабря, была закрыта в связи с ее несоответствием общей производственной установке коммуны. Распределение коммунаров по цехам и производствам в это время было таким: сборочный цех деревообрабатывающей мастерской – 39 чел., токарно-слесарный цех и кузница – 34 чел., швейное производство – 30 чел., литейный цех – 19 чел., машинный цех деревообрабатывающей мастерской – 14 чел., никелировочный цех – 9 чел. Вне мастерских работали еще 4 коммунара [506, л. 1]. Кроме того, осень 1930 года была отмечена событиями, со временем существенно повлиявшими на развитие производства. Речь идет о начале строительства при активном участии воспитанников дороги от главных зданий коммуны к Белгородскому шоссе, отсутствие которой, особенно в межсезонье, значительно усложняло доставку материалов, передвижение людей и т. д. [333, с. 24–25].

В течение 1930–1933 гг. активно формировался автопарк коммуны, когда за счет производственных сумм непосредственно на

заводах-производителях были приобретены грузовые и легковые автомобили. Данное обстоятельство несколько расширяло профессионально-образовательные возможности коммуны, поскольку наличие автотранспорта позволило ввести в учебные планы рабфака курс автодела. Документы подтвердили, что данная дисциплина действительно преподавалась на рабфаке коммуны до начала 1933–1934 учебного года [507, л. 1–2].

Довольно сжатые сроки укомплектования автомобильного парка и показатели пробега отдельных авто являются иллюстрацией темпов роста материально-производственной базы и деловой активности коммуны в это время. В 1930 г. на баланс учреждения поступил легковой 4-местный открытый автомобиль *Ford Model A*, вероятно, еще американского производства, хотя в документах коммуны указано, что он был получен на московском заводе АМО. Уже к концу 1934 года пробег этого автомобиля составлял 200 000 км [578, л. 74–74 об.].

Год спустя, как указано в регистрационной карточке, в коммуну прибыл с Горьковского автозавода 17-местный автобус. Поскольку автобусы на Горьковском автозаводе начали производить только в 1933 г., можно предположить, что либо год прибытия в документе указан неправильно, либо на автобус позже была переоборудована полученный тогда же 1,5-тонный грузовик *ГАЗ-АА*. Последнее подтверждается тем, что в марте 1934 года данное транспортное средство в документах значится именно как грузовик. Показатели пробега автобуса, достигшие 30 000 км, показывают, что его эксплуатация была также достаточно интенсивной, хотя функцией этого транспортного средства была главным образом перевозка коммунаров и сотрудников между коммуной и Харьковом [84; 577, л. 10–11; 578, л. 72–72 об.].

Особенно заметным пополнением подвижного состава коммуны было получение в 1932 г. из Москвы четырех грузовых автомобилей *АМО-3* грузоподъемностью 2,5 т каждый, которые уже к декабрю 1934 года имели пробег 220, 185, 190 и 150 тысяч километров (по

другим данным, на март 1934 года автопарк коммуны состоял уже из пяти грузовых *АМО-3* [577, л. 10–11]. О характере и уровне снабжения коммуны говорит такой факт: судя по заводским номерам двигателя, два грузовика входили в первую произведенную тысячу автомобилей этой модели, выпускавшуюся с 1931 по 1934 г., а один из них даже принадлежал к первой серийной партии – двигатель № 124 [578, л. 68–71 об.]. В тот же 1932 год с Горьковского автозавода был получен и 1,5-тонный грузовик *ГАЗ-АА*, который на конец 1934 года успел уже пройти 200 000 км [578, л. 73–73 об.]. В 1933 г. для нужд коммуны был приобретен еще один легковой автомобиль марки *ГАЗ-А*, известной как советский аналог американского *Ford Model A* и выпускавшийся Горьковским заводом с 1932 года. На конец 1934 г., то есть менее, чем за два года, его пробег достиг уже 75 000 км [7; 578, л. 75–75 об.].

Рис. 3.4. *Автопарк коммуны (архив научно-исследовательской лаборатории А. С. Макаренко Полтавского педуниверситета).*

Преобразование полукустарных мастерских коммуны из обязательного атрибута официальной системы трудового перевоспитания несовершеннолетних в экономически самостоятельные объекты хозяйствования, а также непосредственное и активное участие коллектива воспитанников в расширении материальной базы учреждения кардинально обогащали его

педагогический контекст. Но именно в это время Макаренко столкнулся с неким педагогическим противоречием, основанием для которого стал конфликт интересов экономического развития коммуны и ее воспитательных задач. Непосредственным предметом конфликта выступил характер квалификационного развития коммунаров.

Производственная целесообразность требовала введения в цехах мелкого разделения труда, когда каждый коммунар выполнял одну весьма ограниченную функцию изготовления, обработки или сборки отдельных деталей. В определенной степени, писал Макаренко, можно было опасаться педагогических убытков работы на одной детали, так как чрезмерно узкая квалификация коммунара отнюдь не могла входить в программу коммуны [229, с. 155]. Даже сами коммунары обратили внимание на низкий учебный эффект поточного производства. Однако позже Макаренко все же убедился в педагогической целесообразности подобного способа организации производства. В цикле лекций «Проблемы школьного советского воспитания» он говорил, что разделение труда на отдельные мельчайшие процессы следует рассматривать во временной перспективе: «каждый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не дает никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунар проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя наконец к сложнейшим операциям – сборке и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необходимым для широкого общественного производства, а не для кустарного» [232, с. 185–186].

Следующий этап развития материальной базы коммуны занимает особое иесто в ее истории – он связан с реализацией проектов нескольких предприятий, производившух достаточно нужную для промышленности и обороны страны продукцию – электродрели и фотоаппараты.

Основание первого в СССР завода электродрелей привычно связывается с именем А. С. Макаренко и Детской трудовой коммуной

имени Ф. Э. Дзержинского. При этом вовлеченность воспитанников в высокотехнологическое производство рассматривается как изобретенный и успешно апробированный педагогом-писателем педагогический метод. Вместе с тем, история создания и выведения на проектную мощность данного предприятия дает богатейший материал для анализа профессиогенетического контекста деятельности организованного Макаренко учреждеиия.

Полукустарное производство, служившее до сих пор основой промышленного потенциала коммуны имени Дзержинского, уже ни психологически, ни экономически не удовлетворяло воспитанников, хотя они и продолжали на нем добросовестно работать. Поворотным пунктом эволюции индустриальной мощи учреждения стало посещение коммунарами в июле 1929 года во время московского похода всемирно известной своими промышленными и педагогическими достижениями Болшевськои трудовой коммуны: «с того дня начали наши коммунары мечтать о заводе, – писал Макаренко, – но как до него было далеко!» [333, с. 20].

Февраль 1931 года Макаренко называет началом эпохи реализации мечты о новом заводе. По его словам, в коммуне появилась группа инженеров, и на заседаниях Правления и совета командиров началось активное обсуждение специализации и технических деталей будущего предприятия, а также внутренних материальных и кадровых возможностей для его создания. 13 марта стало днем утверждения проекта строительства завода электроинструментов, а также общежития, клуба и гаража [333, с. 24–25]. Несколько иные сведения о начале разработки проекта нового производства коммуны мы находим в статье «Рождение марки “ФД”»инженера П. Е. Силакова, опубликованной в том же сборнике «Второе рождение», что и материал Макаренко.

Силаков говорит, что только в конце мая 1931 года Правление коммуны предложило небольшой группе инженеров ознакомиться с ее производственной частью и наметить пути ее реконструкции. При этом главными критериями для выбора нового производства

Правление выдвинуло: интерес для коммунаров с точки зрения технологии, польза для страны, показательность для других подобных учреждений и обеспечение самостоятельного хозяйственного существования и развития коммуны. Последнее требование вызвало у инженеров наибольшие сомнения, поскольку в то время, как уверяет Силаков, в СССР не существовало ни одного примера, когда бы мастерские при школе фабзавуча покрывали все расходы на содержание таковой.

Группа проектантов для себя конкретизировала поставленную задачу в виде следующих положений:

- при проектировании производства коммуны необходимо иметь в виду подготовку наиболее дефицитной профессии квалифицированных рабочих в современной машиностроительной промышленности, каковыми являются профессии установщиков, колодчиков и инструкторов, обслуживающих массовое производство и станки со сложными настройкой и приспособлениями. Это положение требует от проектируемого производства массового характера и оборудования самыми современными станками и орудиями;

- особое внимание должно быть уделено инструментальному отделу, готовящему весь специальный инструмент, приспособления, штампы и т. п.;

- поскольку рациональная эксплуатация современного оборудования зависит, главным образом, от умения настраивать сложные станки, то работа по наладке должна получить центр тяжести в производственном обучении;

- для удовлетворения педагогических целей производство должно охватить широкие технологические процессы, должно быть трудоемким и не замыкаться ограниченным числом узкоспециальных автоматов;

- характер выбираемого объекта, производство и масштаб последнего должны обеспечить возможность воспроизведения

поточности и работы по предельным калибрами высокого класса точности;

- изготовляемая продукция должна представлять собой целостный законченный механизм на предмет полной фиксации внимания и охвата широких технологических и профессиональных навыков как в процессе производства, так и в процессе испытания и контроля качества;

- необходимо предусмотреть достаточно содержательную работу по испытаниям изготовляемого механизма на лабораторных началах, для чего желательно иметь в качестве объекта производства машину – орудие в виде комбинации двигателя и орудия;

- перечисленные предпосылки делают целесообразным выбор объекта производства «значительной качественности», дефицитного для советского рынка и, по возможности, такого, что, по возможности, освобождающего страну от иностранной зависимости, то есть продукта импортного класса [383, с. 67–69].

В приведенном документе обращают на себя внимание несколько сугубо педагогических аспектов: обеспечение широты возможностей для профессионального самоопределения и самовыражения коммунаров, максимальное расширение диапазона профессиональных навыков, создание возможностей для получения достаточно высокой квалификации.

Только проанализировав длинный перечень возможных продуктов производства, которые удовлетворяли бы всем этим требованиям, проектанты остановились на переносной электрической сверлильной машине (по современной терминологии – электрической дрели) с собственным небольшим электромотором, мощностью 1/6 – 1/8 лошадиной силы, который способен работать от сети напряжением 110 или 220 вольт. Техническое превосходство такой машины заключалась в том, что она, благодаря двигателю, приспособленному как для постоянного, так и переменного тока, могла эксплуатироваться в любом месте, где есть ток нужного напряжения.

Выбрав в качестве образца электродрель австрийской фирмы *«Petravić»*, весом всего 5 кг, проектанты, однако, расширили эксплуатационные возможности будущего изделия. Благодаря разработанному специальному штативу, появилась возможность использования машины как стационарного устройства. Кроме чисто технического превосходства штатив, состоящий из литых чугунных деталей, представлял большой учебно-производственный интерес, поскольку в процессе своего изготовления предусматривал применение современных фрезерных, сверлильных, токарных, револьверных и шлифовальных станков [383, с. 69–70].

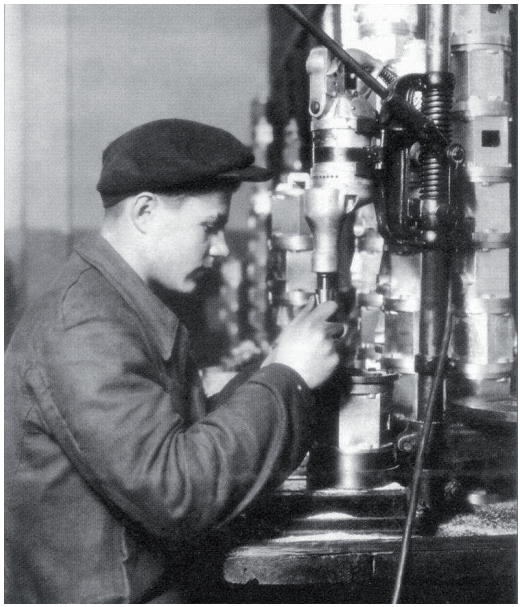


Рис. 3.5. *Коммунар работает на електросверлильной машине типа ФД-1 или ФД-5 со штативом (На крыльях истории. 75 лет завода «ФЭД» / ред. кол.: А.Ф. Боринос и др. – Х.: Майдан, 2002).*

Таким образом, ручной электрический инструмент, выпуск которого был избран как главное направление промышленного развития коммуны, относился к той категории средств производства, отсутствие которой в Советском государстве ставило его в экономическую и технологическую зависимость от промышленно развитых стран. В условиях тогдашней политической конфронтации между «социалистическим» Востоком и «империалистическим» Западом любые шаги в направлении увеличения экономической самодостаточности СССР рассматривались как приоритетные стратегические задачи национального развития. Вполне понятно, что осознание этого факта коммунарами не могло не выступать мощным воспитательным преимуществом коммуны имени Дзержинского.

Не дожидаясь проработки конечного проекта, Правлением коммуны было принято решение приступить к строительству нового завода, с целью закончить его в текущем строительном сезоне [383, с. 70].

13 мая 1931 г в присутствии всей коммуны, при флаге и оркестре состоялась торжественная закладка первого камня в фундамент завода электроинструментов и корпуса новых спален, что было поручено самому молодому коммунару Л. Алексюку. В течение всего лета, пока коммунары находились в Кавказском походе, происходила реконструкция коммуны с перспективой ее расширения до 300 воспитанников. Соответствующие проекты были утверждены 21 июля на первом заседании Правления коммуны третьего созыва. Макаренко описывает, как заинтересованно и взволнованно, даже находясь далеко от Харькова, следили коммунары за ходом перестройки коммуны [333, с. 26–27].

Одновременно со строительными работами продолжалась разработка и уточнение проекта и технологического процесса. Выбор и заказ оборудования в количестве около 50 единиц, среди которых больше половины было импортного производства, осуществлялись в течение одного месяца в Москве. Установленные быстрые сроки поставок станков (октябрь–ноябрь) вызвали значительное напряжение

на строительстве и в проектной части, которая не была технически готова для приема и монтажа оборудования. По причине нехватки строительных материалов и рабочей силы во второй половине сентября значительно замедлились темпы строительства [383, с. 70]. Именно в это время, несмотря на то, что спальни были фактически не готовы, коммунары единодушно решили возвращаться в коммуну из похода с целью помочь окончанию строительства [333, с. 28].

17 сентября 1931 года был утвержден проект дома инженерно-технических работников коммуны и назначен срок выпуска первой электросверлилки – 1 апреля 1932 года. На следующий день был объявлен первый коммунарский штурм с целью ускорения строительства и окончания его к 7 ноября, в течение которого коммунары выполнили большой объем тяжелой низкоквалифицированной физической работы: бетонирование, подъем кирпича, снятие лесов, перенос грунта, засыпка котлованов, распаковка привезенных станков, планировка площадок, устройство цветников и т. д. [333, с. 28; 383, с. 71]. Вся коммуна, по воспоминаниям П. Силакова, была разделена на отряды, отвечавшие за отдельные участки строительства; кроме того, были выделены посты, в обязанности которых входило ежедневно рапортовать о состоянии дел на их участках [383, с. 71].

Новый совет командиров под председательством Александра Шведа, избранный в эти дни, Макаренко называет наиболее боевым, энергичным и победоносным из всех. Именно на его плечи легли очень тяжелые строительные задачи, а также массовый прием и подготовка к работе на заводе новых воспитанников коммуны. Благодаря беспрецедентно напряженной работе коммунаров последних месяцев, установленные сроки реконструкции были выдержаны, и 7 ноября на торжественном заседании коммуна рапортует об успешном окончании строительства завода и спален, монтаже станков и реконструкции учебного корпуса.

Рис. 3.6. *Корпус завода электроинструментов коммуны (фото из экспозиции музея истории Харьковского машиностроительного завода ФЭД).*

Конец 1931 года в коммуне отмечен чрезвычайно тяжелой ситуацией, в основе которой лежало совпадение во времени двух важных задач – технической подготовки производства и обучения кадров. Вторая задача предусматривала привлечение в кратчайшие сроки к производственному труду принятых в коммуну 150 новых членов, обучение коммунаров работе на станках, подготовку инструкторов и т. д. [333, с. 28–29; 383, с. 71].

7 января 1932 года происходит торжественный пуск председателем Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровским первого в стране завода электродрелей. Четыре дня спустя был произведен первый экземпляр ручной электрической дрели, получивший марку ФД-1 [333, с. 29].

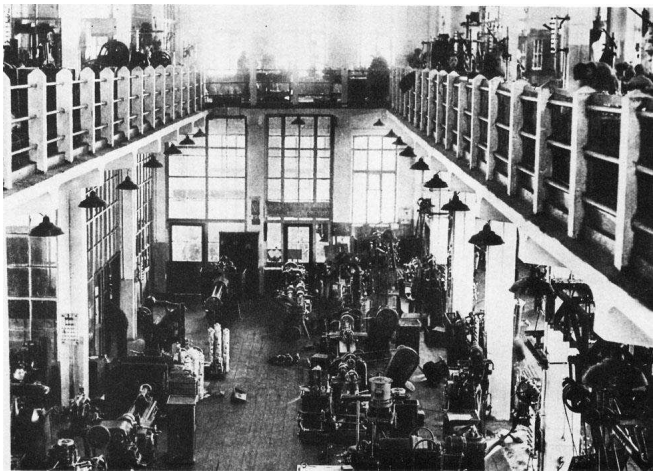


Рис. 3.7. *Интерьер механического цеха елкроинструментального завода коммуны.*

Однако выпуск первых экземпляров продукции еще не означал полной готовности производственных мощностей. На заводе не хватало самых необходимых инструментов, приспособлений и контрольно-измерительных приборов, что сказывалось на качестве деталей. Кроме того, были еще фактически не разработанными электротехническая сторона производства и процесс сборки готового изделия. Все это вызвало некоторую растерянность инженерно-технического персонала коммуны, но главная опасность заключалась в возможной деморализации прикрепленных к рабочим местам, но не занятых работой коммунаров. Значительные трудности привели к тому, что 18 января 1932 года был объявлен новый коммунарский штурм по поводу неудовлетворительного выпуска продукции, благодаря которому со второй половины февраля стало заметным стабильное улучшение ситуации. 2 февраля была утверждена годовая программа выпуска электросверлилок объемом 7000 штук, инженерами был тщательно и поэтапно проанализирован процесс сборки, составлены технические условия на приемку деталей,

разработан и внедрен в производство ряд сборочных рабочих устройств. Параллельно с этим продолжалась большая работа по улучшению качества и совершенствованию конструкции таких важных составляющих электросверлилки, как коллектор и якорь. Улучшалось качество обмотки, изоляции, соединения обмотки с коллектором и т. д. Сотни технологических операций требовали детального изучения, подготовки соответствующих инструкторов и обучения коммунаров [333, с. 29; 383, с. 72].

Начавшийся в марте 1932 года регулярный выпуск электросверлилок был прерван почти на месяц отсутствием шарикоподшипников. По словам Силакова, это обстоятельство чрезвычайно болезненно отозвалась на не совсем отлаженном производстве «раз нет сборки – падают темп и качество работы по всем участкам, нет выпуска – значит, работа идет впустую». Только к началу мая производственный кризис был ликвидирован. Но через несколько дней возникла новая проблема, связанная с нехваткой импортных шарикоподпятников, оперативно решить которую удалось изготовлением данной детали собственными силами [383, с. 72–73]. Постепенный рост темпов производства привел к тому, что уже 28 мая дневной выпуск сверлилок впервые достиг 50 штук [333, с. 29].

Поскольку производственная программа на июнь 1932 года предусматривала выпуск 750 штук электросверлилок, в этом месяце было зафиксировано чрезвычайно быстрое увеличение темпов производства: за 8–9 дней происходит рост выпуска готовой продукции с 13–14 до 56 штук за 8-часовую смену. В таких условиях на июль принимается повышенная программа производства в 1000 сверлилок [383, с. 73]. О напряжении ситуации в связи с этим говорит тот факт, что еще 17 июля на заводском складе находилось только 300 готовых изделий, к тому же, был поломан штамп и ухудшилось снабжение [480, с. 78].

Для достижения цели коммунары, не участвующие в занятиях рабфака, увеличивают свой рабочий день до 6–8 часов против 4 часов обычных. П. Е. Силаков так описывает «героический июль»

1932 года: «Весь месяц с первого до последнего дня работы был сплошной штурм. Никаких дней отдыха. Никакого нормального рабочего дня. Смена не уходит с завода до тех пор, пока не выполнит плана на этот день, хотя бы задержки в прошлом были не по ее вине. Отдельные энтузиасты работали ночи напролет. Надо было видеть завод в эти дни, чтобы представить и понять это воодушевление и героизм детей и юношей. Приходилось силой удалять с завода некоторых коммунаров, которые работали далеко за полночь, буквально засыпая у станков, но не желая уйти от них, не выполнив плана. Удаление коммунаров из цеха и тушение света после 11 часов вечера не помогало: они умудрялись вновь проникать на завод через окна, открыть двери своим товарищам, зажечь свет и вновь начать работу». Благодаря такому энтузиазму коммунаров завод выполнил месячную программу 29 июля, когда в 15 часов коммунар А. Гапеев собрал 1002-ю готовую электросверлилку [383, с. 73; 480, с. 78].

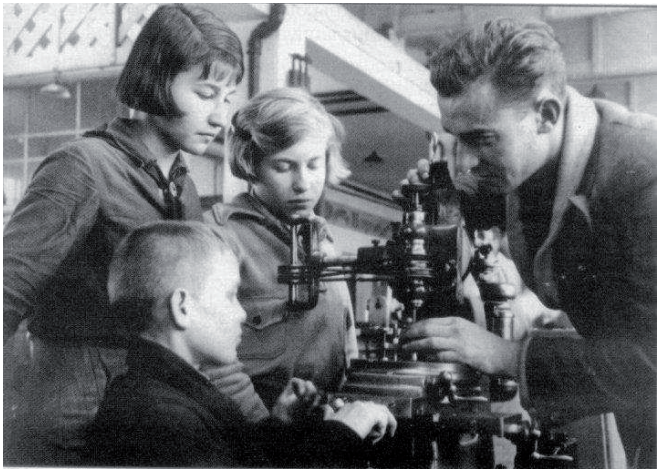


Рис. 3.8. *Мастер Б. Цапкин учит коммунаров работе на металлообрабатывающем станке (На крыльях истории. 75 лет завода «ФЭД» / ред. кол.: А. Ф. Боринос и др. – Х.: Майдан, 2002).*

Несмотря на перестановку в сентябре 1932 года большинства коммунаров на новые рабочие места, полученная квалификация и спокойный темп работы позволили ежемесячно наращивать объемы выпуска сверлилок: если в сентябре эта цифра составляла только 649 шт., то в октябре она выросла до 1058 шт., а в ноябре – до 1280 шт. В это время большой резерв готовых деталей позволил коммунарам взять обязательства ко дню пятилетнего юбилея коммуны, то есть 29 декабря, довести декабрьский выпуск продукции до 2200 штук и тем самым выполнить годовую программу в количестве 7000 штук [383, с. 74].

Таким образом, инженерно-технический персонал совместно с коммунарским коллективом успешно и в относительно короткие сроки осуществили цикл работ особой сложности по проектированию и освоению производства ручной электрической сверлилки. Первый год работы завода электроинструментов коммуны, по словам председателя правления А. Броневого, позволил сэкономить для государства полтора миллиона рублей золотом [48, с. 12]. Инженер Силаков приводит цифры, иллюстрирующие необычно быстрые темпы пуска электроинструментального завода: строительство завода – 4 месяца (июль–ноябрь 1931 г.); монтаж оборудования и пуск станков – 2 месяца (ноябрь–декабрь 1931 г.); налаживание производства – 3 месяца (январь–апрель 1932 г.); достижение проектной цифры выпуска продукции – 3 месяца (июнь–сентябрь 1932 г.); выполнение годового плана объемом 7000 электродрелей – 9 месяцев [383, с. 75]. В июне–июле 1932 года успехи коммуны позволили перевести как весь электроинструментальный завод, так и отдельные его цеха на хозрасчет [333, с. 30].

21 июня 1932 г., то есть через полгода после выпуска первой сверлилки, Правление приняло решение о начале проектирования ручной электросуппортной шлифовальной машинки ФД-2 и более мощной электросверлилки типа американской *«Black & Decker»*, получивший название ФД-3. В июле уже были изготовлены два пробных экземпляра электрошлифовалки, а в течение года

конструкции обеих моделей были окончательно доработаны и запущены в производство. Для этого были разработаны необходимые чертежи, технологический процесс, изготовлено большое количество инструмента, приспособлений и штампов [48, с. 12; 333, с. 30; 383, с. 73, 75].

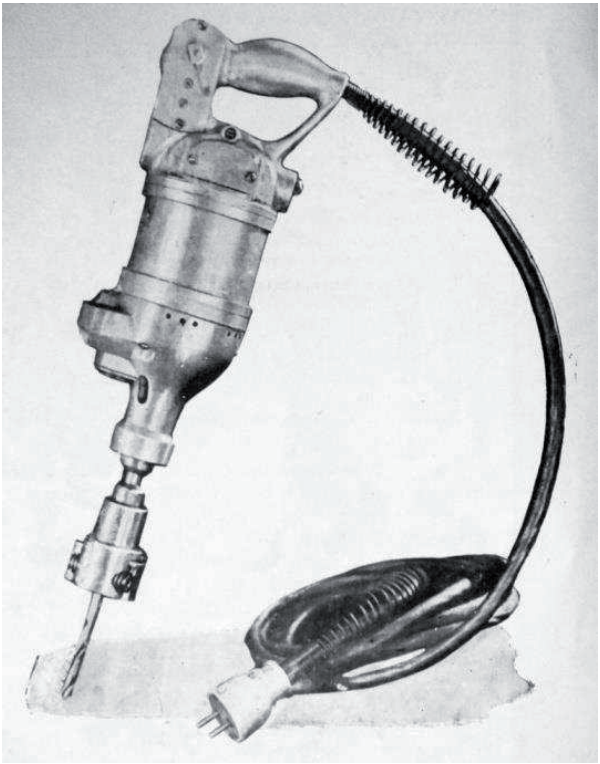


Рис. 3.9. *Общий вид електросверлильной машины ФД-1 (инструкция по эксплуатации из фондов Музея А. С. Макаренко Кременчугского городского совета Полтавской области).*

Таким образом, главной продукцией завода электроинструментов в первые годы его работы были электрические

сверлилки: с диаметром сверления до 23 мм по железу, с коллекторным двигателем для переменного и постоянного тока напряжением 220 вольт; с диаметром сверления до 13 мм по мягкому металлу, с коллекторным двигателем, способным к работе на постоянном и переменном токе напряжением 110 и 220 вольт, 3500 оборотов в минуту. Параллельно был освоен выпуск штативов к электродрелям. Подобная продукция в то время в стране, как традиционно утверждается в макаренковедении, действительно производилась только в коммуне имени Дзержинского, объективным подтверждением чего является справка, выданная Народным комиссариатом внешней торговли СССР в ноябре 1933 года [577, л. 6].

Борьба за увеличение выпуска очень нужного для страны электроинструмента выступала одновременно мощным объединяющим и воспитательным фактором для коллектива коммунаров. Так, середина июля 1932 года отмечена принятым решением о начале третьего коммунарского штурма за выпуск 1000 электросверлилок в июле. Задание штурма было перевыполнено [333, с. 30].

Быстрые темпы освоения новой продукции позволили значительно увеличить производственную программу завода – на 1933 год ею предусматривался выпуск: электросверлилок ФД-1 – 7000 шт., электрошлифовалок ФД-2 – 1500 шт., электросверлилок ФД-3 – 1000 шт., штативов ФД-1 – 1750 шт., штативов ФД-3 – 250 шт. [48, с. 12] Общий годовой план выпуска электроинструмента, таким образом, составлял 9500 шт. Но уже в 1934 году этот показатель вырос до 11 000 штук [577, л. 24].

В 1935 году модели ФД-1 и ФД-3 заводом уже не выпускались, тогда началось производство новой модификации электросверлилки – ФД-5 двух разновидностей – на 110 и 220 вольт, которые реализовались по цене 450 руб. за штуку, и штативов к ним по цене 200 руб. [588, л. 18]. По сути, ФД-5 был усовершенствованным вариантом своего предшественника ФД-1, на котором вместо

латунных втулок применялись шарикоподшипники [588, л. 26]. Кроме того, на 1936 год планировался выпуск новой модификации электросверлилки – ФД-7 [588, л. 52].

Рис. 3.10. *Упаковка готовой продукции электроинструментального завода коммуны: электросверлильных машин типов ФД-1, ФД-3 и электрошлифовальных машин типа ФД-2 (фото из экспозиции Государственного музея-заповедника А. С. Макаренко в с. Ковалевка Полтавского района).*

Вместе с тем как продукция завода электроинструмента коммуны широко распространялась в советской промышленности, начинает все активнее проявляться спрос на электросверлилки с большим диаметром сверления. Такие параметры инструмента особенно были необходимы для производства вооружения, поэтому главными их заказчиками выступали Главный штаб Красной Армии, отдел вооружений Государственного управления пограничной охраны и войск Объединенного политического управления СССР, Управление главного военного порта Черноморского флота [577, л. 2, 19; 588,

л. 19]. С учетом этого, на второй квартал 1936 года было запланировано начало выпуска новой серии электросверлилок, обеспечивающих сверление диаметром до 25 мм. В то же время требование военных увеличить рабочее напряжение электроинструмента до 380 вольт пока оставалась нереализованным [588, л. 42].

Попутно стоит отметить, что коммуна со временем стала не единственным детским учреждением в системе НКВД Украины, выпускавшим электроинструменты – позже по ее примеру и детская трудовая коммуна имени В. А. Балицкого в Прилуках начала производить ручные шлифовальные машинки [588, л. 6].

Объективные сведения о спросе на электроинструмент, изготовленный на предприятиях коммуны, содержатся в фондах Харьковского архива. Приведем несколько иллюстраций.

В январе 1934 года, например, штаб Рабоче-Крестьянской Красной Армии прислал своего представителя для оформления договора на поставку в течение года 40 штук электросверлилок по металлу для сверления отверстий 12–25 мм с штативами [577, л. 2], а в июле следующего года Управление морских сил РККА направило в коммуну письмо с просьбой срочно выслать спецификацию и цены на «электросверла» для составления заявки на 1936 год [588, л. 16]. 19 числа этого же месяца Управление главного военного порта Черноморского флота сделало заказ на поставку в 1936 году для нужд флота 109 штук электросверлилок [588, л. 19]. 15 августа 1935 года заявку на 7 штук электросверлилок ФД-5 напряжением 110 вольт и 2 штуки напряжением 220 вольт с штативами к ним направило также Управление служб Каспийской военной флотилии [588, л. 28]. Через четыре месяца флотилия вновь выразила потребность в электросверлилках постоянного тока обоих типов в количестве 9 штук, с штативами к ним и комплектом запасных подшипников [588, л. 59].

Кроме военно-морских сил, свои требования относительно продукции коммуны выдвигало и Автобронетанковое управление

Красной Армии, которое в августе 1935 г., например, направило заказ на 850 штук электросверлилок, четко указав их требуемые функциональные параметры [588, л. 23].

В предвоенные годы, как известно, государство, не жалевшее средств на укрепление собственных рубежей, рассматривало снабжение их охраны всем необходимым среди задач приоритетного значения. Неудивительно поэтому, что в известной мере к этому была привлечена и коммуна имени Дзержинского: в мае 1934 года отдел вооружений Государственного управления пограничной охраны и войск ОГПУ СССР заказал для строительства морских баз и сторожевых катеров Морпогранохраны 69 штук электросверлилок [577, л. 19]. Аналогичную заявку, но теперь уже на 91 электросверлилку на общую сумму 47 700 руб., в октябре 1935 года направило Главное управление пограничной и внутренней охраны НКВД СССР [588, л. 40]. Кроме непосредственного использования в военной промышленности, электросверлилки входили также в комплект инструментов специальных поездов, формировавшихся железными дорогами на так называемый мобилизационный период, что дополнительно подчеркивало их оборонное значение [588, л. 53–53 об.].

В деле реализации произведенного электроинструмента коммуна взаимодействовала с рядом посреднических организаций, которые не только закупали готовую продукцию, но и выдавали определенные гарантии на будущее. Так, например, в ноябре 1933 года, как сообщал Броневой заместителю председателя ГПУ УССР Карлсону, центральное украинское управление снабжения, «Укрснаб» заказало коммуне 3000 штук изделий завода [577, л. 22].

В конце 1933 года сбыт продукции электроинструментов был упорядочен: коммуна заключила соглашение с организацией Мосснабсбыт на продажу ей всего, что будет произведено заводом в 1934 году, и остатков продукции 1933 года (электросверлилок марки ФД-1 – 8000 штук, штативов к них – 1450 шт., электросверлилок

марки ФД-3 – 5500 штук, штативов к ним – 1000 шт., электрошлифовалок – 500 шт.). Общая сумма договора тогда составила 8 316 250 руб. С этого момента Мосснабсбыт брал на себя генеральное представительство по сбыту продукции за исключением учреждений военного ведомства и ГПУ, с которыми коммуна заключала договоры непосредственно. При заключении соглашения коммуна также передала Мосснабсбыту все имеющиеся заказы на свою продукцию – 4000 единиц [577, л. 23].

Можно быть уверенным, что кроме высокой популярности и промышленной востребованности электросверлилок, не остававшееся незамеченным коммунарами, такое же воспитательное значение для них играли и отзывы на продукцию коммуны непосредственных потребителей. В начале октября 1935 года на имя начальника технической части коммуны поступило письмо от начальника электротехнических мастерских Главного военного порта Черноморского флота, в котором изложена объективная оценка электросверлилок ФД-1. Отмечается, что ФД-1 в условиях их эксплуатации монтажными отделениями зарекомендовали себя как весьма удобные в работе и выносливые машины с хорошим тяговым режимом. Их электромоторы работают без отказа при сверлении отверстий от 6 до 12 мм, как спиральными, так и обычными сверлами, обеспечивая при этом высокую производительность, подтверждением чего служит полный отказ рабочих-монтажников от сверлилок других марок при получении их в инструментальной камере. Но рядом с этим в письме перечислены и несколько недостатков электроинструмента коммуны: быстрому износу подвержены, прежде всего, выключатели; нажимные колпачки на щеткодержателях в первые дни эксплуатации часто растрескиваются; конструкция коллектора совсем не допускает замены сожженных пластин. В заключительной части письма автор просит выслать 100 шт. коллекторов для ремонта электродрелей [588, л. 37]. К сожалению, пока неизвестно, насколько критика способствовала улучшению конструкции изделий, но последнее требование коммуна вскоре выполнила, направив в Севастополь

нужное количество коллекторов по цене 12 руб. 30 коп. за штуку [588, л. 43].

Хотя концептуальное осмысление профессиогенетической роли низкоквалифицированного участия подростков в высокотехнологическом производстве электроинструментального завода требует более длительного исследования, можно сформулировать некоторые предварительные выводы. Несмотря на то, что производственная роль большинства воспитанников не превышала уровня низких или средних разрядов, их включенность в развитие промышленного потенциала учреждения и сложные производственные процессы предусматривала формирование целого ряда когнитивных, операциональных, мотивационных и ценностных новообразований, которые, выступая общепрофессиональным базисом, делали возможным полноценное профессиональное развитие коммунаров на протяжении всей их последующей жизни. При этом А. С. Макаренко рассматривал работу на заводах коммуны лишь как средство, но отнюдь не конечную цель профессионального становления своих воспитанников.

Как известно, вторым мощным и еще более технологически совершенным производственным предприятием коммуны имени Дзержинского, открывавшим широкие возможности для профессионального развития коммунаров, стал завод пленочных фотографических аппаратов. Для изучения обстоятельств развития этого производства как своеобразного индустриального фона и средства профессионального развития воспитанников мы провели анализ многочисленных архивных материалов, значительная часть которых еще сравнительно недавно находилась в засекреченных фондах НКВД и почти не попадала в научный оборот.

Моментом начала проектирования производства фотоаппаратов на предприятиях коммуны, Макаренко называет 2 июня 1932 года. Главным организатором всего комплекса связанных с этим работ выступил А. Броневой (1898–1940) – с сентября 1932 года председатель Правления коммуны. Уже 21 июня Правление утвердило

организацию специального экспериментального бюро по разработке пленочного фотоаппарата, являвшегося копией немецкой марки *«Leica»* [333, с. 30]. В это же время предприятия коммуны собственными силами приступили к выпуску новейших оптических станков для начатого строительством завода фотоаппаратуры. Проектная мощность завода, пуск которого планировался на 1 июня 1933 г., должна была составить 100 единиц продукции в день [48, с. 12].

Первая пробная партия фотоаппаратов, получивших марку ФЭД (Феликс Эдмундович Дзержинский), в количестве 3 штуки, была выпущена 26 октября 1932 года. В результате экспертизы, проведенной вскоре специалистами Государственного оптического института, ФЭД был признан «хорошим, таким, не уступающим заграничному образцу, с некоторым преимуществом в оптической части». Окрыленная такой оценкой, коммуна вскоре инициирует комплекс мер по созданию всей инфраструктуры фотопроизводства. Уже 9 ноября было организовано управление строительством завода фотоаппаратуры, которое свою работу начало с возведения жилого дома для сотрудников завода. Несколько дней спустя стартовало изготовление технического проекта завода, производительностью 30 000 аппаратов в год, и было создано специальное организационное бюро по его строительству. Но технические возможности и промышленная мощность коммуны позволили наладить производство новой продукции, не дожидаясь завершения строительных работ. Завод электроинструментов, например, взял на себя изготовление штампов, инструментов, приспособлений и отдельных деталей, благодаря чему 28 декабря была выпущена первая в СССР серия пленочных фотоаппаратов [333, с. 30–31; 383, с. 75].

Преодоление значительных трудностей с налаживанием чрезвычайно сложного и высокотехнологического производства не обошлось без участия такого мощного фактора, как административное окружение коммуны. Показательной в этом отношении является борьба за качество продукции.

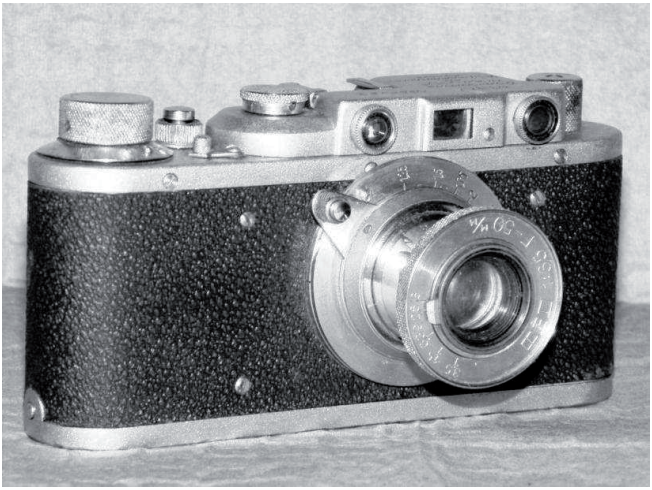


Рис. 3.11. *Фотоаппарат ФЭД – первая серийная модель фотопроизводства коммуны (в обиходе – ФЭД-1; фото из Википедии).*

Процедура определения соответствия изделий стандартам подробно описана в записке Броневого от 16 февраля 1934 года начальнику коммуны Теперу: вся продукция фотоаппаратов должна идти на строгое испытание в течение одной недели; после испытаний составляется акт о пригодности аппарата (если он на самом деле без дефектов), который подписывается лицами, призводившими испытания; акт запечатывается в конверт и вместе с аппаратом сдается начальнику коммуны, где и хранится; одновременно в конверт запечатываются снимки, сделанные этим аппаратом во время испытания [576, л. 7].

Однако технический контроль качества отдельных деталей, происходивший на государственном уровне, не всегда давал положительные результаты. Первого марта 1934 года, например, НИИ метрологии и стандартизации, исследовав на центрировку очередную партию объективов в количестве 32 штуки, сообщал результаты

проверки: хорошо – 7 шт., весьма удовлетворительно – 7 шт., удовлетворительно – 7 шт., неудовлетворительно – 11 шт. Причинами неудовлетворительного качества 34,4 % объективов указывались астигматизм и большая сферическая аберрация [577, л. 3–3 об.].

В начале 1935 года, очевидно, информация о низком качестве ФЭД поступила руководству республиканского и всесоюзного НКВД, поэтому 15 февраля 1935 г. вышел приказ начальника Административно-хозяйственного управления НКВД Украины С. М. Циклиса, которым «за выпуск недоброкачественных фотоаппаратов и непринятие необходимых мер» был снят с должности начальник отдела технического контроля Голубенко, объявлен строгий выговор с предупреждением заместителю начальника коммуны Теперу и директору фотозавода Ярошенко, а также были предупреждены о строгой ответственности начальник коммуны Тихонов и главный инженер Горбунов. Документ отличался чрезвычайно категоричным тоном: «Несмотря на приказ Наркомвнудела УССР тов. Балицкого о решительном улучшении качества выпускаемых Трудовой Коммуной НКВД УССР им. Дзержинского фотоаппаратов “ФЭД” и неоднократные распоряжения, указывавшие конкретные пути улучшения качества фотоаппаратов, последние до сего времени продолжают выпускаться недоброкачественными. Такое положение дальше терпимо быть не может, ибо оно дискредитирует не только Коммуну, но и органы НКВД.

Народный комиссар внутренних дел СССР т. Ягода категорически поставил задачу, либо выпускать фотоаппараты качественные, либо полностью прекратить выпуск».

Обращает на себя внимание, что руководство НКВД делает акцент не только на человеческом факторе, как решающем условии обеспечения качества производства, а выделяет ряд нравственных составляющих профессиональной компетентности работников: «коммуна имеет по состоянию оборудования и по наличию кадров ИТР все возможности выпускать доброкачественные аппараты.

Состояние технологического процесса и освоение отдельных деталей таково, что решает выпуск доброкачественного аппарата только при наличии добросовестного, внимательного и аккуратного отношения к делу».

В инструктивной части приказа намечены несколько путей «решительного устранения отмеченных недостатков». Кроме урегулирования комплекса квалификационных вопросов, о котором будет сказано ниже, авторы приказа настаивали на немедленном решении ряда технических задач: «разработать необходимые специальные технологические карты на все детали (примерно 1000 карт) фотоаппарата ФЭД, с подробнейшим указанием особых условий обработки, режущего и измерительного инструмента, кондукторов и приспособлений, обеспечивающих возможную механизацию процесса на данном оборудовании завода.

<...> обеспечить изготовление инструментальным цехом завода <...> всего недостающего режущего и контрольно-измерительного инструмента, ключей, кондукторов и приспособлений, обеспечивающих правильное изготовление и тщательный контроль всех деталей по ФЭДу, тщательной сборки, минимальность люфтов, взаимозаменяемость частей и проч.

<...> На основании технических карт, требований покупателя, учета подготовленности рабсилы разработать для каждого цеха по деталям и узлам полноценные технические условия бракеража и приемки и спустить их в цеха в нужном количестве».

Отдельно приказ вводил систему совершенного технического контроля: немедленное установление в сборочном цехе отсутствующих контрольных пунктов, полностью обеспечивающих качество деталей и сборку фотоаппарата; немедленная организация приемки деталей цеха от цеха; реорганизация работы ОТК таким образом, чтобы внутрицеховой пооперационный контроль был подчинен начальнику цеха. Последнему предписывалось руководствоваться обязательными для него техническими условиями,

а заводскому ОТК вменялось в обязанности контролировать не только готовую продукцию, но и передачу деталей из цеха в цех.

Как главное экономическое требование, выдвигалось: перевести полностью на фактический (а не формальный) хозрасчет все цеха фотозавода, цехам передать оперативное календарное планирование, нормирование материалов, рабочей силы и технологическое бюро, лимитировать цеха фондами и формами по всем показателям плана, организовать «действительный контроль рублем», а при перерасходе норм – закрывать кредиты. Кроме указанных, приказ содержал еще некоторые общеорганизационные требования: во-первых, немедленно организовать диспетчерскую службу на заводе, в обязанности которой вменить своевременную поставку цехов полуфабрикатами, инструментом и создание нормальных обоснованных заделов по деталям и узлам. И, во-вторых, в двухдекадный срок обеспечить надлежащую чистоту и порядок, в цехах создать культурное рабочее место [582, л. 3–5].

Судя по подписанному С. Циклисом 22 марта очередному приказу, которым подводились итоги выполнения вышеперечисленных мероприятий, наметился значительный сдвиг во всей работе фотозавода, отдельные дефекты по различным операциям в основном были устранены, работа выполнялась продуманно и внимательно, темпы обеспечивали окончание данных работ в предложенные сроки, «в цехах и на рабочих местах введены чистота и порядок, что вполне гарантирует культурную работу», и главное – «при достаточно внимательной проверке со стороны работников ОТК по имеющимся у них предварительным техническим условиям, пропуск бракованных деталей и всего фотоаппарата в целом может быть избегнут». Вместе с тем, отмечены и некоторые недостатки: до сих пор не налажены диспетчерская служба и календарное планирование, отсутствует учет и показатели выполнения плана механическим цехом, что приводит к «полному разнобою» в комплектности и слишком маленькому заделу по многим деталям. В связи с этим, приказом предлагалось безоговорочно немедленно

внедрить в работу механического цеха намеченную систему календарного планирования, план довести до каждого работника, с тем, чтобы каждый рабочий имел на свою смену точное и определенное задание, ежедневно вносить в план выполнение за предыдущий день, доводить цифры ежедневного количественного и качественного выполнения плана до сведения рабочих [582, л. 6–7].

Логическим следствием роста совершенства и конкурентоспособности продукции фотозавода стало поднятие вопросов патентования, о деталях которого в макаренковедении до сих пор нет однозначного мнения. Как нам удалось выяснить, через полтора года после выпуска первой серии фотоаппаратов действительно встал вопрос о соответствующих патентных документах. 11 июля 1934 г. хозяйственный отдел НКВД СССР, которому было передано дело реализации фотоаппаратов, произведенных коммуной, обратился к аналогичному отделу НКВД Украины с письмом: «В связи с тем, что Ваш аппарат абсолютно ничем не отличается от фотоаппарата, выпускаемого германской фирмой «Лейка», просим немедленно представить нам следующие данные:

а) является ли запатентованным фотоаппарат «ФЭД»,

б) номера патентной регистрации,

в) все имеющиеся у Вас материалы по затронутому вопросу.

Высылку нам означенного просим не задержать, так как в противном случае реализацию мы производить не сможем» [577, л. 18]. 28 июля заместитель начальника административно-хозяйственного управления НКВД Украины Элькин обратился к начальнику коммуны Марусинову с требованием немедленно составить ответ по существу московского запроса [579, л. 48]. Три дня спустя Марусинов проинформировал хозяйственный отдел НКВД УССР, что «наш аппарат “ФЭД” действительно является копией германской “Лейки” за исключением некоторых деталей. Патентом является не весь аппарат “Лейка”, а одна из частей, деталей

конструктивных особенностей. Что именно запатентовано, нам не известно.

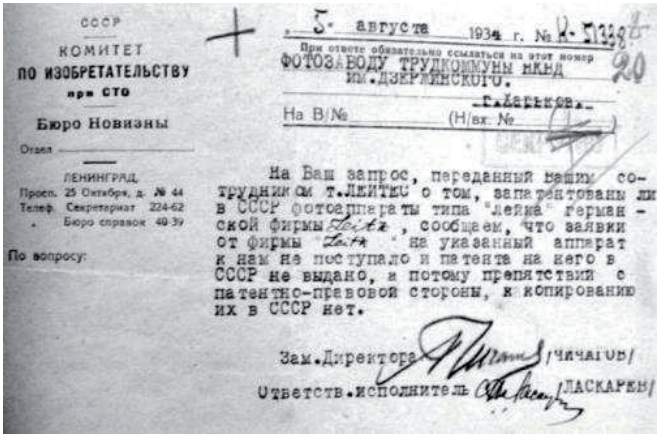
В случае сообщения нам, что является запатентованым, мы сможем ответить по существу затронутого Вами вопроса.

Наш “ФЭД” ни в СССР, ни заграницей не запатентован» [579, л. 51].

Для срочного решения данных вопросов коммуна направила в государственный комитет по изобретательству своего сотрудника Лейтеса с запросом, являются ли запатентованными в СССР фотоаппараты типа «Лейка» немецкой фирмы *«Leitz»*. Бюро новизны этого комитета, располагавшегося в Ленинграде, уже 5 августа ответило, что заявки от *«Leitz»* на указанный аппарат к ней не поступало и патента на него в СССР не выдано, «а потому препятствий с патентно-правовой стороны к копированию их в СССР нет» [577, л. 20] (см. рис. 3.12). Как видим, подозрения некоторых исследователей в якобы незаконном копировании детским воспитательным учреждением иностранных изделий оказались безосновательными, по крайней мере, в отношении фотоаппаратов и с точки зрения советского права.

Спрос на фотопродукцию коммуны, как и в случае с электроинструментом, почти с самого начала был массовым. Свои потребности в изделиях завода прежде всего высказывало военное ведомство. Подтверждением оборонного значения фотопродукции коммуны является, например, письмо Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), полученное 29 января 1934 г.: «По срочной необходимости для проведения некоторых работ, имеющих оборонное значение <...> Институту необходимо фиксировать все показания опытных приборов на пленку. Отсутствие нужных для этого аппаратов типа “Лейки” не дает возможности постановки этой работы на исследование в гидроканале, в силу чего ЦАГИ обращается к Вам с просьбой отпустить требуемое количество “Леек” типа “ФЭД” с полным набором к ней принадлежностей» [577, л. 4]. Фотозавод коммуны, очевидно, получал заявки и

непосредственно от Народного комиссариата по военным и морским делам СССР (НКВМ), но, пытаясь привести продукцию в соответствие специфическим требованиям военных, почувствовал потребность в определенной технологической документации. С этой целью он обратился в Ленинградский оптико-механический завод имени ОГПУ, однако получил ответ: «сообщаем, что для Лейки или подобной ей оптики для НКВМ завод не изготовляет, а посему технических условий не имеем» [577, л. 12].



СССР
КОМИТЕТ
ПО ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВУ
при СТО
Бюро Новизны
Отдел
ЛЕНИНГРАД
Просп. 25 Октября, д. № 44
Телеф. Секретариат 224-62
Бюро справок 49-3у
По вопросу:

5 августа 1934 г. № 12-5338
При ответе обязательно ссылаться на этот номер
20
ФОТОЗАВОДУ ТРУДКОММУНЫ НКВД
им. ДЗЕРЖИНСКОГО.
г. Харьков.
На В/№ (Н/вх. №)

На Ваш запрос, переданный нашим сотрудником т. ЛЕНТЕ о том, запатентованы ли в СССР фотоаппараты типа "Лейка" германской фирмы Leitz, сообщаем, что заявки от фирмы Leitz на указанный аппарат к нам не поступало и патента на него в СССР не выдано, и потому препятствий с патентно-правовой стороны, к копированию их в СССР нет.

Зам. Директора /ЧИЧАГОВ/
Ответств. исполнитель /ЛАСКАРЕВ/

Рис. 3.12. *Ответ Комитета по изобретательству на запрос коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, 5 августа 1934 г. (ГАХО, ф. Р-4511, оп. 1, д. 2, л. 20).*

Поступали заявки и от других авторитетных организаций: 26 марта 1934 г. с письмом обратилось Вольское городское правление ОГПУ Саратовского края, которое убедительно просило «отпустить крайне необходимые для служебных целей (для горотделения ОГПУ и Милиции) 2 фотоаппарата (Лейка)» [577, л. 14]. Два дня спустя просил сообщить о возможности приобретения 5 штук фотоаппаратов, с оптикой или без таковой, и оперативный отдел Управления рабоче-крестьянской милиции Северокавказского края [577, л. 13]. Только

втечение весны 1934 года аналогичные просьбы поступили от уполномоченного ОГПУ по Ак-Дарьинскому району Узбекской ССР [577, л. 9], Управления строительства канала Москва-Волга и Дмитровского исправительно-трудового лагеря ОГПУ [577, л. 15], транспортного отдела ОГПУ Донецкой железной дороги [577, л. 17]. То же самое повторялось и в начале следующего года: пожарный отдел Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю 3 февраля 1935 г. просил известить о возможности получить фотоаппараты для оперативных работ [588, л. 4], с запросом о фотоаппаратах обратился оперативный пункт транспортного отдела Управления государственной безопасности НКВД при станции Орджоникидзе Северо-Кавказской железной дороги [588, л. 7].

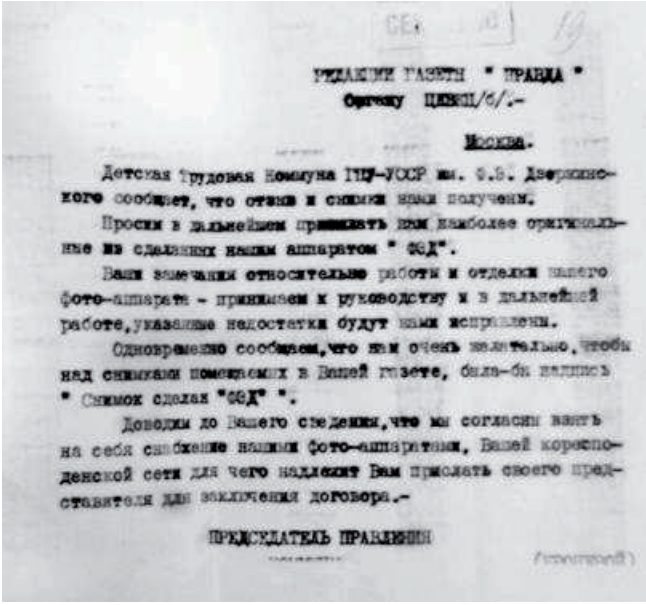
Важным воспитательным моментом развития производства коммуны выступало также формирование ее внешнего имиджа. Интересным примером популяризации продукции фотозавода является переписка с редакцией главного печатного органа страны газеты «Правда». Свидетельством этого является обращение в редакцию, подписанное Броневым: «Детская Трудовая Коммуна ГПУ-УССР им. Ф. Э. Дзержинского сообщает, что отзыв и снимки нами получены.

Просим в дальнейшем присылать нам наиболее оригинальные из сделанных нашим аппаратом “ФЭД”.

Ваши замечания относительно работы и отделки нашего фотоаппарата принимаем к руководству и в дальнейшей работе указанные недостатки будут нами исправлены.

Одновременно сообщаем, что нам очень желательно, чтобы над снимками, помещаемыми в Вашей газете, была бы надпись “Снимок сделан “ФЭД”.

Доводим до Вашего сведения, что мы согласны взять на себя снабжение нашими фотоаппаратами Вашей корреспондентской сети, для чего надлежит Вам прислать своего представителя для заключения договора» [576, л. 19] (см. рис. 3.13).



РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ " ПРАВДА "
Органу ЦИКСП/б/.-

Москва.

Детская трудовая Коммуна ПЦУ-УССР им. Ф.Э. Дзержинского сообщает, что отзыв и снимки нами получены.

Просим в дальнейшем принимать нами наиболее оригинальные из сделанных нашим аппаратом " ФЭД".

Ваши замечания относительно работы и отделки нашего фото-аппарата - принимаем к руководству и в дальнейшей работе, указанные недостатки будут нами исправлены.

Одновременно сообщаем, что нам очень желательно, чтобы над снимками помещаемых в Вашей газете, была-бы надпись " Снимок сделан "ФЭД" ".

Доводим до Вашего сведения, что мы согласны взять на себя снабжение нашим фото-аппаратом, Вашей корресподенской сети для чего надлежит Вам прислать своего представителя для заключения договора.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ

Рис. 3.13. *Обращение Правления коммуны имени Ф. Э. Дзержинского в редакцию газеты «Правда», 4 июня 1934 г. (ГАХО, ф. Р-4511, оп. 1, д. 1, л. 19).*

Со временем популярность ФЭД сделала его даже желанным подарком. 10 июля 1934 г. Броневой проинформировал Марусинова, что «Согласно указания В. А. [Балицкого] нужно по списку, который имеется у Тепера, послать делегацию в ЦК КП(б)У и вручить подарки коммуны – фотоаппараты. Для этого:

а) аппараты должны быть точно проверены и испытаны,

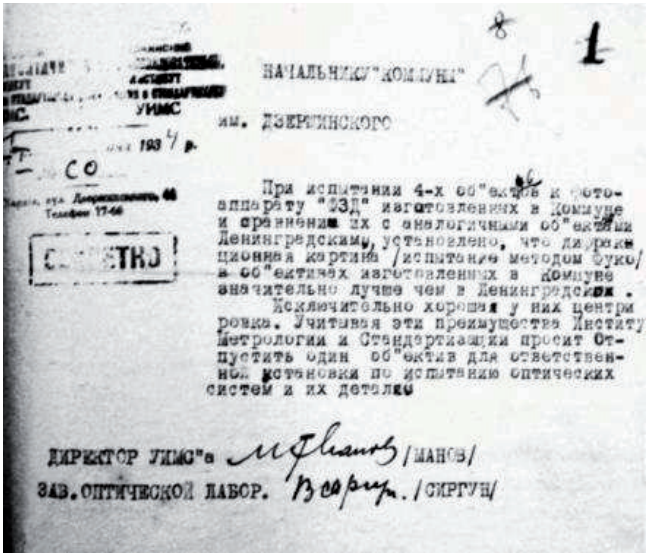
б) приложены к ним аттестаты,

в) хорошая упаковка,

г) письмо коммунаров». Кроме того, Броневой сообщал о распоряжении Балицкого подготовить (за наличный расчет) по одному фотоаппарату для 8 областных газет [576, л. 23–24].

Вполне естественно, что производственные условия коммуны способствовали постоянному росту квалификации коммунаров. Яркой иллюстрацией их профессионального развития является письмо от 8 января 1934 г. Украинского научно-исследовательского института метрологии и стандартизации, текст которого можно оставить без комментариев: «при испытании 4-х объективов к фотоаппарату “ФЭД”, изготовленных в Коммуне, и сравнении их с аналогичными объективами ленинградскими, установлено, что дифракционная картина (испытание методом Фуко) в объективах, изготовленных в Коммуне, значительно лучше, чем в ленинградских.

Исключительно хорошая у них центрировка. Учитывая эти преимущества, Институт метрологии и стандартизации просит отпустить один объектив для ответственной установки по испытанию оптических систем и их деталей» [577, л. 1] (см. рис. 3.14).



НАЧАЛЬНИКУ "КОММУНЫ"
им. ДЗЕРЖИНСКОГО

При испытании 4-х об"ективов к фотоаппарату "ЭЗД" изготовленных в Коммуне и сравнении их с аналогичными об"ективами Ленинградскими, установлено, что дифракционная картина /испытание методом Фуко/ в об"ективах изготовленных в Коммуне значительно лучше чем в Ленинградских.

Исключительно хорошая у них центрировка. Учитывая эти преимущества Институт Метрологии и Стандартизации просит Отпустить один об"ектив для ответственной установки по испытанию оптических систем и их деталей

ДИРЕКТОР УНИС"а /МАНОВ/
ЗАВ. ОПТИЧЕСКОЙ ЛАБОР. /СКРГУН/

Рис. 3.14. *Письмо Украинского института метрологии и стандартизации начальнику коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, 8 января 1934 г. (ГАХО, ф. Р-4511, оп. 1, д. 2, л. 1).*

Процессы строительства, ввода в эксплуатацию, вывода на проектную мощность и наращивания темпов производства завода пленочных фотоаппаратов коммуны имени Дзержинского создавали чрезвычайно широкие возможности для формирования основ общепрофессиональной компетентности воспитанников. Особенно благоприятными условиями для осознания ими важности профессионального контекста собственной жизни выступало чувство личной причастности к делу промышленного развития учреждения, обширные внешнепроизводственные связи предприятия, понимание социального значения выпускаемой продукции.

О работе третьего, инструментального или механического, завода коммуны известно гораздо меньше, чем о других ее предприятиях, прославивших коммунарское учреждение на территории всего Советского Союза. Очевидно, это звено промышленной инфраструктуры коммуны выполняло вспомогательную роль в налаживании и инструментальном обеспечении ее главных предприятий. На фоне передовых электроинструментального и фотопроизводства этот завод иногда выглядел недостаточно успешным – в начале мая 1934 года в цитировавшемся выше письме Броневой среди перечня недостатков производства отмечал: «самое узкое место на сегодня в коммуне – это инструментальное хозяйство, отсюда недостаток приспособлений, штампов, инструментов, отсюда элементы торможения в освоении завода фотоаппаратов» [576, с. 14–15].

Нужно заметить, что инструментальный завод, кроме вспомогательной функции, имел достаточно технических возможностей для конструирования и выпуска собственной ликвидной продукции. Документы свидетельствуют, например, о подготовке к выпуску весной 1935 года нового вида изделий этого завода – арифмометра, при этом в упомянутом приказе С. Циклиса от 22 марта все же констатируется несоблюдение графика работ по конструированию, изготовлению и внедрению этого нового объекта технологического процесса, грозившего привести к значительному

превышению его плановой себестоимости на 1935 год [582, л. 6–8]. Но подобные досадные случаи были скорее исключением, о чем свидетельствует, в частности, соглашение на изготовление измерительного инструмента для Сумского машиностроительного завода имени М. В. Фрунзе, подписанное коммуной в сентябре 1935 года [588, л. 31]. Заказ данного предприятия был достаточно ярким примером признания промышленных возможностей коммуны, поскольку в то время сумские партнеры были известны на всю страну своими технологическими достижениями [317].

Промышленная история коммуны имени Дзержинского не будет полной без впечатляющих показателей роста производительности ее предприятий. Лучшей иллюстрацией для этого служит представленная в таблице 3.8 девятилетняя динамика объемов выпуска продукции [370, с. 5].

Таблица 3.8

Показатели выпуска продукции предприятиями коммуны имени Ф. Э. Дзержинского в 1928–1936 гг. (в рублях)

Год	Стоимость продукции	Год	Стоимость продукции
1928	24.000	**1933**	5.430.000
1929	34.000	**1934**	11.284.000
1930	167.000	**1935**	16.160.000
1931	1.038.000	**1936**	22.000.000
1932	3.038.000	–	–

Вполне логично предположить, что по мере быстрого роста промышленной базы коммуны объективно расширялись создаваемые ею квалификационные возможности для воспитанников.

3.4.2. Производственное обучение коммунаров

По свидетельству многочисленных документов, производственное обучение в коммуне имени Дзержинского выступало отдельным и хорошо организованным звеном профессионализации воспитанников. Свои задачи и содержание оно выводило из потребностей промышленного развития коммуны и корректировало их в соответствии с главными этапами этого развития.

Пока не удалось установить полный перечень имен специалистов, причастность которых к обучению коммунаров производственным операциям улучшала не только индустриальные, но и педагогические показатели коммуны. Лишь известно, что с 29 мая 1932 года до по крайней мере весны 1936 года должность заведующего производственным обучением коммуны занимал Александр Емельянович Лапко (по другим данным – Лабко, Лабков) (1897 – ?), имевший «низшее» образование и ранее работавший на Донецкой железной дороге, вероятно, в органах НКВД на транспорте [586, л. 29; 505, л. 39–41]. В апреле же 1934 года, по некоторым данным, начальником производственного обучения, очевидно, временно, работал Г. В. Берджиевский [249, с. 236].

Главными стартовыми документами, определявшими содержание и организационные основы производственного обучения коммунаров с первых шагов промышленного развития их учреждения были уже упомянутое выше «Введение в программы и планы учебной работы в школе и в мастерских детской Коммуны им. Ф. Э. Дзержинского», а также ряд программных материалов: по технологии, инструментоведению и организации производства, производственному обучению слесарно-механической мастерской, деревообрабатывающей мастерской, мастерской женской и детской одежды и элементам технологии материалов и организации производства, технологии дерева и организации производства, производственному обучению и элементам технологии кожи и организации производства сапожной мастерской [564, л. 10–19].

Как свидетельствуют указанные документы, изначально руководство коммуны в организации ее образовательной работы ориентировалось на связь содержания школьного обучения с трудовой подготовкой воспитанников в мастерских. Об этом даже говорится в отдельном пункте вступления к программам учебной работы коммуны: при сохранении перечня главных тем школьного курса материал производственного содержания должен входить в него в виде подтем; математический материал из программы трудового обучения включается в математический раздел школьной программы. Кроме того, такие разделы трудового обучения, как организация производства и технология материалов, должны входить в программы школьных курсов обществоведения, природоведения и языка. Роль главных источников формирования прикладных знаний коммунаров, необходимых для производственного труда, предназначалась таким дисциплинам, как технология материалов и черчение, на которые отводилось, например, в 4 и 5 классах по 2 часа в неделю. О важности производственного обучения в общем образовании коммунаров говорит такой факт: при их 48-часовой недельной нагрузке 24 часа отводилось на работу в мастерских. Благодаря всем запланированным условиям, производственная квалификация коммунаров за годы пребывания в учреждении должна была достичь уровня 4-го разряда [564, л. 10–11].

Производственную квалификацию, по замыслу основателей и руководителей коммуны, как уже упоминалось, коммунары должны были получать в условиях четырех кустарных, но оборудованных по высоким техническим требованиям мастерских: слесарно-механической, деревообрабатывающей, швейной и сапожной. Целостное представление о специфике и уровне производственного обучения в мастерских коммуны, его объеме и специализации дают соответствующие программы, на содержании которых стоит остановиться подробно.

Документ под названием «Программа по технологии, инструментоведению и организации производства Детской Трудовой

Коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» состоит из восьми пунктов, отражающих содержание, этапы и организацию усвоения теоретического материала учениками слесарно-механической мастерской. Процесс обучения начинался с общего ознакомления воспитанников с мастерской и ее оборудованием, после чего отрабатывались главные тематические блоки курса (сохраняются стилистические особенности оригинала):

а) основные свойства металлов (знакомство с основными свойствами железа, чугуна, стали и зависимость их качества от количества углерода; металлы в процессе плавления, закаливания, ковки и сварки);

б) холодная обработка металлов (инструменты; рубка зубилом и другими инструментами; тиски, молоток и зубило, уход за инструментом – заправка, закалка, отпуск, точение; опиливание, его значение; слесарный напильник; материал, сорта, размеры и профили слесарных напильников; приборы для измерения и пользование ими, линейка, складной метр, рулетка, угольник, кронциркуль, нутромер, штангенциркуль, микрометр, калибр и т. д.; сверление, ручные и приводные машины для сверления, их строение и уход за ними; ручная винтовая нарезка, система нарезок – правая, левая, газовая и др; метчик, вороток, клупп; шабровка; проверочная плита, линейка скобления под проверочную плиту, под линейку и без них; шабер; обработка изделий на станках; обтачивание на токарном станке; токарный станок, главные его части и уход; материал, идущий на резец; изготовление резца и уход за ним во время работы; нормальный резец, формы резцов: проходной, подрезной, отрезной, нарезной, расточный и др; фасонные резцы; центровка изделий; изго-товление винтовой нарезки на токарном станке; подбор зубчатых колес при нарезке; заточка под шаблон; специальные токарные станки, револьверные станки; строгание; строгальный станок, продольный и поперечный, их конструкция; форма резца; фрезерование; фрезерный станок; фрезы с задним и передним точением; фрезерование под шаблон; универсальный фрезерный станок и его конструкция; подбор

зубчатых колес для винтового фрезерования; фрезерование зубчатых колес);

в) выработка чугуна, железа, стали (что такое руда; железные руды, размещение их на территории СССР и УССР; добыча руды; флюсы; доменная печь, доменный процесс; продукты доменного процесса; утилизация доменного газа; сорта чугуна; примеси в чугуне, кремний, сера, фосфор, марганец, феромангган; технические нормы приема чугуна; выработка железа в пудлинговых печах; выработка стали; бессемерование; выработка мартеновской стали; строение и работа генератора и мартеновской печи; сорта стали, технические нормы приема наиболее употребляемых сортов стали);

г) прокатка (простейший прокатный станок и его работа; сортовое и листовое железо)

д) литейное дело (материалы в литейном деле; литейный чугун, плавка и переплавка; модели деревянные и металлические, требования формовщика к моделям; формовочные материалы; формовочная земля: малоглинистая и многоглинистая; состав формовочной массы и способы ее изготовления, различные способы формовки: грунтовая, в опоках по неразборной модели и по разборной модели; изготовление сердечников, закладка сердечника в форму; сушка форм; плавление металла; тигельная печь, вагранка, их строение и устройства для них; горючие материалы, применяемые в литейном деле; флюсы и их назначение; устройства для разливки расплавленного металла в формы; охлаждение отливок; чистки отливок, зависимость чистоты отливки от выбора и подготовки формовочного материала, толщины присыпки графитом или древесным углем, расположение формы при литье, выпаров, отдухов, особенности отливок из меди и бронзы);

е) цветные металлы (красная медь, цинк, их свойства и применение в промышленности; желтая медь, бронза, белые металлы, их состав и использование).

Заключительный раздел программы посвящен элементам организации производства в слесарно-механической мастерской: задачи, поставленные перед мастерской, место ее в системе

механической промышленности, снабжение мастерской материалами, сорта материалов и приблизительные расценки на них, ходовой материал для мастерской, смета ассортимента материалов, необходимых на 1–6 месяцев работы, себестоимость фабриката, калькуляция, нормы выработки, научная организация труда, разделение труда, организационная связь цехов на предприятии, ориентировочная смета годовой работы мастерской [564, л. 14–14 об.].

Практическая подготовка учащихся слесарно-механической мастерской была раскрыта в программе производственного обучения, состоящей из слесарного и кузнечного разделов. Блок слесарных тем включал: рубку зубилом и крейцмейселем и опиловку под линейку и угольник без точного размера чугунного бруска; выпиливание пластинок (плиток) по линейке и угольнику с шлифовкой (для чернильного прибора); выпиливание шестигранного керна; крумциркуль; нутромер; угольник; выпиливание ключа и гайки; петли и задвижки, сверление дыр ручной дрелью и на станке; ручное нарезание винтов и гаек; выпиливание и обрубка по точным размерам простых частей машин, станков и т. д.; молоток; циркуль с дугой; простой замок для ящика; плоскогубцы, клещи и ручные тиски; начальные работы на токарном и строгальном станках, заправка резца, сверла; клупп и плашки; метчики, вытачивание их и нарезка; ручные тиски; вороток; разметка предметов на разметочном столе; медные работы, пайка железа и меди; пайка белой жести, проводов и шнуров, напайка железных колец на газовые трубы и нарезка газовых труб, гибка газовых труб, лужение, спаивание и заливка подшипников, спаивание цинка и свинца. Также для повышения уровня практических навыков планировались вспомогательные работы на токарном, сверлильном и строгальном станках.

Кузнечная часть программы производственного обучения слесарно-механической мастерской включала темы: ковка четырехгранного прута из круглого железа; сварка железа; гибка железа по шаблонам различных форм; ковка болтов и гаек с квадратными головками; зубья для бороны и молотилок по образцам;

простая железная ограда; сварка плоского и круглого железа; ковка болтов и гаек с шестигранными головками; заготовка инструментов, молотка, угольника, ручных тисков, зубила, резца, закаливание; кузнечный инструмент; наваривание стали на железо; ковка по шаблонам по рисунку различных частей сельскохозяйственных машин и орудий [564, л. 15–15 об.].

Отдельным документом представлена программа теоретического обучения учащихся деревообрабатывающей мастерской, предусматривающая изучение технологии древесины и организации производства. Она, как и в других случаях, открывается ознакомлением воспитанников с мастерской и оборудованием, далее следуют отдельные тематические блоки:

а) древесина как живой организм; строение древесины: оболочка, клетки; ткани, годовые слои, строение волокна, строение коры, корней, листьев; жизнь дерева; рост дерева; увечья и болезни дерева; трещины; неправильности в расположении волокон; ненормальное развитие некоторых частей пня; последствия повреждения дерева; порча древесины паразитами; болезни дерева; гниение дерева от паразитных грибов; гниение дерева по другим причинам;

б) инструменты (пилы: лучковые, поперечные, ножовки; форма зубцов; приборы для измерения и пользование ими; линейка, складной метр, рулетка, угольник, циркуль, ерунок, рейсмус и т. д.; строгальные инструменты: рубанок, его устройство, шерхебель, фуганок; долбежные инструменты: долото, стамеска и другие; инструменты для сверления: буравчик, перко, винтовое сверло, центур, раззенковка, коловорот и т. д.; верстак и его детали; струбцина, стусло и т. д.);

в) древесина как строительный материал; технические свойства древесины; сырость древесины; вес древесины; плотность древесины; усушка и разбухание, растрескивание и искривление древесины; сорт лесного материала; высушивание из древесины растительных соков; вспомогательные материалы: клей, его приготовление, нагели, гвозди,

шурупы, болты и т. д.; породы лесного материала и их применение для различных изделий; основные приемы плотницких строительных работ; важнейшие способы соединения отдельных частей древесины; соединение углов; столярные строительные работы: окна, двери, пол, обшивка стен и потолка; способы соединения рам, филенки; столярно-мебельные работы; основная конструкция мебели; способы соединения материалов; понятие о стиле мебели; характерные черты самых популярных стилей; обработка поверхности мебели: опиливание форниром, подготовка поверхности для полировки; протрава древесины, лакировка и полировка мебели, вощение, подкрашивание мебели, имитация древесины; токарные работы; токарный станок (ножной и приводной); токарные инструменты; машины и станки для обработки древесины; циркулярка, строгальные станки, станки для сверления и долбления; фрезерные станки. Элементы организации производства в деревообрабатывающей мастерской раскрыты в программе следующим образом: задача, поставленная перед столярной мастерской, место ее в системе деревообрабатывающей промышленности и в хозяйстве; снабжение мастерской материалом; организация и техника валки дерева с корня; сплав; ознакомление с лесопильным и деревообрабатывающим заводами и их работой; сравнение ручного и машинного способов заготовки материалов; приблизительный ассортимент нужного материала; способы разделения труда; научная организация труда; рационализация производства; ориентировочная смета годовой работы мастерской [564, л. 18].

Программа производственного обучения деревообрабатывающей мастерской коммуны была рассчитана на два года обучения. В течение первого года коммунары должны были усвоить такие темы: знакомство со столярным станком и инструментом; продольное и поперечное резание доски по намеченной линии; рубка; строгание доски и бруска по линии и угольнику; соединение доски накрест и в накладку; угловое соединение одним шипом под 45°; угловое и боковое соединение оконной рамы; рама для окна или для картины;

табурет и его соединение; полочка; тумбочка для цветов; рисовальная доска; простой стол; различные соответствующие работы по хозяйству и по отдельным заказам; работы на токарном станке. Второй год обучения в деревообрабатывающей мастерской предусматривал уже более сложные темы: столярный станок; колодка для инструментов; стул; висящий шкаф; библиотечный или платяной шкаф; письменный или обеденный стол; буфет; различные заказы в соответствии с программными задачами; работы на деревообрабатывающих машинах и станках [564, л. 16].

Для девушек-комунарок была оборудована мастерская «женской и детской одежды», учебные программы которой тоже освещают широкий круг технологических вопросов. В данных документах, как и в случае слесарно-механической и деревообрабатывающей мастерских, подробно раскрыто содержание таких важных теоретических аспектов профессиональной подготовки, как технология материалов и организация производства: материалы для портняжного производства: текстильная промышленность; отрасли текстильной промышленности и разновидности ее продукции; материалы хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые; способы определения качества материалов; шерсть овечья; способ заготовки и сорта ее; верблюжья шерсть; шелк натуральный и искусственный; прядение волокна и шерсти; ручное и машинное прядение; прядение и кручение шелка; изготовлеиие тканей; ткани фабрично-заводской промышленности; ткани ткацкой кустарной промышленности; орудия портняжного производства; приспособления для снятия мерки и кроя; инструменты и приспособления для шитья; приспособления для глажки; портняжная машина; снятие мерки и крой материалов; задачи мастерской; средства заготовки материалов; средства разделения труда; научная организация труда; рационализация производства.

Программа производственного обучения в швейной мастерской состояла из двухлетних тематических планов. Для первого года были отобраны следующие темы: знакомство с иглой, ниткой и наперстком;

знакомство с швейной машиной, заправка верхней и нижней нити; начальные работы наметывание швов, французский шов, выметывание петель, ручные складочки, сбор оборочек, петельный шов, зашивание и глажка различных швов; начальные работы с бельем, детское белье, рубашка, лифчик, женское белье, панталоны, лиф, нижняя юбка, мужское белье, рубашка, кальсоны; верхняя женская юбка, простое женское платье, кройка белья и простого платья. Более квалифицированные темы второго года обучения имели практический характер: женская одежда, фасоны, костюм (жакет и юбка) и платье; крой и пошив верхних юбок некоторых фасонов; крой и пошив блузок нескольких фасонов; основательное изучение съема мерки и кроя материалов; снятие мерки, метод перевода мерки на материал [564, л. 17].

Квалификацию сапожников воспитанникам обеспечивала, также, как мы знаем, типичная для системы интернатных учреждений того времени сапожная кустарная мастерская. Теоретическая часть ее учебной программы, под названием «Элементы технологии кожи и организации производства», освещала следующие аспекты: ознакомление с инструментом; кожа и кожевенное производство; кожи свежие и консервированные; соление кож; кожи различных животных и их особенности; различные сорта кож: юфть, подошва, хром, шевро – и сырье, которое для них берется; средства закаливания подошвы; материалы, которые для этого применяются; процесс работы; клей обувной; вспомогательные материалы: картон, лубок, гвозди и т. д.; задачи мастерской; способы заготовки и обработки сырья; разделение труда; научная организация труда; рационализация производства.

Производственное обучение сапожников было рассчитано также на двухлетний срок. В течение первого года изучались темы: 1. Знакомство с инструментом и его назначением. 2. Дратва грубая и тонкая; вощение дратвы; варка сапожного клейстера. 3. Знакомство с колодкой и ее фасоном. Знакомство с докладом, заготавливаемым для обуви (подкладка, задник, носок, рант, подошва, каблук).

4. Знакомство с формой доклада, вырезание его и бурсование. 5. Приготовление доклада. 6. Заготовка подкладки из кожи. 7. Заправка носка в заготовку и затягивание ее на колодку, пришивание ее к подкладке. 8. Вымащивание подкладки, приготовление подошвы, ранта и прикрепление подошвы. 9. Заготовка каблука, его чистка; политурование каблука, подошвы и ранта. 10. Способ лакировки готовой обуви. 11. Самостоятельное изготовление различного рода ботинок и туфель.

Темами второго года были: 1. Снятие мерки с ноги. Обрисовывание ноги на бумаге. Подбор фасона колодки в соответствии с формой ноги. 2. Самостоятельное выполнение по одной паре ботинок – девичьих, мужских и женских. 3. Пошив голенищ на правиле. 4. Подготовка доклада для сапог. 5. Изготовление доклада для сапог. 6. Изготовление пары сапог средней величины. 7. Изготовление заготовок, выкраивние отдельных частей, согласно мерки. 8. Заготовка на женские туфли (лодочки) и др. 9. Выполнение работ, в которых ученик слабее всего чувствовал себя [564, л. 19].

Вполне понятно, что по сравнению с будущими промышленными достижениями коммунаров приведенные документы выглядят несколько примитивно, но нельзя не признавать ту важную роль в становлении производственного обучения, которую они сыграли, создав академический фундамент дальнейших технологических успехов коммуны.

Будучи заведующим детского учреждения, основой хозяйственной деятельности которого выступало сложное производство, А. С. Макаренко объективно был вовлечен в решение широкого диапазона чисто производственных вопросов, лишавшее его возможности скрыть собственную техническую некомпетентность. Зная, насколько важное значение придавал педагог авторитету руководителя, можно предположить, что он систематически и упорно работал над собой в данном направлении. То, что подобная форма самосовершенствования действительно имела место, подтверждается

нееденичными свидетельствами широты технической эрудиции Макаренко. Так, например, И. Д. Токарев говорит, что высокая техническая осведомленность Антона Семеновича была особенно заметной во время его выступлений на производственных собраниях: он хорошо помнил иностранные названия станков, знал, для осуществления каких операций они предназначены, их производительность – и все это при том, что, по наблюдениям Ивана Демьяновича, сам Макаренко никогда «за этими станками не стоял» (см. Приложение).

Во введении к приведенным программам производственного обучения, разработанным вместе с главными учредительными документами коммуны в период ее организации, процедура профессионального отбора воспитанников предусматривалась в следующем виде: первые шесть месяцев ученики должны были работать в тех цехах, в которые их назначала администрация, и только после этого, в соответствии с проявленными профессиональными способностями и наклонностями, они переходили в соответствующую мастерскую или оставались на месте и продолжали свое профессиональное образование. Поскольку в число коммунаров попадали подростки отличавшиеся как по возрасту, так и по общеобразовательному уровню, в документах отдельно присутствовала программа подготовки базовой категории воспитанников, то есть детей, не старше 13 лет с определенным уровнем знаний. Их в течение 5–6 лет планировали «воспитать политехнически», подготовив к самостоятельному выбору профессии при выбытии из коммуны, «когда же воспитанник желает остановиться на изучении какой-нибудь одной квалификации, – подчеркивалось в документе, – то препятствий со стороны коммуны не встретит» [564, л. 10].

С приходом в коммуну каждый новый воспитанник автоматически становился потенциальным участником ее производственной деятельности. При росте объема и сложности производства неизбежно углублялась профессиональная

дифференциация работников, происходило сужение их профессиональных функций, что в свою очередь потребовало решения ряда задач в сфере профессиональной ориентации и профессионального отбора. И. Д. Токарев, который был рабочим оптического производства в 1934–1937 годах, так описывает профориентационные мероприятия, объектом которых он стал в первые дни пребывания в коммуне: «как только я прибыл в коммуну из Полтавы, то вся группа в 50 ч[еловек] была приглашена в Громкий клуб, где А. С. Макаренко рассказал, какие специальности есть на заводе ФЭД и ФД? и дал им краткую хар[актеристи]ку. Потом дали возможность самим пройти по цехам и посмотреть, какой профиль хочет выбрать коммунар. Я прошёл все цеха обоих заводов, побеседовал с мастерами и выбрал для себя оптический цех, в котором я проработал с 1934 по 1937 годы.» (см. Приложение).

Свидетельства свободы выбора коммунарами производственной специализации мы находим уже в документах 1930 года. При решении вопроса распределения воспитанников в новой структуре производства, которая в то время включала швейный, машинный, сборочный, литейный, обрубочный, кузнечный, токарный, слесарный и никелировочный цеха, командирам производственных отрядов было приказано «иметь сведения, кто в какой цех желает» [248, с. 208].

Свободный выбор профессии при поступлении в коммуну служил отправным моментом для обеспечения будущей профессиональной адаптации коммунара на производстве. А. С. Макаренко, хорошо понимая, как мы видели, профессиональную ограниченность квалификационных возможностей коммуны, пытался создать как можно более благоприятные условия для свободного профессионального поиска своих питомцев. Тщательно обосновывая еще в начале 1928 года целесообразность создания так называемой «свободной мастерской», он определял ее цель именно необходимостью «подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей» и дать возможность «проявить себя в свободном трудовом усилии». Эта свободная мастерская, по замыслу

заведующего коммуны, предназначалась для регулярных занятий воспитанников младшего возраста и свободных занятий в клубные часы всех коммунаров, оснащалась материалами и инструментами по всем видам работы: по дереву, металлу, коже, гипсу, картону, электричеству и т. д. Но, являясь местом свободного технического творчества, мастерская должна была обязательно обучать подростков серьезному отношению к работе и ответственности. Макаренко предложил и одно из ориентировочных тематических направлений ее работы – «Что из чего делается». Подчеркивал педагог одновременно и то, что идея такой мастерской является «новеллой» в практическом соцввосе и может быть реализована только в коммуне, благодаря ее «идеальной обстановке» [229, с. 68–69].

Рис. 3.15. *Младшие коммунары в «свободной мастерской».*

По воспоминаниям И. Д. Токарева, определенная свобода профессионального выбора оставалось за коммунарами и в течение всего пребывания в учреждении – если кто-то из воспитанников коммуны не смог добиться совершенства в своей работе (очень редкие случаи), то он получал помощь со стороны мастеров производства, а

если и эта мера не имела успеха, то такого коммунара переводили на другую работу в другой цех, но это, как правило, не сопровождалось отрицательным общественным мнением. Иногда по этому поводу могло появиться критическое сообщение в газетах «Шарошка», «Резец» или «Дзержинец». Это называлось – «открыл двери не в тот цех» (см. Приложение). О подобных случаях изменения специализации говорится и в сборнике «Второе рождение». В статье «Один день коммуны», написанной, как считается, А. С. Макаренко, приводятся несколько подобных фактов, произошедших в течение 1 октября 1932 года. Это пункт из приказа по коммуне о переводе коммунара Демченко, по его просьбе, из литейного цеха в токарную группу, а также постановление комсомольского бюро коммуны о рекомендации коммунара Черникова на должность командира литейного цеха в связи с переходом командира этого цеха Могилина в цех механический [306, с. 56].

Специфическая организация производственного обучения в коммуне имени Дзержинского требует отдельного рассмотрения. Известно, что при создании коммуны учебные программы мастерских были рассчитаны на два академических года. Это было сделано для того, чтобы так называемые «переростки», то есть воспитанники более старшего возраста, могли успеть получить производственную квалификацию за время пребывания в учреждении [564, л. 10]. В дальнейшем продолжительность и характер производственного обучения пережили существенные изменения, вызванные усложнением производства и значительным повышением его требований к квалификационному уровню работающих.

Начальное производственное образование коммунары получали в так называемой школе ЦИТ, существовавшей при заводе электроинструмента коммуны. Подобные школы к началу 1930-х годов выполняли те же функции, что и школы ФЗУ, но программы и практические формы своей работы строили по системе Центрального института труда (ЦИТ). Разработанная директором этого института А. К. Гастевым на основе доктрины «трудовых установок»

оригинальная технология профессионального обучения, так называемая «система ЦИТа», ориентировалась на стандартизированную, ускоренную, программируемую и массовую подготовку квалифицированных рабочих. Она предусматривала обучение рабочих определенным рациональным способам изготовления продукции на основе расчленения операций на приемы и движения, изучение их и отбора наиболее рациональных [179]. По словам Т. Д. Татаринова, именно в школе ЦИТ молодые коммунары учатся «держать зубило, напильник, молоток, через 1–2 месяца они уже будут производить несложные слесарные работы, а еще через какой-нибудь месяц вольются в рабочие цеха наряду со старшими коммунарами» [404, с. 60].

Эффективной формой профессионального обучения коммунаров были отдельные лекции мастеров по повышению производительности труда. И. Д. Токарев их сравнивает с современным явлением мастер-классов, которые проводились с целью расширения кругозора: «есть крон-стекло, есть флинт-стекло, как оно варится, чем отличается от оконного, какие добавки» (см. Приложение). Как один из методов производственного обучения также практиковалось привлечение в роли помощников инструкторов лучших по своим производственным попоказателям коммунаров-ударников. Т. Д. Татаринов подтверждает, что в 1932 году такие коммунары с большим производственным стажем, как Французов, А. Землянский, Д. Анисимов и В. Скребнев, действительно являлись наставниками младших воспитанников [404, с. 60].

В только что цитированном очерке «Командиры станков» Т. Д. Татаринов подробно раскрывает отлаженную в коммуне имени Дзержинского систему производственного обучения и присвоения разрядов [404, с. 60–66]. По его словам, ученики инструментальной мастерской сначала около года работали на заготовительных работах как подручные слесарей, получая в результате итогового испытания 1-й или 2-й разряд. В течение второго года обучения, работая на простых устройствах, они уже выполняли работу слесаря средней

квалификации и могли получить 3-й разряд. Самостоятельными же квалифицированными слесарями, способными использовать сложные лекала, устройства и штампы, коммунары становились в результате третьего учебного года, получая при этом 4-й или 5-й разряд. При этом не исключалась возможность получения даже 6-го разряда для самых способных из них.

Сложный путь обретения квалификации проходили и слесаря-револьверщики. В течение первых 3–5 дней они для лучшего ознакомления с оборудованием становились «под руку» к более квалифицированным коммунарам, работавшим на станках типа *«Garvin»* или *KI-2* фирмы *«Hasse und Wrede»*. После этого учащимся уже поручалась самостоятельная работа на этих же станках. Помощь инструктора в течение трех последующих месяцев давала им возможность овладеть элементарной техникой работы, ознакомиться с заточкой режущего инструмента и самостоятельно выполнять такие работы, как зиньковка, резка валиков, райберовка и т. п. Следующий этап подготовки, продолжительностью также три месяца, связан со станками типа *«Ward»*, на которых ученики выполняли более сложные, но не связанные с большой точностью работы. Такая полугодовая подготовка позволяла коммунарам перейти на револьверные полуавтоматические станки типа *«Pittler»*, *KT-3*, фирмы *«Hasse und Wrede»* и на станки *S-40* и *S-50* фирмы *«Gildemeister»*. Работая около года на сложных станках, коммунары в совершенстве изучали их строение, обслуживание, положительные и отрицательные стороны каждого механизма, а также учились новым видам сложных работ, требовавших большой точности исполнения. Подобный уровень подготовки позволял коммунарам не только подготовить станок к работе, но уже и самим выступать в роли наставников. Индивидуальные способности позволяли некоторым коммунарам переходить на более квалифицированную работу помощников инструкторов по револьверной группе, в чьи обязанности входила наладка станка своей группы на любую работу.

Коммунары, вступавшие на обучение во фрезерную группу, проходили аналогичный цикл подготовки. Легкость управления и простота установки механизмов на станках *«Hurt»* и *«Klopp»* позволяли коммунарам быстро их изучить и освоить шпоночные и прорезные работы. Возможность работать от трех до шести месяцев на указанных станках позволяла приобрести достаточную квалификацию для выполнения ответственных и точных задач на более сложных станках типа *«Ludwig Löwe»*, *«Reinecker»* и *«Cincinnati»*.

Мы систематизировали приведенные Т. Д. Татариновым данные о получении производственной квалификации фрезеровщиками и представили их в виде таблицы с указанием последовательности перехода коммунаров от одного типа станков к другому и продолжительности обучения на каждом из них (см. табл. 3.9).

Крупнейшей технической единицей механического цеха завода была токарная группа. Около 70 коммунаров работали на станках типа *«Красный пролетарий»*, *«Самарский»*, *«Одесский»*, *«Комсомолец»*, *«Oerlikon»*. Принцип движения коммунаров-токарей от простых станков к более сложным был аналогичным с предыдущими группами: от зиньковки, райберовки и центровки на станках с простым управлением до обдирки валиков, проточка щеткодержателей и т. д. на более сложных станках типа *«Самарский»* с трехлетним курсом обучения. На этих же станках, по мере приобретения квалификации, коммунары начинали выполнять задачи большей сложности. К концу этого этапа обучения они уже работали вполне самостоятельно и получали право переходить на станки *«Красный пролетарий»* со сроком обучения до полугода. Виды работ, которые выполнялись коммунарами в это время, требовали уже гораздо большей чистоты и точности исполнения.

Самый высокий уровень обучения токаря предусматривал освоение в течение 9 месяцев станков с механизмами типа *«Oerlikon»*, которые позволяли осуществлять наиболее точную работу из тех, в которых нуждался завод электроинструмента коммуны. Конечная

специализация токаря происходила на станках инструментального отделения, работа на которых в течение года позволяла ему при наличии соответствующих способностей перейти в помощники инструктора по изготовлению основной продукции завода.

Таблица 3.9

Схема приобретения производственной квалификации фрезеровщиков на Электроинструментальном заводе коммуны

Тип станка / уровень квалификации	Продолжительность обучения
«Hurt» i «Klopp»	До 6 месяцев
«Ludwig Löwe»	До 6 месяцев
«Cincinnati»	До 6 месяцев
«Reinecker»	До 6 месяцев
«Wanderer» вертикальный	До 6 месяцев
«Wanderer» горизонтальный	До 6 месяцев
«Wanderer» универсальный	12 месяцев
Помощник инструктора	До 6 месяцев

Наряду с подготовкой токарей, револьверщиков и фрезеровщиков средней и высшей квалификации завод давал коммунарам возможность получить специальность инструкторов заготовительного, обмоточного и сборочного цехов. Для этого новые воспитанники, закончив обучение в группе ЦИТ и получив базовые трудовые навыки, переходили в заготовительное или обмоточное отделение.

В заготовительном отделении в течение следующих шести месяцев коммунар должен был хорошо усвоить все детали и операции заготовительного цеха: опиловку, сверловку, нарезку, шихтовку станин и сердечников якоря, сборку вентиляторов и выключателей. После этого коммунар до полного совершенствования в данной области оставался в должности помощника инструктора и переходил в сборочное отделение. Те же коммунары, которые попали в обмоточное отделение, осваивали сборку коллектора, запрессовку в массу, обмотку катушек, изолировку, обмотку якоря, укладку, пайку и

сушку. Отработав на каждой из перечисленных работ от 2-х до 3-х месяцев, коммунары могли остаться помощниками инструкторов в этом же отделении.

Другие же из коммунаров, перешедшие из заготовительного отделения в сборочное, в течение 3-х месяцев изучали укладку катушек в станину, сборку верхнего и нижнего щита, оснащение якоря, сборку готовой электросверлилки. После этого для углубления навыков и знаний всех технологических процессов сборочного отделения коммунаров оставляли на срок 6–9 месяцев в должности помощников инструкторов. Следующим этапом обучения для них было предусмотрено трехмесячное пребывание на испытательной станции, которое давало возможность овладеть такими квалифицированными видами работ, как проверка полярности катушек, испытание готового электроинструмента, определение его качества, выявление дефектов и нахождение путей их устранения. Только такой уровень квалификации позволял получить звание инструктора сборочного цеха.

Надо подчеркнуть, что перечисленными специальностями не ограничивались возможности для получения технической квалификации в коммуне. Небольшие группы коммунаров овладевали профессией в конструкторском бюро, электротехническом отделении завода, работали на шлифовальных и штамповочных станках. Т. Д. Татаринов приводит общую статистику специализации коммунаров по цехам завода электроинструментов на конец 1932 года, некоторые аспекты которой мы представили в таблице 3.10 [404, с. 65–66].

Массовое качественное улучшение производственной квалификации коммунаров П. Е. Силаков приурочивает к июлю 1932 года, когда впервые месячный выпуск электросверлилок вырос до 1000 штук. «Теперь – пишет он, – это уже не начинающие ученики производства: *это уже хорошо знающие свое дело рабочие* (подчеркивание автора – А. Т.). Теперь уже нет нужды выполнять программу путем непрекращающихся штурмов». Такой уровень

профессионализма коммунаров, по мнению Силакова, требовал уже более четкой расстановки сил на производстве, более правильной организации труда, более исправной работы отдела снабжения и всех плановых и руководящих органов. Кроме того, приобретенная квалификация освобождала ресурс времени для систематического обучения в семилетней школе и на рабфаке, а также для обширной общественной работы коммунаров [383, с. 74].

Таблица 3.10

Специализация коммунаров по цехам завода электроинструмента Трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского на конец 1932 г.

Специализация	**Уровень квалификации (разряды)**					**Всего**	**Из них**	
	1	**2**	**3**	**4**	**5**		**Парни**	**Девушки**
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Механический цех								
Токаря	6	23	18	17	–	64	59	5
Револьверщики	1	5	8	2	–	16	16	–
Фрезеровщики	1	7	5	1	–	14	10	4
Сверловщики	–	4	–	3	–	7	7	–
Строгальщики	1	5	–	–	–	6	6	–
Зуборезчики	1	6	1	–	–	8	[5]	3
Шлифовальщики	–	2	3	3	1	[9]	[8]	1
Инструментальщики	2	1	3	2	–	8	7	1
Слесари-ремонтники	–	2	–	–	–	2	2	–
Сборщики штативов	4	3	1	–	–	8	8	–
Штамповщики	3	3	–	–	–	6	–	6
Всего:	**19**	**61**	**39**	**28**	**1**	**[148]**	**[128]**	**20**
Заготовительное отделение								
Опиловщики	–	4	–	–	–	4	4	–
Сверловщики	4	8	–	–	–	12	11	1
Шихтовщики	2	6	1	–	–	9	7	2
Сборщики вентиляторов	1	1	–	–	–	2	2	–

Окончание табл. 3.10

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сборщики выключателей	4	3	3	1	–	11	11	–
Всего:	**11**	**22**	**4**	**1**	**–**	**38**	**35**	**3**
Обмоточное отделение								
Сборка коллекторов	6	6	–	–	–	12	1	11
Намотка катушек	–	5	5	–	–	10	–	10
Намотка якорей	3	8	6	–	–	[17]	–	[17]
Укладка и проверка	5	1	3	–	–	[9]	–	[9]
Пайка и сушка	4	2	1	–	–	[7]	[5]	2
Всего:	**18**	**22**	**15**	**–**	**–**	**[55]**	**[6]**	**[49]**
Сборочное отделение								
Укладчики катушек	1	4	4	4	–	13	10	3
Сборка верхнего щита	–	–	–	–	–	–	–	–
Сборка нижнего щита	2	4	4	2	–	12	12	–
Оснастка якоря	–	–	1	1	–	2	2	–
Сборка машинки	–	6	6	–	–	[12]	[12]	–
Всего:	**3**	**14**	**15**	**7**	**–**	**[39]**	**[36]**	**3**
Другие специальности								
Конструкторы	–	–	–	–	–	3	1	2
Литейщики	–	–	–	–	–	16	16	–
Инструкторы	–	–	–	–	–	15	12	3
Ученики школы ЦИТ (1-й учени-ческий разряд)	16	–	–	–	–	16	12	4
Электротехники	2	2	–	–	–	[4]	[4]	–
Всего:	**18**	**2**	**–**	**–**	**–**	**[54]**	**[45]**	**9**
Всего по заводу:	**69**	**121**	**73**	**36**	**1**	**[334]**	**[250]**	**[84]**

Высшим же профессиональным уровнем, доступным для коммунара ко времени выпуска из коммуны, была должность помощника инструктора на производстве. Точных статистических данных по этому поводу нам найти пока не удалось, но известно, что к

концу 1932 года, например, таких помощников насчитывалось уже 14 человек – 12 юношей и 2 девушки [383, с. 75].

В дальнейшем аналогичная ситуация с присвоением производственных разрядов наблюдалась и на оптико-механическом заводе. Постепенный рост квалификации коммунаров приводил к тому, что к моменту выпуска они достигали одного из самых высоких уровней. Это подтверждает и И. Д. Токарев, который при выходе из коммуны имел 4-й разряд оптика (при наивысшем 5-м), то есть мог выполнить все операции по изготовлению линз объектива, от заготовки до конечного продукта. Подтверждение же квалификации коммунара соответствующим документом, которое также было обязательным на предприятиях коммуны, делало его мобильным на рынке труда (см. Приложение).

О серьезности постановки производственного обучения на фотозаводе говорит и программа так называемого техминимума. Согласно приказу по коммуне, технические занятия проходили с привлечением руководителей производства: Перфильева, Багрова, Курчинского, Парусова, Силакова. Слушатели распределялись на две группы, по 20 человек каждая. 50-часовой курс был разбит на трехчасовые занятия с обязательным освобождением слушателей от производственной и общественной работы [249, с. 238]. Протоколы заседаний педагогического совета коммуны за 1933–1934 учебный год зафиксировали полезную инициативу педагогического коллектива, признавшего необходимость курса технического минимума и для преподавателей. Было решено прикрепить каждого преподавателя к группе коммунаров, проходящих техминимум [67, с. 264].

Известный макаренкознавець М. Виноградова сообщает, что группы техминимума существовали и на заводе электроинструмента коммуны, отличаясь довольно неоднородным распределением учебных часов для разных специальностей: слесаря – 24 часа, контролеры ОТК – 30 ч., револьверщики 2-го и 3-го разрядов – 46 ч. и т. д. [67, с. 255].

Расширение и усложнение производственных мощностей и вызванное этим увеличение процента вольнонаемных рабочих заставляло Правление коммуны рассматривать вопросы производственного обучения уже не как чисто коммунарскую проблему. При этом руководство хорошо понимало, что вопрос квалификации работников тесно связан с общим состоянием дисциплины на предприятиях, закреплением рабочих за конкретными рабочими местами, текучестью кадров и т. д. Хорошей иллюстрацией этого служат несколько документов из фондов Государственного архива Харьковской области.

Как мы уже говорили, 2 ноября 1933 года председатель Правления коммуны Броневой направил письмо начальнику ее производства (копии – начальнику коммуны Теперу, секретарю партячейки Кроворотченко, секретарю комсомольской ячейки Цирульникову, секретарю совета командиров Гапееву), в котором отметил, что, несмотря на его указания, «все-же в цехах без толку бродит много народа». Для улучшения ситуации Броневой требовал: объявить приказом по производству точно каждому его рабочее место и установить порядок, согласно которому каждый коммунар и рабочий может свое рабочее место оставить только с разрешения инструктора или мастера; всех оставшихся без рабочего места, без каких-либо отговорок сократить; наметить план увеличения квалифицированных профессий за счет всевозможных неквалифицированных и т. д. [576, л. 1].

В одном из своих следующих писем Броневой предложил даже несколько важных мероприятий для налаживания проблемы производственного обучения: «новые кадры, поступающие на учебу в цех, должны отдельно учитываться, им должен даваться какой-то срок для обучения (и за этим сроком надо следить), по окончании этого срока обученные должны сдать какой-то установленный для них техн. производственный минимум, а только после этого уже зачисляться как рабочие. Все это должно, понятно, совпадать с намеченным планом.

<...> Программа и январская, и февральская, и мартовская идет, понятно, за счет напряжения инженерно-технического и инструкторского состава и вследствие этого страдает опять же подготовка оптико-кадров (ибо основной костяк – инженеры-техники, инструктора, мастера и квалифицированные рабочие – заняты вытягиванием плана и не остается времени на занятия и обучение кадров)» [579, л. 40].

Месяц спустя вопросы квалификации вновь становятся предметом замечаний председателя Правления. В письме, в число адресатов которого теперь уже входил и Макаренко, он предложил: выделить рабочих, освоивших производство, дать им нормы выработки и расценки, а всех остальных выделить в отдельную группу, установить для этой группы специальные правила (сроки обучения, порядок сдачи и приема этих испытаний и т. д.); каждый перевод из учеников в кадровые рабочие должен обставляться торжественно, стимулироваться зарплатой, лучшим бытовым обслуживанием и т. д. [576, л. 16].

Особенно большой толчок в налаживании профессиональной подготовки работников фотозавода, в том числе и коммунаров, связан с приведенным выше приказом начальника Административно-хозяйственного управления НКВД Украины С. Циклиса от 15 февраля 1935 года. Тогда с целью урегулирования комплекса квалификационных вопросов предписывалось: «организовать и провести техническую подготовку всей рабсилы цехов и ОТК. Качество подготовки проверить путем технического экзамена. Пригодную рабсилу закрепить за станками, тисками и рабочим местом на длительный срок. Повести решительную борьбу с текучестью, мобилизовав при помощи общественных организаций всю массу коммунаров и вольнонаемных.

Одновременно наладить учет текучести рабсилы, включая и передвижки со станка на станок» [582, л. 4].

Таким образом, налаженное производственное обучение коммунаров, опиравшееся на технологические возможности

промышленных предприятий, в сочетании с хорошо развитой культурной инфраструктурой превращали коммуну имени Дзержинского в совершенно уникальный тип учебного заведеия, не только обеспечивающий полный цикл профессиональной подготовки, но и максимально расширявший ее видовой диапазон. Это подтверждается и многими фактами: коммунар Семен Никитин, например, еще до выпуска из коммуны получил квалификации столяра, электромонтера, киномеханика и токаря [50, с. 86].

Но позже, в связи с усложнением производства и соответствующим все более углублявшимся разделением труда, видимо, несколько сужается и профессиональная направленность коммунаров. Воспоминания И. Д. Токарева тому подтверждение: «я полюбил оптическое производство, и другие специальности меня не интересовали, – говорит он. – Таким же образом поступали и мои одноклассники, пришедшие в коммуну в 1934 году (Б. Б. Княженко, М. В. Литовка, Г. К. Геращенко и др.)». При этом Иван Демьянович подчеркивает, что его свидетельство касается только периода 1934–1937 годов (см. Приложение).

Одним из косвенных показателей роста квалификации коммунаров в производственных профессиях является способность к значительному превышению плановых заданий. Подобные примеры перевыполнения плановых заданий содержится в докладе Правления коммуны о ее состоянии за 1930 год. Если в мае и июне уровень выполнения плана равнялся лишь, соответственно, 56 % и 90 %, то уже в июле этот показатель вырос до 111 %, а в октябре достиг 125 % [506, л. 2]. Аналогичные показатели можно найти и в сводке механического цеха завода электроинструмента за 1 октября 1932 года. Всего в этот день электродрелей было выпущено 58 штук, при этом процент выполнения плана равнялся: токаря по алюминию – 98,3, токаря по железу – 104,8, токаря по чугуну – 125, токаря на «Эрликонах» – 137,6, револьверщики – 114,1, фрезеровщики – 109, работники на строгальных и зуборезных станках – 127,3,

инструментальщики – 104,6, шлифовальщики – 115,4, штамповщики – 110, работники на сверлильных станках – 114,9 [306, с. 54].

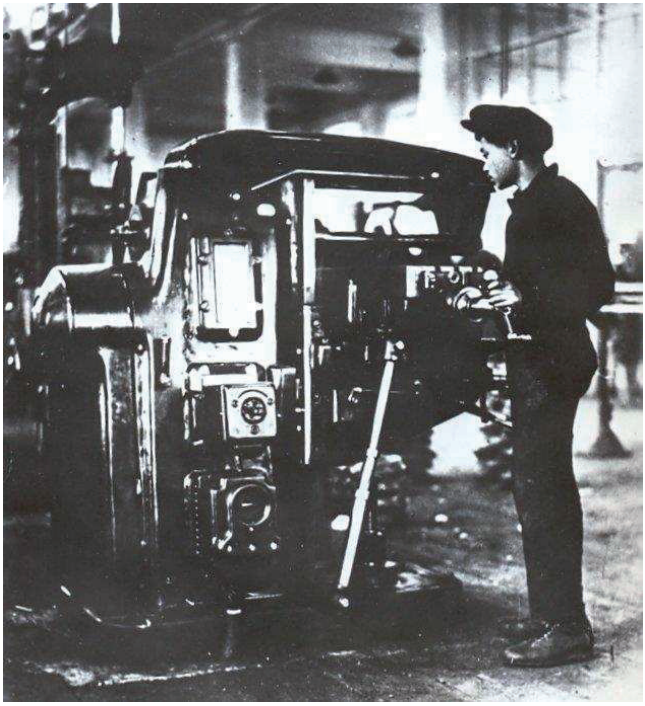


Рис. 3.16. *Коммунар за работой на стнаке (фото из архива научно-исследовательской лаборатории А. С. Макаренко Полтавского педуниверситета).*

Еще более красноречивым свидетельством растущей квалификации коммунаров является приведенное выше письмо украинского Научно-исследовательского института метрологии и стандартизации от 8 января 1934 года о качестве объективов, изготовленных в коммуне, и их значительном превосходстве над аналогичными ленинградскими [577, л. 1].

3.5. профессиональное воспитание в практике коммуны имени Ф. Э. Дзержинского

В статье «Перевернутые страницы», включенной в юбилейный сборник «Второе рождение», А. С. Макаренко, рассказывая о судьбе бывшего секретаря бюро комсомольской ячейки Алексеенко, избранного на эту должность 15 февраля 1930 г., но не справившегося с обязанностями и оставившего коммуну, приводит следующую характеристику этого человека: «Коммуна дала ему квалификацию, а настоящей культуры рабочего он, конечно, не получил» [333, с. 22]. Эти слова педагога являются ключевыми для понимания его общей позиции относительно проблемы профессионального развития личности, характерной особенностью которой выступает понимание содержания профессионализации как максимально широкого социально-педагогического явления. Анализ многогранного практического наследия Макаренко позволяет констатировать, что получение определенной квалификации воспитанником он рассматривал лишь как часть гораздо более объемной и сложной системы подготовки будущего работника. Главным условием, которое обеспечивало единство и результативность целенаправленного профессиогенеза коммунаров, выступала специфическая система методов и форм организации их жизнедеятельности, удовлетворения широкого круга социальных, познавательных и культурных потребностей, которая в целом позиционируется как *профессиональное воспитание*. При этом следует помнить, что Макаренко, последовательно отстаивая приоритет гуманистических ценностей в воспитании, никогда не забывал подчеркивать вторичность нужд промышленного развития учреждения на фоне общей цели формирования социально полноценной личности [55, с. 5, 236, с. 48–50], неуклонно исповедуя принцип «не человек для производства, а производство для человека».

Характерной чертой методологической позиции педагога, которую неоднократно подчеркивают российские макаренковеды

А. Фролов и Е. Илалтдинова, является разграничение образования (обучения) и собственно воспитания как взаимодетерминированных, но несколько различных по содержанию и методам процессов. Поэтому вполне корректно, по нашему мнению, экстраполировать макаренковскую методологию на процессы общего профессиогенеза коммунаров, выделив специфическое содержание и методы профессионального воспитания как его системообразующего компонента.

Цель профессионального воспитания коммунаров Макаренко, по сути, задекларировал еще на организационном этапе. Надо особо подчеркнуть, что она тождественна с общей целью коммуны имени Дзержинского – воспитанием «культурного советского рабочего» [227, с. 42]. Хотя представления о желаемом продукте деятельности коммуны в дальнейшем пережили определенную эволюцию и во второй половине 1930 года уже недвусмысленно связывались с подготовкой будущих инженеров [236, с. 155], методологическое наполнение целевой установки учреждения осталось почти без изменений.

Несмотря на то, что сам педагог, конкретизируя цель воспитания в ряде соответствующих задач, специально не выделял проблематики сугубо профессионально-воспитательного характера, мы можем попытаться выделить ее из общего массива фактов практической деятельности коммуны. Главной, как нам кажется, проблемой профессионального воспитания коммунаров, его своеобразной сверхзадачей, выступает формирование у воспитанников позиции субъекта профессионального развития, то есть способности активно, сознательно, целенаправленно и творчески взаимодействовать с системой профессиогенетических факторов. Именно осознание собственной субъектности в процессе овладения определенным видом человеческой деятельности, собственные «активные движения, упражнения и переживания» [236, с. 171] становились отправной точкой профессионального саморазвития подростков.

Изучив документальные свидетельства педагогической деятельности коммуны имени Дзержинского, мемуарные источники, а также соответствующие замечания в работах Макаренко, мы можем выделить три условные стратегические направления, в рамках которых протекал процесс формирования личности как субъекта нынешней и будущей профессиональной деятельности: 1. Формирование мотивационно-ценностного контекста профессионального саморазвития воспитанников, предусматривающего организацию системы соответствующих стимулов и трансформацию их во внутренние убеждения. 2. Воспитание профессионального самосознания. 3. Организация практики профессиональной деятельности через самоуправление, соучастие в управлении производством, экономический практикум и т. д.

Остановимся подробно на каждом из указанных направлений реализации профессионально-воспитательной функции коммуны имени Дзержинского.

Фактологический анализ подтверждает мнение, что общая стратегия формирования мотивационных основ личностного профессиогенеза воспитанников руководимых Макаренко интернатных учреждений была продиктована поиском оптимального баланса между такими определяющими стимулами человеческой активности, как интерес и долг. Категорическое требование важного принципа согласования индивидуальных и общественных целей выдвигало перед педагогическим коллективом две взаимосвязанные группы задач: с одной стороны, предоставить возможность каждому воспитаннику максимально реализовать собственное право профессионального выбора, с другой – обогатить его мотивацию профессионального саморазвития ориентацией на общественные ценности. Еще в операционном плане педагогической работы коммуны Макаренко четко очертил приоритет данного принципа как ориентира в управлении профессиональными стимулами воспитанников: «Только воспитывая эмоции долга, приучая ребенка

идти не за своим интересом, не за занимательностью данной минуты, а за идеей создания коллективной ценности, явно полезной и для него, мы воспитаем крепких, волевых людей, способных перенести лишение с бодрым самочувствием, способных не только рвать, но и тянуть, не только ударять, но и терпеливо надавливать» [277, с. 18]. Свое понимание нравственного содержания данного принципа Макаренко изложил в заметках к «Педагогической поэме». Полемизируя с В. Н. Шульгиным, педагог отмечает: «Именно знание и уменье в наших условиях должно сделаться основным стержнем морали в такой мере, в какой это знание и уменье должны сделаться главным основанием для положения человека в производственном процессе. Необходимо только это знание и уменье поставить в такое положение, чтобы все усилия личности были частью общих человеческих усилий <…>» [228, с. 714].

Педагогическая сложность процессов трудового воспитания коммунаров диктовала необходимость создания соответствующего морально-психологического базиса, главным компонентом которого выступала аксиологизации профессиональной деятельности и профессионального развития. Подобные задачи прежде всего обеспечивались возможностью свободного выбора специальности из тех, что предлагало производство коммуны, и формированием ценностного отношения к выбранной профессии. И. Д. Токарев говорит, что каждый коммунар ценил и уважал свою профессию, поскольку сам выбирал ее на время пребывания в коммуне (см. Приложение).

Следует отметить, что педагогические усилия Макаренко и его коллег в решении данных проблем были поддержаны рядом благоприятных обстоятельств. Как известно, одним из главных оснований профессионализации воспитанников, о котором неоднократно писал педагог, было откровенное стремление многих из них «учиться и стать человеком». Вопросы о мотивационных предпосылках профессионального развития бывших беспризорных так и не были основательно проработаны макаренковедами, хотя

подобный позитивный компонент исходных данных представляется чрезвычайно важным обстоятельством организационной работы Макаренко. В «Педагогической поэме» можем найти соответствующий фрагмент: «Имея кое-какое понятие о целесообразности, беспризорные в глубине души полагали, что они идут по прямой дороге к карьере металлиста или шофера, что для этого нужно только две вещи: покрепче держаться на поверхности земного шара, хотя бы для этого и приходилось хвататься за дамские сумки и мужские портфели, и поближе устроиться к какому-нибудь гаражу или механической мастерской» [231, с. 329].

В присущей педагогу-писателю иронической манере дальше он приводит своеобразную классификацию типов беспризорных. «Первый сорт», на его взгляд, это те, «которые самым деятельным образом участвуют в составлении собственных гороскопов, не останавливаясь ни перед какими неприятностями, которые в погоне за идеалом металлиста готовы приклеиться к любой части пассажирского вагона <...>. Их интересуют главным образом днепропетровские, донецкие и запорожские гиганты, одесские и николаевские пароходы, харьковские и московские предприятия». В характеристике «второго сорта» беспризорных мы тоже находим соответствующие основания для оптимизма относительно их профессионального будущего. Такой беспризорный, «отличаясь многими прекрасными достоинствами, все же не обладает тем букетом благородных нравственных качеств, какими обладает “первый”. Эти тоже ищут, но их взоры не отворачиваются с презрением от текстильных фабрик и кожевенных заводов, они готовы помириться даже на деревообделочной мастерской, хуже – они способны заняться картонажным делом, наконец, они не стесняются собирать лекарственные растения» [228, с. 477–478]. Приведем лишь один подтверждающий пример.

20 февраля 1934 года к председателю Правления коммуны имени Дзержинского А. И. Броневому обратился уже упомянутый выше беспризорный В. К. Селезнев, направленный в свое время

Броневым в полтавскую коммуну, работавший там агентом по снабжению, но 2 месяца назад по неизвестным причинам уволившийся. «Тов. Броневой, – пишет бывший воспитанник (воспроизводим аутентично – А. Т.), – я Вас прошу что-б Вы меня послали обратно в коммуну я щас жыву очень плохо не имея квартиры валяюсь где попало по парадным на вокзале голодаю. Александр Осипович хочу учица стать человеком надоела мне уже ета проклятая жизнь». Конец письма не менее волнующий: «Дорогой Александр Осипович я ище обращяюсь к вам з большой прозьбой что б Вы послали меня в коммуну работать, я буду работать харашо чесно добросовисно буду выполнять все те задания которые будуть на меня возложены» [576, л. 8–8 об.]. Как видим, социальная защищенность и благоприятные перспективы были выгодной альтернативой голоду, холоду, болезням и другим атрибутам беспризорности.

Опираясь на документы, можем в общих чертах описать ту систему стимулов профессионального развития, которая постепенно складывалась в руководимых Макаренко воспитательных учреждениях.

Еще в колонии имени Горького в Куряже, благодаря объективной невозможности избежать несправедливого распределения воспитанников по менее или более квалифицированным видам труда, очевидно, сформировался своеобразный культ относительно некоторых представленных в ее хозяйстве профессий. Подросток Митин в автобиографии, помещенной в подаренном М. Горькому альбоме «Наши жизни – Горькому – горьковцы», жаловался на то, что новых воспитанников колонии не сразу пускают работать в мастерских. Но при этом он горячо уверяет писателя, что, поработав в сводных отрядах, все же достигнет желаемой цели [247, с. 285].

Определенную аналогию мы наблюдаем и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Как известно, по ее конституции каждый вновь прибывший до особого постановления совета командиров не имел звания коммунара и считался «воспитанником» коммуны, статус

которого значительно ограничивал свободу передвижения, некоторые экономические и общественные права. К каждому новому питомцу был прикреплен один из старших членов коммуны, который контролировал его поведение, наблюдал за развитием и общественным ростом в коллективе до получения звания коммунара [175, с. 32]. Общение со своим наставником, а также закономерное стремление новичка как можно скорее попасть в престижную категорию «коммунаров», одной из атрибутивных характеристик которой выступал высокий профессионализм в определенном виде труда, создавали мощные исходные стимулы формирования эмоционально-ценностной составляющей профессионального развития.

Другим влиятельным фактором формирования трудовой, а вместе с ней и профессиональной мотивации в макаренковских учреждениях выступал непременно высокий авторитет среди воспитанников квалифицированных видов труда, причем одинаково привлекательными для них были проявления профессионализма как в производственной, так и в внепроизводственной сферах. Подобная привлекательность была столь весомым мотивом поведения коммунаров, что даже часто эксплуатировалась органами самоуправления и администрацией как психологическая основа некоторых методов воздействия на нарушителей дисциплины – ограничение для подростка возможности реализовать собственную квалификацию в определенном деле заняла не последнее место в ряду типичных видов наказаний. В январе 1930 года, например, коммунары Ряполов и Ю. Грушев за плохое поведение при охране коммуны были лишены права заниматься в изобразительном кружке [248, с. 186].

Макаренко, очевидно, рассчитывал на то, что усложнение технологических процессов, уменьшение объема чисто ручного труда, обогащение производственных отношений будут иметь не только экономический, но большой психологический эффект. На ощутимый воспитательный потенциал механизации производства педагог обратил внимание еще в первые месяцы работы коммуны. В

докладной записке, составленной примерно в конце января – начале февраля 1928 года, он указывал на то, что сапожная мастерская по сравнению с другими мастерскими коммуны оказалась слишком непривлекательной для воспитанников, слишком кустарной на фоне электрифицированных деревообрабатывающей и слесарно-механической мастерских. Благодаря несложному инструменту, однообразной и простой работе «комплекс воспитывающих и организующих влияний в сапожной мастерской слишком беден среди других влияний коммуны» [229, с. 68].

Подобный эффект отмечает и секретарь комсомольской ячейки коммуны, один из наиболее популярных организаторов коллектива А. Швед. По его наблюдениям, с налаживанием первого массового полумеханизированного производства – выпуска масленок в 1930 году – значительно повысилась производственная активность членов коммуны. Именно в это время объектами их постоянного обсуждения становятся простой, брак, неполадки на производстве и т. д. [480, с. 76].

Чрезвычайно большую роль в формировании профессиональных интересов коммунаров играла стенная печать. О влиятельности этого своеобразного зеркала коммунарской жизни говорят, по крайней мере, его объемы: только за пять первых лет существования учреждения увидело свет 298 номеров стенгазет, кроме отдельных бюллетеней [73, с. 51]. С осени 1931 года начинает выходить специальный орган комсомольской ячейки коммуны, стенная газета «Штурмовка», задачей которой была борьба с «расхлябанностью на производстве». Отдельные выпуски газет выходили даже во время летних путешествий коммунаров; так, во время бердянского похода коммуны 1932 года были выпущены 5 номеров газеты «Дзержинец в походе» [480, с. 79]. Состояние дел на рабфаке коммуны освещала стенная газета «За учебу» [507, л. 35–38]. Редактором большинства органов стенной печати коммуны являлся В. Н. Терский.

Самым авторитетным печатным органом коммуны имени Дзержинского, который продолжал выходить и после ликвидации ее

как воспитательного учреждения, бесспорно, является газета комсомольской ячейки и совета командиров «Дзержинец». Возникнув как стенная рукописная газета, «Дзержинец» со временем превратился в солидный печатный орган. На его страницах находили место как официальная хроника, так и злободневные отзывы коммунаров, педагогов и администрации на те или иные события коммунарской жизни. Но для нас важно прежде всего то, что она была источником разнообразной и актуальной информации о развитии промышленности страны, новых современных предприятиях, интересных технических достижениях. Так, в номере за 15 апреля 1930 года были помещены иллюстрации, вырезки из периодики и фото, рассказывавшие о Днепрострое, Иваново-Вознесенской ткацкой фабрике, нефтепроводе Баку–Батуми и т. д. [248, с. 200]. В то же время, на ее страницах регулярно освещалась динамика, технические и экономические показатели собственного производства, появлялись многочисленные критические статьи-запросы относительно неурядиц на предприятиях коммуны [248, с. 209–210, 213] и другие актуальные материалы.

Через газету коммунары также получали возможность наблюдать дальнейшую профессиональную судьбу своих выпускников. 22 апреля 1930 г. «Дзержинец» публикует письмо бывшего коммунара, а теперь студента одного из московских рабфаков П. Дроздюка, который сообщал о создании в столице группы молодых писателей-украинцев «Не горюй» и приглашал к сотрудничеству в литературном альманахе [248, с. 202]. К сожалению, полные комплекты номеров «Дзержинца», сохранившиеся до наших дней, начинаются 1936 годом, а более ранний период представлен лишь несколькими отдельными ее выпусками, сохраненными в фондах РГАЛИ.

В исторических очерках о коммуне пока не нашлось места такой важной категории ее сотрудников, как редакторы «Дзержинца». Более или менее подробные данные мы имеем лишь об одном из них, возглавившем этот печатный орган в октябре 1934 года, – Абраме

Марковиче Искине, который перешел в коммуну из редакции харьковской газеты «Экономическая жизнь». Искин получил следующую характеристику партийной ячейки коммуны: «Работник хороший и инициативный, дело свое знает, политических отклонений не замечается» Интересный момент – Абрам Маркович редактировал печатный орган трудовой коммуны НКВД, будучи автоматически выбывшим с прибытием к новому месту работы из рядов ВКП(б) [585, л. 2].

Зимой 1930 года как альтернатива «Дзержинцу» появилась стенная газета «Шарошка», получившая свое название от особого резца, предназначенного для обработки грубо изготовленных изделий [248, с. 190]. Она была задумана – об этом уже говорилось выше – как более оперативный и менее официальный, а потому и интересный для коммунаров орган, предназначенный для преодоления насущных текущих проблем на производстве. Внутренняя пресса коммуны играла реальную роль в налаживании производства, материал ее статей иногда стимулировал даже активность Правления. Так, в конце марта 1934 года секретарь отдела кадров ГПУ УССР Куровский обратился со служебной запиской к Теперу, в которой сообщал о реакции А. И. Броневого на одно из сообщений в гезете – «В объятиях обезлички» [576, л. 13].

Формирование ценностного отношения юношей и девушек к будущей профессиональной деятельности не могло не предусматривать расширения их политехнического кругозора. Особенно заметным толчком к возбуждению профессиональных стремлений коммунаров было посещение 28 июля 1929 года во время летнего московского похода Болшевской трудовой коммуны. Воспитанников, как писал Макаренко, поразило настоящее производство, настоящее промышленное богатство. «Болшево – это старший брат – ребята там старше и дело у них серьезней. У них множество машин, строится новая пятиэтажная фабрика. При виде этой благодати притихли коммунары и... позавидовали» [333, с. 19–20].

Роль примера Болшевской коммуны в становлении промышленного потенциала коммуны имени Дзержинского советским макаренковедением замалчивалась по идеологическим, очевидно, причинам, до выхода в 80-х годах прошлого века «Педагогических сочинений» А. С. Макаренко. Данное образцовое учреждение, созданное в августе 1924 года в 27 км от Москвы у станции Болшево Северной железной дороги как Первая трудкоммуна ОГПУ, с 1933 года носило имя тогдашнего главы этого ведомства, а позже наркома внутренних дел СССР Генриха Ягоды. Коммуна была предназначена для перевоспитания юношей, а позже и девушек, осужденных за уголовные преступления, большинство из которых имело возраст 16–21 год. Со временем Болшевская коммуна, создававшаяся как педагогическое учреждение, превратилась в производственное предприятие с общежитием для малосемейных. Опыт этого уникального детища ОГПУ стал широко известным после публикации книг одного из его основателей М. Погребинского – «Трудовая коммуна ОГПУ» и «Фабрика людей». Свое же художественное отображение коммуна нашла в чрезвычайно популярном фильме 1931 года «Путевка в жизнь» [469]. В пользу того, что достижения московских коллег действительно привлекли пристальное внимание Макаренко, говорят многочисленные фрагменты в его трудах и письмах, однако в них просматривается довольно противоречивое отношение Антона Семеновича к педагогическим достижениям болшевцев [228, с. 631; 229, с. 97, 127; 232, с. 25; 235, с. 9–11, 48; 236, с. 48; 333, с. 19–20; 449, с. 11].

Начав, как и дзержинцы, с сельского хозяйства и кустарных мастерских, Болшевская коммуна постепенно стала мощным производственным комплексом, в составе которого выделялись трикотажная и обувная фабрики [469]. Именно успешная работа этих предприятий, почти полностью укомплектованных молодежью, и заставила коллектив воспитанников Макаренко обогатить собственное бытие новой «перспективной линией».

Кроме знакомства с Болшевской коммуной, важную роль в формировании профессиональной мотивации, а также самосознания и профессиональной позиции коммунаров играли многочисленные контакты с лучшими представителями рабочих, инженерно-технического персонала известных предприятий Украины и СССР, рабочим активом других стран мира. Вот лишь некоторые из них: 21 мая 1928 г. коммуну посетили шахтеры Брянских и Первомайских рудников [333, с. 17], 1 октября того же года в гостях у коммунаров была эстонская рабочая делегация, а 23 января – бакинские рабочие [333, с. 18], 12 июля 1930 г. приезжали рабочие Чехословакии [333, с. 23], а 22 марта 1931 г. – ударники харьковских предприятий [333, с. 26]. Вообще, масштабы популярности коммуны не могут не впечатлять. Несмотря на то, что количество официальных гостей и в колонии имени М. Горького, как мы видели, было довольно заметным, коммуна имени Дзержинского по показателю посещаемости сумела оставить свою «предшественницу» далеко позади. Юбилейный сборник «Второе рождение» приводит национальную статистику 214 делегаций, посетивших коммуну в течение только первых пяти лет ее существования: СССР – 87, Германия – 37, Англия – 17, Франция – 16, Южная Америка (Перу, Чили, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай) – 11, США – 8, Испания – 7, Чехословакия – 4, Бельгия и Польша – по 3, Западная Украина, Швеция, Дания, Швейцария – по две, а также по одной – Венгрия, Китай, Индокитай, Голландия, Норвегия, Австралия, Филиппины, Египет, Эстония, эсперантисты [333, с. 31].

Значительно расширяло общепрофессиональный кругозор коммунаров и давало возможность наблюдать лучшие образцы профессиональной преданности делу каждое летнее путешествие, поскольку оно непременно было связано с большой экскурсионной программой. Вот неполный перечень городов Советского Союза, где успели побывать коммунары в течение нескольких лет: Баку, Батуми, Бердянск, Горький, Дербент, Куйбышев, Москва, Новороссийск, Одесса, Орджоникидзе, Саратов, Святогорск, Севастополь, Сызрань,

Симеиз, Сочи, Сталинград, Тбилиси, Ульяновск, Чебоксары, Ялта и т. д. [67, с. 310]. Так, крымский поход 1930 года обогатил воспитанников впечатлениями от посещения парусника «Товарищ», миноносца «Петровский» и кинофабрики [248, с. 269], в июле 1931 года во время своего кавказского похода они тесно познакомились с работой и персоналом бакинского нефтяного промысла Биби-Эйбат [333, с. 27]. Приказ о походе 1933 года по маршруту Харьков – Горький – Сталинград – Новороссийск – Сочи – Севастополь – Харьков прямо ставил задачу изучения ряда индустриальных гигантов: «внимание всего состава коммуны должно быть приковано к лучшим достижениям передовых предприятий, к изучению их опыта в области освоения производства, техники». Такой насыщенный маршрут позволил посетить Горьковский автозавод, Балахнинскую бумажную фабрику, Сталинградский тракторный завод, цементные заводы в Новороссийске и т. д. [236, с. 251]. Коммунарка Е. Пихоцкая писала, что на Горьковском автозаводе экскурсанты познакомились со всеми процессами изготовления деталей, сборки и выпуска автомобилей с конвейера; работники им рассказали об истории завода и о состоянии развития автомобильного дела в стране [67, с. 310].

С шахтами Донбасса и некоторыми воинскими частями коммунары познакомились в 1934 году во время пребывания в Святогорском лагере [249, с. 250]. Среди местных, собственно харьковских предприятий особенно тесные отношения установились с заводом ВЭК. Относительно последнего А. С. Макаренко в «Марше 30 года» писал: «наиболее близко мы стали к клубу металлистов, в особенности к рабочим ВЭКа. Металлисты несколько раз бывали в коммуне, мы всегда с особенной торжественностью и подъемом отправлялись к ним в клуб.

Наши экскурсии на завод были настоящим праздником для коммунаров. Скоро рабочие завода перезнакомились и подружились со всеми. Эта дружба особенно укрепилась после того, как шесть товарищей из коммуны поступили работать на ВЭК. С этих пор коммунары стали рассматривать ВЭК как “свой” завод. Если вэковцы

что-нибудь организуют, они обязательно приглашают и коммуну. Если на заводе что-нибудь случится, об этом в коммуне не прекращаются разговоры» [230, с. 55].

Контакты же с Харьковским тракторным заводом, на открытии которого побывали коммунары и клуб которого неоднократно в дальнейшем посещали [67, с. 306], педагог-писатель в том же «Марше 30 года» описал довольно экспрессивно: «Когда же засветился Тракторострой, когда нам было поручено изготовление дверей для Тракторостроя с обязательством выпускать ежедневно сто штук – нашим восторгам не было конца» [230, с. 55]. Также распахнула двери перед коммунарами известная фабрика спортивных изделий «Динамо», поход на которую состоялся 18 января 1930 г. [248, с. 186]. Наряду с массовыми, иногда имели место и индивидуальные экскурсии – в 1930 году группы по двое коммунаров изучали работу заповедника Аскания-Нова и Днепростроя [248, с. 214]. Иногда даже участие в кружковой работе давало основания для экскурсионных поездок, как в случае с активным членом арктического кружка коммунаром Пеккером, которому совет командиров в марте 1935 года санкционировал поездку в Николаев [250, с. 59].

Гораздо большее, чем внешнее наблюдение, влияние на формирование профессиональной мотивации коммунаров имели производственные связи со многими предприятиями страны, прославленными своими индустриальными достижениями. Как выяснилось, поставщиком хромоникелевой стали для производства коммуны был известный сталинградский завод «Красный Октябрь» [588, л. 30]. Как единственный в то время металлургический гигант Юга РСФСР, завод выступал важнейшей базой производства высококачественной стали для предприятий автомобильной, тракторной промышленности и сельскохозяйственного машиностроения, кроме того, в конце 1930-х годов он поставлял 9 % всей стали для оборонной промышленности СССР [69].

Сумской завод имени Фрунзе, которому в сентябре 1935 года инструментальное производство коммуны по соглашению обязалось

поставлять измерительный инструмент [588, л. 31], вошел в историю как предприятие-новатор. Еще в 1929 году первым в Украине он освоил электродуговую сварку, четыре года спустя изготовил первый поршневой компрессор производительностью 10 000 куб. метров в час, а в 1935 году построил первый специализированный цех по выпуску центрифуг [317].

Как одно из бесспорных педагогических преимуществ коммуны имени Дзержинского может также рассматриваться ощущение коммунарами своей причастности к промышленному развитию страны. Популярность продукции электроинструментального завода, которая очень быстро стала необходимым средством производства в важнейших отраслях промышленности СССР, поднимала в глазах коммунаров значимость своего труда, воспитывала их профессиональную ответственность и тем самым становилась одним из важнейших професстогенетических факторов. Можно предположить, какую гордость у подростков и юношей вызвал тот факт, что чрезвычайно высокотехнологические изделия, изготовленные их руками, как мы увидели выше, массово шли даже на нужды Красной Армии, оборонной промышленности и пограничных войск. Характерной в этом отношении является история отношений с Ленинградским заводом электроизмерительных приборов «Электроприбор», который, нуждаясь в большом количестве электросверлилок для комплектования запасных частей спецприборов оборонного значения, 30 октября 1935 г. обратился в коммуну с просьбой выслать образцы электроинструмента и его подробные чертежи для конструирования собственного типа электродрелей [588, л. 48]. Коммуна тогда ответила, что, по технической сложности, все же целесообразнее изготовлять сверлилки на ее базе по предложенным заказчиком условиям [588, л. 55].

Что же касается производства фотоаппаратов, то широкий спрос на продукцию уникального предприятия автоматически вводил производственную деятельность коммунаров в важный общегосударственный контекст, формировал осознание собственной

субъектности в отношении процессов индустриального и культурного развития общества. Действительно, среди заказчиков фотоаппаратов часто выступали организации и учреждения наивысшего ранга. Приведем несколько наиболее показательных примеров.

В 1932 году правительством СССР было принято важное постановление о строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Для поисков рационального направления магистрали Народный комиссариат путей сообщения создал специальную Восточносибирскую экспедицию технических поисков – «Востизжелдор». Несколько экспедиций, проводивших исследование главного участка трассы летом 1932 и 1933 годов [189], нуждались в большом количестве специального оборудования, в том числе фотографического. В связи с этим «Востизжелдор», получив к тому времени, очевидно, информацию о строительстве в Харькове фотозавода, обратилась в коммуну с заявкой на 90 пленочных фотокамер. Коммуна ответила, что выпуск планируется только в начале 1934 года., поэтому уже в конце апреля того же года Главное управление лагерями ОГПУ, в ведение которого тогда была передана «Востизжелдор», подтвердил заказ [577, л. 16]. Таким образом коммуна приобщилась к одному из самых масштабных проектов XX века, о чем до сих пор не было известно макаренковедению. Регулярные заказы военного ведомства также не могли не влиять на укрепление мотивационных основ производственного труда коммунаров.

Заинтересованность в продукции фотозавода, очевидно, проявлял и главный печатный орган страны – газета «Правда». Приблизительно в конце января 1934 года Броневой обратился к ответственному секретарю редакции газеты Л. З. Мехлису с таким сообщением: «Согласно Вашему письму от 21 декабря 1933 года <...> Детская трудовая коммуна ГПУ УССР им. Ф. Э. Дзержинского посылает Вам фотоаппарат “ФЭД” (Лейка), изготовленный в составе первого серийного выпуска опытным фото-заводом при коммуне.

Программа выпуска фотоаппаратов на 1934 год принята нами в 6490 штук с таким расчетом, чтобы в января 1935 года достигнуть проектной мощности – 100 фотоаппаратов в день» [577, л. 5].

Как бы мы сегодня ни оценивали историческую роль деятелей советского правительства и коммунистической партии, однако в реалиях того времени любое внимание со стороны органов центральной власти не только выступало для коммунаров мощным стимулирующим фактором в процессе труда, но и занимало важное место в сложных мотивационных механизмах их профессионального роста. Примерами такого внимания вождей были, прежде всего, типичные для того времени обмены поздравительными телеграммами. Так, 9 января 1932 г. член ЦК ВКП(б) Н. Шверник телеграфировал из Москвы (сохраняем стиль документа – А. Т.): «горячо приветствую молодых коммунаров дзержинцев крупнейшей победой пуском завода электросверлилок дзержинцы Украины показали пример как стране социализма вчерашний беспризорный превращается в передового борца нашего строительства желаю успеха работе вашего предприятия уверен что и впредь коммуна Феликса Дзержинского еще более энергичнее поведет борьбу за полную ликвидацию остатков беспризорности за подготовку новых квалифицированных бойцов социалистического строительства да здравствуют коммунары дзержинцы» [588, л. 1]. Аналогичное приветствие приблизительно в эти же дни коммунары получили и от члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л. Кагановича: «вашу телеграмму получил. Шлю горячий пролетарский привет и поздравление по случаю пуска первого [в] ССР завода электросверлилок. Уверен, что и в дальнейшем будет процветать дело борцов за социализм» [588, л. 2].

Объективно оценивая весь спектр позитивных воздействий в процессе формирования у коммунаров социально ценных качеств и пытаясь не выходить за пределы требований принципа историзма, мы не можем не учитывать большой воспитательный потенциал того внимания первых лиц государства, представителей науки и культуры, известных иностранных деятелей, который они проявляли к жизни

вчерашних беспризорных. В разное время с визитами здесь побывали: генеральный секретарь ЦК КП(б)У Л. М. Каганович, председатель СНК УССР В. Я. Чубарь, председатель ЦКК и народный комиссар РКИ УССР В. П. Затонский, секретарь ЦК КП(б)У П. П. Постышев, председатель Всеукраинского ЦИК Г. И. Петровский, первый секретарь Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Н. М. Шверник, народный комиссар труда СССР А. Цыхан, писатель М. Горький, экс-премьер-министр, председатель Комиссии по иностранным делам Палаты депутатов Франции Э. Эррио, посол Франции в СССР Э. Альфан, член Сената Серлен и депутаты парламента Франции Жюльен и Марген [249, с. 119; 333, с. 15–16, 18, 28–29], а также многие другие.

При анализе всех факторов, различным образом и с разной степенью эффективности влиявших на формирование производственной мотивации коммунаров, нельзя не отметить мощное воздействие материальной заинтересованности. Получение воспитанником определенной производственной специальности и постепенное продвижение по квалификационной лестнице в условиях коммуны было непременно связано с увеличением материального вознаграждения. Таким образом, вводя в систему воспитательных средств такой рискованный с педагогической точки зрения инструмент, как материальное вознаграждение, Макаренко одновременно получал возможность контролировать и процессы профессионального развития.

Хотя сама идея оплаты труда коммунаров в 1933 году вызвала острую критику со стороны народного комиссара просвещения Н. Скрыпника [386], это средство, как известно, активно проявляло себя в одной из самых эффективных форм наказания в коммуне – переводе коммунара на менее квалифицированную работу. В сентябре 1933 года подобные методы воздействия даже были внесены в «Положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве» – среди других видов наказаний там указано: «перевод на низшую работу», снижение разряда и удаление с

производства. И, соответственно, формами поощрения коммунаров устанавливались повышение в разряде, представление на должность помощника инструктора и инструктора [236, с. 252–253].

Однако в данной ситуации можно усмотреть не только материальный мотив – по нашему мнению, временное принудительное снижение квалификационного уровня выполняемой работы больно отражалось не только на материальных, но и на моральных интересах воспитанника, поскольку общественная престижность труда, как известно, всегда прямо пропорциональна его квалифицированности. Этому подтверждением является и бурная реакция коммунаров, которая наблюдалась в марте 1933 года в связи с предложением руководства поставить их на все возможные производственные участки, в том числе наименее квалифицированные, освободив от работы на них наемных рабочих. Коммунар Гетте по этому поводу даже заявил, что неквалифицированные операции обрезки и опиловки деталей превращают коммунаров в чернорабочих [249, с. 94].

Столь же мощная как и материальный фактор группа мотивационных стимулов профессионального саморазвития воспитанников связана с хорошо организованными и широко распространенными в коммуне формами производственного соревнования. Данный метод повышения эффективности труда, а вместе с ним и рост производственной квалификации Макаренко, как мы видели, активно и достаточно успешно апробировал еще в первые годы развития хозяйства Горьковской колонии. Практика же коммуны имени Дзержинского, благодаря более масштабному и гораздо более сложному производству, предоставляла несравненно более широкие возможности для применения соревнования и развития разнообразия его форм. Благоприятным обстоятельством для этого теперь выступала общегосударственная политика стимулирования социалистического соревнования в различных областях общественного производства.

Производственно-экономическими основаниями успешного внедрения соревнования на предприятиях коммуны становились переход к массовому выпуску продукции, поточный способ производства, пооперационное разделение труда, введение хозрасчетных отношений, расценок, учета стоимости продукции и зарплаты для коммунаров. Макаренковеды датируют возникновение соревнования между отрядами коммуны осенью 1929 года и связывают его с реформаторской деятельностью Макаренко в это время [248, с. 173]. Интересным документом, демонстрирующим игровые формы соревнования, является уже упоминавшееся «Положение о средствах передвижения по диаграмме межотрядного соревнования», подготовленное, очевидно, с участием Макаренко [218, с. 184–185].

Рядом с формированием мотивационно-ценностной составляющей профессионального саморазвития коммунаров Макаренко ставил воспитание такого важного системного качества личности, как профессиональное самосознание. Самоотождествление воспитанника с определенной отраслью профессиональной структуры общества через осознание и усвоение конкретных профессиональных ценностей и формирование устойчивой профессиональной позиции должно было обеспечивать создание соответствующего психологического базиса, равно необходимого как для освоения узкой специальности в условиях коммуны, так и для будущей общей профессиональной самореализации.

Как отмечалось, важным методологическим шагом Макаренко в деле создания условий эффективного профессионального воспитания коммунаров, предварительную апробацию которого мы наблюдали еще в истории колонии имени Горького, стала организация культурного окружения взрослых. Именно специфика коммуны, несмотря на показанную выше кадровую неразборчивость ее руководства, позволила сформировать для воспитанников особую высокопрофессиональную среду, объединявшую опытных педагогов учебной части, специалистов своего дела – инженерно-технических

работников, разносторонне одаренных руководителей художественной самодеятельности. Авторитетные носители высокой квалификации, бескомпромиссной трудовой морали и широкой профессиональной культуры создавали для коммунаров ощутимые и убедительные ориентиры на пути реализации профессиональных перспектив.

Непосредственное и длительное общение с носителями профессионального мастерства, наблюдение лучших образцов профессионального отношения к делу мог обеспечить только полноценный интергенерационный диалог. Страницы истории коммуны полны яркими и разнообразными формами подобной межвозрастной солидарности. Особенно большой вклад в исследование данной проблемы – рассмотрение педагогики Макаренко как «науки о взаимодействии поколений» – связан с именем ведущего российского макаренковеда А. Фролова [327; 328; 465]. По мнению ученого, важным фактором реализации подобного диалога поколений в коммуне стало вызванное расширением производства значительное увеличение численности административно-управленческого состава, мастеров производства, квалифицированных рабочих [249, с. 140].

Вопрос о необходимости использования влияния взрослой среды особенно активно обсуждался в октябре 1933 года на уже упомянутом заседании комиссии по пересмотру учебной системы коммуны. Тогда, как мы помним, Макаренко, выступая с главным докладом, помимо прочего предложил организовать высококультурное окружение взрослых, «где коммунары приобретали бы общее развитие», и ввести «институт воспитателей».

Дальнейшее обсуждение тогда пошло по пути развития идеи Макаренко о создании культурной среды для коммунаров. Выступавший затем А. Броневой сначала сосредоточился на общих замечаниях (мы в своем выборе ничем не ограничены и можем применять те или иные методы и системы воспитания; наши коммунары оторваны от борьбы и когда сталкиваются с жизнью,

становятся перед необходимостью бороться, они пасуют, а потому нужно так построить их жизнь, чтобы они больше участвовали в самообслуживании), однако в завершении добавил: «Надо, чтобы коммунары были окружены лучшими культурными силами: писателями, драматургами, художниками, что давало бы им возможность культурно расти». Подобные предложения выдвинул и И. Тепер: «нужно составить кадр взрослых, прочный культурный коллектив, который помогал бы коммунарам приобретать опыт в работе, передавал им опыт революционной борьбы и культурной жизни».

Наконец, вновь взяв слово, Макаренко отметил: «Надо у коммунаров вызвать культурные потребности, организацией культурного окружения сделать их культурными людьми». Он также предложил и конкретные практические шаги: пересмотреть рабочий день педагогов и инженеров, чтобы разгрузить их от тех второстепенных забот, которые отнимают много времени и не дают возможности уделять достаточно внимания воспитанию коммунаров; «создать условия для борьбы коммунаров за культуру, за первенство в учебе, на производстве». В контексте обсуждаемой проблемы несколько противоречивым выглядело только выступление В. Терского, который напомнил, что коммунары не все еще взрослые, а требования к ним предъявляются как к взрослым и предлагаются им «заботы взрослого».

П. Силаков как своеобразный воспитательный резерв предложил использовать инструкторов производства, которые вообще не проявляли заинтересованности в подобной работе. Нужно лишь подобрать такой состав высококультурных инструкторов, – говорил инженер, – который бы справился с задачей воспитания коммунара. Достаточно неожиданным выступление Силакова делает то, что он, инженер-производственник, один из проектантов и создателей завода электроинструментов, подчеркивает приоритет воспитательных задач коммуны над чисто промышленными: «наши производственные планы слишком велики и поэтому у нас всегда создается и перегрузка

технического персонала и коммунаров, что отражается на работе коммунаров над своим развитием».

Предложенный Макаренко план реформирования образовательной работы предусматривал ряд пунктов: увеличить состав педагогов, чтобы разгрузить их, обязав участвовать в общественной жизни коммуны и воспитании коммунаров; ввести дежурство педагогов по вечерам; привлечь к работе кружков (драматический, художественный, литературный и т. д.) взрослых членов; ввести институт лучших коммунаров, которые будут помогать в работе и организации коммунарской массы, поддержать их авторитет, дав им некоторые права по организации воспитания коммунаров [507, л. 18–20 об.]. Характерно, что именно в это время Макаренко работает над пьесой «Мажор», центральной темой которой выступает жизнедеятельность детско-юношеского коллектива в широком окружении взрослых, опытных специалистов, представителей «старой культуры» [230, с. 215–284; 249, с. 140].

Становление профессиональной позиции воспитанников в макаренковских учреждениях тесно связывалось с такими важными составляющими личностного развития подростков, как способность гордиться своим трудом, осознавать ее социальную значимость и ценность. Еще в статье «Педагоги пожимают плечами» среди перечня качеств и навыков, с помощью которых Макаренко пытался конкретизировать цель воспитания коммунара, говорится: «мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря – он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им <…>» [227, с. 42].

Именно вокруг этой части макаренковских педагогических инициатив развернулась чуть ли не самая ожесточенная борьба на известном заседании секции социального воспитания УНДИП в марте 1928 года [277, с. 42–109]. В письме Горькому, описывая главные эпизоды противостояния с официальной педагогикой, Макаренко проявляет свое возмущение невосприимчивостью оппонентов, которые не увидели очевидных, по его мнению, педагогических

закономерностей [336, с. 56]. Если воспитанник отождествляет себя с определенной социальной категории (в данном контексте – рабочим классом), в самой основе существования которой заложена общественно-производственная идея, и если эту свою принадлежность воспитанник расценивает как повод для гордости, то он закономерно становится носителем определенного комплекса прочно усвоенных профессионально-ценностных норм поведения.

Показательный статус коммуны как ничто другое стимулировал проявление гордости коммунаров за свое производство и за свой труд, он позволял связанные с этим переживания сделать своеобразным эмоциональным фоном их жизнедеятельности. «Образцовость» в течение почти всего времени существования коммуны возлагала на плечи ее руководства целый комплекс дополнительных задач организационного, воспитательного и эстетического содержания. Приведем пример характерного распоряжения: в начале апреля 1934 года руководитель коммуны Тепер направил письмо Макаренко как своему заместителю по учебно-воспитательной части, а также руководителям других подразделений (и. о. главного инженера, начальникам заводов и производств, главному механику, начальнику хозяйственной части, секретарю партячейки и председателю завкома): «Коммуна с ея предприятиями является показательной организацией, приковывающей к себе внимание не только трудящихся Советского Союза, но и пролетариат капиталистических стран – представители коего <...> очень часто нас посещают.

<...> обязываю Вас, особенно сейчас, с наступлением весны, вопросом чистоты, культурности и организованности на всех участках Коммуны уделять не меньшее внимание, чем Вы уделяете борьбе за промфинплан, за учебу коммунаров.

Довожу до вашего сведения, что уж начиная с ближайших дней Коммуну начнут посещать целый ряд делегаций иностранных рабочих и поэтому Вы должны быть соответствующим образом подготовлены» [579, л. 22].

Очевидно, в аналогичную позицию человека, гордого за свой труд и свое предприятие, ставила воспитанников система разного рода внешней активности коммуны.

Если колония имени М. Горького нуждалась в систематической шефской помощи, связанной с заметной финансовой поддержкой, то коммуна имени Дзержинского с некоторых пор сама уже начала выступать в шефской роли. Объектом этой деятельности, в связи с десятилетием шефства комсомола над морским флотом, коммунары выбрали крейсер «Червона Україна», на который была послана делегация с электросверлилкой собственного производства в подарок. Позже завязалась переписка с моряками, и их делегация с ответным визитом посетила коммуну [480, с. 79]. А уже после перехода А. С. Макаренко в центральный аппарат НКВД Украины коммунары приняли участие еще в одной шефский акции, о которой в феврале 1936 года заместитель начальника коммуны Дидоренко сообщил в Отдел трудовых колоний: 23 февраля в адрес ОТК коммунары отправили в подарок детям киевского городского района имени Л. Кагановича разный ручной инструмент: молотки, клещи, зубила, топорики, стамески, рубанки и т. д. [505, л. 14].

Еще одним проявлением внешней активности коммунаров стало их участие в ряде политических акций и мероприятий. Приведем лишь несколько характерных примеров. 4 апреля 1936 г. делегация коммунаров, в которую входили Костюк, Шапошников, Федоренко, Сачкова и Чудная, приняла участие в поздравлении от имени коммуны участников X съезда комсомола Украины [505, л. 18]. Месяц спустя коммунары чрезвычайно успешно выступили на Всеукраинской олимпиаде художественной самодеятельности трудовых колоний и коммун, проходившей в Киеве. Не лишним будет подчеркнуть, что вместе с ними за победу боролись мощные творческие коллективы многих других учреждений и воинских частей: 2-ой объединенной пограничной школы НКВД имени Ф. Э. Дзержинского, 12-го кавалерийского полка НКВД, 228-го конвойного полка, 164-го железнодорожного полка, 53-го полка

НКВД, школы Отдела мест лишения свободы, школы милиции, Трудовой колонии имени М. Горького, фельдсвязи, автодорожного института и т. д. [505, л. 59–67]. Самой заметной же страницей культурной хроники коммуны, о которой уже говорилось, было участие 140 ее представителей на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности трудовых коммун и колоний НКВД СССР в июне 1936 года [4, с. 97–98; 505, л. 123].

Макаренковская идея о такой организации педагогического процесса, при которой дети не просто «готовятся к жизни», а уже включены в социально полноценную жизнедеятельность, находит свое развитие непосредственно в принципах построения системы профессионального воспитания коммуны имени Дзержинского. Поэтому центральным фактором профессиогенеза коммунаров, ключевым педагогическим условием их воспитания, определяющим одновременно мотивационно-ценностный контекст их профессионального саморазвития и процессы формирования профессионального самосознания выступала *организация практики профессиональной деятельности*. Непосредственная вовлеченность в реальные производственные процессы была призвана создать у воспитанников сложную систему взаимосвязей психологической и практической готовности к реализации профессиональных функций. При этом мы должны помнить, что Макаренко принципиально разграничивал производительный труд учебного и промышленного типа как разные по воспитательному значению факторы [248, с. 275]. Именно промышленный труд единственный вполне соответствовал педагогическим критериям, поскольку, по Макаренко, выступал воплощением «материальной сферы» – «едва ли не самого могущественного воспитательного фактора» [229, с. 178].

Стоит отметить, что темы «педагогика производства», «человек в процессе производственных отношений» одинаково волновали Макаренко и как педагога, и как писателя, они неоднократно становились объектами его не только теоретического, но и художественного осмысления. Характерным произведением педагога,

где в драматической форме изображены производственные факторы становления личности человека, является пьеса «Ньютоновы кольца», которая по идеологическим причинам в советское время не вошла ни в одно из собраний его сочинений и ни разу не была поставлена на сцене [249, с. 315; 292].

Будет ошибкой считать, что воспитательную функцию практики профессиональной деятельности коммунаров А. С. Макаренко связывал только с высококвалифицированной работой. В одном из своих выступлений он говорил: «у многих коммунаров сейчас есть работа, которая не приносит особой квалификации, но она приучает к труду, к материалу, к производственной обстановке». Педагог считал, что любая работа на производстве вообще полезна, «и во всяком случае лучше, чтобы коммунары работали даже и на простых работах, чем болтались по цеху из-за отсутствия работы» [236, с. 166]. Однако куда более важным, чем выполнение производственных заданий, условием становления личности будущего профессионального деятеля Макаренко считал административную практику воспитанников. Он писал, что, давая коммунару высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы одновременно предоставляем ему многочисленные и разнообразные качества хозяина и организатора; «вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои» [227, с. 43; 229, с. 139]. При этом педагог подчеркивал универсальный характер управленческой компетентности своего воспитанника, «способного быть командиром в любой отрасли нашей работы» [227, с. 48–49].

Исключительное значение вовлеченности детского коллектива в управление производством как педагогического фактора Макаренко

отстаивал неоднократно. В ноябре 1930 года в докладной записке члену Правления коммуны он писал: «пусть коммунарский коллектив серьезно станет на путь улучшения производства. Для будущих инженеров это совсем не плохо, а ребята наши для этого достаточно серьезны». По его мнению, этот путь гораздо эффективнее, чем воспитание на одном только сдельном заработке, к которому шла тогда коммуна. Свою позицию педагог обосновывает достаточно весомым для тогдашней социальной ситуации аргументом: «развитие нашей индустриализации требует людей, привыкших к организационным усилиям. Разве мы можем сказать, что наш рабочий класс достаточно воспитан в этом отношении или что воспитано наше инженерство» [229, с. 135]. Тогда же, как отдельные задачи, вопросы воспитания лидеров стали обсуждаться на заседаниях педагогического совета рабфака. Среди примеров можно привести решение от 15 января 1934 г.: всем преподавателям повести систематическую усиленную работу в направлении подготовки коммунаров-организаторов в академических группах, отрядах и в общественной работе коммуны, а также «воспитать организаторов из коммунарских масс для будущего по выходе из коммуны» [507, л. 35–38].

Наряду с этим, не последнее место в комплексе уникальных педагогических особенностей коммуны имени Дзержинского принадлежало таким характеристикам, как диапазон и степень самостоятельности практической административной деятельности воспитанников. Показательны в этом отношении формы взаимодействия с руководством коммуны, тон которых для современного наблюдателя звучит довольно необычно. Характерный пример: 1 октября 1932 года совет командиров, рассматривая уже упомянутое заявление инструктора Базилевича о браке в работе воспитанника Яновского, постановляет поручить коммунару Землянскому «надавить на администрацию» для обеспечения заготовительного цеха завода электроинструмента коммуны кондукторами [306, с. 59]. На этом фоне вполне логичным выглядит то, что коммунарам приходилось участвовать в решении

хозяйственных и производственных вопросов не только внутри коммуны, но и решать важные организационные проблемы далеко за ее пределами. В статье «Один день коммуны» есть упоминание о том, что в начале октября 1932 года один из старших коммунаров, Василий Камардинов, находился в командировке в Москве «по делам коммуны» [306, с. 57]. Главной же организационной формой, делавшей возможной реализацию административных стремлений воспитанников Макаренко, выступала выведенная экспериментальным путем система самоуправления.

Структура органов реального, а отнюдь не формального самоуправления была не столько умозрительным теоретическим изобретением Макаренко, сколько осознанной педагогической необходимостью. Педагог должен был прийти к поискам оптимальных форм самоуправления не только в контексте требований доктрины социального воспитания, а еще и потому, что его воспитанники представляли собой особую категорию подростков, достаточно осведомленную во многих жизненных явлениях и иногда даже более компетентную в некоторых вопросах, чем сам Макаренко. Уголовное, военное, нищенское прошлое воспитанников, проведя их через различные демократические и псевдодемократические институты, давало некоторые представления о силе, возможностях и многоликости такой формы организации человеческого общежития, как самоуправление. Причем, важность самоуправления была тем более осознаваемой подростками, поскольку иногда принципы его построения и степень прочности выступали не чем иным, как главным фактором выживания в уличной, криминальной или фронтовой обстановке. Макаренко, как мы знаем со страниц его произведений и особенно «Педагогической поэмы», был вынужден не только учитывать опыт воспитанников, но и реально, а не декларативно апеллировать к нему. Начиная формировать новый цивилизованный и конструктивный жизненный опыт, педагог должен был отталкиваться от многих привычек, представлений, установок и ценностей, принесенных воспитанниками из своей доколонистской жизни. При

этом Макаренко старался, насколько это возможно, избегать каких-либо правовых компромиссов.

Оригинальная, сложная и чрезвычайно прочная модель детского самоуправления, нашедшая массу аналитических оценок в многочисленных научных трудах, выступает одним из ключевых технологических звеньев макаренковской системы воспитания. Именно в ней скрыты принципиальные моменты ее почти беспрецедентной педагогической результативности.

Становление оптимальной для макаренковских воспитательных учреждений формы самоуправления происходило на фоне общей демократизации школьной жизни, всячески санкционировавшейся в послереволюционные годы многими государственными постановлениями и являвшейся закономерным отражением в сфере образования особенностей нового государственного устройства. Одним из ведущих идеологов этого процесса выступала Н. К. Крупская, авторитетом которой двигались главные тогдашние педагогические инновации. Максимализм и пафос революционной эпохи в то время входил иногда в противоречие с обычной педагогической целесообразностью. Идеи построения демократических институтов, «самоорганизации» детского коллектива, абсолютного представительства интересов детей и другие при своей внешней прогрессивности были оторваны от практической работы, часто не учитывали элементарных требований психологической науки, а главное – не были обеспечены технологически. Все это толкало педагогов-практиков в бескрайнее море педагогической импровизации, в которой, собственно, и берут начало педагогические «мытарства» Макаренко, выступавшего здесь лишь как один из многих.

Позже, оставляя колонию имени М. Горького, педагог в известном письме к заведующему Главсоцвоса НКП УССР подытоживает ключевые положения своей педагогической веры. В шести из них он так или иначе затрагивает вопросы самоуправления. В общем виде это: а) организация первичных коллективов

воспитанников по производственному принципу (отряды, а не школьные группы); б) самоуправление основано не только на выборности, но и на назначении, что продиктовано серьезностью трудового процесса, в котором должны принимать участие не только выборные представители интересов детей, но и более опытные колонисты-организаторы; в) такое выборно-назначенное самоуправление должно быть не надстройкой над фактическим управлением взрослых, а действительным руководителем колонии, действующим по двум линиям: как коллективный орган и через уполномоченных этого органа; г) воспитание организационных навыков у всех колонистов через систему сводных для выполнения определенной работы отрядов с временными командирами, меняющимися как можно чаще; д) открытое признание права коллектива (как общеколонистского, так и первичного) на принуждение и существование института наказаний; е) дисциплина, связанная с уважением к воспитаннику и его работе [510].

В некоторых предыдущих работах Макаренко конкретизирует приведенные положения. Колония, по его мнению, это производственная коммуна с наибольшим формальным равенством положения воспитателей и воспитанников; вся система самоуправления должна строиться не по типу демократического народовластия, но по типу демократического централизма, с как можно меньшим использованием действий и решений «толпового» типа; заведующий является уполномоченным представителем коммуны во всех случаях его действий, которые не расходятся с директивами органов самоуправления [500, л. 1–4 об.]. Принципиальное же отличие между толпой и коллективом, между волей толпы и общей волей Макаренко прекрасно иллюстрирует в одной из первых своих теоретических работ: «всеобщая воля не так легко проявляется. Если собрать 120 детей на одно общее собрание, они могут принять любое решение, смотря по тому, кто будет влиять на детей. Наши педагоги очень часто производят этот фокус: после горячей убедительной речи воспитателя дети принимают то или иное

решение. Присутствует ли здесь всеобщая воля? Конечно, нет. Всеобщая воля есть нечто среднее из разумных стремлений всех членов коллектива, воля же толпы есть только среднее из настроений данного момента» [349, с. 86].

Некоторые существенные особенности работы детских коллективных органов Горьковской колонии несколько противоречили тогдашней официально рекомендуемой системе детского самоуправления, которая базировалась на т. н. «детских исполкомах», создававшихся на принципах формальной демократии и, казалось бы, больше всего приспособленных подготовить ребенка к взрослой общественной жизни и «системе советов». Детские исполкомы были сугубо выборными органами и производили впечатление максимально демократических детских институций, хотя очень часто превращались в «надстройку над фактическим управлением взрослых». Со своей же «командирской» системой, таким образом, А. С. Макаренко находился в определенной изоляции, если не в оппозиции, официальной практике соцвоса.

Интересное впечатление производили «антидемократические» особенности горьковского самоуправления на сторонних наблюдателей и особенно на тех, кто отнюдь не был в числе его сторонников. Наиболее красноречивыми в этом отношении оценками богаты известные акты обследований колонии имени М. Горького за 1927–1928 гг., к которым стоит вернуться. Характерно, что именно в эти годы, то есть после географического приближения колонии к центральным институтам власти, начинает звучать первая принципиальная критика форм ее организации.

В июне 1927 года комиссия Харьковского горсовета констатировала: «Дисциплина хорошая, все на военную структуру, но уж слишком ребята как-то сами мало могут проявлять свою инициативу. Командиров назначают, везде всех назначают, выборность отсутствует.

<...> Комиссия считает, что метод назначения самоуправления неправилен, что это совершенно убивает инициативу ребят и их самодеятельность» [518, л. 13–15 об.].

Четыре месяца спустя, другой комиссией, теперь уже столичного окрисполкома, было сделано подробное описание особенностей «командирской» системы колонии имени Горького. Для лучшего понимания характера противоречий и позиции окружной власти приведем принципиальные положения из выводов комиссии почти полностью: «Самоуправление в детской колонии складывается из воспитанников-командиров. Эти командиры были избраны только один раз, полтора года тому назад, по прибытии колонии в Харьковский округ. Из командиров организован Совет командиров <...>. Совет командиров не переизбирается. Ему представлено право снимать, перемещать командиров, из одного отряда в другой, без желания на то всего отряда. <...> Командирам отрядов представлены большие права. Он имеет право выбросить ребят из своего отряда, набрать новых, даже расформировать весь отряд и скомплектовать его из совершенно новых ребят. Ни командиры, ни совет отряда перед детским коллективом не отчитывается, воспитанники не проверяют деятельность, не исправляют ошибки своего «руководящего органа». <...> Постановления совета командиров с «помпой» зачитываются на сборе колонистов – как приказ по колонии, по которому, по всей видимости, нельзя возражать. И... не возражают. <...> В состав совета командиров входит зав. колонии, который своим «безграничным авторитетом» влияет на решение всех вопросов.

<...> Существующие в колонии меры поощрения характерны тем, что в большинстве случаев премируются старые воспитанники – актив (командиры или бывшие командиры), таким образом создается группа наиболее привилегированных ребят.

<...> Наказания не являются предметом обсуждения, хотя и имеется «самоуправление».

<...> Почетное звание колониста присваивается только воспитанникам, выявившим свою “преданность”,

“дисциплинированность”, и только они могут быть назначены командирами. Проверка достоинства звания колониста происходит в большинстве случаев в течение целого года, а кем устанавливается – для воспитанников неизвестно.

<...> Категорически отрицая существующую форму самоуправления, считать необходимым реорганизовать ее на принципе широкой выборности, отчетности и ответственности перед детским коллективом, при одновременном руководстве педсовета.

<...> Считать недопустимым перенесение существующей системы воспитания в колонии Горького по др. колониям» [555, л. 107–110].

И, наконец, весной 1928 года комиссия РКИ Харьковщины записала в своих выводах: «Самоуправление детское, построенное на систему командиров, хотя последнее время реорганизовано в сторону приближения его к выборности командиров, фактически не является выборным органом самоуправления. Эта система разделяет воспитанников [на] командующих и подчиненных, она подавляет инициативу и самодеятельность дет. коллектива и, вообще, приучает воспитанников к системе, противоположной советской, с какой им придется по выходе из колонии встретиться в жизни.

Считать поэтому целесообразной реорганизацию самоуправления из системы совет. командиров в систему исполкомскую» [536, л. 101–102].

Следствием всех упомянутых обследований была тотальная война на территории Харьковского округа с распространением «командирской» системы, происходившим еще с середины 1927 года в контексте деятельности возглавляемого Макаренко Трудового детского корпуса. Ярким свидетельством этой войны, например, была уже упомянутая выше статья в журнале «Детское движение». Автор после анализа состояния колоний и попытки сравнить преимущества «исполкомской» и «командирской» систем самоуправления заключает: «что касается системы командиров, то существование ее надо признать нецелесообразным, поскольку она не развивает, а

подавляет детскую самодеятельность. По системе командиров все и всё подчиняется приказу (конечно, с помощью мордобития): “выполняй, не рассуждая” – вот основа системы совета командиров» [148, с. 56–59].

Кроме того горячая дискуссия вокруг данной проблемы, как частично мы об этом говорили выше, возникла на двух заседаниях Харьковской окружной комиссии помощи детям. 6 апреля и 8 мая 1928 года эта влиятельная организация, координировавшая и финансировавшая на местном уровне борьбу с детской беспризорностью, также осудила опыт колонии имени Горького [560, л. 327–328; 563, л. 106–108].

Приведенная полемика вокруг макаренковских инициатив вполне резонна, ибо по своей сложности предложенная педагогом система детского самоуправления могла быть объективно проанализирована и оценена только при соблюдении определенных условий. Мы не наблюдаем в материалах 1928 года никаких попыток какой-либо заинтересованной стороны провести систематическое и методологически квалифицированное исследование (во всяком случае, не в форме кратковременной спонтанной инспекторской проверки) с привлечением беспристрастных, квалифицированных экспертов. Наоборот, все, что происходило вокруг Горьковской колонии в те дни, Макаренко позже назовет «травлей», исключающей любые потуги объективности. При отсутствии какого-либо из приведенных требований выводы о целесообразности, воспитательной эффективности, универсальности или степени педагогической «вредности» данной системы выглядят по крайней мере профанацией. Недаром гораздо позже, в последние годы своей жизни, Макаренко с грустью сетовал, что совет командиров как оригинальный орган детского самоуправления всегда вызывал возражения со стороны не только педагогов, профессуры, но и журналистов и писателей, «все считали, что это нечто казарменное, что это муштровка. К сожалению, – вздыхал педагог, – мало кто вникал в сущность этого явления» [232, с. 254].

Нам, действительно, пока неизвестны тогдашние попытки такого объективного анализа: даже один из немногих умеренных сторонников «горьковского» воспитания, известный дефектолог профессор И. А. Соколянский, по словам самого Макаренко, ничего вообще не знает ни о колонии имени Горького, ни о других колониях, «и сам говорит, что больше полагается на верхний нюх» [448, с. 37]. Некий парадокс заключается в том, что представители образовавшейся в 1920-х годах так называемой «харьковской педагогической школы», работая фактически рядом с таким новаторским, эффективным и популярным даже далеко за пределами Украины воспитательным учреждением, не сделали его в тот момент предметом ни тщательного изучения, ни, по крайней мере, длительного наблюдения.

Не будет ошибкой сказать, что система самоуправления в практике А. С. Макаренко выступала своеобразным внешним выражением всех тех педагогических приемов, форм, целей и принципов, которые мы привыкли понимать под его воспитательным методом. Недаром так много времени и энергии педагог потратил на поиск оптимальных характеристик структуры и власти коллектива. Как доказал Макаренко, педагогическая целесообразность оказывается беспомощной в узких пределах предлагавшейся ему теорией соцвоса формальной демократии.

Уровень прошлого и настоящего исследовательского интереса к макаренковской системе самоуправления, по нашему мнению, продиктован несколькими ее особенностями. Во-первых, эта система была изобретена в результате конкретной педагогической практики как итог перманентного, целенаправленного и систематического анализа реальных явлений, многих проб и ошибок, мгновенных гипотез и мгновенной апробации. Во-вторых, она стала теоретическим и практическим достижением такого квалифицированного и самоотверженного человека, каким был А. С. Макаренко. И, наконец, все еще не сформулированы серьезные основания для сомнений в ее

воспитательной эффективности, степень которой так и остается недосягаемой для новейшей педагогики.

Авторитетное демократическое самоуправление в созданных и руководимых Макаренко детских коллективах выполняло ряд важных педагогических задач, к числу которых можно прежде всего отнести изменение мировоззрения, поведения, мотивации, формирование общественных новообразований, трансформацию эмоционально-волевой сферы личности и пр. Однако при большом количестве публикаций о воспитательной роли данного института в педагогической системе А. С. Макаренко остается почти неисследованным профессиогенетический потенциал этой уникальной практики организации жизни воспитанников.

Вместе с тем, есть достаточно веские основания утверждать, что тип самоуправления, внедренный в колонии имени Горького и особенно в коммуне имени Дзержинского, уже по самым принципам своей организации имеет выраженный профессиогенетический характер.

Основной первичный детский коллектив воспитательного учреждения, согласно официальным рекомендациям, в те годы формировался на принципах совместного проживания (спальня) или обучения (школьная группа). Макаренко же категорически отстаивал иной тип первичного коллектива, имевшего в основе производственный отряд. Смысл его рассуждений вполне понятен: превалирование спальни дает достаточно бледный с педагогической точки зрения эффект узкого соседского компанирования; превалирование же школьной группы (класса) может привести к пренебрежению производственным трудом, развитию сугубо индивидуалистического комплекса стремлений, иногда чрезмерно завышенному мнению о своих способностях и дилетантскому взгляду на вещи [236, с. 141].

Сравнивая бытовую, учебную и производственную сферы жизнедеятельности воспитанников в педагогическом учреждении, можно выделить наряду с универсальными ряд специфических,

формируемых в пределах каждой из них личностных характеристик. В быту, учебе и производстве одинаково важными выступают такие качества, как дисциплинированность, трудолюбие, нравственность, умение взаимодействовать с социальным окружением и т. д. Что же касается ключевых показателей, определяющих социальный рейтинг каждого воспитанника, то для бытовой сферы деятельности такими могут выступать общая поведенческая культура, опрятность и др. Для учебной – высокий уровень академической успеваемости. По этой же логике, производственная сфера главным общественным показателем, важнейшей социальной характеристикой личности должна считать высокий уровень профессиональных достижений, являющийся отражением процесса профессионального развития молодого человека. Поэтому можно предположить, что именно профессионализм, в отличие от универсальных дисциплинированности, трудолюбия и других качеств, выступал одним из важнейших социальных критериев развития личности в макаренковских воспитательных учреждениях, в основу педагогической, экономической и административной системы которых возлагалось материальное производство. Поскольку колония имени Горького не имела достаточно развитого промышленного потенциала, то все выше сказанное в большей степени может касаться коммуны имени Ф. Э. Дзержинского как крупного индустриального предприятия.

Важно подчеркнуть, что участие воспитанников А. С. Макаренко в достаточно специфической и сложной системе самоуправления коммуны имени Дзержинского выполняло важную профессиогенетическую функцию – оно создавало основы для дальнейшего их успешного развития в большом мире тогдашних профессий. Вовлеченность в систему самоуправления, с одной стороны, диагностировала наличие и степень сформированности у воспитанников целого комплекса качеств личности, необходимых для любой профессиональной деятельности, то есть общепрофессиональных знаний, умений и навыков; с другой стороны,

она способствовала эффективному развитию этих качеств. В условиях колонии и коммуны, как показывает анализ документальных свидетельств, формирование общепрофессиональных личностных качеств имело следующее содержание:

• *осознание главных закономерностей и усвоение технологий профессиональной коммуникации* (социально-психологическая компетентность, умение коллегиального взаимодействия, владение коммуникативной составляющей процесса делегирования полномочий, навыки публичной речи и т. д.);

• *формирование представлений об организации производства* (знания о структуре, функциях и взаимосвязи структурных подразделений предприятия, функциональных обязанностях субъектов организации и т. п.);

• *развитие политехнических знаний* (общие представления о средствах производства, материалах, технике, производственных процессах и т. п.);

• *формирование экономической компетентности* (элементарные представления об экономике предприятия, учете, планировании, статистике, финансовой дисциплине и т. п.);

• *развитие правовой культуры* (знание основ трудового законодательства, осведомленность о правах и обязанностях субъектов производства, осознание уровня и границ собственной ответственности и т. д.).

Комплекс сформированных качеств, выполнение тех или иных общественных функций во внутренней жизни коллектива коммуны положительно отражалось на организации производства двух ее высокотехнологических предприятий и одновременно готовило почву для приобретения и повышения квалификации коммунаров как в условиях коммуны, так и в дальнейшей жизни.

Активное и широкое соучастие воспитанников в администрировании производства, бесспорно, надо признать наиболее специфической особенностью организации самоуправления в коммуне имени Дзержинского. Еще в «Операционном плане» в список

качеств и навыков, которые коммуна намеревалась воспитать у юношей и девушек, Макаренко отдельно внес хозяйственность, которую он объяснил как способность организовать работу свою и чужую, управлять ею и оценивать ее результаты. Вообще, существовала тесная взаимосвязь между производственными достижениями воспитанников и их ролью в руководящих органах коммуны: показательным в этом отношении является название статьи в осеннем номере «Дзержинца» за 1929 год – «Лучших коммунаров-производственников – в командиры!» [248, с. 167]. Эффективность указанной функции жизнедеятельности коммунаров обеспечивалась структурой производственной составляющей органов самоуправления.

Согласно Конституции коммуны, все коммунары по производственному признаку делились на бригады, которые объединяли всех, кто работает на определенной группе станков в обе смены. Во главе бригады стоял бригадир, которого выбирала сама бригада, согласовывая кандидатуру с руководством завода. Главной функцией бригадира считалось руководство бригадой на производстве в вопросах порядка и дисциплины. Несколько бригад, объединенных определенной отраслью производства, образовывали группу, также возглавляемую командиром, избиравшимся аналогично командиру отряда и не освобождавшимся от производственных обязанностей и школьного обучения. Как и командир отряда, командир группы участвовал в заседаниях совета командиров и делал ежедневные рапорты, а его ответственность распространялась на все вопросы работы группы, и прежде всего – на выполнение промфинплана.

Самоуправление, основанное на производственном отряде как первичном коллективе, с самого первого момента пребывания воспитанника в учреждении задействовало его в целую систему профессионально-производственных отношений как внутри этого коллектива, так и учреждения в целом. Кроме того, производственные отношения в данных условиях, доминируя над другими сферами отношений – бытовой и учебной – неизбежно влияли на последние,

кардинально меняя их тон и характер. Макаренковский тип самоуправления, к тому же, имел большое преимущество, в корне отличавшее его от типичных форм в интернатах того времени: самоуправление в созданных им коллективах выступало не формальным придатком управления взрослых, а истинным руководителем колонии [229, с. 92]. Исходя из этого, каждый субъект самоуправления, построенного по производственному принципу, независимо от возраста, времени пребывания в коммуне и, что особенно важно, степени сформированности представлений о собственном профессиональном будущем, оказывался в положении полноправного субъекта организации сложного высокотехнологического производства. Реальная ответственность за реальные производственные процессы не оставляла воспитанникам выбора относительно характера и особенностей протекания собственного общепрофессионального развития. Интенсивность, сложность, универсальность формирования профессионально важных личностных структур подростков были, таким образом, педагогической прерогативой руководимых Макаренко учреждений.

Протоколы заседаний совета командиров коммуны, частыми участниками которых, помимо педагогов, были инженеры, шефы и другие взрослые люди [293, с. 25], представляют собой чрезвычайно интересный педагогический документ – своеобразную иллюстрацию профессионально-индустриальной и профессионально-управленческой компетентности коммунаров. На основе материалов учебного издания нижегородских исследователей А. Фролова и Е. Илалтдиновой «А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания» мы систематизировали номенклатуру типовых производственных вопросов, стоявших на повестке дня совета командиров коммуны имени Дзержинского за период с осени 1929 по февраль 1935 года. Ниже представлен перечень номенклатурных единиц, объединенных в пять базовых категорий по отраслям управления:

1. *Общеорганизационные вопросы:* организация производственного дежурства воспитателей (февраль–март 1930 г.); обращение к

руководству по вопросам недостатков в организации производства (июнь 1930 г.); определение состава коммунарских комиссий на производстве (весна 1930 г.); принятие документов, регулирующих работу коммунаров на производстве (весна 1930 г., март 1933 г.); реорганизация командования производственными бригадами (март 1933 г.); реакция на некорректные действия руководителей производства относительно коммунаров (ноябрь 1934 г.) [248, с. 187–188, 213, 214; 249, с. 95, 317].

2. *Производственные вопросы:* доклады руководителей производства (октябрь, ноябрь 1931 г., март 1933 г., февраль 1935 г.); участие коммунарского коллектива в строительстве новых промышленных объектов коммуны (октябрь 1931 г.); анализ причин и определение мер для преодоления сбоев («прорывов») на производстве (январь 1933 г.); отчеты специальных производственных комиссий (февраль 1933 г. и т. д.) [248, с. 295; 249, с. 83, 84, 92; 250, с. 50].

3. *Экономические вопросы:* определение или повышение ставок зарплаты, увеличение производственных расценок (декабрь 1930 г., декабрь 1931 г.); задержка заработной платы (февраль 1933 г.); выделение средств для обучения коммунаров на профессиональных курсах (февраль 1935 г.) [248, с. 244, 298; 249, с. 87–88; 250, с. 50].

4. *Кадровые вопросы:* перевод коммунаров и отрядов с одного производственного подразделения в другое (ноябрь, декабрь 1929 г., март, осень 1930 г., январь 1933 г.); предоставление разрешения на работу и учебу на определенном производстве (декабрь 1929 г.); снятие с определенного вида работы или восстановление на рабочем месте (февраль 1930 г., февраль 1933 г.); запрет многократного увольнения с предприятий коммуны (весна 1930 г.); установление производственных разрядов и выдвижение коммунаров на административные и производственные должности (январь 1933 г.) [248, с. 179, 183, 190–191, 196, 213, 243; 249, с. 77, 83, 91–92].

5. *Дисциплинарные вопросы:* снижение дисциплины коммунаров на производстве, порча инструмента и оборудования, невыполнение

плана (ноябрь 1934 г.); выговоры за неподобающее поведение во время работы (март 1930 г., январь 1933 г.); санкции против выполнения частных заказов на производстве (апрель 1930 г.); благодарности за хорошую работу (апрель 1930 г.) [248, с. 193, 197; 249, с. 82, 317].

Как видим, характер и диапазон производственной и управленческой проблематики указанного органа детского самоуправления принципиально посягает на руководящую монополию «взрослых» институтов в данной области административной структуры коммуны. Позиция и специфический принципиальный тон коммунарского актива в решении производственных вопросов может быть проиллюстрирован характерным примером – 22 февраля 1933 года по итогам обсуждения на заседании совета командиров недостатков учета работы коммунаров и начисления зарплаты было принято решение: отметить возмутительное отношение аппарата завода – учетного, инструкторского и контрольного – к заработку коммунаров, небрежное отношение к своим обязанностям; просить начальника коммуны проверить персональный состав контрольного и учетного аппарата; поставить в совете командиров отчет старшего контролера; предложить заводоуправлению все документы по работе выпускать своевременно и т. д. [249, с. 88–89].

Особенно мощным инструментом, стимулировавшим появление важных общепрофессиональных новообразований, выступил успешно использованный Макаренко метод полномочий и поручений как главный механизм исполнительной функции самоуправления. Именно в процессе реализации и переживания полномочий, делегированных коллективом, особенно активно происходило усвоение общепрофессиональных комплексов. Если традиционные формы привлечения воспитанников к управлению учреждением опирались на романтическую мотивацию «игры во взрослость», то самоуправление, которое de facto брало на себя ответственность за успех высокотехнологического промышленного производства, окончательно

преодолевало границу между игрой и реальной жизнью. Этот факт не мог не вносить принципиальные коррективы в педагогическую диспозицию руководителей воспитательного учреждения.

Типичной для коммуны, как мы это смогли увидеть в приведенной номенклатуре, формой делегирования полномочий было создание советом командиров специальных комиссий преимущественно из представителей детского коллектива, в компетенцию которых входило решение конкретных производственных или бытовых вопросов.

Руководство или участие в той или иной комиссии требовало от каждого коммунара определенной квалификации, связанной со спецификой комиссии. Так, согласно конституции коммуны, обязанности «столовой» комиссии предусматривали установление сметы расходов на еду, формирование меню на каждый день и слежение за его выполнением. Особенно сложными были обязанности избранной из числа коммунаров на месяц так называемой старшей хозяйки, через которую столовая комиссия и осуществляла свое управление. Старшая хозяйка обязана была наблюдать за правильным получением и правильным использованием продуктов на кухне, а также за выдачей пищи в столовую.

Хозяйственная комиссия избиралась на полгода в составе трех командиров. Ее члены вместе с начальником хозяйственной части коммуны, комендантом и кастеляншей проводили учет, заготовку, распределение и списание одежды коммунаров, следили за правильностью ее ношения, вели учет и распределение мебели в коммуне, следили за ее состоянием и своевременным ремонтом. Клубный совет ведал всей самодеятельностью коммуны.

Особенно сложными и ответственными были обязанности членов штаба социалистического соревнования, избиравшегося также на 6 месяцев. Три его члена вырабатывали нормы измерения успехов соревнования по школе, быту и дисциплине, вели учет всех по-показателей соревнования и отображения их на специальной

диаграмме, вырабатывали условия премирования и составляли списки премируемых лиц [175, с. 37–38].

Существовали также комиссии по обследованию и упорядочению работы цехов и по инструменту, работавшие в январе–феврале 1933 года. Представители коммунаров вместе со взрослыми работниками входили и в комиссии, создававшиеся руководством коммуны для регулирования важных вопросов развития ее предприятий, как то «по строительству и приему новеньких», «для определения разрядов каждому работнику и коммунару» и т. д. [248, с. 210].

Сложная система полномочий и ответственности, отлаженная в коммуне, иногда порождала достаточно нетрадиционные воспитательные институты, такие как, например, удовлетворение педагогических амбиций подростков относительно взрослого окружения. Нельзя не признать воспитательный эффект предоставленного коммунарам права активно реагировать на непрофсионализм и нарушения трудовой дисциплины вольнонаемных работников и возможность влиять на судьбу последних. Подобные примеры можно найти в материалах газеты «Дзержинец» [248, с. 199].

Высшей формой организации административной практики коммунаров можно считать привлечение их к непосредственному выполнению функций управления производством. Первые подобные попытки датированы 1929–1930 годами, когда коммунары, по выражению самого Макаренко, были «хозяевами своего производства» [249, с. 317]. В это время воспитанники активно выдвигаются на руководящие должности, как, например, коммунар Семенцов, назначенный приказом по коммуне в мае 1930 года помощником заведующего машинного цеха деревообрабатывающей мастерской [248, с. 211]. Совет командиров, кроме того, стремясь усилить свое влияние непосредственно на производстве, иногда направлял своих уполномоченных в цеха, как это произошло, например, в январе 1933 г. с коммунаром В. Камардиновым [249, с. 83–84].

Однако масштабной инновацией, почти уравнивавшей воспитанников коммуны и руководителей производства в административных полномочиях, была попытка выделения завода электроинструментов как собственно «коммунарского производства» с выдвижением наиболее способных и квалифицированных коммунаров на должности руководителей цехов. Начало данной работы, очевидно, следует отнести к январю 1933 года, поскольку тогда в протоколах совета командиров появляются об этом первые сведения. Надо отметить, что подобная административная инновация, пользовавшаяся активной поддержкой детского коллектива [249, с. 318], не предусматривала автоматического перехода всех желающих коммунаров на «свое» предприятие, а основывалась на строгом отборе с учетом индивидуальных данных [249, с. 83].

В контексте указанной административной реформы следует рассматривать также подписанный руководством коммуны 16 сентября 1933 года приказ, который прямо требовал взять решительный курс на выдвижение коммунаров на руководящую работу в коммуне, укомплектовывая ими вакантные должности среднетехнического и административно-хозяйственного состава. Приказ, однако, при этом предусматривал тщательную проверку наличия у кандидатов способностей и определение их пригодности к соответствующим должностям [249, с. 131]. Можно согласиться с А. Фроловым и Е. Илалтдиновой, что, вероятно, инициатива создания «коммунарского производства» принадлежит лично Макаренко [249, с. 284], но точные данные по этому вопросу нам пока неизвестны. Однако приказ по коммуне, датированный 29 сентября 1934 г., явно ссылается на указание наркома НКВД В. Балицкого о выдвижении наиболее способных и заслуженных коммунаров на административные и технические посты. Согласно ему, ряд воспитанников коммуны назначался на следующие должности: начальника механического цеха (Скребнев), помощника начальника механического цеха (Французов), помощника начальника сборочного

цеха (Козырь), инструктора заготовительного отделения сборочного цеха (Шейдин) и т. д. [249, с. 283].

Нам не удалось пока оценить характер и установить точные хронологические рамки деятельности завода электроинструментов как объекта сугубо «коммунарского» администрирования, однако некоторые факты свидетельствуют о достаточно принципиальном отношении к этой инновации Макаренко. Из текста его выступления на совете командиров коммуны 20 ноября 1934 года мы можем прежде всего выяснить главные проблемы, с которыми столкнулся коммунарский завод: плохой учет, «размагничивающий» коммунаров, неустроенность штатов, «антикоммунарское» отношение некоторых воспитанников к своему предприятию, их незаинтересованность в делах завода, промфинплане и т. д. Кроме того, общий пафос выступления Макаренко не оставляет сомнений в том большом значении, которое он придавал самой идее настоящего высокотехнологического производства, почти полностью руководимого детским коллективом [249, с. 317–318].

Однако следует отметить: в дальнейшем происходит постепенное отстранение руководством учреждения органов самоуправления от решения вопросов организации производства, теперь протоколы совета командиров свидетельствуют об ограничении его полномочий лишь проблемами быта, дисциплины и материального обеспечения «детского коллектива» [250, с. 61].

Несмотря на это, анализ макаренковского наследия, архивных источников и воспоминаний о принципиальных аспектах деятельности и устройства коммуны имени Дзержинского позволяет выделить ряд характерных особенностей профессионального развития воспитанников в контексте созданной в нем системы самоуправления.

Массовость. Через систему полномочий, поручений, выборные органы и должности обязательно проходили все воспитанники коммуны, что делало законодательные и исполнительные функции самоуправления обязательным условием развития каждого члена коллектива.

Универсальность. Разветвленная структура органов и функций самоуправления коммуны стимулировала развитие чрезвычайно широкого диапазона индивидуальных качеств человека, создавая тем самым базовые условия для дальнейшего развития в любом профессиональном направлении.

Интенсивность. Принцип ответственности перед коллективом, перманентная ротация кадров, четкая и прочная организационная структура самоуправления коммуны вместе создавали мощный социально-психологический фактор развития, оптимизировавший внутреннюю трансформацию личности в педагогически целесообразном направлении.

В процессе реализации коммунарами управленческих и организаторских функций закономерно происходило и становление их как субъектов экономической деятельности. Сформированные в процессе этого составляющие экономической компетентности воспитанников Макаренко образовывали обязательный элемент как их общепрофессионального развития, так и готовности к реализации целого ряда узкоспециализированных видов труда.

В последнее время, благодаря актуализации в отечественном образовании проблематики экономического воспитания, изучение соответствующего феномена в педагогическом наследии А. С. Макаренко выделилось в отдельную исследовательскую отрасль [12; 13; 14; 15; 16; 262; 263; 264; 326; 381]. В традиционном же советском макаренковедении эти вопросы почти не выделялись как самостоятельный объект исследования, а рассматривались в контексте «трудового» или «хозяйственного» воспитания.

Наиболее интересный пример систематизированного анализа экономической составляющей педагогической теории и практики Макаренко представлен в диссертационной работе О. В. Мельниковой. Исследовательница цель собственно экономического воспитания в руководимых Макаренко учреждениях формулирует как воспитание экономически активной личности, которая умела бы ориентироваться в отношениях реального

производства, активного и сознательного гражданина с высоким уровнем компетентности и профессионализма. В соответствии с указанной целью, воспитательные коллективы колонии имени Горького и коммуны имени Дзержинского обеспечивали реализацию ряда задач: усвоение воспитанниками экономических знаний, формирование разумных потребностей, экономического мышления, оперативных способностей и умения ориентироваться в сложных общественно-экономических вопросах, воспитание готовности к экономической деятельности, которая предусматривала овладение индивидом определенными экономическими умениями и навыками, создание условий для самореализации личности как экономически активного члена общества [264, с. 7].

Задачи формирования экономической компетентности подростков естественным образом вытекали из принципиальных особенностей педагогико-индустриальной организации коммуны имени Дзержинского. Благодаря этому, экономический элемент занимал такое же ключевое и необходимое место в воспитательной системе коммуны, которое ему всегда отводится в сложных процессах производственного труда. Следует добавить, что значение данного элемента постоянно возрастало пропорционально усложнению форм и содержания труда, в который были задействованы коммунары. Но ключевым моментом экономической составляющей педагогических задач Макаренко выступало не столько включенность воспитанников в сложные производственные процессы, сколько специфическое психологическое наполнение труда. В соответствии с этим, реализацию предложенного Макаренко принципа «труда-заботы» надо рассматривать прежде всего в контексте экономических категорий, поскольку данный тип организации труда, в отличие от традиционной его формы – «труда-работы» – выступает более эффективным способом включения воспитанников в практику экономической деятельности, формирует экономическое мышление и соответствующие ценностные ориентации, создавая таким образом

комплекс объективных условий для полноценного воспитания экономической культуры.

Идея «труда-заботы», как один из ключевых моментов его педагогической системы, впервые была высказана Макаренко еще в 1922 году в приложении («Вместо коллоквиума») к заявлению, поданному в московский Центральный институт организаторов народного образования [229, с. 11], а дальнейшее развитие получила в 1925 году в «Очерке работы Полтавской колонии им. М. Горького». «Только труд в условиях коллективного хозяйства для нас ценен, но ценен только потому, – писал педагог, – что в нем в каждый момент присутствует экономическая забота, а не только трудовое усилие» [226, с. 35]. Если хозяйственная (экономическая) забота признавалась «элементарным объектом воспитания», на который были направлены главные усилия руководимого Макаренко педагогического коллектива, то своеобразной производной этого процесса выступали все связанные с экономической заботой субъективные переживания, навыки и опыт, то есть именно то, что становилось основой общей образованности подростков.

Другим не менее эффективным инструментом воспитания экономической культуры колонистов и коммунаров, борьба вокруг которого неоднократно обостряла отношения Макаренко с руководящими органами [346, с. 154–164; 386], можно считать заработную плату.

Как уже говорилось, материальные стимулы педагог считал – вместе с дисциплиной – мощным средством стимулирования движения воспитанника вперед, но в то же время он отмечал, что вопрос о зарплате имеет гораздо более широкое значение, чем только материальная заинтересованность. Представленная Макаренко в этом случае аргументация представляет собой развернутый перечень именно тех качеств, совокупность которых можно считать содержанием экономической компетентности воспитанника: «на получаемой зарплате колонист воспитывается координировать личные и коллективные интересы, приучается к личному бюджету, попадает в

сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально входит в класс пролетариата, становясь на совершенно общие позиции со всяким другим рабочим. Наконец, приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе своеобразной беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только “идеалами”» [229, с. 208–209].

Видение Макаренко содержания теоретико-экономической подготовки коммунаров мы можем оценить по известному проекту кружка экономики производства, который они вместе с В. Терским предложили педагогическому совету коммуны в августе 1930 года. Формирование экономической компетентности воспитанников, по мнению авторов, должно было происходить по следующим направлениям: изучение вопросов калькуляции предварительной и исполнительной, основ бухгалтерского учета, знакомство с вопросами себестоимости вообще и в коммуне в частности, практическая работа по улучшению калькуляционного дела в коммуне, ознакомление с договорами производства коммуны, выявление непроизводительных затрат в производстве коммуны и условий, их порождающих, организация экскурсий на другие предприятия по вопросам калькуляции и экономики, сравнительное изучение вопросов о расценках и зарплате и о разных системах зарплаты, выявление данных о прибылях производства и о расходовании прибылей. Кроме того педагог предлагал создание соответствующего отдела в стенной печати и выявление и премирование лиц, отличившихся деятельностью по улучшению экономики коммуны [236, с. 156–157].

3.6. Профориентация, трудоустройство и поддержка профессионального самоопределения коммунаров

Как уже неоднократно говорилось, проблема выпуска из коммуны интегрировала в себе весь комплекс вопросов дальнейшего профессионального самоопределения воспитанников. Многолетний собственный опыт в этой области А. С. Макаренко обобщил в 1935–1936 годах, во время службы в Отделе трудовых колоний НКВД Украины, на страницах своей первой большой завершенной научно-педагогической работы – «Методика организации воспитательного процесса» [4, с. 70–73].

Подготовка к выпуску коммунара, которая должна начинаться задолго до этого события, содержит ряд важных задач: выявление воспитанников, достойных быть выпущенными из учреждения и готовых к этому; точное определение места, куда будет выпущен воспитанник; подготовка будущих условий его жизни, то есть получение для него работы, квартиры или общежития, создание условий для продолжения образования; выделение подъемных средств и предоставление выпускнику необходимых для самостоятельной жизни вещей.

В течение всего времени подготовки коммунара к выпуску в центре педагогического внимания руководства и всего коллектива должен стоять вопрос его готовности к данному событию. Макаренко говорит, что часто воспитанник увлекается примером друзей, слишком полагается на свои силы, «не имея ни достаточного образования и квалификации, ни закрепленных качеств характера, ни сбережений». В других случаях воспитанник имеет большие способности, рабочие или учебные, но еще не успел их развить – такого, по мнению педагога, еще следует задержать в учреждении. Существует и такой тип воспитанников, которые, имея небольшие способности, уже успели от учреждения принять все, что оно может им дать, но тянутся за более способными коммунарами и стремятся

еще оставаться в нем. Таких нужно выпустить, считает Макаренко, чтобы не подвергать «влиянию неудач и срывов».

Среди бытовых вопросов устройства выпускников на новом месте Макаренко важнейшим считал обеспечение квартирой. Здесь он снова обращается к своему опыту 1927–1928 годов, когда, будучи руководителем всей сети детских учреждений Харьковского округа, должен был заниматься и так называемыми общежитиями рабочих подростков, объединявшими большое количество молодежи, только что вышедшей из интернатов. Он настаивает на нецелесообразности подобных форм, поскольку они создают искусственную изоляцию выпускника в узкой группе бывших товарищей по учреждению. Зато возможность попасть в обычную рабочую или студенческую среду, что гораздо полезнее для социального развития бывшего воспитанника, может обеспечить предоставление отдельной комнаты на 2–3 человека в студенческом общежитии или в доме, заселенном рабочими и служащими предприятия, на котором работает выпускник [229, с. 328–329].

В конце документа Макаренко отдельно останавливается на таком важном педагогическом явлении, как поддержка связей с бывшими коммунарами. Он предлагает переписываться с ними, приглашать на праздники: «Приезд таких выпускников в учреждение нужно всегда приветствовать. Само собой разумеется, что, находясь в гостях в учреждении, выпускники должны помогать воспитательной работе и рассказывать воспитанникам о своей жизни, труде и успехах» [229, с. 329].

Что касается проблемы определения готовности воспитанника к выпуску, то «действительной и реальной границей» пребывания его в коммуне Макаренко называл окончание рабфака, доказывая в полемике с критиками, что это событие отнюдь не является формальным признаком, а совпадает с общей подготовленностью коммунара к жизни [236, с. 169].

Известно, что наиболее типичными формами организации будущего выпускников коммуны были: призыв в армию,

трудоустройство как на собственном производстве коммуны, так и на других предприятиях, вступление в средние профессиональные и высшие учебные заведения. Выбор той или иной формы профессиональной самореализации зависел от уровня притязаний, предпочтений и особенностей личностного развития коммунара. При этом определенную роль играла и гендерная специфика: по воспоминаниям И. Д. Токарева относительно профессиональных интересов его одногруппников, юноши Михаил Литовка, Борис Княженко, Семен Зайцев стремились уйти в вузы, а девушки, Аня Красникова, Галя Слуцкая, Зина Носик, не хотели «сушить мозги» наукой и довольствовались достигнутым – «иди рабочим на завод, потом станешь мастером» (см. Приложение).

В виду отсутствия точной статистики трудоустройства выпускников коммуны, приведем сводные данные о выбытии воспитанников только за два года. Динамика этих показателей прекрасно иллюстрирует тот большой путь, который прошла коммуна за пятилетие своей славной истории. Из 22 человек, оставивших стены учреждения в течение 1930 года, 9 чел. (41 %) трудоустроились на производстве, 5 чел. (22,7 %) были отправлены к родным, 3 чел. (13,6 %) сбежали, 2 чел. (9,1 %) были переведены в другие детские дома, 2 чел. (9,1 %) отправлены в комиссию по делам несовершеннолетних и один (4,5 %) поступил в военную школу [506, л. 1]. А вот данные из приказа по коммуне за 5 сентября 1935 г.: из 64 выпускников 33 поступили в институты и университеты (вузы Харькова, Москвы, Николаева, Свердловска, Ленинграда, Киева, Иркутска; специальности: радио, иностранные языки, судостроение, машиностроение, советское строительство и право, железнодорожный транспорт, химическая техника, геологоразведка, военно-морское дело, музыка, физкультура, пограничная служба), 5 – в музыкальный техникум, 21 остался на коммунарском производстве [250, с. 76].

Хотя проблема профессиональной ориентации в коммуне имени Дзержинского до сих пор не привлекала особенно пристального внимания макаренковедов, многочисленные факты позволяют

утверждать, что педагогическое руководство учреждения никогда не стояло в стороне от решения вопросов профессионального выбора своих выпускников. Эти вопросы стояли в центре обсуждения на заседаниях педагогического совета [249, с. 81–82] и совета командиров [249, с. 86], отнимали много времени индивидуальной работы педагогов, а также часто стимулировали административную активность руководства [505, л. 1, 4, 17, 42–55, 85, 86; 576, л. 18]. Более того, есть все основания утверждать, что оптимизация профессионального самоопределения коммунаров рассматривалась Макаренко как одна из стратегических педагогических задач инновационного учреждения, своеобразный системный принцип, которому в известной степени были подчинены производственная и учебная сфера, вся внешкольная работа и деятельность органов самоуправления.

Этим обстоятельством определялся и характер профориентационной работы коммуны. Как известно, данное явление обычно реализуется в двух аспектах: если *общая профориентация* представляет собой систему привлечения человека к миру труда как таковому, то в более узком смысле она направлена на формирование мотивации конкретного лица или группы относительно выбора определенной специальности как направления будущей профессионализации. При анализе стратегии А. С. Макаренко в контексте данных категорий мы можем констатировать, что она в целом была детерминирована целями общетрудовой ориентации подростков, а известные случаи узкоспециальной ориентации на конкретную профессию вытекали уже из этой общей цели, рассматриваясь педагогом преимущественно как эффективное средство интеграции воспитанника в большой профессиональный мир. Остановимся на некоторых характерных примерах.

Следует подчеркнуть, что ключевые вопросы поддержки профессиональных предпочтений подростков в коммуне решались в сугубо правовом поле. Право свободно выбрать специальность при поступлении в коммуну и свободно перейти в ходе освоения

производства из одной мастерской в другую, то есть полная свобода профессионального выбора, была исходным, базовым обстоятельством, запускавшим процесс профессиональной самоидентификации коммунара. Однако такая свобода имела определенные ограничения – она не распространялась на легкомысленные и преимущественно меркантильные поиски «лучшего» места работы. Заинтересованность педагогического руководства учреждения, а вместе с ним и детского коллектива в стабилизации профессионального выбора коммунаров приводила к достаточно активным формам реагирования в случаях повторного и самовольного перехода бывших выпускников из коммуны на другие предприятия. После достаточно критического выступления Макаренко по этому поводу на совете командиров 28 марта 1930 года было решено: коммунаров, которые вышли на производство и взяли увольнение, в коммуну больше не принимать; уволившихся, заставить переходить из коммуны на другую квартиру; запретить увольняться без разрешения совета командиров [248, с. 196].

В соответствии с современной общепринятой классификацией, все формы профориентационной работы коммуны имени Дзержинского условно можно разделить на 5 подсистем: профессиональная диагностика, профессиональное образование, профессиональная консультация, профессиональный отбор и профессиональная адаптация [95, с. 52–55]. В воспоминаниях бывших коммунаров можно увидеть в более или менее выраженном виде соответствующие примеры из практики коммуны, особенно в отношении первых четырех из указанных подсистем. Типичную ситуацию описывает И. А. Ветров:

«Зимой 1934 года большая группа коммунаров решила поступить в авиационные школы. В числе их был и я. Мы об этом посоветовались с Антоном Семеновичем. Он одобрил наше намерение. Медицинскую и мандатную комиссию мы прошли успешно. <...> Вскоре наши личные дела, направленные на утверждение “большому начальству”, вернулись обратно и нам <...>

объявили, что в летные военные училища нас не зачислили, так как “большое начальство” считает, что “беспризорным защищать нечего”».

За несколько месяцев Харьковский аэроклуб предложил коммунарам Ветрову и Чевелию, как лучшим планеристам, поехать на учебу в Высшую летнопланерную школу Осоавиахима: «имея на руках письменное предложение и плохо ощущая под собой землю, я пришел к Антону Семеновичу и передал ему это отношение. Антон Семенович внимательно прочел его и заявил: “Я против твоей учебы в этой школе”.

Слова Антона Семеновича на меня подействовали как холодный душ. Мое возбужденное настроение как-то сразу сникло. Я смотрел на него и ожидал, что он скажет.

– Тебя интересует, почему? Скажу. Ты должен закончить десятилетку. Имеешь все возможности, чтобы поступить в институт или настоящую летную школу. Учеба в этой школе рассчитана на три месяца. Чему можно научиться за три месяца? Подумай. Учти, если поедешь в эту школу, я тебя, в случае неудачи, обратно не возьму. Понял? <…>

Два дня я ходил как потерянный и думал, как поступить. <...> Два раза ездил в аэроклуб, расспрашивал, что меня ожидает, если я закончу школу. <...> На третий день я пришел к Антону Семеновичу.

– Решил, поеду!

– Пиши заявление на совет командиров! – как-то разочарованно, с грустью [сказал Макаренко]. Подумал, хотел еще что-то сказать, но махнув рукой, только добавил:

– Пиши, упрямство сломает опыт.

Я вышел. На душе было неспокойно, тревожно. Почему он против?

Вечером в этот же день на совете командиров по моему заявлению разгорелся спор. Антон Семенович и часть командиров были против того, чтобы я ехал учиться в планерную школу.

Представители этой группы утверждали, что коммунар должен исходить из коммуны с законченным средним образованием и, как правило, поступать учиться в институты или военные школы с трех-четырехгодичным сроком обучения, а не поступать на всевозможные курсы.

Те, кто поддерживал меня, особых теоретических положений не высказывали, но утверждали, что не обязательно быть всем инженерами, можно быть и рабочими, надо считаться с желанием и призванием каждого человека. Спор кончилась голосованием в мою пользу».

После неудачного обучения, повлекшего за собой отчисление из летнопланерной школы Ветров все же вернулся в коммуну. Хотя А. С. Макаренко после заступничества других коммунаров и согласился снова его принять в их число, Ветров почувствовал на себе всю силу недовольства педагога своим поступком. Через некоторое время Макаренко сообщил ему, что военное руководство страны удовлетворило жалобу коммуны на неправомерность отказа во вступлении в летные школы ее воспитанников и спросил о его решении по этому поводу. Ветров подтвердил свое желание стать военным летчиком, но педагог ответил: «Я считаю, что тебе надо пойти учиться в педагогический институт. У нас есть группа ребят, [которые] готовятся <...> к вступлению в институты». Ветров тогда, наперекор своему наставнику, все же выбрал с группой других коммунаров юридический вуз. В его мемуарах есть такие строки: «”Тебя это наполовину удовлетворит”, – сказал мне Антон Семенович. Теперь, через четырнадцать лет, я могу сказать, Антон Семенович был прав, педагогическая работа мне больше нравится, чем работа юриста» [606, с. 30–40].

Вполне естественно, что профориентационные мероприятия в коммуне достигали апогея в момент выпуска воспитанников, поскольку главной своей задачей они имели не только помочь коммунарам правильно определиться в профессии, но и стабилизировать их профессиональный выбор. На подобную

процедуру, которая должна была «подыскивать и рекомендовать дальнейшие пути: вуз, производство, и какие именно», указывает сам Макаренко в замечаниях к акту обследования коммуны весной 1934 года [236, с. 169].

Надо однако заметить, что увольнение в дальнейшем А. С. Макаренко из коммуны и переориентация ее стратегии в последние годы существования с педагогических на производственные задачи, очевидно, способствовали и общему ухудшению профориентационной работы. И. Д. Токарев, например, утверждает, что во время его выпуска в 1937 году руководство коммуны целенаправленной беседы о будущем с ним не проводило, «а сказали, что я окончил воспитание в коммуне и ухожу в большую жизнь». Зато подобные беседы Токарев имел со старшими, уже выпустившимися коммунарами – Зайцевым, Ветровым, Лободой и другими: «мои друзья-коммунары <…> спросили, кем я хочу быть, и я сказал, что хочу быть строителем, и они дали адрес архитектурно-строительного техникума», «специальность оптика у меня уже была, и мне хотелось попробовать себя в другой области» (см. Приложение).

Руководство НКВД, очевидно, вполне допускало и рассчитывало на такой вариант начала самостоятельной жизни воспитанников своих коммун, как служба в Красной Армии, но столкнулось с целым рядом неожиданностей в этом деле. Некоторые воспитанники самостоятельно становились на воинский учет, проходили призывные комиссии и направлялись в войска, независимо от получения официального статуса выпускника трудовой коммуны. Таким образом, как отмечалось в документах, в ряды Красной Армии попадал «деклассированный, уголовный и прочий нежелательный элемент». Архивы не сохранили свидетельств, насколько данное явление касалось и коммуны имени Дзержинского, но 17 октября 1935 г. она наряду с другими получила соответствующее разъяснение Отдела трудовых колоний НКВД УССР: воинскому учету и призыву в РККА подлежат члены трудколоний и коммун только из числа тех, которые получили «выпуск», имеют на руках свидетельства и

положительные характеристики; списки воспитанников-коммунаров, подлежащих приему на воинский учет и призыву в Красную Армию, составляются коммунами и сдаются в местные военкоматы. Отдельно подчеркивалось, что если воспитанник после выпуска имел нарушения, следует вносить соответствующие отметки в характеристики и списки с указанием характера этого нарушения [583, л. 20].

Поскольку служба в армии обычно «отрывала» выпускников от коммуны и делала несколько неопределенной их судьбу, педагогическое руководство стремилось больше ориентироваться на иные формы трудоустройства. Макаренко отмечал, что, учитывая высокую производственную квалификацию коммунаров, вступление в высшее техническое учебное заведение может быть для них и не обязательным. Такой уровень подготовки позволяет многим выпускникам найти место даже на предприятиях коммуны на должностях инструкторов [227, с. 42]. Во вступительной статье к юбилейному сборнику коммуны «Второе рождение» А. Броневой подтверждает трудоустройство «более развитых, работоспособных» коммунаров на предприятиях коммуны – в то время уже занимали посты помощников инструкторов и мастеров 12 юношей и две девушки [48, с. 10]. При подобной смене положения коммунара рабочий день его, соответственно, увеличивался до 8 часов, а зарплата выдавалась на руки без каких-либо вычетов [248, с. 279].

Приказ Административно-хозяйственного управления НКВД УССР от 5 апреля 1935 года о порядке оформления рабочих и служащих предприятий, входивших в его систему [585, л. 18–20], также коснулся и коммунаров, остававшихся после выпуска на предприятиях коммуны. Поскольку приказ требовал при приеме на работу специальной санкции АХУ и оформления целого пакета документов, руководство коммуны обратилось за разъяснениями: «считаете ли Вы обязательным сохранить предложенный порядок оформления и для коммунаров-выпускников, остающихся на н/производствах, как на рядовой, так и на руководящей работе, или,

быть может, Вы сочтете возможным в этих случаях допустить некоторое изъятие из В/директивы» [585, л. 29]. Вскоре НКВД сообщил, что в отношении бывших коммунаров «вопрос будет разрешен в зависимости от характеристики, данной педчастью, Советом командиров и комсомольской организацией» [585, л. 30].

Типичными примерами трудоустройства выпускников внутри учреждения являются судьбы коммунаров Семенцова, который на май 1935 года уже работал завхозом коммуны [585, л. 40–44], и В. Скребнева, занимавшего в это же время должность начальника механического цеха электропроизводства [585, л. 40–44]. Кроме заполнения производственных вакансий, выпускники иногда оставались в коммуне и на других должностях. Заведующим клуба, например, работал бывший секретарь комсомольского бюро, воспитанник А. Швед [50, с. 87].

К этому следует добавить, что поток бывших воспитанников на собственное производство коммуны не исключал в отдельных случаях возможности движения и в обратном направлении. Вероятно, из-за недостаточной производственной квалификации в ноябре 1933 года приказом по коммуне бывшие коммунары, слесарь Редько и токарь Луций, были исключены из состава инструментально-ремонтного отдела и снова переведены в воспитанники [249, с. 147].

Однако коммуна отнюдь не препятствовала достаточно массовой практике перехода бывших коммунаров на другие предприятия. А. Броневой в упомянутом вступительном слове к юбилейному сборнику определяет цифрой 45 число выпускников, которые к моменту пятилетнего юбилея коммуны, получив в ней достаточную квалификацию, уже работали на заводах и фабриках СССР [48, с. 10].

Стоит заметить, что в первые годы существования коммуны, учитывая неразвитость ее образовательной базы, остро стоял вопрос о получении коммунарами такого профессионального образования, которое явилось бы вполне достаточным для дальнейшего трудоустройства. Временным тогда способом решения этой проблемы

были командировки выпускников в школы ФЗУ, на разного рода курсы, рабочие факультеты и т. п. В тех случаях, когда коммуна готовила кадры для собственного производства, направляя, например, коммунара на курсы водителей, последнему на все время обучения начислялась зарплата [248, с. 187]. Профессиональные курсы рассматривались руководством учреждения как возможный вариант профессионального образования коммунаров и в последующие годы, причем, они продолжали использоваться для заполнения специалистами и собственных вакансий, как в случае с киномехаником, подготовка которого (февраль 1935 г.) была оплачена из фонда учебной части [250, с. 50].

Вполне понятно, что в дальнейшем предметом особой гордости руководства коммуны и лично Макаренко были показатели по другой категории «трудоустроенных» бывших коммунаров – студентов. Сборник «Второе рождение», кроме прочего, приводит цифры и о количестве выпускников коммуны в харьковских вузах, однако при этом почему-то фигурируют достаточно противоречивые данные. В таблице «Все коммунары охвачены учебой» указывается, что на момент написания этой книги, то есть осень 1932 года, в высших учебных заведениях обучаются 24 коммунара: 11 – в Харьковском машиностроительном институте, 1 – в Харьковском институте народного образования, 3 – в Харьковском институте народного хозяйства, 2 – в Харьковском электротехническом институте, 1 – в Харьковской военно-инженерной академии, 4 – в Харьковской авиационной школе, 2 – в Харьковском медицинском институте [73, с. 51]. В то же время А. Броневой говорит только о 10 выпускниках коммуны в Харьковском машиностроительном институте, которые после обучения вернутся, «чтобы стать у руля производства» [48, с. 10]. А. С. Макаренко же в статье «Перевернутые страницы» приводит данные только о вступлении коммунаров в высшие учебные заведения в 1932 году: 5 из них, по его словам, стали слушателями «военно-инженерных институтов», 13 выбрали Харьковский машиностроительный институт [333, с. 30]. Поскольку в сборнике не

уточняется число поступивших по каждому из последних двух лет, мы, к сожалению, не можем точно оценить уровень и динамику эффективности деятельности рабфака коммуны по подготовке воспитанников к поступлению в высшую школу. Однако именно этот критерий работы рабфака, вероятно, представлялся Макаренко особенно принципиальным, о чем свидетельствует его заявление на заседании педагогического совета 27 января 1933 г.: не выпускать студентов в институт без рекомендации и без поручительства педсовета [249, с. 81–82].

Надо признать, что первые шаги на этом пути оказались недостаточно успешными, как это вынужден был констатировать и сам Макаренко. Дело в том, что из числа коммунаров, выпущенных в 1932 году в высшие учебные заведения, 19 потерпели неудачу и вернулись в коммуну. Причины этого педагог связывал с тем обстоятельством, что абитуриенты 1932 года представляли собой лишь первых выпускников коммунарского рабфака. При организации же этого учебного заведения, говорил Макаренко, был сделан ряд ошибок: слишком оптимистическое определение курса, на который был назначен коммунар; функционирование рабфака в течение двух лет по учебному плану дневного рабфака, с помощью чего рассчитывали сэкономить год. Все названные выпускники, однако, выдержали вступительные испытания в вузах, но не смогли там учиться из-за слабой подготовленности. Взяв их снова на рабфак, коммуна только восстановила неудачно сэкономленный год, предусмотренный планами вечернего рабфака [236, с. 174]. В своем выступлении на совете командиров 22 февраля 1933 года Макаренко вспомнил еще один случай, когда студенты рабфака музыкального института, бывшие коммунары И. Волченко и В. Жмудский вынуждены были его бросить и перейти на рабфак коммуны. Причины этого оказались более чем прозаическими: трудно учиться, плохие общежития и питание [249, с. 86].

Точные итоговые цифры относительно процента студентов среди выпускников коммуны приходятся на весну 1934 года. В это

время, как уверял руководство сам Макаренко, из 113 коммунаров, покинувших стены учреждения, в высших учебных заведениях находилось 20 человек [236, с. 175].

Как свидетельствуют документы, руководители коммуны всячески содействовали своим выпускникам в стремлении получить высшее образование. И. Д. Токарев на вопрос о стимулировании в коммуне стремления коммунаров вступать в высшие учебные заведения вспоминает, что учителя во время занятий в школе неоднократно говорили о важности той или иной темы и для жизни, и для поступления в вуз. Это, в основном, касалось учителей физики, математики, русского и английского языков. Учитель математики, в частности, обращал внимание на то, где данный раздел его предмета находит наибольшее применение: например, тригонометрия – в военном деле и т. д. (см. Приложение).

Свидетельством поддержки коммунаров, среди прочего, являются письма-запросы, направлявшиеся руководством в соответствующие высшие учебные заведения. Так, 9 декабря 1935 г. начальник учебно-воспитательной части С. А. Дидоренко запрашивает Одесский институт кинопромышленности о времени и порядке весеннего набора, а также просит прислать программу занятий [505, л. 1]. 26 января 1936 г. письмо с просьбой сообщить сроки приема, условия обеспечения студентов, перечень документов и программу для поступления, а также предоставить 6 анкет было направлено в Ленинградский институт точной механики и оптики [505, л. 4]. Началом лета 1936 года датированы несколько других обращений: в Артиллерийскую академию РККА с просьбой прислать бланки для желающих вступить в нее коммунаров Матренина, Клямера, Герцковича, Толстопятенко, Никитина и Марусиченко [505, л. 42–55], в Ленинградский государственный педагогический институт имени Герцена и Московский институт иностранных языков с запросом об условиях приема [505, л. 85, 86] и т. д.

Как оказалось, коммуна заботилась даже об условиях проживания своих выпускников во время вступительных испытаний.

9 марта 1936 г. С. А. Дидоренко направляет письмо в одесскую колонию НКВД с просьбой предоставить возможность переночевать в ней коммунарам Редькину, Чаплыгину, В. Крикотину, Горленко и Вакуленко, едущим поступать в морской техникум [505, л. 17].

Соответствующая тематика иногда появлялась и на страницах внутренней прессы коммуны. Осенью 1929 года «Дзержинец» опубликовал ответ Одесской кинофабрики на довольно типичный запрос (коммунарки Лазаревой) – «как стать актрисой» [248, с. 167–168]. И. Д. Токарев также вспоминает одну из карикатур, на которой Ивана Ветрова двойки держали за штаны и не пускали в вуз (см. Приложение).

Интересный факт: по мере сил к делу профессионального образования коммунаров приобщился даже шеф коммуны, Харьковский театр русской драмы. Как об этом сообщала 1 декабря 1933 г. театральная газета-многотиражка, театр предоставлял коммуне две вакансии в своей студии, которые должны были заполняться по постановлению совета командиров [249, с. 149].

Показательным примером, характеризующим позицию А. С. Макаренко на фоне государственной практики отбора абитуриентов, наряду с описанной выше попыткой И. Ветрова стать авиатором, является случай, который произошел в мае 1934 года. Четверо коммунаров проходили мандатную комиссию по набору в военно-морские учебные заведения. Трое из них – И. Н. Червенко, Ф. В. Дорохов и П. А. Мошлин – были зачислены в Севастопольскую морскую школу береговой обороны, кандидатура же Е. А. Лифа была отклонена. Комиссия так объяснила свой отказ: «Лиф до 1923 г. жил в приюте, с 1923 г. бежал из приюта и жил на улице до 1925 г. С 1925 г. был в дет. доме им. Фрунзе <...>, где вел себя очень плохо. В 1928 г. бежал из детдома им. Фрунзе, беспризорничал до 1932 г. и только с [1932 года и] до настоящего времени находится в коммуне им. Дзержинского». Комиссия считала, что такой короткий срок «совсем незначительный для того, чтобы взять на себя ответственность и рекомендовать его в военно-морское учебное

заведение». Узнав об этом факте, Макаренко, очевидно, проинформировал Броневого, и тот пытался вмешаться в ситуацию. Также можно предположить, что Макаренко в данном деле возмутила прежде всего чрезмерная придирчивость чиновников к прошлому воспитанника, поскольку заместитель председателя комиссии Цымбал в своей записке вынужден был оправдываться: «Во время работы областной мандатной комиссии никаких оскорбительных характеристик ни один из этих 4-х товарищей от мандатной комиссии не получил. Никаких оскорбительных оценок их прошлого со стороны ни комиссии, ни отдельных членов комиссии не было им дано, и поэтому для нас было непонятно, откуда начались эти разговоры об оскорблении В/воспитанников» [576, л. 18].

Однако увольнение Макаренко внесло в дело организации образовательной перспективы коммунаров, как и в другие сферы педагогической работы коммуны, существенные коррективы. Возможность вступления воспитанника в вуз могла, например, стать предметом мести ему со стороны руководства. Так, при попытке коммунара Ройтенберга, одного из активных участников борьбы против начатого новым заведующим В. Берманом уничтожения всех атрибутов макаренковской воспитательной системы, поступить в московский или ленинградский институт журналистики, последний направил в оба вуза отрицательные характеристики относительно морально-политического облика своего бывшего питомца и настаивал на отказе в приеме [4, с. 181].

Наряду с общеобразовательными знаниями, которые в целом предоставляли учебные заведения коммуны, иногда воспитанники требовали и узкопрофессиональной подготовки для поступления в те или иные специальные учебные заведения. Случай с коммунаром П. Стреляным является самым показательным примером именно такого аспекта профориентационной работы коммуны.

Имея хорошие музыкальные способности, Стреляный в начале 1933 года под негативным влиянием воспитанника Крымского прекратил заниматься на рабфаке и заявил А. С. Макаренко о своем

намерении оставить коммуну, мотивируя, очевидно, свое решение ограниченными возможностями коммуны для получения им образования, соответствующего его увлечению. Макаренко, выступая на заседании совета командиров по этому поводу 22 февраля того же года, упрекал Стреляного за то, что тот не обратился в органы самоуправления с просьбой помочь ему «пойти по музыкальной линии». Педагог предложил даже определенную программу для своего питомца: просить капельмейстера коммуны Левшакова подготовить Стреляного по специальным предметам и освободить его от изучения некоторых дисциплин на рабфаке, которые не имеют значения при поступлении в музыкальный институт. При этом в тоне макаренковского выступления мы наблюдаем откровенную заинтересованность судьбой коммунара, горячее стремление обеспечить его профессиональное будущее. Совет поручил Макаренко организовать подготовку Стреляного в музыкальный институт [236, с. 165].

Среди факторов стабилизации профессионального выбора выпускников интернатов особое место, как известно, принадлежит психологической и материальной поддержке со стороны своего воспитательного учреждения. Идея сохранения связи с воспитанниками после их выпуска и пролонгация, таким образом, педагогического воздействия на них отстаивалась Макаренко еще в период его работы в Управлении детучреждениями Харьковского округа. Выше мы уже обращались к написанному им по этому поводу документу «О патронировании», который тогда так и не был замечен окружной властью. Вновь данный вопрос возник в дни становления организационно-педагогической структуры коммуны имени Дзержинского, которая, как мы отмечали, в соответствии со своей исходной концепцией, обязана была содержать воспитанников в собственных стенах только до 16-летнего возраста. Отсутствие в этот период развитой производственной базы и ограниченность образовательных ресурсов делали пребывание в ней юношей и

девушек сверх данного возраста нецелесообразным, а лимитованность мест – еще и физически невозможным.

Но парень или девушка, выпущенные из коммуны в 16 лет, – писал Макаренко, – нуждаются в опеке никак не меньше, чем до выпуска, а может быть, даже и больше, поскольку в данных условиях сумма вредных воздействий и материальных затруднений в их жизни еще и увеличивается. Из-за этого часто «даже незначительные результаты соцвосовского воспитания погибали в первый же год». Для сохранения влияния воспитательной среды педагог предлагал возложить функцию патронирования именно на то учреждение, из которого юноши были выпущены. Относительно же коммуны имени Дзержинского он вышел с предложением направить средства, выделяемые ОКПД на цели патроната выпускников интернатных учреждений, в распоряжение Правления коммуны, которое бы, добавив небольшую сумму, могло организовать собственное общежитие или сеть небольших квартир [236, с. 151–152]. Такой контроль над бывшими коммунарами, закрепляя профессионально-ценностные и образовательные традиции коммуны, должен был предоставить педагогическому коллективу определенные гарантии относительно процессов дальнейшей профессионализации своих питомцев. В то же время, подобная практика выполняла бы и другую важную педагогическую функцию – укрепляла у будущих выпускников уверенность в гарантированной поддержке со стороны alma mater реализации их самых смелых профессиональных планов.

В «Методике организации воспитательного процесса» Макаренко придает особое значение финансовой поддержке выпускников. Он называет три формы такой помощи: всяческое содействие накоплению у каждого потенциального выпускника сбережений; единовременное пособие из фонда самоуправления в момент выпуска; помощь бывшим выпускникам [229, с. 329].

Практика коммуны, как мы знаем, продемонстрировала непревзойденные примеры обеспечения экономического благосостояния и финансовой самостоятельности своих

воспитанников. Четверть заработной платы, откладывавшаяся для будущего выпуска [12, с. 33], делала коммунара более адаптированным к самостоятельной жизни. Подобной цели способствовала и «подъемная» сумма от совета командиров, дифференцировавшаяся в зависимости от заслуг каждого. А. С. Макаренко говорил, что размер этой суммы может колебаться в диапазоне от 100 до 300 руб., а в более «богатых» учреждениях доходить и до 500 руб. [229, с. 329]. Подтверждением такой практики является решение совета командиров коммуны имени Дзержинского за апрель–март 1935 года, когда 9 выпускников получили по 200 руб., В. Жмудский – 350 руб., С. Соколов – 500 руб., а бывшая коммунарка Н. Сторчакова – путевку на курорт [250, с. 63].

Что касается оказания помощи бывшим воспитанникам, то обязательность этого педагог объяснял необходимостью следить за их финансовым благополучием. Он предусматривал возможность такой формы поддержки как для студентов вузов и техникумов, для которых эти выплаты становились мощным стимулом в учебе, так и для тех коммунаров, которые были трудоустроены сразу после выпуска, в случае действительной необходимости, болезни, безработицы, большой семьи и т. д. [229, с. 329]. Начисление подобных стипендий со временем стало типичным вопросом повестки дня заседаний совета командиров [250, с. 59].

Формы и объемы материальной помощи выпускникам с годами изменялись, отражая основные этапы экономического и педагогического развития коммуны. В начале 1930 года, например, по постановлению совета командиров коммунарам, вступившим в школы ФЗУ, кроме обычной одежды аыдавался парадный костюм, две смены белья, 25 руб. на приобретение постельных принадлежностей и 20 руб. на первичные потребности [248, с. 187]. Аналогичные подъемные суммы получали выпускники и в других случаях, но их размер рос в соответствии с промышленными успехами коммуны. Коммунар Токаренко, например, зимой 1932 года смог уже рассчитывать на сторублевую помощь [248, с. 299]. Иногда

применялась и разовая помощь в тех или иных бытовых вопросах. Именно таким образом в 1930 году бывший коммунар Менде, например, получил ботинки [248, с. 214]. Надо отметить, что выпускники довольно активно пользовались данной практикой коммуны, часто обращаясь к ней с соответствующими заявлениями [248, с. 214].

Актуальность педагогических вопросов, связанных с выпуском, поставила со временем на повестку дня необходимость определенного нормативного обеспечения. Упорядочить все детали было призвано специальное «Положение о выпускниках-коммунарах детской трудовой коммуны НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского», составленное, по-видимому, самим Макаренко в апреле 1933 года. Анализ документа показывает, что коммуна, не жалея средств для поддержки профессионального самоопределения своих выпускников, при этом достаточно тщательно отстаивала свои педагогические приоритеты.

В документе прежде всего четко оговаривался официальный статус выпускника – это тот, кто оставляет общежитие коммуны, имея соответствующее разрешение как совета командиров, так и педагогического совета. Положение, таким образом, подчеркивало: все права и льготы, которые предоставляла коммуна своим бывшим воспитанникам, не распространялись на тех, кто самовольно покидал ее стены. Но этим требования не ограничивались – непременным условием выдвигались окончание школы-семилетки и общая удовлетворительная оценка педагогического совета по качественным показателям жизни и работы выпускника в коммуне.

Далее Макаренко считает необходимым ввести определенную дифференциацию всех выпускников по двум категориям: 1) те, которые за время своего пребывания в учреждении показали ударную работу на производстве, хорошую академическую успеваемость и отличное поведение в быту; 2) все остальные. Все виды материальной поддержки, тщательно описанные и просчитанные в следующих пунктах Положения, обусловливались как категориальной

принадлежностью коммунара, так и его учебными успехами в выбранном вузе.

Так, единовременное пособие вещами и предметами первой необходимости, перечень которых определялся учебно-педагогической частью по договоренности с самим коммунаром, для выпускников первой категории теперь достигало 600 рублей, для второй – лишь 300. При удовлетворительной успеваемости на протяжении всего срока обучения студенты 1-х – 2-х курсов специальных школ и техникумов получали ежемесячную стипендию 25 руб., студенты 3-х – 4-х курсов – 50 руб. Те же из коммунаров, кто вступил в вузы, имели соответственно 50 и 75 рублей. Хорошие успехи в учебе поощрялись руководством коммуны 25-процентной надбавкой к стипендии. Кроме этого, по окончании учебного заведения выпускники институтов получали премию 1000 руб., выпускники техникумов – 500 руб. Коммуна брала на себя и финансирование всех поездок коммунаров на вступительные испытания в другие города, не забывая, однако, при этом также указать на необходимость соответствующей санкции руководства относительно подобных путешествий [229, с. 193–194].

Неожиданное улучшение «стипендиальное» дело получило в 1936 году, когда творческие коллективы коммуны оказались непревзойденными на Олимпиаде художественной самодеятельности трудовых колоний и коммун НКВД Украины. Приказом по итогам олимпиады наркома В. Балицкого от 10 мая 1936 г. поощрялись стипендией в 150 рублей в месяц и командировками в соответствующие художественные профессиональные учебные заведения лучшие исполнители: П. Клеточкина (пение) – в музыкальный техникум, Д. Терентюк (участие в пьесе «Тартюф») – в студию Харьковского государственного театра русской драмы, И. Волченко (дирижер оркестра) – в консерваторию и т. д. Коммунарка Семенова этим же приказом награждалась за «танцы и организацию балетной группы в коммуне» стипендией в 100 рублей в месяц до окончания балетной студии Харьковского государственного

театра оперы и балета [4, с. 92–94, 96–97; 67, с. 297–298]. Однако, как свидетельствовала К. Борискина, которая среди прочих была премирована за художественное чтение, после ареста В. Балицкого в 1937 году все награжденные лишились стипендий и Макаренко вынужден был финансировать обучение своих питомцев из собственных средств [4, с. 97].

Профориентационная работа, предусматривающая подготовку воспитанников к выбору будущей профессии и поддержку их профессионального самоопределения, должна рассматриваться как стратегическое направление деятельности детского интернатного учреждения, поскольку успешное профессиональное развитие выпускников в будущем выступает одним из главных факторов их социальной адаптации. Поэтому документально зафиксированные результаты предварительного профессионального выбора юношей и девушек, имеющие тесную связь с практикой данного направления деятельности учреждения, с исследовательской точки зрения могут содержать важный материал для анализа характера формирования их базовых профессиогенетических ценностных ориентаций.

В макаренковском фонде Российского государственного архива литературы и искусства хранятся результаты анкетирования студентов техникума коммуны имени Дзержинского, проведенного, очевидно, его преподавателями в ноябре 1934 года с профориентационной целью [508, л. 1–131]. Данные документы являются ценным источником для изучения характера профессиональной и образовательной направленности коммунаров, уровня личностных и профессиональных притязаний, степени сформированности образа профессионального будущего. В процессе анализа материалов мы поставили перед собой задачу выделить обобщающие показатели специфики и эффективности профориентационной работы педагогического коллектива коммуны. Кроме того, сравнение данных анкетирования с реальными биографиями бывших воспитанников позволило оценить степень эффективности их профессионального прогноза, поскольку

продемонстрировало уровень ответственности и устойчивости профессионального выбора, несмотря на трансформацию профессиональных намерений под влиянием социально-исторических и личностных факторов.

Данная анкета предлагалась в период с 19 по 21 ноября 1934 года студентам 1–3 курсов техникума. Можно предположить, что одной из целей опроса было определение не только представлений коммунаров о будущем образовании и профессии, но и желание администрации оценить степень целесообразности существования в коммуне только что открытого техникума как довольно специфического для интернатных учреждений учебного заведения. По содержанию ответов можно восстановить в общих чертах содержание вопроса анкеты: коммунарам было предложено указать желаемый путь их дальнейшего образования – обучение в техникуме или получение среднего образования путем окончания школы-десятилетки. О подобном характере вопросов говорит то, что респонденты воспринимают предлагаемые возможности как альтернативу. Однако можно заметить, что студентам 3-го, выпускного курса такой выбор уже не предлагался, зато к их услугам были организованы специальные курсы по подготовке в вузы – поэтому многие из них просят в анкетах зачислить себя в соответствующую группу (А. Брегель, Р. Бройтман, М. Литвинова и др.).

Поскольку большая часть анкет респондентами датирована, можно установить, что хотя опрос и проводился по отдельным группам в разное время, но все анкетирование заняло достаточно ограниченный срок. Все это свидетельствует о спланированности данной акции, ее срочности и важности результатов для руководства педагогической части коммуны. В некоторых анкетах респонденты напрямую обращаются к лицу, проводившему опрос, апеллируя к его опыту, прося совета и подразумевая определенные изменения в организации образования коммунаров. Однако точно установить имя данного лица невозможно – это мог быть один из самых опытных

преподавателей коммуны, например, Е. С. Магура или Т. Д. Татаринов.

Описание своего профессионального будущего респонденты подавали в нескольких формах: как получение образования в определенном типе профессионального учебного заведения, определенную область профессиональной деятельности, конкретную профессию или род занятий.

Для классификации избранных коммунарами направлений профессионального образования мы выделили восемь базовых профилей: 1) технический (авиация, автомобильный транспорт, водный транспорт, электромеханика, электротехника, железнодорожный транспорт, инструментальное дело, машиностроение, оптика) 2) физико-математический (астрономия, математика, физика); 3) естественно-географический (биология, география, геологоразведочное дело, полярные исследования, химия) 4) медицинский; 5) педагогический (педагогическое дело, физическая культура); 6) военный (военно-морское дело) 7) общественно-гуманитарный (иностранные языки, история, комсомольская работа, политэкономия, советское строительство и право, философия) 8) литературно-художественный (литературное творчество, художественное творчество, музыка, театральное искусство). Содержание профессионального выбора, распределение респондентов по уровням и профилям профессионального образования показаны в табл. 3.11.

В представленных данных обращает на себя внимание высокий уровень сформированности профессиональных интересов коммунаров – 47,33 % из них не только выбрали отрасль будущей профессиональной деятельности, но и называли конкретные высшие и средние учебные заведения, в которые хотели бы вступить. Также анкеты красноречиво подтверждают существование в коммуне имени Дзержинского своеобразного культа высшего образования. В пользу этого говорит тот факт, что ограничили свои стремления уровнем среднего специального образования лишь менее четверти

респондентов, только двое из которых указали, что хотят работать на производстве (Таран и Коваленко), и один – что стремится иметь «краткую техническую подготовку инструментального дела» (Коваленко).

Кроме того, анкетирование показало, что стремление коммунаров получить ту или иную специальность сочетается с их общей осведомленностью в сети соответсвующих учебных заведений, однако при этом в анкетах чаще фигурируют неофициальные или неполные названия многих из них. Вполне понятно, что подавляющее большинство коммунаров указывают именно харьковские институты и техникумы, такие как: государственный университет (А. Беляков, Куперман, В. Магура и др.), электротехнический институт (В. Богатов), институт инженеров железнодорожного транспорта (Векслер), институт советского строительства и права (А. Алексеев, И. Ветров, А. Сопин), электромеханический институт (П. Геншафт), государственный художественный институт (Г. Гонтарь), авиационный институт (З. Клямер, Кривенко), механико-машиностроительный институт (Лаптенко, И. Харченко). Также имели, очевидно, в виду именно харьковские учебные заведения З. Колясникова («педагогический институт»), К. Дроздовский («музыкально-театральный техникум»), М. Литвинова («институт физической культуры»), Лыкова («медицинский институт»), И. Кровопущенков, Ф. Куслий («театральная студия») и др.

Наряду с региональной системой профессионального образования коммунары, как оказалось, довольно уверенно ориентировались и в разнообразии учебных заведений всей страны – в их анкетах встречаются институты различных городов СССР, в том числе Москвы и Ленинграда. Так, П. Джуринская и Л. Крендясова указывают «институт иностранных языков московский», имея, очевидно, в виду открытый в 1930 году Московский институт новых языков, позже переименованный в Московский государственный педагогический институт иностранных языков [276]. А. Оноприенко решил специализироваться по социально-экономическим наукам в

Московском или Харьковском университетах. Коммунар Кетов характеризует как «решение самое серьезное» свое стремление получить военно-морское образование и называет два возможных варианта для этого: Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе и Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского. Н. Марусиченко, С. Мизяк и З. Носик решили совершенствовать полученную в коммуне специальность оптика в Ленинградском оптико-механическом институте, коммунар же А. Завьялов заявил в анкете о своем желании получить образование летчика, но при этом отметил как запасной вариант высшие планерные курсы. В 1931 г. в Крыму возле города Коктебель действительно стартовала организованная С. В. Ильюшиным и другими известными авиаторами Высшая летно-планерная школа, главной задачей которой была подготовка инструкторов-планеристов [188].

Таблица 3.11

Статистический анализ материалов профориентационного анкетирования студентов техникума коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (19–21 ноября 1934 г.)

№ п/п	Параметры	Кол-во респон-дентов	Доля от общего числа респон-дентов (%)	Доля от числа респондентов данной категории (%)
1	2	3	4	5
1.	Общее количество респондентов	131	100	100
2.	Уровень желаемого образования:			
	2.1. Общее среднее	3	2,29	2,29
	2.2. Среднее специальное	30	22,9	22,9
	2.3. Высшее	95	72,52	72,52
	2.4. Высшее или среднее специальное	1	0,76	0,76
	2.5. Не указали	2	1,53	1,53

Продолженне табл. 3.11

1	2	3	4	5
3.	Характер определения будущей профессии, специализации или рода занятий:			
	3.1. Однозначный выбор	87	66,41	66,41
	3.2. Многозначный монопрофильный выбор	6	4,58	4,58
	3.3. Многозначный полипрофильный выбор	5	3,82	3,82
	3.4. Указали только профиль будущей специальности	3	2,29	2,29
	3.5. Дали неоднозначный ответ	16	12,21	12,21
	3.6. Не указали (или не определились)	15	11,45	11,45
4.	Профиль будущей профессии или образования.			
	4.1. Общее количество респондентов, определившихся с профилем будущего образования (сумма категорий 3.1, 3.2, 3.3, 3.4)	101	77,1	100
	Из них выбрали профиль:			
	4.1.1. Технический	40	30,53	39,6
	4.1.2. Общественно-гуманитарный	20	15,27	19,8
	4.1.3. Естественно-географический	12	9,16	11,88

Окончание табл. 3.11

1	2	3	4	5
	4.1.4. Литературно-художественный	10	7,63	9,9
	4.1.5. Физико-математический	4	3,05	3,96
	4.1.6. Педагогический	4	3,05	3,96
	4.1.7. Военный	4	3,05	3,96
	4.1.8. Медицинский	2	1,53	1,98
	4.1.9. Технический или физико-математический	1	0,76	0,99
	4.1.10. Технический или общественно-гуманитарный	1	0,76	0,99
	4.1.11. Физико-математический или естественно-географический	1	0,76	0,99
	4.1.12. Физико-математический или общественно-гуманитарный	1	0,76	0,99
	4.1.13. Медицинский или литературно-художественный	1	0,76	0,99

Однако многие респонденты отметили лишь типичные названия образовательных учреждений без точного указания на место их расположения: авиашкола и авиатехническая школа (Бирюков, Ф. Новак), авиатехникум (А. Чевелий), институт инженеров водного транспорта (Ф. Бакурин, Г. Герцкович и др.), институт иностранных языков (К. Борискина), медицинский техникум (Вехова), геологоразведочный институт (Г. Демянко, Д. Никитин), консерватория (П. Стреляный).

Иногда коммунары, не зная официальных наименований образовательных учреждений, давали их приблизительные названия.

Так, в анкете Матренина фигурирует «гражданская морская школа», И. Ветров и А. Сопин собирались вступать в «Историко-философский университет научных работников», говоря, вероятно, о Московском историко-философском институте. Можно предположить, что об этом же заведении идет речь и в анкетах М. Дитюченко, которая называет его историческим институтом, и В. Зайцева, который говорит об институте «философском научных работников». Ф. Заика вместо официального названия заведения – Государственный центральный институт физической культуры – приводит название, которое этот вуз носил еще до 1920 года – Московский институт физической культуры [369]. А. Локтюхов путает автодорожный и автотранспортный институты.

В отдельных случаях респонденты путали учебные и научно-исследовательские учреждения: коммунары В. Богатов и Кузин, не зная, очевидно, о сугубо исследовательском статусе Физико-математического института имени В. А. Стеклова Академии наук СССР, существовавшего в Москве с 1921 по апрель 1934 года [455], назвали именно его в своих анкетах. Аналогичную неосведомленность обнаружили также Н. Карабина относительно Государственного астрономического института имени П. К. Штернберга [396], Лихачев («полярный исследовательский институт») и Л. Тулецкая («институт по изучению Севера») относительно Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии [353] и П. Прудкий относительно Института географии АН СССР.

Иногда вместо названия вузов используются их обобщающие характеристики – физико-математические вузы (В. Богатов), «высшее образование по индустриальному уклону» (П. Брацыхин), «индустриальные вузы» (Н. Пенкин), вуз языкознания (В. Зозуля), математический факультет (Кирюхин, Ф. Октябрьский), химический институт (В. Садовничая). Кроме реально существующих учебных заведений встречаются названия вымышленные: институт сильных

токов (В. Андрющенко), биологический институт (П. Плачковский, А. Теслин, В. Тетерядченко).

К сожалению, неточность формулировок и названий в анкетах, причиной которой является, прежде всего, низкий уровень осознания собственной профессиональной перспективы некоторых коммунаров, не позволяет составить рейтинг образовательных учреждений, который охватывал бы данные по всем респондентам.

Отдельный интерес представляет степень популярности среди коммунаров отдельных высших и средних учебных заведений и их удельный вес в общей массе. Поскольку осведомленность относительно точного названия избранного заведения выступает, по нашему мнению, одним из показателей сформированности образа будущего профессионального образования, определение рейтинга институтов и техникумов мы сделали на основе перечня только четко определенных респондентами названий (см. табл. 3.12).

Как видим, среди учебных заведений, избранных коммунарами для получения профессионального образования, бесспорно, лидирует институт иностранных языков. Также высокой популярностью пользовались университет, театральная студия и историко-философский институт. Достаточно неожиданным оказалось то, что чисто технические учебные заведения, ориентацию на которые якобы гарантировали промышленная специфика коммуны, производственное обучение коммунаров и наличие техникума, получили лишь третье рейтинговое место.

В некоторых случаях анкеты содержат отображение сложных процессов профессионального самоопределения и раскрывают его мотивы. К. Семенов, например, говорит, что вопрос о собственном будущем «очень тяжелый» и на него он может дать ответ «лишь приблизительный». Сначала юноша мечтал стать радистом, но в последнее время больше склоняется к иностранным языкам, потому что «нравится работать в посольстве, консульстве и т. д.».

Таблица 3.12

Рейтинг популярности среди респондентов высших и средних учебных заведений

Рейтинговое место	Тип учебного заведения	Количество выборов	Доля от общего количества указанных учебных заведений (%)
1	Институт иностранных языков	13	19,7
2	Театральная студия; университет	5	7,57
3	Историко-философский институт	4	6,06
4	Авиационный институт; институт инженеров водного транспорта; институт советского строительства и права; кораблестроительный институт; оптико-механический институт	3	4,54
5	Авиашкола; геологоразведочный институт; институт физической культуры; консерватория; медицинский институт; механико-машиностроительный институт	2	3,03
6	Авиатехникум; автодорожный институт; высшее военно-морское училище; высшее военно-морское инженерное училище; высшие планерные курсы; электромеханический институт; электротехнический институт; институт инженеров железнодорожного транспор-та; медицинский техникум; музыкально-театральный техникум; педагогический институт; художественный институт	1	1,51

Развернуто же представлены мотивы профессионального выбора только в анкете М. Трифонова. Он так объясняет свое желание поступить в институт иностранных языков: «Только 1/6 часть земного шара, где власть принадлежит трудящимся.

Мы окружены капитализмом.

Еще сотни и тысячи борцов страны Советов пойдут на помощь угнетенным капиталистических стран за завершение Мировой пролетарской революции и построение бесклассового социалистического общества во всем мире.

Свою жизнь как комсомолец и будущий партиец хочу посвятить этой борьбе». Некоторыми коммунарами использовались обобщающие фразы для определения будущих профессий: желание стать писателем формулировалось, например, как «идти учиться на литературный фронт» (А. Брицкий). Достаточно специфический ответ на вопросы анкеты дал коммунар О. Чаплыгин: «хочу ехать на Север работать по комсомольской линии».

Следует признать, что некоторые из коммунаров продемонстрировали неготовность к профессиональному самоопределению или недостаточную уверенность в собственном выборе. В анкетах они или вообще не могут указать ни одного учебного заведения (М. Хохликова), или называют несколько альтернативных вариантов своего дальнейшего образования, иногда даже весьма разнородной профессиональной направленности: медицинский институт и консерватория (П. Клеточкина), математический факультет и институт иностранных языков (К. Наливайко). Трудности, подобные тем, что возникали с выбором учебных заведений, вызвала у некоторых студентов и необходимость определения желаемой специальности – стать в будущем инженером оптического дела или летчиком, отнюдь не заботясь непохожестью этих профессий, мечтал, например, коммунар В. Савченко. В отдельных случаях такие студенты прямо обращаются за советом к лицу, проводившему анкетирование (В. Богатов), или просят его диагностировать их профессиональные наклонности (Ф. Стирис).

Можно предположить, что высокая популярность некоторых профессий среди коммунаров стала следствием активного влияния и положительного примера педагогов техникума. Высокий профессионализм и преданность своему делу таких преподавателей, как Е. С. Магура и С. П. Пушников, очевидно, и вызвали желание коммунаров А. Брицкого и А. Сватко выбрать будущей профессией литературное творчество. Аналогичная ситуация, вероятно, касается также увлечения коммунаров иностранным языком.

Шефство над коммуной Харьковского театра русской драмы, тесные дружеские контакты между актерами и воспитанниками вдохновили многих из респондентов назвать местом получения будущего образования студию, существовавшую в те годы при театре. Кроме театрального дела, достаточно большая доля среди указанных коммунарами путей профессионального самоопределения принадлежит другим «романтическим» профессиям – исследованию Севера, авиации, военно-морскому делу, геологии, географическим исследованиям и т п.

Самостоятельность не только в выборе будущей профессии, но и в реализации своих стремлений продемонстрировали почти все коммунары – обращается в Правление коммуны с просьбой поддержки при поступлении в учебное заведение (музыкально-театральный техникум) только коммунар К. Дроздовский.

Для диагностики уровня сформированности таких важных показателей профессионального самоопределения коммунаров, как прагматизм и стабильность, мы сделали попытку сравнить данные анкет с последующими биографиями респондентов. Главным материалом для исследования послужили книги П. Г. Лысенко, являющиеся наиболее полным на сегодняшний день источником данных о жизненных дорогах воспитанников Макаренко [196; 201]. Из 131 коммунара, принимавшего участие в анкетировании, мы имеем достаточно полные, объективные и полноценные для анализа жизнеописания только 45 человек. Такой низкий процент объясняется

не только недостатком информации, но и большими потерями в рядах бывших воспитанников коммуны в годы войны (см. табл. 3.13).

Таблица 3.13

Статистический анализ имеющихся биографий респондентов

	Параметры	**Количество биографий респондентов**	**Доля от общего числа биографий респондентов (%)**	**Доля от общего числа биографий респондентов данной категории (%)**
1	2	3	4	5
1.	Количество найденных биографий респондентов	45	100	100
2.	Биографий респондентов, определивших уровень желаемого образования (катюгория 1)	45	100	100
	2.1. Из них выбрали как желаемое:			
	2.1.1. Среднее образование	4	8,89	8,89
	2.1.2. Высшее образование	41	91,11	91,11
	2.2. Из них реализовали:			
	2.2.1. Выбранный уровень образования	30	66,67	66,67
	2.2.2. Более высокий уровень образования	2	4,44	4,44
	2.2.3. Более низкий уровень образования	13	28,89	28,89
3.	Биографий респондентов, определивших профиль будущего образования и тип профессии (категория 2)	40	88,89	100
	3.1. Из них выбрали профиль:			
	3.1.1. Технический	14	31,11	35

Окончание табл. 3.13

1	2	3	4	5
	3.1.2. Общественно-гуманитарный	11	24,44	27,5
	3.1.3. Литературно-художественный	5	11,11	12,5
	3.1.4. Естественно-географический	4	8,89	10
	3.1.5. Военный	3	6,67	7,5
	3.1.6. Педагогический	1	2,22	2,5
	3.1.7. Медицинский	1	2,22	2,5
	3.1.8. Физико-математический или естественно-географический	1	2,22	2,5
	3.2. Из них реализовали:			
	3.2.1. Выбранный профиль образования	23	51,11	57,5
	3.2.2. Родственный с выбранным профиль образования	6	13,33	15
	3.2.3. Другой профиль образования	11	24,44	27,5
	3.3. Из них реализовали тип будущей профессии:	14	31.11	35

Как видим, большинство коммунаров (66,67 %) сумели получить тот уровень образования, на который рассчитывали в юности, что одновременно свидетельствует как о серьезности в постановке жизненных целей, так и последовательности в их достижении. Некоторые из них (4,44 %) достигли даже высшего образовательного уровня, чем прогнозировали. При этом обязательно стоит отметить две объективные причины, негативно повлиявшие на образовательные планы респондентов. Главным политическим обстоятельством, которое всего лишь через шесть с половиной лет внесло кардинальные коррективы в жизненные и профессиональные планы воспитанников коммуны, оказалась Великая Отечественная

война. Кроме того, некоторых коммунарок вскоре ожидали чрезвычайно важные изменения в личной жизни – раннее замужество и рождение детей лишило их возможности продолжать образование и овладевать выбранной в юности профессией.

Особый интерес представляет другой важный показатель: 72,5 % респондентов второй категории, то есть указавших профиль будущего образования и тип профессии, несмотря на политические, экономические и социальные катаклизмы последующих лет смогли реализовать избранный или родственный с избранным профиль образования. При этом 35 % респондентов даже реализовали тип будущей профессии.

Представленный материал дает основания для некоторых обобщений.

Во-первых, сам факт проведения подобного анкетирования в коммуне имени Дзержинского указывает на то важное место, которое отводилось ее педагогическим коллективом организации профессиональной перспективы воспитанников. В этом акте обращает на себя внимание несколько моментов: скрупулезный учет и уважение педагогов к профессиональным предпочтениям коммунаров; их стремление максимально приспособить учебную систему коммуны для удовлетворения образовательных и профессиональных устремлений воспитанников; доверие и полная открытость воспитанников перед педагогами в отношении собственных жизненных планов, готовность обратиться за советом и воспринять его как руководство к действию.

Во-вторых, почти все коммунары считают обязательным для себя продолжение образования. Особенно примечательным обстоятельством является то, что большинство из них (72,52 %) ориентированы на образование высшее, причем профиль этого образования только в 30,53 % случаев соответствует профилю полученной в коммуне технической квалификации. Как показывает содержание анкет, ведущими факторами профессионального выбора являются: интерес, стремление быть максимально общественно

полезным, престиж профессии, влияние взрослого окружения, несколько завышенное мнение о собственных способностях, романтический ореол вокруг некоторых видов труда и т. п.

Кроме того, анкеты свидетельствуют, что большинство коммунаров, несмотря на юный возраст, демонстрируют твердую ориентацию на конкретные профессии, уровень образования и учебные заведения. Многие из них уже достаточно полно осведомлены о профессионально-образовательной специфике средних специальных и высших учебных заведений СССР, их факультетах и специальностях. Биографический же анализ показал высокий уровень ответственности и реалистичности образовательных и профессиональных планов коммунаров, что, по нашему мнению, является отражением общей тенденции в постановке профессионального воспитания коммуны имени Дзержинского – ориентирования молодежи на базовые профессиогенетические ценности.

Ко всему сказанному следует добавить, что яркие успехи коммуны имени Дзержинского в создании психологических, академических и практических оснований профессионального развития юношей и девушек уже с началом 1930-х годов становятся объектом придирчивого внимания различных кругов. Своеобразным внешним показателем эффективности ее педагогической системы выступает чрезвычайно высокий авторитет, полученный как в глазах общественности, так и, особенно, среди представителей сети интернатных детских учреждений страны. Приведем один характерный эпизод. 15 февраля 1934 г. в коммуну поступило письмо от руководства «трудкоммуны малолетних ОГПУ» из города Томска – только недавно созданного учреждения, рассчитанного на 10 000 мест. Данная коммуна имела на тот момент уже 800 воспитанников, но в вопросах налаживания быта, учебы и работы подростков испытывала большие трудности «в следствие отсутствия достаточных материалов об опыте других родственных организаций». Томичи просили поделиться «опытом в области организационного, бытового и

учебно-производственного строительства Вашей коммуны и прислать нам все, имеющиеся у вас и характеризующие это строительство материалы». Просьба распространялась на различные, даже самые мелкие аспекты работы коммуны, которые авторы письма разбили на несколько категорий: «1. Положение о Трудкоммуне, структура и штаты Управления Коммуны.

2. Конкретная история и этапы строительства и развития Коммуны.

3. Виды производств, занятость в них воспитанников и их возрастной состав, организация учебно-производственной работы, формы оплаты воспитанников, производственные штаты, в частности, количество инструкторов, нормы выработки воспитанников.

4. Положение о воспитсоставе, формы работы интерната коллектива воспитанников при УПЧ, положение детского самоуправления, положение о работе производств. комиссий, 1–2 протокола комиссий самоуправления, схема учебно-воспитательной работы, работа клуба и его совета, кружков, физкультсектора, школьная работа и вопросы профтехобразования, виды и организация детских развлечений» и др. [579, л. 7–7 об.].

Как видим, прагматично настроенные коллеги А. С. Макаренко первыми смогли оценить опыт харьковской коммуны именно как системное педагогическое явление, представленное во всей его динамике, целостности внутренней логики и многообразии практических форм.

* * *

В строгом смысле, весь период педагогической деятельности А. С. Макаренко до начала 30-х годов почти не выходил за рамки задач так называемой допрофессиональной подготовки подростков. Все, что осуществлял педагог в колонии имени Горького, а также в первые годы существования коммуны имени Дзержинского, скорее создавало соответствующую мотивационную и операциональную базу для дальнейшего профессионального развития воспитанников, чем

придавало ему завершенные формы. Только в практике коммуны комплексы профессиогенетических ценностей и представлений Макаренко нашли максимально целостное воплощение. При этом обязательная производственная квалификация коммунаров выступала не ограничивающим моментом их развития, а скорее стартовой возможностью для продолжения профессионального образования и фактором, оптимизировавшим их профессиональную адаптацию в будущем.

Напряженное и продолжительное созидание промышленного и хозяйственного потенциала коммуны выступало как самостоятельная профессионально-образовательная функция, поскольку в процессе его воспитанники включались в сложную систему производственных, экономических и организационных связей, а главное – они реализовались как субъекты реальной профессиональной деятельности. Овладение рядом различных по характеру профессиональных ролей, адаптация к ним, осознание важности и необходимости профессионального контекста собственного существования, формирование новой системы ценностей выступали теми профессиогенетическими продуктами, наличие и весомость которых ставит созданную Макаренко коммуну имени Дзержинского в ряд уникальных учреждений раннего профессионального развития. Протест педагога против превращения коммуны в обычное промышленное предприятие объясняется прежде всего его расхождением с руководством относительно понимания главных педагогических преимуществ уникального образовательного учреждения. Он, в отличие от меркантильно настроенных сотрудников НКВД, понимал, что в случае превалирования промышленных задач хорошо организованный профессиональный рост коммунаров теряет свою педагогическую функцию, оставаясь сугубо квалификационной категорией.

В процессе реализации поставленной цели – «воспитания культурного советского рабочего» – педагог, понимая большую педагогическую роль профессиональной среды, проводил

целенаправленную и последовательную кадровую работу, идя даже иногда в данных вопросах на некоторую конфронтацию с руководством НКВД. Благодаря его усилиям постепенно коммуна смогла укомплектовать свою педагогическую часть высокообразованными, творческими, преданными, способными эффективно действовать в сложных условиях интернатного воспитательного учреждения специалистами, образовательный уровень которых превышал аналогичные показатели харьковских школ. Известно, что поддерживать уровень своей квалификации многие из преподавателей рабфака могли благодаря сотрудничеству с харьковскими вузами. Красноречивым свидетельством профессионального мастерства преподавателей коммуны является то, что более 72 % их учеников стремились получить в будущем именно высшее образование. Факты беспрекословно подтверждают успешную реализацию своей юношеской мечты большинством из них. Кроме педагогического, Макаренко умело использовал в воспитательных целях и высокообразованное профессиональное инженерно-техническое окружение коммунаров.

Одна из особенностей воспитательной системы коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, определявшей ее кардинальное отличие от других интернатных учреждений того времени, была связана с хорошо организованной и квалифицированной общеобразовательной работой. Пройдя длительный экспериментальный путь, учебная часть коммуны трансформировалась в полифункциональный школьный комбинат, способный качественно удовлетворять самые широкие образовательные потребности коммунаров.

До последего времени оставалось почти не раскрытым место в профессионализации воспитанников коммуны такого важного фактора, как обучение на рабочем факультете. Будучи преемником неполной средней школы, рабфак Харьковского механико-машиностроительного института продолжал выполнять сложнейшую и ответственную образовательную функцию в процессе профессионального развития коммунаров. Однако последствия

реорганизации учебной системы инновационного учреждения, связанные с открытием рабфака, были несравненно более значимыми с точки зрения приобретения воспитанниками многих ценностных, академических и практических ориентиров для дальнейшего существования в мире профессий.

В отличие от неудачной попытки сближения обучения и производства, связанной с организацией при коммуне в 1929 году кустарно-промышленной школы, рабфак, кроме того, что кардинально решал указанную проблему, обеспечивал образовательную базу для значительно более высокого уровня профессионального образования коммунаров. Его появление не только превращало коммуну в серьезный политехнический учебно-производственный комбинат, но и создавало возможности для поисков более масштабных и технологически сложных форм современного производства. Кроме того, рабфак значительно расширял возможности коммунаров в области совершенствования теоретической составляющей их перспективного профессионального развития.

А. С. Макаренко, получив невиданные для Горьковской колонии материальные и человеческие ресурсы, нашел способ оптимального сочетания общего образования и профессиональной подготовки коммунаров, а благодаря индивидуализации путей обучения он еще и создал им возможности для свободного профессионального самоопределения. Реальная ответственность за процесс высокотехнологического производства диктовала коммунарам характер, темпы и содержание их профессионального становления, а интенсивность, сложность и универсальность формирования ценных с профессиональной точки зрения структур личности выступали, таким образом, главным педагогическим преимуществом руководимого Макаренко учреждения.

Профессиональная ориентация рассматривалась Антоном Семеновичем не как отдельное направление работы коммуны, а скорее как педагогический принцип ее деятельности, поскольку она обеспечивала определенный контроль результатов воспитания.

Значительно развив накопленный в колонии имени Горького опыт поддержки бывших воспитанников, основанный на принципе непрерывности педагогического контекста их жизнедеятельности, коммуна создала мощную систему опеки, интегрировавшей все формы морально-психологического и материального сопровождения коммунаров в первые годы после выпуска.

История коммуны имени Дзержинского убедительно доказала, что приобретение комплекса профессиональных качеств, являясь необходимым условием полноценного участия воспитанника в производстве, выступает решающим фактором его социализации, поскольку именно через решение производственных задач, на чем постоянно настаивал Макаренко, пролегает один из самых эффективных путей к самоотождествлению личности с целями и ценностями всего общества.

Можно с уверенностью утверждать, что, полноценно реализуя профориентационную функцию, обеспечивая свободный профессиональный выбор и предоставляя воспитанникам начальное профессиональное и полноценное среднее образование, коммуна имени Дзержинского создавала максимально благоприятные стартовые возможности для непрерывного профессионального развития своих выпускников на протяжении жизни. В то же время, ее опыт можно рассматривать как чрезвычайно ценный вклад в мировую практику педагогического управления сложными процессами оптимизации профессионального самоопределения личности.

Благодаря инновационного системе сочетания обучения с производительным трудом, разнообразию и постоянному развитию методов допрофессиональной и профессиональной подготовки, наличию комплексного производственного обучения, а главное – своей общей профессиональной направленности, коммуна имени Ф. Э. Дзержинского может считаться уникальным профессионально-воспитательным учреждением, не имеющим себе аналогов ни в исторических, ни в нынешних образовательных системах.

ВЫВОДЫ

Теоретический анализ широкого круга историко-педагогической и мемуарной литературы, архивных источников, материалов периодики, освещающих различные аспекты становления уникальной воспитательной системы А. С. Макаренко, позволил выявить закономерности, основные тенденции и существенные особенности практической реализации взглядов выдающегося отечественного педагога-реформатора по проблеме профессионального развития личности.

Можно с уверенностью сказать, что вся история макаренковских интернатных воспитательных учреждений – это уникальный опыт целенаправленной, детерминированной социально-педагогическими целями профессионализации молодежи. Развитие личности будущего профессионального деятеля А. С. Макаренко рассматривал не изолированно от главных воспитательных целей созданной им педагогической системы, а в контексте этих целей, как важный и необходимый способ их реализации и фактор стабилизации достигнутых результатов.

Наличие конкретной, понятной всем воспитанникам цели подготовки к полноценной профессиональной жизни, ее конкретизация в отдельных задачах, наличие различных профессиональных форм деятельности, подчиненных общей цели, взаимообусловленность этих форм, их целостность и единство, структурированность и иерархичность, относительная самостоятельность и общее управление дают основания рассматривать практику профессионального развития личности в руководимых А. С. Макаренко учреждениях как педагогическое системное явление.

Как мы видели, динамика содержания, методов и форм профессионализации личности отражает главные организационно-педагогические и экономические этапы развития макаренковских учреждений. Это сочетание экономических и педагогических задач составляет наиболее характерную особенность созданной системы и одновременно выступает ведущим фактором ее эффективности. По сути, даже сама возможность для воспитанников творить административную и материальную историю своего учреждения выполняла важную профессиогенетическую функцию.

Обеспечение результативности процесса профессионализации подростков А. С. Макаренко связывал с эффективным решением ряда тактических задач. Самая главная из этих задач, решение которой требовало значительных интеллектуальных, организационных, материальных и временных ресурсов, и которая выступала на протяжении всех лет его деятельности в интернатных учреждениях главным объектом педагогической заботы, заключается в проектировании эмоционально-ценностной, академической и операциональной подсистем профессионального развития воспитанников, а также в оптимизации взаимодействия этих подсистем в целостном педагогическом процессе. Системообразующей составляющей профессиогенеза воспитанников в колонии и коммуне выступало формирование комплекса соответствующих ценностных ориентаций – главного мотивационного фактора подготовки подростков к самостоятельному существованию в профессиональном мире. Становление надлежащей профессиональной идеологии непременно предусматривало включение воспитанника в систему таких отношений в процессе производства, обучения, общения, результатом которых становилось ценностное отношение ко всем составляющим профессиональной действительности – цели, содержанию, средствам, субъектам и т. п.

Функциональное содержание академической подсистемы заключалось в обеспечении качества и дифференциации общего и профессионального обучения, которое в процессе перманентного

развития приобрело особенно совершенные формы в коммуне имени Дзержинского в последние годы ее существования. Постепенное усложнение образовательной системы, расширение ее возрастного диапазона, постоянный поиск оптимальных методов и форм организации обучения, согласование его содержания и направленности с требованиями производства, приспособление к образовательным потребностям отдельных групп воспитанников, тщательный подбор квалифицированных учителей, культивирование престижа образования и образованности среди юношей и девушек – характерные особенности формирования академической готовности воспитанников к профессиональной самореализации.

Операциональная составляющая профессионализации колонистов и коммунаров, благодаря своему непосредственному отношению к практическому исполнению производственных функций, целиком зависела от материальной базы и промышленного развития учреждений. Мы имели возможность увидеть историю борьбы Макаренко за наращивание их индустриальных мощностей, большое его рвение и изобретательность в вопросах поиска источников финансирования. Надо подчеркнуть, что свою ключевую профессионально-воспитательную задачу выполняли как примитивные кустарные мастерские или полумеханизированные цеха, так и мощные промышленные предприятия, поскольку вовлеченность в реальное производство стимулировала развитие у воспитанников сложной системы взаимосвязей психологической и практической готовности к реализации профессиональных функций. Именно труд промышленного типа единственный вполне соответствовал педагогическим критериям Макаренко, поскольку выступал воплощением «материальной сферы» – «едва ли не самого мощного воспитательного фактора». Однако гораздо важнее, чем решение узкопроизводственных задач, фактором становления личности будущего профессионального деятеля Макаренко считал опыт административной деятельности, диапазон и самостоятельность которой принадлежат к уникальным педагогическим особенностям

возглавляемых им учреждений. Система самоуправления и реальное участие в администрировании предприятий вводила воспитанников в четкий строй современного для тех лет высокотехнологического производства, намечала контуры их будущей профессиональной перспективы, формировала мотивационную и функциональную основу для дальнейшего профессионального становления.

Важным педагогическим условием реализации всех указанных подсистем профессионального развития воспитанников выступало высокопрофессиональное окружение взрослых, которое стало возможным лишь как результат целенаправленной административной работы А. С. Макаренко, его коммуникативной и человековедческой компетентности, постоянной борьбы за отстаивание собственных принципов кадровой политики.

Следующая педагогическая задача предусматривала налаживание профориентационной работы, поддержку профессионального самоопределения воспитанников и организацию их выпуска в самостоятельную трудовую жизнь. Эта необходимая функция общей системы профессионализации коммунаров находила свое воплощение прежде всего в стимулировании у каждого из них разнообразных проявлений трудовой активности, включении в различные виды доступной профессиональной деятельности, предоставлении возможности для получения квалификации внутри учреждения, ознакомлении с многообразной профессиональной спецификой, налаживании связей с рядом учреждений и организаций, занимавшихся проблемами профессионального обучения и трудоустройства молодежи. Характерной особенностью созданных Макаренко учреждений, подчеркивающей их уникальность на фоне существовавшей государственной интернатной сети, была развитая система опеки выпускников, которая предусматривала психологические и материальные формы их поддержки. Осознание воспитанниками своей связи с бывшим учреждением выступало мощным стабилизирующим фактором их социализации, поскольку обеспечивало некоторую преемственность между воспитательными

принципами интернатного учреждения и ценностно-мотивационными основами дальнейшего профессионального образования или профессиональной адаптации.

Изучение всей профессиогенетической феноменологии колонии имени М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского дает основания для выделения базовых принципов организации профессионального развития личности в социально-педагогической практике А. С. Макаренко. Таковыми, на наш взгляд, можно считать:

а) *принцип субъектности*, ориентирующий на формирование у колонистов и коммунаров так называемой субъектной позиции как особого способа реализации ценностного отношения к процессам профессионального развития и профессиональной деятельности (В. Сластенин, И. Исаев, Е. Шиянов) и предусматривающий создание условий для сознательного, активного, целенаправленного и самостоятельного преобразования воспитанниками собственного внутреннего мира и характеристик жизнедеятельности в процессе интериоризации различных аспектов мира труда: профессиональных ролей, профессиональных ценностей, знаний и навыков;

б) *принцип подчинения индивидуальной мотивации профессионального развития системе социальных приоритетов*, использовавшийся А. С. Макаренко как мощный стимулирующий фактор, закладывал в основу всей педагогической работы воспитание гражданских качеств и пропаганду главных атрибутов чисто социалистической идеи – социального равенства и родства, направленности всего общества на положительную перспективу, необходимости бескорыстного вклада каждого члена в общее процветание и т. п.;

в) *принцип параллельности формирования комплекса базовых общепрофессиональных компетенций и приобретения узко профессиональной квалификации*. В ситуации, когда общая доля воспитанников, имеющих возможнось получить достаточное для своей профессиональной самореализации специальное образование непосредственно в макаренковских учреждениях, постоянно

возростала, но никогда не охватывала большинства контингента, были созданы достаточно эффективные педагогические условия для так называемой допрофессиональной подготовки, предусматривавшей развитие широкого круга психологических, технических, административных, коммуникативных и других общетрудовых навыков, предоставлявших выгодные преимущества горьковцам и дзержинцам в будущих профессиональных поисках;

г) *принцип актуализации внутренних и внешних возможностей учреждения для обеспечения профессиональной активности воспитанников*, реализовавшийся через организацию профессиональной макро- и микросреды, постоянное стремление руководства расширить контакты учреждения с различными профессиональными институтами, формирование представлений юношей и девушек о многообразии профессионального мира, последовательная поддержка их профессиональных устремлений и т. п.;

д) *принцип максимального охвата воспитанников разнообразными и дифференцированными формами профессионализации*, реализации которого способствовали специфическая система самоуправления, позволявшая пройти через руководящую функцию всем коммунарам, постоянно усложнявшаяся академическая структура учреждения, а также обязательный и тщательный педагогический контроль процессов профессионального самоопределения и трудоустройства выпускников.

Общая результативность созданной и апробированной А. С. Макаренко системы профессионального развития юношей и девушек находит свое подтверждение в анализе их биографических данных. Отдаленные во времени последствия воспитания лучше, чем что-либо иное иллюстрируют главные преимущества и специфику открытого метода.

Одной из наиболее ярких особенностей учреждений А. С. Макаренко было то, что его юные воспитанники получали производственную квалификацию, которая по своей сложности, уровню ответственности, теоретическому и операциональному

содержанию была адекватна более взрослому возрасту. Если в колонии имени Горького педагог лишь создавал необходимые предпосылки для дальнейшего профессионального развития своих питомцев, то в коммуне имени Дзержинского он уже успешно реализовал программу их опережающей профессионализации. Опережающее развитие, даже в узких рамках конкретной рабочей специальности, включало воспитанника в многообразную систему новых для него внешних и внутренних связей, продуктом реализации которых выступало не только раннее усвоение профессиональных навыков и знаний, но и, что особенно важно, ненормативное раннее формирование профессиональной позиции, мировоззрения, системы ценностей. Сформированные таким образом в достаточно юном возрасте, на старте профессиональной жизни соответствующие личностные новообразования детерминировали абсолютно специфические и благоприятные внутренние условия как для выбора профессии, так и для всего будущего профессионального саморазвития в целом. Сказанное дает основания квалифицировать педагогическую систему Макаренко как инновационную практику реализации пропедевтических форм профессионального развития.

Уникальность рассматриваемой профессиогенетической практики и ее отличие от традиционных методов развития человека как субъекта профессиональной деятельности заключается в апробированном многолетним опытом оптимальном способе сочетания ценностных, деятельностных, интеллектуальных факторов самореализации человека в труде. Преимущества данной системы ощутимо проявились в таких формах, как универсальность практической и психологической готовности к труду, осознанность и серьезность профессионального выбора, активность и последовательность в достижении профессиональных целей, ориентация на высшие профессиональные достижения и т. д.

Формирование подростка как субъекта нынешней и будущей профессиональной деятельности неотделимо от сформулированной А. С. Макаренко общей цели. Нельзя не увидеть

профессиогенетического содержания таких атрибутов макаренковской педагогики, как воспитание в коллективе, производительный труд, хозяйственная забота, действенное самоуправление, система перспективных путей, профессиональное мастерство воспитателя и других. В этом контексте эффективность профессионализации вполне может рассматриваться в ряду качественных критериев уникальности воспитательной теории и практики выдающегося педагога.

Для современного профессионального образования особое значение имеют методологические положения выдающегося педагога относительно проблемы профессионализации личности вообще, а также созданные и апробированные в его многолетнем опыте чрезвычайно эффективные педагогические модели раннего профессионального развития. На адаптацию в нынешних условиях реформирования отечественной системы профессиональной подготовки молодежи заслуживают также социально-ценностные и технологические аспекты мотивационной составляющей его педагогического опыта. Главная же, по нашему мнению, заслуга Антона Семеновича Макаренко перед современной образовательной практикой заключается в том, что он сумел преодолеть относительную педагогическую ограниченность процесса управления профессиональным развитием личности, раскрыв и реализовав его огромный воспитательный потенциал, превратив в ведущий фактор социализации и самореализации молодежи.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаринов А. А. – 18, 326
Абашкина Н. В. – 341
Абушек (Пащенко) Н. Ф. – 313
Авва М. Я. – 328
Аврутин Г. Н. – 246, 247, 252, 323, 336
Аврутина – 323
Адамович С. И. – 326
Адлер Г. – 318
Адылев – 378
Айвазовский И. К. – 399
Александров – 247
Алексеев А. В. – 546
Алексюк Л. – 419
Альфан Э. – 489
Андрианов В. Д. – 338
Андрющенко В. – 379, 551
Анисимов Д. Ф. – 460
Анищенко Е. – 145
Антоненко Ф. П. – 153
Арнаутов В. А. – 72
Архангельская З. П. – 103, 105, 110
Ахаян Т. К. – 11
Багмут – 320, 365, 370
Багров – 467
Базилевич – 329, 499
Базилевский – 85
Байков А. И. – 328
Бакурин Ф. – 549
Балабанович Е. З. – 144, 162
Балицкая Н. А. – 230
Балицкий В. А. – 224, 225, 230, 236, 247, 326, 334, 385, 435, 442, 517, 542, 543
Барбаров П. И. – 309
Барбюс А. – 36
Бачинский Н. С. – 230
Безсалова П. Г. – 269, 306
Белецкая Н. Ю. – 269, 270, 272, 274, 302, 303, 365, 370
Белоус А. Г. – 270–272, 285, 300, 301, 310, 364, 365, 370, 382, 387
Белый – 378
Бельский П. Г. – 63
Беляк О. – 10
Беляков А. А. – 546
Бепенсон – 249
Берджиевский Г. В. – 446
Бердикова – 379
Бердичевский – 247
Березняк Г. Е. – 269, 271, 274, 296, 297, 365, 370, 387
Берман В. С. – 326, 537
Бершетин Е. В. – 295

Беседин – 400
Бескина Р. М. – 11
Бессонова Л. М. – 323
Бирюков – 549
Блат И. М. – 230, 238, 342
Блох (Орлова) С. Я. – 303
Бобина М. К. – 384
Бобрик Л. Л. – 328
Богатов В. – 546, 550, 553
Богдан – 329
Богданович В. С. – 373, 384
Богопольский – 59
Богуславский К. Е. – 403
Болотин И. М. – 336
Борискина К. Т. – 402, 543, 549
Боровок – 378
Бородаевская В. И. – 324
Бороздин Ф. Р. – 330
Борок И. И. – 270, 272, 274, 310, 376, 377
Боруцкий И. – 153
Боярчук Т. С. – 401
Браун И. Б. – 263, 271, 303, 365
Брацыхин П. – 550
Брегель А. А. – 544
Брицкий А. М. – 553, 554
Бродский – 323
Бродский И. И. – 399
Бройтман Р. Л. – 544
Броневой А. И. – 230, 231, 241, 246, 247, 251–253, 337, 383, 425, 430, 432, 434, 441, 442, 444, 468, 476, 477, 481, 487, 492, 531–533, 537
Бронфельд – 384
Бубнов А. С. – 368, 376
Букшпан М. М. – 227, 230, 232, 234, 240, 261, 262, 264, 268, 277, 283, 295, 315, 324, 333, 400
Буряк П. Д. – 384
Бутивщенко С. – 145
Бухарин Н. И. – 324
Бушанский И. Г. – 247, 310, 364, 385
Быковский – 95
Вавилов Н. И. – 121
Вайнер – 53, 54
Вайтц З. – 10
Вакуленко – 536
Василенко С. Н. – 403
Вахрамеев – 311
Ващенко Г. Г. – 44, 164
Векслер – 546
Великий – 379
Вербовая К. В. – 11
Верди Дж. – 403
Вернадский В. И. – 141
Весич В. А. – 105, 106, 110, 261, 262, 283, 324
Ветров И. А. – 281, 291, 292, 318, 387, 527–530, 536, 546, 550
Вехова – 549
Вигунская М. Г. – 269, 272, 302
Виноградова М. Д. – 11, 402, 467

Вислоцкая – 318
Волочаева К. А. – 297
Волченко И. И. – 319, 534, 542
Вольский Е. – 11
Воронцова – 54
Высочин И. Г. – 95
Гавро Л. П. – 247, 339
Гальченко Т. А. – 56
Ганенко Е. П. – 126
Гапеев А. Ф. – 424, 468
Гарагуля – 378
Гастев А. К. – 459
Геншафт П. С. – 546
Герасименко – 323
Герасимов А. М. – 399
Герасимов И. П. – 305
Геращенко Г. К. – 470
Гербеев Ю. В. – 11
Гербут-Гейбович Ф. А. – 86
Гердель Я. М. – 307
Герцкович Г. И. – 535, 549
Гетте – 490
Гивенталь С. И. – 324
Гиенко – 379
Гладких – 250
Гликман И. З. – 11
Глянцев С. – 153
Гмурман В. Е. – 10
Говорецкая Е. Т. – 107, 110, 264, 265, 314
Гойхман А. Б. – 246
Головачева Е. Т. – 378
Головнин М. Г. – 105
Голубенко – 435
Голяк В. П. – 316
Гонтаренко М. В. – 384
Гонтарь Г. И. – 398, 546
Горбунов Н. А. – 322, 333–335, 435
Гордиенко – 339
Гордин Л. Ю. – 10, 11
Горленко – 536
Горохова М. М. – 269, 306
Горький М. – 37, 45, 48, 49, 51, 60, 63, 64, 66, 68, 70–72, 76–78, 80, 81, 106, 109, 142, 161, 162, 165, 166, 168, 169, 206, 211, 255, 324, 477, 489, 494
Гребенюк – 194
Грейер Л. В. – 105
Греков М. Б. – 399
Грибков Г. С. – 328
Григорович Е. Н. – 108, 109
Григорович Е. Ф. – 21, 103, 104, 110, 264, 265, 305, 365
Григорович Н. А. – 108
Григорьев Н. А. – 49
Гринвальд – 323
Гриценко Л. И. – 10
Грицюк В. М. – 400
Гроссицкий – 246, 247
Грушев Ю. И. – 478
Губер О. Н. – 270–272, 274, 298, 299, 365
Гунько Ю. П. – 17
Гурин С. С. – 338

Давыдов Н. И. – 323
Демидов – 251
Демченко – 459
Демянко Г. – 549
Денисенко – 323
Дергачева Т. В. – 269, 272–274, 303, 304
Джуринская П. Е. – 546
Дзержинский Ф. Э. – 224, 238, 330, 352, 433
Дидоренко С. А. – 249, 325–327, 496, 535, 536
Дитюченко М. – 550
Дмитриев Е. И. – 328
Добродицкий Г. И. – 271, 272, 308, 365, 370
Довгополюк М. Л. – 68, 170, 171
Докучаев В. В. – 121
Долголазов – 378
Долотов О. О. – 338
Дорохов Ф. В. – 536
Дорошенко В. С. – 293
Доценко А. – 11
Дроботова Л. Ф. – 261, 265, 309, 314, 315
Дрозд Л. – 11
Дроздовский К. П. – 546, 554
Дроздюк П. А. – 480
Дубина – 378
Дубовиков – 400
Дубровин Л. И. – 309, 310
Дюшен В. М. – 46, 49, 61, 68, 210, 261, 347, 348, 350
Евтух Н. Б. – 11
Ерисов Г. Н. – 105, 110
Ерисова Л. Г. – 110
Ермак А. П. – 144
Ермоленко В. И. – 105
Ефименко – 324
Ефименко В. И. – 328
Жиловец – 400
Жмудский В. В. – 319, 534, 540
Жюльен – 489
Заболотный – 378
Завгородний М. Т. – 339
Завьялов А. К. – 547
Загребаев В. Д. – 318, 319, 339
Заика Ф. С. – 550
Зайкевич А. Е. – 121
Зайцев В. Г. – 550
Зайцев С. И. – 525, 530
Зайчик С. Б. – 61, 131, 151, 200, 202, 206, 210
Залезня – 378
Залкинд А. – 58–60
Замочник Я. Д. – 316
Зарецкий – 336
Затонский В. П. – 489
Згурский И. Л. – 338
Земелькина А. В. – 329
Землянский А. Н. – 460, 499
Зильберштейн А. И. – 254, 255
Зозуля В. И. – 550
Золотарев Ю. – 71
Золотов – 247, 252
Зязюн И. А. – 10, 144

Зякун – 200
Иваненко О. Д. – 44, 153, 154, 162, 175
Иванов (1) – 65
Иванов (2) – 247
Иванов Г. Е. – 274, 306
Иванов К. – 378
Иванов К. В. – 272, 274, 307, 308
Иванов М. А. – 338
Иванов Н. И. – 153
Иванова – 378
Иванская Т. В. – 17
Измаильский А. А. – 121
Илалтдинова Е. Ю. – 394, 473, 512, 517
Ильюшин С. В. – 547
Ильяшевич Е. А. – 105
Ильяшевич З. А. – 105
Ильяшевич Н. С. – 105
Исаев И. Ф. – 569
Искин А. М. – 481
Иткин – 313
Каганович Л. М. – 488, 489
Калабалин С. А. – 15, 175, 208, 209, 266–268, 275, 292–294, 306
Калнин – 246
Кальницкая З. – 153
Камардинов В. Р. – 384, 409, 500, 516
Камышанский А. – 400
Камышанский Ю. (Г.) В. – 398, 399, 403, 404
Канторович С. И. – 30, 171, 173, 201
Карабина Н. – 550
Карлович – 109
Карлсон К. М. – 82, 230, 241, 430
Карпенчук С. Г. – 162
Кель О. С. – 280
Кетов – 547
Кирюхин – 550
Китвенко В. М. – 328
Клейн Г. – 109
Клеточкина П. Г. – 542, 553
Кловацкий – 378
Клямер З. С. – 332, 535, 546
Княженко Б. Б. – 470, 525
Коваленко – 546
Коваленко М. И. – 262, 274, 377, 379, 380
Ковалёв 3-й – 378
Коваль Л. Т. – 59, 110, 294, 324
Ковшар Г. Д. – 328, 329
Ковьярин – 252
Коган Р. И. – 264, 265, 309, 314, 315
Коган С. Б. – 238, 330–333
Кожедуб Ю. А. – 17
Козополянский В. Н. – 338
Козырь В. М. – 319, 401, 518
Колесса П. А. – 277, 330, 331, 352
Колодезникова Н. К. – 281
Коломийцев В. И. – 384
Колотюк – 378
Колясникова З. И. – 546

Кондрашов М. – 398, 400
Конисевич Л. В. – 15, 384
Кононенко К. С. – 15, 243, 321, 322, 334, 382
Коноплева Н. – 11
Кораблева Т. Ф. – 17
Коркишко – 299
Корнеев – 378
Короленко В. Г. – 25
Коротов В. М. – 10
Косиор С. В. – 293, 377
Костенко – 251
Костычев П. А. – 121
Костюк – 496
Котельников М. Н. – 23, 126
Котов И. А. – 153
Кочубиевский – 333
Кравцов Н. И. – 339
Кравченко В. – 373, 384
Крамов А. Г. – 402
Крамущенко Л. В. – 10, 17, 144
Красникова А. Е. – 525
Крендясова Л. В. – 546
Кривенко – 546
Кривонос И. Ф. – 10, 17, 144
Криворотченко – 339
Крикотин В. – 536
Крикун – 59, 264, 266, 277, 312, 314, 315
Кровопущенков И. Г. – 546
Кроворотченко – 468
Кропачев – 408
Крупко – 27, 95
Крупнов Ю. В. – 11
Крупская Н. К. – 44, 66–68, 501
Крымский – 537
Кузин – 550
Кук Дж. – 50
Куксов – 384
Кулагин – 323
Кулешов – 378
Куликов В. – 400
Кумарин В. В. – 10
Куницын В. Е. – 316
Куперман – 332, 546
Куприй Н. В. – 387
Куприйчук – 389
Курдюмов Н. В. – 121
Курилко – 59
Куровский – 246, 481
Курчинский – 467
Курьянова Н. В. – 379
Куслий Ф. П. – 546
Кушнырь Ф. Д. – 328, 330
Лавриненко – 378
Лазарева – 536
Лапко (Лабко, Лабков) А. Е. – 336, 446
Лаптенко – 546
Лашко Н. Т. – 328
Левин – 313
Левицкий (1) – 56
Левицкий (2) – 323
Левшаков В. Т. – 316–318, 403, 538
Лейтес – 439

Лепилов – 109
Леплевский И. М. – 236
Липин – 178, 210
Литвинова М. Д. – 387, 544, 546
Литовка М. В. – 400, 470, 525
Лиф Е. А. – 536
Лихачев – 550
Лицкиндорф В. В. – 338
Лобода В. С. – 378, 530
Локтюхов А. И. – 550
Лотоцкий В. – 153
Лукин Ю. Б. – 162
Лукошко Г. И. – 400
Луначарский А. В. – 67
Луций В. М. – 328, 384, 532
Лыкова – 546
Лысенко П. Г. – 554
Львов – 379
Любимов – 210
Любомирская (Любомирова) – 323
Магура В. Е. – 546
Магура В. И. – 274, 303
Магура Е. С. – 263, 270, 272, 274, 275, 284–286, 291, 302, 303, 327, 364, 365, 370, 378–382, 387, 545, 554
Мазо С. С. – 296
Мазур П. И. – 11
Майборода – 324
Макаренко В. С. – 305
Макаровский Д. Б. – 46
Маковский В. Е. – 399
Максимов М. А. – 233, 234
Малаканов – 323
Марген – 489
Маро (М. И. Левитина) – 34
Мартыненко И. В. – 272, 274, 295–297, 365, 370, 377
Марусинов А. И. – 236, 237, 246, 438, 442
Марусиченко Н. П. – 535, 547
Марущенко П. М. – 379
Массон – 323
Матвеев Н. Г. – 384
Матренин – 535, 550
Махно Т. Д. – 27, 167
Машотас В. К. – 397
Медынский Е. Н. – 42
Межов Г. А. – 314
Мельник А. П. – 379, 399
Мельникова – 333, 384
Мельникова О. В. – 11, 519
Менде – 541
Менжинская Л. Р. – 126
Месонье Ж.-Л.-Э. – 399
Мехлис Л. З. – 487
Мещеряков – 251
Мизяк С. М. – 547
Миколюк А. П. – 27, 173, 182, 210
Минаев – 247
Митин – 477
Мишурова – 323
Мовшович – 54, 98, 100
Могилин – 459

Молодцов И. – 71
Моргун В. Ф. – 10, 11, 17
Мороз И. Т. – 171, 173, 193
Морозов В. В. – 17, 92
Морозова Н. А. – 162
Мотыль (Левина) Б. А. – 313
Мотыль В. Я. – 313
Мохонько В. Г. – 17
Мошлин П. А. – 536
Мудрак Г. Н. – 400
Найденова – 53
Наконечная – 374
Наливайко К. Я. – 553
Натанзон Э. Ш. – 10
Науменко Л. И. – 17
Науменко Ф. И. – 11, 254
Наумов – 210
Нгуен Ван Тинь – 10
Невская С. С. – 10, 11, 278, 325
Нежинский Н. П. – 11, 43, 144, 162
Нечай О. Ф. – 328
Никитин В. – 375, 379, 535
Никитин Д. – 549
Никитин С. М. – 470
Никифорова Л. Н. – 105
Новак Ф. Ф. – 549
Носик – 250
Носик З. Н. – 525, 547
Носков – 326
Окса Н. Н. – 11, 162, 169, 196, 254
Октябрьский Ф. В. – 550
Омельченко М. С. – 269, 272, 300, 302, 365, 371
Оноприенко А. С. – 400, 546
Опалихин В. М. – 17
Опришко – 225
Орлов И. Л. – 384
Остапенко Е. – 400
Остапенко П. Г. – 328
Остапченко А. И. – 162, 208, 209
Остроменцкая Н. Ф. – 46, 57, 62–64, 67, 68, 166, 169, 264, 265, 294, 311, 315
Павлова М. П. – 11, 144
Панаканов – 323
Панов И. И. – 384
Пантелеймонова Е. Г. – 272, 297, 365, 387
Пантюхов – 59
Панченко – 261
Парусов – 247, 248, 467
Паточкина Е. П. – 328
Педаш – 329
Пеккер – 485
Пенкин Н. Т. – 550
Перфильев Л. П. – 334, 335, 467
Петров А. С. – 335
Петров Н. В. – 402
Петрова В. – 11
Петровский Г. И. – 421, 489
Пеха Л. – 10
Пивень В. А. – 27
Пионтек К. – 249, 339
Письменный Я. В. – 230, 259, 342

Пихоцкая Е. С. – 484
Платон – 290
Платонов – 299, 365
Плачковский П. А. – 551
Плисак В. А. – 17
Погребинский М. С. – 482
Покровский П. И. – 338
Поляченко – 329
Пономаренко – 328
Попов А. И. – 49, 50, 347
Попов В. А. – 328
Попова Л. Д. – 162, 184, 196
Поповиченко В. И. – 105
Поповиченко Н. Т. – 105
Постников В. В. – 378, 398, 400
Постышев П. П. – 489
Приходченко – 329
Прокопенко – 277, 312–315
Прудкий П. М. – 550
Пухур – 378
Пушников С. П. – 15, 271, 272, 274, 275, 286–292, 302, 327, 365, 370, 554
Рабинович – 379
Радивончик А. М. – 105
Разуваев Н. А. – 328
Разумовский Н. – 384
Ракивненко Н. И. – 270, 306
Ракович И. П. – 105
Редькин – 536
Редько – 532
Рембрандт – 399
Репин И. Е. – 399, 400
Репьях – 378
Розенберг Г. Е. – 338
Розовский – 28, 55, 131, 137
Ройтенберг Е. О. – 402, 537
Романов П. – 379
Рубан И. В. – 270, 298, 365, 370, 382, 387
Руденко В. А. – 400
Румберг – 387, 388
Русаков А. Н. – 278
Рютин М. Ф. – 336
Рябов – 59
Рябцев К. С. – 337
Ряполов – 478
Ряппо Я. П. – 93, 144
Савченко В. – 553
Сагредо Л. П. – 103, 105, 110
Садовничая В. П. – 550
Салько (Макаренко) Г. С. – 12, 28, 44, 50, 62, 64, 68, 75, 79, 162, 169, 170, 172, 175, 178, 182, 187, 238, 254, 268, 321, 325
Салько Л. М. – 325
Санникова Н. Г. – 10
Сахаров – 322, 334
Сачкова – 379, 496
Сварог В. С. – 399
Сватко А. С. – 554
Свировский – 265
Свистун В. И. – 10
Сезанн П. – 399
Селезнев В. К. – 232, 476

Семенов К. – 551
Семенова – 542
Семенцов И. М. – 323, 516, 532
Сербский З. Н. – 178, 201, 210
Серебрянский – 250
Серица С. А. – 328
Серлен – 489
Сивохин – 323
Сидоренко – 384
Сидоров П. В. – 82
Силаков П. Е. – 322, 323, 334, 335, 363, 365, 382, 409, 415, 416, 420, 423, 425, 464, 465, 467, 493
Синявский В. В. – 11
Скребнев В. Н. – 295, 460, 517, 532
Скрыпник Н. А. – 254, 489
Сластенин В. А. – 569
Слепцова Н. И. – 269, 272, 320
Слисенко – 375
Слуцкая Г. С. – 525
Смола – 307, 370
Соколов Р. В. – 17
Соколов С. И. – 540
Соколова Н. В. – 17
Соколовский – 378
Соколовский А. Н. – 121
Соколянский И. А. – 49, 259, 347, 357, 507
Сопин А. П. – 546, 550
Сопин И. П. – 153
Сосюра – 378
Спичкина А. Ф. – 269, 302
Стариков Д. Н. – 328
Старченко – 373, 374, 384
Стебловский В. И. – 142
Стельмахович М. И. – 10
Степаненко – 378, 400
Степченко Е. Ф. – 329
Стирис Ф. Г. – 387, 553
Сторчак А. – 324
Сторчакова Н. А. – 540
Стрельбицкая Л. П. – 269, 272, 299
Стрельбицкий С. Д. – 27, 62
Стреляный П. Т. – 319, 537, 538, 549
Строкань – 324, 325
Струманский В. П. – 11
Студецкий М. – 384
Судаков И. П. – 234–237
Сухарев М. Я. – 29, 51–53, 57, 61, 97, 134, 137, 151, 182, 194, 196, 202–204, 206, 208–210, 216, 267
Сыромятникова А. В. – 402
Сычев В. – 374
Таран – 389, 546
Тарапата С. Е. – 29
Тарарака Д. Д. – 328
Тарасевич Н. Н. –
Тарасов – 10, 17, 144
Татаринов Т. Д. – 106, 107, 109, 110, 225, 237, 258, 264, 265, 274–278, 293, 315, 330, 365,

370, 382, 387, 460, 462, 464, 545
Татаринова В. Н. – 107, 108, 110, 265, 315
Тепер И. Я. – 232, 235–237, 241, 242, 247, 337, 368–372, 382, 383, 390, 434, 435, 442, 468, 481, 493, 495
Тер-Гевондян А. Г. – 11
Теренина Л. – 153
Терентюк Д. П. – 384, 402, 542
Терский В. Н. – 15, 103, 104, 111, 264–266, 274, 275, 278–284, 309, 311, 314, 315, 370, 387, 393, 394, 398–400, 479, 493, 522
Теслин А. З. – 378, 551
Тетерядченко В. – 551
Тимирязев К. А. – 109
Титаренко – 400
Тихонов П. К. – 82, 237, 238, 251, 254, 435
Тициан – 399
Ткаченко М. Т. – 18
Ткачинский – 324
Ткачук И. К. – 379, 402
Токарев И. Д. – 17, 256, 286, 291, 327, 328, 400, 456–458, 460, 467, 470, 475, 525, 530, 535, 536
Токарев Ю. И. – 17
Токаренко – 540
Толстопятенко – 535
Тренева Е. – 302
Трепке А. Ф. – 86
Трепке В. В. – 86
Трепке Э. В. – 86
Третьяков С. Ф. – 121
Трифонов М. В. – 553
Трофимов Ф. – 153
Тулецкая Л. – 550
Тургенев И. С. – 289
Тютькало М. В. – 271, 300, 301, 365, 370
Уманов – 250
Уткин – 378
Ушан – 249
Файбышева – 53
Федоренко – 496
Федорков М. А. – 320
Федоров Я. Д. – 247
Фере Н. Э. – 11, 15, 70, 100, 105, 107, 108, 117, 121, 122, 124, 125, 142, 162, 175, 187, 194, 195, 206, 254
Филатов В. И. – 329
Филатова – 379
Филин И. В. – 278
Фиш Б. М. – 61, 171, 202
Фомин – 306
Фортунатов В. П. – 270, 272, 274, 307
Французов – 460, 517
Фролов А. А. – 10, 11, 17, 144, 162, 169, 394, 397, 473, 492, 512, 517

Харламова О. И. – 411
Харченко И. И. – 546
Хиллиг Г. – 144, 325, 326
Хоптяр А. С. – 11
Хохликова М. П. – 553
Храско В. А. – 339
Цветкова – 210
Цебржинский О. И. – 108
Циклис С. М. – 435, 437, 444, 469
Цирульников – 321, 468
Цымбал – 537
Цыхан А. – 489
Чаплыгин О. Э. – 536, 553
Чаплян Н. Д. – 105
Чарахчьян – 321
Чевелий А. А. – 378, 528, 549
Чепижная (Ерисова) Н. Е. – 110
Червенко И. Н. – 328, 536
Чередниченко Л. – 43
Черепахивна Е. Г. – 270, 302
Черников – 459
Чернобыльская – 252
Черный В. И. (Шварц) – 308, 384
Черняева Е. Г. – 303, 304
Четвериков И. П. – 109
Чечельницкий Д. Б. – 336
Чубарь В. Я. – 489
Чудная Н. А. – 496
Чумак Н. А. – 324
Чуприн – 378, 400
Чурилов Я. К. – 336
Шапиро – 249, 250
Шапошников – 375, 496
Шапошников М. И. – 338
Шарий М. И. – 329
Шариков Д. М. – 336
Шатаев Ф. В. – 401
Шварц М. М. – 271, 272, 298, 365
Швед А. Н. – 293, 420, 479, 532
Шверник Н. М. – 488, 489
Шевченко – 330
Шейдин Е. М. – 328, 518
Шейнгауз С. С. – 336
Шелудько Е. И. – 29
Ширявский К. К. – 384
Шишкин И. И. – 399, 400
Шиянов Е. Н. – 569
Шмыгалев – 249
Шульга В. И. – 17
Шульга В. М. – 17
Шульгин В. Н. – 475
Шурова – 321
Шутенко А. С. – 329
Щепкин Н. Н. – 111
Элькин Е. Д. – 230, 438
Эррио Э. – 489
Юрченко – 308, 309
Юрченко Д. П. – 305
Юрченко Е. З. – 269, 272–274, 304– 306, 370
Яворницкий Д. И. – 109
Ягода Г. Г. – 255, 435, 482
Яковлев В. И. – 49, 350
Якушкин И. В. – 121
Яновский И. Б. – 329, 378, 499
Ярмаченко Н. Д. – 10

Яровой – 265, 324
Ярошенко П. А. – 336, 435
Яценко И. И. – 281–283, 379
Ященко А. А. – 378

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. А. М. Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького / А. М. // Новими стежками. – 1923. – № 2. – С. 51–59.
2. А. С. День первого снопа. Детская колония имени Горького / А. С. // Голос труда. – 1924. – 25 июн.
3. А. Ю. Мешканці прийомника / А. Ю. // Наше слово. – 1928. – № 2. – С. 36–40.
4. Абаринов А. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.) / Александр Абаринов, Гётц Хиллиг. – Марбург, 2000. – 200 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 22).
5. Абашкіна Н. В. Актуальні проблеми професійної підготовки в педагогіці А. С. Макаренка / Н. В. Абашкіна // А. С. Макаренко и мировая педагогика : материалы междунар. семинара, (8–10 апр. 2002 г.) / Полтав. гос. пед. ун-т имени В. Г. Короленко. – Полтава, 2002. – С. 27–31.
6. Абашкіна Н. В. Професійна підготовка вихованців у навчальних закладах А. Макаренка і Г. Кершенштейна / Н. В. Абашкіна // Педагогіка і психологія. – 1998. – № 1. – С. 194–197.
7. Автомобиль ГАЗ-А – первый легковой автомобиль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://blog.artnn.ru/2007/12/06/avtomobil-gaz-a-pervyiy-legkovoy-avtomobil/
8. Адлер Г. Про це тільки пісень співати / Г. Адлер // Вісті. – 1936. – 6 трав.
9. Адрес-календарь // Адрес-календарь и справочная книжка Полтавской губернии на 1904 год / Изд. Полтав. Губернского

Статистического Комитета. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1904. – С. 1–133.

10. Адрес-календарь // Справочная книжка Полтавской губернии на 1906 год. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1906. – С. 1–108.

11. Алексеевич Г. А. К биографии А. С. Макаренко / Г. А. Алексеевич // А. С. Макаренко. Кн. 4 : статьи / ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. – Львов, 1959. – С. 125–133.

12. Алёхина О. В. Экономическая деятельность в наследии А. С. Макаренко / О. В. Алёхина // А. С. Макаренко и мировая педагогика : материалы междунар. семинара, (8 – 10 апр. 2002 г.) / Полтав. гос. пед. ун-т имени В. Г. Короленка. – Полтава, 2002. – С. 31–36.

13. Альохіна О. В. Показники економічної діяльності А. С. Макаренка в колонії ім. М. Горького (полтавський період) / О. В. Альохіна // Педагогіка та психологія : зб. наук. пр. – Х., 2002. – Вип. 23. – С. 68–74.

14. Альохіна О. В. Розвиток господарської та економічної діяльності А. С. Макаренка в колонії ім. М. Горького в Куряжі / О. В. Альохіна // Теорія та методика навчання та виховання : зб. наук. пр. – Х., 2003. – Вип. 10. – С. 128–133.

15. Альохіна О. В. Розвиток економічної діяльності в комуні ім. Ф. Е. Дзержинського та її вплив на вихованців / О. В. Альохіна // Педагогіка і психологія формування творчої особистості: проблеми і пошуки : зб. наук. пр. – К. ; Запоріжжя, 2002. – Вип. 26. – С. 228–233.

16. Альохіна О. В. Економічне виховання як фактор формування громадянина у педагогічній діяльності А. С. Макаренка (історія і сучасність) / О. В. Альохіна // Науковий вісник. – Х., 2002. – Вип. 11. – С. 53–57. – (Серія «Філософія»).

17. Андронович Б. И. О «печальном начале» колонии им. А. М. Горького / Б. И. Андронович, К. И. Белковский, И. Г. Колос // А. С. Макаренко : Кн. 11 / Львовский ун-т. – Львов, 1985. – С. 98–107.

18. Аніщенко О. Інновації у професійній підготовці робітничих кадрів у 20-х роках XX століття / Олена Аніщенко // Освіта дорослих: теорія, досвід, перспективи: зб. наук. праць. / Ін-т пед. освіти і освіти дорослих НАПН України. – К., 2009. – № 1. – С. 184–193.

19. Анри Барбюс в Харькове // Пролетарий. – 1927. – 6 окт.

20. Анрі Барбюс у дитячій колонії ім. М. Горького // Комуніст. – 1927. – 6 жовт.

21. Анрі Барбюс у Харкові. На зборах активу МОПР'у // Комуніст. – 1927. – 6 жовт.

22. Антон Макаренко: Харківська трудова колонія ім. М. Горького (в документах і матеріалах 1926 – 1928 рр.) / авт.-уклад.: І. Ф. Кривонос, Н. М. Тарасевич, А. В. Ткаченко; за ред. дійсного члена АПН України І. А. Зязюна. – К. : Педагогічна думка, 2008. – 352 с.

23. Антон Семенович Макаренко. Життя і творчість у документах, фотографіях, ілюстраціях / упоряд.: П. Г. Лисенко, І. С. Убийвовк. – Вид. друге, перероб. і допов. – К. : Рад. шк., 1978. – 160 с.

24. Ахаян Т. К. А. С. Макаренко и трудовое воспитание: (К 100-летию со дня рождения А. С. Макаренко) / Т. К. Ахаян. – Л. : Знание, 1988. – 13 с.

25. Б. Больше внимания школе / Б. // Дзержинец. – 1936. – 5 янв. – С. 2.

26. Б. Г. Перевод полтавской трудколонии в Куряж / Б. Г. // Харьковский пролетарий. – 1926. – 17 апр.

27. Б. О. Колонія ім. М. Горького / Б. О. // Робітник. – 1926. – 5 січ.

28. Байков Ипполит. В гостях у «Горьковцев» (Очерк) / Ипполит Байков // Юный ленинец. – 1926. – 9 авг.

29. Байков І. «Есть…» : нарис / І. Байков // Знання. – 1927. – № 1. – С. 24–25.

30. Балабанович Е. З. Макаренко. Человек и писатель / Е. З. Балабанович. – М. : Моск. рабочий, 1963. – 472 с.

31. Барбаров П. Я работал с А. С. Макаренко / П. Барбаров // Педагогика. – 1993. – № 2. – С. 102–105

32. Безпритульних – до навчання // Комуніст. – 1927. – 30 лип.

33. Безпритульних до роботи // Комуніст. – 1928. – 5 січ.

34. Бельский Я. Трудовая колония в монастыре. (Куряж) / Я. Бельский // Пролетарий. – 1926. – 8 авг.

35. «Береги себя!!!» Переписка Г. С. и А. С. Макаренко с сыном (1927 – 1939 гг.) / сост.: Светлана Невская, Гётц Хиллиг. – Марбург, 2001. – 256 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 24).

36. Бескина Р. М. Идеи А. С. Макаренко сегодня / Р. М. Бескина, М. Д. Виноградова. – М. : Знание, 1988. – 80 с.

37. Бех І. Д. Виховання особистості : у 2 кн. Кн. 1. Особистісно орієнтований підхід: теоретико-технологічні засади / І. Д. Бех. – К. : Либідь, 2003. – 280 с.

38. Бех І. Д. Виховання особистості : у 2 кн. Кн. 2. Особистісно орієнтований підхід: науково-практичні засади / І. Д. Бех. – К. : Либідь, 2003. – 344 с.

39. Бех І. Д. Психологічні джерела виховної майстерності : навч. посіб. / І. Д. Бех. – К. : Академвидав, 2009. – 248 с. – (Серія «Альма-матер»).

40. Бєляк Ольга. Погляди А. С. Макаренка в контексті адаптивного управління закладами та установами загальної середньої освіти / Ольга Бєляк // Імідж сучасного педагога. – 2008. – № 1–2. – С. 31–34.

41. Биковець Мих. День в трудовій колонії (В Полтавській трудколонії ім. М. Горького) / Мих. Биковець // Народній учитель. – 1925. – 10 лист.

42. Биковець Мих. Дитяча справа на Україні / Мих. Биковець // Дети после голода: сб. материалов / Центр. комиссия помощи детям при ВУЦИК'е. – Х., 1924. – С. 13–30.

43. Биковець Мих. Свято першого снопа: (В трудовій дитячій колонії під Полтавою) / Мих. Биковець // Вісти. – 1924. – 12 липн.

44. Боротьба з безпритульністю набирає планового характеру // Вісти. – 1926. – 18 липн.

45. Бразуль Ст. Колонія ім. М. Горкого / Ст. Бразуль // Всесвіт. – 1928. – № 14. – С. 10–11.

46. Браславський Н. В будинкові ім. Максима Горького / Н. Браславський // Комсомолець України. – 1926. – 5 серп.

47. БРЗ. Трудова колонія ім. Горького / БРЗ // Вісти. – 1928. – 29 берез.

48. Броневой Ал. Пятилетие / Ал. Броневой // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 9–12.

49. Брюсельська робітнича делегація в Харкові // Комуніст. – 1927. – 3 груд.

50. Букшпан Мих. Дела и люди / Мих. Букшпан // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 81–88.

51. Бутівщенко С. В. Зміст і форми управління середніми професійними навчальними закладами України в 1917 – 1941 роках : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук : 13.00.04 «Теорія та методика професійної освіти» / Станіслав Васильович Бутівщенко ; АПН України, Ін-т педагогіки і психології професійної освіти. – К., 1997. – 17 с.

52. В день свого ювілею ДПУ відкриває дитячу колонію // Комуніст. – 1927. – 18 груд.

53. В дитячій трудовій колонії ім. М. Горького під Полтавою : фото Мих. Биковця // Нова громада. – 1924. – № 31–32. – С. 28–29.

54. В Совнаркоме СССР и ЦК ВКП(б). О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Правда. – 1935. – 1 черв.

55. В Харьков или в Запорожье? Сборник документов о переводе колонии им. Горького из Полтавы на новое место («Завоевание Куряжа») 1925 – 1926 гг. / сост. Гётц Хиллиг. – Марбург, 1985. – 158 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 5).

56. Вайтц З. Макаренко на рубеже веков – что остается? / З. Вайтц // A. Sz. Makarenko hagyatéka és az embernevelés kérdései a XX. század fordulóján. Nemzetközi Makarenko Fórum ’98. – Budapest-Fót, 1998. – 10–12 old.

57. Ващенко Г. Педагогічна наука в СРСР (Яничар А. С. Макаренко – найбільший совєтський педагог) / Г. Ващенко // Рідна школа. – 1999. – № 4. – С. 70–80.

58. Ващенко Г. Предисловие / Г. Ващенко // 5 лет работы с детьми-правонарушителями : сб. ст. работников полтавских учреждений для правонарушителей. – Полтава, 1925. – С. I–VI.

59. Ващенко Г. Школа, як громадсько-культурний центр / Г. Ващенко // Наше слово. – 1928. – № 2. – С. 33–35.

60. Ващенко Н. Досягнення установ соціального виховання інтернатного типу на Полтавщині / Н. Ващенко // Дитяче містечко : зб. метод. матеріалів / за ред. В. Дюшен. – Х., 1928. – С. 11–17.

61. Веб. Найкращий пам’ятник вождю. На відкритті колонії ім. Ф. Е. Дзержинського / Веб // Комсомолець України. – 1927. – 30 груд.

62. Вербовая К. В. А. С. Макаренко о проблеме формирования жизненных планов воспитанников / К. В. Вербовая // Педагогическая система А. С. Макаренко и вопросы ее творческого применения современными воспитательными учреждениями : материалы к симпозиуму. – М., 1972. – С. 37–41.

63. Викторов В. За монастырской стеной / В. Викторов // Харьковский пролетарий. – 1926. – 4 июл.

64. Викторов В. За монастырской стеной. Окончание / В. Викторов // Харьковский пролетарий. – 1926. – 6 июл.

65. Вилучення підлітків з дитячих установ // Народній учитель. – 1927. – 19 січн.

66. Виноградова М. Д. А. С. Макаренко о трудовом воспитании в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского / М. Д. Виноградова // Сов. педагогика. – 1953. – № 6. – С. 33–45.

67. Виноградова М. Д. Вопросы организации общего образования в школе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского / М. Д. Виноградова // Изв. АПН РСФСР. – 1959. – Вып. 102. – С. 225–313.

68. Виноградова М. Труд и учение в Коммуне имени Ф. Э. Дзержинского / М. Виноградова // Народное образование. – 1957. – № 3. – С. 92–96.

69. Волгоградский металлургический завод «Красный октябрь». История [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vmzko.ru/istorija-zavoda.html.

70. Волчонок І. Обслідування дитячих колоній Харківщини / І. Волчонок // Вісти. – 1928. – 26 квіт.

71. Вольский Е. Н. Проблемы подготовки воспитанников к выбору профессии в педагогическом наследии А. С. Макаренко / Е. Н. Вольский // А. С. Макаренко – педагог и писатель : (тез. докл. и сообщений респ. науч. конф. «Пед. наследие А. С. Макаренко и современные проблемы ком. воспитания», посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося сов. педагога и писателя). – Сумы, 1978. – С. 158–160.

72. Воспитанники колонии им. Горького готовятся к встрече своего шефа // Харьковский пролетарий. – 1928. – 8 июн.

73. Все коммунары охвачены учебой // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 51.

74. Все ли благополучно в детских колониях? Соцвос считает положение удовлетворительным. Главные горе-воспитатели продолжают работать // Харьковский пролетарий. – 1928. – 19 янв.

75. Всем начальникам и сотрудникам местных органов ГПУ Украины // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 8.

76. Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – 124 с.

77. Г. В. Конференція робітників установ соц. виховання закритого типу в м. Полтаві / В. Г. // Шлях освіти. – 1926. – № 2. – С. 138–141.

78. Г. В-о. Конференція робітників установ соціяльного виховання закритого типу в м. Полтаві 1926 року / В-о Г. // Записки Полтавського І.Н.О. – Т. 1., перш. трим. 1925/26 ак. року. – Полтава, 1926. – С. 172–176.

79. Г. Кременчуг // Адрес-календарь и справочная книжка Полтавской губернии на 1900 год / сост. Д. А. Иваненко секретарем Полт. Губернского Стат. Комитета. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1900. – С. 1–80.

80. Г. Кременчуг // Адрес-календарь и справочная книжка Полтавской губернии на 1903 год / Изд. Полтав. Губернского Стат. Ком. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1903. – С. 1–57.

81. Г. Кременчуг // Адрес-календарь и справочная книжка Полтавской губернии на 1904 год / Изд. Полт. Губернского Стат. Ком. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1904. – С. 1–57.

82. Г. Кременчуг // Справочная книжка Полтавской губернии на 1906 год. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1906. – С. 1–44.

83. Г. Кременчуг // Справочна книжка по Полтавской губернии на 1907 год. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1907. – С. 1–40.

84. ГАЗ-03-30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.automodels.om.ua/models_ history_101.html

85. Гайдамакина Т. Яркий пример творческого горения // Воспоминания о Макаренко / сост. Н. А. Лялин, Н. А. Морозова. – Л., 1960. – С. 53–56.

86. Ґедзь Юх. В колонії ім. Горького / Юх. Ґедзь // Комуніст. – 1928. – 29 берез.

87. Гербеев Ю. В. Труд в педагогической системе А. С. Макаренко / Ю. В. Гербеев // Школа и производство. – 1978. – № 3. – С. 14–21.

88. Гетманець М. Ф. Про себе і про час / М. Ф. Гетманець. – Вид. друге, доповн. – Х.: Мачулін, 2011. – 256 с.

89. Гец С. Горький в гостях у горьковцев / С. Гец // Харьковский пролетарий. – 1928. – 10 июл.

90. Гликман И. Социально-производственное воспитание, «наша» и «не наша» школа. К 120-летию А. С. Макаренко / И. Гликман // Народное образование. – 2008. – № 1. – С. 257–262.

91. Гмурман В. В глубинах педагогики / В. Гмурман // Народное образование. – 1987. – № 7. – С. 106–110.

92. Гмурман В. Изучение трудов А. С. Макаренко сегодня / В. Гмурман // Народное образование. – 1963. – № 3. – Приложение, с. 1–16.

93. Гмурман В. Е. Научное наследие А. С. Макаренко и задачи педагогического образования / В. Е. Гмурман // Сов. педагогика. – 1981. – № 3. – С. 97–102.

94. Гнеушева А. В. Развитие профессионализма руководителя в образовательном процессе (психологические аспекты) / А. В. Гнеушева // Образование и общество. – 2006. – № 2 (31). – С. 34–39. – Режим доступа : http://jeducation.ru/2_2006/34.html

95. Гончарова Н. О. Основи професійної орієнтації : навч. посіб. / Н. О. Гончарова ; за ред. В. Ф. Моргуна. – К. : Слово, 2010. – 168 с.

96. Гордин Л. Ю. А. С. Макаренко о системе трудового воспитания / Л. Ю. Гордин // Школа и производство. – 1968. – № 3. – С. 20–25.

97. Гордин Л. Ю. А. С. Макаренко о трудовом воспитании / Л. Ю. Гордин // Макаренко А. С. Трудовое воспитание / сост., автор вступ. статьи Л. Ю. Гордин. – М., 1964. – С. 3–27.

98. Гордин Л. Ю. Диалектика производительного труда и профессиональной подготовки учащихся в системе А. С. Макаренко и в современной школе / Л. Ю. Гордин // Педагогическое наследие А. С. Макаренко и современные проблемы воспитания молодежи : тезисы Всесоюз. науч.-практ. конф. с участием педагогов соц. стран. (К 100-летию со дня рождения) : в 2 ч. – М., 1988. – Ч. 2. – С. 254–256.

99. Гордин Л. Ю. Послесловие к юбилею / Л. Ю. Гордин // Сов. педагогика. – 1988. – № 8. – С. 58–64.

100. Гордієнко В. І. Основні проблеми дослідження профессиогенезу особистості в сучасній психології / В. І. Гордієнко, Л. В. Копець // Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». – К., 2002. – Т. 20. – С. 59–64. – (Соціологічні науки).

101. Горький в колонії свого імени // Вісти. – 1928. – 10 лип.

102. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / М. Горький. – М. : Сов. писатель, 1990. – 400 с.

103. Горький приїде до Харкова // Комуніст. – 1928. – 29 берез.

104. Горький приїздить до Харкова. В першій половині червня письменник відвідає колонію ім. Горького // Вісти. – 1928. – 29 берез.

105. Горькій у дітей. У колонії ім. Дзержинського // Комуніст. – 1928. – 10 лип.

106. Горькій у дітей. У курязькій колонії // Комуніст. – 1928. – 10 лип.

107. Гриньова М. В. Ідеї саморегуляції в педагогічній спадщині А. С. Макаренка / М. В. Гриньова // Організація навчально-виховного процесу в середніх загальноосвітніх закладах нового типу: досягнення, проблеми, перспективи : матеріали Всеукр. наук.-практ. конф. – Полтава, 1996. – С. 156–160.

108. Гриценко Л. І. А. Макаренко про гуманну роль соціуму в розвитку особистості / Л. І. Гриценко // Педагогіка і психологія. – 1998. – № 1 (18). – С. 103–107.

109. Гриценко Л. И. А. С. Макаренко: педагогика трудного детства / Л. И. Гриценко. – Волгоград, 2003. – 232 с.

110. Гриценко Л. И. А. С. Макаренко: педагогика, устремленная в будущее / Л. И. Гриценко // Педагогика. – 2003. – № 2. – С. 63–67.

111. Гриценко Л. И. Концепция воспитания А. С. Макаренко в свете современных научных знаний / Л. И. Гриценко // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 89–96.

112. Гриценко Л. И. Личностно-социальная концепция А. С. Макаренко в современной педагогике (Сравнительный анализ отечественного и зарубежного макаренковедения) : монография / Л. И. Гриценко. – Волгоград: Перемена, 1997. – 256 с.

113. Громов Ол. Поход / Ол. Громов // Червоні квіти. – 1928. – № 13. – С. 5–10.

114. Губернские учреждения // Справочная книжка Полтавской губернии на 1906 год. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1906. – С. 1–97.

115. Даниленко В. М. Сталінізм на Україні: 20 – 30-ті роки / В. М. Даниленко, Г. В. Касьянов, С. В. Кульчицький. – К. : Либідь, 1991. – 344 с.

116. Даты жизни и творчества Антона Семеновича Макаренко // Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. / ред. кол.: Каиров (гл. ред.) и др. – М., 1957. – Т. 1. – С. 737–746.

117. Детская колония им. Горького готовит писателю сюрприз (к его приезду в Харьков) // Харьковский пролетарий. – 1928. – 31 мая.

118. Дичек Н. П. Учёные мира о фундаментальных аспектах педагогического наследия А. С. Макаренко // Макаренко : альманах / ред. В. В. Морозов. – М., 2009. – № 2. – С. 144–154.

119. Дитяча колонія ім. Дзержинського // Комсомолець України. – 1927. – 18 груд.

120. Дитячі будинки вимагають громадської уваги! Органи Наросвіти мало зробили для поліпшення стану інтернатів. «Оригінальні» методи виховання гр. Макаренка // Вісти. – 1928. – 27 черв. – С. 3.

121. Дічек Н. П. А. Макаренко і світ: аналіз англомовних студій / Н. П. Дічек; Ін-т педагогіки АПН України. – К. : Науковий світ, 2005. – 303 с.

122. Дічек Н. Ідеї А. Макаренка і соціальна педагогіка зарубіжжя (70 – 90-ті роки ХХ ст.) / Н. Дічек // Історико-педагогічний альманах. – К, 2005. – Вип. І.– С. 33–42.

123. Дічек Н. П. Спадщина А. С. Макаренка у контексті світового історико-педагогічного процесу ХХ ст. (на матеріалах англомовних джерел) : дис. … д-ра пед. наук : 13.00.01 / Наталія Петрівна Дічек ; Інститут педагогіки АПН України. – К., 2005. – 440 с.

124. Довідник з історії України (А – Я) : посібник / за заг. ред. І. Підкови, Р. Шуста. – 2-ге вид., доопр. і доповн. – К. : Генеза, 2001. – 1136 с.

125. Доценко А. М. Проблема воспитания положительного отношения к учению в педагогическом наследии А. С. Макаренко / А. М. Доценко, Н. Н. Окса // Педагогическое наследие А. С. Макаренко и современная школа: опыт и проблемы : сб. науч. трудов / ред. кол.: Л. Ю. Гордин (отв. ред.) и др. – Кишинев, 1987. – С. 55–64.

126. Дрозд Л. Н. Производительный труд в воспитательной системе А. С. Макаренко / Л. Н. Дрозд // Воспитание – дело коллективное. – Мн., 1965. – С. 66–79.

127. Дрозд Л. Н. Труд подростков в воспитательной системе А. С. Макаренко / Л. Н. Дрозд // А. С. Макаренко и современность : сб. науч. трудов. – Мн., 1978. – С. 39–51.

128. Дымный Мих. Молодые «соколы». Детколония им. М. Горького / Мих. Дымный // Октябрьские всходы. – 1928. – № 8. – С. 11.

129. Дюшен В. Первая Всеукраинская конференция детских городков / В. Дюшен // Друг детей. – 1926. – № 8–9. – С. 28–30.

130. Дюшен В. Перша всеукраїнська конференція дитячих містечок / В. Дюшен // Шлях освіти. – 1926. – № 11. – С. 127–133.

131. Е. М. За грамотность, за качество учебы / Е. М. // Дзержинец. – 1936. – 16 янв.

132. Екранізація колонії імени Горкого // Комуніст. – 1927. – 26 серп.

133. Ефимов Вл. Горький у горьковцев. От Сорренто до Куряжа / Вл. Ефимов // Октябрьские всходы. – 1928. – № 14. – С. 1–3.

134. Євтух М. Неповторність і справжня сутність постаті Антона Макаренка / М Євтух, К Потапенко // Рідна школа. – 1998. – № 11. – С. 21–28.

135. Євтух М. Б. Постать Антона Макаренка – світ організованого творення людини / М. Б. Євтух // Витоки педагогічної майстерності : зб. наук. праць / Полтав. держ. пед. ун-ту імені В. Г. Короленка. – Полтава, 2008. – Вип. 4. – С. 44–48.

136. Євтух М. Б. Трудове виховання дітей у спадщині А. С. Макаренка / М. Б. Євтух // Початкова школа. – 1983. – № 6. – С. 59–61.

137. Єфімов В. Горький і діти / В. Єфімов // Червоні квіти. – 1928. – № 7. – С. 6–7.

138. Єфімов В. Радянська влада. Нарис про Детколонію ім. Горького / В. Єфімов // Червоні квіти. – 1927. – № 17. – С. 12–14.

139. Жураковский Г. Е. Педагогические идеи А. С. Макаренко / Г. Е. Жураковский ; под ред. и с ввод. ст. Ш. И. Ганелина. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1963. – 328 с.

140. З вулиць підібрано понад 300 безпритульних // Комуніст. – 1927. – 12 листоп.

141. За день. На ремонт колонії ім. Горького // Комуніст. – 1928. – 28 берез.

142. Забота, контроль, вмешательство. Шесть отчетов об инспекторских и других проверках колонии им. М. Горького (1922 – 1928 гг.) / сост. Г. Хиллиг. – Марбург, 1994. – 60 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 14).

143. Закордонні делегації трудящих у Харкові. Від'їзд французької, італійської й скандинавської делегації // Комуніст. – 1927. – 22 листоп.

144. Закордонні робітниці знайомляться зі столицею // Комуніст. – 1927. – 4 листоп.

145. Закордонні робітничі делегації в Харкові. Від'їзд Естонської делегації // Комуніст. – 1927. – 26 листоп.

146. Закордонні робітничі делегації на Україні. З Америки // Комуніст. – 1927. – 18 листоп.

147. Закордонні робітничі делегації у Харкові // Комуніст. – 1927. – 26 листоп.

148. Залкінд А. Про тих, хто ще вчора був на вулиці / А. Залкінд // Дитячий рух. – 1928. – № 4. – С. 56–59.

149. Зеер Э. Ф. Личностно-развивающие технологии начального профессионального образования : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений / Э. Ф. Зеер. – М.: Академия, 2010. – 176 с.

150. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития : учеб. пособ. / Э. Ф. Зеер. – 3-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2009. – 240 с.

151. Золотарьов Ю. Замість вражінь / Ю. Золотарьов // Комуніст. – 1928. – 10 липн.

152. Зязюн І. А. Гуманістична сутність майстерності А. Макаренка-вихователя / І. А. Зязюн, І. Ф. Кривонос, Н. М. Тарасевич // Педагогіка і психологія. – 1998. – № 1. – С. 18–43.

153. Зязюн І. А. Дж. Морено і А. Макаренко про соціометрію взаємин у групі / І. А. Зязюн // Педагогіка і психологія. – 1998. – № 1. – С. 189–194.

154. Зязюн И. А. Идеи А. С. Макаренко в экспериментальной целевой программе «Учитель» Полтавского педагогического института / И. А. Зязюн // А. С. Макаренко и Полтавщина : тез. докл. и сообщ. обл. науч.-практ. конф. / Пед. об-во УССР, Полтав. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко. – Полтава, 1986. – С. 10–12.

155. Зязюн И. А. Творческое наследие А. С. Макаренко и концепция многомерности формирования личности учителя в программе «Учитель» / И. А. Зязюн // Творческое наследие А. С. Макаренко и совершенствование подготовки педагогических кадров : тез. докл. и выступлений на Всесоюз. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. С. Макаренко / Полтав. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко. – Полтава, 1988. – С. 17–20.

156. Зязюн І. А. Універсальні цінності спадщини А. С. Макаренка і сучасність / І. А. Зязюн // Постметодика. – 1998. – № 1. – С. 3–9.

157. Иваненко О. Настоящая жизнь / Оксана Иваненко // Воспоминания о Макаренко. – Л., 1960. – С. 87–95.

158. Іваненко Оксана. Горький у горьковців / Оксана Іваненко // Червоні квіти. – 1928. – № 13. – С. 19–20.

159. Іваненко О. Сторінки спогадів / Оксана Іваненко // Рад. освіта. – 1978. – 8 берез.

160. Історія НТУ «ХПІ» [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.kpi.kharkov.ua/?main=history.html

161. К 7-му ноября на улицах Харькова не должно быть беспризорных. Трудовой корпус беспризорных // Харьковский пролетарий. – 1927. – 2 окт.

162. Калабалин С. Дисциплина // Комсомольская правда. – 1941. – 1 апр.

163. Калабалин С. Как нас воспитывал А. С. Макаренко // Семья и школа. – 1955. – № 4. – С. 15–19.

164. Карпенчук С. Г. Педагогічна технологія А. С. Макаренка в контексті сучасної педагогіки : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Світлана Григорівна Карпенчук ; Ін-т педагогіки АПН України. – К., 2003. – 556 с.

165. Карпенчук С. Г. Макаренковедение в Україні: аспекти історії, теорії, практики / С. Г. Карпенчук, М. М. Окса. – Рівне : РДГУ, 2008. – 494 с.

166. Карпенчук С. Г. На зорі макаренковедения / С. Г. Карпенчук, М. М. Окса. – Мелітополь, 2001. – 96 с.

167. Кель О. С. Игра «Конкурс смекалки» в школе : (опыт школы-интерната № 12) / О. С. Кель, В. Н. Терский ; Ин-т теории и истории педагогики. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – 88 с.

168. Климов Е. А. Психологическое содержание труда и вопросы воспитания / Е. А. Климов. – М.: Знание, 1986. – 80 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Педагогика и психология»).

169. Койнаш П. Нове поповнення бійців за комуністичне виховання дитинства / П. Койнаш // Більшовик Полтавщини. – 1934. – 5 липн.

170. Колишні безпритульні по вузах // Комуніст. – 1927. – 11 груд.

171. Колония им. М. Горького // Голос труда. – 1922. – 15 июн.

172. Коммунар Я. Ю. Три причины / Я. Ю. Коммунар // Дзержинец. – 1936. – 5 янв.

173. Конисевич Л. Нас воспитал Макаренко. Записки коммунара / Л. Конисевич ; под ред. В. М. Опалихина. – Челябинск, 1993. – 330 с.

174. Коноплева Н. Наш Антон / Н. Коноплева // Юный техник. – 1988. – № 5. – С. 2–7.

175. Конституция страны ФЭД // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 32–38.

176. Контр-распереконтр-тезисы // На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса» (февраль – март 1928 г.) / сост. Г. Хиллиг. – Марбург, 1991. – С. 32–37. – (Opuscula Makarenkiana Nr 12).

177. Коротов В. Педагогическое мастерство / В. Коротов // Воспитание школьников. – 1981. – № 4. – С. 14–22.

178. Коротов В. М. Развитие идей А. С. Макаренко в теории воспитания / В. М. Коротов // Сов. педагогика. – 1988. – № 3. – С. 21–25.

179. Кравченко А. Тейлор и Гастев. [Электронный ресурс] / А. Кравченко. – Режим доступа : http://expert.ru/expert/2010/18/teylor_i_gastev/

180. Крамущенко Л. Співдружність вихователів і вихованців як управлінське завдання А. С. Макаренка – керівника Полтавської колонії імені М. Горького / Л. Крамущенко // Імідж сучасного педагога. – 2008. – № 1–2. – С. 29–31.

181. Крамущенко Л. В. О Полтавской колонии им. В. Г. Короленко / Л. В. Крамущенко, Н. А. Овдиенко // Международные макаренковедческие исследования. Макаренко на Востоке и Западе / под ред. А. Фролова. – Н. Новгород, 1994. – Т. III. – С. 175–179.

182. Кривонос И. Ф. А. С. Макаренко о педагогическом опыте / И. Ф. Кривонос // Сов. педагогика. – 1978. – № 3. – С. 64–66.

183. Кривонос И. Ф. Диалектика взаимодействия теории, практики и опыта в педагогическом творчестве А. С. Макаренко / И. Ф. Кривонос // А. С. Макаренко и Полтавщина : тез. докл. и сообщений обл. науч-практ. конф. – Полтава, 1986. – С. 26–29.

184. Кривонос И. Руководство А. С. Макаренко производственно-хозяйственной деятельностью воспитанников колонии имени М. Горького в Куряже / Иван Кривонос // Витоки : альм. Укр. асоц. Антона Макаренка : зб. наук.-пед. і літ.-публіцист. матеріалів / редкол.: Володимир Пащенко, Іван Берг, Володимир Беседа [та ін.]. – Полтава, 2004. – Вип. 2. – С. 70–73.

185. Крупнов Ю. Социально-педагогическое открытие А. С. Макаренко: воспитательные возможности высокопроизводительного рентабельного труда / Ю. Крупнов // Народное образование. – 2005. – № 10. – С. 205–212.

186. Крупская Н. К. О работе ВЛКСМ среди детей (Доклад и заключительное слово на VIII съезде ВЛКСМ) / Н. К. Крупская // Педагогические сочинения : в 10 т. / Н. К. Крупская ; под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева. – М., 1959. – Т. 5. – С. 261–284.

187. Крупская Н. К. Что хотелось бы знать о постановке труда в детдоме / Н. К. Крупская // Педагогические сочинения : в 10 т. / Н. К. Крупская ; под ред. Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, И. В. Чувашева. – М., 1959. – Т. 4.– С. 583–584.

188. Крылья малой авиации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.paraskif.com/ikar/16-1.php

189. Крюков А. М. Пути и тревоги: Записки военного железнодорожника [Элек-тронный ресурс] / А. М. Крюков. – Режим доступа : http://militera.lib.ru/memo/russian/krukov_am/index.html

190. Кто принимается в рабфаки // Харьковский пролетарий. – 1927. – 20 окт.

191. Кумарин В. А. С. Макаренко и современная школа / В. Кумарин // Школьные технологии. – 1998. – № 5. – С. 4–24.

192. Кумарин В. Макаренко, какого мы никогда не знали, или куда реформировать школу / В. Кумарин // Народное образование. – 2002. – № 6. – С. 143–154; № 7. – С. 184–194; № 8. – С. 125–128.

193. Кумарин В. В. Некоторые вопросы теории воспитания в трудах А. С. Макаренко / В. В. Кумарин // Сов. педагогика. – 1986. – № 3. – С. 92–96.

194. Кумарин В. Природосообразный Макаренко / В. Кумарин // Народное образование. – 1993. – № 2. – С. 70–79.

195. Левитина М. А. Кто он? / М. А. Левитина // Дети после голода : сб. материалов / Центр. комиссия помощи детям при ВУЦИК'е. – Х., 1924. – С. 51–66.

196. Лисенко П. Г. Долі вихованців А. С. Макаренка : документально-біографічні нариси / П. Г. Лисенко. – Кременчук : Про-Графіка ЛТД, 1999. – 176 с.

197. Лист Максима Горького // Вісти. – 1926. – 16 черв.

198. Лукин Ю. А. С. Макаренко : критико-биографический очерк / Ю. Лукин. – М.: Сов. писатель, 1954. – 206 с.

199. Луначарский А. В. Воспитание нового человека / А. В. Луначарский. – Л. : Прибой, 1928. – 48 с.

200. Луначарский А. В. Воспитание нового человека / А. В. Луначарский // О воспитании и образовании / под ред.: А. М. Арсеньева, Н. К. Гончарова, И. А. Каирова, М. А. Прокофьева, В. А. Разумного. – М., 1976. – С. 269–299.

201. Лысенко П. Г. Судьбы воспитанников А. С. Макаренко : документально-биографические очерки / П. Г. Лысенко. – Полтава: Полтавський літератор, 1994 – 204 с.

202. Любітов С. Їх навчили працювати: в колонії імени М. Горкого / С. Любітов // Пролетар.ська робітнича газета. – 1927. – 4 січ.

203. М. Горький в Харькове // Пролетарий. – 1928. – 10 июл.

204. М. Горький среди трудящихся Харькова // Пролетарий. – 1928. – 10 июл.

205. М. П. Діти Жовтня / М. П. // Комуніст. – 1927. – 6 верес.

206. М. Педколлектив обязался / М. // Дзержинец. – 1936. – 5 янв.

207. М. К–о. Ликвидировать неуспеваемость / М. К–о // Дзержинец. – 1936. – 5 янв.

208. М. П. Діти Жовтня / М. П. // Комуніст. – 1927. – 6 верес.

209. Магура Е. Итоги полугодия не удовлетворяют / Е. Магура // Дзержинец. – 1936. – 5 янв. – С. 2.

210. Мазур П. И. Советуясь с А. С. Макаренко: А. С. Макаренко о выборе профессии / П. И. Мазур // Школа и производство. – 1978. – № 3. – С. 9–14.

211. Макар. Через працю і самоорганізацію – до нового життя / Макар // Робітник освіти. – 1925. – № 3–4. – С. 53–57.

212. А. С. Макаренко в Харькове : метод. рек. в помощь лектору / разраб. Л. Д. Поповой и др. – Харьков : Харьк. гос. пед. ин-т им. Г. С. Сковороды, 1983. – 38 с.

213. Макаренко А. С. : к 90-летию со дня рождения / Львов. гос. ун-т им. И. Франко. – Львов : Вища шк., 1978. – 160 с. : ил.

214. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 1 / Львовский гос. ун-т имени Ивана Франко; ред. коллегия: Г. С. Макаренко, доц.

Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1949. – 200 с.

215. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 2 / Львовский гос. ун-т имени Ивана Франко. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1954. – 143 с.

216. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 3 / Львовский гос. ун-т имени Ивана Франко. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1956. – 162 с.

217. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 4 / Львовский гос. ун-т им. Ив. Франко. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1959. – 175 с.

218. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 5 / Львовский гос. ун-т им. Ивана Франко. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1963. – 186 с.

219. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 7 / Львовский гос. ун-т им. Ивана Франко. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1969. – 169 с.

220. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 8 / Львовский гос. ун-т им. Ивана Франко. – Львов : Вища шк., 1971. – 132 с.

221. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 9 / Львовский гос. ун-т им. Ивана Франко. – Львов : Вища шк., 1974. – 138 с.

222. А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 11 / Львовский ун-т. – Львов : Вища шк., 1985. – 155 с.

223. Макаренко А. С. «Ваша нежность – страшная сила». Письма не только о любви, (Харьков, весна 1928 г.) / сост. Гётц Хиллиг. – Марбург, 1996. – 64 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 17).

224. Макаренко А. Колония им. М. Горького / А. Макаренко // Голос труда. – 1923. – 4 февр.

225. Макаренко А. С. Марш тридцатого года : кн. для учителя / А. С. Макаренко ; сост. и авт. коммент. В. Г. Бейлинсон. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1988. – 287 с.

226. Макаренко А. С. Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького / А. С. Макаренко // 5 лет работы с детьми-правонарушителями : сб. статей работников полтавских учреждений для правонарушителей / под. ред. проф. Ващенко. – Полтава, 1925. – С. 31–49.

227. Макаренко А. С. Педагоги пожимают плечами / А. С. Макаренко // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 39–50.

228. Макаренко А. С. Педагогическая поэма / А. С. Макаренко ; сост., вступ. ст., примеч., коммент. С. Невская. – М. : ИТРК, 2003. – 720 с.

229. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 1 / А. С. Макаренко ; сост. : Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1983. – 368 с.

230. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 2 / А. С. Макаренко ; сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1983. – 512 с.

231. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 3 / А. С. Макаренко ; сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1984. – 512 с.

232. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 4 / А. С. Макаренко ; сост. : М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1984. – 400 с.

233. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 5 / А. С. Макаренко ; сост. : Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1985. – 336 с.

234. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 6 / А. С. Макаренко ; сост. : М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1985. – 384 с.

235. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 7 / А. С. Макаренко ; сост. : Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1986. – 320 с.

236. Макаренко А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. Т. 8 / А. С. Макаренко ; сост. : М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. – М. : Педагогика, 1986. – 336 с.

237. Макаренко А. С. Письмо в редакцию газеты «Коммунист» / А. С. Макаренко // Народное образование. – 1963. – № 2. – С. 92–95.

238. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 1 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1957. – 784 с.

239. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 2 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1957. – 528 с.

240. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 3 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1957. – 496 с.

241. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 4 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1957. – 552 с.

242. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 5 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 559 с.

243. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 6 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР ; редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 448 с.

244. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 7 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. – 584 с.

245. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 1 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, подгот.: В. Е. Гмурман, Г. С. Макаренко, А. Г. Тер-Гевондян, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1950. – 768 с.

246. Макаренко А. С. Сочинения : в 7 т. Т. 7 / А. С. Макаренко ; Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР, подгот.: В. Е. Гмурман, Г. С. Макаренко, А. Г. Тер-Гевондян, редкол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1952. – 575 с.

247. Макаренко А. С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, статьи 1921 – 1928 гг. / А. С. Макаренко ; сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2007. – 361 с.

248. Макаренко А. С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 2. Письма, разработки, книги-очерки, статьи 1928 – 1932 гг. / А. С. Макаренко ; сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. – 409 с.

249. Макаренко А. С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 3. Статьи, выступления, письма, материалы книги, пьесы, «Педагогическая поэма» 1932–1934 гг. / А. С. Макаренко ; сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. – 365 с.

250. Макаренко А. С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 4. Деловые и личные письма, «Педагогическая поэма», «Методика организации воспитательного процесса», статьи, выступления, подготовительные материалы 1935–1936 гг. / А. С. Макаренко ; сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2010. – 352 с.

251. Макаренко А. С. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 5. Статьи, выступления, письма, подготовительные материалы, «Книга для родителей» 1936 – 1937 гг. / А. С. Макаренко ; сост. и коммент.

А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова, С. И. Аксенов. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2011. – 384 с.

252. Макаренко А. С. На гигантском фронте / А. С. Макаренко, Н. Э. Фере // А. С. Макаренко : сб. статей. Кн. 9 / Львовский гос. ун-т им. Ивана Франко. – Львов, 1974. – С. 116–121.

253. Макаренко В. Мой брат Антон Семенович. Воспоминания, письма. – Марбург, 1985. – XVIII, 202 с. – (Opuscula makarenkiana Nr 3).

254. Макаровский Д. Б. Штрихи к биографии / Д. Б. Макаровский // А. С. Макаренко. Кн. 8 : сб. статей / ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. – Львов : Изд-во Львовского ун-та, 1971. – С. 126–128.

255. Максим Горький в Харькове // Юный ленинец. – 1928. – 14 июл.

256. Маркова А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М. : Знание, 1996. – 190 с.

257. Маро (М. Левитина). Беспризорное детство / Маро (М. Левитина) // Путь просвещения. – 1924. – № 3. – С. 31–58.

258. Маро (М. И. Левитина). Работа с беспризорными: Практика новой работы в СССР / Маро (М. Левитина). – Х. : Труд, 1924. – 96 с.

259. Маро. «Трудные» дети / Маро // Шлях освіти. – 1925. – № 5–6. – С. 174–182.

260. Марусик Мих. Там, де праця – радість. (Дитяча трудова колонія імені М. Горького) / Мих. Марусик // Нова громада. – 1924. – № 31–32. – С. 28.

261. Медынский Е. Н. Антон Семенович Макаренко. Жизнь и педагогическое творчество / Е. Н. Медынский. – М. ; Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1949. – 128 с.

262. Мельникова О. В. Виховання економічно розвиненої особистості в закладах, керованих А. С. Макаренком / О. В. Мельникова // Витоки : зб. наук.-пед. і літ.-публ. матеріалів / Полтав. держ. пед. ун-т імені В. Г. Короленка. – Полтава, 2004. – Вип. 2. – С. 87–89.

263. Мельникова О. В. Основні принципи педагогічно-економічної концепції А. С. Макаренка / О. В. Мельникова // Імідж сучасного педагога. – 2004. – № 2–3. – С. 73–75.

264. Мельникова О. В. Проблеми економічного виховання в педагогічній спадщині А. С. Макаренка : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Загальна педагогіка та історія педагогіки» / Ольга Володимирівна Мельникова. – Х., 2005. – 19 с.

265. Мих. Перший похід піонерів Харкова / Мих. // Вісти. – 1928. – 3 лип.

266. Михайловська Н. В. Науково-методичне забезпечення діяльності професійно-технічних навчальних закладів України (1921 – 1929 рр.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук : спец. 13.00.04 «Теорія та методика професійної освіти» / Н. В. Михайловська. – К., 1997. – 24 с.

267. Місць в профшколах не вистачає // Комуніст. – 1927. – 5 серп.

268. Молодцов И. Краснознаменный комсомол (8 съезд ВЛКСМ. Окончание) / И. Молодцов // Октябрьские всходы. – 1928. – № 12. – С. 10–11.

269. Молодцов І. Восьмий комсомольський / І. Молодцов // Червоні квіти. – 1928. – № 10. – С. 12–15.

270. Мор Ю. В детской трудкоммуне имени Ф. Э. Дзержинского / Ю. Мор // Харьковский пролетарий. – 1927. – 28 дек.

271. Моргун В. Ф. А. С. Макаренко и психология личности / В. Ф. Моргун // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 121–128.

272. Моргун В. Ф. Школа-господарство А. С. Макаренка: ступінь чи вершина освіти? / В. Ф. Моргун // Вісник Полтавського педінституту ім. В. Г. Короленка : зб. наук. праць / за ред. В. О. Пащенка. – Полтава, 1988. – Вип. II, т. 1. – С. 56–69. – (Серія «Психолого-педагогічні науки»).

273. Моргун В. Ф. Школа-хозяйство после А. С. Макаренко: забвение или возрождение / В. Ф. Моргун // Постметодика. – 1998. – № 4. – С. 20–26.

274. Морозова Н. А. А. С. Макаренко. Семинарий / Н. А. Морозова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. – 108 с.

275. Морозова Н. А. А. С. Макаренко. Семинарий / Н. А. Морозова. – Изд-е 2-е, перераб. – Л. : Гос. уч. пед. узд-во Мин. просв. РСФСР, Ленингр. отд-е, 1961. – 240 с.

276. Московский государственный лингвистический университет. Вехи истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.linguanet.ru/about/history/

277. На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса» (февраль – март 1928 г.) / сост. Г. Хиллиг. – Марбург, 1991. – 178 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 12).

278. На крыльях истории. 75 лет заводу «ФЭД» / ред. кол.: А. Ф. Боринас и др. – Х. : Майдан, 2002. – 360 с.

279. Навчання вихованців дитбудинків // Комуніст. – 1927. – 27 серп.

280. Натанзон Э. Ш. Психолого-педагогические задания при анализе идей А. С. Макаренко : пособ. для студ. пед. ин-тов, педучилищ и учителей / Э. Ш. Натанзон. – Кишинев : Лумина, 1970. – 255 с.

281. Наукові записки Полтавського державного педагогічного інституту. – Ювілейне видання 1921 – 1946 рр. – Полтава, 1946. – Т. VI. – 176 с.

282. Науменко Ф. И. Трудовое политехническое обучение в педагогическом опыте А. С. Макаренко / Ф. И. Науменко // А. С. Макаренко : Кн. 3. – Львов, 1956. – С. 20–32.

283. Науменко Ф. И. «Автобиография» А. С. Макаренко. Комментарий / Ф. И. Науменко, И. И. Козуб // А. С. Макаренко. К 90-летию со дня рождения / редкол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. – Львов, 1978. – С. 95–107.

284. Нгуен Ван Тинь. Профессиональная культура в педагогическом наследии А. С. Макаренко / Ван Тинь Нгуен // Народное образование. – 2003. – № 5. – С. 146–148.

285. Невская С. С. Гражданское воспитание личности в творчестве А. С. Макаренко : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Светлана Сергеевна Невская ; Гос. науч.-исслед. ин-т семьи и воспитания Рос. акад. образования. – М., 2006. – 407 с.

286. Невская С. С. Значение идей А. С. Макаренко в педагогическом стимулировании трудовой деятельности воспитанников в современной теории воспитания / С. С. Невская // Педагогическое наследие А. С. Макаренко и современная школа: опыт и проблемы : сб. науч. тр. / ред. кол.: Л. Ю. Гордин (отв. ред.) и др. – Кишинев, 1987. – С. 38–49.

287. Невская С. С. Коллектив единомышленников (о педагогическом коллективе колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского) / С. С. Невская // Stand und Perspektiven der Makarenko-Forschung: Materialien des 6. internationalen Symposions (28. April – 2. Mai 1989) = Современное состояние и перспективы макаренковедения / Hrsg. von Götz Hillig und Sirgfried Weitz. – München : Minerva-Publ., 1994. – S. 223–236.

288. Невская С. С. Теоретические основы стимулирования трудовой деятельности воспитанников в педагогической системе А. С. Макаренко : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / С. С. Невская ; Академия пед. наук СССР, Научно-исследовательский ин-т общих проблем воспитания. – М., 1987. – 21 с.

289. Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и вопросы производственной педагогики / Н. П. Нежинский // Педагогическая система А. С. Макаренко и вопросы ее творческого применения современными воспитательными учреждениями : материалы к симпозиуму. – М., 1972. – С. 167–173.

290. Нежинский Н. П. А. С. Макаренко и педагогика школы / Н. П. Нежинский. – К. : Рад. шк., 1976. – 362 с.

291. Нежинский Н. Организация учебной работы в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского / Н. Нежинский // А. С. Макаренко : Кн. 3. – Львов, 1956. – С. 57–69.

292. Неизвестный Макаренко : Вып. 3 / сост.: С. С. Невская, А. Н. Русаков, И. В. Филин. – М., 1993. – 107 с. – (Литературная серия).

293. Неизвестный Макаренко. Вып. 4: Любимый мастер / авт.: Невская С. С., Русаков А. Н., Филин И. В. – М. : Российское пед. общество, 1994. – 29 с.

294. Ни одного беспризорного на улицах Харькова! // Пролетарий. – 1927. – 2 окт.

295. Ніжинський М. П. А. С. Макаренко про виховання в праці / М. П. Ніжинський. – К. : Рад. школа, 1950. – 97 с.

296. Ніжинський М. П. А. С. Макаренко про виховання в праці і політехнічне навчання / М. П. Ніжинський // Рад. школа. – 1953. – № 9. – С. 14–18.

297. Ніжинський М. П. Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка (Творчий шлях). – К. : Рад. шк., 1958. – 284 с.

298. Ніжинський М. П. Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка (Творчий шлях) / М. П. Ніжинський. – Вид. друге, перероб. і допов. – К. : Рад. школа, 1967. – 304 с.

299. Нізар П. В комуні імени Ф. Е. Дзержинського / П. Нізар // Вісти. – 1927. – 29 груд.

300. Новий прийом до харківських вузів // Комуніст. – 1927. – 8 жовт.

301. Нузов В. Интервью с Владимиром Мотылем / В. Нузов // Вестник. – 2002. – 24 июл.

302. О. П. В дитячій колонії «іМ. Горького» / О. П. // Селянин Харківщини. – 1927. – 3 листоп.

303. О. П. У дітей «вулиці» / О. П. // Комуніст. – 1927. – 21 жовт.

304. О. Я. Дитяча комуна ДПУ / О. Я. // Комуніст. – 1927. – 29 груд.

305. Образцовая детская колония имени тов. Дзержинского // Пролетарий. – 1927. – 18 дек.

306. Один день коммуны // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 52–59.

307. Окса Н. Н. Архивные материалы о деятельности А. С. Макаренко по объединению детских интернатных учреждений Харьковского округа в 1926 – 1928 годах / Н. Н. Окса // А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт / сост. А. А. Фролов. – Н. Новгород, 1992. – С. 59–68.

308. Окса Н. Н. Проблемы дидактики в педагогическом наследии А. С. Макаренко : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Теория и история педагогики» / Н. Н. Окса ; Киев. гос. пед. ин-т имени Н. П. Драгоманова. – К., 1991. – 17 с.

309. Ол. Мар. Куряж. Трудова колонія ім. Горького / Мар. Ол. // Пролетар.ська робітнича газета. – 1927. – 5 черв.

310. Оп. Т-онь. На параді / оп. Т-онь // Комуніст. – 1927. – 6 верес.

311. Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского // На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса», (февраль – март 1928 г.) / сост. Г. Хиллиг. – Марбург, 1991. – С. 4–20. – (Opuscula Makarenkiana Nr 12).

312. Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко : учеб. пособ. / подг. А. А. Фролов ; под. ред. В. А. Сластенина, Н. Э. Фере. – Горький, 1976. – 98 с.

313. Орієнтовна схема екскурсій по м. Харкову за маршрутом ВУК'у Робос // Народній учитель. – 1927. – 16 черв.

314. Осипов И. Простой человек / И. Осипов // Пролетарий. – 1928. – 10 июл.

315. Остроменцкая Н. Ф. Навстречу жизни / Н. Ф. Остроменцкая // Народный учитель. – 1928. – № 1–2. – С. 42–77.

316. Ответ Харьковского исполкома Максиму Горькому // Пролетарий. – 1926. – 19 июн.

317. Открытое Акционерное Общество Сумское НПО им. М. В. Фрунзе. Историческая справка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.frunze.com.ua/old/html/history.html

318. Павлова М. П. Педагогическая система А. С. Макаренко / М. П. Павлова. – М. : Профтехиздат, 1963. – 336 с.

319. Павлова М. П. Педагогическая система А. С. Макаренко и современность / М. П. Павлова. – М. : Высш. школа, 1980. – 287 с.

320. Павлова М. П. Производительный труд в педагогической системе А. С. Макаренко / М. П. Павлова, Н. Э. Фере // Школа и производство. – 1963. – № 3. – С. 10–15.

321. Памятная книжка Полтавской губернии на 1913 год / Изд. Полтав. Губернского Стат. Ком. – Полтава : Элект. Типо-литогр. Губернского Правления, 1913. – IV, 446 с.

322. Памятная книжка Полтавской губернии на 1914 год / Изд. Полтав. Губернского Стат. Ком. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1914. – XXXII, 509 с.

323. Памятная книжка Полтавской губернии на 1915 год / Изд. Полтав. Губернского Стат. Ком. ; под ред. Члена Ком. исполняющего обязаности секретаря П. А. Снесского. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1915. – XXXII, 629 с.

324. Памятная книжка Полтавской губернии на 1916 год / Изд. Полтав. Губернского Стат. Ком.; под ред. Члена Ком. исполняющего обяз. секр. П. А. Снесского. – Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1915. – XXVIII, 429 с.

325. Памятник тов. Дзержинскому: На открытии дома детской трудовой коммуны ГПУ УССР // Пролетарий. – 1927. – 30 декаб.

326. Пасічник Н. Проблеми економічного виховання в педагогічній спадщині А. С. Макаренка / Наталя Пасічник // Імідж сучасного педагога. – 2008. – № 1–2. – С. 66–67.

327. Педагогика А. С. Макаренко (наука о взаимодействии поколений) : программа учебного курса по выбору / сост. А. А. Фролов. – Н. Новгород : НГПУ, 2007. – 24 с.

328. Педагогика А. С. Макаренко (наука о взаимодействии поколений) : программа учебного курса по выбору / сост. А. А. Фролов // Современный А. С. Макаренко: методология, теория и практика педагогіки : материалы симпозиума и Первых российских педагогических чтений / редкол.: Ф. Ф. Харисов (председатель), М. Б. Зыков, А. А. Фролов ; Федеральный институт развития образования. – М., 2008. – С. 283–301.

329. Педагогическая энциклопедия. Т. 3 / под ред. О. Г. Калашникова, при участии М. С. Эпштейна. – М. : Работник просвещения, 1929. – 894 с.

330. Педагогическая энциклопедия. Т. 4 / ред. кол.: И. А. Каиров (гл. ред.), Ф. Н. Петров (гл. ред.) и др. – М. : Сов. энциклопедия, 1968. – 912 с.

331. Педагогічний словник / за ред. дійсного чл. АПН України Ярмаченка М. Д. – К. : Педагогічна думка, 2001. – 514 с.

332. I отдел. Сведения по земскому хозяйству // Статистический ежегодник Полтавского Губернского Земства на 1905 год. – Полтава : Типо-литогр. И. А. Дохмана, 1906. – С. 1–182.

333. Перевернутые страницы (Вехи, события, факты) // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 15–31.

334. Перевод в Куряж Полтавской детской колонии: В президиуме Окрисполкома // Харьковский пролетарий. – 1926. – 25 апр.

335. Передача вихованців дитячих будинків до музичних команд військових частин // Народній учитель. – 1927. – 16 лют.

336. Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким / под ред. Г. Хиллига, при участии С. С. Невской. – Марбург, 1990. – 257 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 11).

337. Перша Всеукраїнська Конференція Дитмістечок // Рад. школа. – 1927. – № 1/15. – С. 101–103.

338. Петрова В. И. Проблемы трудового воспитания в педагогическом наследии А. С. Макаренко / В. И. Петрова // Сов. педагогика. – 1979. – № 3. – С. 120–122.

339. Пеха Л. Попытка характерологического анализа личности А. С. Макаренко / Л. Пеха // Olomoucké setkání – A. S. Makarenko 1988. Sbornik z conference 23 – 25 března 1988 «A. S. Makarenko – klasik socialistické pedagogiky». Vydala Universita Palackého v Olomouci v roce 1989. – S. 100–109.

340. Пионеры макаренковедения : сб. научно-биографических ст. / под ред. В. М. Коротова и Л. Ю. Гордина. – М. : Изд. НИИ ТиМВ АПН СССР, 1991. – 192 с.

341. Письмо Максима Горького к тов. Гаврилину // Пролетарий. – 1926. – 16 июн.

342. Пише Горький з Італії // Більшовик Полтавщини. – 1925. – 12 серп.

343. Підлітки на приватних підприємствах // Комуніст. – 1927. – 5 серп.

344. Підсумки місячника допомоги безпритульним // Комуніст. – 1927. – 23 верес.

345. Повідомлення. Про порядок демонстрації 4-IX (зміни) // Комуніст. – 1927. – 4 верес.

346. Полтавская трудовая колония им. М. Горького. Полемика, документы, портреты (1920 – 1926 гг.) / сост.: Гетц Хиллиг. – Марбург, 2003. – 328 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 25).

347. Полтавский календарь Полтавского Губернского Стат. Ком. на 1909 год / изд.– Полтава : Типо-литогр. Губернского Правления, 1909. – VIII, 505 с.

348. Полтавська трудова колонія ім. М. Горького в документах і матеріалах (1920 – 1926 рр.). Ч. 1 / авт.-укл.: О. П. Єрмак, Л. В. Крамущенко, І. Ф. Кривонос, Н. М. Тарасевич ; за ред. І. А. Зязюна. – Полтава, 2002. – 269 с.

349. Полтавська трудова колонія ім. М. Горького в документах і матеріалах (1920 – 1926 рр.). Ч. 2 / авт.-укл. : О. П. Єрмак, Л. В. Крамущенко, І. Ф. Кривонос, Н. М. Тарасевич, А. В. Ткаченко ; за ред. І. А. Зязюна. – Полтава, 2002. – 216 с.

350. Полтавці про А. С. Макаренка (до 75 річниці з дня його народження) / [ред. кол. гуртка: Д. Іваненко та ін. ; відп. за видання С. М. Рижило] ; Полтав. держ. пед. ін-т імені В. Г. Короленка, Наук.-пед. гурток студентів-макаренківців. – Полтава, 1963. – 77 с.

351. Полтавці про А. С. Макаренка : зб. статей-спогадів вихованців, друзів і колишніх співробітників А. С. Макаренка / ред. кол. : Є. М. Рижило (відп. ред.) та ін. – К. : Рад. шк., 1968. – 59 с.

352. Полтавщина : енциклопедичний довідник / за ред. А. В. Кудрицького. – К. : УЕ, 1992. – 1024 с.

353. Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н. М. Книповича [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rucompany.ru/company.php?id_company=3247

354. Попова Л. Д. Научная и общественно-педагогическая деятельность А. С. Макаренко в Харьковской комиссии помощи детям / Л. Д. Попова // Olomoucké setkání – A. S. Makarenko 1988. Sbornik z conference 23 – 25 března 1988 «A. S. Makarenko – klasik socialistické pedagogiky». Vydala Universita Palackého v Olomouci v roce 1989. – S. 31–40.

355. Приїхав Анрі Барбюс // Комуніст. – 1927. – 11 верес.

356. Приложения // Статистический ежегодник Полтавского Губернского Земства на 1905 год. – Полтава : Типо-литогр. И. А. Дохмана, 1906. – С. 1–133.

357. Про набір до фабзавучів 1927 – 28 року // Комуніст. – 1927. – 13 серп.

358. Проект реорганизации детских домов. Единый трудовой корпус // Пролетарий. – 1927. – 1 сент.

359. Промисловість у боротьбі з безпритульністю // Комуніст. – 1927. – 18 груд.

360. Пряжников Н. С. Психология труда и человеческого достоинства / Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова. – М. : Академия, 2005. – 480 с.

361. Пушников С. П. Памяти А. С. Макаренко / С. П. Пушников // Наследие А. С. Макаренко и современная наука и практика. Вып. 12 / сост. С. С. Невская. – М., 1998. – С. 55–72. – (Серия «Неизвестный Макаренко»).

362. 5-тирічний ювілей трудовоі колонії імени Горького // Більшовик Полтавщини. – 1925. – 26 серп.

363. 5 років робфаку Інгоспу. (На урочистому засіданні в Інаргоспі) // Комуніст. – 1928. – 6 берез.

364. Ревенко М. Шукаймо винуватця / М. Ревенко // Голос труда. – 1922. – 27 мая.

365. Робітничо-селянські факультети // Комуніст. – 1927. – 20 жовт.

366. Розміщення вихованців з дитячих будинків // Комуніст. – 1928. – 16 берез.

367. Розміщення підлітків по артілях // Комуніст. – 1927. – 26 серп.

368. Розміщення підлітків по підприємствах // Комуніст. – 1927. – 17 лип.

369. Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма. История [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rgufk.ru/page/istoriya

370. Рост выпуска продукции по коммуне // Дзержинец. – 1936. – 7 нояб. – С. 5.

371. Самов. Интересные беседы / Самов // Дзержинец. – 1936. – 5 янв. – С. 1.

372. Санникова Н. Идеи социального менеджмента в теории и практике А. С. Макаренко / Н. Санникова // Социальная педагогика. – 2006. – № 2. – С. 39–46.

373. Санникова Нина. Педагогическое творчество А. С. Макаренко в аспекте социального менеджмента / Нина

Санникова // Імідж сучасного педагога. – 2008. – № 1–2 (80–81). – С. 28–29.

374. Санникова Н. Г. Социальный менеджмент в педагогике А. С. Макаренко / Н. Г. Санникова // Современный А. С. Макаренко: методология, теория и практика педагогики : материалы симпозиума и Первых российских педагогических чтений / редкол.: Ф. Ф. Харисов (председатель), М. Б. Зыков, А. А. Фролов. – М., 2008. – С. 125–132.

375. Санникова Н. Г. Теоретические основы профессиональной подготовки социального педагога как социально-педагогического менеджера : монография / Н. Г. Санникова. – Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 167 с.

376. С-в. Влад. «Горьковцы» побывали у Горького. Когда писатель приедет в Харьков? / Влад. С-в // Пролетарий. – 1928. – 21 июн.

377. С-в. Влад. Колонисты-горьковцы получили от Горького письмо: (К приезду писателя в Харьков) / Влад. С-в // Пролетарий. – 1928. – 31 мая.

378. Свидетельства искренней дружбы : воспоминания К. С. Кононенко о А. С. Макаренко / изд. : Гётц Хиллиг, Василий Марочко. – Марбург, 1997. – 102 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 20).

379. Свистун В. І. Сучасна підготовка студентів до управлінської діяльності в світлі творчої спадщини А. С. Макаренка / В. І. Свистун // Нові технології навчання. – К., 2002. – Вип. 39. – С. 166–175.

380. Свято першого снопа: (Дитяча колонія ім. Максима Горького) // Всесвіт. – 1927. – № 30. – С. 12.

381. Семенюк М. А. Идеи экономического воспитания в педагогическом наследии А. С. Макаренко / М. А. Семенюк // А. С. Макаренко и современная школа : сообщ. и тез. обл. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. С. Макаренко, (март 1988 г.) / [редкол.: Левковский М. В. (пред.) и др.]. – Житомир, 1988. – С. 61–62.

382. Сергеев А. Г. Светские и духовные властители Европы за 2000 лет / А. Г. Сергеев. – М. : Логос, 2003. – 1004 с.

383. Силаков П. Рождение марки «ФД» / П. Силаков // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 67–75.

384. Синявский В. В. А. С. Макаренко и вопросы профессионального самоопределения / В. В. Синявский // А. С. Макаренко – педагог и писатель : тез. докл. и сообщений респ. науч. конф. «Пед. наследие А. С. Макаренко и современные проблемы коммунистического воспитания», посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося сов. педагога и писателя). – Сумы, 1978. – С. 170–172.

385. Скандинавська робітнича // Комуніст. – 1927. – 20 листоп.

386. Скрипник М. О. Дзержинська путьовка // Політехнічна школа. – 1933. – № 3. – С. 20–32.

387. Сластенин В. А. Педагогика : учеб. пособ. для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов ; под ред. В. А. Сластенина. – М. : Академия, 2002. – 576 с.

388. С-лев Влад. Имени Горького: (Письмо со станции Рыжов) / Влад С-лев // Пролетарий. – 1927. – 6 июл.

389. С-лев Влад. У людей: Детская трудовая колония им. Ф. Э. Дзержинского / Влад С-лев // Пролетарий. – 1927. – 29 дек.

390. Соболев В. Коммунары-дзержинцы // Пролетарий. – 1928. – 1 апр.

391. Статистические сведения // Полтавский земский календарь Полтавского Губернского Земства на 1908 год. – Полтава : Типо-литогр. И. А. Дохмана, 1907. – С. 1–135.

392. Статистические сведения // Полтавский земский календарь Полтавского Губернского Земства на 1910 год. – Полтава : Элект. Типо-литогр. «Дохман», 1909. – С. 1–156.

393. Стельмахович М. Г. А. С. Макаренко як учитель-словесник : (До 100-річчя з дня народження) / М. Г. Стельмахович // Укр. мова і літ. в шк. – 1988. – № 3. – С. 70–74.

394. Стенографический отчет заседания секции социального воспитания УНИИПа, совместно с правлением трудкоммуны им. Дзержинского и представителями Наркомпроса от 14-го марта 1928 г. // На вершине «Олимпа». Подборка документов о конфликте Макаренко с представителями украинского «соцвоса», (февраль – март 1928 г.) / сост. Г. Хиллиг. – Марбург, 1991. – С. 38–109. – (Opuscula Makarenkiana Nr 12).

395. Стефанов П. В трудовій колонії ім. М. Горького / П. В. Стефанов // Вісти. – 1926. – 27 лип.

396. 150 лет Московской университетской обсерватории – Государственному Астрономическому институту имени П. К. Штернберга [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1168206&uri=index.html

397. Страдания «украинизированного» завкола. Деловые письма А. С. Макаренко на украинском языке (1924 – 1925 гг.) / изд. Г. Хиллиг. – Марбург, 1996. – 244 с. – (Opuscula Makarenkiana Nr 18).

398. Стрельбицький С. З Максимом Горким в його колонії / С. З. Стрельбицький // Народній учитель. – 1928. – 18 лип.

399. Стругацький. Дит-колонія ім. М. Горкого / Стругацький // На зміну. – 1927. – 30 листоп.

400. Струманский В. П. Проблема политехнизма в педагогической системе А. С. Макаренко: К 100-летию со дня рождения / В. П. Струманский // Сов. педагогика. – 1988. – № 3. – С. 35–37.

401. Сумный С. Ненапечатанная статья А. С. Макаренко / Семен Сумный // Нар. образование. – 1963. – № 2. – С. 96–98.

402. Сьогодні до Харкова прибуває М. Горький. Привіт дорогому гостеві! Горький відвідає колонію свого імени // Вісти. – 1928. – 8 лип.

403. Тарасевич Н. Піклування про колоністів-робітфаківців у вимірах гуманістичної спрямованості А. С. Макаренка / Н. Тарасевич // Витоки : альм. Укр. асоц. Антона Макаренка : зб. наук.-пед. і літ.-

публіцист. матеріалів / редкол.: Володимир Пащенко, Іван Берг, Володимир Беседа [та ін.]. – Полтава, 2004. – Вип. 2. – С. 198–201.

404. Татаринов Т. Командиры станков // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 60–66.

405. Тексты писем А. М. Горького и А. С. Макаренко // О педагогической деятельности А. С. Макаренко : труды Ин-та теории и истории педагогики / отв. ред.: Е. Н. Медынский, Н. А. Константинов. – М., 1952. – С. 230–268. – (Известия Академии педагогических наук РСФСР; вып. 38).

406. Тер-Гевондян А. Детский производительный труд в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского / А. Тер-Гевондян // Известия Акад. пед. наук РСФСР. – 1952. – Вып. 38.– С. 107–135.

407. Терский В. Н. А. С. Макаренко как человек и руководитель / В. Н. Терский // Нар. образование. – 1959. – № 4. – С. 69–71.

408. Терский В. Н. Великий педагог / В. Н. Терский // А. С. Макаренко. Кн. 3 : статьи / редкол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. – Львов, 1956. – С. 135–137.

409. Терский В. Верное оружие воспитателя / В. Терский // Нар. образование. – 1963. – № 3 (март). – С. 49–55.

410. Терский В. Н. Вожатый, ты – педагог! / В. Н. Терский. – М. : Мол. гвардия, 1965. – 110 с. – (Для тех, кто работает с пионерами).

411. Терский В. Н. Вожатый, ты – педагог! / В. Н. Терский. – М. : Мол. гвардия, 1973. – 96 с.

412. Терский В. Н. Вожатый, ты – педагог! / В. Н. Терский. – 3 изд., испр. и доп. – М. : Мол. гвардия, 1984. – 76 с.

413. Терский В. Заметки о воспитании / В. Терский // Нар. образование. – 1957. – № 3. – С. 97–99.

414. Терский В. Н. Игра. Творчество. Жизнь. Организация досуга школьников / В. Н. Терский, О. С. Кель. – М. : Просвещение, 1966. – 304 с.

415. Терский В. Н. Игры в практике А. С. Макаренко / В. Н. Терский // Сов. педагогика. – 1957. – № 6. – С. 54–66.

416. Терский В. Игры в практике А. С. Макаренко / В. Терский // Воспитание школьников. – 1988. – № 2. – С. 23–28.

417. Терский. Идем к школе живописи / Терский // Дзержинец. – 1936. – 16 янв. – С. 2.

418. Терский В. Н. Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко / В. Н. Терский ; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 152 с.

419. Терский В. Н. Наука управления у А. С. Макаренко: К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко / В. Н. Терский // Детская литература. – 1978. – № 3. – С. 32–36.

420. Терский В. Новички. (Воспоминания педагога) / В. Терский // Учит. газ. – 1941. – 30 март. – С. 3.

421. Терский В. Н. О пьесе «Мажор» / В. Н. Терский // Сов. педагогика. – 1969. – № 6. – С. 125–128.

422. Терский В. Н. О развитии технического творчества детей в опыте А. С. Макаренко / В. Н. Терский // Школа и производство. – 1963. – № 3. – С. 20–22.

423. Терский В. Н. Черчение в практике А. С. Макаренко / В. Н. Терский // Нар. образование. – 1964. – № 3. – С. 39–40.

424. Тімський П. Триста тридцять (В трудовій колонії імени Горького) / П. Тімський // Комуніст. – 1926. – 6 липн.

425. Ткаченко А. Аналіз особливостей професійного самовизначення вихованців Дитячої трудової комуни імені Ф. Е. Дзержинського / А. Ткаченко // Витоки педагогічної майстерності : зб. наук. праць / Полтав. нац. пед. ун-ту імені В. Г. Короленка. – Полтава, 2012. – Вип. 9. – С. 291–299. – (Серія «Педагогічні науки»).

426. Ткаченко А. В. Деякі аспекти формування управлінського професіоналізму А. С. Макаренка в «горьківський» період його педагогічної творчості / А. В. Ткаченко // Витоки педагогічної

майстерності : зб. наук. праць / Полтав. держ. пед. ун-ту імені В. Г. Короленка. – Полтава, 2009. – Вип. 6. – С. 220–227.

427. Ткаченко А. В. Забезпечення основ професійного розвитку вихованців як педагогічне завдання трудового дитячого корпусу А. С. Макаренка / А. В. Ткаченко // Педагогічні науки : теорія, історія, інноваційні технології : наук. журнал / Сумський держ. пед. ун-т ім. А. С. Макаренко. – Суми, 2010. – № 8. – С. 66–74.

428. Ткаченко А. В. Завод електроінструментів дитячої трудової комуни імені Ф. Е. Дзержинського як середовище професійного розвитку особистості / А. В. Ткаченко // Педагогіка і психологія професійної освіти. – 2011. – № 6. – С. 183–192.

429. Ткаченко А. В. Завод фотоапаратів Дитячої трудової комуни імені Ф. Е. Дзержинського як індустріальний фон і засіб професійного розвитку вихованців / А. В. Ткаченко // Наукові праці / Донец. нац. техн. ун-т. – Донецьк, 2011. – Вип. 10 (193). – С. 16–22. – (Серія: Педагогіка, психологія і соціологія).

430. Ткаченко А. В. Загальноосвітні установи Дитячої трудової комуни імені Ф. Е. Дзержинського і професіоналізація вихованців / А. В. Ткаченко // Педагогічні науки: теорія, історія, інноваційні технології : наук. журнал / Сумський держ. пед. ун-т ім. А. С. Макаренко. – Суми, 2011. – № 6–7 (16–17). – С. 55–65.

431. Ткаченко А. В. Категоріальний статус поняття «професійний розвиток особистості» / А. В. Ткаченко // Витоки педагогічної майстерності : зб. наук. праць / Полтав. нац. пед. ун-ту імені В. Г. Короленка. – Полтава, 2011. – Вип. 8 (2). – С. 263–269.

432. Ткаченко А. В. Колония имени Горького : малоизвестные страницы украинской периодики / А. В. Ткаченко // Мировое признание педагогического наследия А. С. Макаренко : сб. науч. трудов / Рос. академия образования, Рос. пед. общество. – М., 2010. – С. 135–141. – (Макаренко : альманах. 2010/2).

433. Ткаченко А. Макаренківський проект трудового дитячого корпусу Харківського округу / А. В. Ткаченко // Імідж сучасного педагога. – 2008. – № 7–8. – С. 100–102.

434. Ткаченко А. В. Маловідомі аспекти професійного розвитку вихованців у практиці А. С. Макаренка: інтерв'ю з останнім російським комунаром / А. В. Ткаченко // Методика викладання природничих дисциплін у вищій школі». XVIII Каришинські читання : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., (Полтава, 26 – 27 трав. 2011 р.) / Полтав. нац. пед. ун-т імені В. Г. Короленка ; за заг. ред. проф. М. В. Гриньової. – Полтава, 2011. – С. 49–52.

435. Ткаченко А. В. Невідома посада А. С. Макаренка / А. В. Ткаченко // Імідж сучасного педагога. – 2008. – № 1–2. – С. 14–16.

436. Ткаченко А. В. Початковий етап формування виробничо-освітнього потенціалу Дитячої трудової комуни імені Ф. Е. Дзержинського / А. В. Ткаченко // Наукові записки / Кіровоград. держ. пед. ун-т ім. Володимира Винниченка. – Кіровоград 2011. – Вип. 101.– С. 303–310. – (Серія: Педагогічні науки).

437. Ткаченко А. В. Професійний розвиток особистості в контексті макаренківської педагогічної спадщини / А. В. Ткаченко // Витоки педагогічної майстерності : зб. наук. праць / Полтав. нац. пед. ун-ту імені В. Г. Короленка. – Полтава, 2010. – Вип. 7. – С. 209–215.

438. Ткаченко А. В. Професійно-освітнє оточення Харківської трудової колонії імені М. Горького / А. В. Ткаченко // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – Луганськ, 2011. – Ч. IV. № 20. – С. 54–62. – (Серія: Педагогічні науки).

439. Ткаченко А. В. Профессиогенетический підхід у педагогічній біографістиці (на прикладі аналізу творчої спадщини А. С. Макаренка) / А. В. Ткаченко // Імідж сучасного педагога. – 2011. – № 3. – С. 43–46.

440. Ткаченко А. В. Робфак Дитячої трудової комуни імені Ф. Е. Дзержинського і завдання професійного розвитку вихованців / А. В. Ткаченко // Імідж сучасного педагога. – 2011. – № 10. – С. 54–56.

441. Ткаченко А. В. Система професійного навчання і виховання в Полтавській трудовій колонії імені М. Горького / А. В. Ткаченко // Обрії. – 2011. – № 1. – С. 61–64.

442. Ткаченко А. В. Технікум Дитячої трудової комуни імені Ф. Е. Дзержинського / А. В. Ткаченко // Науковий вісник : зб. наук. праць / Миколаїв. держ. ун-т імені В. О. Сухомлинського ; за ред. В. Д. Будака, О. М. Пєхоти. – Миколаїв, 2012. – Вип. 1.36. – С. 128–132. – (Серія «Педагогічні науки»).

443. Ткаченко А. В. Українські засоби масової інформації як джерело з історії трудової колонії імені М. Горького / А. В. Ткаченко // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – Луганськ, 2010. – № 16, ч. ІІ. – С. 286–293. – (Серія: Педагогічні науки).

444. Ткаченко А. В. Умови професіоналізації підлітків у Харківській трудовій колонії імені М. Горького / А. В. Ткаченко // Педагогічні науки: теорія, історія, інноваційні технології : наук. журнал / Сумський держ. пед. ун-т ім. А. С. Макаренко. – Суми, 2011. – № 2 (12). – С. 104–114.

445. Ткаченко А. В. Харківська трудова колонія ім. М. Горького і курязька релігійна громада / А. В. Ткаченко // Витоки педагогічної майстерності : зб. наук. праць / Полтав. держ. пед. ун-ту імені В. Г. Короленка. – Полтава, 2008. – Вип. 4. – С. 111–118.

446. Ткаченко А. В. Харківська трудова колонія імені М. Горького в умовах державної практики професійної освіти і працевлаштування вихованців інтернатних установ (20-і роки минулого століття) / А. В. Ткаченко // Наукові записки / Тернопіл. нац. пед. ун-т імені Володимира Гнатюка. – Тернопіль, 2011. – № 4. – С. 106–113. – (Серія: Педагогіка).

447. Три съезда : сб. статей по вопросам помощи детям. – Х. : Изд-во журн. «Друг детей», 1925. – 74 с.

448. «Ты научила меня плакать…» (Переписка А. С. Макаренко с женой. 1927 – 1939) : в 2 т. Т. 1 / сост. и комментарии Г. Хиллига и

С. Невской, введение Г. Хиллига. – М. : Витязь, 1994. – 216 с. – (Серия «Неизвестный Макаренко»).

449. «Ты научила меня плакать…» (Переписка А. С. Макаренко с женой. 1927 – 1939) : в 2 т. Т. 2 / сост. и комментарии Г. Хиллига и С. Невской, введение Г. Хиллига. – М. : Витязь, 1994. – 292 с. – (Серия «Неизвестный Макаренко»).

450. У Наркомосвіті // Народній учитель. – 1927. – 9 лют.

451. Уже підібрано 150 безпритульних // Комуніст. – 1927. – 4 листоп.

452. Ученичество у кустарей // Харьковский пролетарий. – 1927. – 20 жовт.

453. Фабрично-заводская промышленность по Полтавской губернии. По сведениям, полученным от владельцев фабрик и заводов. – Полтава : Типо-Литогр. Губ. Прав. арен. Д. Н. Подземским, 1905. – 219 с.

454. Фаркаш Э. Этический вызов Макаренко / Э. Фаркаш // Этическая мисль : науч.-публицист. чтения. – М., 1988. – С. 191–201.

455. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Физический институт им. П. Н. Лебедева Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.lebedev.ru/ru/history/source/

456. Федько. Максим Горький у Куряжі // Народній учитель. – 1928. – 11 липн.

457. Фере Н. Э. К истории создания очерка «На гигантском фронте» // А. С. Макаренко. Кн. 8 : сб. статей / ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. – Львов, 1971. – С. 112–124.

458. Фере Н. Э. Мой учитель / Н. Э. Фере // Воспоминания о Макаренко / сост. Н. А. Лялин и Н. А. Морозова. – Л., 1960. – С. 99–213.

459. Фере Н. Э. Сельскохозяйственный труд в колонии имени Максима Горького / Н. Э. Фере // Воспоминания о Макаренко / сост. Н. А. Лялин и Н. А. Морозова. – Л. : Лениздат, 1960. – С. 213–232.

460. Французькі комунальники в Харкові // Комуніст. – 1928. – 14 берез.

461. Фролов А. А. А. С. Макаренко: организация труда и коллектив / А. А. Фролов // Сов. педагогика – 1978. – № 2. – С. 138–140.

462. Фролов А. А. Воспитание в процессе труда на производстве: Из опыта А. С. Макаренко / А. А. Фролов // Школа и производство, 1978. – № 3. – С. 21–26.

463. Фролов А. А. Концепція педагогіки А. Макаренка / А. А. Фролов // Педагогіка і психологія. – 1998. – № 1. – С. 95–102.

464. Фролов А. А. Организация труда воспитанников на промышленном предприятии и производственное обучение в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского / А. А. Фролов // Вопросы трудового воспитания и политехнического обучения в истории советской педагогики и школы. –Вологда, 1976. – Вып. III. – С. 27–36.

465. Фролов А. А. Педагогика А. С. Макаренко – наука о взаимодействии поколений / А. А. Фролов // Современный А. С. Макаренко: методология, теория и практика педагогіки : материалы симпозиума и Первых российских педагогических чтений / редкол.: Ф. Ф. Харисов (председатель), М. Б. Зыков, А. А. Фролов. – М., 2008. – С. 32–42.

466. Фролов А. Проблема «педагогической нейтральности трудового процесса» в наследии А. С. Макаренко / А. Фролов // Воспитание школьников. – 2005. – № 4. – С. 14–18.

467. Фролов А. А. Социальное воспитание и наследие А. С. Макаренко / А. А. Фролов // Педагогика. – 2002. – № 6. – С. 71–77.

468. Харьковский календарь Харьковского Губернского Статистического Комитета на 1915 год. – Х., 1915. – 537 с.

469. Хиллиг Г. А. С. Макаренко и Болшевская коммуна / Г. Хиллиг // А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт / сост. А. А. Фролов. – Н. Новгород, 1992. – С. 97–108.

470. Хиллиг Г. Введение / Г. Хиллиг // «Ты научила меня плакать…» (Переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939) : в 2 т. Т. 1 / сост. и комментарии Г. Хиллига и С. Невской, введение Г. Хиллига. – М., 1994. – С. 5–12.

471. Хиллиг Г. Колония им. М. Горького – лаборатория и сцена Макаренко-воспитателя / Г. Хиллиг // Постметодика. – 2003. – № 2. – С. 4–26.

472. Хоптяр А. С. А. С. Макаренко о профессиональной ориентации молодежи / А. С. Хоптяр // А. С. Макаренко – педагог и писатель : тез. докл. и сооб. респ. науч. конф. «Пед. наследие А. С. Макаренко и соврем. пробл. ком. воспитания», посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося сов. педагога и писателя). – Сумы, 1978. – С. 150–152.

473. Хроніка // Робітник. – 1926. – 21 трав.

474. Хто буде вчитися в ВУЗ'ах // Комуніст. – 1927. – 6 верес.

475. Чемпіон хуліганства // Комуніст. – 1928. – 10 лип.

476. Червоні фронтовики на заводах // Комуніст. – 1927. – 19 листоп.

477. Черевченко Т. М. Україна в життєвому просторі академіка М. І. Вавилова / Т. М. Черевченко, В. М. Самородов // Вісник Полтавської державної аграрної академії. – Полтава, 2007. – № 4. – С. 7–12.

478. Черная книга коммунизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.goldentime.ru/nbk_11.htm

479. Шаповал Ю. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи / Ю. Шаповал, В. Пристайко, В. Золотарьов. – К. : Абрис, 1997. – 608 с.

480. Швед С. Мы в комсомолии живем // Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, Харьков / С. Швед ; сост.: И. Бачелис, С. Шаховский, Л. Гольдфарб. – Х., 1932. – С. 76–80.

481. Шпак В. П. Реабілітаційна діяльність зарубіжних і вітчизняних виправно-виховних закладів у XIX – на початку XX ст. / В. П. Шпак. – Полтава : АСМІ, 2005. – 335 с.

482. Юрченко Е. З. Из воспоминаний об Антоне Семеновиче Макаренко / Е. З. Юрченко // Воспоминания о Макаренко. – Л., 1960. – С. 243–251.

483. Ярмаченко Н. Д. Педагогическая деятельность и творческое наследие А. С. Макаренко : кн. для учителя / Н. Д. Ярмаченко. – К. : Рад. шк., 1989. – 191 с.

484. Ярмаченко М. Д. Сучасність педагогічної спадщини А. С. Макаренка: До 100-річчя з дня народження / М. Д. Ярмаченко. – К. : Знання, 1988. – 48 с.

485. Ярошенко. За стахановський фото-завод / Ярошенко // Дзержинец. – 1936. – 5 янв.

486. Auf holprigen Wegen der Pädagogik oder Makarenkos «Marsch» durch das Jahr zweiunddreißig. Vier mehr und sieben weniger bekannte Zeugnisse, im Jubeljahr fünfundsiebzig für Leser deutscher Zunge an den Tag gebracht von einem Marburger [G.Hillig (Hrsg.)]. – Marburg : Makarenko-Referat, 1975. – 96 s. – (Opuscula Makarenkiana Nr 1).

487. Hillig G. Verblaßte Gesichter, vergessene Menschen: 28 Porträts von «Freunden» und «Feinden» A. S. Makarenkos / G. Hillig. – Bremen : Ed. Temmen, 1999. – 296 s.

488. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 1: Abt. 1, Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Kleinere Veröffentlichungen: 1923 bis 1931 / Anton S. Makarenko ; bearb. von Siegfried Weitz und Götz Hillig. – Ravensburg : Maier, 1976. – XXIII s., 128 Doppels., 64 s.

489. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / Anton S. Makarenko ; hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 2: Abt. 1, Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Der Marsch des Jahres dreißig / bearb. von Siegfried Weitz und Götz Hillig. – Ravensburg : Maier, 1977. – XI s., 164 Doppels., 27 s.

490. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / Anton S. Makarenko ; hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 3: Abt. 1,

Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Ein pädagogisches Poem: Teil 1. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1982. – XII s., 247 Doppels., 88 s.

491. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / Anton S. Makarenko ; hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 4: Abt. 1, Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Ein pädagogisches Poem: Teil 2. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1982. – IX s., 207 Doppels., 97 s.

492. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / Anton S. Makarenko ; hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 5: Abt. 1, Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Ein pädagogisches Poem: Teil 3. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1982. – IX s., 256 Doppels., 132 s.

493. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / Anton S. Makarenko ; hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 7: Abt. 1, Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Kleinere Veröffentlichungen: 1932 – 1936 / bearb. von Götz Hillig. – Ravensburg : Maier, 1976. – XIII s., 208 Doppels., 48 s.

494. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 9: Abt. 1, Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Kleinere Veröffentlichungen: 1937 / Anton S. Makarenko ; bearb. von Götz Hillig und Siegfried Weitz – Ravensburg: Maier, 1978. – XV s., 147 Doppels., 58 s.

495. Makarenko, Anton S. Gesammelte Werke: Marburger Ausg. / Anton S. Makarenko ; hrsg. von Leonhard Froese… Bd. 13: Abt. 1, Veröffentlichungen zu Lebzeiten. Die Makarenko-Drucke: 1923 – 1939; chronolog. Verz. d. zu Lebzeiten erschienenen Werke / zsgest. von Götz Hillig. – Ravensburg : Maier, 1976. – XIII, 164 s.

496. Makarenko-Materialien IV. Ucrainica. A. S. Makarenkos padagogische Tätigkeit im Spiegel der ukrainischsprachigen Presse (1924 – 1937) / G. Hillig (Hrsg.). – Marburg : VVG, 1982. – 290 s.

497. Oksa M. Neue Archivmaterialien zu Makarenkos Tätigkeit in der Char'kover Bezirkskinderhilfe. In: Hundert Jahre Anton Makarenko. Neue Studien zur Biographie / Oksa M. ; Hrsg. von G. Hillig. – Bremen : Edition Temmen, 1988. – S. 89–99.

498. Tkačenko A. V. Il «corpo d'armata infantile del lavoro». Un progetto poco conosciuto del pedagogista Makarenko / A. V. Tkačenko // Slavia. – 2011. – N. 1. – P. 202–216.

Центральний державний архів
вищих органів влади і управління України
Фонд 166. Міністерство освіти України

499. Матеріали про охорону дитинства на Україні (постанови, інструкції, протоколи, листування). – ЦДАВОВУ, ф. 166, оп. 4, спр. 912, 579 арк.

500. Проект постанови Раднаркому, доповідна записка Наркомосу УСРР та листування з Раднаркомом і Запорізькою окружною інспекцією народної освіти про перевод колонії ім. Горького з Полтавського округу (маєтка бувшого Трепке) до Харківського округу (бувшого Курязького монастиря), передачу маєтку колишнього Попова в м. Житомирі у відання Наркомосу та передачу помешкання Запорізького дитбудинку глухонімих 90-му Уральському стрілецькому полку й перевод дитбудинку в бувший маєток Попова. – ЦДАВОВУ, ф. 166, оп. 6, спр. 1823, 48 арк.

501. Листування з колонією ім. Горького про штати. – ЦДАВОВУ, ф. 166, оп. 6, т. 2, спр. 2974, 16 арк.

502. Листування з Центральною комісією допомоги дітям при ВУЦВКу, Харків-ським окрвиконкомом і комісією в справах неповнолітніх про відпуск коштів на поширення колонії ім. Горького тощо. Акт обслідування колонії ім. Горького. – ЦДАВОВУ, ф. 166, оп. 6, т. 2, спр. 2975, 22 арк.

Фонд 1238. Державний український трест кінопромисловості
Державного всесоюзного кінофотооб'єднання «Союзкіно»
(Українфільм)

503. Листування з Радкіно, Держвійськкіно, обласними відділами ВУФКУ, Одеською кінофабрикою та іншими установами

про налагодження роботи по випуску хронікально-документальних фільмів. – ЦДАВОВУ, ф. 1238, оп. 1, спр. 125, 352 арк.

Фонд 2717. Всеукраїнський комітет Всесоюзної професійної спілки робітників просвіти

504. Шефство над трудколонією ім. Горького. – ЦДАВОВУ, ф. 2717, оп. 1, спр. 157, 13 арк.

Российский государственный архив литературы и искусства
Фонд 332. Макаренко Антон Семёнович

505. Переписка коммуны с различными организациями и учреждениями об откомандировании воспитанников коммуны в высшие учебные заведения, о культурно-воспитательной работе в коммуне и по другим вопросам. Подлинники и копии. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 24, 158 л.

506. Доклад А. С. Макаренко о состоянии воспитательной работы в коммуне за 1930 год и резолюция правления коммуны по докладу. Копии. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 29, 22 л.

507. Протоколы заседаний педагогического Совета рабфака коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Копии. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 30, 70 л.

508. Ответы коммунаров (анкетные) по вопросам дальнейшей учебы и специализации. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 32, 131 л.

509. Докладная записка заведующего учебной частью школьного комбината коммуны о состоянии учебы в комбинате; сведения и отчеты о работе рабфака и неполной средней школы комбината. Подлинники и копии. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 35, 6 л.

510. Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 251, 4 л.

511. Старым горьковцам. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 294, 1 л.

512. Мандат, Удостоверение. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 367, 2 л.

513. Рапорт Н. Э. Фере о проверке Гиевской и Будянской трудовых колоний Харьковского округа. 5 декабря 1927 г. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 371, 3 л.

514. Рапорт в правление Коммуны Дзержинского. – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 379, 2 л.

Державний архів Харківської області
Фонд П-5. Харківський окружний комітет КП(б)У. 1924–1930 рр.

515. Протоколы заседаний бюро с № 6 по № 16 и материалы к ним. – ДАХО, ф. П-5, оп. 1, спр. 24, 157 арк.

Фонд П-9. Харківська Окружна Контрольна комісія КП(б)У. 1925–1930 рр.

516. Протоколы заседаний партийной коллегии Окружной Контрольной Комиссии № 67–89. – ДАХО, ф. П-9, оп. 1, спр. 18, 266 арк.

Фонд Р-408. Харьковский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

517. Материалы о работе комиссии социального воспитания горсовета (протоколы, заявления, акты и др.). – ДАХО, ф. Р-408, оп. 2, спр. 1119, 581 арк.

518. Протокол № 32 заседания президиума горсовета от 21 октября 1927 года и материалы к нему. – ДАХО, ф. Р-408, оп. 4, спр. 171, 48 арк.

519. Отчет о состоянии народного образования на Харьковщине. – ДАХО, ф. Р-408, оп. 6, спр. 38, 38 арк.

Фонд Р-845. Харьковский окружной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

520. Протоколы заседаний президиума окрисполкома. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 2, спр. 455, 387 арк.

521. Протоклы заседаний президиума Харьковского окружного исполкома и материалы к ним. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 2, спр. 459, 440 арк.

522. Протоколы заседаний комиссий и совещаний при окрисполкоме. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 2, спр. 461, 175 арк.

523. Переписка Преображенской церкви в с. Куряж Харьковского района. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 2, спр. 893, 179 арк.

524. Переписка Преображенской церкви слободы Подворки Коротичского района. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 2, спр. 1007, 10 арк.

525. Протоколы заседаний структурно-штатной комиссии Окрисполкома. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 669, 112 арк.

526. Материалы к протоколам структурно-штатной комиссии Окрисполкома. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 672, 530 арк.

527. О штатах учреждений округа на 1926/27 и 1927/28 бюджетный год. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 726, 543 арк.

528. О работе детских домов. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1016, 120 арк.

529. О работе детских домов. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1017, 52 арк.

530. Информация о деятельности окружной инспектуры народного образования. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1032, 235 арк.

531. Информация о деятельности окружного комитета добровольного общества «Друзья детей» и окружной комиссии помощи детям. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1082, 119 арк.

532. Протоколы заседаний Окружной плановой комиссии. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1375, 73 арк.

533. Протоколы заседаний фиансово-бюджетной секции окружной плановой комиссии за 1927/28 год и материалы к ним. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1391, 426 арк.

534. Протоколы заседаний финансово-бюджетной секции окружной плановой комиссии за 27 – 28 гг. и материалы к ним. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1392, 438 арк.

535. О закреплении помещений за учреждениями. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1572, 544 арк.

536. О работе детских домов и детских садов. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1778, 259 арк.

537. Информации о деятельности окружной инспектуры народного образования. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1795, 205 арк.

538. О борьбе с беспризорностью. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 1870, 156 арк.

539. Протоколы заседаний президиума окрисполкома №№ 110/140 – 130/160. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 3387, 543 арк.

540. Протоколы заседаний президиума окрисполкома №№ 91 – 105. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 3, спр. 3406, 434 арк.

541. Сербский З. Н. – ДАХО, ф. Р-845, оп. 4, спр. 377, 8 арк.

Фонд Р-855. Инспектура охраны здоровья Харьковского окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

542. Переписка с медицинскими, финансовыми и административными организациями. – ДАХО, ф. Р-855, оп. 3, спр. 14, 255 арк.

Фонд Р-858. Харьковская окружная инспектура народного образования

543. Материалы по обследованию школ. Цифровые данные, объяснительные записки и протоколы Окринспектуры по вопросу обследования школ и курсов. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 5, 189 арк.

544. Протоколы, оперативные планы, контрольные цифры, пояснительная записка к пятилетнему плану Наркомпроса по местному бюджету. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 16, 238 арк.

545. Постановления, выписки из протоколов ВУЦИК’а, Харьковского Окрплана. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 23, 53 арк.

546. Объяснительные записки по расследованию напечатанных заметок в газете «Харьковский пролетарий». – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 46, 125 арк.

547. Структура Народного образования Харьковского округа. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 54, 55 арк.

548. Ведомости и акты обследований домов рабочих подростков. Переписка по вопросам финансирования школ. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 65, 73 арк.

549. Акты обследований, сметы на ремонт детских колоний списки производств Харьковской Окринспектуры Народного образования. Операционные планы учебно-воспитательной работы. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 84, 309 арк.

550. Приказы по Харьковской Окринспектуре (по личному составу окринспектуры). – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 88, 57 арк.

551. Анкеты обследования школ гор. Харькова на 1 октября 1930 года. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 107, 226 арк.

552. Проекты штатов трудшкол, техникумов, районных библиотек, детколлектора на 1930 – 1931 год. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 1, спр. 108, 119 арк.

553. Переписка с Окрпаркомом. V 1926 – XII 1926. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 2, спр. 3, 101 арк.

554. Переписка с Харьковским Окрисполкомом и Горсоветом. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 2, спр. 5, 229 арк.

555. Секретная переписка. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 2, спр. 6, 297 арк.

556. Переписка с Окрпаркомом 1928 г. – 1 окт. 1929 год. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 2, спр. 7, 197 арк.

557. Удостоверения-командировки КП(б) Украины педагогам; список руковод. раб. инспектуры, зав. детдомами, райинспенктур. и зав. профшколы. – ДАХО, ф. Р-858, оп. 2, спр. 10, 121 арк.

Фонд Р-917. Отдел народного образования исполкома Харьковского городского Совета депутатов трудящихся (ГорОНО), г. Харьков

558. Протоколы заседаний президиума окружной комиссии товарищества помощи детям за 1926 г. – ДАХО, ф. Р-917, оп. 1, спр. 27, 268 арк.

559. Планы работ секции народного образования Харьковского Горсовета, окружной комиссии помощи детям, комиссии политического просвещения. Протоколы заседаний центральной комиссии по проверке наказа избирателей Харьковского горсовета XI созыва. – ДАХО, ф. Р-917, оп. 1, спр. 40, 58 арк.

560. Протоколы заседаний президиума окружной комиссии помощи детям за 1927 г. – ДАХО, ф. Р-917, оп. 1, спр. 43, 383 арк.

561. Протоколы пленумов комиссии социального воспитания. – ДАХО, ф. Р-917, оп. 1, спр. 44, 122 арк.

562. Протоколы и выписки из протоколов по вопросам усиления помощи детям. – ДАХО, ф. Р-917, оп. 1, спр. 64, 104 арк.

563. Протоколы окружной комиссии товарищества помощи детям. – ДАХО, ф. Р-917, оп. 1, спр. 79, 163 арк.

564. План работы детской трудовой Коммуны им. Дзержинского на 1928 г. – ДАХО, ф. Р-917, оп. 1, спр. 85, 19 арк.

Фонд Р-1179. Финансовый отдел Харьковского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и канцелярия финансовых инспекторов 4-го района

565. Протоколы бюро фракции Окрисполкома. – ДАХО, ф. Р-1179, оп. 19, спр. 12, 100 арк.

Фонд Р-1296. Плановая комиссия Харьковского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

566. Протоколы заседаний Харьковской окружной плановой комиссии, президиума Харьковского ОИК XI созыва и его постановления. – ДАХО, ф. Р-1296, оп. 1, спр. 47, 578 арк.

Фонд Р-1492. Харьковское окружное отделение Всеукраинского общества «Друзья детей»

567. Материалы о проведении кампаний по оказании помощи детям и борьбе с беспризорностью. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 30, 227 арк.

568. Переписка с центральными, республиканскими и местными учреждениями и организациями и отдельными гражданами. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 31, 421 арк.

569. Протоколы заседаний, планы работы и отчеты о деятельности Октябрьского райкома ячеек «Друзей детей» г. Харькова, переписка с ним. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 46, 144 арк.

570. Протоколы заседаний, планы работы и отчеты о деятельности Октябрьского райкома ячеек «Друзей детей» города Харькова, переписка с ним. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 48, 101 арк.

571. Материалы для периодических изданий о помощи детям и борьбе с беспризорностью на Харьковщине. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 54, 189 арк.

572. Протоколы заседаний бюро ячейки «Друзья детей» Харьковского центрального рабочего кооператива и сведения о расходовании средств на оказание шефской помощи Куряжской детской трудовой коммуны им. М. Горького. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 85, 43 арк.

573. Протоколы заседаний бюро и шефских комитетов ячеек «Друзей детей» предприятий, учреждений и организаций гор. Харькова, переписка с ним. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 91, 275 арк.

574. Протоколы заседаний президиума Харьковской окружной комиссии помощи детям и переписка с ней. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 104, 309 арк.

575. Протоколы заседаний, планы работы и отчеты о деятельности Октябрьского райкома ячеек «Друзей детей» гор. Харькова, переписка с ним. – ДАХО, ф. Р-1492, оп. 1, спр. 107, 110 арк.

Фонд Р-4511. Харьковский комбинат им. Дзержинского НКВД СССР

576. Распоряжения ГПУ УССР и служебные записки о работе производства. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 1, 29 арк.

577. Заявки на изготовление фотоаппаратов и электросверлилок. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 2, 24 арк.

578. Переписка с ГПУ УССР и заводами по личному составу. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 3, 77 арк.

579. Переписка с ГПУ УССР по личному составу. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 4, 57 арк.

580. Характеристики на работающих в Коммуне. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 5, 51 арк.

581. Переписка по личному составу совхоза им. Балицкого. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 6, 75 арк.

582. Приказы и циркулярные распоряжения по Административно-Хозяйственному Управлению Народного Комиссариата Внутренних дел УССР. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 7, 20 арк.

583. Приказы, циркуляры и распоряжения НКВД УССР. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 8, 27 арк.

584. Переписка с НКВД УССР по мобнарядам. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 9, 26 арк.

585. Списки личного состава Коммуны и переписка с АХУ НКВД УССР по личному составу. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 10, 92 арк.

586. Характеристики на работников учебно-воспитательной части Коммуны. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 11, 50 арк.

587. Переписка с ХОУ НКВД об учете оружия и продлении сроков ношения ра-ботниками Коммуны. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 12, 48 арк.

588. Переписка с НКВД СССР и УССР о поставке продукции. – ДАХО, ф. Р-4511, оп. 1, спр. 13, 59 арк.

Державний архів Полтавської області

Фонд Р-363. Полтавський Окружний Виконавчий Комітет Ради робітничих, селянських та червоноармійських депутатів (Окрвиконком)

589. Протоколи губернської планової комісії з 9 травня по 4 серпня 1924 р.; З'їзду Комітету Незаможних селян від 14 – 17 червня 1924 р.; Наради голів Райвиконкомів та агрономів Землеустрою від 22-го травня і 10 червня 1924 р.; переписка з Райвиконкомами та іншими установами про реалізацію селянської позики, про розвиток діяльності промислових артілей та по іншим питанням. – ДАПО, ф. Р-363, оп. 1, спр. 29, 302 арк.

590. Протокли засідань і нарад комісій: технічної, експертної, прийомо-здаточної, засідань Окружної комісії незаможних селян (копії), доповіді про стан кол-госпів, діяльність Окружного земельного відділу, висновки обслідування районних земельних управлінь, землевпорядження агрономічних баз колективних та кооперативних об'єднань Полтавської округи за 1924 рік. – ДАПО, ф. Р-363, оп. 1, спр. 49, 401 арк.

591. Протоколи засідання президії Руновщанського райвиконкому з 2 січня по 12 грудня 1925 р. (копії). – ДАПО, ф. Р-363, оп. 1, спр. 401, 223 арк.

Фонд Р-1503. Полтавский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губисполком)

592. Протоколы и выписки из протоколов заседаний Полтавской губернской и уездных советов защиты детей за март – июнь – октябрь

1922 года. Инструкция по патронированию детей; переписка с губернским отделом народного образования и другими учреждениями о помощи детям пострадавших гу-берний от неурожая. – ДАПО, ф. Р-1503, оп. 1, спр. 50, 93 арк.

593. Циркуляры Губисполкома и губернского земуправления о порядке переселения на свободные земли, реализации зернопродуктов; доклады и переписка с Гублесуправлением о снабжении топливом школ, больниц, борьбе с заболеванием скота сапом и другим вопросам. Протоколы и выписки из протоколов заседаний плановой комиссии Полтавского Уземотдела по реорганизации состава Мартыновского сельскохозяйственного товарищества. – ДАПО, ф. Р-1503, оп. 1, спр. 91, 159 арк.

594. Переписка с Полтавским окрисполкомом об отуске кредита на посевной материал, о премировании работников сельского хозяйства за повышение урожайности с/х продуктов, передаче в собственность бывш. имения Трепке детской трудовой колонии им. Горького. об ассигновании средств на ликвидацию неграмотности и по другим вопросам. – ДАПО, ф. Р-1503, оп. 1, спр. 408, 232 арк.

Фонд Р-3872. Отдел управления Полтавского губернського исполнительного комитета Совета робочих, крестьянских и красноармейских депутатов

595. Месячные отчеты, декадные сводки о деятельности Полтавского губернского отдела народного образования и Центрального пролетарского музея Полтавщины на 1921 г. – ДАПО, ф. Р-3872, оп. 1, спр. 549, 166 арк.

Фонд Р-8805. Коллекция фотокопий документов по истории г. Полтавы и Полтавской области

596. Справа Народного Комісаріату освіти УРСР про стан Колонії ім. Горького в с. Ковалівка Полтавської губернії. – ДАПО, ф. Р-8805, оп. 3, спр. 3, 126 арк.

597. Звітні відомості про стан Полтавської трудової колонії ім. Горького і довідка, видана нею А. С. Макаренку про працю його в колонії. – ДАПО, ф. Р-8805, оп. 3, спр. 6, 26 арк.

598. Справа Наркомпросу про стан Полтавської колонії ім. Горького і надання коштів на її утримання. – ДАПО, ф. Р-8805, оп. 3, спр. 7, 46 арк.

599. Справа Народного комісаріату освіти УРСР про стан і роботу Полтавської трудової колонії ім. Горького. – ДАПО, ф. Р-8805, оп. 3, спр. 10, 99 арк.

600. Справа Наркомпросу УРСР про стан та роботу Полтавської трудової колонії ім. Горького. – ДАПО, ф. Р-8805, оп. 3, спр. 11, 97 арк.

601. Справа Всеукраїнської Центральної профспілки робітників освіти про взяття шефства над Полтавською колонією ім. Горького. – ДАПО, ф. Р-8805, оп. 3, спр. 12, 19 арк.

Архив Лаборатории «Макаренко-реферат»
Научно-исследовательского центра сравнительной педагогики
Марбургского университета имени Филиппа

602. Записная книжка А. С. Макаренко № 8. [Машинописная копия].

Архів Полтавського національного педагогічного університету
імені В. Г. Короленка

603. Справа С. П. Пушнікова. – 34 арк.

Архів музею Полтавського національного
педагогічного університету імені В. Г. Короленка

604. Григорович Е. Н. «Минувшее проходит предо мною…». – 15 с. [Рукопись].

Архів Науково-дослідної лабораторії А. С. Макаренка
Полтавського педінституту

605. Фере Н. Э. Мое знакомство и работа с А. С. Макаренко. – 10 с. [Фотокопия машинописи].

Архив Центра внешкольной работы имени А. С. Макаренко г. Москвы

606. Ветров И. А. Второе рождение. Записки воспитанника А. С. Макаренко. – 50 с. [Машинопись].

Личный архив семьи Хорунжих (г. Полтава)

607. Родословная семьи Григорович. [Рукопись].

608. Первое заседание педагогического совета Трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. [Фото].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Интервью с И. Д. Токаревым

Представленное здесь интервью с последним в Российской Федерации воспитанником коммуны имени Ф. Э. Дзержинского было организовано с целью выяснения малоизвестных обстоятельств профессионального развития подростков в макаренковских воспитательных учреждениях.

Справка: Иван Демьянович Токарев родился в 1920 году на Сумщине, после «раскулачивания» и высылки родителей стал беспризорным. В коммуну имени Дзержинского попал вместе с другими подростками из Полтавской коммуны имени Постышева и находился в ней с 1934 по 1937 годы. По специальности военный, как офицер-связист воевал на фронтах Великой Отечественной войны, неоднократно награжден. Проживал в Нижнем Новгороде, всю жизнь активно пропагандировал наследие А. С. Макаренко, был последним председателем совета командиров воспитанников А. С. Макаренко. Скончался в 2014 году.

Интервью состоялось в интервале с 26 января по 17 февраля 2011 года с помощью почтовых сервисов Rambler и Mail. Посредником в общении выступал сын И. Д. Токарева, Юрий Иванович. Текст подвергнут незначительной редакторской правке, но сохранены язык и авторские стилистические особенности оригинала.

1. Вопрос. Проводилась ли в коммуне имени Дзержинского целенаправленная проф-ориентационная работа, то есть оказание помощи коммунарам-выпускникам в выборе будущей профессии?

Ответ. Как только я прибыл в коммуну из Полтавы, то вся группа в 50 ч[еловек] была приглашена в Громкий клуб, где А. С. Макаренко рассказал, какие специальности есть на заводе ФЭД и ФД? и дал им краткую хар[актеристи]ку. Потом дали возможность самим пройти по цехам и посмотреть, какой профиль хочет выбрать

коммунар. Я прошёл все цеха обоих заводов, побеседовал с мастерами и выбрал для себя оптический цех, в котором я проработал с 1934 по 1937 годы. И при выходе из коммуны я имел 4-й разряд оптика, т.е. мог выполнить все операции по изготовлению линз объектива от заготовки до конечного продукта.

2. Вопрос. А велись ли какие-либо беседы с коммунарами по поводу их будущей профессии или учебы, когда они уже выпустятся из коммуны?

Ответ. Как таковой целенаправленной беседы о будущем руководство коммуны не вело, т. к. А. С. Макаренко в 1935-м году уже ушёл из коммуны, а Берману на воспитание было наплевать, его интересовало только производство. А я разговаривал о будущем со старшими коммунарами, уже выпустившимися – Зайцев, Ветров, Вася Лобода и др. И по их рекомендации я пошёл в строительный техникум, специальность оптика у меня уже была, и мне хотелось попробовать себя в другой области.

3. Вопрос. Скажите, пожалуйста, в бытность А. С. Макаренко в коммуне поощрялось ли им лично или другими педагогами стремление некоторых коммунаров поступить в вуз? Что Вы об этом знаете?

Ответ. Как пацаны, мы старались держаться подальше от начальства, поэтому лично со мной у А. С. Макаренко разговоров на эту тему не было. А вот наши учителя во время занятий в школе неоднократно (это в основном относится к учителям физики, математики, рус[ского] яз[ыка], англ[ийского] яз[ыка]) говорили о важности той или иной темы и для жизни, и для поступления в вуз.

4. Вопрос. Насколько престижным считалось среди воспитанников продолжать свое образование после выпуска из коммуны? Наблюдалось ли стремление поступить в вуз?

Ответ. Могу сказать только по своей группе: ребята, Михаил Литовка, Борис Княженко, Семён Зайцев, стремились пойти в вуз, а девчата, Аня Красникова, Галя Слуцкая, Зина Носик, не хотели

«сушить мозги» наукой и довольствовались достигнутым – иди рабочим на завод, потом станешь мастером.

5. Вопрос. Знаете ли Вы случаи, когда Антон Семенович обсуждал с кем-либо из воспитанников их будущую профессию после выпуска из коммуны?

Ответ. Нет.

6. Вопрос. В бытность А. С. Макаренко и после ухода его стимулировало ли руководство коммуны повышение воспитанниками своей производственной квалификации?

Ответ. Были отдельные лекции мастеров по повышению производительности труда (своего рода мастер-классы по расширению кругозора, есть крон-стекло, есть флинт-стекло, как оно варится, чем отличается от оконного, какие добавки), а сам А. С. Макаренко этим не занимался.

7. Вопрос. Как Вы считаете, насколько глубоко сам Антон Семенович разбирался в вопросах производства на заводах коммуны?

Ответ. А. С. Макаренко в производстве разбирался, это было понятно по его выступлениям на производственных собраниях – знал иностранные названия станков, для каких операций служили, производительность. Но сам за этими станками не стоял.

8. Вопрос. Насколько высококвалифицированными специалистами были педагоги в коммуне по сравнению со школьными педагогами или преподавателями техникумов того времени?

Ответ. Квалификация педагогов русского и украинского языков коммуны была выше тем, что педагоги (конкретно Пуш[ни]ков Сергей Петрович – р[усский] я[зык] и Магура Евгений Селиверстович – у[краинский] я[зык]) после изучения какого-либо произведения задавали вопросы и задания ученикам описать хар[актеристи]ку действующего лица, его занятия (род занятий – Ю. Т.), возраст, классовую принадлежность и т. д. Поощрялось знание на память текста стихотворения, их эмоциональная декламация. А после изучения про[изведени]я коммунары ездили в театры – русс[кий] оперн[ый] или укр[аинский] оперн[ый] и слушали или «Евгения

Онегина», или «Запорожца за Дунаем», или что-то другое, в зависимости от изучаемого пр[оизведени]я. И тогда эти пр[оизведени]я запоминались надолго. Учитель математики обращал внимание на то, где данный раздел математики находит наибольшее применение, напр. тригонометрия в военном деле. Химия, история, география не отличались по уровню от техникума. Педагоги в коммуне пользовались уважением, дисциплина на уроках в школе коммуны была хорошей.

9. Вопрос. Считалось ли образование, полученное в школе и рабфаке коммуны, более качественным, чем обычное на то время школьное образование?

Ответ. <…> образование, полученное в школе и на рабфаке в коммуне, я оценить не смогу, т. к. в то время обычное школьное образование я не знал. После коммуны я сдавал вступительные экзамены в Харьковский архитектурно-строительный техникум и успешно их сдал.

10. Вопрос. В последний год работы А. С. Макаренко в коммуне встал вопрос о организации там техникума. Был ли техникум открыт и в каком году?

Ответ. Об организации техникума в коммуне я сказать ничего не смогу. Я учился сначала (1934 г.) в школе, а затем (1935 – 1937 г.) на рабфаке.

11. Вопрос. Какую политику проводило руководство коммуны по отношению к выпускникам: старалось оставить их для работы на своих заводах или нацелить на про-должение образования?

Ответ. Из коммуны я ушёл в августе 1937 года, когда коммуной руководил В. С. Берман, и никто из руководства со мной не советовался, как мне быть дальше, а сказали, что я окончил воспитание в коммуне и ухожу в большую жизнь. Мои друзья-коммунары (А. И. Ветров, С. И. Зайцев и др.) спросили, кем я хочу быть, и я сказал, что хочу быть строителем, и они дали адрес архитектурно-строительного техникума, который находился по ул.

Сумская, 40. Я успешно сдал вступительные экзамены и учился там до 1940 года.

12. Вопрос. Правда ли, что каждый коммунар осваивал не одну, а несколько специ-альностей? Каким образом это организовывалось?

Ответ. Я полюбил оптическое производство, и другие специальности меня не интересовали. Таким же образом поступали и мои одноклассники, пришедшие в коммуну в 1934 году (Б. Б. Княженко, М. В. Литовка, Г. К. Геращенко и др.). О старших воспитанниках ничего сказать не могу.

13. Вопрос. Какие профессиональные качества воспитанников наиболее ценились и встречали наибольшее уважение среди коммунаров? Если кто-то не мог достичь совершенства в своей работе на производстве, вызывало ли это негативное общественное мнение?

Ответ. Каждый коммунар ценил и уважал свою профессию, т. к. сам выбирал её на время пребывания в коммуне, и больше всего ценилось качество продукции, т. е. отсутствие брака, т. к. коммуна была на хозрасчёте. Если кто-то из воспитанников коммуны не смог добиться совершенства в своей работе (очень редкие случаи), то ему помогали мастера производства, а если и эта мера не приводила к успеху, то такого коммунара переводили на другую работу в другой цех, и это негативного общественного мнения не вызывало. Могла быть иногда критическая заметка в стенгазетах «Шарошка», «Резец», «Дзержинец». Это называлось – «открыл дверь не в тот цех», или карикатура, как, например, на Ивана Ветрова – двойки держали его за штаны и не пускали в вуз.

14. Вопрос. Вы пишете, что в 1937 году успешно сдали вступительные экзамены в харьковский архитектурно-строительный техникум. Пришлось ли Вам выдержать конкурс при поступлении? Чувствовали ли Вы себя более подготовленным, чем другие абитуриенты? Как вы оцениваете уровень своей школьной подготовки по сравнению с подготовкой других студентов техникума?

Ответ. При поступлении в техникум я о конкурсах ничего не знал. Сдав необходимые документы в учебный отдел, взамен я получил расписание, где и когда будут проходить экзамены. В назначенный день я приходил в класс вместе с другими (мне не известными) абитуриентами и вместе мы писали или диктант, или решали записанные на доске варианты задач по математике или физике, а по готовности сдавали написанное на поверку и уходили готовиться к сдаче следующего экзамена. На другой день после сдачи всех экзаменов на доске объявлений был вывешен список поступивших, номера групп. Вместе со мной экзамены сдал и другой коммунар Вася Чумак (1921 г. рождения). Оценить уровень подготовки выпускников коммуны и обычной школы я не могу, но, по разговорам поступивших, не все поступавшие сдали экзамены.

15. Вопрос. Что, по Вашим наблюдениям, изменилось в коммуне после ухода А. С. Макаренко?

Ответ. После ухода А. С. Макаренко из коммуны радикальных изменений я не увидел – работали заводы, школа, распорядок... Изменилось отношение В. С. Бермана к выпускникам коммуны: уход коммунаров не был торжественным, отменены стипендии учащимся коммунарам в вузах и техникумах.

16. Вопрос. Часто ли после ухода из коммуны А. С. Макаренко посещал ее? Демонстрировало ли руководство коммуны (Берман и другие) каким-то образом свое негативное отношение к Макаренко?

Ответ. После ухода из коммуны А. С. Макаренко [в] 1935 [году] коммуну он часто навещал, иногда его видели на общих собраниях коммунаров, он вёл беседы со старшими коммунарами. Коммунары и пед. коллектив жалели, что А. С. Макаренко ушёл из коммуны. Негативного отношения к А. С. Макаренко со стороны нового руководства мною замечено не было. Мнения партийцев я не знал.

17. Вопрос. Присваивались ли воспитанникам производственные разряды? Какой максимально высокий разряд мог получить воспитанник и какой разряд был самым распространенным среди них?

Ответ. После выхода из коммуны выдавалась справка о присвоении производ-ственного разряда. У меня был 4-й разряд «оптика», а наивысший разряд был 5-й.

More Books!

yes

I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscriptum.com
www.omniscriptum.com

OMNIScriptum